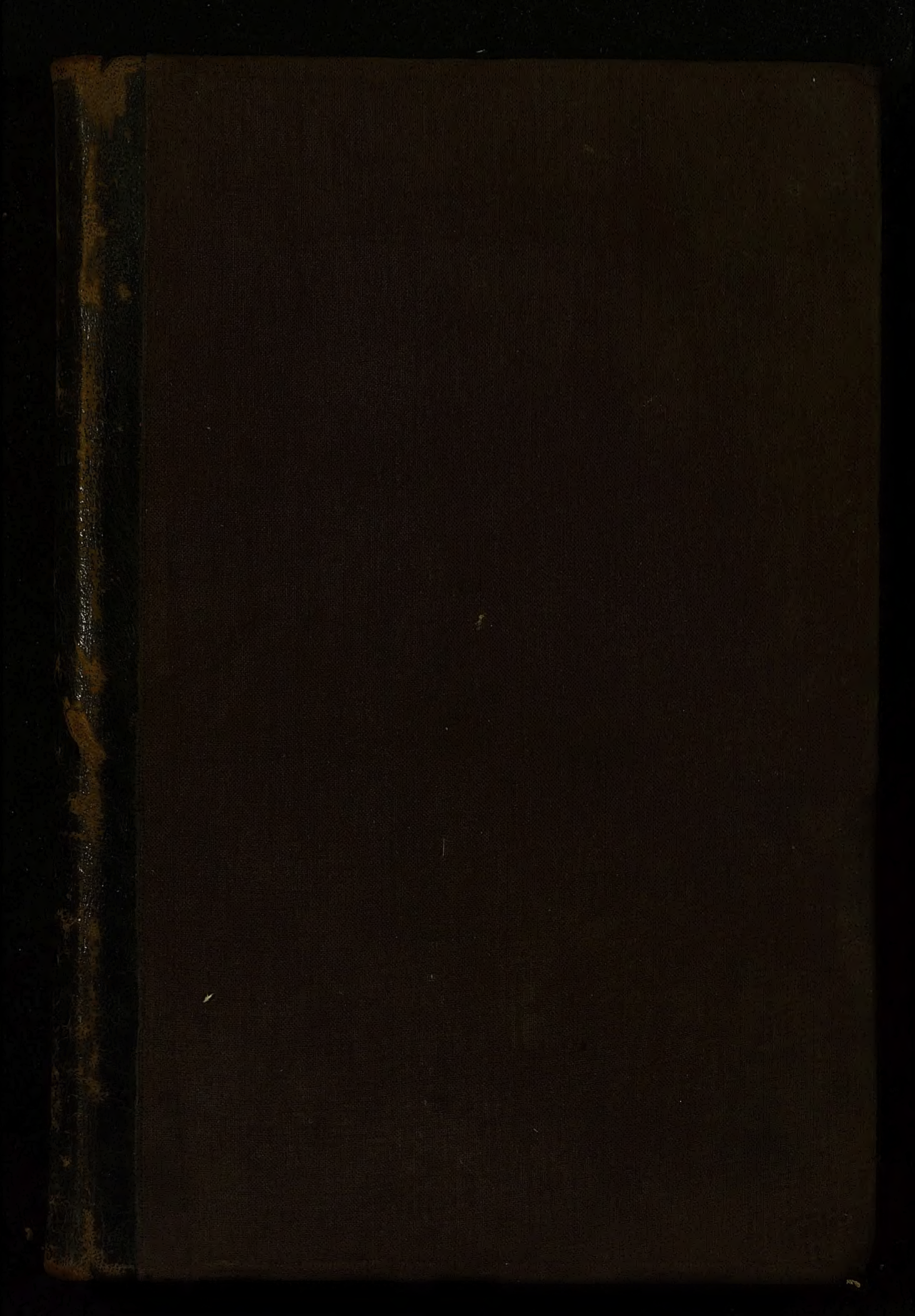

1900 г. № 8.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

ТИПОГРАФІИ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, В. О., 5 лин., д. № 28.

ИЗДАНІЯ,

НАХОДЯЩІЯСЯ НА СКЛАДѢ ВЪ МАГАЗИНѢ *):

К. АННЕНКОВЪ.

Система русскаго гражданскаго права. 2-ое изданіе, пересмотрѣнное и дополненное. Т. II. Права вещныя. Спб. 1900 г. Ц. 4 р. Т. I. Введеніе и общая часть. Спб. Цѣна 4 руб. Т. III. Права обязательственныя. Спб. Ц. 3 руб.
Начала русскаго гражданскаго права. Вып. I-й. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. АРГАМАКОВА.

Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ современномъ воспитаніи. Спб. 1900 г. Цѣна 60 к.
Дѣйствительность, мечты и разсужденія провинціалки. Спб. Ц. 75 к.
Красота, ея значеніе въ жизни людей и общества. Спб. Ц. 50 к.
Къ вопросамъ этики въ современномъ бракѣ. Полоцкъ. Ц. 60 к.

И. ЛЕВИТОВЪ.

Желтая раса. (Тріумфальное шествіе китайцевъ въ Россію. Эмиграція китайскихъ чернорабочихъ (кули) въ Новый Свѣтъ. Что дѣлать? Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

Н. БИЛИБИНЪ.

Алгебра. Для гимназій и реальныхъ училищъ. Составлено по Бертрану и другимъ. Спб. Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к.
Теоретическая ариѳметика. Спб. Ц. 1 р. 50 к.
Элементарная геометрія, для гимназій и реальныхъ училищъ. Составлено по Руше и Комберуссу. Спб. Ц. 2 р.

П. СЕРГѢЕНКО.

Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой. Со многими портретами и рисунками. Москва. Ц. 2 р. 50 к.

---

*) См. выше, въ іюлѣ, № 7.

Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

Исторія Греціи и Рима. (Курсъ систематическій). Примѣнительно къ послѣдней примѣрной программѣ для VIII класса гимназій, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія, съ приложеніемъ хронологической таблицы. 7-е изд., исправленное. Спб. 1899 г. Ц. 1 р.

Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи. Спб. Ц. 1 р.

Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ. Учебн. пособіе для старшихъ классовъ средне-учебн. заведеній. Спб. Ц. 60 к.

Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи Пособіе для учащихся и преподавателей. Изд. 4-е. Т. I. Спб. Ц. 2 р. 50 к. Т. II. Изд. 4-е. Спб. 1900 г. Цѣна 2 руб.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Ч. III. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 25 к.

Значеніе царствованія Людовика XIV и его личности. Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20-го сентября 1885 г. Спб. Ц. 20 к.

В. СЕРГѢЕВИЧЪ.

Русскія юридическія древности. Т. II. Вѣче и князь. Совѣтники князя. Изд. 2-е, съ поправками. Спб. 1900 г. Ц. 3 р.

Лекціи и изслѣдованія по древней исторіи русскаго права. 2-е изд., дополн. Спб. Цѣна 2 р.

М. В. ПИРОЖКОВЪ.

Дополнительныя статьи по алгебрѣ. (Курсъ 7-го и 8-го классовъ гимназій) Пособіе для готовящихся въ высшія техническія учебныя заведенія. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

Ариѳметика ирраціональныхъ чиселъ. Спб. Ц. 1 р. 50 к.

ДВОРЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II.

Ея сотрудники и приближенные. Сто-восемьдесятъ-девять силуэтовъ. Въ 2-хъ томахъ. Цѣна 20 руб.

СПИСОКЪ АВТОРОВЪ, ПОИМЕНОВАННЫХЪ ВЪ № 7 (ІЮЛЬ).

Анненская, А. Н.
Байронъ, Лордъ.
Волынскій, А. Л.
Гельдъ, Адольфъ.
Гражданское Уложеніе.
Дворъ императрицы Екатерины II.
Зангвилль, I.
Зиберъ, Н. И.
Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи.
Костомаровъ, Н.
Леруа-Болье, Анатоль.
Межовъ, В. И.
Острогорскій, А.
Пыпинъ, А. Н.
Сергѣевичъ, В.
Спасовичъ, В. Д.
Тургеневъ, И. С.
Фесенко, Ив. Ос.
Флавій, Іосифъ.
Французъ, К. Э.
Шопенгауэръ, А.
Цертелевъ, Д. Н., князь.
Ядринцевъ, Н. М.

ПО ЗАКОНУ

РОМАНЪ

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

XIV *).

Машѣ Юдаковой было восемь лѣтъ, когда ее привели въ школу въ первый разъ. Она казалась моложе своего возраста, но учительница, бывшая тогда на мѣстѣ Звонарева, предлагая дѣтямъ самые элементарные вопросы, о числѣ пальцевъ на рукѣ, о правой и лѣвой сторонѣ и тому подобные, поразилась отвѣтами ея. Мало-по-малу она съ ней разговорилась. Дѣвочка отвѣчала бойко. Сейчасъ можно было увидать, что родители ея— не простые крестьяне, а люди бывалые. Учительница сразу поняла, что съ нею мучиться не придется, и что дѣвочка скоро будетъ понимать то, чему ее будутъ учить.

Дѣйствительно, Маша училась прекрасно, такъ что учительница ее почти не спрашивала. Вѣчно поднятой ручонкой она какъ бы хотѣла сказать, что все, что проходится, ей хорошо извѣстно. Когда никто не могъ отвѣтить, учительница, наконецъ, обращалась къ ней, и она торжественно разрѣшала вопросъ. Зато она же была первой баловницей въ классѣ, вѣчно вертѣлась, подсказывала. Въ перемѣнахъ дѣвочки маленькой группой собирались отдѣльно отъ мальчиковъ. Среди всѣхъ всегда шумѣла, смѣялась больше всѣхъ Маша. Когда входили въ классъ, она не могла не дернуть—кого за рукавъ, кого за волосы. Впрочемъ, доставалось и ей.

*) См. выше: іюль, 42 стр.

Совсѣмъ не таковъ былъ ея одноклассникъ Сергѣй Ермаковъ. Поступилъ онъ совсѣмъ дикаремъ. Высокій девятилѣтній мальчикъ, онъ при каждомъ словѣ несъ палецъ въ ротъ или носъ. Остричь его стоило большихъ трудовъ. „Смѣяться будутъ“,—говорилъ онъ, заливаясь горючими слезами. Когда всѣ перестриглись, а онъ остался одинъ съ длинными волосами, кто-то изъ старшихъ прозвалъ его Авессаломомъ. Тогда только согласился остричься и Сережа.

Онъ сразу попалъ въ отсталые. Спроситъ его, бывало, учительница—онъ откроетъ ротъ, чтобы отвѣчать, и такъ съ открытымъ ртомъ и останется. Весь классъ хохочетъ, и учительница переходитъ къ другому. Зато онъ былъ крайне внимателенъ, и разъ что̀ узнавалъ и понималъ—уже не забывалъ никогда. Маша была хорошій математикъ, прекрасно все схватывала, но быстро схваченное иногда такъ же быстро испарялось, въ особенности молитвы. Сережа же разъ выученное держалъ въ головѣ крѣпко. Маша писала правильно, но почеркъ былъ торопливый. Сережа выводилъ букву медленно, но штрихъ былъ правильный. Маша въ старшемъ отдѣленіи ни въ одномъ „ѣ“ не ошибалась, зато пропускала буквы, а то и цѣлыя слова. Сережа ошибался по незнанію часто, по невнимательности—никогда. Маша иногда лѣнилась, а затѣмъ въ мѣсяцъ прилежанія догоняла и перегоняла классъ. Сережа сначала былъ послѣднимъ, затѣмъ неослабнымъ стараніемъ понемногу поднимался, въ классѣ нигдѣ не застрѣвалъ и кончилъ хорошо.

Случалось ребятишкамъ обращаться къ Машѣ за помощью. Она охотно показывала, какъ рѣшить задачку, и помогала другимъ, насколько могла. Въ особенности часто обращался къ ней Сережа. Въ младшемъ отдѣленіи онъ самъ себя считалъ тупицей.

— Машка, ты сдѣлала задачу?—спрашивалъ онъ.

— А что? ты не можешь?

— Не могу! Покажи.

— Ну, иди. Слухай. Бери доску.

Въ двѣ минуты задача была объяснена, но Сережа не понималъ. Тогда болѣе терпѣливая въ качествѣ учительницы, нежели ученицы, она объясняла задачу еще, подкрѣпляя примѣрами, поясняя, какъ могла. Обращенія къ ней Сережи дѣлались все чаще и чаще; впослѣдствіи она самого его стала спрашивать, какъ онъ выучилъ урокъ, и смотрѣла его тетрадки. Когда онъ сталъ понемногу исправляться, она радовалась его успѣхамъ. Спроситъ, бывало, учительница:—Какъ это ты, Ермаковъ,

догадался?—Сережа, лгать не умѣвшій, показывалъ на Юдакову пальцемъ.

— Она показала.

И Маша гордилась своимъ ученикомъ.

Разъ, зимой,—они были въ среднемъ отдѣленіи,—какой-то мальчишка бросилъ снѣжкомъ въ Машу. Маша разозлилась и его ударила; мальчишка накинулся на нее и избилъ до крови. Увидалъ кровь Сережа и спросилъ ее, кто ее побилъ. Маша сказала. Тогда Сережа, не говоря ни слова, подошелъ къ обидчику и такъ его исколотилъ, что тотъ жаловался. Учитель (въ то время уже былъ Звонаревъ) оправдалъ Сережу тѣмъ, что онъ заступился за слабую.

Всѣ и прежде знали, что Сережа силенъ, но не боялись его, такъ какъ онъ никогда не дрался; послѣ этого стали относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Въ старшемъ отдѣленіи, Сережу, сѣвшаго рядомъ съ Машей, хотѣли посадить, какъ благонравнаго мальчика, на заднюю парту, но онъ выпросилъ у Ивана Тимоѳеевича позволенія сидѣть рядомъ съ Машей. Учитель согласился. Благодаря крайнему трудолюбію, Сережа все меньше и меньше нуждался въ ея помощи. Тѣмъ не менѣе, у нихъ уже вошло въ привычку, у нея—спрашивать его, какъ онъ приготовилъ урокъ, у него—провѣрять съ ней свою работу, даже когда она была составлена правильно. Такъ шло у нихъ до конца ученья. Маша руководила имъ, и ученикъ ея радовался, когда она была довольна имъ. Зато въ обиду онъ ее не давалъ. Хотя съ годами она стала держать себя гораздо тише, чѣмъ вначалѣ, тѣмъ не менѣе у нея часто бывали ссоры то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ. Горе бывало тому, кто ее обидитъ и доведетъ до слезъ. Сережа сейчасъ же наказывалъ обидчика: это, впрочемъ, единственный случай бывалъ, когда онъ дрался. Самъ онъ никого не задиралъ и хладнокровно переносилъ насмѣшки и даже обиды.

Неудивительно, что его прозвали Машинымъ „женихомъ". Ему ли говорили, если Маша, по болѣзни или непогодѣ, не приходила въ классъ: „Ну, что твоя невѣста?"—ее ли дразнили женихомъ, когда онъ за нее заступался—они не обижались. А она, бывало, засмѣется: „Ну, что-жъ, женихъ, такъ женихъ. Вамъ чего надо?"

Дружба ихъ не ограничивалась школой; когда былъ праздникъ, они вмѣстѣ подолгу бывали на улицѣ—этомъ деревенскомъ клубѣ. По обыкновенію они были вмѣстѣ и толковали

про ученье, про товарищей, про учителей. Разъ только—ему было тринадцать лѣтъ, ей одиннадцать—онъ ее спросилъ:

— Машка, хочешь за меня замужъ идти?

— А то нешто не пойду?—и разсмѣялась.

— Да, ты богатая, работать не станешь!

— Ну, небось, не барыня! Руки не отвалятся.

— Такъ пойдешь?

— Вѣрно слово—пойду.

На этомъ ихъ объясненіе въ любви кончилось. Они продолжали относиться другъ къ другу попрежнему, какъ будто и не говорили о бракѣ: онъ приносилъ ей на улицу подсолнуховъ. Въ школу онъ бралъ съ собой къ завтраку только черный хлѣбъ; она приносила и „пирожка“ [1]), и лепешечку, и огурцовъ, и яблокъ; все это ей давалось запасливой Блохой. Она братски дѣлилась съ Сережей.

Блоха, какъ бывшая дворовая, понёвъ не носила, а ходила по-нѣмецки. Если вздумаетъ такъ ходить простая деревенская баба, то ивановскія женщины ее просмѣютъ: вѣдь ужасно стыдно ходить въ юбкахъ! Дворовымъ же это прощалось. Естественно, что по-нѣмецки водила она и своихъ дочерей: Любаша и не заикалась никогда ходить иначе. Когда она пошла къ Ермошкинымъ, нѣмецкаго костюма ей опять снимать не пришлось.

Машѣ сначала тоже сарафановъ не шили. Въ одинъ прекрасный день—это было скоро послѣ разговора съ Сергѣемъ о свадьбѣ—она пристала къ матери:

— Сшей мнѣ, мамушка, сарафанъ.

Блоха сшила ей шерстяной сарафанъ, думая, что это такъ, фантазія.

Когда ей опять пришлось шить одёжу, Маша опять стала просить сарафанъ.

— Да что ты, дурочка, сарафанъ, да сарафанъ! Вѣдь въ кофточкахъ лучше.

— Мамушка, дорогая, сшей сарафанъ лучше! Подруги мои ходятъ въ сарафанахъ.

Пришлось водить ее въ сарафанахъ. Евтѣй Евтѣичъ удивился, но не протестовалъ. Сѣялъ онъ иногда много хлѣба, но, какъ бывшій дворовый, и притомъ богачъ, самъ съ женой въ полѣ не работалъ, а держалъ работниковъ; на бабьи же работы нанималъ деревенскихъ. Лѣтомъ, послѣ переодѣванья въ сарафаны, Маша стала ходить работать сперва на огородѣ. Блоха

[1]) Черный же хлѣбъ изъ просѣянной муки.

только удивлялась. Когда же пошли въ поле сажать картофель, Маша стала проситься и въ поле съ поденными. Сначала мать ее не пускала: она цѣлый день тосковала и плакала, такъ что за ужиномъ самъ Евтѣй Евтѣичъ спросилъ, въ чемъ дѣло. Жена ему сказала, а Маша пуще прежняго принялась плакать.

— Ну, пусти ее, коль хочетъ,—сказалъ отецъ.—Пускай работаетъ; плохого въ этомъ нѣтъ.

Съ этого времени Машу нельзя было удержать дома, когда шла работа бабья въ полѣ. Полоть, вязать, даже возить снопы вздумала. Возьметъ съ собой и обѣдъ, и завтракъ, и воды, работаетъ до устали, а сама пѣсни поетъ, здоровёхонька, загорѣлая. И въ это лѣто она выросла чуть не на четверть. Подруги диву давались.

— Кабы намъ да Машкино житье—пошли бы мы въ поле! —говорили онѣ.

— Да что ты, Машка, аль очумѣла?! Мать-то твоя отродясь не вязала. А ты съ утра до ночи на этой работѣ!

Маша посмѣивалась. Разъ на улицѣ встрѣтила она Сережу.

— Ну, что, Ермаковъ,—она звала его такъ по-школьному:—хорошо я работаю?

— А замужъ за меня пойдешь?

— А то нешто?!

И разговоръ ихъ кончился. Осенью они перешли въ старшее отдѣленіе второго класса.

Когда, послѣ окончанія курса, Маша и Сергѣй стали ходить къ „молодому доктору“, они видѣлись почти каждый день и притомъ подолгу. Только самая неотложная работа иногда задерживала Сергѣя дома; Маша же въ поле уже не стремилась.

Она убѣдилась сама, а Сергѣю показала, что работать можетъ, и этого ей было довольно: она съ жадностью посѣщала бесѣды Николая Анатольевича. Черезъ недѣли двѣ, дѣти освоились съ молодымъ наставникомъ, какъ съ роднымъ. Учитель Архангельскій изрѣдка сопровождалъ ихъ; Звонаревъ тоже заинтересовался новымъ дѣломъ; докторъ, по праздникамъ, приходилъ часа на два, всѣ они тоже, какъ будто, молодѣли съ ними и никогда не нарушали заведеннаго порядка. Принужденія не было никакого; всякій могъ задавать какіе угодно вопросы. Игры, пѣніе, катанье на лодкѣ,—которую держали на случай весенняго разлива и которую Изюмовъ выпросилъ у старосты,—чередовались. День проходилъ за днемъ. Ни дѣти, ни учитель, не замѣтили, какъ послѣднему пришлось со слезами съ ними проститься, чтобы браться за Ѳукидида и Горація.

Эти два мѣсяца очень сблизили дѣтей: Маша, Настя, Сережа и другіе почувствовали, когда уѣхалъ Изюмовъ, что у нихъ что-то порвалось. Въ особенности сблизились Маша и Сергѣй. Давнишняя дружба ихъ оставалась такою же чистою, какъ и была. Какъ ни патріархально просты и свободны были ихъ отношенія, какъ и вообще у крестьянъ, какъ ни велика откровенность крестьянской жизни—дружба переходила постепенно въ любовь, не теряя прелести дружеской чистоты.

Правда, они говорили про свадьбу, но говорили такъ же просто, какъ говорили бы про совмѣстное житье въ одномъ домѣ братъ и сестра.

XV.

Школа была пройдена, экзаменъ сданъ: встрѣчи дѣтей стали гораздо рѣже. Правда, они искали случая видѣться, но этотъ случай очень рѣдко встрѣчался. При замкнутой зимней жизни, въ будни имъ видѣться почти никогда не приходилось; зато въ праздники на улицѣ они были неразлучны. Лѣтомъ же Маша снова взялась за полевыя работы, такъ какъ родители, въ виду ея возраста, окончательно запретили ей ходить на бесѣды Изюмова, вернувшагося изъ города съ аттестатомъ зрѣлости. Надо было и Сергѣю работать. Поэтому Изюмову пришлось набрать новыхъ учениковъ изъ вновь окончившихъ старо-ивановскую школу.

— Говорятъ, за Антона Сундука сосватали,—говорилъ разъ, слѣдующею осенью, Сергѣй Машѣ.

— Ну, такъ что жъ?

— Да вѣдь онъ мнѣ ровесникъ; на мѣсяцъ моложе меня еще.

— Мнѣ-то что до этого? Богъ съ нимъ.

— А, ну, какъ тебя просватаютъ?

— Да!.. ты вотъ что. Я тебѣ ужъ говорила, что ни за кого другого, кромѣ тебя, не пойду.

— Вѣрно слово?

— Вѣрно слово!

— Такъ мнѣ не свататься еще?

— Я тебѣ сама скажу, когда что нужно будетъ дѣлать.

Между тѣмъ время шло, и Сергѣй съ Машей достигли того возраста, когда въ крестьянскомъ быту родители ихъ помышляютъ о свадьбѣ. Естественно, что ихъ частыя свиданія привлекли вниманіе всѣхъ любопытныхъ въ деревнѣ. А кто въ деревнѣ не

любопытенъ? Надъ „женихомъ и невѣстой“ стали смѣяться. Эти разговоры и насмѣшки не могли не дойти до Блохи.

Разъ—дѣло было великимъ постомъ—Маша, вышедши съ матерью изъ церкви, побѣжала впередъ ея; до дому проводилъ ее Сергѣй.

Вернувшись домой, Блоха подозвала ее къ себѣ.

— Слышь, дочка!—сказала она.—Про тебя много что-то болтать стали.

— А что, мамушка?

— Говорятъ, ты и на улицѣ вѣчно съ Сережей, да и такъ все съ нимъ да съ нимъ. Народъ смѣется. Ты ужъ не маленькая.

— Да что-жъ, что не маленькая? Мы вмѣстѣ учились. Кабы что дурное; а мы съ нимъ ничего.

— Знаю, знаю—ничего! А какъ бы не вышло чего! Тебя пора просватывать. Я и то голову ломаю, какого для тебя малаго придумать, а ты вотъ что—съ Сережкой играешь. Хорошій женихъ не возьметъ.

— А Серёга чѣмъ не малый?

— Я тѣ про жениховъ настоящихъ толкую, а ты про Сережку!

— Да Серёга-то почему не женихъ?

— Оболдѣла ты что-ль? Нешто онъ тебѣ пара? Да тебя приказчикъ возьметъ, а то и самъ лавочникъ. А она—Серёга!

— Мамушка, родная!—и Маша бросилась цѣловать мать:—я тебѣ, знаешь, что скажу? Кромѣ Серёги, я ни за кого не пойду! Работать въ полѣ я умѣю.

— Ахъ, ты, негодная дѣвчонка! Да ты въ умѣ что-ль? Да знаешь ли ты, дурочка этакая, что Иванъ Митричъ чуть не нищій; у насъ гдѣ-то его росписка третій годъ валяется. Тебя, да выдать въ курную избу! Да знаешь ли ты, что отецъ и слышать не захочетъ? Да и я не отдамъ!

— Ну, такъ я въ дѣвкахъ останусь, въ монастырь пойду!

— Машка, брось блажь, я вѣдь отцу скажу.

— Ну, такъ что жъ? Я сама ему скажу. Либо Серёга, либо монастырь!

На этомъ дѣло и стало. Убѣдить Машу Блохѣ не удалось. Въ слѣдующее воскресенье мать стала слѣдить за дочерью, и опять оказалось, что она—съ Серёгой. Тогда она порѣшила сказать про все мужу. Выбравъ удобную минуту, она къ нему подсѣла:

— Знаешь что? Не подумалъ ли ты о Машѣ? Вѣдь ей шестнадцатый годъ идетъ?

— Думалъ, какъ не думалъ. И люди говорятъ: не вѣкъ ей болтаться, да съ какими-то малыми деревенскими играть.

— А что? Ты нешто что слышалъ?

— Да всѣ смѣются: она съ какимъ-то мальчишкой все на улицѣ бѣгаетъ.

— Вотъ то-то и дѣло. Я давно хотѣла сказать тебѣ. Я съ ней говорила, что пора, молъ, тебя просватывать. Она и слушать не хочетъ: „пойду за Сережку Ермакова“—знаешь, Митрича сынъ, что намъ долженъ?—„или въ монастырь; а за другого жениха не пойду, будь онъ разбогатый“. Я ее и такъ, и сякъ—такъ и слухать не хотѣла.

— Ха, ха, ха... Сейчасъ видно, что ты дура. Дѣвчонка блажитъ, а ты уши развѣсила. Я ей жениха найду.

Вечеромъ, за ужиномъ, Евтѣй Евтѣичъ, строго посмотрѣвъ на Машу, сказалъ:

— Вотъ что, Машка, готовься замужъ идти; тебя пора просватать.

— Я замужъ не пойду, батюшка, за твоего жениха.

— А... такъ это правда, что твоя мать мнѣ сказала? Ты вздумала жениховъ себѣ находить, да нищихъ! Аль я Митричу пара? Чтобы я да сталъ съ Митричемъ гулять! Да чтобы моя дочь въ курной избѣ жила, да въ лаптяхъ ходила! Завтра же я тебѣ ищу жениха. А твоего жениха, да и отца его я...

Евтѣй Евтѣичъ не договорилъ; только сдѣлалъ жестъ рукой, какъ будто онъ ихъ въ кулакъ сжимаетъ.

— Хорошъ сватокъ—Митричъ! Ну, распотѣшила ты, Машка. Коли я еще про это услышу—такъ берегись. Больше мнѣ говорить нечего.

Маша не очень огорчилась разговоромъ съ отцомъ: она его предвидѣла. Съ другой стороны, она знала, что будетъ имѣть, въ концѣ концовъ, союзника въ матери. Стоило ей крѣпче стоять на своемъ. Выбравъ удобную минуту, она встрѣтилась съ Сергѣемъ.

— Я сказала батюшкѣ и мамушкѣ, что либо за тебя пойду, либо въ монашки.

— Ну, что жъ они?

— Знамо дѣло! Ни за что, говорятъ, не отдадимъ за бѣднаго. Батюшка сулился жениха найти и велѣлъ выкинуть дурь изъ головы.

— Значитъ, значитъ... ты за меня не пойдешь!—при этомъ Сергѣй поблѣднѣлъ.

— Значитъ, что ты—дуракъ. А я за тебя пойду. И отецъ, и мать отдадутъ. Слышь?

— И это вѣрно?

— Вѣрно; невѣрно я ничего не говорю; къ осени готовься къ свадьбѣ!

— Маша, голубка...

Больше ничего не нашелъ сказать Сергѣй и протянулъ руку, чтобы обнять ее.

— А ты говори что хошь, а рукамъ воли не давай!— смѣясь, сказала Маша и убѣжала.

За Машей стали слѣдить: ужъ нельзя было открыто проводить вечера на улицѣ съ выбраннымъ ею женихомъ. Тѣмъ не менѣе они часто ухитрялись видѣться; Сергѣй сошелся съ лучшей подругой Маши, Анюткой, и черезъ нее они назначали свиданья, гдѣ-нибудь внизу у рѣки, или въ полѣ, куда Маша устремилась съ открытіемъ весны. Мать ея часто узнавала про эти свиданья, но молчала, чтобы не разсердить еще болѣе Евтѣя Евтѣича.

Разъ онъ явился домой съ базара навеселѣ съ однимъ изъ жившихъ въ Старой-Ивановкѣ богачей-мѣщанъ: онъ снялъ на двѣнадцать лѣтъ нѣсколько хорошихъ огородовъ, скупилъ много навозу, десятками лѣтъ накоплявшагося у крестьянъ въ валахъ, служившихъ изгородью, и занялся культурой табаку. Ему повезло,—табакъ былъ въ цѣнѣ, и онъ разбогатѣлъ.

Евтѣй Евтѣичъ объявилъ женѣ, что, молъ, сватъ пріѣхалъ свататься. Блоха не безъ боязни приняла гостя, угостила, какъ можно лучше, и выразила сожалѣніе, что Маша въ полѣ: „ушла на полку проса посмотрѣть за поденными",—сказала она.

Сватья еще больше выпили, такъ что хозяинъ вовсе захмелѣлъ, и, не дождавшись Маши, заснулъ. Сватъ уѣхалъ. На слѣдующій день Маша объявила матери опять, что этотъ женихъ ей не любъ и что за него не пойдетъ.—„Что хотите дѣлайте, либо Сергѣй, либо монастырь!"—говорила она. Сама же побѣжала къ свату. Явилась она къ нему въ крестьянской простой одёжѣ, съ запачканными въ землѣ руками, и объявила, при женихѣ, что считаетъ его хорошимъ человѣкомъ, но замужъ за него не пойдетъ: ей, молъ, любъ другой. Жениху и жаль было отказаться отъ такой невѣсты, но они сообразили, что насильно брать толку не будетъ, и сватъ опять отправился къ Евтѣю Евтѣичу на этотъ разъ съ отказомъ.

Евтѣй Евтѣичъ при немъ сдержался, пожалѣлъ, что дѣло разстроилось, но, по уходѣ его, разсвирѣпѣлъ до того, что по-

звалъ Машу, схватилъ возжи и хотѣлъ ее бить. Ударилъ онъ ее только разъ, потому что жена и младшій сынъ, Аѳонька, его со слезами упросили пожалѣть ее.

— Ни въ жизть не соглашусь,—говорилъ онъ,—отдать ее за нищаго. Ко мнѣ на свадьбу всѣ пріѣдутъ: и духовенство, и акушерка, и управляющій Ардальоновой—всѣ. А къ нищему Митричу кто поѣдетъ? Никто! Не хочу я этакого сраму изъ за дуры-дѣвчонки.

Другихъ доводовъ у него не было. Тѣмъ не менѣе вышелъ строгій приказъ: Машку запереть въ горницу и не выпускать. „Коли окажется, что она вышла—исколочу, да и всѣмъ достанется". Весь августъ Маша просидѣла дома. Съ Сергѣемъ не видалась, и только черезъ Анютку, да иногда черезъ Любашу, исторія которой съ Александромъ Степановичемъ только-что раскрылась, переписывалась съ Сергѣемъ. Духомъ она не падала и его уговаривала ждать терпѣливо. Блоха поняла, что шутки съ нею плохія, и что не та дѣвка, чтобы ее уломать. Она перешла на ея сторону.

Евтѣй Евтѣичъ, не любившій говорить про исторію Любаши, на Машу жаловался встрѣчному и поперечному. Большинство совѣтовало не уступать. Ардальонова, съ которой тоже пришлось объ этомъ говорить, сказала: „Ну, если дѣти старшихъ слушать не будутъ—это послѣднее дѣло! Да ты построже, Евтѣй Евтѣичъ, знаешь, какъ по-старинному". Другіе же, наоборотъ, совѣтовали ему не насиловать ея. Въ особенности сестра его и зять-мельникъ—уговаривали выдать за Сергѣя. Николай Анатольевичъ, гуляя, заходилъ къ нему и, какъ бы впервые услыхавъ про это, началъ хвалить Сергѣя, и притворился удивленнымъ, что Евтѣй Евтѣичъ не соглашается на этотъ бракъ. Вѣдь Машѣ жить съ нимъ, а не ему.

Евтѣй Евтѣичъ началъ колебаться. Блоха, открыто перешедшая на сторону дочери, пугала его скандалами послѣ свадьбы, если выдать насильно ее. Окончательно убѣдилъ его старый діаконъ. Онъ ему при всѣхъ сказалъ:

— А ты, Евтѣй Евтѣичъ, съ чего началъ? Ты самъ наживалъ, и онъ пускай наживаетъ. А съ Митричемъ гулять—что за бѣда? Я первый на свадьбу приду, коли позовутъ.

Наконецъ, Евтѣй Евтѣичъ согласился. Митричъ сватомъ подсылалъ діакона. Тѣмъ не менѣе Евтѣй Евтѣичъ отъ нѣкотораго чувства брезгливости отрѣшиться не могъ и, въ первый день гулянья, уѣхалъ въ городъ.

По случаю голоднаго года и отказа Евтѣя Евтѣича хоть

копѣйку дать на свадьбу, ее пришлось отложить на годъ. Маша свободно видѣлась съ своимъ женихомъ. Изюмовъ выпросилъ у дяди двадцать рублей и купилъ Сергѣю сапоги и суконную поддёвку.

XVI.

Въ сентябрѣ 1891 года, всѣ помѣщики, священники, купцы, а также выдающіеся крестьяне и нѣкоторыя лица изъ мѣстной интеллигенціи третьяго земскаго участка въ уѣздѣ, получили приглашеніе отъ земскаго начальника собраться въ старо-ивановское правленіе, на засѣданіе вновь организуемаго благотворительнаго комитета для пособія нуждающимся вслѣдствіе неурожая.

Домикъ земскаго начальника былъ слишкомъ малъ, чтобы вмѣстить всѣхъ приглашенныхъ, а потому для собранія онъ выбралъ старо-ивановское волостное правленіе, какъ самое большое и при томъ центральное.

Къ одиннадцати часамъ собралось человѣкъ десять полукупцовъ, полу-крестьянъ, столько же священниковъ, три учителя, докторъ Ѳедосѣенко, два мелкихъ помѣщика и Нина Николаевна съ Лизой.

Когда Ардальонова собиралась ѣхать, Лиза выразила желаніе ей сопутствовать. Ардальонова удивилась и ссылалась на то, что Лиза не приглашена; но, узнавъ, что ея сынъ обѣщалъ ежемѣсячно Лизѣ по пятидесяти рублей на бѣдныхъ, и что за сентябрь деньги уже получены—согласилась.

Земскій начальникъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто; Ардальонова съ Лизой—направо отъ него; остальные размѣстились какъ попало. Крестьяне стояли у дверей, но, услыхавъ приказъ: „Ну, такъ и быть, садитесь и вы!“—сѣли всѣ рядомъ на скамейкѣ. Земскій начальникъ объяснилъ, что будетъ помощь отъ казны черезъ земство, но что для самыхъ бѣдныхъ организованъ этотъ комитетъ, причемъ предложилъ членамъ комитета раздѣлить земскій участокъ на части, гдѣ помощь оказывалась бы отдѣльными членами комитета.

— Вотъ вы, Ѳедоръ Ивановичъ, организуете комитетъ,—говорила Нина Николаевна,—а я убѣждена, что эти деньги не только брошены на вѣтеръ, но и прямо вредны. Вѣдь мужики работать не будутъ. Я собственно пріѣхала заявить, что староивановскіе крестьяне въ помощи не нуждаются, потому что у

меня работы сколько угодно; я и впередъ дамъ подъ разныя работы.

— Мнѣ кажется,—говорилъ земскій начальникъ,—что намъ остается благодарить Нину Николаевну за то, что она такое большое село берется прокормить, не требуя помощи ни отъ земства, ни отъ комитета.

Сказавъ это, земскій начальникъ, убѣжденный, что возраженій быть не можетъ, приготовился встать и положилъ руки на столъ, изобразивъ птицу, расправляющую крылья, чтобы вспорхнуть. Неожиданно вмѣшался Ѳедосѣенко. Предсѣдатель подобралъ крылья и сталъ его слушать.

— Я бы предварительно хотѣлъ спросить Нину Николаевну, —говорилъ докторъ:—сколько въ годъ она тратитъ на полевыя работы вмѣстѣ съ молотьбой и прочей работой, которую могутъ исполнить ивановскіе крестьяне.

Нина Николаевна подумала и скоро отвѣтила:

— Да тысячъ десять, не меньше.

— Хорошо-съ. А на сколько лѣтъ впередъ вы можете ихъ нанять?

— Ну, хоть на два года.

— Отлично-съ. А вы будете имъ платить за два года впередъ по той же цѣнѣ, по какой и прежде платили, или по болѣе дешевой?

— Конечно, буду платить подешевле. Вѣдь деньги мои мнѣ проценты приносятъ, да и съ мужиками нашими третья часть пропадетъ: народъ избаловался, работать не хочетъ. Иди, судись съ ними!

— Такъ-съ. Стало быть, вы намѣрены имъ раздать тысячъ пятнадцать?

Ардальонова кивнула головой. Докторъ обратился къ земскому начальнику:

— А сколько жителей обоего пола въ Старой-Ивановкѣ?

Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлалъ знакъ волостному писарю, стоявшему у двери:—Сколько, Злобинъ? ты долженъ знать.

— Около четырехъ съ половиной тысячъ, ваше высокоблагородіе.

— Ну, такъ изволите ли видѣть?—продолжалъ докторъ.— На жителя придется по три рубля тридцати-три копѣекъ. А я попрошу мнѣ сказать, на сколько мѣсяцевъ не хватитъ хлѣба?

Всѣ члены комитета согласились, что такъ какъ едва собраны сѣмена, то, если не считать запасовъ,—на весь годъ.

— Послѣдній вопросъ: почемъ пудъ муки?

— Вчера на базарѣ мука была рубль тридцать-пять.

— Ну, такъ изволите ли видѣть, на деньги, ассигнованныя Ниной Николаевной, можно будетъ купить по два пуда съ половиной на ѣдока. А такъ какъ кромѣ ржи они ничего ѣсть не будутъ, — ни картофель, ни просо не родились,—то на ѣдока потребно, минимумъ, восемнадцать пудовъ въ годъ. Такъ какъ же не нужно будетъ ни земской, ни комитетской помощи! Нѣтъ-съ, господа, и ивановскіе крестьяне нуждаются и въ той, и въ другой. Пускай Нина Николаевна дѣлаетъ свое дѣло, а мы будемъ дѣлать свое дѣло. А вдовы, сироты, безпомощные старики? Имъ тоже брать подъ работу?

— Имъ будетъ помощь. Мой сынъ изъ своего студенческаго содержанія даетъ на бѣдныхъ по пятидесяти рублей. Вотъ, Ѳедоръ Ивановичъ, позвольте васъ познакомить съ Елизаветой Николаевной Прытковой. Ей мой сынъ поручилъ эти деньги.

Ѳедоръ Ивановичъ и Елизавета Николаевна протянули другъ другу руку.

— Шестьсотъ рублей,—горячился докторъ,—т.-е. 450 пудовъ на бѣдныхъ Старой-Ивановки! Да неужели вы не видите, что это—капля въ морѣ? Спасибо, спасибо великое Михаилу Степановичу и Елизаветѣ Николаевнѣ. Но вѣдь это примѣръ для подражанія, а не поводъ къ тому, чтобы намъ руки сложить и ничего не дѣлать.

Отецъ Семенъ взялся всѣхъ примирить.

— Несомнительно, что Господу Богу угодно было посѣтить и старо-ивановцевъ, и да не оскудѣетъ рука дающаго. Но велики и щедроты именитой Нины Николаевны. Возблагодаримъ и ее.

Проговоривъ это, отецъ Семенъ сѣлъ. Всѣ приподнялись въ знакъ благодарности.

— Больше мнѣ тутъ дѣлать нечего, — проговорила Нина Николаевна и, кое-кому подавъ руку, кое-кому кивнувъ головой, уѣхала. Лиза осталась.

Послѣ этого инцидента, дѣла комитета пошли скоро. Распредѣлили участокъ. Кто взялся устроить столовую, кто—провѣрять нужду, кто—вовсе отказывался отъ дѣятельной работы, за неимѣніемъ времени. Для Старой-Ивановки съ двумя близлежащими деревнями организованъ былъ мѣстный комитетъ изъ Елизаветы Николаевны, доктора и двухъ мѣстныхъ священниковъ. Всѣмъ, кромѣ того, даны были листы для сбора пожертвованій.

Когда населеніе узнало о комитетѣ, кинулись за помощью

бѣдняки, затѣмъ середка, затѣмъ и вовсе состоятельные. Лиза, докторъ и о. Семенъ записывали приходящихъ съ тѣмъ, чтобы послѣ провѣрять степень нужды. Отецъ же Петръ всѣмъ выдавалъ свидѣтельства о бѣдности, чтобы никого не обидѣть. Пожертвованія шли туго; еслибы не крайне строго относиться къ каждому случаю, то не хватило бы средствъ и на недѣлю. Рѣшили кормить самыхъ безпомощныхъ въ столовыхъ. Сначала открыли одну, потомъ другую, затѣмъ третью. Елизавета Николаевна была неутомима. Когда Ардальонова смотрѣла косо на ея вѣчныя отлучки, она наивно возражала:

— А какъ же мнѣ быть съ деньгами Михаила Степановича?

Имя сына мгновенно успокаивало Ардальонову.

XVII.

Весной, какъ и въ прошлый годъ, Михаилъ Степановичъ пріѣхалъ, не предупредивъ никого; поздоровавшись съ матерью, онъ прежде всего спросилъ о Лизѣ.

— Ну, что Елизавета Николаевна? Небось все съ голодающими возится. У насъ въ Петербургѣ другого разговору нѣтъ,— даже надоѣло.

— Да, ты ее мнѣ совсѣмъ испортилъ своими пятьюдесятью рублями; я ея дома не вижу. А! Да вотъ и она.

Дѣйствительно, Лиза, услыхавъ про пріѣздъ Михаила Степановича, поторопилась прибѣжать на террасу, гдѣ они сидѣли.

— Елизавета Николаевна! Какъ я радъ васъ видѣть! О! Да вы похорошѣли,—а я думалъ, что вы тутъ всѣ съ голоду помираете.

— Не смѣйтесь, Михаилъ Степановичъ; умирать-то не умирали, а и жизнь-то многимъ не на радость.

— Ну, ужъ вы навѣрное преувеличиваете. Земство чуть всѣмъ поголовно не выдаетъ пособіе, а тутъ разные комитеты, благотворители...

— Не говори, Миша!—вмѣшалась Нина Николаевна:—народъ весь развратили. Работать не хотятъ. Сегодня повѣщала бабамъ по пятнадцати копѣекъ на полку—не идутъ.

— Да вѣдь вамъ же говорили, Нина Николаевна, что у нихъ свои проса страшно заросли. Я имъ говорила, а они отвѣчаютъ, что не давать же имъ погибать просу своему изъ-за пятнадцати копѣекъ.

— Кабы были голодные,—успѣли бы выполоть и свои, и мои; теперь ночи лунныя: могли бы ночью работать.

— Ну, что ты, мама, говоришь? вѣдь и такъ онѣ на поденной бываютъ съ четырехъ часовъ утра до восьми вечера, не разгибаясь. Когда же имъ отдыхать?

— Вижу, вижу, ты тоже сталъ либеральничать.

— Ха, ха, ха!.. Мамочка, ужъ на этомъ ты меня не поймаешь; я вѣдь не изъ филантропіи такъ говорю, а тѣмъ менѣе изъ либеральничанья. А правда должна остаться правдой.

— Михаилъ Степановичъ, —вмѣшалась Лиза:—хотите посмотрѣть столовую, которая содержится на ваши средства?

— Какже, какже не хотѣть. Я все осмотрю: хочется воочію убѣдиться въ голодѣ. Это очень любопытно.

— Ну, такъ пойдемте.

— Какъ пойдемте? развѣ вы пѣшкомъ ходите?

— Конечно, тутъ недалеко. Да и идти селомъ все время— не замѣтишь разстоянія.

Лиза немного покривила совѣстью. Въ дѣйствительности было не близко и довольно утомительно, но она замѣтила, что Нина Николаевна косится, когда она беретъ лошадь, и потому прибѣгала къ этому только въ крайности, когда погода не позволяла идти пѣшкомъ.

— Ахъ, нѣтъ, Миша, я тебя сегодня не пущу. Съ дороги надо отдохнуть. Сегодня ты мой!—прибавила Ардальонова, гладя его по головѣ.—А экзамены хорошо прошли?

— Очень; одну четверку получилъ. Остальныя всѣ пятерки. Я хочу у васъ хорошенько отдохнуть. До 15-го сентября я свободенъ.

На другой день Михаилъ Степановичъ съ Лизой посѣтили столовую: дѣти и нѣсколько стариковъ обѣдали и благодарили Михаила Степановича. У дверей стояла кучка народу съ дѣтьми и осыпала Елизавету Николаевну заявленіями о своей нуждѣ.

— Ну, что же вы съ этими дѣлаете? — спросилъ Ардальоновъ.

— Провѣряемъ ихъ нужду. Большинству уже отказано. Хотите, поѣдемте сейчасъ къ нимъ?

— Съ удовольствіемъ. Я для этого и поѣхалъ.

Заѣхали сначала къ бабѣ, которая больше всего плакалась на свою судьбу въ столовой. Правда, при одномъ работникѣ были двѣ женщины, да трое дѣтей. Постройка была порядочная; лошадь, корова, три овцы; хлѣба и ничего другого съѣстного не оказалось. Баба причитала, что три дня не ѣвши сидитъ.

— Ну, какъ же имъ, правда, быть?—спросилъ Ардальоновъ: —вѣдь послѣднюю скотину продавать придется.

— Да, вы ей, ваше благородіе, не вѣрьте,—сказалъ старикъ изъ толпы, образовавшейся вокругъ нихъ.—Она вѣчно такъ: у нея и хлѣбушко есть, и картошка; она спрятала, да и зря болтаетъ. Стыдно, Матрена!—бѣднѣе тебя есть.

— Вотъ видите, они сами про себя разскажутъ. Я этому старику отказала,—вотъ онъ и другихъ выводитъ на свѣжую воду.

Заходили еще кое-куда: большею частью приходилось въ помощи отказывать: настоятельная нужда уже была удовлетворена.

— Горе наше, что доктору приходится отказывать въ рыбьемъ жирѣ. У насъ множество больныхъ куриной слѣпотой отъ плохого питанія. Такъ какъ земство не даетъ рыбьяго жиру, а онъ было-началъ помогать, мы купили пудъ на средства комитета, да больше денегъ нѣтъ. А вотъ и докторъ,—прибавила Елизавета Николаевна, проѣзжая мимо больницы.—Онъ ни дня, ни ночи покоя не знаетъ, то съ больными, то съ комитетскими.

Они сошли съ телѣжки; докторъ подошелъ къ нимъ на встрѣчу и, довольно холодно поздоровавшись съ Ардальоновымъ, обратился къ Елизаветѣ Николаевнѣ.

— Ну, что ваше здоровье? Ничего? Слава Богу. Берегитесь, не заболѣйте,—вы намъ нужны; безъ васъ мы ничего не подѣлаемъ. Да, кстати, позвольте, Михаилъ Степановичъ, васъ поблагодарить за вашу помощь, которую вы оказываете намъ черезъ нашего ангела-хранителя.

— Стоитъ ли объ этомъ говорить? Да вотъ, докторъ, у васъ тутъ много больныхъ куриной слѣпотой, я слышалъ, а лечить нечѣмъ. Такъ я хотѣлъ вамъ дать денегъ: купите пудъ рыбьяго жира, а то и два. Вѣдь надо помочь.

— Спасибо, спасибо, молодой человѣкъ, да и вамъ спасибо; вѣдь, небось, она васъ надоумила? — спросилъ докторъ, указывая на Прыткову.

— Кстати, хотите видѣть нашу слѣпую?

— Какую слѣпую?

— А! Вы не знаете? Да Елизавета Николаевна вамъ разскажетъ.

— Ахъ, это ужасная исторія. Въ ноябрѣ, обходя дома на Погорѣловкѣ, я въ одной развалённой избушкѣ—не знаю, кáкъ она еще стоитъ—увидала ужасную сцену. Буквально на навозѣ —я не преувеличиваю—лежала молодая женщина, едва прикрытая лохмотьями; при ней двое дѣтей трехъ лѣтъ и году—

худыя, худыя, а у нея глаза закрыты и кругомъ красные и въ гноѣ. Оказалось, что она два дня съ дѣтьми не ѣла и не пила, такъ какъ за водой некому было ходить. Она жила прежде съ мужемъ, но, отъ постоянныхъ побоевъ, взяла дѣтей, да ушла. Народъ ее сталъ осмѣивать. Старшина водворилъ ее къ мужу обратно. Обращеніе его стало еще хуже. Отъ слезъ и нечистоты у нея глаза стали гноиться. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, какъ мы нашли ее, мужъ ея скрылся неизвѣстно куда, и она, можетъ быть, умерла бы, не приди мы.

— Ну, что же потомъ?

— Потомъ? Ее съ дѣтьми умыли, одѣли, накормили, а докторъ ихъ взялъ въ больницу. Здѣсь она уже шестой мѣсяцъ. Глаза окончательно пропали, совсѣмъ бѣлые стали. Да, впрочемъ, зайдемте.

Зашли. Въ углу одного изъ корридоровъ стояла кровать, и на ней сидѣла слѣпая миловидная женщина и гладила кричавшаго младенца.

— А что, если ея мужъ вернется?—спросилъ Ардальоновъ.

Слѣпая вздрогнула и прижала дѣтей къ себѣ, какъ бы загораживая ихъ отъ мужа.

— Врядъ-ли онъ за ней погонится, за слѣпой; развѣ изъ-за дѣтей: на мальчикѣ земля будетъ. Да мы ее отстоимъ; вѣдь можно доказать, какъ онъ съ нею обращался.

Когда они вышли, докторъ прибавилъ:

— Это я сказалъ, чтобъ ее успокоить. А если онъ вернется и, не дай Богъ, потребуетъ ее и дѣтей къ себѣ, то придется ей идти, развѣ заступится кто повліятельнѣе. Вѣдь мужики строго охраняютъ права мужей.

Михаилъ Степановичъ передалъ доктору пять рублей на слѣпую.

Еще кое-куда заходили они. Видя нужду, Ардальоновъ давалъ кому рубль, кому три, пока при немъ были деньги.

— Ну, что, молодой человѣкъ,—сказалъ докторъ:—кажется, и безъ милліоновъ можно дѣлать людямъ добро; да, небось, и вамъ пріятно.

— Конечно, жаль ихъ, а все-таки нельзя не сознавать, что это—брошенныя деньги. Далъ одному, другому, а на ихъ мѣсто появится сто нищихъ.

— Да, этимъ вы благосостоянія Россіи не поднимете, но, право же, помогая такъ, какъ вы сегодня помогли, легче почувствуете у себя на сердцѣ. Поживете съ нами—и сами согласитесь. А гнаться за милліонами — всю жизнь не догонишься.

Да и поймаешь его — захочется десятка, сотни милліоновъ. Да такъ и умрешь, спасая Россію своими милліонами, а пользы никому, кромѣ себя, не сдѣлавши.

Весь іюнь Михаилъ Степановичъ, подъ руководствомъ Лизы, занимался комитетскими дѣлами. Онъ, насколько могъ, пополнялъ недостатокъ въ средствахъ комитета. Благодаря все увеличивавшемуся вліянію на него Елизаветы Николаевны, онъ начиналъ находить все бо́льшую и бо́льшую прелесть въ томъ, чтобы вникать въ крестьянскую жизнь и по возможности облегчать ее. Съ Лизой же онъ становился все болѣе и болѣе неразлученъ.

XVIII.

Въ іюлѣ комитетъ уже оказался ненуженъ: урожай былъ хорошій, мужики вздохнули. Зато слухи о приближавшейся холерѣ начали всѣхъ волновать. Нина Николаевна боялась ея больше всѣхъ и собиралась уѣзжать, сама не зная куда; удержалъ ее, главнымъ образомъ, доводъ, что кто уѣзжаетъ отъ холеры, тотъ скорѣе всѣхъ ею и заболѣваетъ. Михаилъ Степановичъ тоже ея боялся, но, по мѣрѣ приближенія ея, страхъ его уменьшался. Много тому содѣйствовала Лиза.

— Чего вы ея боитесь особенно? — говорила она. — Вѣдь отъ чахотки умираетъ гораздо больше народу, чѣмъ отъ холеры. Умретъ отъ холеры одинъ, ну, два процента населенія, такъ у васъ же девяносто-восемь шансовъ остаться здоровымъ. Да, наконецъ, вы молоды, здоровы,—даже еслибы заболѣли, то можете выздоровѣть. Кто больше боится, тотъ скорѣе заболѣваетъ.

Когда, наконецъ, докторъ прислалъ сказать, что въ Отрадѣ сильная холера, Ардальоновъ не только не палъ духомъ, но рѣшился по возможности бороться съ нею. Во всей усадьбѣ пили кипяченую воду; онъ совѣтовалъ рабочимъ и крестьянамъ не ѣсть сырости. Нина Николаевна все время охала, ходила какъ тѣнь и во все, что пила, вливала какую-то кислоту; Александръ Степановичъ утверждалъ, что лучше внутреннихъ пріемовъ перцовки нѣтъ предохранительнаго средства, а потому съ утра до ночи былъ пьянъ.

Первый случай холеры въ Старой-Ивановкѣ кончился, какъ всегда, почти скоропостижною смертью. Заболѣлъ 17-лѣтній мальчикъ, послали за докторомъ, а когда тотъ пріѣхалъ, мальчикъ уже былъ мертвъ.

На другой день, когда Михаилъ Степановичъ всталъ и по обыкновенію началъ искать Лизу, ему отвѣтили, что она уѣхала на село къ больнымъ. Докторъ выхлопоталъ у земства баракъ, но къ устройству его еще не приступали. Прислали ему запасного фельдшера, да двухъ санитаровъ изъ ротныхъ фельдшеровъ, но всего этого было мало. Лиза предложила свои услуги ходить за больными. Михаилъ Степановичъ объявилъ матери, что и онъ отправится. Нина Николаевна такъ и ахнула, но, назвавъ сына героемъ, благословила и отпустила его.

Вечеромъ Михаилъ Степановичъ и Лиза хлопотали въ одной избѣ, которую превратили во временный баракъ. Сюда собрали трехъ больныхъ и ихъ лечилъ фельдшеръ съ приставленными къ нему Михаиломъ Степановичемъ двумя бабами. Вдругъ вбѣгаетъ старуха съ причитаніями, начинаетъ умолять спасти сына. Михаилъ Степановичъ бросился съ Лизой за нею.

Въ ветхой, на бокъ погнувшейся избушкѣ, на крыльцѣ стоялъ безпомощно старикъ — это былъ Иванъ Митричъ Ермаковъ. Изъ избы доносились стоны. Въ темнотѣ на лавкѣ лежалъ его старшій сынъ и стоналъ отъ схватившихъ его судорогъ. Лиза откуда-то достала коптилку [1]) и воды, и стала звать кого-нибудь убрать комнату. Но никто не шелъ. Всѣ сосѣди боялись заболѣть сами. Тогда, поборовъ въ себѣ чувство брезгливости, Лиза сама взялась убирать убогую хату. Жена больного стояла какъ истуканъ и всхлипывала. Михаилъ Степановичъ, засучивъ рукава, растиралъ узлы, которые образовывались то тамъ, то сямъ на ногахъ и рукахъ больного отъ схватывавшихъ его судорогъ. Хотѣли перенести и его въ ту избу, которую они обратили въ баракъ, но мать воспротивилась, говоря, что лучше ему умереть дома.

Къ утру, несмотря на старанія Ардальонова, больной впалъ въ безпамятство и умеръ. Съ Лизой, впервые присутствовавшей при смерти и не спавшей ночь, сдѣлалось дурно, и Михаилъ Степановичъ увезъ ее домой, оставивъ десять рублей Сергѣю на похороны.

Видя свою безпомощность, Михаилъ Степановичъ поѣхалъ въ земство хлопотать о присылкѣ еще медицинскаго персонала и о скорѣйшей постройкѣ барака. Медицинскаго персонала не прислали, а баракъ черезъ недѣлю былъ готовъ. Первою въ него была привезена и первою умерла молодая вдова Ермакова, только-что похоронившая мужа. Старшая дѣвочка лѣтъ шести,—

[1]) Лампочка безъ стекла, постоянно коптящая.

ее звали Надёжкой,—надрываясь, плакала и не хотѣла оторваться отъ холодѣвшаго трупа матери. Остались еще пятилѣтній мальчикъ и грудной ребенокъ. Сергѣй, худой, какъ будто безучастный, молча стоялъ. Съ нимъ заговорилъ Изюмовъ, поступившій тоже въ санитары, но Сергѣй отвѣчалъ нехотя. Изюмовъ покачалъ головой и отошелъ.

Михаилъ Степановичъ выпросилъ у матери тысячу рублей: изъ нихъ онъ выдавалъ пособія бѣднымъ на похороны, на воспитаніе сиротъ.

Докторъ разъ встрѣтилъ Лизу и заговорилъ о перемѣнѣ, происшедшей съ молодымъ Ардальоновымъ.

— Вѣдь это вы, дорогая Елизавета Николаевна, совершили это чудо: мальчикъ-то совсѣмъ человѣкомъ дѣлается.

— Не я, а жизнь, докторъ; не знаю я ихъ высшаго свѣта, а думаю, что лучше—здѣсь. Думаю, что и Михаилъ Степановичъ будетъ нашъ.

— Дай Богъ, дай Богъ. Сколько ихъ тамъ пропадаетъ для дѣла, для настоящаго дѣла, только потому, что исковерканы дурацкимъ воспитаніемъ. Что̀ и говорить—тяжело подчасъ и здѣсь, когда видишь свою безпомощность, а все-таки бываютъ и свѣтлыя минуты.

Когда Михаилу Степановичу пришлось уѣзжать, холера уже потеряла свой острый характеръ.

Прощаясь съ Лизой, онъ долго не могъ оторваться, и нѣсколько разъ возвращался, какъ будто забылъ что-то сказать, но ничего не сказалъ, только обѣщался пріѣхать на Рождество.

Съ матерью онъ про милліоны и про карьеру не говорилъ, а когда она заговаривала, отвѣчалъ:—Э, мамочка, это все пустяки. Не пріѣхать ли лучше къ вамъ—заняться хозяйствомъ.

Нина Николаевна качала головой.

XIX.

Иванъ Дмитріевъ Ермаковъ былъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ крестьянъ Старой-Ивановки. То лошадь упадетъ, то корова, то сгоритъ, то еще что̀. У него было два сына работника, а больше одной лошади завести ему никогда не удавалось. Когда наступилъ голодный годъ, всѣ думали, что онъ нужды не увидитъ, благодаря сватовству сына; но въ разсчетахъ ошиблись: Евтѣй Евтѣичъ не только ничѣмъ не помогъ будущему свату, но и за-

ставилъ переписать старую росписку въ двадцать-пять рублей на новую въ тридцать.

Отправилъ, было, Митричъ старшаго сына на заработки, но таковыхъ не нашлось, и онъ, проѣздивъ послѣдніе пять рублей, вернулся домой. Кое-какъ кормилась семья на земскую ссуду да на занятыя съ трудомъ деньги, частью подъ заработки, частью подъ росписки.

Разъ—дѣло было Филипповками—поѣхалъ Митричъ на мельницу, гдѣ мололась его земская рожь. Забравъ муку, онъ поплелся домой, но, несмотря на хорошую дорогу, лошадь стала останавливаться: пройдетъ нѣсколько шаговъ и остановится. Бился, бился Митричъ и самъ везти помогалъ—нѣтъ; какъ разъ противъ Ардальоновскаго гумна лошадь стала окончательно. Невдалекѣ стояла мякина барская: Митричъ, въ жизни своей ничего не укравшій, видя, что дѣло плохо, рѣшился украсть охапку мякины, перескочилъ черезъ ровъ, взялъ мякины и пошелъ съ нею къ лошади. Только онъ подложилъ мякину лошади, Семенъ, Ардальоновскій староста,—тутъ, какъ тутъ. Онъ Митрича зналъ за бѣднаго, но честнаго мужика, и, конечно, ограничился бы тѣмъ, что поругалъ бы его, но такая минута вышла, что надо было донести.

Дѣло въ томъ, что старо-ивановцы не считали за грѣхъ украсть что-либо у Ардальоновой. Бывало, даже стащитъ кто копну или мѣшокъ съ хлѣбомъ, а то и хомутъ или возжи, и потомъ самъ же хвалится не только крестьянамъ, но и Ардальоновскимъ служащимъ. Въ голодный годъ кражи особенно участились и приводили въ негодованіе помѣщицу. Въ особенности крали мякину съ гумна. Гнала ихъ, какъ и Митрича, безкормица: купить негдѣ, да и денегъ нѣтъ, хоть продавай послѣднюю лошадь ни по чемъ.

Нина Николаевна рѣшила строго преслѣдовать кражи. Обыкновенно, когда мужики попадались, ихъ приводили къ помѣщицѣ, и она или отпускала ихъ послѣ длиннаго наставленія, или своимъ судомъ штрафовала на рубль, а иногда и на три, или же, въ важныхъ случаяхъ, отправляла въ волостной судъ. Дѣло тогда кончалось арестомъ. При введеніи земскихъ начальниковъ, Нина Николаевна отправляла ихъ посѣчь, но глупая, по ея мнѣнію, практика съѣзда совсѣмъ вывела розги изъ употребленія. Поэтому и мужики, кравшіе что-либо у Ардальоновой, отдѣлывались арестомъ.

Съ Митричемъ же судьба сыграла ужасную шутку.

Когда Семенъ, въ виду строгаго въ то время настроенія

Нины Николаевны, несмотря на просьбы Митрича, отвелъ его къ барынѣ, отъ нея только-что вышелъ мѣстный урядникъ, получавшій отъ нея ежемѣсячно нѣсколько пудовъ сѣна и овса для лошади, хотя его услуги ей никогда не были нужны.

Митрича ввели къ барынѣ въ рваномъ зипунишкѣ, и разсказали, въ чемъ дѣло.

— Подойди, подойди; какъ его звать? я его почему-то не знаю.

— Иванъ Дмитріевичъ Ермаковъ, сударыня; такъ, бѣдный мужичишко. Вотъ за его сына, Сергѣя, изволили слышать, Евтѣй Евтѣичъ вторую дочь просваталъ.

— Ага, га... знаю. Охота Евтѣю съ такою дрянью связываться!

— Да онъ, сударыня, никогда ни въ чемъ замѣченъ не былъ; онъ—мужикъ хорошій; бѣдность одолѣла. Никакъ не поправится.

— Хорошій! ни въ чемъ не замѣченъ! А на гумно за мякиной лазилъ. Нѣтъ, мнѣ это надоѣло; надо ихъ учить. Отправьте его къ старшинѣ... Нѣтъ... здѣсь еще урядникъ: позовите его. Онъ съ тобой, голубчикъ, поговоритъ.

Вошелъ урядникъ и сталъ у дверей по-военному.

— Вотъ, другъ мой, я говорила тебѣ про нашихъ воровъ: вотъ, сейчасъ на гумнѣ поймали его съ мякиной. Ты, пожалуйста, ужъ съ нимъ потолкуй, да чтобъ безнаказанно не прошло. Попросилъ бы у меня мякины,—я бы ему дала.

Нина Николаевна хорошо знала, да и всѣ знали, что она бы навѣрное не дала ничего.

Что̀ подозрѣвала Нина Николаевна подъ словомъ „потолковать“—она, конечно, и сама бы не сказала, а относительно наказанія она имѣла въ виду не что̀ другое, какъ обыкновенный арестъ.

— Слушаю-съ, будетъ сдѣлано,—проговорилъ урядникъ и вышелъ съ Митричемъ наружу.

Повелъ онъ его въ контору, вызвалъ Семена, допросилъ ихъ, какъ полагается. Митричъ признался, что ѣхалъ мимо гумна, лошадь стала: онъ и взялъ охапку корма. Протоколъ былъ написанъ, вложенъ въ портфель, и урядникъ уѣхалъ, отпустивъ Митрича домой.

Митричъ, въ жизни ничего не кравшій, былъ очень удрученъ этимъ событіемъ. Другой украдетъ, да еще похвалится, Митричу же было стыдно. Стыдно было за него и Сергѣю, и Машѣ, тотчасъ же узнавшимъ про это. Конечно, въ срав-

неніи съ другими, они понимали его, но имъ было досадно, что случилось это именно съ Сережинымъ отцомъ. Ну, что жъ? отсидѣть недѣлю въ холодной—за порокъ у нихъ не считалось, а имъ было больно не изъ боязни людской молвы, а потому что имъ хотѣлось, какъ ихъ училъ Изюмовъ, быть лучше другихъ.

Евтѣй Евтѣичъ прямо-таки разсердился.

— Тьфу, дрянь такая, да еще сватомъ мнѣ называться будетъ! Да укралъ-то что? охапку мякины! Спросилъ бы у меня, нешто я бы ему отказалъ въ такой бездѣлицѣ?

Евтѣй Евтѣичъ тоже хорошо сознавалъ, что навѣрное бы отказалъ, но такъ ужъ говорится въ этихъ случаяхъ. Укради Митричъ много, чтобы дѣла свои поправить, Евтѣй Евтѣичъ его бы за это уважать сталъ; но украсть на двугривенный, да еще попасться — плюнуть стоитъ на такого человѣка; а еще сватъ!

XX.

Прошелъ мѣсяцъ: вдругъ приходитъ Митричу повѣстка отъ земскаго начальника. Кромѣ пустого, по его мнѣнію, проступка, кражи мякины, онъ за собой ничего не зналъ. Но никогда не бывавъ на судѣ, испугался страшно. Неизвѣстность щемила его сердце. Въ назначенный день онъ съ Сергѣемъ отправился въ камеру земскаго начальника. Когда чередъ дошелъ до его дѣла, онъ вышелъ, поклонился. Земскій начальникъ дѣло велъ быстро. Митричъ не отпирался: мякину укралъ по нуждѣ, потому что лошадь стала. Свидѣтели показали то же; всѣ въ одинъ голосъ подтвердили, что Митричъ прежде ни за что не судился. Мякину оцѣнили въ двадцать копѣекъ. Обвинитель, урядникъ, самъ просилъ о снисхожденіи.

Резолюція земскаго начальника была такова: принимая во вниманіе смягчающія вину обстоятельства, что кража всего на двадцать копѣекъ, что учинена она по крайней нуждѣ, что подсудимый чистосердечно сознался,—Ермакова подвергнуть тюремному заключенію на полтора мѣсяца.

Объявивъ срокъ обжалованья, земскій начальникъ обратился къ Митричу со словами утѣшенія:

— Что же дѣлать, старикъ? жалко тебя. Но по закону меньше нельзя.

Митричъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ боялся земскаго начальника, самъ не зная почему,—но полтора мѣсяца тюрьмы ему и въ голову не приходило.

Сергѣй только проговорилъ:—Батюшка, что же такое? — и заплакалъ, какъ дитя.

Пріѣхали домой. Митрича встрѣчаетъ старуха, Катерина.

— Ну, что, старикъ?

— Пропали мы, старуха, съ тобой, пропали!—и какъ бросится Митричъ на лавку и завопитъ:

—Господи, помоги мнѣ! Да за что же? Меня, меня — въ острогъ!

Старуха поняла и тоже стала голосить; дѣти заплакали.

Сергѣй стоялъ и не зналъ, что и думать, кого утѣшать и чѣмъ.

Извѣстіе это съ быстротой молніи разнеслось по селу: Митрича присудили за мякину въ острогъ.

Евтѣй Евтѣичъ, Блоха, Маша, Аѳонька—обѣдали, когда мельникъ, зять Купріяшина, пришелъ разсказать имъ это извѣстіе.

— Острожникъ! Острожникъ—мой сватъ! За тебя,—Евтѣй Евтѣичъ кулакомъ погрозился на Машу,—за тебя мнѣ такой позоръ! Не бывать тому! Слышишь, Машка?

Съ трудомъ его успокоилъ зять, сказавъ, что навѣрное съѣздъ отмѣнитъ это рѣшеніе.

Маша страдала и за себя, и за Сергѣя.

Нина Николаевна удивилась, узнавъ про это рѣшеніе, и сейчасъ же послала за урядникомъ. Урядникъ явился.

— Что же ты, батюшка, человѣка въ тюрьму засадилъ за мякину? Я тебя просила проучить его, а ты его въ тюрьму!

— Да, сударыня, я по закону поступилъ. Разъ до свѣдѣнія полиціи доводятъ о кражѣ, мы передаемъ дѣло земскому начальнику. Воля ихъ.

— Не первый же разъ у меня крадутъ: старшина посадитъ на недѣлю, и дѣло съ концомъ.

— Тогда бы вы и изволили дѣло передать на волостной судъ, а мы иначе не могли по закону.

Нина Николаевна не удовольствовалась этимъ и написала земскому начальнику, прося отмѣнить рѣшеніе. Земскій начальникъ самъ пріѣхалъ и объяснилъ, что онъ присудилъ его къ самому мягкому наказанію. Не признайся старикъ—еще можно бы оправдать, а тутъ ничего не подѣлаешь: дѣло рѣшено по закону; можетъ, съѣздъ и отмѣнитъ.

Въ обществѣ на Ермаковыхъ стали смотрѣть косо. Старикъ заспорилъ разъ съ однимъ крестьяниномъ и, получивъ въ отвѣтъ: „да ты лучше молчи; тебѣ въ острогѣ сидѣть, не мнѣ“,—замолчалъ.

Маша разъ слышала вскользь, какъ надъ нею смѣялись,— что не въ острогѣ ли имъ придется вѣнчаться.

Евтѣй Евтѣичъ не разъ повторялъ, что если Митричъ будетъ сидѣть, то, хоть убей, не отдастъ Машу за Сергѣя.

Сергѣй ходилъ угрюмый, а Маша не находила для него словъ утѣшенія.

Въ іюнѣ въ съѣздѣ назначено было дѣло по апелляціонной жалобѣ Митрича. Жалобу ему написалъ волостной писарь Злобинъ, прежде служившій въ съѣздѣ. Передъ съѣздомъ Нина Николаевна дала доктору, ѣхавшему въ это время въ городъ, письмо къ предводителю.

„Я передала дѣло объ украденной мякинѣ",—писала она, „дураку уряднику, чтобы онъ проучилъ хорошенько нашихъ мужиковъ, которые покою мнѣ не даютъ, а онъ, вмѣсто того, чтобы его посадить въ холодную, вотъ какую кутерьму надѣлалъ. По-старому, его бы посѣкли, и дѣло съ концомъ, а теперь человѣка за охапку мякины на вѣкъ позорятъ. Зная васъ, я увѣрена, что вы войдете въ его положеніе и замѣните тюрьму арестомъ, а то и вовсе оправдаете. Довольно онъ помучился. Этимъ премного обяжете преданную вамъ Нину Ардальонову".

Предводитель прочиталъ письмо, вытребовалъ себѣ дѣло, прочелъ его, поговорилъ съ уѣзднымъ членомъ и земскими начальниками, потрясъ головой и самъ пошелъ предсѣдательствовать при разборѣ дѣла.

Всѣ показали опять по-прежнему. Подсудимый со слезами просилъ помиловать его, принявъ во вниманіе прежнее его поведеніе. Въ совѣщательной комнатѣ предводитель долго изыскивалъ средство освободить его отъ наказанія, но ничего не нашелъ. Приговоръ земскаго начальника утвердили.

Старикъ вышелъ изъ залы суда какъ помѣшанный. Онъ вернулся домой уже больной, и въ тотъ же день былъ положенъ въ больницу.

Крестьяне въ большинствѣ были довольны этой развязкой дѣла: они сознавали, что дѣлали хуже, и отчасти злорадствовали, что вотъ, молъ, и этотъ тихоня попался. Его уже начали всегда звать „острожникомъ",—названіе, которое почему-то перенесли и на его сыновей.

Сергѣй съ Машей, когда увидались послѣ суда, только плакали. Ему было совѣстно передъ ней за отца. Вѣдь невинноосужденнымъ онъ не могъ его считать.

Машѣ было жаль старика, а еще болѣе жаль Сергѣя.

„Острожникъ, острожникъ“!—слышалось ей; „невѣста острожника“!..

Конечно, любовь ея къ Сергѣю не уменьшилась отъ этого, но къ ихъ отношеніямъ присоединилось чувство неловкости. Евтѣй Евтѣичъ молчалъ, но ходилъ угрюмый, ни разу не произнесъ имени ни будущаго свата, ни Машина жениха; съ Машей не говорилъ.

Нина Николаевна поохала, говорила что-то про нынѣшнее время и про то, какъ было лучше въ старину.

Изъ постороннихъ больше всѣхъ принялъ къ сердцу это дѣло Николай Анатольевичъ Изюмовъ. Онъ перешелъ на четвертый курсъ медицинскаго факультета и, пріѣхавъ на каникулы, нашелъ въ больницѣ Митрича и узналъ про его дѣло. Онъ зналъ про отношенія Сергѣя и Маши, зналъ, какъ трудно было Машѣ добиться разрѣшенія Евтѣя Евтѣича на бракъ, и предвидѣлъ, что исторія Митрича не могла не отразиться на ихъ будущности. Хотя онъ и теперь собиралъ учениковъ и занимался съ ними, но самыми близкими его сердцу были ученики перваго выпуска, какъ онъ ихъ называлъ. Поэтому судьба Сергѣя и Маши его очень заботила.

Хотя Митричъ былъ въ такомъ состояніи, что еле говорилъ, но отъ его имени была составлена кассаціонная жалоба. Писать ее Изюмовъ ѣздилъ въ городъ, гдѣ совѣтовался съ адвокатомъ. Тотъ разыскалъ какіе-то кассаціонные поводы, и жалоба пошла въ губернское присутствіе.

Въ августѣ дѣло было назначено къ разсмотрѣнію въ присутствіи. Михаилъ Ардальоновъ, тоже заинтересовавшійся судьбой старика, по просьбѣ Изюмова, ѣздилъ въ городъ, гдѣ представился губернатору, котораго, отъ имени матери, просилъ какъ-нибудь исправить ошибку. Губернаторъ принялъ его любезно, но сказалъ, что про судебныя дѣла говорить заранѣе не можетъ; тѣмъ не менѣе, совѣтовалъ не безпокоиться, потому что всѣ дѣла разсматриваются съ большимъ вниманіемъ. То же ему сказалъ и членъ присутствія, завѣдывавшій судебною частью.

Черезъ нѣсколько дней, въ Старую-Ивановку пришло извѣстіе, что кассаціонная жалоба Ермакова оставлена безъ послѣдствій.

Митричъ, давно оправившійся, но не выходившій изъ дому иначе, какъ въ поле или на огородъ по дѣламъ, узналъ про это хладнокровно: онъ понималъ давно, что надежды нѣтъ.

На другой день явился сотскій, съ предписаніемъ урядника доставить Митрича въ городскую тюрьму. Старикъ перекрестился и, простившись съ причитавшей старухой и сыновьями, вышелъ

и сѣлъ въ телѣгу съ сотскимъ. Лошадь тронула. Кучка собравшихся ребятишекъ вслѣдъ кричала: „Острожникъ, острожникъ"!..

Ардальонова негодовала и на себя, и на урядника, и на начальство, и на порядки. Ей, всегда расправлявшейся съ мужиками по-домашнему, было досадно, что изъ-за нея человѣкъ попалъ въ тюрьму. Изъ крестьянъ многіе жалѣли несчастнаго; большинство же относилось равнодушно и говорило, что, значитъ, теперь такія права вышли.

Евтѣй Евтѣичъ, въ день отправленія Митрича въ тюрьму, вечеромъ, за ужиномъ, сказалъ:

— Ну, сватушка моего отвели въ острогъ. Значитъ, слава Богу, дѣлу конецъ. Теперича, Машка, ежели ты, напримѣръ, да еще мнѣ слово скажешь про твоего жениха, или я тебя съ нимъ увижу—такъ берегись. Поняла? Больше мнѣ говорить нечего.

— Да чѣмъ же женихъ-то виноватъ?—попробовала спросить Блоха.

— Что? Ужъ не заступаться ли ты вздумала?

— Да я не заступаюсь, я такъ спрашиваю,—чѣмъ же дѣти-то виноваты?

— Какъ? Ужъ не хочешь ли, чтобы я породнился съ острожникомъ? Этого еще недоставало; Чтобы я больше про это не слыхалъ. Слышите вы, или нѣтъ? Одна хорошо сдѣлала, другая—еще лучше.

Онъ при этомъ такъ стукнулъ по столу кулакомъ, что все задрожало. Жена и дочь молчали. Маша сидѣла ни жива, ни мертва.

На другой день Сергѣй уже почти ночью подходилъ къ ихъ дому. Его увидала Блоха и наскоро проговорила:

— Уходи, Христа ради! Мой мужъ и слышать про тебя не хочетъ.

Сергѣй ушелъ. Онъ понялъ, что для него все кончено, и что сыну острожника не быть Машинымъ мужемъ.

— Ну, моя пѣсенка спѣта,—сказалъ онъ и заплакалъ.

XXI.

Когда Евтѣй Евтѣичъ объявилъ Машѣ, чтобы она и думать больше не смѣла о Сергѣѣ, она поняла, что дѣло ея кончено, что на этотъ разъ не поколебать ей рѣшенія отца. Изрѣдка ей удавалось видѣться съ Сергѣемъ, но утѣшенія эти свиданія ей не приносили.

— Ну, что, какъ дѣла? — обыкновенно спрашивалъ ее Сергѣй.

— Да что, —отецъ со мной не говоритъ, ходитъ сердитый; мамушка и то его боится.

— Неужели кончено все, ненаглядная моя лебедянка?

— Отецъ ни за что не согласится выдать меня за тебя. А за другого я, конечно, не пойду, хоть убей меня.

— Ой, правда ли, что не пойдешь? Не ты первая, не ты послѣдняя. Возьмутъ, да отдадутъ тебя, лебедянка моя. А не отдали насильно Аксютку Бѣленкову? Тоже вѣдь не шла, а вѣдь выдали, да плачутся съ ней. И тебя выдадутъ. А я? Ну, я, я... эхъ, на вѣкъ мнѣ острожникомъ оставаться! Маша, Маша моя, не къ лицу тебѣ за острожникомъ быть. А тамъ, можетъ, и забудешь меня?

— Безъ этихъ рѣчей твоихъ больно мнѣ. Вѣдь не такая я, чтобы забыть тебя. А выдать себя насильно я не дамъ... Да мнѣ пора; не хватились бы.

И она уходила, а Сергѣй провожалъ ее долгимъ-долгимъ взглядомъ. Поцѣловаться теперь они стыдились: они начали уже чувствовать себя другъ для друга чужими.

Разъ въ маѣ, за нѣсколько дней до Троицы, Евтѣй Евтѣичъ шелъ изъ трактира домой. Только онъ поровнялся съ домомъ Ѳедора Климачева, какъ услыхалъ голосъ Анны Климачевой.

— Ты бы зашелъ, Евтѣй Евтѣичъ, гостемъ былъ бы.

Ему почему-то приглашеніе пришлось по нраву: онъ вошелъ.

— Спасибо, что зашелъ, не побрезговалъ нами. Ну, какъ твои дѣла дома? что дочка подѣлываетъ?

— А что ты про нее спрашиваешь?

— Да такъ, больно она мнѣ худа показалась намедни. Идетъ, а глаза ввалились, точно сама не своя. Или свадьба разстроилась ея что-ли?

— Не говори мнѣ про эту свадьбу. Отдамъ я дочь за острожника!

— А неужто не отдашь? То-то она такая ходитъ! Что же? Небось въ дѣвкахъ остаться рѣшилась?

— Не просватаю—въ дѣвкахъ останется, а жениха найду— замужъ пойдетъ. Небось, я ее выростилъ; противъ отца не пойдетъ.

— Небось и женихъ на примѣтѣ есть? Что-жъ? Дѣло хорошее.

— На примѣтѣ-то нѣтъ. А вотъ что, Аннушка, мнѣ въ голову пришло: у меня товаръ, у тебя купецъ: подсылай сва-

товъ для своего Кирюхи. Его, небось, тоже женить пора. Что скажешь?

— Скажу вотъ что: коли ты такъ себѣ... шутишь—такъ нехорошо. А коль взаправду говоришь, то подумалъ ли ты? вѣдь мы—народъ рабочій, а она, глядь, работать не захочетъ?

— А за острожника шла? Что-жъ? и съ нимъ не захотѣла бы работать? Нѣтъ-нѣтъ, работать она можетъ: она всѣ работы работала. Да твой-то сынъ захочетъ ли?

— Э, мой Кирюха малый умный: онъ изъ воли родительской не вышелъ, а твоя дочка—краля, вотъ что! Тоже надо сказать, баловаться не дадимъ: у насъ живо смирится.

— Да и отецъ потачки не дастъ. Ну, по рукамъ, сваха: будемъ ждать въ гости. Милости просимъ.

— Придемъ, придемъ, Евтѣй Евтѣичъ, на самую на Троицу и придемъ. Примѣта хорошая. Ежели на Троицу дѣвку просватать,—много дѣтей народитъ.

Слѣдующіе дни Евтѣй Евтѣичъ ходилъ довольный, часто посматривалъ на Машу, но не говорилъ ничего. Только наканунѣ Троицы, вечеромъ, онъ сказалъ женѣ:

— Вотъ что, Варвара, принаряди-ка ты Машу; завтра гости будутъ.

Блоха на него посмотрѣла, но подробностей спросить не посмѣла. Когда ея мужъ не договаривалъ, значитъ—не надо было и спрашивать его. Долго она думала про это, и, конечно, мысль о сватовствѣ сама собой напрашивалась.

Къ утру она передала слова мужа Машѣ. Та тоже сейчасъ догадалась, что дѣло идетъ о женихѣ, и только проговорила:

— Знай, мамушка, да и батюшкѣ скажи, что я ни за кого замужъ не пойду. Хоть убейте.

На другой день Евтѣй Евтѣичъ приготовился послѣ обѣдни встрѣчать гостей. Маша же, вернувшись отъ обѣдни, ушла къ себѣ въ хату, заперлась и, сбросивъ праздничный нарядъ, одѣлась въ будничный. Она надѣялась сразу или отбить у новыхъ сватовъ охоту ее брать, или подѣйствовать на отца такъ, чтобы онъ пересталъ ее неволить.

Къ вечеру явились сваты. Старикъ Климачевъ шелъ съ женой и съ сестрой своей, Кирилловой крестной матерью. Крестная несла съ собой двѣ четверти водки, по одной въ каждой рукѣ. Старуха Климачева несла бутылку наливки и разныя закуски, завязанныя въ узелъ.

Блоха, увидавъ ихъ, поблѣднѣла. Она чувствовала, что не пара Машѣ Кириллъ Климачевъ.

Сватья вошли въ домъ и, помолившись на иконы, обратились къ хозяину.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте, Евтѣй Евтѣичъ и Варвара Степановна!

— Здравствуйте!—отвѣтилъ Евтѣй Евтѣичъ.—Что-то поздненько вы забрели къ намъ. Садитесь, садитесь, Ѳедоръ Климоновичъ, гости будете.

— Мы не садиться, Евтѣй Евтѣичъ, къ вамъ пришли, мы пришли къ вамъ родней сходиться. У васъ красный товаръ, а мы—покупатели. У васъ невѣстушка, а у насъ—женишокъ.

— Милости просимъ; я людями добрыми не брезгаю, мною бы не побрезговали. Породниться мы не прочь.

Всѣ подошли къ столу, который убирала Блоха, и разставили вино и закуски. Начался пропой невѣсты и при этомъ торгъ. Отдавай Евтѣй Евтѣичъ дочь за равнаго, онъ бы не только не сталъ требовать кладки, но и далъ бы какое угодно приданое. Но онъ роднился съ простымъ крестьяниномъ. Не брать кладки могло бы показаться желаніемъ отдѣлаться отъ дочери, во что бы то ни стало. Исторія съ Сергѣемъ была извѣстна, и тѣмъ болѣе надо было поддержать свое самолюбіе. Торговались съ Климачевыми долго и опредѣлили все до мелочи: шубу крытую, суконную поддёвку, двое сапогъ; обо всемъ, даже о чулкахъ сговорились—это должны были сдѣлать Купріяшины. Двадцать рублей кладки и угощеніе на большомъ запоѣ и двухъ дѣвичникахъ, не говоря о свадьбѣ,—таковы были обязательства Климачевыхъ.

Маша сидѣла въ своей хаткѣ. Братъ ея, Аѳанасій, который ее любилъ, забѣжалъ сказать ей, что сватаются Климачевы. Кириллъ былъ въ старшемъ отдѣленіи перваго класса, когда Маша была въ младшемъ. Съ тѣхъ поръ она знала его. Совершенно безличный, онъ ни разу не привлекъ ея вниманія ни въ хорошую, ни въ дурную сторону. Но теперь, какъ къ жениху, она почувствовала вдругъ къ нему чувство отвращенія. Думая о бракѣ, она видѣла передъ собой только Сергѣя. Съ трепетомъ сердечнымъ она ждала, что ее позовутъ. Уже довольно поздно Аѳоньку прислали за нею.

— Скажи имъ, что я не пойду; да скажи такъ, чтобы и тѣ слышали.

— Что ты, Маша, дѣлаешь? Какъ бы батюшка не осерчалъ.

— Ну, я сказала, что я замужъ не пойду, и къ нимъ не выйду. Такъ и скажи.

Черезъ нѣсколько минутъ явился самъ Евтѣй Евтѣичъ; сзади шли Блоха и старуха Климачева.

— Что это ты, дочка, не идешь? Мы тебѣ жениха нашли. Да ноньче, небось, праздникъ великій, а ты убрана по-будничному!

— Ну, что-жъ, что праздникъ? Мнѣ на улицу не идти.

— Ѳедоръ Климоновичъ тебѣ вотъ честь дѣлаетъ: за сына сватать хочетъ.

— Я ужъ вамъ сказала, батюшка, что замужъ не пойду.

— Что ты, Машенька, такъ говоришь? — вмѣшалась старуха Климачева.—Мы тебя любить будемъ; я замѣсто дочери, за тобой ходить буду; неволить не буду. Чтò захочешь сработать—то и ладно.

Маша молчала.

— Э, да чтò ее, дуру, слушать!—продолжалъ отецъ:—нешто дѣти знаютъ, чего хотятъ. Вы, сватушки, не бойтесь. Далъ слово—сдержу. А она чтò? такъ, зря болтаетъ.

Дѣлать было нечего. Всѣ пошли назадъ въ избу. Евтѣй Евтѣичъ остался немного позади.

— А? ты такъ-то срамить еще меня захотѣла? Посмотримъ!— При этихъ словахъ онъ ладонью ударилъ Машу по щекѣ.

Она пошатнулась и бросилась на постель. Отецъ ушелъ.

XXII.

Черезъ недѣлю, на заговѣнье, отъ дома Климачевыхъ повезли на телѣгѣ цѣлый сундукъ угощеній. Предстоялъ „большой запой“. Вся родня съ обѣихъ сторонъ собралась у Купріяшиныхъ пировать на Климачевскій счетъ.

У крестьянъ, чѣмъ люди богаче, тѣмъ у нихъ больше родни. Самъ не знаетъ богачъ, какъ ему иная баба сродни, а все слышитъ: „Да, какже, Ѳедоръ Климоновичъ, вѣдь я, небось, тебѣ не чужая, а родня, да притомъ близкая“.

Такъ и теперь народу набралось множество. Пиръ вышелъ на славу.

Въ хаткѣ Машиной долженъ былъ происходить дѣвичникъ. Будущая свекровь ея отнесла ей разныя угощенія: наливку, или, скорѣе, настойку жженаго сахара на водкѣ, жамки, баранки, пряники, даже орѣхи. Маша ей и не поклонилась. Старуха искоса на нее посмотрѣла и вышла.

Въ хатку вошли подруги Машины.

— Чего вы, дѣвки, лѣзете? — сказала она: — и безъ васъ тошно.

Наконецъ, вошелъ къ ней и женихъ. Она встала, подошла къ нему и громко спросила:

— Кирилла, ты знаешь, что я за другого была просватана?

— Знаю; ну, что жъ изъ этого?

— Такъ я хотѣла сказать тебѣ, что я за тебя не пойду; мнѣ другой любъ. Добра изъ этого не выйдетъ. Откажись лучше.

— Что ты? что ты? Неужто же острожникъ лучше меня?

— Да ты не смѣй его ругать! Онъ въ острогѣ не сидѣлъ. А кто лучше для меня, дай мнѣ знать.

— Вотъ что, Маша, я тебѣ скажу. Сватались старики: имъ лучше знать. Чего же мнѣ отказываться отъ тебя? Небось, слюбимся.

— Мое дѣло было тебѣ сказать, что за тебя не пойду, а тамъ—какъ знаешь.

При этихъ словахъ она вышла и больше въ хатку не приходила. Къ счастью, тутъ была Любаша, уже выданная за хромого Ермошкина. Она и угощала гостей.

Маша же отправилась на „улицу“, разыскала Сергѣя и посередь плясокъ и пѣнія, незамѣтно ушла съ нимъ въ олешникъ [1]), къ рѣчкѣ. Тутъ повторила она ему прежнія обѣщанія не выходить ни за кого,—но онъ не утѣшился этимъ. Чувство неловкости, которое они, было, испытывали послѣ Митричева дѣла, уже исчезло: общее горе вновь сблизило ихъ. Они рѣшили кое-кого попросить за нихъ заступиться передъ грознымъ Машинымъ отцомъ. Когда Маша поднялась, чтобы уходить, Сергѣй обнялъ ее и поцѣловалъ въ голову. Прежде она этого не допускала,—теперь же на его поцѣлуй отвѣтила долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ.

Запой и дѣвичникъ шли неладно: всѣ чувствовали себя неловко. Большинство осуждало Машу. Блоха и Люба душою страдали за нее; Евтѣй Евтѣичъ крѣпился, но пилъ и угощалъ гостей. Поздно вечеромъ кто-то сболтнулъ, что видѣлъ Машу на улицѣ съ Сергѣемъ.

Когда всѣ разъѣхались, Евтѣй Евтѣичъ, съ раскраснѣвшимися глазами, вошелъ въ ея хатку. Она лежала лицомъ къ стѣнѣ и плакала. Отецъ, не говоря ни слова, взялъ конецъ толстой веревки и ударилъ ее. Она вздрогнула, но молчала. Онъ ударилъ второй, третій разъ. Она все молчала. Онъ началъ бить

[1]) Ольховые кусты.

сильнѣе. Она прижала руки къ груди и послѣ каждаго удара судорожно всхлипывала. Тутъ только онъ опомнился и ушелъ.

На утро вышелъ приказъ: „Машѣ не выходить никуда; иначе запорю“.

На другой день Блоха, которой Маша все разсказала, отправилась къ отцу Петру. Хотя въ Ивановкѣ приходъ былъ одинъ, но Купріяшины, а также Климачевы были на половинѣ отца Петра. Она ему разсказала все, про страданія Маши, про побои Евтѣя Евтѣича, и просила заступиться.

— Не понимаю тебя, Варвара Степановна,—былъ отвѣтъ:— вѣдь Евтѣй Евтѣичъ соглашался выдать за Ермакова, пока старикъ Ермаковъ не сидѣлъ въ острогѣ. Что же ему теперь-то дѣлать? не родниться же съ острожникомъ! Небось и дѣвка-то твоя слюбится съ новымъ женихомъ. Богъ велѣлъ дѣтямъ слушаться родителей. Она—что? она глупа—все хочетъ своимъ умомъ дѣлать; да и тебѣ грѣшно ее противъ отца ставить! Нехорошо, нехорошо. Вѣдь Евтѣй Евтѣичъ дочь не за кого-нибудь отдаетъ: вѣдь Кириллъ—женихъ прекрасный. А она вздумала отца не слушать. Грѣхъ одинъ, а ты за нее стоишь—постыдилась бы.

Къ Нинѣ Николаевнѣ Блоха идти побоялась, но обратилась къ старой подругѣ, Минавнѣ, съ просьбой поговорить съ барыней: не заступится ли за дѣвочку передъ отцомъ.

Минавна, черезъ нѣсколько времени, отвѣтила, что изъ ея заступничества ничего не вышло.

Нина Николаевна искренно сожалѣла объ участи старика Митрича, но и Евтѣя Евтѣича понимала, а главное утверждала, что нечего слушаться этихъ дѣвчонокъ. Въ старину, когда господа выдавали ихъ замужъ по-своему, много лучше было. Вначалѣ, бывало, и неохотно шли, а потомъ такія счастливыя парочки выходили, что просто прелесть. Теперь старики какъ хорошо живутъ со своими старухами,—а вѣдь насильно многіе были вѣнчаны. А теперь что? женятся по любви, а черезъ годъ, глядь— разошлись. Отъ вмѣшательства въ дѣло Маши Нина Николаевна отказывалась наотрѣзъ.

Обращалась Блоха и къ доктору, и къ Изюмову, да ничего изъ этого не вышло. Евтѣй Евтѣичъ доктору отвѣтилъ довольно грубо, что ему лучше знать, какъ быть съ дочерью.

— Вѣдь не вступаюсь же я въ ваши дѣла, какъ вы больныхъ лечите; такъ и вы дайте мнѣ знать, что дѣлать. Не вамъ съ острожникомъ родниться.

На слѣдующій день послѣ Ильина дня Евтѣй Евтѣичъ подозвалъ къ себѣ Машу.

— Потрудись мнѣ сказать, гдѣ ты была вчера вечеромъ?

Маша молчала.

— Ты оглохла, что-ль? Я тебя спрашиваю. Гдѣ ты была вчера вечеромъ?

— На улицѣ, батюшка.

— А я тебѣ велѣлъ ходить на улицу? А? Опять шашни заводить съ твоимъ проклятымъ острожникомъ? Отца скандалить, чтобы меня сваха Анна сегодня попрекала! Ты думала, не увидятъ? анъ нѣтъ—увидали. Чего же ты стоишь, какъ истуканъ? Съ женихомъ играть не хотѣла, а съ острожникомъ гуляешь? Э, да я съ тобой иначе поговорю.

Маша все молчала, опустивъ глаза и вертя въ рукахъ фартукъ. Отецъ ея взялъ въ руки веревку, которою носилъ солому на топку.

— Я тебя спрашиваю еще разъ: ты пойдешь за Климачева, или нѣтъ?

— Хоть убейте,—не пойду, батюшка. Я Сергѣю слово дала.

— Ты не пойдешь? Ну, это мы увидимъ. Ага, не нравится... Нѣтъ, голубушка, не убѣжишь. Я съ тобой добромъ обходился, какъ съ путной дѣвкой, а ты свое... Нѣтъ, не на того напхалась. Ты выйдешь за Климачева? А? Молчишь? Небось—заговоришь... Будешь отца слушаться? Выкинешь дурь изъ головы?

Говоря это, все болѣе и болѣе свирѣпѣвшій старикъ ударялъ концомъ толстой веревки по дочери, по чемъ попадетъ. Въ комнатѣ не было никого, кто бы заступился. Послѣ перваго удара Маша попробовала бѣжать, но Евтѣй Евтѣичъ ухватилъ ее за косу и бросилъ на лавку. При каждомъ ударѣ тѣло дѣвушки вздрагивало. Она молчала и изрѣдка стонала. Старикъ передохнулъ, но не отказался отъ своего намѣренія.

— Крѣпка больно; небось... сдашься... Я тебѣ дамъ острожника... Ну, говори скорѣй: ты пойдешь за Кирюху, или нѣтъ? Еще тебя спрашиваю: пойдешь за Кирюху?

Правой рукой онъ продолжалъ ее бить, а лѣвой началъ закручивать ея косу. Маша загнула голову назадъ, широко раскрыла глаза и, задыхаясь отъ острой боли, прошептала:

— Пойду за кого хочешь.

Пытка увѣнчалась успѣхомъ. Маша смирилась.

Съ тѣхъ поръ за нею былъ учрежденъ самый строгій надзоръ. Наблюдалъ самъ Евтѣй Евтѣичъ, наблюдали всѣ Климачевы, наблюдала и Блоха, боявшаяся для дочери повторенія истязаній и начавшая ее уговаривать прекратить безполезное

сопротивленіе. Сама она нѣсколько разъ пыталась образумить мужа, но, кромѣ угрозъ ей самой, ничего не добилась.

Сергѣя предупредили, что всякая надежда для него потеряна. Онъ ходилъ угрюмый и даже дома ни съ кѣмъ не говорилъ. Только мать пыталась его утѣшить и иногда выводила его изъ его оцѣпенѣнія. Его тянуло къ Машиной хатѣ. Разъ даже онъ подошелъ къ ней, но слѣдившіе за нимъ Кириллъ Климачевъ и два его товарища поймали его и жестоко избили.

Блоха его разъ подозвала и умоляла отказаться отъ дочери, говоря, что Евтѣй Евтѣичъ ее убьетъ, если она вздумаетъ опять сопротивляться.

Сергѣй написалъ письмо Машѣ, въ которомъ говорилъ, что возвращаетъ ей слово, просилъ не думать о немъ и пожалѣть себя. Блоха же и передала ей эту записку.

За недѣлю до свадьбы, передъ дѣвичникомъ, Маша сдѣлала еще попытку смягчить отца. Она бросилась передъ нимъ на колѣни, умоляла не выдавать насильно, говорила, что умретъ, если суждено ей будетъ жить съ немилымъ, обѣщалась забыть о Сергѣѣ и остаться въ дѣвкахъ... Евтѣй Евтѣичъ отвернулся и только приказалъ, чтобы она готовилась завтра прилично встрѣтить гостей.

Маша не сопротивлялась.

XXIII.

Тотчасъ послѣ Машиной свадьбы, Сергѣй исчезъ изъ Старой-Ивановки. Ему стало жить въ ней невыносимо, и онъ пошелъ въ Ростовъ. Многіе изъ крестьянъ ивановскихъ ходили туда на заработки. На одномъ заводѣ старшимъ десятникомъ былъ ихъ односельчанинъ и онъ своимъ доставлялъ мѣста чернорабочихъ. Но Сергѣю хотѣлось быть одному, и онъ нашелъ работу на другомъ заводѣ. Но и тамъ онъ недолго пробылъ. Тоска его мучила, и онъ зимой вернулся въ свое село. Встрѣчъ съ Машей онъ избѣгалъ; изрѣдка только въ церкви онъ издали видѣлъ ее, молчаливую, блѣдную, усердно молящуюся. Стороной онъ слышалъ, что тотчасъ же послѣ свадьбы мужъ и свекровь стали взваливать на нее самыя тяжелыя работы по дому. Вопреки обычаямъ, она и печку топила, и коровъ доила. Никто отъ нея не слыхалъ слова жалобы.

Разъ весною они встрѣтились почему-то, можетъ быть, случайно, въ олешникѣ. Сергѣй съ ней заговорилъ:

— Ну, что, Маша?

Маша ничего не отвѣтила, только заплакала. Они сѣли рядомъ.

— Что же не отвѣчаешь?—Иль тяжело?—Маша молчала.— Такъ тяжело, Маша? А прежнее?

— Эхъ!

— Такъ любишь?

— Люблю.

— Милая!

Онъ притянулъ ее къ себѣ и сталъ цѣловать. Она отдалась ему безъ размышленія, безъ сопротивленія, точно такъ и нужно было, точно она того и ждала.

Съ тѣхъ поръ они только и стали искать случая видѣться. Маша продолжала дома и въ полѣ исполнять всѣ работы, которыя на нее взваливались. Она успѣвала все дѣлать. Съ людьми она стала разговорчивѣе, съ мужемъ же говорила, только когда онъ ее спрашивалъ, и то отвѣчала отдѣльными словами. Иногда она пропадала на часъ-другой, и возвращалась на работу, ни слова не говоря.

Народъ замѣтилъ ея свиданія съ Сергѣемъ. Слухи о нихъ дошли до Кирилла. За нею стали слѣдить.

Разъ поздно вечеромъ, въ церковномъ саду, она сидѣла съ Сергѣемъ, какъ вдругъ сзади подошли ея мужъ и отецъ. Кириллъ схватилъ ее за косу и потащилъ съ собой. Сергѣй вздумалъ, было, броситься на него, но Евтѣй Евтѣичъ удержалъ его и съ страшными проклятіями принялся бить кулаками.

Жизнь Маши стала вовсе невыносимой. Ежедневные побои и издѣвательства ее только озлобляли, но явно противиться она не могла. Придетъ, бывало, Кириллъ съ поля мокрый, развалится и заставляетъ ее себя разувать. Маша становилась на колѣни, развязывала оборки, снимала лапти, развивала портянки. Присутствіе постороннихъ не только не удерживало его, но еще больше побуждало его издѣваться надъ женой и показывать свою власть надъ нею.

Евтѣй Евтѣичъ, послѣ того, какъ ея связь съ Сергѣемъ стала извѣстна, пересталъ ее пускать къ себѣ въ домъ, несмотря на просьбы и слезы Блохи. Народъ закидывалъ ее насмѣшками, называя „острожниковою кралей“. Блоха кое-когда къ ней заходила, но посѣщенія ея, видимо, не нравились старухѣ Климачевой. Несмотря на строгій надзоръ, Машѣ удавалось видѣться съ Сергѣемъ: она знала, что каждая отлучка повлечетъ

за собой новые побои, новыя мученія, но она дошла до того состоянія озлобленія, что переносила все безмолвно.

Осенью Блоха пошла на Ардальѳновскую усадьбу. Исторія Маши была всѣмъ извѣстна. Она обратилась къ Елизаветѣ Николаевнѣ, разсказала ей про житье Маши и попросила исходатайствовать у Нины Николаевны какого-нибудь мѣстечка—кухарки или доильщицы; та обѣщалась похлопотать.

Нина Николаевна, несмотря на доводы, ей представленные, и даже на заступничество Михаила Степановича, наотрѣзъ отказала.

— Ты знаешь, Миша, я въ твои дѣла не вмѣшиваюсь и тебѣ ни въ чемъ не мѣшаю. Но ужъ извини,—распутныхъ бабъ я къ себѣ въ услуженіе брать не намѣрена. Я вѣдь эту исторію знаю хорошо. Климачевы—семья хорошая: ей ли не житье? Да самъ отецъ ея, Евтѣй, ее знать не хочетъ.

— Да, мамаша, вѣдь не можетъ же она любить мужа, когда ее выдали насильно, а теперь бьютъ, какъ собаку?

— Ее бы не били, кабы она вела себя какъ слѣдуетъ. А выдавали ее, правда, насильно; да вѣдь у крестьянъ это всегда было и будетъ. Отецъ, небось, не врагъ своему ребенку: зналъ, что̀ дѣлалъ. А мало ли въ крѣпостное право выдавали замужъ насильно? Это права распутничать не даетъ. Что̀ скажутъ про меня всѣ мужики, если я буду разлучать женъ отъ мужей? Да, наконецъ, я и права-то этого не имѣю. Мужъ можетъ ее вытребовать къ себѣ. Тогда къ чему все это поведетъ?

Словомъ, Нина Николаевна отказала наотрѣзъ впутываться въ это дѣло. Прыткова извѣстила объ этомъ Блоху.

Черезъ нѣкоторое время вдругъ разошелся слухъ, что Маша сбѣжала. Куда — никто не зналъ. Бросились Климачевы тудасюда—нѣтъ; какъ въ воду канула. Недѣли черезъ двѣ только на базарѣ услыхали, что верстахъ въ двадцати у священника села Крутскаго нанялась какая-то старо-ивановская баба въ кухарки. Примѣты, разсказанныя тамошними бабами, подходили къ Машинымъ. Слухъ дошелъ до Климачевыхъ. Старуха съ Кирюхой тотчасъ же отправилась къ старшинѣ.

Тотъ покачалъ головой.

— Да, ужъ не ожидалъ я этакихъ дѣловъ отъ Евтѣя Евтѣевичевой дочери. Все острожникъ проклятый. И его, говорятъ, эти дни не видно что-то. Да я-то что̀ сдѣлаю? Вѣдь Крутское и волости другой, да и въ участкѣ другого земскаго начальника.

— Ужъ, пожалуйста, Андрей Уваровичъ, помогите.

— Ну, да вотъ что̀, Терентій, — обратился старшина къ

стоявшему у дверей правленія сотскому. — Ты уберись [1]), да поѣзжай съ ними въ Крутское, возьми съ собой тамошняго сотскаго, да привези сюда Марью Дегтереву. Знаешь Евтѣй-Евтѣича дочь?

— Какъ не знать, Андрей Уваровичъ.

— Ну, вотъ-вотъ. Она тамъ у попа нанялась, такъ привези сюда. Кирюха тебя и повезетъ.

— Спасибо, Андрей Уваровичъ,—сказала Анна,—за совѣтъ и наставленіе. Ужъ мы ей зададимъ—бѣгать отъ мужа вздумала! Нѣтъ, не на таковскихъ напхалась.

Часа черезъ четыре, къ маленькому, окруженному густой сиренью, домику священника села Крутскаго подъѣхали на парѣ, запряженной въ телѣгу, Кириллъ Климачевъ, Терентій, староивановскій сотскій, и сотскій села Крутскаго, низенькій, лѣтъ пятидесяти мужичишка съ рѣдкой растительностью на головѣ и на лицѣ и съ тупымъ выраженіемъ лица. Всѣ трое были выпивши. У сотскихъ на шеѣ висѣли бляхи.

Первымъ шелъ крутскій сотскій; помолившись на образа, онъ вошелъ прямо въ залъ. Его встрѣтила матушка, совсѣмъ молодая женщина. Только-что окончившая курсъ епархіальнаго училища, она вышла за отца Владиміра по любви, когда онъ еще былъ псаломщикомъ. Но у него была рука въ консисторіи, и онъ вскорѣ послѣ свадьбы получилъ священническое мѣсто въ небогатомъ приходѣ села Крутскаго.

Когда къ ней явились сотскіе съ Кирюхой, батюшка былъ въ деревнѣ съ требой.

— У васъ, матушка, живетъ Марья Дегтерева въ куфаркахъ?—спросилъ сотскій.

— А вамъ на что?

— Да вотъ что: изъ Старо-Ивановки пріѣхалъ ея мужъ съ сотскимъ; требуетъ ее домой.

Матушка, которой Маша разсказала про свое замужество и про жизнь съ мужемъ, за нее вступилась.

— А тебѣ-то что?

— Да какъ же? А кому же дѣло до этого? Небось мы къ этому приставлены.

Тѣмъ временемъ Терентій съ Кирилломъ изъ прихожей въ другую дверь прошли на кухню, гдѣ, по ихъ соображеніямъ, должна была быть Маша. Она, дѣйствительно, сидѣла за печкой ни жива, ни мертва. Она какъ только увидала въ окно мужа,

[1]) Одѣнься.

да еще съ сотскими, поняла, что пріѣхали за ней. Кириллъ къ ней подошелъ и протянулъ къ ней руки. Она его оттолкнула и выбѣжала къ матушкѣ.

— Не бойся, не бойся, Маша, — сказала та и указала ей дверь въ спальню.

Маша прошла въ спальню, матушка притворила дверь и сама стала передъ дверью. Кириллъ и Терентій тоже вошли въ залъ.

— Чтò это ты, матушка, противъ полиціи идти вздумала? — сказалъ крутскій сотскій. — Аль ты не видишь, мы по дѣлу пришли?

Сотскій при этомъ поправилъ бляху—гляди, молъ. Терентій тоже поправилъ бляху.

— Я, голубчикъ, ничего не знаю. Я тутъ ни при чемъ. Батюшки дома нѣтъ. Вотъ пріѣдетъ изъ деревни, тогда съ нимъ и говорите. А я безъ него васъ пустить не могу.

— Какъ же такъ насъ не пущать,—мы вѣдь тоже не простые мужики; мы всяку штуку можемъ, мы и обыскать можемъ. А ты лучше не противься, матушка. Вѣдь мы по закону требуемъ. Тебѣ же хуже будетъ. Нешто мужнину жену можно насильно держать?

При этихъ словахъ сотскій, а за нимъ и старо-ивановцы какъ будто начали наступать на матушку, чтобы силой отвести ее отъ двери.

Къ счастью, въ это время вошелъ отецъ Владиміръ. Увидавъ у себя эту толпу, онъ тоже смекнулъ, въ чемъ дѣло. Мужики подошли къ нему подъ благословеніе. Сотскіе поправили бляхи.

— Вы чтò сюда пришли?—спросилъ ихъ отецъ Владиміръ.

— Да вотъ, батюшка, у васъ въ куфаркахъ живетъ вотъ его жена,—онъ показалъ на Кирилла,—такъ мы за ней. А матушка вотъ вздумала не пущать.

— А у васъ бумага отъ начальства есть, что я ее пустить долженъ?

— Какая бумага? Старшина ивановскій вотъ сотскому велѣлъ ее привезти. А онъ меня кликнулъ. На кой намъ бумага? Вѣдь мы закона требуемъ.

— Вы не велико еще начальство. Я безъ бумаги ее не отпущу.

— Ты что-то чудно, батюшка, говоришь. Что-жъ, и по закону ты будешь жену отъ мужа держать? Тебѣ это что-то не идетъ.

— А ты меня не учи. Я и самъ знаю законъ. А онъ зачѣмъ ее бьетъ,—нѣшто это законъ?

— А вы, батюшка, побои видѣли?—вмѣшался Кириллъ.—Такъ чего же вы зря говорите? Я за женой пришелъ, за своей. Небось я въ своей-то женѣ воленъ? Что же это такое, господа сотскіе?

Сотскіе, довольные, что ихъ называютъ господами и что ихъ за большую власть считаютъ, стали смѣлѣе.

— Да что, батюшка, зубы-то чесать? Мы свое дѣло знаемъ и законъ исполнимъ. Эй, ты, бѣглянка, выходи!

Крутскій староста подошелъ къ двери спальни. Батюшка съ матушкой переглянулись.

— Маша, выходи,—позвала ее матушка.

— Мужъ тебя не оставляетъ,—продолжалъ о. Владиміръ.—Что же дѣлать, голубушка? А ты ее не бей!

— Ну, ужъ это, батюшка, наше дѣло. Кто же ее учить-то будетъ, какъ не мужъ? Ну, идемъ, идемъ, поворачивайся.

Маша не плакала, только изрѣдка вздрагивала и пошла за мужиками. Матушка прослезилась.

— Что же дѣлать?—говорилъ ей о. Владиміръ.—Хуже бѣду наживешь, да и ее не спасешь.

Машу посадили въ телѣгу и связали ей руки, чтобъ не сбѣжала. У кабака остановились, угостили, какъ слѣдуетъ крутскаго сотскаго за помощь, выпили сами и поѣхали домой. Кириллъ вздумалъ „поучить“ жену, но его остановилъ Терентій.

— Что ты? что ты? При мнѣ не смѣй. Дома—дѣло твое, а тутъ нешто можно? Обалдѣлъ что-ли?

Когда они пріѣхали въ Ивановку и проѣзжали мимо дома Евтѣя Евтѣича, Блоха увидала свою дочь связанную и бросилась къ ихъ телѣгѣ. Кириллъ ее оттолкнулъ.

— Мамушка, не впутывайся въ чужія дѣла. Отдала дѣвку замужъ,—дай мужу знать, что дѣлать. Хороша твоя наука была. Сраму не возьмешь. Спуталась съ острожникомъ, да еще бѣгать вздумала!..

XXIV.

На слѣдующій день къ земскому начальнику явились Блоха и Маша. Прождавъ довольно долго, онѣ были допущены до него. Блоха изложила свою жалобу, говоря за Машу. Земскій начальникъ записалъ жалобу и имъ же далъ, для передачи старшинѣ, бумажку, которою вызывалъ на пятницу старуху Климачеву, Кирилла, Машу и трехъ-четырехъ сосѣдей Климачевыхъ изъ хорошихъ стариковъ.

Въ пятницу камера земскаго начальника была полна народу. Всѣ были въ шубахъ, отъ которыхъ запахъ стоялъ невыносимый. Спереди толпились старшины и писаря. У послѣднихъ подъ мышкой были разныя бумаги. Ждалъ народъ долго, потому что собрались всѣ гораздо раньше назначеннаго срока. Народъ часто выходилъ провѣтриться отъ нестерпимой жары. Говорили шопотомъ. Наконецъ, появился земскій начальникъ въ цѣпи. Старшины и писаря засуетились и начали готовить народъ. Начался разборъ дѣлъ, при чемъ докладывалъ и давалъ заключеніе старшина каждой волости по своимъ дѣламъ. Однимъ изъ послѣднихъ докладывалось дѣло Маши. Старшина въ общихъ выраженіяхъ сказалъ, что у Маши съ мужемъ нелады и что она уже дѣлала попытку отъ него бѣжать.

— Ваше высокоблагородіе!—заговорила Блоха:—измывается онъ надъ ней, во какъ измывается...

— Да ты кто такая?—спросилъ земскій.

— Я мать ея... Маши-то. Просто глаза не глядятъ на дочь-то.

— Ты, матушка, помолчи. Тебя не вызывали. Пускай Марья Дегтерева сама говоритъ. Она не нѣмая и не малолѣтняя.

Маша молчала.

— Ну, что же, говори, голубушка, не бойся. Чего робѣть?

— Меня мужъ бьетъ, ваше высокоблагородіе. Не житье мнѣ съ нимъ. Выдали замужъ насильно. А теперь въ пору руки на себя накладывать. Наука это все свекрови моей.

— И... и... и... И не совѣстно тебѣ это говорить? Да кто же тебя бьетъ? Безстыдница ты этакая!—заговорила старуха Климачева.

— Молчи, молчи. Тебя не спрашиваютъ. Ну, Кириллъ, что ты скажешь? Ты зачѣмъ бьешь жену?

— Да кто же ее билъ, ваше высокоблагородіе? Гдѣ ея побои? Сама она потаскушка. Цѣлый мѣсяцъ въ бѣгахъ была.

Сосѣди всѣ показали, какъ было. Климачевы—семья состоятельная, ни въ чемъ дурномъ не замѣшанная. Маша тоже семьи хорошей, но слухи были про нее дурные и до замужества, и послѣ. Связь ея съ острожникомъ извѣстна всему селу. Она уходила отъ мужа и нанималась въ кухарки къ священнику верстъ за двадцать. Были ли побои или нѣтъ—никто не знаетъ, а, можетъ быть, и были. Анна—старуха сварливая и врядъ ли ея снохѣ живется хорошо.

— Что же я-то тутъ могу сдѣлать?—рѣшилъ земскій начальникъ.—Дѣло семейное. Конечно, жаль молодую бабу, что ее

выдали насильно; добра отъ такой свадьбы ждать нечего, но вѣдь и она не безъ грѣха. Вы вотъ что: идите съ Богомъ. Я ей помочь не могу. Я, правда, вызвалъ васъ, думалъ, что окажутся истязанія, а тутъ истязаній нѣтъ. Одно средство: подайте на Высочайшее имя, чтобы Маріи получить отдѣльный паспортъ. Но врядъ ли что и изъ этого выйдетъ. А я тутъ ничего сдѣлать не могу. Ступайте съ Богомъ. А ты, смотри,—обратился къ Кириллу начальникъ,—коли будешь ее бить, мы съ тобой справимся.

Всѣ поклонились и вышли. Земскій начальникъ посидѣлъ задумчиво и обратился къ старшинамъ.

— Да ужъ чего ждать, когда отдаютъ дочерей насильно? Эхъ, не стоитъ объ этомъ и говорить!

— Вы, ваше высокоблагородіе, все за бабъ стоите,—замѣтилъ старшина, видя, что его начальникъ расположенъ разговаривать.—А это хорошо, что она отъ мужа гуляетъ?

— Э! брось это. Не гуляла бы, кабы ее выдали, какъ она хотѣла. Неужели и ты этого не понимаешь?

— Позвольте мнѣ сказать слово, ваше высокоблагородіе,—вмѣшался другой старшина,—наше дѣло крестьянское: намъ на дѣвокъ смотрѣть нельзя. Мало ли за кого выйти она захочетъ!..

— Ну, довольно, довольно. Кто тамъ еще есть?

И разбирательство жалобъ продолжалось.

Жизнь Маши пошла еще хуже прежняго. Климачевы, чувствуя свою силу, уже не стѣснялись обращаться съ ней какъ съ потаскушкой. Заступиться было некому. Старикъ Климачевъ уже рѣдко слѣзалъ съ печки. Евтѣй Евтѣичъ, несмотря на доводы и убѣжденія жены, все винилъ дочь. Все село было противъ нея. Въ то время Изюмовъ, окончившій курсъ медицинскаго факультета, проводилъ лѣто у дяди, чтобы отдохнуть отъ экзаменовъ. Къ нему Блоха и обратилась, чтобы испытать послѣднее средство, подать жалобу на Высочайшее имя.

Изюмовъ, какъ всегда, горячо взялся за Машино дѣло. Онъ ѣздилъ въ городъ, и тамъ, съ помощью адвоката, прошеніе было написано. Маша его подписала, и Изюмовъ отправилъ его въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ производить дознаніе самъ исправникъ. По пріѣздѣ, онъ, по обыкновенію, остановился у Ардальоновыхъ. Хотя дѣло было секретное, онъ не счелъ нужнымъ молчать о немъ. Онъ думалъ такимъ образомъ узнать правду. Нина Николаевна продолжала порицать Машу, а Михаилъ Степановичъ ее защищалъ. Исправникъ продолжалъ недоумѣвать и съ этимъ отправился на село.

Всѣ свидѣтели были на сторонѣ Кирилла. Никто не былъ свидѣтелемъ дурного съ ней обращенія ея мужа. Съ другой стороны всѣ показанія о ней были для нея неблагопріятны: говорили и объ ея связи съ Сергѣемъ, и объ ея побѣгѣ.

Исправникъ все записалъ дословно и отправилъ свое дознаніе дальше.

Черезъ мѣсяца три Машѣ пришелъ отвѣтъ черезъ полицію, что ея жалоба оставлена безъ послѣдствій, въ виду того, что факты дурного обращенія съ ней мужа не подтвердились при дознаніи.

Такъ какъ жизнь ея становилась все невыносимѣе и притомъ рухнула послѣдняя надежда, то у нея неоднократно возникала мысль о самоубійствѣ, но она ее отвергала и старалась объ этомъ и не думать.

За послѣднее время, впрочемъ, мужъ боялся ее бить попрежнему, потому что беременность ея стала очевидной для всѣхъ. Глумиться надъ ней, поносить ее онъ, конечно, позволялъ себѣ, но бить не билъ: боялся, какъ бы чего не вышло.

XXV.

6-го декабря 1894 года, вскорѣ послѣ попытки Маши бѣжать изъ дому, у Ардальоновыхъ сидѣлъ и пилъ чай становой приставъ. Нина Николаевна и Лиза внимательно слушали его разсказы.

— И удивительное дѣло, какъ въ воду канули! — говорилъ онъ:—вѣдь восемь кражъ въ одинъ мѣсяцъ, и притомъ въ такомъ тихомъ селѣ, какъ Ивановка. Я и то удивлялся: базарное село, а почти не приходится ѣздить сюда. Зато теперь просто мученіе. Съ самой Кузьмы-Демьяны покою нѣтъ; и добро бы мелкія кражи—нѣтъ: все со взломомъ замковъ и на большую сумму. Началось съ амбара Скоробогатовскаго, а теперь вотъ лошадь угнали у отца Петра. Жеребецъ-то двѣсти рублей стоитъ. Да ухитрились-то какъ,—у воротъ замокъ сломали, да на дворъ. Ясно, что завелся свой воръ. Безъ своего вора это немыслимо.

— На кого падаетъ подозрѣніе? Вы дознаніе производили?

— Какъ же-съ, производилъ. Никакихъ слѣдовъ нѣтъ. Воръ ловкій. Грѣшатъ на Сергѣя Ермакова. Его въ народѣ и зовутъ „острожникомъ“. По отцу это—отецъ въ острогѣ за что-то сидѣлъ. Семья дрянная. Но уликъ—никакихъ! Я и съ обыскомъ къ нимъ ходилъ—ничего!

— А кто же говоритъ на Сергѣя? — спросила Елизавета Николаевна.

— Да всѣ говорятъ. Я собиралъ про него справки. Отзывы плохіе. Самъ-то онъ ни въ чемъ не попадался, да отецъ въ тюрьмѣ сидѣлъ, а сынъ тутъ съ бабой какой-то спутался. Ему давно бы жениться пора, а онъ такъ шляется. Я спрашивалъ кое-кого изъ стариковъ, заслуживающихъ довѣрія: говорятъ, больше некому. Да что подѣлаешь? Непойманный воръ—не воръ.

— А я-то еще тогда за отца его хлопотала!—припомнила Нина Николаевна.—Нѣтъ, видно хорошій человѣкъ красть не пойдетъ.

— Воля ваша, я не повѣрю никогда, что это—дѣло рукъ Сергѣя,—возразила Елизавета Николаевна.—Николай Анатольевичъ Изюмовъ намъ за него ручался.

— Не вѣрьте ему, барышня,—отвѣтилъ становой.—Изюмовъ все возится съ своими ребятишками и думаетъ, право, что они всѣ—ангелы у него. А они еще болѣе балуются, бѣгая съ нимъ лѣтомъ, чѣмъ дѣломъ заниматься.

— Ну, такъ что же вы рѣшили насчетъ воровъ-то нашихъ?—спросила Нина Николаевна.

— Чего-жъ тутъ рѣшать? Велѣлъ урядIнику слѣдить за Ермаковымъ. Можетъ, чѣмъ и выдастъ себя. А теперь дѣлать нечего. Ну, а что Михаилъ Степановичъ подѣлываетъ?

— Спасибо. Я отъ него вчера письмо получила. Кончаетъ курсъ, но только и думаетъ, что о деревнѣ. Вотъ ужъ никакъ не ожидала въ немъ этой перемѣны. Прежде все думалъ о службѣ и о дѣлахъ, а теперь и слышать не хочетъ про службу. Ты отъ него не получала писемъ, Лиза?

Елизавета Николаевна, къ концу разговора очень внимательно размѣшивавшая сахаръ въ чаю, вспыхнула и тихо отвѣтила:

— Получила. Онъ мнѣ разныхъ порученій надавалъ насчетъ нѣкоторыхъ крестьянъ, да денегъ выслалъ кое-кому изъ нихъ за землю внести Обрѣзкову.

— Ужъ очень, Нина Николаевна, балуютъ они мужиковъ. Вѣдь сами потомъ плакаться будутъ. Они вѣдь благодарны не будутъ за ихъ милости.

— Я ему ужъ и такъ это говорила, да ничего не подѣлаю. А тутъ еще Лиза ему напѣваетъ. И такъ мальчикъ увлекся благотворительностью, а она ему все новыхъ несчастныхъ подсовываетъ. Всѣхъ лодырей на ноги вздумали поставить.

Такъ мирно шелъ разговоръ за чаемъ у Нины Николаевны.

Тѣмъ временемъ, на селѣ, въ трактирѣ, по случаю празд-

ника, собралось много народу. Тоже шла рѣчь о кражахъ, происходившихъ за послѣднее время на селѣ.

— Я говорилъ батюшкѣ,—громко разсказывалъ, развалясь на стулѣ, сильно подвыпившій старикъ,—чтобы онъ карихъ лошадей не покупалъ. Какія у него карія лошади ни были, всѣ либо пали, либо испортились, либо, вотъ теперь, украдена. Такъ вотъ же не вѣритъ. Пустяки, молъ, все это. А вотъ теперь и свисти. „Вѣрно, дѣдъ Лукьянъ", говоритъ сегодня, „ты мнѣ предсказалъ. Мнѣ бы тебя послушаться".—Теперь-то, говорю ему, поздно слушаться, какъ увели. Не хочешь ли, батюшка еще у меня карюху купить?.. „Нѣтъ, ужъ теперь не буду. Послушаюсь тебя".

— Ужъ этотъ дѣдъ Лукьянъ!—вставилъ тоже подвыпившій молодой парень:—всѣ предметы знаетъ.

— Да какъ же не знать-то? Небось, до семидесяти лѣтъ дожилъ. А предметамъ какъ не вѣрить? Ноньче лѣтомъ молодой докторъ хотѣлъ моего внученка въ ученье взять. Нѣтъ, говорю, шалишь. Ты ихъ портишь только. Въ предметы вѣрить не велишь. А мы вѣримъ, и отцы наши вѣрили, и внукамъ мы вѣрить велимъ. Такъ-то-съ.

— А какъ ты думаешь, дѣдъ Лукьянъ,—кто жеребца-то у батюшки увелъ?

— Кто? А кому же увести, кромѣ острожника? На то онъ и острожникъ. Это кажному видно. Вотъ и Евтѣй Евтѣичъ. Я съ нимъ говорилъ про это. Ему совѣстно за дочь, что съ такимъ спуталась. Какъ будто и не вѣритъ, что онъ укралъ, а самъ говоритъ батраку—а я слышалъ: „Увидишь острожника,—ты слѣди за нимъ, не сперъ бы чего". А мнѣ говоритъ, что это не острожникъ.

— Какая-то баба, говорятъ, ноньче ночью выходила,—разсказывалъ какой-то крестьянинъ, сидѣвшій у другого стола,— и видѣла, какъ Ермаковъ прокрадывался ночью къ усадьбѣ батюшки.

— Какая баба?

— А Богъ ее знаетъ. Мнѣ говорили. Люди врутъ, и я тоже. А я слышалъ, будто вѣрно видѣла.

— Да чего тутъ? Старшина и то говоритъ, что становой, вишь, дознаніе производилъ, да уликъ будто никакихъ нѣтъ. Андрей Уварычъ и говоритъ: „Будь я на мѣстѣ становаго, я его засадилъ, да велѣлъ бы урянику съ нимъ поговорить—живо бы сознался".

— Теперь, слышь, такъ не велятъ. Всѣмъ ворамъ потачку даютъ.

XXVI.

Къ вечеру въ трактиръ приходило все больше и больше народу. Разговоръ все шелъ о происходившихъ за послѣднее время кражахъ, причемъ каждый связывалъ представленія о нихъ съ „острожникомъ“. Уже давно стемнѣло, какъ вдругъ послышался ударъ въ колоколъ, за нимъ другой, третій, еще и еще, все скорѣе и скорѣе.

— Набатъ, набатъ, въ набатъ бьютъ!—послышалось отовсюду.

Народъ выбѣжалъ на улицу—кто въ шапкѣ, а кто и шапку позабылъ. Горѣло за церковью. Народъ побѣжалъ туда. Рядомъ съ домомъ Евтѣя Евтѣича вся въ огнѣ стояла небольшая избушка; загоралась соломенная крыша на дворѣ Евтѣя Евтѣича. Большая толпа стояла на улицѣ и разговаривала.

— Ахъ, батюшки, самъ Евтѣй Евтѣичъ загорѣлся! Какая постройка и проулокъ большой, а отстоять не могли!..

— Гдѣ народъ-то?

— Какой народъ? Что здѣсь стоятъ—и тѣ не работаютъ.

Вещи выносили изъ дома Евтѣя Евтѣича и изъ слѣдующихъ. Первымъ съ усадьбы прискакалъ Александръ Степановичъ; увидя, что работа идетъ плохо,—прежде всего кинулся на стоявшихъ на улицѣ.

— Вы что, негодяи, стоите—не работаете? Маршъ таскать и заливать! Вы глазѣть пришли?..

И Александръ Степановичъ прибавилъ крѣпкое словечко. Онъ былъ видимо возбужденъ и метался на своемъ жеребцѣ изъ стороны въ сторону. Народъ разбѣжался. Дворъ Купріяшина вплотную примыкалъ къ его дому, такъ что и домъ, несмотря на желѣзную крышу, загорѣлся.

Народу собиралось все больше; затѣмъ подъѣхала какая-то бочка съ водой. Стали плескать ведрами. Трубы не было. Наконецъ прискакали на дрогахъ съ Ардальоновской трубой. Вода привозилась изрѣдка, такъ что трубѣ не приходилось дѣйствовать много. Пріѣхала и волостная труба, да гдѣ-то что-то примерзло. Труба не работала. На тройкѣ съ колокольцами прискакалъ становой; за нимъ въ шарабанѣ пріѣхала Ардальонова съ Лизой. Становой сталъ понукать народъ работать.

— Да чего же работать?—говорили они:—вѣдь на крышахъ стоятъ, кое-что таскаютъ, а воды нѣтъ. Вы бы за водой послали, ваше высокоблагородіе.

— У васъ лошади есть?—обратился становой къ двумъ пришедшимъ изъ кабака мужикамъ.

— Есть.

— Такъ поѣзжайте за водой.

— Мы на концѣ села живемъ. Пока добѣжимъ—и горѣть нечему будетъ.

— Не разговаривать! Ступайте за бочками. Я вамъ задамъ, мошенникамъ!..

Мужики куда-то скрылись.

Между тѣмъ занялись еще двѣ избы. Народъ таскалъ, что попало, даже гдѣ и опасности не было никакой. Сухая, безснѣжная зима все высушила. Огню пища была обильная. Евтѣй Евтѣичъ просилъ поливать его амбаръ; другіе тянули его трубу къ себѣ, заливать уже горѣвшія избы; третьи умоляли поливать подъ вѣтеръ, чтобы дальше не шло. Бабы, многія раздѣтыя, голосили на улицѣ.

Становой, среди шума, гналъ народъ работать; Александръ Степановичъ, съ поднятой нагайкой, ругалъ всѣхъ.

— Чего они безъ толку гоняютъ за народомъ!—говорилъ докторъ Ѳедосѣенко отцу Семену.—Такъ вѣдь весь народъ разбѣжится.

— Народъ нашъ необразованъ,—возразилъ отецъ Семенъ.— Стоятъ какъ овцы. Безъ понуканія нельзя.

— Знамо,—господа: надо пошумѣть. А тутъ ничего не подѣлаешь,—говорилъ слышавшій это старикъ.

— Видѣли, Петръ Антоновичъ, Ермакова? — спросилъ о. Семенъ.

— Какого Ермакова?

— Да Сергѣя острожника?

— А что?

— Онъ у Цецарки со двора возъ пшена на себѣ вывезъ. Они только привезли его съ рушалки. Совсѣмъ крыша загорѣлась. Пропадать бы пшену, а онъ одинъ вывезъ. Откуда сила взялась?

— Сила всегда бываетъ съ испугу, батюшка. А Сергѣй себя не пожалѣетъ. А кто эта Цецарка?

— Да тутъ вдова одна. У нея и урожаю-то всего было, что это пшено.

О томъ же говорила толпа мужиковъ и бабъ, стоявшая въ сторонѣ.

— Какъ онъ подхватитъ возъ,—говорила одна баба,—такъ и вывезъ, чисто салазки по льду.

— А вотъ онъ тутъ былъ съ самаго начала пожара. Такіе люди ищутъ пожаровъ: было бы чѣмъ поживиться.

— Это вѣрно ты сказалъ. Вотъ я въ городѣ Ригѣ жилъ, такъ тамъ, бывало, какъ пожаръ,—вся золотая рота тутъ. Какъ будто работаютъ, а сами тащатъ, что могутъ. Сколько вещей разворуютъ—страсть! А тамъ ищи потомъ.

— Да что это! Иной разъ еще сами подожгутъ, чтобы попользоваться. Ужъ народъ такой—совѣсти ни на грошъ.

— Ужъ не острожникъ ли и поджегъ? Вѣдь онъ на Евтѣя Евтѣича золъ.

— Такъ вѣдь загорѣлось же съ тетки Мареы.

— А онъ не дуракъ: онъ и зажегъ подъ вѣтеръ.

— Ну! Пожалѣлъ бы людей жечь; тетка Мареа ему еще сродни приходится.

— Такіе люди никого не пожалѣютъ. На нихъ и креста нѣтъ.

У амбара, который кое-какъ удалось отстоять, сидѣла Блоха и плакала. Рядомъ сидѣла Маша и тоже плакала. Подошелъ Евтѣй Евтѣичъ.

— Чего тутъ усѣлась? Можетъ, и острожника своего сюда привела? Я тебѣ сказалъ—ко мнѣ не смѣть ходить!

— Побойся Бога,—отвѣтила ему Блоха:—дѣвку погубили сами, да еще теперь все попрекаемъ. Ты хочешь въ гробъ ее ввести, что-ли? Богъ ужъ наказалъ насъ ныньче, что дочь загубили.

— Не Богъ наказалъ, а люди. Я знаю, что говорю.

— Аль грѣшишь на кого?

— Грѣшу, не грѣшу—дѣло не ваше. Вотъ, Андрей Уварычъ,—прибавилъ онъ, идя на встрѣчу подходившему старшинѣ, такъ, чтобы никто не слыхалъ:—какъ жить-то съ этимъ народомъ? А вѣдь это дѣло его рукъ.

— Ну? Быть не можетъ. Неужто посмѣетъ?

— Видѣть-то я не видалъ, конечно. Я былъ на гумнѣ, когда народъ зашумѣлъ: „пожаръ"; только успѣлъ прибѣжать, а ужъ онъ тутъ таскаетъ у тетки Мареы, какъ будто старается.

— Гм... всяко бываетъ. Слѣдовъ-то теперь не найдешь.

— Какіе слѣды, коль все село тутъ топталось. Да и свидѣтелей не будетъ. Кто же при людяхъ пойдетъ поджигать?

— Что же? надо сказать становому.

— И говорить не стоитъ. Вѣдь доказательствъ нѣтъ.

— Онъ поразспроситъ. Можетъ, кто и видѣлъ что-нибудь.

— Не стоитъ, Андрей Уварычъ; коли кто что знаетъ, и

такъ извѣстно будетъ; а дознаніемъ мы только его предупредимъ. Лучше другія мѣры принять противъ него.

— Тамъ подумаемъ. Теперь мнѣ надо идти караульныхъ на ночь поставить. Какъ бы вѣтромъ не раздуло. Вотъ горе-то. Шесть дворовъ сгорѣло, да еще зимой—на Николинъ день: Слыханное ли это дѣло? Гдѣ же ты жить будешь, Евтѣй Евтѣичъ?

— Да къ сестрѣ на квартиру пойду. Куда же мнѣ больше? До весны строиться не придется. Убытковъ-то сколько! Такъ бы его и зарѣзалъ, подлеца!

Старшина пошелъ распоряжаться насчетъ ночной стражи. Въ волостномъ правленіи уже сидѣлъ становой и разспрашивалъ о причинѣ пожара. Никто, конечно, не видалъ: загорѣлось со двора тетки Марѳы. Не знали даже, изнутри ли, снаружи ли загорѣлось. Когда увидали, вся крыша уже была въ огнѣ. Одинъ старикъ выразилъ увѣренность, что это былъ поджогъ. На вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, онъ отвѣтилъ, что, во-первыхъ, не отъ чего было загорѣться, а во-вторыхъ, потому что ему подозрительнымъ показалось быстрое появленіе Сергѣя Ермакова, который живетъ довольно далеко.

Позвали Сергѣя. На вопросъ, гдѣ онъ былъ, когда загорѣлось, онъ отвѣтилъ, что гулялъ по улицѣ и невдалекѣ отъ пожара чуть не первый его увидалъ.

— А гдѣ ты гулялъ и съ кѣмъ видѣлся?

Сергѣй замялся. Онъ не могъ сказать, что бродилъ вокругъ дома Климачевыхъ, надѣясь увидѣть Машу.

— Да такъ гулялъ, ваше высокоблагородіе, и ни съ кѣмъ не видался.

Отвѣтъ показался подозрительнымъ, но больше отъ него ничего не добились. Становой отпустилъ его, приказавъ еще разъ урядпику прислушиваться къ тому, что будутъ говорить на селѣ.

Евтѣй Евтѣичъ становому никакихъ подозрѣній не высказалъ, а убытки свои оцѣнилъ въ семьсотъ рублей.

Становой поужинать опять заѣхалъ къ Ардальоновой.

— Такъ то вотъ,—говорилъ онъ,—вотъ, вы, барышня, все заступаетесь за Сергѣя Ермакова. Теперь этотъ пожаръ; конечно, уликъ нѣтъ опять достаточныхъ, чтобы его арестовать или привлекать, но посудите сами: малый поздно вечеромъ гуляетъ одинъ, такъ что никто его не видитъ, и притомъ такъ гуляетъ, что къ самому началу пожара онъ—тутъ. Согласитесь, что есть о чемъ подумать.

— Пожалуй, я согласна, что вы можете его подозрѣвать, но позвольте же мнѣ быть убѣжденной, что онъ и въ поджогѣ не виновенъ, какъ не виновенъ онъ въ кражахъ. Николаю Анатольевичу я вѣрю безусловно; а онъ мнѣ ручался, что Сергѣй — прекрасный человѣкъ, котораго преслѣдуетъ судьба. И пока я сама не увижу, что онъ воръ или поджигатель, я буду говорить и повторять, что онъ невиненъ.

— Ахъ, Лиза, какъ ты горячо заступаешься за человѣка, котораго вовсе не знаешь! — замѣтила Нина Николаевна. — Мало ли негодневъ на свѣтѣ.

— Какъ я его не знаю? А въ холеру я развѣ не была у нихъ съ Михаиломъ Степановичемъ? Да не вы ли съ нимъ хлопотали объ его отцѣ, когда его въ тюрьму сажали? Да и сегодня я его видѣла, какъ онъ работалъ на пожарѣ. Сколько онъ потаскалъ имущества, которое безъ него сгорѣло бы; хотя бы пшено бѣдной Цецарки. А завтра позвольте мнѣ, Нина Николаевна, взять лошадь, на деревню съѣздить. Надо кое-чѣмъ помочь погорѣльцамъ.

— А у тебя деньги есть?

— Михаилъ Степановичъ мнѣ оставилъ на всякій случай. — Говоря это, Лиза покраснѣла. — Да кромѣ Евтѣя Евтѣича всѣ погорѣльцы — бѣдные, въ особенности Мароа. У нея ничего не успѣли спасти. Еле-еле вытащила она дѣтей и больного мужа, да и тѣхъ раздѣтыхъ.

— Говорю вамъ, барышня, — вы ихъ всѣхъ избалуете.

— Вы ее не увѣрите. Ужъ я и ей, и Мишѣ тысячу разъ это говорила, — да ничего не подѣлаешь. Всѣ у нихъ бѣдные да несчастные. Я на нихъ уже рукой махнула.

Всѣ встали изъ за стола. Становой сталъ прощаться.

Александръ Новиковъ.

РУССКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

НА

ВСЕМІРНОЙ ВЫСТАВКѢ

I.

Значеніе всемірныхъ выставокъ обусловливается тѣмъ, что онѣ служатъ не только мѣрилами достигнутыхъ въ разныхъ государствахъ техническихъ и культурныхъ успѣховъ, но и показателями того, что еще остается сдѣлать и въ какомъ направленіи слѣдуетъ идти впередъ. Съ этой въ особенности точки зрѣнія мы хотимъ повести рѣчь о современномъ положеніи благотворительности въ Россіи по поводу двухъ изданій, предназначенныхъ для парижской выставки.

Одно изъ нихъ озаглавлено: „Русскіе дома трудолюбія, состоящіе подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Θеодоровны по даннымъ 1900 года". Очеркъ этотъ, снабженный діаграммами и фототипіями, роскошно изданъ московской городской думою. Поводомъ къ этому изданію послужило то обстоятельство, что 28 изъ русскихъ домовъ трудолюбія, и въ ихъ числѣ городской домъ трудолюбія въ Москвѣ, отправили на парижскую выставку образцы своего производства или фотографіи, изображающія эти учрежденія, и желательно было познакомить какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ посѣтителей выставки съ этимъ русскимъ учрежденіемъ—въ виду чего очеркъ напечатанъ въ двухъ изданіяхъ; на русскомъ и на французскомъ языкахъ. Но составитель очерка

31*

задавался, кромѣ того, цѣлью содѣйствовать развитію этого дѣла въ Россіи и обратить вниманіе на общія условія нашей жизни и законодательства, отъ которыхъ зависитъ его дальнѣйшій успѣхъ. Мысль связать милосердіе съ требованіемъ труда, проявить благотворительность въ дѣлѣ *трудовой помощи*—великая культурная мысль, но именно поэтому она не могла явиться рано. Милосердіе сначала вездѣ выражается въ формѣ милостыни, которая ничего не требуетъ въ замѣнъ отъ ищущаго помощи; а кромѣ того самая организація трудовой помощи обусловливаетъ собою большія затраты и предполагаетъ уже развитое общество.

Но неразборчивая милостыня подрываетъ трудолюбіе и потому вызываетъ, наконецъ, запрещеніе милостыни и строгія мѣры противъ лицъ, способныхъ къ работѣ, но живущихъ подаяніемъ. Такъ было и въ Россіи при Петрѣ Великомъ, который приказалъ карать подачу милостыни пенею въ 5 р., а здоровыхъ нищихъ отправлять на заводы и въ прядильные дома.

При запрещеніи милостыни, однако, долго не принималось во вниманіе, что не всѣ здоровые нищіе, просящіе милостыню—тунеядцы, а иные по неволѣ принуждены прибѣгать къ милостынѣ за неимѣніемъ работы. Таковымъ, если не давать имъ милостыню, необходимо оказывать трудовую помощь. Въ Россіи эта мысль о трудовой помощи впервые появляется въ законодательствѣ Екатерины Великой, заключающемъ въ себѣ первый систематическій планъ общественнаго призрѣнія. На учреждаемые въ каждой губерніи приказы общественнаго призрѣнія была тогда возложена обязанность учреждать повсемѣстно больницы, богадельни, пріюты для умалишенныхъ, сиротскіе и работные дома, которые должны были принимать и людей, „добровольно" туда приходящихъ. Задача, возложенная на приказы общественнаго призрѣнія, была, однако, такъ широка и требовала такихъ большихъ средствъ, что благая мысль законодательницы не могла быть осуществлена приказами. Лишь кое-гдѣ и помимо приказовъ возникло въ Россіи нѣсколько работныхъ домовъ. Самымъ выдающимся изъ нихъ былъ учрежденный въ Москвѣ въ 1837 г. работный домъ, находившійся подъ управленіемъ особаго комитета для разбора нищихъ, задерживаемыхъ полиціей. Хотя въ этотъ домъ, по его уставу, должны были быть принимаемы и лица, добровольно въ него приходившія,—онѣ на самомъ дѣлѣ составляли въ немъ рѣдкое исключеніе. Подобный домъ существуетъ и въ Петербургѣ.

Лишь сто лѣтъ спустя послѣ того, какъ въ законодательствѣ

Екатерины Великой была высказана правительствомъ мысль о необходимости трудовой помощи, въ русскомъ обществѣ явились первыя попытки удовлетворить этой потребности. Онѣ возникали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ и потребность эта живѣе ощущалась и гдѣ явились дѣятели, способные къ почину. При такихъ условіяхъ возникло, въ 1882 г., въ Кронштадтѣ учрежденіе, усвоившее себѣ названіе *Домъ трудолюбія,* такъ какъ предназначалось для лицъ, искавшихъ работы. Въ Кронштадтѣ, какъ портовомъ городѣ, всегда было много рабочаго люда, остававшагося по временамъ безъ заработка; въ Кронштадтѣ же при Андреевскомъ Соборѣ, настоятелемъ котораго былъ о. Іоаннъ Сергіевъ, возникло попечительство, развившее широкую просвѣтительную и благотворительную дѣятельность. Въ числѣ устроенныхъ имъ 17 учрежденій была и пенько-щипальная мастерская для мужчинъ и женщинъ, не имѣвшихъ заработка.

Четыре года спустя, возникъ въ Петербургѣ „Евангелическій домъ трудолюбія", подъ вліяніемъ и по образцу нѣмецкихъ Arbeiterkolonien. Онъ предназначался не столько для лицъ, случайно оставшихся безъ заработка и искавшихъ кратковременнаго пріюта, сколько для лицъ, сбившихся съ трудовой колеи и нуждавшихся въ продолжительномъ *воспитаніи* и привычкѣ къ трудовой жизни. Въ виду того, уже на 5-й годъ были выдѣлены изъ дома престарѣлые въ особое убѣжище, вслѣдствіе чего въ самомъ домѣ работа могла быть ведена настойчивѣе и усерднѣе. Постепенно увеличивалось и число лицъ, поступавшихъ въ домъ, и число мастерскихъ, для нихъ устроиваемыхъ. Съ каждымъ отчетнымъ годомъ росла смѣта дома трудолюбія и его имущество. Но что еще важнѣе, отчеты представляютъ возростающее число лицъ *пристроенныхъ*, т. е. болѣе или менѣе окончательно выведенныхъ на путь самостоятельнаго существованія, и въ числѣ лицъ, дѣлавшихъ взносы на содержаніе дома трудолюбія, встрѣчались бывшіе обитатели его. Въ январѣ нынѣшняго года въ евангелическомъ домѣ были одни мужчины—въ числѣ 74.

Въ устройствѣ евангелическаго дома трудолюбія принималъ особенно дѣятельное участіе баронъ О. О. Буксгевденъ. Его и командировало министерство внутреннихъ дѣлъ въ различные провинціальные города въ 1887 — 88 годахъ, чтобы побудить мѣстное общество устроивать дома трудолюбія, какъ средство для „сокращенія нищенства, предупрежденія преступленій, часто совершаемыхъ съ голода, и для содѣйствія развитію народнаго труда".

Многіе провинціальные города отозвались на этотъ призывъ.

Еще раньше (въ 1886 г.) возникъ домъ трудолюбія во Псковѣ; а вслѣдъ за этимъ постепенно возникало почти ежегодно по нѣскольку домовъ трудолюбія, такъ что общее число ихъ достигло въ 1895 г. — 43. Провинціальные дома трудолюбія, сообразно съ мѣстными потребностями, приближались къ одному общему типу. Они не имѣли спеціальнаго характера евангелическаго дома трудолюбія, но, представляя собою весьма часто единственное благотворительное учрежденіе въ городѣ, должны были удовлетворять различнымъ потребностямъ, служа и дѣтскимъ пріютомъ, и богадельней для престарѣлыхъ, и убѣжищемъ для мало способныхъ къ работѣ. Нѣкоторые изъ нихъ даже превращались въ исключительно дѣтскіе пріюты. Вездѣ благотворительная задача преобладала надъ соціально-воспитательной. Лишь въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ съ болѣе сильнымъ приливомъ рабочаго люда и бо́льшею примѣсью городского пролетаріата трудовая помощь дѣйствительно стояла на первомъ планѣ.

Такъ стояло дѣло, когда Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Θеодоровнѣ благоугодно было принять дома трудолюбія подъ свое покровительство. Для поощренія дѣла трудовой помощи Государь Императоръ, въ указѣ отъ 1-го сентября 1895 г., „обративъ вниманіе на горестную судьбу тѣхъ, которые, терпя крайнюю нужду, тщетно ищутъ заработка и пріюта“,— повелѣлъ учредить особое попечительство о домахъ трудолюбія, предназначенное для того, чтобы оказывать „этимъ учрежденіямъ необходимую поддержку и помощь“, а также содѣйствовать пріумноженію ихъ въ Россіи. Во главѣ попечительства былъ поставленъ комитетъ изъ 10 членовъ, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государыни. Свое назначеніе поддерживать существующіе дома трудолюбія и содѣйствовать пріумноженію ихъ комитетъ исполнялъ двумя способами: выдачей изъ своихъ средствъ безвозвратныхъ *пособій* преимущественно на постройку зданій для этихъ домовъ—и выдачей денежныхъ *ссудъ* на этотъ предметъ. По первой статьѣ комитетъ истратилъ по январь 1900 года 134.126 руб., изъ которыхъ большая половина—98.888 руб.— были выданы тринадцати учрежденіямъ трудовой помощи въ самомъ Петербургѣ и 35.238 руб.—шестнадцати провинціальнымъ учрежденіямъ. Ссудами было выдано 108.700 руб. двадцати-двумъ провинціальнымъ учрежденіямъ и 5.000 руб. одному изъ петербургскихъ. Всего же—247.826 руб.

Покровительство, оказываемое Государыней Императрицей трудовой помощи, и учрежденіе особаго комитета попечительства о домахъ трудолюбія подъ личнымъ предсѣдательствомъ Ея Ве-

личества оживили всеобщій интересъ къ этой формѣ благотворительности, и со дня указа 1-го сентября 1895 г. въ теченіе двухъ лѣтъ прибавилось къ прежнимъ 43 домамъ трудолюбія еще 38.

II.

Обязанность комитета, по отношенію къ домамъ трудолюбія, не могла, конечно, ограничиваться одной денежной поддержкой ихъ,—надо было также руководить ихъ дѣятельностью; но слѣдить за нею по отчетамъ было невозможно, такъ какъ отчеты не всегда присылались своевременно, и многое, что желательно было знать, не попадало въ отчеты. Въ виду этого, комитетомъ, были разосланы въ 1896 г. домамъ трудолюбія *вопросные листы* и, на основаніи отвѣтовъ, доставленныхъ 49-ю домами, было составлено первое обслѣдованіе домовъ трудолюбія [1]). Разсылка вопросныхъ листовъ повторилась въ 1897 году; отвѣты были на этотъ разъ присланы 105-ю домами. Третья разсылка вопросныхъ листовъ была сдѣлана 16-го января нынѣшняго года, и доставленный отвѣтами матеріалъ послужитъ основаніемъ для предлагаемаго нами очерка. Отвѣты эти поступали въ весьма различные промежутки времени и не всегда сообразно съ разстояніемъ. Первымъ—на другой же день—отвѣтилъ домъ трудолюбія въ Галерной-Гавани въ Петербургѣ; въ теченіе января пришло 33 отвѣта. Присылка отвѣтовъ продолжалась весь февраль и мартъ; послѣдніе отвѣты пришли: 4-го апрѣля изъ Хвалынска и 5-го мая—изъ Хабаровска.

Въ спискѣ комитета числится 130 домовъ; отвѣты получены отъ 94. Но изъ этого числа восемь домовъ не сообщили никакого матеріала, такъ какъ или еще не были открыты, или не оказывали трудовой помощи. Такимъ образомъ, у насъ имѣются фактическія данныя о трудовой помощи въ началѣ нынѣшняго года въ 86-ти учрежденіяхъ этого рода.

Однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ для характеристики домовъ трудолюбія является, конечно, ихъ классификація, въ основаніе которой можно положить различные признаки: качество призрѣваемыхъ, количество ихъ, проживаніе ихъ въ домѣ или внѣ его, родъ ихъ занятій и т. п.

Что касается до качества призрѣваемыхъ, т. е. опредѣленія

---

1) В. И. Герье. „Что такое домъ трудолюбія?“ Въ ноябрьской книжкѣ журнала „Трудовая Помощь“ за 1897 г.

ихъ по возрасту и полу, то большинство домовъ трудолюбія представляетъ общій *смѣшанный типъ*, т.-е. соединеніе дѣтскаго пріюта, богадельни для престарѣлыхъ и дома трудолюбія. Изъ 86-ти домовъ въ этомъ отношеніи приходится выдѣлить 16, которые призрѣвали исключительно дѣтей. Но въ 10-ти другихъ количество дѣтей такъ преобладаетъ надъ взрослыми, что они также приближаются собственно къ дѣтскимъ пріютамъ; въ Екатеринштадтѣ, напр., изъ 70-ти призрѣваемыхъ 63 ребенка; въ Люблинѣ на 98 лицъ призрѣваемыхъ—дѣтей 80; въ Слободскомъ—6 взрослыхъ на 26 дѣтей, въ Полтавѣ—58 дѣтей изъ 103 лицъ; въ Радомѣ—80 дѣтей изъ 136; въ Томскѣ—62 изъ 80. Въ особенности слѣдуетъ въ этомъ отношеніи обратить вниманіе на кронштадтскій домъ трудолюбія; въ его отчетѣ число получающихъ трудовую помощь опредѣлено въ 608; но на самомъ дѣлѣ ихъ только 53, такъ какъ въ число 608 вошло 555 дѣтей, изъ которыхъ 110 живутъ въ пріютѣ, а 445 посѣщаютъ начальныя школы попечительства. Относительно пола, 11 домовъ принимаютъ только мужчинъ, 16—только женщинъ, но нѣкоторые изъ послѣднихъ (Елабуга, Плоцкъ) дѣлаютъ при этомъ исключеніе, принимая мальчиковъ.

По отношенію къ вопросу о мѣстѣ проживанія призрѣваемыхъ можно различить три группы домовъ: 36 домовъ имѣютъ у себя только живущихъ, 20—только приходящихъ; въ 30 домахъ встрѣчаются какъ живущіе, такъ и приходящіе.

Важнѣйшими признаками для характеристики домовъ трудолюбія могли бы служить свѣдѣнія о времени пребыванія каждаго призрѣваемаго въ домѣ и свѣдѣнія о работахъ въ домѣ; но правильная регистрація работъ и времени пребыванія каждаго трудолюбца такъ рѣдко производится, что на основаніи матеріаловъ, доставленныхъ третьимъ обслѣдованіемъ, невозможно дѣлать общихъ заключеній.

Наиболѣе нагляднымъ признакомъ дѣятельности домовъ и средствомъ для ихъ характеристики остается поэтому *количество* призрѣваемыхъ ими лицъ. Этотъ признакъ, впрочемъ, имѣетъ и внутреннее значеніе въ томъ отношеніи, что правильное веденіе дѣла возможно лишь при извѣстномъ минимумѣ призрѣваемыхъ,—не говоря о томъ, что при маломъ количествѣ призрѣваемыхъ содержаніе дома обходится несоразмѣрно дорого.

Если руководиться этимъ признакомъ количества трудолюбцевъ, то можно распредѣлить упомянутые 86 домовъ трудолюбія, за исключеніемъ чисто дѣтскихъ домовъ, на четыре группы: 1) Дома, въ которыхъ число призрѣваемыхъ ниже 20;

если принять во вниманіе, что обыкновенно въ общемъ числѣ показаны и дѣти, и престарѣлые, и неспособные къ работѣ, то такіе дома трудолюбія только въ исключительныхъ случаяхъ могутъ заслуживать свое названіе,—изъ 86 домовъ такихъ было 16. 2) Мелкіе дома трудолюбія, въ которыхъ число призрѣваемыхъ не доходитъ до 50; домовъ этой группы, по свѣдѣніямъ 1900 года, 24. 3) Средніе дома, съ числомъ отъ 50 до 100 призрѣваемыхъ,—18 домовъ. 4) Крупныя учрежденія—12 домовъ: въ Варшавѣ, Кіевѣ, Кронштадтѣ, Одессѣ, Москвѣ, Петербургѣ (1-й 1897 г.); въ Полтавѣ, Радомѣ, Ростовѣ, Самарѣ, Саратовѣ и Царскомъ-Селѣ. Правда, если исключить дѣтей изъ общаго числа призрѣваемыхъ, тогда нѣкоторые дома должны быть отнесены къ низшей категоріи. Такъ, изъ 4-й группы спустятся въ 3-ю—Кронштадтъ, Полтава, Радомъ; а въ 3-й группѣ останутся лишь Митава, Нижній, с.-петербургскій „евангелическій“ и „образованныхъ женщинъ“, череповецкій и виленскій.

Въ общемъ итогѣ получается слѣдующій результатъ: въ день полученія высланныхъ 16-го января изъ Петербурга вопросныхъ листовъ (или въ день составленія отвѣта) въ 71 домѣ смѣшаннаго типа, приславшихъ свѣдѣнія, призрѣвалось 3.090 взрослыхъ и 1.533 дѣтей, и кромѣ того, въ 15-ти дѣтскихъ домахъ трудолюбія 740 дѣтей; итого дѣтей—1.273; всего же взрослыхъ и дѣтей въ 86-ти домахъ 5.363 человѣка.

Географически 86 домовъ, уже имѣющихъ у себя призрѣваемыхъ и приславшихъ о себѣ свѣдѣнія, можно распредѣлить на слѣдующія группы: 1) сѣверъ:—архангельская, вятская и вологодская губерніи—6 домовъ; 2) Петербургъ—13; 3) округъ Петербурга—12 домовъ; 4) остзейскія губерніи—2 дома; 5) Западный край—3 дома; 6) польскія губерніи (считая варшавскіе дома за одинъ)—5 домовъ; 7) Москва (не считая городского работнаго дома)—2 и московскій округъ—7; 8) черноземныя губерніи—2; 9) югъ Россіи—9; 10) приволжскія губерніи—13; 11) Кавказъ—2; 12) Уралъ—8 и Сибирь—2.

Какъ было выше указано, наибольшей поддержкой комитета пользовались учрежденія трудовой помощи въ самомъ Петербургѣ, благодаря чему число ихъ здѣсь особенно возросло и замѣчается большое разнообразіе въ назначеніи трудовыхъ учрежденій. Остановимся поэтому на нихъ нѣсколько подробнѣе, насколько къ этому даютъ возможность доставленные не всѣми домами отвѣты.

Три года спустя послѣ основанія евангелическаго дома трудолюбія—въ 1886 г., въ Петербургѣ возникъ другой домъ трудолюбія для бѣднѣйшихъ жителей столицы безъ различія пола и возраста; но вслѣдствіе шестилѣтняго неудачнаго призрѣнія мужчинъ—въ немъ съ 1892 г. призрѣваются лишь женщины, дѣвицы и дѣвочки; 21-го января 1900 г. въ немъ было всего 56 лицъ, а именно: 2 женщины, 25 дѣвицъ и 29 дѣвочекъ, моложе 15-ти лѣтъ. Кромѣ 20-ти живущихъ въ домѣ дѣвочекъ, всѣ прочія были приходящія. Для женщинъ же предназначались и устроенный въ 1894 г. такъ называемый „С.-Петербургскій *первый* для женщинъ домъ трудолюбія" и въ томъ же году—„Большой Охтенскій домъ трудолюбія для женщинъ и дѣтей", въ которомъ въ январѣ 1900 г. было занято работою 45 лицъ, а именно 6 женщинъ, 14 дѣвушекъ и 25 дѣвочекъ моложе 15-ти лѣтъ—всѣ приходящія.

Учрежденіе въ 1895 г. попечительства о домахъ трудолюбія дало новый толчокъ развитію трудовой помощи женщинамъ въ Петербургѣ. Въ томъ же году, на пособіе въ 500 р., отпущенное комитетомъ попечительства, былъ устроенъ обществомъ для вспоможенія бѣднымъ въ приходѣ св. Троицы небольшой домъ трудолюбія въ Галерной-Гавани. Это—мастерская для приходящихъ. Въ январѣ въ ней было „занято работою" 10 лицъ, причемъ нельзя не отмѣтить, что изъ нихъ двое были 70-ти лѣтъ, трое 60-ти лѣтъ и только двое моложе 40-ка лѣтъ; кромѣ того, шестеро приходятъ въ домъ съ самаго его основанія.

Болѣе интереса, съ точки зрѣнія принципа трудовой помощи, представляетъ возникшій въ 1898 г. домъ трудолюбія для образованныхъ женщинъ, открытый стараніями барона Буксгевдена и получившій отъ комитета пособіе въ 6.000 р. Домъ былъ сначала разсчитанъ на 50 приходящихъ, а потомъ расширенъ для 100 лицъ. Работа, предоставляемая въ домѣ, весьма разнообразна: съ одной стороны, работа интеллигентная—переводы, составленіе отчетовъ, корректура; съ другой стороны, работа механическая — переписка на машинѣ или рукодѣльная. Для лицъ, незнакомыхъ съ рукодѣльемъ, устроена школа шитья и кройки. Въ январѣ нынѣшняго года въ домъ приходили на работу 64 лица, время пребыванія которыхъ въ домѣ показано очень разнообразно; такъ же разнообразна и заработная плата—1 р. 25—45 к., но также 15 и 12 к. Въ теченіе 1899 г. въ домѣ перебывало 227 лицъ, которымъ было выдано заработной платы 3.159 р. Общій итогъ расходовъ исчисленъ въ 9.673 р., а поступленій—въ 15.271 р.

Что же касается до трудовой помощи мужчинамъ, то въ Петербургѣ, кромѣ евангелическаго дома, долго ничего не имѣлось. Учрежденіе попечительства вызвало въ этомъ отношеніи перемѣну къ лучшему. Первый изъ домовъ трудолюбія для однихъ мужчинъ возникъ въ 1896 г., на Петербургской-Сторонѣ. Въ январѣ въ немъ было 30 лицъ, изъ которыхъ 3 престарѣлыхъ; всѣ проживали въ самомъ домѣ. Всѣмъ имъ велся аккуратный списокъ, съ обозначеніемъ семейнаго и общественнаго положенія, причинъ, побудившихъ ихъ поступить въ домъ, а также и времени поступленія, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о многихъ другихъ домахъ трудолюбія. Такой списокъ можетъ краснорѣчивѣе всего убѣдить въ необходимости подобныхъ учрежденій. Домъ разсчитанъ на 50 человѣкъ; въ немъ 4 мастерскія. Заработываютъ призрѣваемые въ нихъ отъ 10 до 50 к. Изъ этой платы имъ выдается на руки 20%. Въ расходахъ показано: на продовольствіе 1.222 р.; на заработную плату 426 р., на матеріалъ 604 р.; очень высока статья „ремонтъ и расходъ по дому" — 3.683 р. Общій расходъ — 6.683 р., такъ что средняя годовая стоимость каждаго призрѣваемаго — 223 р. Итогъ поступленій — 6.614 р. Домъ имѣлъ въ 1899 г. безвозвратное пособіе отъ комитета.

Въ томъ же 1896 г. возникъ домъ трудолюбія на Глухоозерной улицѣ — для мужчинъ отъ 18 до 60 лѣтъ, на 40 человѣкъ живущихъ, съ 3 мастерскими — для клейки пачекъ на 35, ткацкой на 5 и столярной на 2 чел. Въ январѣ сего года въ домѣ работало 35 чел. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ о 28 лицахъ, 4 — находились въ домѣ менѣе одного мѣсяца, большинство (14) — 2 мѣсяца, пятеро — отъ 7 до 9 мѣсяцевъ. Заработокъ показанъ отъ 15 к. до 75 к., изъ которыхъ удерживалось 10 к. Въ 1899 г. издѣлія дома были проданы безъ остатка на 1.754 р.; расходъ на заработную плату показанъ въ 1.432 р., на продовольствіе — 892 р., общій расходъ въ 4.105 р., что составляетъ, въ среднемъ, при 35 призрѣваемыхъ, около 120 р. въ годъ на каждаго. Общій итогъ поступленій — 4.443 р. Отъ попечительства домъ на Глухоозерной улицѣ пособій не получалъ.

11-го февр. 1897 г. открытъ с.-петербургскимъ попечительнымъ обществомъ о домахъ трудолюбія такой домъ для мужчинъ, женщинъ и дѣтей не моложе 10 лѣтъ. Онъ былъ названъ *Первымъ* потому, что общество имѣло въ виду выстроить въ различныхъ мѣстностяхъ Петербурга дома трудолюбія въ количествѣ, соотвѣтствующемъ потребности. Благодаря энергической дѣятельности предсѣдателя общества, с.-петербургскаго градоначаль-

ника, Н. В. Клейгельса, былъ выстроенъ на Обводномъ каналѣ прекрасный каменный двухъ-этажный домъ съ подвальнымъ помѣщеніемъ для кухни и мастерской. Въ отличіе отъ указанныхъ ранѣе домовъ трудолюбія, *Первый домъ* имѣетъ дѣло преимущественно съ оставшейся безъ работы частью чернорабочаго населенія, впавшею вслѣдствіе этого въ крайнюю нищету, выражающуюся уже во внѣшнемъ ея видѣ. Поэтому чрезвычайно цѣлесообразна устроенная въ особомъ зданіи при домѣ трудолюбія баня съ дезинфекціонной при ней камерой. Не менѣе сообразно съ характеромъ призрѣваемыхъ въ этомъ домѣ людей производство въ мастерской подвальнаго этажа *швабръ*, не требующее никакой особой подготовки. Кромѣ этой мастерской на 100 ч. въ домѣ, находится ткацкая на 20 чел., коврики и полотенца которой отличаются большимъ изяществомъ, и столярная на 40 ч. Поденной платы выдается, кромѣ довольствія, отъ 5 до 20 к., смотря по старанію. Помѣщеніе разсчитано на 250 ч. Наивысшее число призрѣвавшихся въ домѣ было 234, наименьшее—15 ч. Въ день полученія вопроснаго листа въ домѣ было 215 ч.; изъ нихъ 7 дѣтей, 19 ж. и 189 мужчинъ. Изъ послѣдняго разряда 50 человѣкъ имѣли ночлегъ въ домѣ. Время пребыванія ихъ въ домѣ не показано. По отчету за 1899 годъ на продовольствіе истрачено 1.491 р.; заработной платы выдано 1.522; на матеріалъ для работы истрачено 4.558; общій расходъ—11.298 р.; за сработанные въ домѣ предметы выручено 6.476 р.; общій итогъ всѣхъ поступленій, съ членскими взносами—4.120, и денежными пожертвованіями—не считая большихъ пожертвованій натурою—14.407 р.

Для совершенно другого слоя населенія предназначенъ домъ трудолюбія для образованныхъ мужчинъ, возникшій благодаря кружку лицъ, образовавшемуся 11-го ноября 1898 г. у барона О. О. Буксгевдена, на пожертвованіе бывшаго городского головы Ратькова-Рожнова въ 3.000 р. Правленіе дома задается мыслью быть не только „посредникомъ между предлагающими и ищущими интеллигентнаго труда“, но и работодателемъ, и съ этою цѣлью проектируетъ приступить къ изданію ряда брошюръ и устроило мастерскую художественнаго труда. Такъ какъ изъ этого дома не получено отвѣта на предложенные ему въ январѣ вопросы, то болѣе подробныя свѣдѣнія о дѣятельности дома не могутъ быть здѣсь сообщены.

Изъ дѣтскихъ домовъ трудолюбія въ вѣдѣніи попечительства находятся въ Петербургѣ два: домъ для „мальчиковъ подростковъ“ въ Галерной-Гавани, съ 1897 г., и пріютъ св. Ольги для

дѣтей до 15-лѣтняго возраста, также съ 1897 г. Въ первомъ изъ нихъ въ январѣ было дѣтей 32, живущихъ и приходящихъ. Для ихъ обученія было приглашено 3 мастера. Въ пріютѣ св. Ольги было 7 мальчиковъ и 14 дѣвочекъ, начиная съ 6 лѣтъ.

Но наиболѣе выдающееся учрежденіе для дѣтей, непосредственный памятникъ заботъ Ея Величества о трудовой помощи, это—„С.-Петербургскій Ольгинскій дѣтскій пріютъ трудолюбія", основанный 3-го ноября 1897 г. и названный именемъ великой княжны Ольги Николаевны. Пріютъ предназначается для дѣтей, остающихся въ столицѣ безъ призора или пристанища въ возрастѣ: для мальчиковъ отъ 6 до 15 лѣтъ и для дѣвочекъ отъ 6 до 16 лѣтъ. Онъ помѣщается въ Царской-Славянкѣ, а малолѣтнее его отдѣленіе—въ Царскомъ-Селѣ, въ зданіи Императорской Фермы. Щедрой рукой раскинуты въ Царской-Славянкѣ постройки, предназначенныя для того, чтобы дать воспитаніе и пріучить къ труду жалкую и въ извѣстной части уже испорченную дѣтвору, безпризорно скитающуюся по улицамъ громадной столицы—главный домъ съ церковью и центральной кухней, семь домовъ для мальчиковъ на 20 человѣкъ каждый, домъ для дѣвочекъ и малолѣтнихъ, домъ для мастерскихъ, больница, скотный дворъ, молочная, баня съ прачешной, слесарная и кузница, изба для сторожей, ледникъ, конюшня и сарай. Подъ пріютъ отведено 54 десятины. Здѣсь въ январѣ училось и работало 120 призрѣваемыхъ мальчиковъ и 45 дѣвочекъ старше 10 лѣтъ; помимо малолѣтнихъ, помѣщавшихся на фермѣ—всего 189 дѣтей. Пріучаются они какъ къ земледѣльческому труду, такъ и къ ремеслу. Ради послѣдней цѣли при пріютѣ 11 наемныхъ мастеровъ и мастерицъ и пять мастерскихъ: столярная на 60 человѣкъ, слесарная съ кузницей на 40, сапожная на 20, портняжная на 20 и рукодѣльная на 45. Содержится Ольгинскій пріютъ на средства Ихъ Императорскихъ Величествъ, и въ 1899 г. на него отпущено изъ собственной Его Величества канцеляріи 52.877 р. Изъ этой суммы выдано жалованья служащимъ—15.708 р., на продовольствіе—16.259 р., на заработную плату—200 р. (поощрительная плата дѣтямъ), 2.850 р.—на ремонтъ, и на прочія нужды—14.159 р. Въ приходъ поступило 4.125 р., вырученныхъ мастерскими: сапожной—1.472 р. съ коп., портняжной—1.251 р., столярной—915 р., слесарной—485 р.

Совершенно иной оборотъ приняло дѣло трудовой помощи въ Москвѣ: вмѣсто небольшихъ учрежденій, устроенныхъ раз-

личными частными обществами Петербурга, трудовая помощь сосредоточивается въ Москвѣ въ рукахъ городского управленія, которому удалось въ послѣдніе годы создать самое обширное въ этой области и образцовое по своей дѣятельности учрежденіе. Кромѣ этого, трудовая помощь женщинамъ оказывается въ Москвѣ нѣсколькими спеціальными мастерскими.

При городскомъ домѣ трудолюбія находится устроенная въ 1896 г. С. Н. Горбовой, на ея средства, мастерская для приходящихъ женщинъ-швей. Особенность этой мастерской заключается въ томъ, что при ней—ясли для дѣтей тѣхъ матерей, которыя приходятъ работать въ домѣ. 1-го апрѣля въ Горбовскомъ домѣ работало 105 женщинъ, при которыхъ находилось 8 дѣтей. Домъ работаетъ по заказамъ; въ 1899 г. имъ заработано 20.572 р., изъ которыхъ уплачено за матеріалъ 4.597 р., а заработной платы выдано 2.858 р. Такъ какъ всѣхъ рабочихъ дней въ этомъ году показано 16.499, — что составляетъ въ среднемъ, при 285 рабочихъ дняхъ въ году, 58 лицъ, то на каждую посѣтительницу дома приходится общаго заработка въ году около 48 р. Дѣйствительный заработокъ отдѣльныхъ посѣтительницъ очень различенъ, отъ 8 коп. въ день до 1 р. 50 коп. Администрація дома, помимо дешевой столовой при домѣ, обходится въ 170 р. въ мѣсяцъ, т.-е. 2.040 р. въ годъ.

Нѣсколько раньше, въ 1893 г., подобный же домъ трудолюбія для приходящихъ женщинъ былъ основанъ въ Москвѣ А. Н. Стрекаловой, извѣстной своею болѣе чѣмъ сорокалѣтнею плодотворной дѣятельностью въ области благотворенія и распространенія образованія. Домъ находится въ завѣдываніи общества „Муравейникъ“ и заключаетъ въ себѣ, кромѣ мастерской для шитья платья и бѣлья, школу шитья и кройки для бѣдныхъ дѣвочекъ и отдѣленіе для раздачи работъ на дому преимущественно бѣднымъ женщинамъ, рекомендуемымъ городскими попечительствами. По свѣдѣніямъ, доставленнымъ въ концѣ апрѣля, Сергіевскій домъ давалъ въ то время въ своей мастерской работу 31 женщинѣ—всѣ онѣ приходящія; изъ описанія 1897 г. видно, что онъ давалъ тогда еще работу на домъ 68 женщинамъ. Свѣдѣній о денежныхъ оборотахъ этого дома не представлено.

Кромѣ того, въ Москвѣ имѣются семь швейныхъ мастерскихъ при шести городскихъ попечительствахъ. Три изъ нихъ имѣютъ характеръ учебныхъ мастерскихъ, въ которыхъ обучались 26, 11 и 10 ученицъ. Остальныя были мастерскими для взрослыхъ. Двѣ мастерскія попечительства 1-го прѣсненскаго участка доставили заработокъ 107 женщинамъ, всего на сумму

1.276 р. Заработокъ въ мастерской 2-го прѣсненскаго участка равнялся 2.431 р., а въ мастерской сущевскаго попечительства—1.352 руб.

Обратимся теперь къ „Московскому Городскому дому трудолюбія", стоящему особнякомъ отъ разсмотрѣнной выше группы домовъ, которымъ комитетъ попечительства о домахъ трудолюбія разослалъ вопросные листы.

Въ концѣ 80-хъ годовъ министерство внутреннихъ дѣлъ предложило столичнымъ думамъ вопросъ, предпочитаютъ ли онѣ увеличить пособіе, отпускавшееся ими комитету работнаго дома, или же взять въ свое вѣдѣніе борьбу съ нищенствомъ. Петербургъ предпочелъ сохранить комитетъ. Московская же дума отвѣтила, что она готова взять на себя дѣло комитета, если ей будетъ предоставлено право завести въ городѣ мѣстные органы общественнаго призрѣнія для оказанія помощи нуждающимся и предотвращенія нищенства. Министерство согласилось на это, утвердило проектъ думы, и съ конца 1894-го года въ Москвѣ стали дѣйствовать городскія участковыя попечительства о бѣдныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и работный домъ перешелъ въ городское управленіе.

Этотъ переходъ немедленно выразился въ расширеніи и улучшеніи дѣятельности работнаго дома по отношенію къ лицамъ, приводимымъ полиціей за нищенство. При комитетѣ ихъ содержалось въ среднемъ до 100; при городскомъ управленіи ихъ число увеличилось въ первый же годъ (1895) до 150 и затѣмъ, въ 1899, возросло до 603. Всѣмъ этимъ людямъ правленіе дома впервые стало доставлять настоящую работу и заработокъ.

Не входя въ дальнѣйшія подробности по этому вопросу, разсмотримъ здѣсь лишь вновь образовавшійся при работномъ домѣ, какъ особый отдѣлъ его—домъ трудолюбія. Не привыкшее искать трудовой помощи, московское населеніе не сразу проложило себѣ путь въ новый домъ трудолюбія; въ 1896 г. добровольцевъ въ среднемъ числѣ въ домѣ призрѣвалось—48. Но это число быстро возросло. Уже въ слѣдующемъ году среднее число призрѣваемыхъ было—426, въ 1898 г.—795, а въ 1899—796; перебывавшихъ же въ домахъ трудолюбія за этотъ годъ лицъ было 7.377—немного болѣе, чѣмъ лицъ, доставленныхъ полиціей за прошеніе милостыни (7.357). Число искавшихъ трудовой помощи было весьма различно по мѣсяцамъ. Наименьшія числа относятся, конечно, къ лѣтнимъ мѣсяцамъ—іюню (374) и іюлю (309)—ко времени полевыхъ работъ. Но интересно, что какъ

апрѣль, такъ и февраль показываютъ большое уменьшеніе (351)— по случаю пасхи и масляной недѣли и ухода въ деревню. Августъ и сентябрь представляютъ нѣкоторое увеличеніе—536 и 528. Въ октябрѣ число приходящихъ за работой возростаетъ до 720 и доходитъ въ ноябрѣ до своего максимума—1.270; декабрь и мартъ стоятъ на одной высотѣ—902 и 907; январь представляетъ уменьшеніе.

Всѣ эти люди прибѣгаютъ къ дому трудолюбія въ послѣдней крайности. Имущественное положеніе ихъ гораздо хуже тѣхъ, которые доставляются въ работный домъ за прошеніе милостыни. Только семь (7,5) процентовъ добровольцевъ поступаютъ въ одеждѣ годной, и ни у одного изъ нихъ никогда не оказывалось денегъ, между тѣмъ какъ у нищихъ бываютъ на рукахъ деньги отъ копѣекъ до десятковъ и иногда до сотенъ рублей. Кромѣ того, нищіе большею частью обезпечены постояннымъ пристанищемъ, а изъ добровольцевъ только пять (5,4) процентовъ жили на своихъ квартирахъ или у родственниковъ, а 87 процентовъ имѣли свое пребываніе въ ночлежныхъ домахъ.

Ихъ положеніе ухудшалось и становилось, такъ сказать, хроническимъ, вслѣдствіе того, что у 38 процентовъ не было паспортовъ. Въ теченіе послѣдняго года домъ трудолюбія доставилъ паспорты 3.219 человѣкамъ.

Громадное большинство изъ нихъ мужчины—7.211; женщинъ было 166. По происхожденію, большинство изъ 6 прилегающихъ къ Москвѣ губерній—3.348; 2.027—изъ одной московской губерніи, 1.140—изъ Москвы, 852—изъ дальнихъ губерній и 10—иностранцевъ. По времени пребыванія въ Москвѣ, большинство проживало въ этомъ городѣ болѣе 2 лѣтъ; 404—отъ одного года до 2 лѣтъ; 923—менѣе одного года; 761 пробыли менѣе одного мѣсяца.

Принимались въ 1899 г. всѣ приходившіе за трудовой помощью—за исключеніемъ 200 рецидивистовъ, которымъ было отказано; 200 человѣкъ, также рецидивисты, были приняты съ уменьшенной платой, а 13—до заработка извѣстной суммы.

Такая масса людей не могла, конечно, помѣститься въ старомъ работномъ домѣ. Для расширенія его городъ пріобрѣлъ, въ 1897 г., владѣніе Борисовскихъ въ Сокольникахъ, обнимавшее до 10 десятинъ съ нѣсколькими фабричными корпусами. Главный корпусъ былъ приспособленъ съ затратою до 140.000 руб. на надобности дома трудолюбія. Это зданіе въ настоящее время вмѣщаетъ въ себѣ до 2.500 чел. Другой затѣмъ корпусъ былъ приспособленъ для 120 призрѣваемыхъ, страдающихъ хрониче-

скими болѣзнями, какъ изъ нищихъ, такъ и изъ добровольцевъ, а третій—для лицъ, неспособныхъ къ труду. Кромѣ заботы о здоровьѣ призрѣваемыхъ, управленіе дома трудолюбія заботилось также о ихъ духовныхъ нуждахъ. Съ 1897 г. въ домѣ производились духовныя бесѣды и чтенія съ туманными картинами и заведена библіотека, насчитывающая до 2.500 названій.

Но главной заботой управленія—и, конечно, самой трудной—было доставленіе трудолюбцамъ работы и хорошаго заработка. Съ переходомъ дома къ городскому управленію были сначала введены самыя простыя производства (напр. клейка чайныхъ коробочекъ), не требующихъ особаго умѣнья, а также устроены нѣкоторыя мастерскія—сапожная, переплетная и т. п.—для ремесленниковъ. Это дѣло стало развиваться путемъ расширенія помѣщеній и найма спеціальныхъ мастеровъ для руководства работающими—и въ настоящее время ремесленныя мастерскія дома имѣютъ вполнѣ солидный промышленный характеръ съ суммой годичнаго оборота въ 110.000 руб. Эти мастерскія двухъ типовъ: общаго производства, не требующаго подготовки со стороны работающихъ, какъ-то: клейка чайныхъ коробокъ, конвертовъ, пакетовъ, нашивка крючковъ или пуговицъ, плетенье корзинъ и т. п. Второй типъ составляютъ ремесленныя мастерскія—сапожная, переплетная, столярная, обойная, кузнечно-слесарная и шорная. Изъ нихъ въ 1899 г. наибольшую валовую выручку доставили: коробочная—12.511 руб., столярная—15.261 руб., сапожная—16.465 руб. и кузнечно-слесарная—60.658. При этомъ нужно еще имѣть въ виду, что въ этихъ мастерскихъ работный домъ являлся почти исключительно исполнителемъ заказовъ, вслѣдствіе чего эти мастерскія находились въ зависимости отъ случайности и не всегда могли занимать всѣхъ призрѣвавшихся.

Но уже въ 1895 г. былъ сдѣланъ первый опытъ организаціи артелей изъ трудолюбцевъ, для посылки ихъ на различныя внѣшнія, преимущественно черныя работы, какъ для городскихъ надобностей, такъ и по требованію частныхъ лицъ. Послѣднимъ моментомъ явилась организація *общественныхъ работъ*, какъ по ремонту городскихъ зданій, такъ и асфальтовыхъ. Эти работы—въ 1899 г. на 170.000 руб.—оказались выгодными для города еще и потому, что дали ему возможность нормировать цѣны на заказы города частнымъ подрядчикамъ. Какъ быстро и широко развивалась организація трудовой помощи при домѣ—видно изъ того, что въ 1896 г. рабочихъ дней, проведенныхъ въ домѣ, было 30.129; въ слѣдующемъ году ихъ число возросло до 89.798; въ 1898 г. составило—183.521, а въ 1899—232.241.

Чѣмъ значительнѣе число дней, проведенныхъ призрѣваемыми въ домѣ, тѣмъ труднѣе для управленія находить для всѣхъ постоянную работу. Достоинство организаціи работъ въ московскомъ городскомъ работномъ домѣ и энергія его управленія поэтому въ особенности ярко проявляются въ сравнительно небольшомъ количествѣ незанятыхъ дней. Общее число проведенныхъ трудоспособными призрѣваемыми въ домѣ составляетъ 393.883 дня; изъ нихъ проведенныхъ за работою дней было — 232.241 день; но если исключить изъ числа 393.883 дней праздничные дни, дни болѣзни, дни, проведенные въ *сборномъ* отдѣленіи, и т. п., то останется дней, которые могли бы быть использованы работою—271.724. Слѣдовательно, по вычетѣ изъ этой цифры 232.241 дня дѣйствительной работы, лишь оказавшійся остатокъ въ 39.483 дня представитъ количество дней, проведенныхъ безъ работы, что составляетъ—14,5% общаго числа дней. Другими словами, изъ общаго числа призрѣваемыхъ— 138 человѣкъ, въ среднемъ, оставались ежедневно безъ работы.

Это число—232.241 рабочихъ дней—распредѣляется слѣдующимъ образомъ между упомянутыми выше работами: на внѣшнихъ работахъ проведено — 78.862 дня, въ мастерскихъ— 77.495, на работахъ по дому—47.550 и на городскихъ работахъ—28.235 дней. Изъ этихъ работъ наиболѣе выгоды, какъ для дома, такъ и для самихъ рабочихъ, представляла работа асфальтовая: въ среднемъ, 24 коп. рабочему и 94 коп. дому; мастерскія давали рабочему, въ среднемъ, заработокъ въ 18 коп. и дому 30 коп.; внѣшнія работы—22 и 47 коп.; работы для дома давали рабочему 8 коп. Съ расширеніемъ дѣятельности работнаго дома и производствомъ болѣе выгодныхъ работъ сталъ увеличиваться и заработокъ призрѣваемыхъ: въ 1897 г. онъ выразился, въ среднемъ, въ суммѣ 37 коп. за одинъ рабочій день (заработокъ призрѣваемаго и остатокъ въ пользу дома) въ 1898 г. 38,8 коп., а въ 1899 г.—47,7 коп.

Въ общемъ результатѣ эта работа доставила валовой выручки, т.-е., со включеніемъ расходовъ на матеріалъ—332.003 р. Главную часть этой выручки—161.285 руб. доставили внѣшнія работы, 11.120 руб.—мастерскія, 48.503 руб.—внѣшнія работы и т. д.

Причисливъ къ валовой выручкѣ отъ работы и издѣлій 17.619 руб., поступившихъ отъ тюремнаго отдѣленія въ возмѣщеніе за продовольствіе нищихъ въ домѣ и небольшую сумму процентовъ съ капитала дома, мы получимъ въ общемъ приходѣ дома 353.401 руб.

Изъ этой суммы выдано на руки призрѣваемымъ заработной платы—42.184 руб., не считая той части заработка, которая пошла въ возвратъ городскимъ расходамъ.

Содержаніе такого числа призрѣваемыхъ, управленіе такой обширной организаціей и матеріалъ для работъ (ремонтныхъ) и издѣлій обходились, конечно, не дешево. На матеріалъ истрачено въ круглыхъ цифрахъ 173.000 р.; продовольствіе стоило 55.000 руб.; отопленіе и освѣщеніе—12.000 руб.; одежда, обувь, бѣлье и стирка его—11.500 руб.; администрація и канцелярія—33.000 руб. Общій расходъ достигъ цифры 421.966 руб., такъ что городскому управленію пришлось нести расходъ на рабочный домъ и домъ трудолюбія въ 68.564 руб.

Но необходимо при этомъ принять во вниманіе, что часть этихъ тратъ идетъ на неизбѣжную борьбу съ нищенствомъ; другая—спасаетъ отъ нищенства или полнаго изнуренія и нравственнаго растлѣнія ежегодно нѣсколько сотъ трудоспособныхъ людей: 28-го марта 1900 г. въ московскомъ работномъ домѣ со включеніемъ трудолюбцевъ было занято работою 1.262 человѣка (изъ которыхъ 82 женщины); содержалось: неспособныхъ къ работѣ 503 взрослыхъ, дѣтей 38; взрослыхъ, способныхъ къ работѣ, но не занятыхъ—50 и 97 въ сборномъ отдѣленіи; всего же было укрыто отъ нужды и порока 1.950 человѣкъ изъ городского населенія.

Болѣе живое представленіе о домахъ трудолюбія, чѣмъ предшествовавшая характеристика ихъ, дадутъ выставленные ими на парижской выставкѣ предметы. Здѣсь наглядно проявляется и работа людей, которымъ была оказана трудовая помощь, и заботы о нихъ со стороны учредителей и руководителей домовъ трудолюбія. Въ выставкѣ участвуютъ 28 учрежденій трудовой помощи; изъ нихъ 8 знакомятъ съ собой посѣтителей фотографіями. Между экспонатами другихъ преобладаетъ женское рукодѣліе отъ самыхъ простыхъ работъ, которыя можетъ исполнить неопытная работница, до самаго тонкаго, изящнаго шитья, обличающаго опытную мастерицу и хорошую школу шитья и кройки. Особенно въ этомъ отношеніи отличаются разнообразіемъ и изяществомъ экспонаты „Московскаго Муравейника". Къ швейному производству въ нѣкоторыхъ случаяхъ присоединяется выпилка деревянныхъ вещей. Въ другихъ случаяхъ преобладаетъ ремесленное производство, болѣе или менѣе легко доступное, разсчитанное на крестьянскія потребности (Козьмодемьянскъ и Ростовъ на-Дону), щеточное и желѣзодѣлательное (Тула), щеточное и столярное (Минскъ), коробочное (Елецъ). Особенный интересъ

представляютъ тѣ экспонаты, которые имѣютъ мѣстный характеръ или мѣстное назначеніе; въ первомъ случаѣ, напр., можно указать на соломянки польскихъ домовъ трудолюбія (Варшава, Сувалки, Люблинъ), на издѣлія изъ корня въ Слободскомъ, разноцвѣтныя брони Симбирска и бруски Калуги; во второмъ случаѣ— на произведенія нижегородскаго дома трудолюбія, приспособленныя къ потребностямъ жизни на большой рѣкѣ — спасательные круги, кранцы, маты и т. д. Но особеннымъ разнообразіемъ поражаютъ экспонаты саратовскаго и череповецкаго домовъ трудолюбія; здѣсь—все, отъ всевозможныхъ ткацкихъ издѣлій, бѣлья, чулокъ, желѣзныхъ, жестяныхъ и столярныхъ издѣлій до мелочей, какъ коробки для петардъ и подчасники.

Съ размноженіемъ и развитіемъ домовъ трудолюбія стало рости и то учрежденіе, которое было призвано покровительствовать имъ—попечительство о домахъ трудолюбія, и стали усложняться обязанности и задачи комитета. Для успѣха трудовой помощи было важно не только привлекать пожертвованія на это дѣло и давать пособія домамъ трудолюбія, но и позаботиться о распространеніи въ русскомъ обществѣ правильныхъ представленій о благотворительности и о правильной организаціи ея.

Съ этой цѣлью Ея Величество пожертвовала капиталъ въ 20.000 р., для образованія изъ процентовъ съ него преміи въ 1.500 р., выдаваемой черезъ три года за лучшее сочиненіе по благотворительности, и 500 р.—за лучшій переводъ. Въ нынѣшнемъ году происходила первая выдача премій. На конкурсъ было представлено 10 сочиненій, изъ которыхъ два были удостоены половинной преміей въ 750 р., а три—похвальнаго отзыва; два перевода были удостоены преміями въ 400 р. и въ 100 р. Для вящшаго поощренія соціально-филантропической литературы Ея Императорское Величество увеличила въ настоящее время основной капиталъ на 50.000 р., такъ что онъ нынѣ представляетъ сумму въ 70.000 р., изъ процентовъ съ которой будетъ выдаваться одна большая премія въ размѣрѣ 2.000 р., одна въ 1.000 р. и двѣ по 750 р.

Съ тою же цѣлью распространенія правильныхъ представленій о благотворительности и трудовой помощи, при комитетѣ съ 1897 г. издается особый журналъ „Трудовая Помощь", выходящій десятью книжками въ годъ, подъ редакціей В. Дерюжинскаго.

Въ Россіи давно ощущалась потребность въ такомъ спеціальномъ органѣ по благотворительности, и была попытка удовлетворить этой потребности. Но безъ Высочайшаго покровительства

не могъ выходить такой журналъ, который, подобно „Трудовой Помощи“, систематически знакомитъ публику какъ съ тѣмъ, что̀ дѣлается въ области благотворительности, такъ и съ тѣмъ, что̀ должно быть сдѣлано. Помѣщая у себя оригинальныя статьи по разнымъ вопросамъ трудовой помощи, редакція журнала въ особенности старается сосредоточить въ своей хроникѣ всякаго рода свѣдѣнія, необходимыя для всякаго, кто желаетъ слѣдить за тѣмъ, что̀ дѣлается въ области общественнаго призрѣнія. Въ особенности интересны въ этомъ отношеніи сообщенія, доставляемыя министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отъ членовъ россійскихъ миссій и консульствъ за границей.

Дѣятельность комитета весьма скоро привела членовъ его къ убѣжденію въ необходимости расширенія программы попечительства и его организаціи. Съ этою цѣлью была образована среди комитета особая коммиссія для обсужденія этого вопроса и подготовленія новаго проекта устава.

Этому же вопросу была посвящена и рѣчь, произнесенная во второмъ годичномъ собраніи попечительства о домахъ трудолюбія 22 мая 1898 года однимъ изъ членовъ комитета [1]. Разсмотрѣвъ вопросъ о количествѣ безработныхъ въ разныхъ государствахъ Европы и въ Америкѣ, авторъ рѣчи сдѣлалъ разборъ тремъ главнымъ видамъ трудовой помощи въ Европѣ, имѣющимъ цѣлью: 1) облегчить не имѣющимъ заработка найти работу—посредническія учрежденія; 2) обезпечить во время безработицы тѣхъ, кто остается безъ работы—страхованіе, и 3) вызвать новый спросъ на работу—дома трудолюбія, рабочія колоніи и общественныя работы. Обратившись затѣмъ къ Россіи, авторъ упомянулъ о томъ, какая великая будущность ожидаетъ попечительство о домахъ трудолюбія, если оно станетъ во̀-время *центральнымъ органомъ* и руководителемъ усилій, направленныхъ къ развитію въ Россіи трудовой помощи. Дѣятельность попечительства могла бы особенно благотворно проявиться во время кризисовъ въ жизни сельскаго населенія, которые неизбѣжны въ земледѣльческой странѣ.

Эти слова оказались, къ сожалѣнію, пророчествомъ, слишкомъ скоро осуществившимся.

Повторившійся въ приволжскихъ губерніяхъ въ 1898 г. неурожай имѣлъ такіе размѣры, что ни земская помощь, ни помощь Краснаго Креста и частныхъ обществъ не были въ со-

---

[1]) Рѣчь В. И. Герье, съ добавленіями, напечатана въ октябрьской книгѣ „Трудовой Помощи“ за 1898 г.

стояніи предотвратить нужду мѣстнаго населенія, выражавшуюся въ сильномъ развитіи болѣзней и полнѣйшемъ упадкѣ многихъ крестьянскихъ хозяйствъ. При такихъ условіяхъ учрежденію, призванному, согласно съ царскимъ словомъ, оказывать трудовую помощь терпящимъ крайнюю нужду, было невозможно не придти на помощь голодающему населенію. Съ этою цѣлью комитетъ постановилъ, съ разрѣшенія Ея Величества, командировать на Волгу двухъ изъ своихъ членовъ, д. т. сов. М. Н. Галкина-Враскаго и барона О. О. Буксгевдена. Уполномоченные комитета отправились на Волгу въ концѣ апрѣля съ нѣсколькими помощниками и сотрудниками. Дѣятельность ихъ распространилась на пять губерній: казанскую, вятскую, симбирскую, уфимскую и самарскую, охвативъ цѣлый рядъ находящихся въ нихъ уѣздовъ. О дѣятельности М. Н. Галкина-Враскаго и его помощника по симбирской губерніи, Е. Д. Максимова, напечатаны краткіе отчеты въ 4 книжкахъ „Трудовой Помощи“. Дѣятельность эта принимала, смотря по мѣстнымъ условіямъ, весьма разнообразный характеръ, выражаясь или въ производствѣ различныхъ земляныхъ работъ, которыя, давая мѣстному населенію заработокъ, въ то же время прочно содѣйствовали мѣстному благосостоянію—укрѣпленіе и насажденіе овраговъ, защита полей отъ песковъ и т. д., или же въ устройствѣ яслей и подспорьѣ мѣстному кустарному промыслу.

Значеніе этой дѣятельности можно будетъ вполнѣ оцѣнить, когда выйдетъ въ свѣтъ предполагаемый къ изданію оффиціальный отчетъ въ 30 печатныхъ листовъ. Отчетъ будетъ состоять изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Отдѣлъ первый — общественныя работы — въ свою очередь будетъ распадаться на группы: по водоснабженію, по дорожнымъ сооруженіямъ, по укрѣпленію овраговъ, по осушенію болотъ, по борьбѣ съ песками, по строительнымъ работамъ, по устройству жилыхъ и холодныхъ помѣщеній. Второй отдѣлъ будетъ обнимать различныя новыя учрежденія трудовой помощи. Въ третьемъ отдѣлѣ будетъ идти рѣчь о пособіяхъ, оказанныхъ существующимъ уже учрежденіямъ трудовой помощи. Четвертый отдѣлъ будетъ касаться снабженія крестьянъ матеріалами и орудіями различныхъ производствъ и сельско-хозяйственнымъ инвентаремъ. Въ пятый отдѣлъ войдутъ ясли, а въ шестой—остальныя формы трудовой помощи. Особенный интересъ будетъ представлять введеніе, гдѣ будетъ разсмотрѣнъ вопросъ о значеніи трудовой помощи крестьянскому населенію, пострадавшему отъ неурожая, и о поддер-

жаніи попечительствомъ насажденныхъ имъ постоянныхъ учрежденій трудовой помощи.

Какъ разнообразна была помощь, оказанная неурожайнымъ губерніямъ и какъ многихъ пунктовъ она коснулась,—объ этомъ можетъ дать представленіе слѣдующій краткій подсчетъ того, что было сдѣлано помощникомъ уполномоченнаго, Е. Д. Максимовымъ, въ четырехъ наиболѣе пострадавшихъ уѣздахъ симбирской губерніи: оказана или подготовлена трудовая помощь по 15-ое іюня всего въ 143 населенныхъ пунктахъ: 1) въ 35 селеніяхъ общественныя работы по водоснабженію или улучшенію водъ, укрѣпленію овраговъ, осушенію болотъ, устройству запрудъ, гатей, дорожныхъ сооруженій, школьныхъ зданій; 2) въ 40 селеніяхъ—ясли или дневные пріюты; 3) въ 7 селеніяхъ магометанъ, не отпускающихъ дѣтей въ ясли—кормленіе ихъ на дому; 4) приблизительно въ 40 селеніяхъ—предоставленіе небольшого заработка извозомъ; 5) въ 9 селеніяхъ—раздача сырыхъ матеріаловъ для кустарныхъ производствъ; 6) въ 2 городахъ—устройство складовъ сырья и инструментовъ; 7) въ 10 мѣстахъ—двухъ временныхъ и двухъ постоянныхъ трудовыхъ пріютовъ, двухъ учебныхъ мастерскихъ, одной посреднической конторы и трехъ дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія.

Опытъ скоро показалъ, что двухъ предположенныхъ мѣсяцевъ недостаточно для приведенія въ исполненіе всѣхъ начатыхъ видовъ трудовой помощи, и командировка уполномоченнымъ съ ихъ помощниками была продолжена до 1-го сентября. Всего на трудовую помощь въ приволжскихъ губерніяхъ за лѣто 1899 г. было истрачено комитетомъ 222.500 рублей, и къ этому присоединились 20.000 рублей, назначенныхъ въ 1900 г. на аккерманскій уѣздъ въ Бессарабіи, вслѣдствіе постигшаго его неурожая.

Эта щедрая и своевременная помощь, оказанная комитетомъ нуждающемуся населенію неурожайныхъ губерній, служитъ доказательствомъ, что сама жизнь вывела попечительство о домахъ трудолюбія изъ поставленныхъ ему первоначальныхъ рамокъ и открыла предъ нимъ болѣе широкое поприще дѣятельности. Сообразно съ этимъ должно измѣниться и „Положеніе", которымъ оно руководится. И на самомъ дѣлѣ коммиссія изъ членовъ комитета въ проектѣ новаго положенія, подлежащаго нынѣ разсмотрѣнію комитета, слѣдующимъ образомъ формулировала цѣль, которой должно служить попечительство: „озабочиваться основаніемъ различныхъ учрежденій трудовой помощи, какъ-то: домовъ трудолюбія разныхъ типовъ, рабочихъ колоній, учебныхъ мастер-

скихъ съ ремесленными классами и показательными выставками, дѣтскихъ пріютовъ трудолюбія по образцу Ольгинскаго, складовъ для снабженія нуждающихся матеріалами и орудіями производства, а также для сбыта ихъ произведеній, дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ для рабочихъ, яслей, ночлежныхъ домовъ, временныхъ пристанищъ и бараковъ для отхожихъ рабочихъ, дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и т. п.“

Такова широкая программа, которую ставитъ себѣ въ настоящее время попечительство о домахъ трудолюбія. Высокое покровительство, которымъ оно пользуется, даетъ основаніе надѣяться, что эта программа будетъ утверждена правительствомъ и что попечительство о домахъ трудолюбія превратится въ „попечительство трудовой помощи“. По мѣрѣ того, какъ во всѣхъ странахъ напряженный трудъ все болѣе и болѣе становится необходимымъ условіемъ какъ личнаго благоденствія, такъ и общаго преуспѣянія, забота о тѣхъ, которые ищутъ и не находятъ случая примѣнить къ дѣлу свой трудъ, становится предметомъ общественнаго интереса, и для блага Россіи эта забота обратила на себя вниманіе Ея Величества Государыни Императрицы Александры Өеодоровны. Однако судьба домовъ трудолюбія и успѣхъ трудовой помощи находятся въ полной зависимости отъ *общей* постановки призрѣнія въ странѣ. Несмотря на великодушные завѣты императрицы Екатерины II, вошедшіе въ русское законодательство, несмотря на интересъ къ этому дѣлу со стороны императора Александра I, общественное призрѣніе находится въ Россіи въ зачаточномъ развитіи. Императоръ Александръ III поручилъ статсъ-секретарю К. К. Гроту составить особую коммиссію для пересмотра существующихъ законовъ о призрѣніи. Коммиссія разработала проектъ систематической организаціи общественнаго призрѣнія въ Россіи на основаніи опыта заграничныхъ странъ и примѣнительно къ русскимъ условіямъ. Болѣзнь предсѣдателя задержала окончательное разрѣшеніе дѣла; но министерство внутреннихъ дѣлъ, представитель котораго принималъ участіе въ работахъ коммиссіи, разработало проектъ и внесло его въ государственный совѣтъ. Перемѣна министра пріостановила разсмотрѣніе проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Отъ судьбы этого проекта зависитъ въ значительной степени и успѣхъ дѣла попечительства о домахъ трудолюбія и трудовой помощи; ибо успѣшная дѣятельность центральнаго учрежденія обусловливается преуспѣяніемъ мѣстныхъ учрежденій трудовой помощи, — а послѣднимъ большею частью недостаетъ денегъ и людей. Деньги же и люди могутъ найтись только въ мѣстныхъ

общественныхъ органахъ—въ земствахъ и думахъ, образчикомъ чего можетъ послужить вышеприведенная исторія московскаго дома трудолюбія. А потому нужно имѣть въ виду, что широкое и прочное развитіе у насъ *трудовой помощи* предполагаетъ систематическое преобразованіе законовъ и мѣстныхъ учрежденій общественнаго призрѣнія—въ духѣ современныхъ понятій и потребностей.

II.

На ряду съ учрежденіями для трудовой помощи, другую, вызванную потребностями современной жизни, форму благотворительности представляютъ мѣстныя *попечительства* о бѣдныхъ (городскія или земскія).

По двумъ своимъ свойствамъ *попечительство* является наиболѣе соотвѣтствующей современнымъ потребностямъ формой благотворительности, и потому особенно желательной по своей организаціи и по кругу задачъ, которыя оно преслѣдуетъ. Главными дѣятелями въ области благотворительности были въ Россіи до сихъ поръ—вліятельныя и снабженныя большими средствами учрежденія, принимавшія характеръ особыхъ *вѣдомствъ*, бюрократически организованныхъ. Эти учрежденія, конечно, охотно привлекали къ себѣ новыхъ членовъ и жертвователей, но ближайшею цѣлью для этихъ членовъ-жертвователей бывало пріобрѣтеніе этимъ путемъ почетнаго положенія и служебной карьеры, а потому это не измѣняло бюрократическаго характера учрежденія. Съ другой стороны, такая организація дѣлала благотворительныя вѣдомства болѣе способными къ устройству постоянныхъ учрежденій, благотворительныхъ или учебныхъ, чѣмъ къ неустанной ежедневной борьбѣ съ мѣстной нуждой въ ея вѣчно измѣняющихся видахъ.

Иллюстраціей этого можетъ послужить исторія „Человѣколюбиваго Общества“. Поводомъ къ созданію этого учрежденія послужили знаменательныя слова императора Александра I въ рескриптѣ на имя камергера Витовтова: „Растроганнымъ быть наружнымъ и весьма часто обманчивымъ видомъ нищеты и убожества не есть еще благодѣяніе. Надлежитъ искать несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ“.

Слова эти были сказаны подъ впечатлѣніемъ замѣчательной организаціи филантропіи въ Гамбургѣ, съ которой познакомился государь. Чтобы перенести эту организацію на русскую почву, по волѣ императора было учреждено въ Петербургѣ по-

печительство о бѣдныхъ; на членовъ послѣдняго была возложена обязанность *посѣщать* бѣдныхъ и выдавать имъ на основаніи тщательныхъ изслѣдованій единовременныя пособія или постоянныя пенсіи. На эту помощь государемъ была назначена сумма въ 40.000 р. въ годъ, которая съ 1 января 1810 г. была увеличена ежемѣсячной ассигновкой въ 3.000 руб.

Изъ этого попечительства образовалось „Человѣколюбивое Общество“; въ настоящее время это—обширное вѣдомство, подъ вѣдѣніемъ котораго находятся 220 учрежденій съ недвижимымъ имуществомъ въ 10 милліоновъ и съ капиталомъ почти въ семь милліоновъ—всего 17.345.749 руб. Съ 1816 г. это общество получило пожертвованій и доходовъ безъ малаго на 58 милліоновъ.

Но что сталось съ завѣтомъ государя относительно посѣщенія бѣдныхъ и помощи имъ? *Обязанность* посѣщать бѣдныхъ была скоро замѣнена *правомъ* членовъ совѣта посѣщать „страждущихъ, бѣдныхъ и заключенныхъ“, а затѣмъ совѣтъ призналъ нужнымъ употреблять значительнѣйшую часть своихъ доходовъ на доставленіе бѣднымъ *прочнаго* призрѣнія, т.-е. на устройство заведеній; обязанность же посѣщенія бѣдныхъ была возложена на „комитетъ изъ 15 лицъ недостаточнаго состоянія“, получавшихъ сами денежное пособіе, „не превышающее 1200 р.“. Въ 1858 же году эти попечители были освобождены отъ участія въ назначеніи пособія бѣднымъ. Прошенія по производствѣ обслѣдованія передавались обратно въ канцелярію совѣта, „а послѣдняя, по надлежащемъ разсмотрѣніи, докладывала все дѣло помощнику главнаго попечителя, отъ котораго зависитъ назначеніе пособія или отказъ“.

Кромѣ Человѣколюбиваго Общества и другихъ крупныхъ благотворительныхъ учрежденій или вѣдомствъ съ бюрократической организаціей, у насъ издавна существовали и многочисленныя частныя или мѣстныя благотворительныя общества. Но эти общества или спеціализировали свои задачи (призрѣніе слѣпыхъ женщинъ, безпризорныхъ дѣтей и т. п.), или не обладали достаточными средствами, чтобы вести систематическую борьбу съ мѣстной нуждой. Вести такую борьбу, поднять частную и случайную благотворительность на степень *общественнаго призрѣнія* — по силамъ только *общественнымъ* органамъ, городскимъ думамъ и земству. Изъ этой идеи и возникли въ концѣ 1894 г. московскія городскія попечительства о бѣдныхъ. „Вѣстникъ Европы“ удѣлилъ имъ вниманіе какъ при самомъ возникновеніи ихъ, такъ и при разсмотрѣніи ихъ отчетовъ за второй годъ ихъ

дѣятельности [1]). Съ тѣхъ поръ прошло уже три года, и потому мы считаемъ не излишнимъ сообщить дальнѣйшія свѣдѣнія о ихъ дѣятельности по поводу составленнаго на французскомъ языкѣ и отправленнаго въ Парижъ описанія ихъ.

Какъ въ организаціи, такъ въ дѣятельности и въ средствахъ этого молодого учрежденія можно отмѣтить движеніе и ростъ—залогъ дальнѣйшаго развитія. Организація его, приноровленная къ мѣстнымъ условіямъ, не измѣнилась, но развивается въ данномъ ей направленіи; согласно съ этимъ одно изъ попечительствъ, слишкомъ обширное, обнимавшее 4 полицейскихъ участка, раздробилось на четыре, такъ что всѣхъ попечительствъ въ настоящее время насчитывается 28 (при 27 попечителяхъ). Хотя срокъ попечителей, избираемыхъ на 4 года, за это время истекъ, составъ ихъ почти не измѣнился, что нельзя не считать весьма хорошимъ признакомъ. Мало измѣнился и составъ членовъ совѣта; измѣнчивѣе, конечно, составъ сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ очень много молодежи изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Но въ общемъ число ихъ не уменьшается— измѣняется оно лишь по отдѣльнымъ попечительствамъ и въ отношеніи половъ. По отчетамъ за 1898 г. мужчины составляли 56% общаго числа, женщины—44%.

Дѣлопроизводство и отчетность городскихъ попечительствъ указываютъ на пріобрѣтенную ими опытность и на стараніе городской управы ввести въ это дѣло необходимую точность и контроль. Благодаря этому, уже является возможность дѣлать нѣкоторые общіе выводы о числѣ и разрядахъ московскихъ бѣдныхъ, получающихъ вспомоществованіе отъ городскихъ попечительствъ. По даннымъ 1898 г., таковыхъ было 12.097, въ томъ числѣ 1.765 мужчинъ и 16.332 женщины. Но изъ этого общаго числа 5,597 лицъ явились представителями семей, которыя въ общей сложности состояли изъ 20.757 членовъ, такъ что всѣхъ лицъ, получившихъ непосредственно или косвенно помощь отъ попечительствъ, было 27.257, что составляетъ около 2,7% населенія города.

Вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность разбить это число на разряды по возрастамъ и—что особенно важно—установить до извѣстной степени *причины* ихъ нужды.

---

[1]) См. „Опытъ городского попечительства“, „Вѣстн. Европы“ окт. 1896, и „Второй годъ гор. поп. въ Москвѣ“, „Вѣстн. Европы“ окт. 1897.

Такъ изъ упомянутаго числа 12.097:

60 лѣтъ и старше	33%
отъ 40 до 59 лѣтъ	34 „
„ 20 „ 39 „	25 „
моложе 20 лѣтъ	2 „
не обозначено	4 „

Причиною нужды показаны:

дряхлость и болѣзнь	48%
многосемейность	14 „
семейныя несчастія	8 „
отсутствіе работы или плохой заработокъ	11 „
сиротство	1 „
причины разныя или необозначенныя . . .	18 „

Однако, распредѣленіе по возрасту и по причинамъ нужды показываетъ совершенно другую картину, если произвести его отдѣльно для одинокихъ и для семейныхъ.

У одинокихъ 6.038 сильно преобладаетъ преклонный возрастъ: 53% изъ нихъ—лица отъ 60 лѣтъ и старше, 25%—старше 50 лѣтъ; а между причинами бѣдности—дряхлость или болѣзненность составляютъ 83%. У семейныхъ же на первомъ планѣ средній возрастъ: 50% изъ нихъ женщины отъ 20 до 39 лѣтъ, 37%—отъ 40 до 59, и 9%—старше 59 лѣтъ. Между причинами же нужды семейныхъ женщинъ на первомъ планѣ многосемейность—40%; различныя семейныя несчастія (смерть мужа, весьма нерѣдко его уходъ, пьянство или его заключеніе въ острогъ) обусловливаютъ собою нужду 20%; отсутствіе работы или малый заработокъ—19%, и столько же—слабость и болѣзнь.

Что касается до многосемейности, то у 46% дѣтей отъ 4 до 8; у 22%—трое дѣтей, у 30%—двое дѣтей.

Эта выраженная здѣсь въ цифрахъ краткая картина нужды предопредѣлила дѣятельность попечительствъ, побуждая ихъ пристроивать однихъ — престарѣлыхъ и дѣтей — въ убѣжищахъ и пріютахъ, другимъ—помогать на дому... Какъ было указано въ „Вѣстникѣ Европы“, по поводу перваго отчета попечительства, 17 изъ нихъ уже въ первый годъ открыли у себя богадельни на 668 престарѣлыхъ. Въ этомъ направленіи продолжалась ихъ дѣятельность, и на пятый годъ у нихъ уже было 37 убѣжищъ для 1.287 престарѣлыхъ.

То же самое мы видимъ и по отношенію къ яслямъ, большею частью превращающимся по необходимости въ постоянные

дѣтскіе пріюты. Уже въ теченіе перваго года 11 попечительствъ устроили у себя дѣтскіе пріюты и дали въ нихъ убѣжище 342 дѣтямъ. Дѣтскіе пріюты сдѣлались излюбленнымъ предметомъ интереса и заботъ со стороны женскихъ членовъ попечительствъ, и это отчасти объясняетъ быстрое увеличеніе ихъ числа. По отчету за пятый годъ, одно лишь попечительство не имѣло такого пріюта. Всѣхъ пріютовъ было 33; въ нихъ находилось 850 дѣтей, и въ этомъ числѣ уже преобладали живущіе—450 на 400 приходящихъ.

Къ этимъ учрежденіямъ *закрытаго* призрѣнія (in door relief), нужно еще прибавить такъ называемыя *коечныя* или безплатныя квартиры для одинокихъ-престарѣлыхъ, въ которыхъ находили чистый и здоровый пріютъ 175 человѣкъ.

Заслуга городскихъ попечительствъ относительно закрытаго призрѣнія не ограничивается тѣмъ, что они призрѣли болѣе 2.000 престарѣлыхъ и дѣтей, и что они призрѣваютъ ихъ на половину дешевле, чѣмъ это возможно въ городскихъ и общественныхъ богадельняхъ; эта заслуга заключается еще въ томъ, что они привлекли на это дѣло вниманіе общества и обезпечили дальнѣйшее развитіе этой отрасли общественнаго призрѣнія. Частныя лица и городъ, такъ сказать, наперерывъ дѣлали на этотъ предметъ пожертвованія, благодаря которымъ Москва украсилась цѣлымъ рядомъ новыхъ цѣлесообразныхъ сооруженій, которыя будутъ служить памятникомъ этого благороднаго движенія среди московскаго общества. Починъ былъ сдѣланъ попечителемъ 2-го мѣщанскаго участка, Ѳомичевымъ, который, получивъ пожертвованіе въ 10.000 р. на постройку особой богадельни, исходатайствовалъ для этого у думы участокъ городской земли въ 600 кв. саженъ. Его примѣру послѣдовали въ томъ же 1897 году попечительство лефортовское, Первое серпуховское и Первое прѣсненское. Въ слѣдующемъ году обратились съ подобнымъ ходатайствомъ въ думу три новыхъ попечительства. Шесть изъ нихъ уже успѣли выстроить на отведенной имъ землѣ и на пожертвованныя для этого деньги каменные или деревянные дома для своихъ богаделенъ и пріютовъ. Прѣсненское попечительство выстроило даже второй каменный домъ на средства, пожертвованныя семьей покойнаго товарища предсѣдателя, С. И. Прохорова. Въ 1900 г. получили землю 4 новыхъ попечительства. Всего городской земли уступлено думою 11 попечительствамъ 6.348 кв. с. Кромѣ того, двумъ попечительствамъ были пожертвованы дома, а первому сущевскому—земля (871 с.), на которой попечитель Бакастовъ выстроилъ домъ на свой счетъ.

Какъ, однако, ни важенъ успѣхъ московскихъ городскихъ попечительствъ въ области закрытаго призрѣнія, особеннаго вниманія заслуживаетъ ихъ дѣятельность по открытому призрѣнію; ибо въ оказаніи помощи нуждающимся на дому, для которой не существовало прежде никакихъ учрежденій, заключается спеціальное и главнѣйшее ихъ призваніе. Необходимость домашней и своевременной помощи нуждающимся послужила поводомъ къ возникновенію попечительствъ; къ этой задачѣ приноровлена ихъ организація: помѣщать престарѣлыхъ людей въ богадельни можно и безъ нихъ, но постоянное попеченіе о бѣдныхъ, внимательное отношеніе къ людямъ случайно, неожиданно впавшимъ въ крайнюю нужду, невозможно безъ систематической и широко развѣтвленной организаціи призрѣнія, которую и представляютъ собою городскія попечительства. Въ виду этого положенія дѣла возникаетъ вопросъ о томъ: какъ относятся московскія попечительства къ двумъ одновременнымъ своимъ задачамъ? не отдаютъ ли онѣ предпочтеніе одной въ ущербъ другой? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ общемъ отчетѣ управы за 1898 годъ, гдѣ указывается, что въ этомъ году попечительства истратили на помощь бѣднымъ въ заведеніяхъ 131.238 р., а на открытую помощь—91.149, т.-е. немного болѣе двухъ пятыхъ.

Это отношеніе между обоими способами призрѣнія представляется, однако, совершенно инымъ при разсмотрѣніи отчетовъ отдѣльныхъ попечительствъ. Здѣсь мы находимъ очень большія колебанія и должны, къ сожалѣнію, отмѣтить, что нѣкоторыя попечительства почти исключительно расходуютъ свои средства на закрытое призрѣніе, тратя на него (8 попечительствъ) отъ 70 до 80%, а два попечительства даже—до 82 и 85%; восемь попечительствъ тратятъ на закрытое призрѣніе около двухъ третей своихъ расходовъ; въ 4 попечительствахъ расходы на эти два способа призрѣнія почти одинаковы; въ 7 попечительствахъ преобладаетъ открытое призрѣніе, доходя въ 3 случаяхъ до 72—76%.

Судить о цѣлесообразности того или другого образа дѣйствія можно, конечно, лишь зная мѣстныя условія. Но есть основаніе думать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ отдается предпочтеніе закрытому призрѣнію только потому, что оно легче и возможно при небольшомъ числѣ сотрудниковъ. Поэтому было бы нежелательно, еслибы предпочтеніе закрытаго призрѣнія взяло верхъ, какъ можно опасаться, сопоставляя отчетъ за 1897 и 1898 годы. Въ первомъ случаѣ число попечительствъ, израсходовавшихъ большую половину своихъ средствъ на закрытое призрѣніе, было 14

на 10; во второмъ году такихъ было уже 20 (при 28 попечительствахъ). Можно, впрочемъ, думать, что такое положеніе дѣла —временное и обусловливается тѣмъ, что многія попечительства были вовлечены въ большие расходы построенными ими учрежденіями.

Помощь, оказываемая попечительствами, бываетъ единовременная, срочная—не болѣе какъ на 3 мѣсяца—или постоянная. На самомъ дѣлѣ первая иногда обращается во вторую, а вторая возобновляется и становится, такъ сказать, постоянной. Отношеніе этихъ трехъ различныхъ формъ помощи можетъ быть выражено въ слѣдующей таблицѣ:

	Одинокимъ.	Семьямъ.
Постоянное пособіе.	30%	16%
Временное	28%	25%
Единовременное	41%	58%

Самое пособіе выдается большею частью деньгами, за исключеніемъ случаевъ, когда это неудобно—по причинѣ, напр., пьянства отца семейства. Но нѣкоторыя попечительства предпочитаютъ по принципу оказывать помощь *натурою*, уплачивая за квартиру, выдавая книжки на полученіе припасовъ изъ лавки (хлѣба, молока) или покупая необходимые припасы или одежду и обувь черезъ сотрудниковъ. Въ одномъ изъ попечительствъ пособія натурой, если перевести ихъ на деньги, составляютъ 95% общаго расхода, въ двухъ—свыше 40%, въ трехъ—свыше 20, въ одномъ—15% и т. д. Въ 14 попечительствахъ, отчеты которыхъ дозволяютъ установить такое процентное отношеніе двухъ способовъ выдачи, въ общей сложности натурою выдано 23,7%, а деньгами—76,3%.

Что касается до размѣровъ пособій, то *единовременныя*, какъ одинокимъ людямъ, такъ и семейнымъ, относительно выше, чѣмъ постоянныя. О единовременныхъ можно сказать, что размѣры ниже 2 р., отъ 2 до 3 р. и отъ 3 до 5 р.—встрѣчаются почти въ одинаковомъ количествѣ разъ; много рѣже число случаевъ, когда пособіе выше 10 р. Въ числѣ же единовременныхъ пособій семьямъ обращаютъ на себя вниманіе большое количество выдачъ въ 25 р., которыя объясняются раздачей процентовъ съ завѣщанныхъ специальныхъ капиталовъ въ опредѣленномъ завѣщателемъ размѣрѣ. Продолжительныя или постоянныя пособія одинокимъ въ большинствѣ случаевъ не превышали 30 р.,—что означаетъ отъ 2 до 3 р. въ мѣсяцъ; лишь въ 58 случаяхъ пособія доходили до 40 р. Между пособіями семьямъ преобладаютъ выдачи—въ общей сложности—до 40 р.; затѣмъ отъ 50 до 75;

выше этой суммы получили 45 семействъ,—не считая опредѣленныхъ завѣщателями пособій въ 200 р. Но вопросъ о размѣрѣ пособій побуждаетъ насъ коснуться другого, самаго труднаго вопроса въ организаціи попечительства, а именно—различія между ними въ средствахъ, которыми онѣ располагаютъ. Вслѣдствіе такого различія, размѣръ выдаваемаго пособія часто долженъ сообразоваться не столько съ положеніемъ просителя, сколько съ положеніемъ кассы попечительства, и тамъ, гдѣ одно изъ нихъ считаетъ возможнымъ дать пособіе въ 5 р., другое можетъ дать только 3 или 2 р.

При такомъ положеніи дѣла на городскомъ управленіи лежитъ обязанность по возможности уравнивать попечительства относительно средствъ, которыми онѣ располагаютъ, чтобы не предоставлять бѣднымъ, случайно живущимъ въ болѣе состоятельныхъ попечительствахъ, привилегированнаго положенія. Московское городское управленіе съ перваго же года обратило вниманіе на это обстоятельство; но осуществить хотя бы приблизительное уравненіе попечительствъ для него весьма трудно, такъ какъ этого можно было бы достигнуть лишь посредствомъ сообразной съ мѣстными условіями развёрстки *большой* суммы денегъ, какъ это, напр., дѣлается въ Парижѣ; суммы же, которыми для этого располагаетъ московская управа, недостаточно значительны. Затѣмъ такое уравненіе случайно затруднено крупнымъ пожертвованіемъ покойнаго П. Щапова, завѣщавшаго тремъ попечительствамъ по 4.000 р. ежегоднаго дохода. Наконецъ, не мало затрудненій представляетъ и избраніе способа и основаній для развёрстки пособій отъ города отдѣльнымъ попечительствамъ. Московское городское управленіе усвоило себѣ употреблявшійся раньше въ Парижѣ способъ развёрстки—а именно, пропорціонально населенію, количеству живущихъ въ участкѣ людей, нуждающихся въ пособіи, и обратно-пропорціонально богатству участка, опредѣляемому сообразно съ платимымъ въ немъ налогомъ на недвижимыя имущества. Но какъ опредѣлить *второй*, самый важный факторъ—степень нужды, подлежащей удовлетворенію въ каждомъ участкѣ? Для установленія его, въ Парижѣ въ послѣдніе года вычислялась такъ называемая unité de misère, или *единица нужды*, т.-е. то, что приходится, въ среднемъ, въ каждомъ участкѣ изъ выданныхъ имъ пособій на отдѣльное, получившее пособіе лицо. Въ первомъ отчетѣ нашемъ о московскихъ попечительствахъ мы сдѣлали попытку установить для нихъ эту единицу нужды, и пришли тогда къ слѣдующему результату: въ наиболѣе состоятельныхъ попечительствахъ приходилось на лицо

18 р. 70 к., 20 р. 51 к. и даже 21 р. 93 к., тогда какъ въ бѣднѣйшихъ попечительствахъ единица нужды падала до 2 р. 31 к. и даже до 1 р. 83 к.

Но точное установленіе единицы нужды возможно лишь при очень обстоятельной регистраціи бѣдныхъ и семейнаго положенія каждаго изъ нихъ—количества малолѣтнихъ дѣтей, напр. А кромѣ того установленіе единицы нужды не принимаетъ во вниманіе количества и причинъ *отказовъ*, которые могутъ обусловливаться скудостью средствъ у попечительства, такъ что этотъ способъ можетъ послужить къ ущербу именно бѣднѣйшимъ попечительствамъ.

Въ виду этого собраніе московскихъ попечителей прибѣгало къ различнымъ комбинаціямъ для установленія правильной разверстки между ними городскихъ средствъ. Самая простѣйшая формула для установленія относительной нужды отдѣльныхъ попечительствъ основывалась на центральности ихъ положенія. Сообразно съ послѣднимъ признакомъ, онѣ распредѣлялись на 3 пояса: центральныя принимались за единицу, среднія—за 2, крайнія—за 3. Съ этимъ признакомъ комбинировалось количество населенія и степень достатковъ участка, опредѣляемая суммой квартирнаго налога.

Кромѣ заботы о закрытомъ призрѣніи и помощи на дому, можно отмѣтить еще третью область дѣятельности московскихъ попечительствъ, въ которой на первомъ планѣ стоятъ личныя услуги ихъ членовъ нуждающимся различныхъ разрядовъ. Сюда относится врачебная помощь, доставленіе дарового лекарства, отправка въ больницу или на родину, доставленіе паспорта, выдача свидѣтельства, освобождающаго отъ платы за ученье, рекомендація на мѣсто или доставленіе заработка. Нѣкоторыя попечительства обратили особенное вниманіе на послѣдніе два способа помощи. Два изъ нихъ устроили посредническія бюро, доставившія мѣсто 405 лицамъ, причемъ каждая рекомендація обходилась попечительствамъ 1 р. 27 к. и 1 р. 10 к. Шесть попечительствъ имѣли мастерскія для шитья, какъ объ этомъ выше было сказано подробнѣе. Наконецъ, два попечительства содержали столовыя для выдачи дешевыхъ или безплатныхъ обѣдовъ; одно изъ нихъ выдало въ теченіе года 52.502 обѣда, изъ нихъ безплатныхъ—41.401. Обѣдъ обходился столовой въ 6,77 к.

Отъ разсмотрѣнія дѣятельности московскихъ попечительствъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ денежныхъ средствъ. Какъ для

войны, по словамъ извѣстнаго полководца, прежде всего необходимы деньги, деньги и деньги, такъ нужны онѣ и для борьбы съ нуждой. Денежный оборотъ московскихъ попечительствъ не великъ, если имѣть въ виду населеніе города и прославленную склонность москвичей къ благотворительности, но онъ утѣшителенъ потому, что въ немъ ясно обнаруживаются признаки стойкости и значительнаго расширенія въ будущемъ.

На всѣ свои расходы истрачено было городскими попечительствами въ 1898 году 243.285 р., почерпнутые изъ нѣсколькихъ источниковъ. При самомъ возникновеніи ихъ, дума постановила ежегодно отпускать на нихъ 40.000 р. Вслѣдъ затѣмъ она стала отпускать, кромѣ того, 10.000 р. въ пособіе къ содержанію попечительствами престарѣлыхъ людей по числу таковыхъ въ каждомъ попечительствѣ, не свыше, однако, 50 лицъ въ каждомъ изъ нихъ, чтобы не поощрять стремленія къ закрытому призрѣнію. Это пособіе очень раціонально, и желательно, чтобы оно было увеличено, такъ какъ содержаніе престарѣлыхъ должно лежать, какъ въ Парижѣ, на обязанности всего города, а не того изъ его участковъ, въ которомъ случайно ихъ могло много скопиться.

Затѣмъ, дума выдаетъ попечительствамъ проценты съ капитала въ 200.000 р., ассигнованныхъ ею въ память убитаго въ ея стѣнахъ городского головы, Н. А. Алексѣева. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми пожертвованіями, поступившими въ думу въ пользу попечительствъ, вся сумма, выданная въ 1898 г. думою въ пособіе попечительствамъ, составила 75.622 р. Въ слѣдующемъ 1899 г. эта сумма увеличилась до 95.081 р., благодаря тому, что въ нее вошли 20.000 р., доставленные налогомъ на собакъ, который былъ введенъ въ этомъ году и предоставленъ (за покрытіемъ расходовъ) въ пользу попечительствъ.

Второй и главный источникъ дохода городскихъ попечительствъ—членскіе взносы, составившіе въ 1898 г. 142.002 р.

Количество членскихъ взносовъ, собираемыхъ каждымъ попечительствомъ, весьма различно — и колебалось въ 1898 году между ничтожной суммой 766 р. въ 1-мъ мѣщанскомъ и 10.497 р. въ 1-мъ рогожскомъ (два участка). Количество это находится въ зависимости, конечно, отъ количества полицейскихъ участковъ, которые попечительство обнимаетъ—одинъ, два или три; затѣмъ — отъ центральности положенія. Можно сказать, что среднее количество членскихъ взносовъ въ центральныхъ попечительствахъ— отъ 4.000 р. до 5.000 р. по отдѣльному участку, на окраинахъ — около 2.000 р. Но помимо этого, много зависитъ отъ

характера населенія и отъ организаціи сборовъ; такъ, хамовническое 1-е на окраинѣ собрало 9.003 р.; тверское — 3-го участка, находящееся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ,—лишь 2.717 р.

Но любопытно то, что, несмотря на различныя колебанія въ поступленіи членскихъ взносовъ, общая сумма этихъ поступленій держится приблизительно на одномъ уровнѣ. Она достигла въ первый годъ (1895) суммы въ 126.167 р., въ 1897 г. составила 143.190 р., а въ 1898 г.—142.002 р. Для такого большого города это не много, и можно думать, что очень много расходуется жителями въ видѣ неразборчивой милостыни, но, тѣмъ не менѣе, этотъ сборъ составляетъ важное культурное и соціальное пріобрѣтеніе, и самая одинаковость суммы свидѣтельствуетъ о томъ, что новое благотворительное учрежденіе пускаетъ корни въ городскомъ населеніи.

Въ тѣсной связи съ этимъ источникомъ дохода находится другой—сборъ съ спектаклей, концертовъ и вечеровъ въ пользу отдѣльныхъ попечительствъ; весьма часто это не что иное, какъ средство косвеннымъ образомъ собирать членскіе взносы и пожертвованія или дополненія къ нимъ. Хотя устройство этихъ спектаклей и т. п. сопряжено съ большими хлопотами и становится все затруднительнѣе, вслѣдствіе увеличивающейся конкурренціи, результатъ этихъ усилій въ цѣломъ благопріятенъ. Въ первый годъ этотъ сборъ далъ 13.761 р., на третій годъ — 20.791; на четвертый годъ 21 изъ 28 попечительствъ собрали этимъ способомъ 27.443, причемъ онъ колебался между чистымъ сборомъ въ 223 р. и 4.667 р. (пречистенское).

Къ этимъ источникамъ дохода нужно присоединить еще одинъ *случайный* источникъ, но такой, который, главнымъ образомъ, обусловливаетъ собою въ будущемъ ростъ попечительствъ: это—пожертвованія и завѣщанія въ пользу попечительствъ. Такихъ пожертвованій въ пользу отдѣльныхъ или всѣхъ попечительствъ, можно указать уже цѣлый рядъ въ краткій срокъ дѣятельности московскаго городского призрѣнія. Уже въ первый годъ пожертвованія, если включить въ нихъ всѣ взносы въ 1.000 р. и болѣе, доставили не менѣе 100.000 р. Изъ нихъ выдается сумма въ 30.000 р., пожертвованная Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Елизаветой Ѳеодоровной съ устроеннаго ею базара, и 50.000 р., пожертвованные неизвѣстнымъ на нужды всѣхъ попечительствъ.

Въ 1896 г. сдѣлано пожертвованій на 79.812 р.; въ этомъ числѣ дано 1.000 р. Ея Императорскимъ Величествомъ Госу-

дарыней Императрицей Александрой Ѳеодоровной во время пребыванія Ея Величества въ Москвѣ, и 20.000 р.—Ѳ. Н. Самойловымъ. Въ 1897 г. сдѣлано пожертвованій на 60.769 р.; въ этомъ числѣ поступило 10.219 р. отъ А. С. Капцова, 10,000 р. отъ душеприказчиковъ Шенгиной, 10.000 р.—отъ товарищества прохоровской мануфактуры. Въ 1898 г. на 110.432 р. — въ этомъ числѣ 53.385 р. отъ И. С. Гайдина, 11.730 р. и 10.000 р.— отъ кн. А. А. Щербатова. Въ 1899 г.—132.700 р.; въ томъ числѣ 20.000 р. отъ Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны изъ выручки благотворительнаго базара, устроеннаго Ея Императорскимъ Высочествомъ, и 92.000 р. отъ душеприказчика Медвѣдниковой. Всего за пять лѣтъ пожертвовано около полумилліона, къ чему еще слѣдуетъ присоединить пожертвованный Щаповымъ домъ съ доходомъ около 12.000 р. въ пользу трехъ попечительствъ, въ которыхъ покойный принималъ участіе, домъ, пожертвованный П. В. Петровой, и домъ, пожертвованный басманному попечительству.

Благодаря такимъ пожертвованіямъ въ неприкосновенный капиталъ и сбереженіямъ, сдѣланнымъ нѣсколькими попечительствами, образовался въ смѣтахъ почти всѣхъ попечительствъ новый источникъ доходовъ—проценты съ собственнаго капитала. Доходъ этотъ ниже 100 р. въ 4 попечительствахъ, отъ 100 до 500 р.—въ 14 попечительствахъ, и свыше 500—до 1.171 р.—въ 4 попечительствахъ; всего же этотъ доходъ составилъ въ 1898 г. сумму въ 6.729 р.

Всѣ эти источники дали попечительствамъ въ 1898 году 252.888 р. Къ этимъ средствамъ, которыми попечительства могли располагать въ интересахъ бѣднѣйшаго населенія Москвы, нужно прибавить еще проценты съ благотворительныхъ капиталовъ, находящихся въ распоряженіи города и распредѣленіе которыхъ городское управленіе предоставило попечительствамъ. Въ 1899 году розданная сумма этихъ процентовъ составила 35.123 р. Примѣру города послѣдовало въ 1898 г. московское купеческое общество, обладающее завѣщанными ему благотворительными капиталами. Въ 1899 г. купеческое общество предоставило попечительствамъ, для раздачи передъ Рождествомъ и Пасхой, 26.700 р. Въ прежнее время цѣлесообразная выдача этихъ пособій, какъ городскимъ управленіемъ, такъ и купеческимъ, обществомъ представляла непреоборимыя затрудненія, вслѣдствіе громаднаго числа поступавшихъ прошеній, которыхъ некому было разбирать. Передача попечительствамъ раздачи этихъ благотворительныхъ суммъ имѣла своимъ послѣдствіемъ правильное

распредѣленіе ихъ между нуждающимися и устраненіе злоупотребленій со стороны просителей — и въ то же время служила убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости городскихъ попечительствъ и важности ихъ общественной миссіи.

Предшествовавшій очеркъ долженъ былъ указать: сколько стариковъ и старухъ нашли прочный пріютъ; сколько сиротъ и брошенныхъ дѣтей нашли кровъ и заботливыхъ опекуновъ, благодаря городскимъ попечительствамъ; какія суммы эти учрежденія собрали среди добрыхъ людей и роздали бѣднымъ въ трудную для нихъ минуту. Но этотъ очеркъ не можетъ описать того нравственнаго блага, которое было слѣдствіемъ взаимнаго сближенія между нуждающимися и людьми, пришедшими къ нимъ на помощь. Сколько утѣшенія и свѣта своими совѣтами и увѣщаніями сотрудники и особенно сотрудницы вносили иногда въ семью бѣдняка, и сколько они сами выигрывали въ пониманіи жизни!

Какъ, однако, ни важна дѣятельность городскихъ попечительствъ въ этомъ отношеніи, онѣ имѣютъ еще другое, болѣе общее значеніе. Онѣ, можно сказать, представляютъ собою важный общественный симптомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ на новомъ пути въ области благотворительности. Онѣ служатъ проявленіемъ новой потребности, пробудившейся въ русскомъ обществѣ—относиться серьезно и сознательно къ великой проблемѣ нужды и борьбы противъ нея. Прошло время, когда можно было удовлетворяться въ этомъ отношеніи первобытнымъ способомъ *подаянія*. Неразборчивая милостыня въ бо̀льшей части случаевъ приноситъ вредъ, отвлекая помощь отъ болѣе нуждающихся и воспитывая нищенство какъ промыселъ. Но удовлетворяться подачей милостыни нельзя въ наше время, не только въ виду формальнаго несовершенства этого способа помогать нуждающимся; еще важнѣе тотъ мотивъ, что помощь бѣднымъ въ наше время не можетъ считаться лишь *личнымъ* дѣломъ. Культурно-развитое общество не можетъ не сознавать своей обязанности придти на помощь нуждающимся своимъ членамъ на основаніи принципа общественной *солидарности*, не говоря уже объ интересахъ городского благоустройства и о мотивахъ нравственнаго и гуманитарнаго свойства. Городскія попечительства и являются органомъ такой сознательной общественной помощи, основанной на принципѣ *общественнаго призрѣнія*.

Но въ то же время городскія попечительства представляютъ

собою, и по своему составу, и по способамъ дѣятельности, самый *цѣлесообразный* органъ общественнаго призрѣнія.

Мы выше указали на то, что наше время не можетъ удовлетворяться въ области благотворительности возникшими въ прежнее время для этой цѣли учрежденіями или вѣдомствами. Бюрократическая организація этихъ учрежденій представляетъ большія неудобства въ такомъ живомъ дѣлѣ, какъ борьба съ нуждою. Благотворители не должны быть незримы для нуждающихся, а стоять среди нихъ и лично знать ихъ. Они должны нести помощь туда, гдѣ она нужна, и не ждать, пока проситель постучится въ дверь ихъ канцеляріи съ прошеніемъ въ рукахъ. Они должны оказывать помощь не *резолюціей*, написанной на пачкѣ прошеній, подсунутыхъ имъ секретаремъ, а личнымъ опытомъ взвѣшивать степень дѣйствительной нужды и руководиться соображеніями, взятыми изъ жизни. Попечительства обладаютъ въ этомъ отношеніи двумя важными преимуществами. Стоя ближе къ жизни, онѣ не ставятъ *дѣлопроизводство* выше ея, и онѣ призываютъ къ дѣлу людей, для которыхъ благотвореніе—не служебное занятіе, а личное и общественное призваніе.

Московскія городскія попечительства представляютъ собою первый опытъ организованной общественной самодѣятельности въ области благотворительности и борьбы съ нуждой—и опытъ удавшійся.

Въ этомъ заключается ихъ общественное значеніе. Онѣ доказываютъ, какъ благотворно и существенно въ этой области непосредственное участіе общественныхъ силъ.

Было время, хотя въ это и вѣрится съ трудомъ, когда считали возможнымъ лечить людей теоретически, не изучая ихъ болѣзни. Лишь съ начала XVIII в. медики оставили Галена и Гиппократа и стали изучать свое дѣло въ оперативной залѣ и въ клиникѣ, при постели больного.

Такой переворотъ, конечно въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, совершается въ нашемъ вѣкѣ въ области соціальной.

Исцѣлять недуги общества, удовлетворять его нужды, вести его впередъ на пути благоденствія и прогресса, можно только зная его и стоя близко къ нему, — а этого можно достигнуть лишь при постоянномъ общеніи съ нимъ и при дѣятельномъ участіи его самого въ этомъ великомъ дѣлѣ.

В. Герье.

КОМУ КАКЪ!

РАЗСКАЗЪ.

I.

Крепова нельзя было узнать. Его нервное, худощавое лицо какъ будто пополнѣло; карiе—обыкновенно грустные—глаза глядѣли самоувѣренно, весело; губы складывались въ улыбку.

Войдя въ подъѣздъ меблированныхъ комнатъ, онъ веселымъ кивкомъ отвѣтилъ на поклонъ швейцара и быстро взбѣжалъ на первую площадку лѣстницы; швейцаръ только посмотрѣлъ ему вслѣдъ, качнулъ головою и сказалъ корридорной дѣвушкѣ, которую жилецъ изъ 24-го нумера послалъ за папиросами:

— Ишь, какимъ ныньче соколомъ! вѣроятно, удача какая ни на есть!

— Дай ему Богъ!—сочувственно отвѣтила дѣвушка:—измотались они ужъ очень. Прiѣхали такiе веселые, а тамъ все хуже. А теперь уже мѣсяцъ, если не больше, какъ сама-то все въ ломбардъ ходитъ. Вчера увязала такой большой узелъ! „Позовите, говоритъ (все на „вы“ со мною), Даша, извозчика.— Куда?—спрашиваю.—Тутъ она законфузилась.—„На Владимiрскiй“.—А потомъ догадалась, что я поняла, да и говоритъ: „У васъ въ ломбардахъ берутъ шубы на храненiе. Мы боимся, чтобы моль не съѣла“.—А какая тутъ моль, когда зима скоро! Бѣдуютъ, страсть! Онъ-то, слышь, мѣсто ищетъ. Дѣвочка ихняя все говоритъ: „Когда папа мѣсто получитъ“...

— Надо быть, получилъ,—сказалъ швейцаръ:—радостный! Я вотъ тоже, пока сюда поступилъ...—и онъ сталъ обстоя-

тельно разсказывать Дашѣ, сколько претерпѣлъ съ семьею всяческихъ мытарствъ...

Өедоръ Алексѣевичъ, между тѣмъ, взбѣжалъ на третій этажъ, быстро прошелъ корридоръ, въ которомъ помѣщался его нумеръ; стукнувъ въ одну изъ восьми совершенно одинаковыхъ дверей, онъ распахнулъ ее, не дожидаясь отвѣта.

Въ большой комнатѣ, перегороженной на двѣ части, у окна, выходившаго на глухую стѣну, склонившись надъ шитьемъ, сидѣла жена Крепова, молодая, красивая женщина, съ блѣднымъ лицомъ и голубыми глазами. Въ углу комнаты восьмилѣтняя Лиза занимала своего четырехлѣтняго братишку. При входѣ Крепова, лица всѣхъ обернулись къ нему, и вдругъ словно все повеселѣло въ этой неприглядной комнатѣ: и дрянной комодишка, и традиціонная, репсомъ обитая, мягкая мебель, и нескладныя ширмы, перегораживающія комнату.

Евгенія Петровна бросила работу на подоконникъ и быстро встала на встрѣчу мужу. Маленькій Алеша съ радостнымъ крикомъ: „папа вернулся!"—подбѣжалъ къ отцу.

Онъ взялъ на руки сына, поцѣловался съ Лизою и радостнымъ, возбужденнымъ голосомъ сказалъ женѣ:

— Ну, Женя, конецъ мытарствамъ! мѣсто!

Лицо Евгеніи Петровны озарилось улыбкою; она поцѣловала мужа и взяла съ его рукъ Алешу.

— Раздѣвайся и разсказывай толкомъ!—сказала она.—Ѣсть хочешь?

— Очень!—отвѣтилъ онъ, снимая пальто, галоши, шляпу и перчатки.

Лиза взяла отъ матери деньги, выбѣжала въ корридоръ, потомъ вернулась и, зажегши фитили керосиновой кухни, начала варить кофе.

А тѣмъ временемъ Өедоръ Алексѣевичъ переодѣлся за ширмами, сѣлъ на одно изъ креселъ и сталъ разсказывать про свою удачу. Евгенія Петровна сидѣла на диванѣ, держа на рукахъ Алешу, который, прислонившись къ ея груди, мурлыкалъ пѣсню.

— Пришелъ сегодня,—разсказывалъ Креповъ,—меня Соловской очень радушно встрѣтилъ.—Оказывается, и онъ изъ Курска. Многихъ знаетъ. Перебрали общихъ знакомыхъ, а тамъ заговорили и о мѣстѣ. Онъ прямо сказалъ, что кромѣ меня и кандидатовъ нѣтъ; повелъ къ управляющему: Терновъ какой-то, премилый господинъ. „Очень пріятно, говоритъ; вы были бухгалтеромъ, значитъ—хорошій счетчикъ, а намъ это важно. Какъ, го-

ворить, директоръ пріѣдетъ, такъ и—милости просимъ". Отъ него зависитъ утвержденіе; на дняхъ пріѣхать долженъ. Сегодня четвергъ, ну, а въ понедѣльникъ я иду и со вторника служу! Такъ-то!—онъ весело потеръ руки и взялъ снова на колѣни Алешу.

— Кофе готовъ!—заявила Лиза и стала наливать.

— А содержаніе?—спросила Евгенія Петровна.

Креповъ засмѣялся.

— Главное-то и забылъ! На первый разъ тысяча-двѣсти, да награды рублей триста, а тамъ, мнѣ сказали, старшимъ ревизоромъ могутъ сдѣлать. Три тысячи!

Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ груди Евгеніи Петровны. Креповъ взглянулъ на жену и увидалъ на глазахъ ея слезы.

— Женя, съ чего ты это?

Она, улыбаясь, поспѣшно вытерла глаза.

— Рада я. Измучились мы съ тобою!..

— Да-а, — задумываясь, сказалъ Креповъ: — тяжело безъ мѣста.

— А еще тяжелѣе, это—неопредѣленность!

— Да!—Креповъ помолчалъ, потомъ встряхнулся и уже бодрымъ голосомъ заговорилъ:

— Теперь зато сразу оправимся. Я отъ Соловского всѣ порядки узналъ! Черезъ недѣлю можно уже будетъ взять изъ кассы мѣсячное жалованье съ погашеніемъ на годъ. Потомъ у нихъ такъ устроено, что многіе магазины даютъ въ кредитъ съ уплатою по пяти рублей въ мѣсяцъ. Я такъ и рѣшилъ. Сейчасъ найдемъ квартиру и отсюда вонъ! Обзаведемся кое-какъ хозяйствомъ и... заживемъ! Такъ, Лиза?—и онъ обнялъ подошедшую къ нему дочь.—Пьянино тебѣ возьму...

Евгенія Петровна встала.

— Ну, ты прилягъ или съ дѣтьми побудь, а я схожу въ лавки и стану стряпать.

— Не позволю!—отвѣтилъ онъ.—Я рѣшилъ пиръ устроить. Сегодня безъ керосинки. Идемъ въ ресторанъ.

— Мамочка!—хлопая въ ладоши, воскликнула Лиза въ восторгѣ:—Какъ интересно!

— А Леша какъ же?

— И его покормимъ! велимъ котлету сдѣлать, скобленную... Я ужъ прикажу!

Евгенія Петровна согласилась. Ей и самой хотѣлось хоть на нѣсколько часовъ развлечься послѣ долгихъ дней хлопотли-

ваго труда, томленія, опасливыхъ ожиданій и унизительной нужды.

И весь день они провели по праздничному.

Онъ повелъ ихъ обѣдать къ Палкину. Большая, богато убранная зала, великолѣпный органъ, услужливая прислуга, бѣлизна бѣлья, блескъ посуды и обѣдъ, какого дома не приготовишь...

Потомъ они поѣхали домой, въ угоду Лизѣ купили къ чаю пирожнаго, и незамѣтно, въ полу-мечтательныхъ разговорахъ о дѣлѣ, провели остатокъ дня за вечернимъ чаемъ.

Отдыхъ человѣка, измотавшагося въ борьбѣ за существованіе!.. Вечеръ—и забота о завтрашнемъ днѣ; ночь—и тяжелыя мысли о безотрадной жизни; сонъ съ болѣзненными грёзами, а тамъ утро и впереди—цѣлый день мыканья, униженій, разочарованій и отчаянія. И вдругъ—отдыхъ. Два, три дня, недѣля съ обезпеченнымъ „завтра". А когда впереди и вся остальная жизнь грезится обезпеченной, и измученный человѣкъ уходитъ на покой, какъ истрепанное бурями судно въ тихую пристань, счастіе кажется безмѣрнымъ...

Такое время переживали Креповы, ободренные надеждою.

На диванѣ спала Лиза; въ маленькой кроваткѣ подлѣ нея спалъ Алеша, а за ширмами Креповъ съ женою изрѣдка обмѣнивались тихими фразами.

— Измучилась я...

— А я-то? Когда мы пріѣхали, у меня была полная увѣренность, и вдругъ Ипатьевъ уѣзжаетъ, Карловъ въ отставкѣ... Я думалъ, съ ума сойду. А потомъ эти исканія! Я выходилъ съ утра, и не зналъ, куда идти. Сколько униженій!... И вдругъ встрѣча съ Семеновымъ... — Въ темнотѣ послышался глубокій вздохъ облегченія.

— Я все думала о будущемъ, — заговорила снова Евгенія Петровна:—За шубы дали шестьдесятъ рублей. Проживутся они, и что дальше?.. Носильное платье, что лишнее—все снесено; серебро, золото—тоже. Осталось самое нужное. Прогнали бы отсюда... съ дѣтьми... осенью... Ужасно!...

Креповъ мысленно переживалъ пройденныя имъ мытарства. Тридцати лѣтъ онъ женился, только-что пріѣхавъ въ Курскъ податнымъ инспекторомъ. Должность оказалась не по немъ, и черезъ два года онъ вышелъ въ отставку; но порядочные люди успѣли оцѣнить его за это время, и онъ получилъ мѣсто бухгалтера въ губернскомъ земствѣ. Жизнь его проходила мирно и тихо. Шесть лѣтъ прошли незамѣтно, и вдругъ—съ новымъ

предсѣдателемъ начались недоразумѣнія. Въ короткое время всѣмъ стало ясно, что Крепова предсѣдатель намѣренъ замѣнить своимъ человѣкомъ; работать сдѣлалось невозможно, и Креповъ оставилъ мѣсто. Оставилъ и оказался ни при чемъ. Маленькія сбереженія, сдѣланныя его женою, устраняли нужду, но она надвигалась. Первое время и онъ, и друзья его искали какихъ-нибудь занятій въ Курскѣ, но поиски оказались напрасны. Креповъ сталъ падать духомъ. Приходилось разставаться съ насиженнымъ угломъ и искать мѣста въ другомъ городѣ.

Въ какомъ? Ему совѣтовали и Москву, и Варшаву, и Одессу, и Петербургъ.

И онъ остановился на послѣднемъ.

Тамъ временно проживалъ предводитель дворянства; у него самого есть хорошій знакомый Карловъ, занимающій генеральское мѣсто.

Къ Крепову вернулась энергія. Жена поддерживала его.

—Господи, свѣтъ не клиномъ сошелся! Вѣдь находятъ же другіе себѣ мѣсто и дѣло...

Они продали все, скопленное ими за девять лѣтъ жизни, и уѣхали.

И началось....

Вдвоемъ, съ двумя ребятами, они сняли комнату и на другой же день Креповъ направился къ предводителю; но тотъ, какъ нарочно, уѣхалъ за границу до самаго ноября.

Первая неудача.

На другой день онъ пошелъ къ Карлову. Карловъ оказался уже въ отставкѣ. Онъ радушно встрѣтилъ того, чей отецъ оказалъ ему много услугъ, но при просьбѣ Крепова развелъ руками.

— Годомъ раньше, и я помогъ бы вамъ, но теперь!.. Я—нуль! Вы знаете людскія отношенія? мнѣ сдѣлаютъ, если я могу расплатиться, а ради добраго расположенія никто пальцемъ не шевельнетъ. Впрочемъ, толкнитесь...—и Карловъ назвалъ нѣсколько учрежденій и фамилій.

Вторая неудача.

Креповъ началъ „толкаться“.

Ахъ, это исканіе мѣста!.. томительныя ожиданія въ пріемной, замираніе сердца при вызовѣ къ тому, отъ кого зависитъ рѣшеніе, унижающіе разспросы, холодные отказы, равнодушные „не могу“ и „навѣдайтесь какъ-нибудь“. И пока испивалась эта горькая чаша, деньги проживались; дѣти, лишенныя воздуха, запертыя въ душныя, смрадныя стѣны меблированной комнаты,

худѣли и блѣднѣли; въ глазахъ жены, казалось ему, отражался безмолвный упрекъ, и онъ, теряя надежды и съ ними силу, становился нервенъ, раздражителенъ, подчасъ грубъ и несправедливъ... И никого вокругъ. Всѣ чужіе...

И вдругъ онъ встрѣтилъ Семенова, стараго гимназическаго товарища, все такого же добродушнаго, веселаго и безпечнаго. Онъ потащилъ Крепова обѣдать въ ресторанъ, и они разговорились.

Семеновъ служилъ въ министерствѣ за сто-пятьдесятъ рублей, не домогаясь ни чиновъ, ни отличій. Холостой, свободный, онъ понималъ жизнь по-своему и наслаждался ею за всѣ сто-пятьдесятъ рублей. Никакія думы не омрачали его всегда ликующаго духа. Въ положеніи Крепова онъ принялъ участіе.

— Стой! — воскликнулъ онъ, хлопнувъ себя по лбу:—да у у меня есть мѣсто для тебя. Соловской на дняхъ говорилъ...

И Креповъ на другой же день съ письмомъ Семенова былъ у этого Соловского. Въ управленіи желѣзной дороги онъ былъ правителемъ канцеляріи и у нихъ освободилось мѣсто завѣдующаго однимъ изъ отдѣловъ.

Соловской встрѣтилъ его радушно, познакомилъ съ управляющимъ, и они оба твердо обѣщали ему вакантное мѣсто.

— Да, не легко въ Петербургѣ мѣсто сыскать, — вслухъ проговорилъ Креповъ:—не попадись этотъ Семеновъ...

— Страшно даже...—отозвалась Евгенія Петровна.

II.

Сергѣй Яковлевичъ Гуляевъ, чиновникъ крупнаго ранга, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и читалъ газету, когда къ нему вошла Софья Аркадьевна и сказала:

— Сержъ, я съ тобой поговорить хотѣла!

Сергѣй Яковлевичъ отложилъ газету, сбросилъ съ носа пенснэ и обернулся къ женѣ съ покорнымъ видомъ.

— Я, собственно, насчетъ Аркадія. Вѣдь надо же для него что-нибудь сдѣлать!—произнесла она, опускаясь въ кресло:—я не говорю уже о томъ, что по нашему положенію содержать его становится тяжело. У насъ есть Аглая кромѣ него. Ее вывозить нужно. Но и такъ. Онъ томится безъ дѣла и, наконецъ, положеніе...

Сергѣй Яковлевичъ пожалъ плечами.

— Я тутъ безсиленъ. Онъ не смѣетъ сказать, что для него

ничего не сдѣлано. Гимназія, пансіоны, учителя... Согласись, я къ себѣ его взять не могу. Теперь всюду требуется образовательный цензъ, а у него...

— Онъ уже имѣетъ два чина.

— Благодаря Петру Петровичу, который зачислилъ его, но этого теперь недостаточно.

— У васъ! но вѣдь есть частныя должности. У тебя столько связей... Ты долженъ это сдѣлать.

— Но, другъ мой...

— Ты для Селиванова сдѣлалъ же. А это—родной сынъ. Какихъ-нибудь сто, сто-пятьдесятъ рублей, это—такіе пустяки.

— Завтракъ поданъ!—доложила красивая горничная.

Софья Аркадьевна поднялась.

— Идемъ!—и затѣмъ заговорила:—Кромѣ всего, я навѣрное знаю, что Кушинниковыхъ дочь съ охотою вышла бы за него, но самъ не отдастъ ее такъ; надо для простой видимости мѣсто, хоть на время. За нею домъ и сто тысячъ...

— Что же... я попробую,—покорно согласился Сергѣй Яковлевичъ,—только врядъ-ли. По правдѣ, мнѣ за него и хлопотать неловко. Никакихъ правъ.

— Онъ твой сынъ!—сухо отвѣтила Софья Аркадьевна, проходя въ столовую.

За изящно сервированнымъ столомъ сидѣли семнадцатилѣтняя Аглая, красивая брюнетка съ надменнымъ выраженіемъ лица, и двадцатилѣтній Аркадій. Одѣтый въ изящную свѣтлую пару съ модной цвѣтною рубашкою и поясомъ-жилетомъ, онъ сидѣлъ развалясь и при входѣ отца лѣниво поднялся ему на встрѣчу.

— Здравствуй, отецъ!—сказалъ онъ, небрежно цѣлуя его въ бритую щеку,—ты вчера былъ въ клубѣ?

— Нѣтъ, а что?

— Князь Вороховъ, говорятъ, вчера проигралъ восемь тысячъ. Думалъ, ты знаешь, кому.

— И былъ бы, такъ не зналъ! — сухо отвѣтилъ Сергѣй Яковлевичъ.

— Противъ воли услыхалъ бы,—усмѣхаясь, сказалъ Аркадій, садясь къ столу и наливая себѣ водки:—такіе проигрыши теперь рѣдкость. Тебѣ налить?

Сергѣй Яковлевичъ молча кивнулъ. Сынъ своими манерами и разговорами всегда раздражалъ его.

Неглупый малый и совершенный невѣжда. Мало того, ни малѣйшей любознательности. Хоть бы случаемъ увидѣть его съ книгою—никогда. И при этомъ какой апломбъ!.. Откуда это?

Самъ онъ, кажется, не можетъ служить примѣромъ. Въ годы Аркадія онъ уже былъ на четвертомъ курсѣ университета, содержалъ мать, сестру и брата, занимаясь уроками и составляя компиляціи для издателя Синильнаго. Все, чему онъ обязанъ, чему обязана вся семья, это—его трудъ, неустанный, упорный...

И вдругъ, такой сынъ! первенецъ!..

Сергѣй Яковлевичъ взглянулъ на сына и тотчасъ опустилъ глаза на скатерть. Аркадій, положа локти на столъ и куря папиросу, съ жаромъ говорилъ матери:

— Гридень и Эльсиноръ! и все отъ грунта зависитъ. Если не высохнетъ, то первый Гридень, потому что на тяжелый грунтъ ему нѣтъ равнаго! Вы слушаете этого Разбери, а надо только глаза имѣть да слѣдить хоть по афишамъ.

Сергѣй Яковлевичъ вздохнулъ.

Какъ онъ любилъ быстроглазаго мальчугана, съ звонкимъ смѣхомъ носящагося по комнатамъ! сколько онъ ожидалъ отъ него радости!.. какъ онъ былъ смышлёнъ въ ранней молодости!.. И все рушилось, едва онъ пошелъ учиться. Въ первомъ классѣ остался, во второмъ остался, изъ третьяго надо было взять. Потомъ частная гимназія. Кажется, отдай туда вѣнскій стулъ, и тотъ получитъ аттестатъ. Аркадій и тамъ ничего не дѣлалъ, кромѣ долговъ... шестнадцать лѣтъ—и долги!

Готовился въ военную службу—и туда не выдержалъ. И рядомъ съ этимъ—бѣга, скачки, циркъ и велосипедъ. Тонъ, манеры человѣка, увѣреннаго въ своемъ превосходствѣ, и даже какое-то снисходительное отношеніе къ отцу...

Сергѣй Яковлевичъ вдругъ спохватился, взглянулъ на часы, торопливо допилъ кофе и всталъ.

— Ну, я ѣду!

— Не забудь моей просьбы!—сказала ему жена на прощанье, кивнувъ головою.

Сергѣй Яковлевичъ быстро вышелъ.

„Дѣйствительно, только и остается,—думалъ онъ, сидя въ пролеткѣ,—ткнуть куда-нибудь, и пусть служитъ. Можетъ быть, выправится".

Онъ подъѣхалъ; швейцаръ внимательно помогъ ему слѣзть и поспѣшилъ за нимъ въ подъѣздъ, отворить двери.

III.

Существуютъ совершенно особеннаго типа „дѣловые“ люди. Кажется, они ничего не дѣлаютъ, проводя жизнь безпечнаго жуира. Въ полдень—у Кюба за завтракомъ, вечеромъ—у Контана за обѣдомъ, во вторникъ—въ фойé Маріинскаго театра, въ воскресенье—Михайловскаго, въ субботу—въ циркѣ, въ уборной танцовщицы, въ будуарѣ кокотки, на холостомъ ужинѣ золотой молодежи, на серебряной свадьбѣ финансоваго туза, на пышномъ банкетѣ торговой фирмы, на бѣгахъ и скачкахъ, на биржѣ и въ банкирской конторѣ, — вездѣ появляется этотъ „дѣловой“ человѣкъ, принятый всюду какъ „свой“; всегда остроумный, находчивый, щедрый. Кажется, онъ ничего не дѣлаетъ, а между тѣмъ при его содѣйствіи учреждаются акціонерныя общества, совершаются крупные займы, исхлопатываются концессіи, субсидіи, производится продажа и купля. При его содѣйствіи изъ рукъ въ руки переходятъ сотни тысячъ, и отъ нихъ кое-что остается и у него въ рукахъ, мало-по-малу образовывая капиталъ. Эти люди знаютъ всѣхъ и все, они умѣютъ быть всѣмъ необходимыми.

Къ разряду такихъ дѣльцовъ принадлежалъ и отставной полковникъ Василій Степановичъ Долотовъ. Выйдя изъ кадетскаго корпуса, онъ сразу почувствовалъ свое призваніе, и на одной сдѣлкѣ съ сѣномъ, съумѣвъ во-время найти покупателя, нажилъ въ два дня четыреста рублей. Съ этого счастливаго случая не проходило мѣсяца безъ выгодной сдѣлки, и къ тому времени, какъ ему выйти въ отставку, у него уже былъ кругленькій капиталъ, и среди коммерческихъ людей и финансистовъ репутація „головы“.

Это былъ невысокаго роста, полный брюнетъ съ красивымъ, выразительнымъ лицомъ, съ изящными, увѣренными манерами и бойкою, находчивою рѣчью.

Василій Степановичъ сидѣлъ утромъ въ своемъ кабинетѣ за чашкою кофе и пересматривалъ газеты, въ то же время изрѣдка занося замѣтки въ записную книжку, когда къ нему вошелъ представительнаго вида господинъ и съ порога комнаты заговорилъ пріятнымъ баритономъ:

— Простите, дорогой Василій Степановичъ, я на минутку! Вчера ловилъ васъ и нигдѣ не засталъ.

Василій Степановичъ быстро всталъ съ кресла и, дѣлая шагъ къ гостю съ протянутой рукой, заговорилъ радушнымъ голосомъ:

— Что вы, Антонъ Савельевичъ! Садитесь! Чашку кофе угодно? Отлично! — Онъ позвонилъ; въ дверяхъ появилась горничная.

— Чашку кофе! — приказалъ онъ и снова обратился къ гостю:—Сигарку?

Гость взялъ, срѣзалъ кончикъ и закурилъ сигару.

— Ну, и сразу, чтобы съ плечъ долой,—засмѣялся Василій Степановичъ:—что у васъ за дѣло? Кажется, теперь уже все въ порядкѣ?

Гость со вздохомъ выпустилъ клубъ душистаго дыма.

— Все, да не все! — сказалъ онъ:—въ среду докладъ. Я думалъ, что и мое дѣло пойдетъ, а его отложили. Будто бы есть что-то особенно важное... Я про васъ и вспомнилъ. Не съумѣете ли ускорить, дорогой?..

Горничная внесла кофе. Василій Степановичъ подвинулъ гостю чашку, сахарницу и, добродушно усмѣхаясь, сказалъ:

— Эхъ вы, горячка! Вѣдь дѣло ваше въ принципѣ уже рѣшено. Ну, не въ эту среду, такъ въ будущую.

Гость даже откинулся.

— Помилуйте! да тогда я въ будущую-то уже субсидію получу и съ деньгами уѣду на работу. Вѣдь я и то здѣсь четыре мѣсяца. Нѣтъ, ужъ если вы можете...

Василій Степановичъ засмѣялся.

— Развѣ для васъ только! Признаться, мнѣ по пустякамъ не охота людей тревожить. Понадобится что важное—и опять къ нему. Впечатлѣніе-то и другое.

— Да вѣдь только ускорить...

— Ну, ускорю, ускорю!

— А гдѣ я увижусь съ вами?

— Со мною?—Василій Степановичъ подумалъ.

— Да что-жъ я! — воскликнулъ онъ: — вѣдь третьяго дня Перехватовъ вернулся; сегодня винтъ у него. Приходите туда!

— Часовъ въ десять?

— Да хоть къ ужину. Я у него ужъ и закончу вечеръ.

— Такъ я бѣгу!—Гость сдѣлалъ послѣдній глотокъ и всталъ. Василій Степановичъ поднялся тоже.

— Я съ вами. Хотите, подвезу, если по дорогѣ.

Они вышли вмѣстѣ. Горячій рысакъ, заложенный въ легкую полуколяску, ждалъ Василія Степановича. Тотъ, кого называлъ Долотовъ Антономъ Савельевичемъ, съ удивленіемъ посмотрѣлъ на лошадь и закладку.

— На биржу! — приказалъ Василій Степановичъ. Кучеръ подобралъ возжи, и экипажъ покатился.

— Какія у васъ чудныя лошади!—сказалъ Антонъ Савельевичъ.

Василій Степановичъ кивнулъ.

— Не мои только. Беру со двора, помѣсячно. На дняхъ везъ, тоже по пути, генерала Ахвердова. Онъ восхитился и купилъ рысака...

— Живи я тутъ...

— Да вѣдь его и переслать можно! — быстро сказалъ Василій Степановичъ:—а такого, батюшка, въ другой разъ не купите. Орловскій... Я вотъ что. Я пошлю къ вамъ хозяина. Ладно?

— А пришлите!—согласился Антонъ Савельевичъ,—можетъ, и сговоримся. Ну, мнѣ сюда.

— Семенъ, придержи! — крикнулъ Василій Степановичъ.— Такъ до вечера!

— До вечера!

Василій Степановичъ толкнулъ кучера и поѣхалъ дальше. По дорогѣ онъ сказалъ ему:

— Ну, вотъ, Семенъ, и второго сторговали. Сходи къ нему завтра утромъ. Отель де-Франсъ. Я ему еще напомню.

Кучеръ, не оборачиваясь, кивнулъ головою.

— Ужъ вотъ какое вамъ спасибо, Василій Степановичъ!

— Ну, ну, за это вѣдь возишь меня. А много еще?

— Да три рысачка и парочка!

— Богъ дастъ, и ихъ сбудемъ. Стой! я часа черезъ полтора отсюда.

— Слушаю!

Семенъ, натянувъ возжи, медленно сталъ оборачивать лошадь, а Василій Степановичъ съ живостью юноши взбѣжалъ на гранитную лѣстницу биржи...

IV.

Сергѣй Яковлевичъ подписывалъ послѣднія бумаги, собираясь ѣхать домой, когда курьеръ доложилъ ему о Долотовѣ, и черезъ минуту въ кабинетъ вошелъ Василій Степановичъ.

— Не безпокойтесь! продолжайте ваше дѣло!—проговорилъ онъ, когда Сергѣй Яковлевичъ, поздоровавшись съ нимъ, отодвинулъ бумаги въ сторону.—Я на мгновеніе. Ѣхалъ мимо, давно васъ не видѣлъ. Думаю, дай нанесу визитъ. Какъ живете?

Онъ опустился въ кресло и обернулъ къ Сергѣю Яковлевичу лицо, исполненное дружескаго вниманія.

— Благодарю васъ. Ну, какія у васъ новости? что въ свѣтѣ интереснаго?

— Новости? въ вашемъ клубѣ вчера князь Вороховъ Ануфріеву четыре тысячи проигралъ. Это разъ!—но вы ее знаете.

— Да,—кивнулъ Сергѣй Яковлевичъ,—мнѣ сынъ говорилъ.

— Ну, ну! Потомъ, Семенова выходитъ за Спицына. Возмутительно! 60-ти лѣтъ старуха съ милліонами и—молодой повѣса. Я бы запрещалъ подобные браки. Ей Богу!.. Вотъ еще новость: Григоръ получилъ концессію,—ну, да это вамъ извѣстно; а вотъ какъ?..—и Долотовъ, смѣясь, сталъ разсказывать канцелярскую интригу.

Гуляевъ слушалъ его однимъ ухомъ, и въ то же время одна неотвязная мысль мелькала у него въ головѣ. Онъ выждалъ минуту, когда Долотовъ умолкъ, и, смущенно улыбаясь, сказалъ:

— А я очень радъ вашему посѣщенію, Василій Степановичъ...

Лицо Долотова приняло тотчасъ выраженіе напряженнаго вниманія.

— У васъ такая масса знакомыхъ... всюду... такъ я хотѣлъ просить васъ о содѣйствіи... Видите...

Долотовъ прижалъ руку къ сердцу.

— Вѣрьте, ваше превосходительство, я буду только счастливъ услужить вамъ!

Сергѣй Яковлевичъ совершенно смутился и нагнулся надъ бумагами.

— У меня сынъ, двадцати лѣтъ,—произнесъ онъ глухо:—надо его пристроить куда-нибудь на мѣсто, а я... мнѣ неудобно, у себя... такъ бы гдѣ-нибудь въ частномъ правленіи, въ конторѣ...

Долотовъ вскочилъ съ кресла и протянулъ руки.

— Сергѣй Яковлевичъ! не продолжайте! это—такой пустякъ, такой... завтра же онъ будетъ на мѣстѣ. Я васъ вполнѣ понимаю. Скажутъ, непотизмъ. Ха-ха-ха!

Сергѣй Яковлевичъ взглянулъ на него съ благодарностью.

— Дѣйствительно. Если можно...

— Пустяки! я сегодня же скажу Перехватову. Два слова—и все. Я только радъ.

Онъ взялъ шляпу. Сергѣй Яковлевичъ вышелъ изъ-за стола.

— Я васъ завтра же извѣщу, какъ, гдѣ, что и на сколько!

Сергѣй Яковлевичъ горячо пожалъ ему руку.

— Ахъ!—вдругъ словно вспомнилъ Долотовъ:—а кстати и у меня просьбишка къ вамъ.

— Что такое? сдѣлайте одолженіе.

— Такъ, пустяки; въ эту среду у васъ докладъ министру. Пожалуйста, доложите о предложеніи Пеликанова, не откладывая.

Сергѣй Яковлевичъ задумался, припоминая.

— Мы готовили его къ слѣдующему докладу. Здѣсь есть одно скучное дѣло о...

— Скучное, такъ вы его и отложите, — засмѣялся Долотовъ,—а моего Пеликанова теперь. Вамъ вѣдь все равно!

— Положимъ, — улыбнулся Сергѣй Яковлевичъ и кивнулъ головою.—Хорошо, я распоряжусь приготовить!

— Пожалуйста!

— Будьте покойны!—пожимая руку Долотова, сказалъ Сергѣй Яковлевичъ.

Долотовъ вышелъ. Сергѣй Яковлевичъ, медленно подошелъ къ своему столу. Непріятное чувство брезгливости закралось въ его душу. Словно онъ устроилъ какой-то нехорошій компромиссъ.

V.

Директоръ правленія одного изъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, Дмитрій Петровичъ Перехватовъ, два дня всего, какъ вернулся изъ-за границы, и сегодня у него былъ первый винтъ.

— Безъ винта для меня полжизни,—говорилъ онъ, смѣясь, своимъ гостямъ.

Къ нему шли охотно. Всякій зналъ, что послѣ картъ подается роскошный ужинъ, и что на вино и сигары Перехватовъ не жалѣетъ денегъ.

Долотовъ явился изъ первыхъ.

— А, Васинька! — привѣтствовалъ его Перехватовъ.—Прыгаешь?

— Какъ всегда! А ты жиру, кажется, не убавилъ себѣ на водахъ-то?

Перехватовъ вздохнулъ.

— Радъ, что не прибавилъ, другъ. Теперь рѣшилъ на велосипедѣ попробовать. Авось отощаю!

— Если ногъ не поломаешь!—и, сразу измѣнивъ тонъ на серьезный, онъ сказалъ Перехватову, беря его подъ руку:—Пока до винта, на два слова!

— Что?—озабоченно спросилъ Перехватовъ, отходя въ уголъ кабинета.

— Пустяковое дѣло: одного молодого человѣка къ тебѣ пристроить надо. Непремѣнно!

— На сколько?

— Ну, хоть на сто рублей. Понимаешь, необходимо. Сынъ Гуляева, Сергѣя Яковлевича. Человѣкъ нужный.

Перехватовъ оттопырилъ губу.

— Ни, ни, ни!—рѣшительно сказалъ Долотовъ.—Завтра же у тебя буду. Нѣтъ мѣста, найди! Самъ потомъ спасибо скажешь!

— Ну, ладно!—сказалъ Перехватовъ и, обращаясь къ вновь вошедшему, заговорилъ:

— А! Андрей Алексѣевичъ, ну, какъ-то поиграемъ сегодня! Соскучился я, страсть! Безъ винта, прямо, не жизнь!..

VI.

Въ управленіи частныхъ желѣзныхъ дорогъ главное послѣ директора лицо, Сергѣй Ивановичъ Терновъ, суетился и волновался. Съ озабоченнымъ видомъ онъ нѣсколько разъ входилъ въ канцелярію, то за одной справкой, то за другой, и въ полголоса торопливо обмѣнивался съ правителемъ канцеляріи отрывочными фразами.

— Смѣты о ремонтѣ готовы?

— Готовы!

— Ихъ тоже къ подписи. А машинки всѣ?

— Всѣ, всѣ! И чего вы такъ волнуетесь, право?

— Чего?—изумился Терновъ:—вы словно вновѣ, батюшка. Онъ, съ отдыха-то какъ пріѣдетъ, во все суется. Непріятно недовольную физіономію увидать. Чего! — повторилъ онъ раздражительно.

— Ну, а машинки къ чему?

— Онъ же приказалъ! „Чтобы къ моему пріѣзду, говоритъ, переписчиковъ не было. Все на машинкахъ“.

Терновъ схватилъ со стола нужныя бумаги и убѣжалъ въ кабинетъ, откуда тотчасъ зазвенѣли во всѣ концы электрическіе звонки.

Волненіе главнаго начальника передалось невольно и всѣмъ служащимъ. Перехватовъ вернулся изъ-за границы и послѣ двухмѣсячнаго отпуска явится въ управленіе. Швейцаръ выглядывалъ поминутно изъ подъѣзда, боясь упустить встрѣчу директора.

Сторожа при каждомъ шумѣ испуганно вскакивали со своихъ мѣстъ, завѣдующіе отдѣленіями имѣли озабоченный видъ, а прочіе служащіе, наклонивъ головы, усиленно считали, писали, ворочали бумаги, изрѣдка шопотомъ обмѣниваясь своими впечатлѣніями.

Наконецъ, Перехватовъ подъѣхалъ къ подъѣзду своего управленія. Юркій швейцаръ выскочилъ, словно ошпаренный, и ловко подхватилъ его подъ локоть.

— Съ пріѣздомъ, ваше превосходительство!—подобострастно сказалъ онъ.

— Благодарю, братецъ!—отвѣтилъ Перехватовъ, грузно наваливаясь на его руку.

Онъ вошелъ въ прихожую. Сторожа бросились къ нему съ низкими поклонами. Одинъ помогъ снять пальто; другой почтительно принялъ шляпу; третій быстро и ловко обмахнулъ щеткою его изящный костюмъ, и Перехватовъ, пыхтя, переваливаясь, медленно сталъ подниматься по лѣстницѣ, на верхней площадкѣ которой его поджидали уже Терновъ и Соловской.

— Съ благополучнымъ пріѣздомъ!

— Ну-съ, какъ? Поправились?

Перехватовъ дружески кивнулъ головою и подалъ имъ руку.

— Благодарю! Нѣтъ, ничего не помогло. Буду теперь на велосипедѣ кататься. Вы вѣдь ѣздите, Антонъ Семеновичъ?—обратился онъ къ Соловскому:—такъ вотъ съ вами совѣтоваться буду. Трудно выучиться?

— Пустяки!

— Это для вашей комплекціи, а во мнѣ, друже, семь пудовъ! Да-съ! — и онъ улыбнулся отошедшему къ своему столу Соловскому.

Идя вдвоемъ съ Терновымъ, Перехватовъ дружески кивалъ головою въ отвѣтъ на почтительныя привѣтствія служащихъ.

— Ну-съ, а теперь дѣла, — сказалъ онъ, входя въ свой роскошный кабинетъ:—что безъ меня подѣлывали?

— Все обстоитъ благополучно! Смѣты по ремонту...—началъ Терновъ, раскрывая толстый портфель.

— А машины?

— Машины пріобрѣтены, Дмитрій Петровичъ. Всѣ барышни на нихъ работаютъ.

— Отлично! Ну-съ, далѣе!..

Терновъ сталъ вынимать бумагу за бумагой, докладывая содержаніе каждой. Голосъ его звучалъ монотонно, ровно, и Перехватову становилось все скучнѣе и томительнѣе...

Терновъ оканчивалъ свой докладъ.

— Завѣдующій контролемъ по мелкимъ расходамъ померъ. Освободилась вакансія,—окончилъ онъ, собирая бумаги.

Перехватовъ вдругъ встрепенулся.

— Не занята?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Терновъ,—но Антонъ Семеновичъ намѣтилъ одного кандидата. Прекрасный счетчикъ. Въ земствѣ бухгалтеромъ былъ и голо...

— А какой окладъ?

— Тысяча-двѣсти, съ наградными—тысяча-пятьсотъ.

— Вотъ-вотъ!—закивалъ Перехватовъ:—и отлично! У меня есть свой кандидатъ. Изготовьте-ка мнѣ бумажку о назначеніи Гуляева...

Онъ напрягъ память, не позабылъ ли фамиліи.

— Да, Гуляева! — подтвердилъ онъ и прибавилъ: — знаете Сергѣя Яковлевича? такъ его сына.

— Но, Дмитрій Петровичъ,—смутился Терновъ,—вѣдь его мѣсто все-таки отвѣтственное. Мы обнадежили того... бухгалтера, какъ же...

— Ну, ну, ну, тоже!—недовольно перебилъ его Перехватовъ:—какой-то земскій бухгалтеръ—и Гуляевъ! Да еще за него Долотовъ просилъ, а онъ, сами знаете, всегда нуженъ! Ну, и усталъ же я... — И Перехватовъ съ утомленнымъ видомъ потянулся и зѣвнулъ. — Вчера интересная игра пришла. Въ пяти. Интересно, что выходило четыре или шлемъ, а пять—никакъ...

Онъ на минуту оживился, разсказалъ игру и снова зѣвнулъ.

— Такъ бумажку о Гуляевѣ изготовьте, а я Долотову напишу!...

Терновъ вышелъ и прошелъ въ канцелярію.

— Прикажите, Антонъ Семеновичъ, изготовить бумагу о назначеніи на вакантное мѣсто Гуляева, — сказалъ онъ, стараясь не смотрѣть на Соловского.

Тотъ изумленно взглянулъ на Тернова.

— А Креповъ?

— Дмитрій Петровичъ такъ распорядился. Этотъ Гуляевъ—сынъ Сергѣя Яковлевича...

— Онъ?—воскликнулъ Соловской.—Такъ я его знаю. Видѣлъ. Вѣдь это—лоботрясъ совершенный; мой пріятель его въ юнкерское готовилъ и даже грамотно писать не могъ выучить.

Терновъ пожалъ плечами.

— Это ужъ не мое дѣло. Вѣроятно, по высшимъ соображеніямъ... А Крепова жаль!—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Свинство! — выругался Соловской, рѣзко опускаясь на свое кресло.

— Все-таки изготовьте!—сказалъ Терновъ и торопливо выскользнулъ изъ комнаты.

Соловской взялъ въ руки перо, но писать не могъ. Онъ вспомнилъ Крепова, задушевную съ нимъ бесѣду и свои обѣщанія.

VII.

За всѣ дни со времени выхода изъ земства Креповъ не просыпался утромъ въ такомъ жизнерадостномъ настроеніи, какъ въ утро понедѣльника, въ который онъ рѣшилъ сходить въ управленіе за окончательнымъ отвѣтомъ.

Онъ проснулся, слыша лепетъ своего сына. Маленькая Лиза кормила его кашей, а онъ говорилъ безъ умолку.

— Когда будетъ воскресенье,—говорилъ онъ,—мы поѣдемъ въ циркъ—я, ты, мама и папа! Воскресенье скоро!—вторникъ, потомъ пятница, а потомъ и воскресенье! Правда, мама?

— Правда, правда,—отвѣчалъ голосъ матери,—кушай кашку.

Креповъ улыбнулся. Онъ пообѣщалъ, какъ получитъ мѣсто, повезти дѣтей въ циркъ, и маленькій Леша не забылъ этого обѣщанія.

— Всѣ въ циркъ поѣдемъ, — громко сказалъ Креповъ съ постели,—и я тебѣ апельсинъ куплю!

— Папа проснулся!—закричалъ Алеша.

— Кушай кашку!—раздался голосъ Лизы.

— Тебѣ подать чаю или встанешь?—спросила жена, заглядывая за ширмы.

Онъ улыбнулся и протянулъ ей руки.

— Сегодня рѣшится наша участь,—сказалъ онъ,—а я не только спокоенъ, но радостенъ даже!

Жена нагнулась и поцѣловала его.

— Устали мы ужъ очень!—отвѣтила она.—Такъ встанешь?

— Встану, встану!

Утро онъ провелъ съ дѣтьми, и планы на будущее строились даже ими.

— Не забудь, папа,—говорила Лиза:—ты возьмешь піанино и будешь учить меня музыкѣ.

— И меня музыкѣ!—повторялъ Алеша.

— Обоихъ, обоихъ,—смѣясь, отвѣтилъ Креповъ.

— Говорятъ, квартиры ужасно трудно искать. Дороги неприступно,—озабоченно говорила Евгенія Петровна.

— Глупости! — гдѣ-нибудь на Петербургской, на Островѣ. Намъ вѣдь все равно. А къ веснѣ я пріобрѣту велосипедъ.

— Швейную машинку надо выкупить...

Но когда Креповъ вышелъ изъ дому, сомнѣніе вдругъ коснулось его сознанія и сразу отравило его настроеніе.

„Съ какой стати?—думалъ онъ:—правитель канцеляріи—не мальчикъ, управляющій—тоже. Обыкновенно, директоръ—только одна формальность... Формальность! — тотчасъ возражалъ онъ себѣ: — предсѣдатель выжилъ меня изъ управы потому только, что у него былъ свой кандидатъ. А тутъ—готовое мѣсто".

Онъ не рѣшился ѣхать на извозчикѣ, изъ трусливаго желанія отдалить роковую минуту. То убѣждая себя въ невозможности получить отказъ, то разбивая свои доводы, онъ терзалъ свою душу, и нѣсколько изъ встрѣчныхъ прохожихъ обернулись ему вслѣдъ, но онъ не замѣчалъ дороги.

Передъ входомъ въ управленіе силы на мигъ покинули его. Измученный, онъ уже не вѣрилъ въ возможность счастія. Но черезъ минуту онъ справился съ собою и, сбросивъ пальто, спросилъ у сторожа:

— Антонъ Семеновичъ здѣсь?

— Здѣсь, наверхъ пожалуйте. Направо, вторая дверь!

— Знаю!—отвѣтилъ Креповъ и легко взбѣжалъ по лѣстницѣ. Въ широкомъ корридорѣ по одну сторону стояли ясеневыя скамейки, по другую—высокія двери съ матовыми стеклами вели въ отдѣленія службы.

Креповъ подошелъ къ сторожу и попросилъ его вызвать Соловского. Сторожъ вошелъ во вторую дверь, черезъ минуту вернулся и, сказавъ:—Сейчасъ выйдутъ!—остановился у стѣны, равнодушно сложивъ на груди руки.

Креповъ сѣлъ на скамью, но тотчасъ всталъ и нетерпѣливо началъ ходить по корридору. Волненіе его росло. Онъ слышалъ біеніе своего сердца. Отъ одного слова зависитъ счастіе всей семьи!..

Онъ съ завистью смотрѣлъ на служащихъ, проходящихъ дѣловымъ быстрымъ шагомъ по корридору. Мгновенія обращались для него въ томительные часы. Онъ въ изнеможеніи опустился на скамью и сейчасъ же вскочилъ, увидѣвъ входившаго изъ двери Соловского.

— Пріѣхалъ?—спросилъ онъ Соловского, поздоровавшись съ нимъ.

— Пріѣхалъ, — отвѣтилъ Соловской и замолчалъ. Онъ не могъ нанести удара, и не зналъ, что говорить дальше. Креповъ поблѣднѣлъ.

— Сергѣй Ивановичъ говорили обо мнѣ?

Соловской кивнулъ головою. Сердце Крепова упало, на лбу выступила испарина.

— И что же? утвер....

— Нѣтъ,—рѣзко отвѣтилъ Соловской:—у директора оказался уже давнишній кандидатъ,—сovралъ онъ,—а мы этого и не знали. Да постойте. Вы не волнуйтесь...

Соловской посадилъ Крепова на скамью и, сѣвъ рядомъ съ нимъ, сталъ говорить безсвязно.

— Видите ли. Это пустяки. Я знаю, что его кандидатъ не прослужитъ и полгода. Тогда вы, а можетъ быть и ранѣе. Можетъ быть что-нибудь освободится. Вы навѣдайтесь черезъ недѣлю. Мы съ Сергѣемъ Ивановичемъ...

— Благодарю васъ,—глухо отвѣтилъ Креповъ, поднимаясь со скамьи. Онъ былъ спокоенъ, только мертвенная блѣдность выдавала его волненіе.

— Навѣдайтесь!—съ горячимъ сочувствіемъ повторилъ Соловской, встряхивая его руку.—Мы васъ будемъ помнить!

— По моему, это гнусность,—взволнованно говорилъ онъ черезъ минуту Тернову:—я чувствовалъ себя палачомъ, буквально. Вы должны были убѣдить директора.

Терновъ пожалъ плечами.

— Вы рехнулись, батенька! Во-первыхъ, я тутъ безсиленъ, а потомъ не одинъ вашъ Креповъ страдаетъ. Такъ вѣдь для каждаго мѣста кличъ кличи: „кто самый бѣдный“! Жалко, что и говорить, но не трагедія.

— Не испытали вы этого,—дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ Соловской, и весь день не могъ работать...

Креповъ вышелъ изъ управленія, не придя еще въ сознаніе отъ полученнаго удара, и, свернувъ направо, пошелъ, не разбирая дороги. Что-то огромное, тяжкое обрушилось на него, и онъ не могъ еще разобраться въ мысляхъ. Всѣ погибли! Жалость къ женѣ, дѣтямъ, къ себѣ, наполняла его сердце, и онъ готовъ былъ плакать.

По дорогѣ ему попался скверъ. Онъ вошелъ въ него и сѣлъ на скамейку. Наискосокъ отъ него какой-то юноша стоялъ передъ двумя дѣвицами и разсказывалъ имъ что-то забавное. Онѣ громко смѣялись. Мимо него съ гикомъ пробѣжала толпа мальчиковъ. Въ отдаленіи играли дѣти.

Креповъ оглянулся и вздохнулъ. Вотъ что̀ такое „борьба за жизнь"! Жизнь наноситъ неожиданные удары, разбиваетъ надежды, лишаетъ близкихъ людей, вырываетъ изъ горла кусокъ хлѣба—и ты терпи. Надоѣстъ судьбѣ трепать тебя, и ты—побѣдитель...

Креповъ горько усмѣхнулся.

Мысли его начали проясняться. Но первая же мысль наполнила его душу ужасомъ. Онъ представилъ себѣ жену, Лизу. Онѣ встрѣтятъ его радостно, и потомъ... какъ измѣнятся ихъ лица!..

Что̀ будетъ съ Женей? она говоритъ: „измучилась", а впереди—то же, безъ срока... Въ надеждѣ на мѣсто, эти дни они тратили больше обыкновеннаго. И что̀ у нея осталось отъ шубъ? Чѣмъ жить, на что надѣяться?.. Онъ тяжко вздохнулъ и снялъ шляпу, чтобы освѣжить взволнованную голову.

На небо надвинулись тучи, пошелъ дождь...

Евгенія Петровна уже не могла скрыть своего безпокойства отъ Лизы.—Семь часовъ, а его все нѣтъ!

— Лиза, выглянь на лѣстницу!—говорила она время отъ времени, одной минутою желая ускорить извѣстіе о мужѣ. Лиза выходила и возвращалась снова.

— Нѣтъ?

— Нѣтъ! Мама, что̀ съ папой?

— Ничего! опоздалъ. Можетъ быть, его позвали обѣдать. Ты хочешь ѣсть?

Лиза качала головою. Ихъ безпокойство передалось и Алешѣ. Онъ закапризничалъ.

— Лешенька, тебѣ спать пора. Папа придетъ и принесетъ тебѣ гостинца. Лиза, уложи его

— Не хочу, я буду папу ждать! Лиза, уйди!..

— Господи, да что же это?—воскликнула въ отчаяньи Евгенія Петровна:—скоро восемь!

Онѣ не замѣтили, какъ сгустились сумерки, и тревожно прислушивались къ тишинѣ.

Вдругъ въ корридорѣ раздались тяжелые шаги.

Евгенія Петровна встрепенулась. Лиза обхватила Алешу.

— Не плачь! папа идетъ!

Дверь распахнулась, и въ полутьмѣ раздался недовольный окрикъ Крепова:

— Что это вы, какъ совы, въ темнотѣ сидите! Или на керосинъ денегъ нѣтъ?

— Мы ждали тебя,—вздрогнувъ, отвѣтила Евгенія Петровна, —безпокоились...

— И совершенно напрасно! Мнѣ еще далеко до смерти. Чортъ не торопится.

— Лиза, зажги лампу! Постой, я сама.

— Папа, принесъ гостинца?—заговорилъ Алеша.

— Не до гостинца, Алеша; скоро ѣсть будетъ нечего,— горько отвѣтилъ Креповъ.

Алеша заплакалъ. Сердце Евгеніи Петровны сжалось. Отказъ! Что же будетъ съ ними?!.. Но она сдержалась и осторожно оглянулась на мужа. При свѣтѣ лампы, лицо его показалось еще блѣднѣе. Одежда и волоса его были мокры.

Евгенія Петровна испугалась.

— Ѳедя,—подошла она къ мужу,—ты промокъ. Раздѣнься и лягъ. Я заварю чаю.

Креповъ взглянулъ на нее, и лицо его вдругъ исказилось судорогою.

— Женя, отказали мнѣ! — произнесъ онъ глухо: — у нихъ свой кандидатъ...

— Послѣ разскажешь, Ѳедя. Теперь лягъ! Иди, раздѣнься! Я достану бѣлье.

— Алеша уснулъ? тсс... положи его въ постельку. Ты хочешь обѣдать?

— Нѣтъ!—тихо отвѣтила Лиза. Она уже понимала, какое горе разразилось надъ ними, и раздѣляла его съ отцомъ и матерью...

Наступила ночь, и опять Креповы лежали на постели безъ сна. Среди тяжкаго молчанія, которое угнетало обоихъ, послышался глубокій вздохъ Крепова.

— Ѳедя,—тихо сказала Евгенія Петровна,—не убивайся! Свѣтъ не клиномъ сошелся, будетъ и мѣсто!...

— На Смоленскомъ,—горько отвѣтилъ Креповъ:—намъ только на кладбищахъ отказа нѣтъ...

Евгенія Петровна промолчала. Слезы тихо струились по ея лицу. Дѣйствительно, развѣ мѣсто падаетъ съ неба?..

VIII.

Сергѣй Яковлевичъ Гуляевъ вышелъ къ завтраку съ довольной улыбкой на лицѣ.

— А гдѣ Аркадій?—спросилъ онъ.

— Не знаю. Съ утра ушелъ,—отвѣтила Софья Аркадьевна.

— На велосипедѣ уѣхалъ,—поправила ее Аглая.

— А что?—спросила Софья Аркадьевна.

— Ну, сдѣлалось по-твоему. Вотъ для Аркадія мѣсто,—отвѣтилъ Гуляевъ, подавая ей вскрытый конвертъ съ письмомъ отъ Долотова.

Софья Аркадьевна быстро пробѣжала письмо глазами и воскликнула:

— Вотъ спасибо! Я говорила тебѣ, что найти мѣсто ничего не стоитъ!..

Гуляевъ нахмурился.

— Только скажи ему, чтобы онъ хоть на время бросилъ велосипедъ свой. А то прямо неловко.

А. Заринъ.

БЕРЛИНСКАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ ПРЕССА

ОЧЕРКИ.

I.

„Schlimme Nachrichten aus Paris" —такъ озаглавленъ былъ изданный 25-го февраля 1848 года въ Кёльнѣ летучій листокъ (Extra-Blatt), извѣщавшій гражданъ этого стариннаго города о вспыхнувшей въ Парижѣ революціи. Изъ этого же летучаго листка узнавали тогда о новѣйшихъ событіяхъ во Франціи и жители Берлина, слѣдившіе и прежде съ большимъ интересомъ за столкновеніемъ, разыгравшимся между правительствомъ іюльской монархіи и представителями народной оппозиціи. Слѣдить же за быстро чередовавшимися во Франціи событіями берлинцы могли только по парижскимъ газетамъ, потому что мѣстныя газеты или сообщали о парижскихъ событіяхъ на нѣсколько дней позже полученія парижскихъ газетъ, или же ничего не сообщали. Это объяснялось очень просто. По мнѣнію тогдашняго шефа берлинской цензуры, старенькаго и умудреннаго опытомъ гофъ-рата Іона, задерживавшаго у себя регулярно на 24 часа всѣ приносимыя берлинскими газетами политическія извѣстія, подобныя новости, какъ „Воспрещеніе министерствомъ Гизо банкета, назначеннаго на 21-е февраля въ Елисейскихъ-Поляхъ", или „Внесеніе въ палату депутатовъ предложенія о преданіи министерства Гизо суду", не должны

были быть сообщены „добрымъ“ берлинскимъ бюргерамъ своевременно, во избѣжаніе возможнаго возбужденія умовъ. Поэтому кое-какія извѣстія о ходѣ революціи въ Парижѣ Іонъ задерживалъ у себя на нѣсколько дней, а кое-что другое совершенно не разрѣшалъ печатать. Парижскія газеты получались только въ нѣсколькихъ большихъ кафè или кондитерскихъ, и въ нихъ всегда было шумно и оживленно въ двадцатыхъ числахъ февраля 1848 г. Тотъ, кто первый получалъ въ руки свѣжій нумеръ парижской газеты, долженъ былъ становиться на стулъ и прочитывать вслухъ все то, что̀ въ этомъ нумерѣ было напечатано. Подобныя оживленныя собранія, оканчивавшіяся, обыкновенно, диспутами и предсказаніями будущаго, повторялись изъ вечера въ вечеръ. Въ субботу, 26-го февраля, парижскія газеты принесли извѣстіе о паденіи министерства Гизо. Вѣсть объ этомъ быстро распространилась по всему Берлину. Возбужденіе умовъ сильно повысилось, и въ воскресенье вечеромъ всѣ кафè и кондитерскія, гдѣ получались парижскія газеты, были биткомъ набиты посѣтителями. Въ обычный часъ получилась почта изъ Кёльна, но парижскихъ газетъ не оказалось. Зато упомянутый кёльнскій листокъ принесъ „скверныя извѣстія“ изъ Парижа: „Предъ дворцомъ Гизо произошло первое столкновеніе между народомъ и муниципальной гвардіей! На улицахъ Парижа воздвигаются баррикады!“ Нѣкоторые пылкіе посѣтители кафè говорили, что надо ожидать крупныхъ событій въ Парижѣ. Дѣйствительно, уже на слѣдующій день „Allgemeine Preussische Zeitung“, оффиціальный органъ прусскаго правительства, сообщила въ экстренномъ изданіи о состоявшемся во Франціи отреченіи Лудовика-Филиппа и о назначеніи герцогини Орлеанской королевой-регентшей, скрывъ, однако, отъ берлинскихъ гражданъ, что во Франціи провозглашена республика и что король бѣжалъ изъ Парижа. Хотя французскія газеты все еще не получались въ Берлинѣ, но о провозглашеніи во Франціи республики узнали быстро на берлинской биржѣ, а вскорѣ объ этомъ зналъ и говорилъ весь городъ, но мѣстнымъ газетамъ не разрѣшено было цензурой ни слова о томъ, что̀ творится во Франціи. Одинъ только д-ръ Юліусъ, недавно основавшій новую газету „Zeitungshalle“, имѣлъ мужество обойтись безъ разрѣшенія цензора и передалъ въ своей газетѣ городскіе слухи, нашедшіе себѣ вскорѣ полное подтвержденіе. Въ эти-то дни началось среди берлинскаго населенія сильнѣйшее броженіе; оно еще болѣе увеличилось при извѣстіи о побѣдѣ революціи въ Вѣнѣ, и закончилось мартовскими днями, однимъ изъ

ближайшихъ послѣдствій которыхъ было полное паденіе предварительной цензуры въ Пруссіи, а вслѣдъ затѣмъ и въ Германіи.

Такимъ образомъ, только въ мартѣ 1848 г. началось, наконецъ, нормальное развитіе нѣмецкой политической печати, въ то время какъ уже лѣтъ за триста до того положено было ей начало нѣкоторыми энергичными нѣмцами, которые, получая болѣе или менѣе регулярно кое-какія свѣдѣнія отъ лицъ, приближенныхъ къ князьямъ и курфюрстамъ, сообщали образованному нѣмецкому населенію о всѣхъ наиболѣе выдающихся событіяхъ и новостяхъ путемъ рукописныхъ писемъ и печатныхъ „реляцій". „Relationen"—такъ называлась и первая берлинская газета, издатель которой довольствовался тѣмъ, что выпускалъ ее разъ въ полгода. Нѣсколько позже, когда въ Германіи положено было начало болѣе или менѣе правильному почтовому сообщенію, „Реляціи", носившія еще также названія: „Avisen" (отъ итальянскаго слова avviso—извѣстіе, сообщеніе), „Beylagen", „Pagellen", „Zeddel" и „Nora", стали появляться все болѣе и болѣе часто. Почти всѣ онѣ были въ рукахъ „редактировавшихъ" ихъ почтмейстеровъ, такъ какъ почтовыя станціи являлись въ то время единственнымъ центромъ, гдѣ можно было узнавать отъ проѣзжающихъ и сообщать имъ же всѣ свѣжія новости. Характерно, что едва только газеты („gazeta"—итальянское слово, означавшее первоначально названіе мелкой монеты) стали прививаться и въ Германіи, онѣ уже имѣли ярыхъ враговъ. Нѣкто Каспаръ Шлибекъ написалъ даже цѣлую книгу, въ которой предостерегаетъ современныя ему предержащія власти отъ того, что онѣ смотрятъ на существованіе газетъ сквозь пальцы и, что еще хуже, оставляютъ ихъ въ рукахъ почтмейстеровъ, этихъ „зловредныхъ либераловъ". Эта удивительная книга, нѣкоторыя идеи которой находятъ себѣ откликъ даже въ наше время, была написана на латинскомъ языкѣ и называлась: „Usus et abusus novellarum".

Болѣе или менѣе точно установлено, что слово „Zeitung" употреблялось въ Германіи уже въ 1505 году. Еще сохранились два экземпляра берлинскихъ газетъ отъ 1580 и 1588 годовъ. Въ одной изъ нихъ берлинскій епископъ описывалъ новѣйшія небесныя знаменія и, подкрѣпляя себя цитатами изъ Библіи, предсказывалъ близкое уже разрушеніе міра; въ другой разсказывалось о найденной близъ Зонденбурга селедкѣ, на чешуѣ которой можно было ясно различить нѣкоторыя слова. Сохранились также нѣкоторыя періодическія изданія, вышедшія въ эпоху тридцатилѣтней войны; въ нихъ, между прочимъ, раз-

сказывается, что провинившихся солдатъ наказывали повѣшеніемъ за руки, и что въ тѣ времена была страшная нужда въ деньгахъ... Въ томъ же семнадцатомъ вѣкѣ основаны были въ Германіи нѣкоторыя газеты, не прекратившія своего существованія вплоть до нашего времени. Такъ, съ 1615 года издается „Frankfurter Journal“, газета, которая, за все долгое время своего существованія, никогда, однако, не имѣла крупнаго значенія въ какомъ бы то ни было отношеніи. „Magdeburger Zeitung“ также существуетъ уже свыше 250 лѣтъ, а „Гамбургскому Корреспонденту“ скоро минетъ два вѣка. Въ 1655 году получилъ въ Берлинѣ привилегію на открытіе типографіи и печатаніе газеты нѣкій Георгъ Рунге; его изданіе процвѣтало, но за оскорбленія иностранныхъ дворовъ онъ часто бывалъ штрафованъ. Послѣ его смерти, единственнымъ типографомъ въ Берлинѣ былъ нѣкоторое время Лоренцъ, пока въ 1704 году Андрей Рюдигеръ также получилъ разрѣшеніе издавать еженедѣльную газету, называвшуюся „Diarium“. Пути обоихъ издателей были усѣяны сплошными терніями: не говоря о конкурренціи другъ съ другомъ, то одинъ, то другой издатель часто впадали въ немилость у короля и, смотря по тому, то имѣли привилегію на изданіе газеты, то временно лишались ея. Позднѣйшая привилегія, полученная тѣмъ же Андремъ Рюдигеромъ „на право печатанія частнымъ образомъ и продажи берлинскихъ еженедѣльныхъ газетъ“, помѣчена 11-мъ февраля 1722 г. На основаніи этой привилегіи, 23-го февраля того же года появился первый нумеръ газеты, носившей названіе „Berlinische privilegirte Zeitung“ и выходившей въ свѣтъ уже три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, въ очень маленькомъ форматѣ. Фридрихъ-Вильгельмъ I терпѣть не могъ „резонерства“, и поэтому газеты въ его время должны были выражаться о всякихъ придворныхъ дѣлахъ особенно осторожно. Такъ, упомянутая газета сообщала изъ Лондона, что тамъ „переведено на англійскій языкъ и напечатано письмо одного *извѣстнаго* короля, написанное имъ къ его великобританскому величеству по поводу суровой, выполненной въ 1724 г. іезуитами экспедиціи“. А вотъ что писали той же газетѣ изъ Данцига: „Такъ какъ одинъ *извѣстный* король принимаетъ особенно близко къ сердцу дѣла всѣхъ протестантовъ вообще, а также протестантовъ, живущихъ въ польской Пруссіи, то есть поводъ надѣяться, что тамъ перестанутъ ихъ угнетать“. Въ 1727 году получилъ „королевскую привилегію“ на изданіе второй берлинской газеты А. В. Гайнъ; его изданіе, выходившее разъ въ недѣлю и пред-

назначавшееся исключительно для помѣщенія объявленій спроса и предложенія, носило слѣдующее, довольно длинное заглавіе: „Unter Sr. Königl. Majest. in Preussen, etc. etc., Unseres allergnädigsten Königs und Herrnallerhöchsten Approbation und auf Dero specialen Befehl: Wöchentliche Berlinische Frage- und Anzeigungsnachrichten“. Далѣе, въ заголовкѣ газеты было напечатано о томъ, что газета „будетъ сообщать читателямъ о всевозможныхъ вещахъ, которыя можно купить или желаютъ продать въ городѣ и внѣ его, о всѣхъ разсылаемыхъ судомъ и администраціей приглашеніяхъ, обо всемъ томъ, что отдается въ наемъ или въ аренду, или же продается съ аукціона, о потерянныхъ, найденныхъ и украденныхъ вещахъ, равно какъ и о случаяхъ отдачи чего-либо въ ленное владѣніе“. Затѣмъ, въ газетѣ „будутъ указываться лица, которыя хотятъ отдать деньги въ займы, ищутъ подходящихъ для себя условій или работы, или предлагаютъ таковую“. Наконецъ, газета обѣщала еще своимъ читателямъ „сообщеніе еженедѣльныхъ базарныхъ цѣнъ и таксы на зерно, шерсть, пиво, хлѣбъ, мясо и т. д.“... 5-го іюня 1740 г., т.-е. чрезъ пять дней послѣ вступленія Фридриха Великаго на прусскій престолъ, опубликованъ былъ циркуляръ министра королевскаго кабинета, фонъ-Подевиля, въ которомъ было сказано, что, по повелѣнію короля, предоставляется „мѣстнымъ берлинскимъ газетнымъ писателямъ полная свобода сообщать подъ рубрикой „Берлинъ“ все то, что здѣсь происходитъ, писать, какъ имъ угодно, и безъ предварительной цензуры ихъ словъ“. Въ циркулярѣ упоминается и знаменитое выраженіе короля: „Gasetten, wenn sie interessant sein sollen, nicht gerügt werden müssen“. Впрочемъ, границы „полной свободы“ были довольно узки, тѣмъ болѣе, что освобожденіе газетъ отъ предварительной цензуры было сдѣлано хотя и по распоряженію короля, но противъ воли и согласія его министровъ и ближайшихъ совѣтниковъ. Уже 13-го сентября того же года, „Buchführer“ Рюдигеръ получилъ отъ генералъ-директоріума приказъ о томъ, чтобы „онъ пользовался предоставленной газетнымъ писателямъ свободой съ большой обдуманностью и осторожностью“. Рюдигера упрекали въ томъ, что онъ сообщилъ въ своей газетѣ ложное извѣстіе о мѣстномъ Lager-Haus'ѣ, и на этомъ основаніи ему было „строго приказано, чтобы онъ себѣ не позволялъ впредь сообщать въ своей газетѣ рѣшительно ничего о мѣстномъ Lager-Haus'ѣ, какъ и вообще о коммерческихъ и мануфактурныхъ дѣлахъ внутри страны, безъ полученнаго на это предварительнаго распоряженія“.

Въ томъ же 1740 году Фридрихомъ Великимъ разрѣшено было изданіе третьей берлинской газеты, которая называлась сначала „Berlinische Nachrichten“ и выходила вплоть до 1824 г. три раза въ недѣлю. Съ упомянутаго года газета эта, переименованная, по имени издателя ея, въ „Spenersche Zeitung“, стала выходить шесть разъ въ недѣлю, съ 1872 г.—12 разъ, а 1-го ноября 1874 г. она слилась въ одно цѣлое съ газетой „National Zeitung“, которая была основана значительно позже Шпенеровой, только въ 1848 г., и о которой будетъ рѣчь ниже. Въ 1749 г. упомянутая уже „Berlinische privilegierte Zeitung“ перемѣнила свой форматъ, т.-е. стала выходить полулистомъ in quarto, и ввела новую рубрику: „Von gelehrten Sachen“. Когда же, послѣ смерти Рюдигера, въ мартѣ 1751 г., королевская привилегія на право изданія газеты перешла къ его зятю, книжному торговцу Христіану-Фридриху Фоссу, редактированіе недавно введеннаго научнаго отдѣла взялъ на себя не кто иной, какъ Лессингъ, близкій другъ Фосса. Съ того времени газета называется, по имени издателя, „Vossische Zeitung“, причемъ второе заглавіе нѣсколько разъ въ теченіе ея существованія измѣнялось, а съ 1785 г. до нашихъ дней на первой страницѣ этой газеты неизмѣнно и постоянно печатается: „Königlich privilegierte berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen“. Придававшее газетѣ значительный интересъ участіе въ ней Лессинга продолжалось до 1755 г.; съ этого же времени „Фоссова Газета“ начала разнообразить и свой политическій отдѣлъ, причемъ на первомъ мѣстѣ печатались, обыкновенно, придворныя извѣстія: какъ о персонѣ короля, его семьѣ и придворныхъ, такъ и о разнаго рода внѣшнихъ событіяхъ при прусскомъ дворѣ. Приблизительно тогда же „Фоссова Газета“ стала увеличивать и свои размѣры. Во время семилѣтней войны нѣкоторые нумера этой газеты выходили въ размѣрѣ полнаго листа; съ 1767 г. газета даетъ приложеніе въ размѣрѣ четверти листа, сначала изрѣдка, потомъ все чаще и чаще, пока съ 1769 г. газета, наконецъ, выходитъ уже почти постоянно въ размѣрѣ полнаго листа, причемъ читателямъ аккуратно сообщались и тиражи выигрышей старыхъ денежныхъ лотерей. Но до начала текущаго столѣтія „Фоссова Газета“, какъ и всѣ остальныя нѣмецкія газеты, была совершенно незначительнымъ органомъ печати, потому что ограничивалась сообщеніемъ мѣстныхъ новостей и распоряженій правительства, но не подвергала ихъ критикѣ или же не выражала своего мнѣнія по тому или иному вопросу. Лишь съ значительно подвинувшимся впередъ, въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ

истекающаго, развитіемъ путей сообщенія, газеты не только стали значительно противъ прежняго распространяться, но и играть извѣстную роль и даже принимать болѣе или менѣе опредѣленную политическую окраску. Постепенный ростъ и развитіе берлинской печати можно лучше всего прослѣдить по стариннымъ томикамъ „Фоссовой Газеты“, которая съ 1806 по 1825 г. выходила подъ редакціей проповѣдника французской общины въ Берлинѣ, профессора Кателя. Въ 1822 году „Фоссова Газета“ отпраздновала столѣтній юбилей своего существованія, а съ 1-го января 1824 г. стала выходить, наравнѣ съ „Шпенеровой Газетой“, шесть разъ въ недѣлю. Позже газетой руководилъ смѣнившій профессора Кателя коммиссаръ при министерствѣ юстиціи, К. Ф. Лессингъ, племянникъ знаменитаго нѣмецкаго писателя. Популярности „Фоссовой Газеты“ много помогъ Людвигъ Релльштабъ, который напечаталъ въ 1826 г. въ этой газетѣ первый свой музыкально-критическій очеркъ (объ „Ифигеніи“), а затѣмъ принялъ на себя обработку замѣтокъ о городскихъ и общественныхъ дѣлахъ и мѣстныхъ новостяхъ; д-ръ Фриденбергъ завѣдывалъ тогда политическимъ отдѣломъ, а проф. Губицъ взялъ на себя отчеты о театральныхъ новинкахъ. Наконецъ, 30-го августа 1844 г. „Фоссова Газета“ сдѣлала еще одно крупное нововведеніе: въ этотъ день въ нумерѣ газеты была напечатана первая въ нѣмецкой печати передовая статья!

Успѣхъ старыхъ берлинскихъ газетъ и облегченіе полученія привилегіи на право изданія повели, конечно, къ тому, что въ началѣ XIX-го столѣтія появился въ Берлинѣ цѣлый рядъ новыхъ періодическихъ изданій. До 1848 г. основано было въ Берлинѣ почти до двадцати новыхъ политическихъ газетъ. Всѣ онѣ прекратили уже свое, иногда весьма бренное, существованіе. Однѣ не въ состояніи были выдержать конкурренціи со старыми газетами и переставали выходить уже въ годъ основанія или два-три года спустя, немногія продержались 5—10 лѣтъ, и только три газеты завоевали себѣ болѣе или менѣе прочное положеніе. Такъ, основанная въ 1802 г. газета „Beobachter an der Spree“ продержалась семьдесятъ лѣтъ; газета „Der Freimütige“, основанная на три года позже предыдущей, существовала тридцать лѣтъ; „Gesellschafter“—отъ 1817 г. по 1855 г. Такъ или иначе, но потребность въ газетахъ, сравнительно съ прошлымъ, сильно возросла. Прусское правительство, облегчившее, согласно требованіямъ времени, процедуру полученія привилегіи на право печатанія газеты, не упустило, однако, изъ виду того обстоятельства, что газеты стали постепенно „смѣть свое суж-

деніе имѣть", а „Vossische Zeitung" даже проявляла довольно рѣзко свое либеральное направленіе. Правительство рѣшило пресѣчь это „зло" двумя мѣрами: съ одной стороны, въ 1819 году основанъ былъ для публикаціи правительственныхъ распоряженій оффиціальный органъ „Allgemeine Preussische Staatszeitung", а съ другой стороны была снова введена отмѣненная Фридрихомъ Великимъ предварительная цензура. И чѣмъ больше разросталась берлинская, а съ нею и вся прусская печать, тѣмъ все строже становились цензурныя преслѣдованія. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ строгія, исключавшія почти всякую публичность, мѣры оказывали гнетущее давленіе на всю нѣмецкую духовную жизнь. Каждое сильно и смѣло сказанное слово изгонялось изъ газетъ полицейской цензурой. Газеты даже вынуждены бывали воздерживаться отъ простого сообщенія фактовъ изъ политической и общественной жизни. Цензора не только задерживали у себя непонравившіяся имъ почему-либо статьи и замѣтки, но даже измѣняли самовольно самый смыслъ статей. Впрочемъ, большинство берлинскихъ цензоровъ исполняло свою работу чисто механически: все, что носило характеръ критики и неудовольствія, было ими зачеркиваемо, даже критическіе отзывы о той или другой оперѣ. Нѣкоторымъ ловкимъ и остроумнымъ журналистамъ удавалось подчасъ перехитрить своихъ судей. Имѣлась въ Берлинѣ въ ту эпоху и такъ называемая „gute Presse". Были публицисты, которые вели себя смирно и чинно, какъ благовоспитанныя дѣти. Неудивительно, если послѣ вынужденнаго долголѣтняго молчанія нѣмецкій гражданинъ почувствовалъ потребность высказать возможно больше, разомъ, все, что онъ передумалъ и перечувствовалъ за долгіе годы молчанія: въ теченіе одного лишь года съ того дня, какъ прекратилась дѣятельность цензуры, число берлинскихъ газетъ увеличилось почти *вдесятеро*. Основано было тогда нѣсколько солидныхъ изданій, изъ коихъ четыре отпраздновали уже свой полувѣковой юбилей, и именно: „National Zeitung", „Kreuzzeitung", „Kladderadatsch" (сатирическій журналъ, значительно лишившійся былого своего значенія и вліянія) и „Volkszeitung" (газета, называвшаяся раньше „Urwählerzeitung"). На-ряду съ этими солидными политическими органами возникли въ 1848 и ближайшихъ годахъ многочисленныя мелкія газеты, прекращавшія, обыкновенно, свое существованіе въ годъ основанія или же, въ рѣдкихъ случаяхъ, продерживавшіяся года два-три. Весьма характерны названія нѣкоторыхъ газетъ, возникшихъ въ 1848 г. и желавшихъ, очевидно, возможно ярче отразить настроеніе времени, какъ напр.: „Volkszei-

tung“, „Neue Volkszeitung“, „Volksblätter“, „Reform“, „Demokrat“, „Konstitutionelle Klubzeitung“ и даже „Republik, Zeitschrift für das deutsche Volk“.

Во второй разъ Берлинъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ горячку основанія значительнаго числа новыхъ газетъ въ семидесятыхъ годахъ, тотчасъ по возрожденіи германской имперіи и со времени начала колоссальнаго развитія Берлина, пріобрѣвшаго значеніе и размѣры мірового города. Къ тому же, были тогда утверждены рейхстагомъ общіе для всей германской имперіи, кромѣ Эльзаса-Лотарингіи, законы о печати, предоставившіе нѣмецкой печати бóльшую, нежели раньше, свободу распространенія, а редакторамъ и издателямъ — извѣстную юридическую обезпеченность. Тогда же, закономъ 7-го мая 1874 г., нѣмецкая печать освобождена была отъ штемпельнаго налога, введеннаго въ Пруссіи еще въ 1810 году. На каждый экземпляръ всякаго періодическаго изданія налагалась казенная печать, и соразмѣрно съ числомъ отпечатанныхъ экземпляровъ взималась съ издателей опредѣленная сумма въ пользу фиска. Издатели распространенныхъ газетъ вынуждены были переплачивать казнѣ огромныя суммы денегъ: такъ, напримѣръ, контора газеты „Berliner Tageblatt“ передала прусскому казначейству въ послѣдніе три мѣсяца существованія штемпельнаго налога сумму въ 38.000 марокъ. Нечего и говорить, что отмѣна штемпельнаго налога была счастьемъ не только для издателей, но и для читателей. Газеты значительно увеличили форматъ, расширили рамки своихъ программъ, улучшили содержаніе и къ тому же понизили подписную плату. Конечно, изъ основанныхъ въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ многочисленныхъ новыхъ газетъ далеко не всѣ съумѣли выдержать сильно тогда возросшую повсюду, а въ особенности въ Берлинѣ, конкурренцію. Изъ издающихся въ нынѣшнемъ году въ Берлинѣ ежедневныхъ газетъ основаны были еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, какъ было упомянуто выше, только три (кромѣ „Kladderadatsch“), въ шестидесятыхъ годахъ — 5, въ семидесятыхъ—6, въ восьмидесятыхъ—11, и въ девяностыхъ—всѣ остальныя; въ то время какъ въ 1867 году насчитывалось въ Берлинѣ, въ общемъ, 165 періодическихъ изданій, въ 1879 г. уже 350, т.-е. больше, нежели вдвое; въ 1881 г.—454, въ 1887 г.—497 и, наконецъ, къ концу 1895 г., судя по послѣднимъ оффиціальнымъ сообщеніямъ, 834 [1]). Теперь число пе-

---

[1]) По содержанію своему онѣ дѣлились на слѣдующія рубрики: 62 изданія посвящены были политикѣ и общественной жизни; 206—искусствамъ и различнымъ от-

ріодическихъ изданій въ Берлинѣ достигло 900. Само собою разумѣется, подобный мощный ростъ берлинской печати (какъ и печати всего міра) возможенъ былъ только при условіи колоссальнаго развитія техники. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ на ручномъ прессѣ можно было напечатать лишь 100 — 150 экземпляровъ газеты въ часъ (и то маленькаго формата: четвертку или осьмушку или же 1.200—1.800 экз. въ день, при условіи 12-часоваго труда. Когда позже въ типографіяхъ введена была стереотипія, двойная скоропечатная машина, имѣвшаяся тогда лишь въ типографіяхъ большихъ газетъ, все-же отпечатывала только 3.000 экземпляровъ въ часъ. А теперь двойная ротаціонная машина, одновременно печатающая, рѣжущая и складывающая газетные листы, даетъ въ одинъ часъ 30.000 экземпляровъ нумера газеты въ восемь страницъ in folio. Возможность массоваго распространенія газетъ снова возросла въ Германіи въ восьмидесятыхъ годахъ, когда сильно понизились цѣны на бумагу. Нѣкоторыя вновь основанныя тогда берлинскія газеты имѣли возможность назначить столь низкую подписную плату, что даже редакціи упрочившихъ свое положеніе газетъ вынуждены были послѣдовать примѣру вновь народившихся изданій. И само собой разумѣется, что на-ряду съ конкурренціей въ дешевизнѣ возникла и постепенно развивалась конкурренція въ быстротѣ сообщенія новостей и разносторонности содержанія. На нѣкоторыхъ моментахъ этой послѣдней конкурренціи мы остановимъ теперь вниманіе читателей.

Выше было упомянуто, что первая такъ называемая „передовая“ (руководящая) статья, гдѣ редакція не ограничивалась сообщеніемъ голыхъ фактовъ, но давала имъ извѣстное освѣщеніе, высказывала свое мнѣніе и принимала къ данному вопросу опредѣленное отношеніе, появилась въ 1844 г. на столбцахъ „Фоссовой Газеты“. Тогда же, въ сороковыхъ годахъ, въ берлинскихъ газетахъ стали печататься болѣе или менѣе правильно корреспонденціи изъ-за границы въ видѣ писемъ, въ которыхъ разсказывалось о политической и общественной жизни въ различныхъ европейскихъ странахъ. Слѣдующее по очереди нововведеніе сдѣлалъ Алексисъ Шмидтъ, руководившій одно время большой „Шпенеровой Газетой“: онъ началъ печатать въ фельетонномъ отдѣлѣ романъ и понынѣ здравствующаго Поля Гейзе, „Kinder der Welt“. Какъ это ни странно, но романъ этотъ,

раслямъ науки; 264—торговлѣ, промышленности и сельскому хозяйству; 67 изданій существовали для печатанія оффиціальныхъ сообщеній и публикацій; 40 носили исключительно религіозный характеръ и т. д.

упрочившій славу его автора, потерпѣлъ у читателей газеты фіаско, а нововведеніе редактора только ускорило гибель продержавшейся такъ долго, но тогда доживавшей уже свой вѣкъ „Шпенеровой Газеты". А теперь почти всѣ берлинскія газеты отводятъ въ своихъ нумерахъ или въ ежедневныхъ и воскресныхъ приложеніяхъ значительное мѣсто романамъ, повѣстямъ и разсказамъ. Нѣкоторыя редакціи принимаютъ для напечатанія лишь самыя лучшія беллетристическія вещи и платятъ за нихъ крупный гонораръ, причемъ многіе видные нѣмецкіе писатели охотно печатаютъ свои новыя произведенія въ фельетонахъ большой газеты, а молодые авторы иногда съ большимъ трудомъ добиваются чести попасть на столбцы распространенной газеты. Довольно значительное число выходящихъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ романовъ печаталось предварительно въ газетахъ, подъ чертой. Даже устойчивая въ своихъ принципахъ „Фоссова Газета", повинуясь духу времени, начала, года два назадъ, печатать на своихъ столбцахъ беллетристическія произведенія, хотя отвела этому новому у нея отдѣлу только небольшой клочокъ мѣста. Давая у себя мѣсто исключительно выдающимся произведеніямъ современныхъ беллетристовъ, „Фоссова Газета" откупила въ прошломъ году у гр. Л. Н. Толстого право перевода его „Воскресенія" и печатала ежедневно по 150—200 строкъ, но все-же успѣвала дать читателямъ за недѣлю больше, нежели печатавшая оригиналъ „Нива". Мелкія газеты тянутся за большими и также печатаютъ беллетристику, причемъ въ бѣднѣйшихъ и разсчитанныхъ на низшій классъ читателей газетахъ за художественныя произведенія сходятъ иногда вещи, носящія на нѣмецкомъ языкѣ характерное названіе „Hintertreppen Literatur".

Заслуга слѣдующаго нововведенія принадлежитъ Б. Вольфу: онъ ввелъ печатаніе въ газетахъ свѣдѣній, переданныхъ по телеграфу. Когда, въ 1849 г., Берлинъ соединенъ былъ съ Франкфуртомъ-на-Майнѣ первымъ въ Германіи телеграфнымъ проводомъ, д-ръ Вольфъ сталъ въ томъ же году литографировать и разсылать редакціямъ берлинскихъ газетъ (а съ 1855 г. также и иногороднымъ) получаемыя имъ отъ своихъ агентовъ телеграммы относительно всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся событій политическаго характера и сообщающія послѣдніе биржевые курсы. Теперь основанное д-ромъ Вольфомъ скромное „litographierte Büreau" носитъ, по имени основателя, названіе „Wolff's Telegraphenbüreau" и принадлежитъ акціонерному обществу, съ основнымъ капиталомъ въ шесть милліоновъ марокъ. Давая свое разрѣшеніе на учрежденіе акціонернаго общества, императоръ Виль-

гельмъ I писалъ Вольфу: „Я считаю созданіе въ Пруссіи подобнаго института, который могъ бы конкуррировать съ англійскимъ, дѣломъ весьма важнымъ“. Дѣйствительно, въ теченіе полувѣка бюро Вольфа стало крупнѣйшимъ источникомъ политическихъ, биржевыхъ и иного рода новостей для всей нѣмецкой печати. Бюро имѣетъ своихъ агентовъ и корреспондентовъ въ сотняхъ крупныхъ и мелкихъ городовъ и обмѣнивается матеріаломъ съ заграничными телеграфными бюро. Въ послѣднее время агенты стали пользоваться и телефономъ, гдѣ таковой имѣется, и сообщаютъ главному бюро въ Берлинѣ всѣ новости непосредственно. Здѣсь этотъ матеріалъ обработывается цѣлымъ штабомъ редакторовъ, быстро отпечатывается и при помощи маленькой арміи посыльныхъ доставляется редакціямъ газетъ, также и абонирующимся отелямъ, кафе́ и частнымъ лицамъ; въ провинцію весь этотъ матеріалъ передается по телеграфу. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ основано было въ Берлинѣ еще одно телеграфное бюро, а въ началѣ девяностыхъ — и третье, но оба они далеко не имѣютъ того значенія, какъ бюро Вольфа, ставшее и оффиціальнымъ, и оффиціознымъ. Ему разрѣшено содержать своего агента даже среди лицъ ближайшей свиты императора, и имъ же пользуются для своихъ надобностей какъ имперское, такъ и прусское правительство. Обиліе подобныхъ оффиціозныхъ сообщеній и опроверженій, въ концѣ концовъ не подтверждающихся, породило недовѣріе къ этого рода телеграммамъ бюро Вольфа, какъ и мало помогаетъ его значенію обстоятельство, раскрытое случайно на судѣ: всѣ телеграммы агентства доставляются, до разсылки ихъ, на просмотръ Блейхредеру, извѣстному банкиру и главному акціонеру бюро.

Рудольфъ Моссе, издатель „Berl. Tageblatt“, первый въ Германіи ввелъ печатаніе въ своей газетѣ телеграммъ отъ своихъ собственныхъ корреспондентовъ. Это нововведеніе привилось довольно быстро, и корреспонденты большихъ берлинскихъ газетъ не только сообщаютъ теперь редакціямъ по телеграфу обо всѣхъ крупныхъ событіяхъ и новостяхъ, но и передаютъ цѣлыя статьи, иногда въ нѣсколько тысячъ словъ. Это, конечно, обходится издателямъ газетъ дорого, и неудивительно, если нѣмецкая печать настаиваетъ на уменьшеніи правительствомъ таксы на телеграммы, предназначенныя для газетъ. Но зато событія, происходящія въ Парижѣ, извѣстны уже черезъ два-три часа въ Берлинѣ; въ вечернихъ изданіяхъ большихъ берлинскихъ газетъ печатались во время процессовъ Зола̀ и Дрейфуса подробнѣйшіе отчеты объ утреннихъ засѣданіяхъ въ парижскомъ или реннскомъ судѣ, и постоянно пе-

чатаются въ тотъ же день подробности засѣданій парижской палаты депутатовъ, австрійскаго рейхсрата или испанскихъ кортесовъ. Конкуррирующія между собою большія берлинскія газеты стараются поразить читателя не только размѣрами своихъ телеграммъ, но и обиліемъ ихъ, и поэтому принимаютъ всѣ мѣры для увеличенія по возможности числа своихъ иногородныхъ и заграничныхъ корреспондентовъ. Газета „Berl. Tageblatt“ обратилась даже съ просьбой къ своимъ провинціальнымъ читателямъ не отказать въ сообщеніи по телеграфу крупнѣйшихъ новостей мѣстной жизни, гарантируя своимъ случайнымъ корреспондентамъ покрытіе издержекъ и извѣстное вознагражденіе за трудъ. Озабочиваясь расширеніемъ сѣти своихъ корреспондентовъ, большія берлинскія газеты имѣютъ всегда къ своимъ услугамъ множество корреспондентовъ, готовыхъ по одному слову редактора отправиться хоть на край свѣта. Куда только ни отправляются эти путешественники-корреспонденты: въ Чикаго—на выставку, въ Москву—на коронацію, въ Грецію—описывать возобновленныя олимпійскія игры, въ Христіанію—присутствовать при возвращеніи изъ полярныхъ странъ Нансена и тріумфахъ его, на дальній сѣверъ—для описанія подъема шара Андрэ, въ лагерь буровъ — для описанія борьбы за независимость маленькаго народа, которому симпатизируетъ вся Германія, и т. д. и т. д. Во время греко-турецкой войны, эта газета имѣла одного корреспондента въ турецкомъ лагерѣ и другого — въ лагерѣ грековъ. Къ открытію Сѣвернаго канала нѣкоторыя берлинскія газеты посылали по нѣскольку корреспондентовъ, а одна газета—даже семь человѣкъ. Во время послѣдней войны французовъ съ мадагаскарскими туземцами, на театрѣ войны находился и Евгеній Вольфъ, корреспондентъ „Berl. Tageblatt“, дававшій не только отчеты о ходѣ военныхъ дѣйствій, но и описывавшій подробно страну, ея населеніе и его нравы. Года три назадъ, редакція этой газеты отправила того же своего „всемірнаго корреспондента“ (какъ таковые, прославились Людвигъ Пичъ, Теодоръ Фонтанъ, Леопольдъ Кайзлеръ и др.) изучать и описывать неизслѣдованныя еще области Китая. Евгеній Вольфъ блестяще выполнилъ свою миссію и отправился уже, было, съ той же цѣлью въ Японію, но событія въ Кіао-Чау заставили его вернуться въ Китай. Редакціи конкуррирующихъ газетъ стали тогда хлопотать о томъ, чтобы на бортъ военныхъ кораблей, отправлявшихся въ Кіао-Чау, приняты были и ихъ корреспонденты, но правительство, помнится, отказало имъ въ этомъ, такъ что только значительно позже обзавелись тамъ своими корреспондентами

„Berliner Lokal-Anzeiger“ и „Frankfurter Zeitung“. Когда со дня на день ожидали объявленія войны между Соединенными-Штатами и Испаніей, редакція „Berl. Tageblatt“ командировала въ Мадридъ, на подмогу своему постоянному мадридскому корреспонденту, Теодора Вольфа, своего парижскаго (и наиболѣе даровитаго корреспондента), который являлся представителемъ своей газеты и на празднествахъ по случаю совершеннолѣтія голландской королевы Вильгельмины, хотя въ столицѣ Голландіи имѣется постоянный корреспондентъ газеты. А редакція „Lokal-Anzeiger“, не удовольствовавшись тѣмъ, что въ столицахъ Трансвааля и Оранжевой республики имѣлись у нея постоянные корреспонденты, командировала туда же еще двухъ своихъ сотрудниковъ: одного въ южную Африку вообще, а другого—спеціально въ лагерь буровъ...

Каковы же были послѣдствія этой конкурренціи въ быстротѣ и разносторонности сообщенія новостей? Съ одной стороны, мелкія газеты стали тянуться за большими и почти всѣ стремятся къ тому, чтобы имѣть возможность сообщить читателямъ всѣ политическія и заграничныя извѣстія по телеграфу, хотя бы въ видѣ голаго факта,—и это повело, между прочимъ, къ увеличенію числа еженедѣльныхъ изданій, обработывающихъ накопившійся за недѣлю матеріалъ и сообщающихъ о соціальной и культурной жизни въ Германіи и за границами ея гораздо болѣе полно и объективно. Съ другой же стороны, газеты стали, въ видахъ пріобрѣтенія подписчиковъ, прибѣгать къ фальсификаціи телеграммъ и сочиненію ихъ на мѣстѣ [1]. Нѣсколько примѣровъ подобнаго сочинительства сенсаціонныхъ телеграммъ редакціей одной бойкой берлинской газеты я привожу ниже,—здѣсь же укажу только на одинъ подобнаго рода фактъ: „Münchener neueste Nachrichten“, большая и, казалось бы, почтенная газета, напечатала, года три назадъ, въ видѣ телеграммы изъ Берлина подробности засѣданія комитета министровъ,—подробности, извѣстныя, обыкновенно, только лицамъ, принимавшимъ участіе въ засѣданіи. А позже докторъ Гиртъ, издатель газеты, сознавался, что телеграмма эта сочинена была въ Мюнхенѣ, на основаніи догадокъ и предположеній редакціи. Когда этотъ фактъ, благодаря процессу, сталъ общеизвѣстнымъ, онъ далеко не вызвалъ въ значительной части берлинской прессы того негодованія, какого можно было ожидать. Наоборотъ, многіе редакторы должны

[1]) Такъ, напримѣръ, намъ не трудно было провѣрить, что телеграммы изъ крупныхъ центровъ. Россіи сочиняются сплошь и рядомъ на основаніи замѣтокъ, заимствованныхъ изъ русскихъ газетъ.

были признаться: „Всѣ мы сочиняемъ различнаго рода телеграммы и сенсаціонныя сообщенія у себя въ редакціи!“ Цѣль, преслѣдуемая ими всѣми, одна и та же: каждая газета хочетъ показаться предъ публикой наиболѣе разносторонней и освѣдомленной тѣмъ, что по-нѣмецки называется „actuell“. И къ какимъ только средствамъ ни прибѣгаютъ для достиженія этой цѣли редакціи нѣкоторыхъ берлинскихъ газетъ! Д-ръ Левизонъ, стоящій во главѣ „Berliner Tageblatt“'а, бесѣдовалъ однажды въ своемъ редакціонномъ кабинетѣ съ полицейскимъ коммиссаромъ Таушемъ. Въ концѣ бесѣды Таушъ говоритъ: „Это все останется между нами?“ —„Конечно“,—отвѣчаетъ редакторъ, провожая интереснаго собесѣдника, но тотчасъ беретъ въ руки перо и сообщаетъ въ своей газетѣ наиболѣе интересные отрывки изъ своей бесѣды съ Таушемъ. Когда газета „Die Welt am Montag“ еще только-что начала выходить, бывшій ея редакторъ, д-ръ Плецъ, пригласилъ въ качествѣ сотрудника завѣдомаго полицейскаго агента, который и представлялъ читателямъ разнаго рода сенсаціонныя, большей частью фальсифицированныя или сильно преувеличенныя извѣстія. И такихъ примѣровъ—десятки. Недавній процессъ картежниковъ, членовъ аристократическаго „Клуба беззаботныхъ ребятъ“, также принесъ нѣсколько разоблаченій, ярко иллюстрирующихъ нравы нѣкоторыхъ изъ берлинскихъ газетъ: газета „Berl. Tagebl.“ сочла возможнымъ воспользоваться для своихъ сенсаціонныхъ разоблаченій относительно дѣятельности названнаго клуба разсказомъ одного изъ картежниковъ, получившаго, несомнѣнно, порядочный кушъ, который, пожалуй, и далъ ему возможность заблаговременно скрыться и избѣгнуть судебнаго преслѣдованія... Вся эта такъ называемая „Sensationspresse“ старается держать нервы читателей въ постоянномъ напряженіи, ставитъ своей задачей поразить читателей обиліемъ свѣдѣній и новостей. И лишь немного имѣется въ Берлинѣ газетъ, которыя сообщаютъ своимъ читателямъ только то, что члены редакціи считаютъ справедливымъ и разумнымъ, которыя не „создаютъ“ событій, не занимаются сочинительствомъ телеграммъ и раздуваніемъ сенсаціонныхъ новостей, не входятъ въ сношенія съ состоящими при каждомъ министерствѣ „бюро прессы“ и не являются туда за инструкціями. Объ этихъ честныхъ, а потому и далеко не богатыхъ органахъ печати, какъ и о продажныхъ изданіяхъ, будетъ еще рѣчь впереди...

Не менѣе быстро, какъ и печатаніе телеграммъ отъ собственныхъ корреспондентовъ, привилось введенное впервые газетой „Berliner Börsenkurier“ печатаніе въ утреннихъ изданіяхъ

отчетовъ о вчерашнихъ театральныхъ представленіяхъ, концертахъ, празднествахъ и народныхъ собраніяхъ. Почти всѣ большія берлинскія газеты послѣдовали примѣру „Börsenkurier"'а и ввели въ редакціяхъ ночныя дежурства, чтобы быть въ состояніи сообщить рано утромъ читателямъ хотя вкратцѣ обо всемъ, что случилось вчера до полуночи. Избалованный читатель, придя домой съ новой пьесы или съ концерта, хорошо знаетъ, что завтра утромъ онъ найдетъ въ свѣжемъ нумерѣ своей газеты отзывъ о только-что видѣнной имъ пьесѣ или прослушанной оперѣ. Дѣйствительно, театральные рецензенты, тотчасъ по окончаніи спектакля, отправляются въ помѣщеніе редакціи и тамъ наскоро набрасываютъ 100—200 строкъ о новой пьесѣ или оперѣ, оставляя иногда болѣе подробный отзывъ и критическій разборъ пьесы до слѣдующаго дня, а большей частью ограничиваясь этими бѣглыми замѣтками. Миновали тѣ дни, когда театральный критикъ большой берлинской газеты долго обдумывалъ, взвѣшивалъ и рѣшалъ, прежде чѣмъ сообщалъ читателямъ свое мнѣніе о достоинствахъ или недостаткахъ новой пьесы или оперы. Театральная критика выродилась, уступивъ свое мѣсто легкой, по возможности остроумной болтовнѣ. Подъ рубрикой „Театръ" часто можно встрѣтить описаніе туалетовъ на сценѣ и въ зрительномъ залѣ, замѣтки о составѣ публики, о томъ, сколько разъ авторъ выходилъ кланяться и т. п., но только не театральную критику. Такъ называемая „Sensationspresse" сокращаетъ ее по возможности, печатаетъ мелкимъ шрифтомъ и терпитъ ее, вообще только по традиціи. Если „Soirée théatrale" парижскихъ газетъ еще не совсѣмъ привилось въ берлинской прессѣ, то „интервью"—еще въ модѣ: автора пьесы или оперы спрашиваютъ о его планахъ и надеждахъ, директора просятъ сдѣлать предсказаніе относительно успѣха пьесы, у артистовъ выпытываютъ ихъ мнѣніе о ихъ роляхъ, устроиваютъ, наконецъ, enquête, т.-е. собираютъ объ одной пьесѣ, оперѣ или литературномъ какомъ-либо произведеніи мнѣнія сотни артистовъ, авторовъ и директоровъ и т. д.

Такимъ образомъ, мѣсто театральнаго критика постепенно занялъ остроумный фельетонистъ, какъ мѣсто журналиста, смѣнившаго въ свое время на столбцахъ газеты писателя и публициста, занялъ теперь репортеръ. Берлинская ежедневная печать постепенно перерождается, какъ уже переродилась нью-іоркская, лондонская или парижская. Возьмите любой нумеръ большой и бойкой берлинской газеты, и вы встрѣтите только факты, голые факты, свѣтскія новости, послѣднія событія. Репортеръ хватаетъ

фактъ на лету, быстро его записываетъ и тотчасъ отдаетъ въ печать. Молодые таланты становятся репортерами, интервьюерами, корреспондентами. Теперь въ числѣ заграничныхъ корреспондентовъ (этихъ репортеровъ въ большомъ стилѣ) нѣкоторыхъ берлинскихъ газетъ можно найти дюжину европейски-извѣстныхъ именъ. Среди профессіональныхъ интервьюеровъ, въ сущности тѣхъ же репортеровъ, есть также не мало даровитыхъ людей, и нельзя, напримѣръ, отказать въ остроуміи и талантливости нѣкоему Ревелю, поставляющему свои „интервью" для „Berl. Tageblatt", хотя читатель съ неизвращеннымъ еще вкусомъ глубоко возмущается безшабашностью его тона и фальсификаціей словъ интервьюируемыхъ имъ лицъ.

— А что же читатель?—Читатель—изъ бюргерства, на вкусахъ и интересахъ котораго строитъ свое благополучіе большинство берлинскихъ газетъ,—ищетъ въ газетѣ прежде всего интересныхъ сообщеній и свѣдѣній обо всемъ и отовсюду; онъ требуетъ, чтобы газета отражала жизнь германской столицы со всѣми ея радостями и горестями, какъ зеркало. Германскій императоръ упрекнулъ недавно весь нѣмецкій народъ въ чрезмѣрной партійности, но нѣмецкій бюргеръ далеко не всегда является настолько партійнымъ человѣкомъ, чтобы поддерживать тотъ или другой мѣстный органъ партіи, къ которой онъ принадлежитъ, и интересоваться освѣщеніемъ всѣхъ фактовъ и событій исключительно съ точки зрѣнія принциповъ своей партіи. Это хорошо понимаютъ лица, основывающія такъ называемые „безпартійные" органы, которые, изощрившись въ умѣньѣ лавировать и угождать вкусамъ всѣхъ и всякаго, имѣли всегда и имѣютъ теперь въ Германіи болѣе крупный матеріальный успѣхъ, нежели органы той или другой политической партіи. Вотъ почему къ 1-му іюля 1897 г. было подсчитано въ Германіи, при наличности девятисотъ безпартійныхъ газетъ, только 321 консервативная газета, 318 — клерикальныхъ, 300—національ-либеральныхъ, 356—либеральныхъ различныхъ оттѣнковъ и 54—соціаль-демократическихъ; вотъ почему и добрая половина берлинскихъ газетъ является все тѣми же безпартійными органами, съ которыми мы и познакомимся теперь ближе.

II.

Въ тѣ дни, когда въ Берлинѣ случаются сенсаціонныя убійства или крупныя происшествія иного рода, не только на шумныхъ и оживленныхъ улицахъ, но и на болѣе или менѣе отда-

ленныхъ отъ центра германской столицы, появляются какія-то, большею частью грязныя и полуоборванныя лица, въ рукахъ у которыхъ пачка афишъ, и они выкрикиваютъ на всю улицу:

„Extra-Blatt! страшное, звѣрское, къ небу вопіющее убійство родной матерью своихъ собственныхъ четырехъ дѣтей! Extra-Blatt!..“

Или:

„Extra-Blatt! ужасное, доселѣ небывалое, столкновеніе поѣздовъ, съ пролитіемъ человѣческой крови!..“

На оживленныхъ улицахъ прохожіе берутъ, обыкновенно, нарасхватъ эти большіе листы съ напечатаннымъ на нихъ крупными буквами сенсаціоннымъ извѣстіемъ, и тутъ же, на мѣстѣ, жадно прочитываютъ ихъ. Иногда Extra-Blatt сообщаетъ, дѣйствительно, своимъ случайнымъ читателямъ о происшедшемъ въ теченіе дня крупномъ событіи, но въ большинствѣ случаевъ оказывается, что убійство матерью „своихъ собственныхъ четырехъ дѣтей“ случилось за тридевять земель отъ Берлина, а „доселѣ небывалое“ столкновеніе поѣздовъ гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Берлина ограничилось поломкой буферовъ и пораненіемъ руки машиниста. Но что за бѣда! Издатель „Extra-Blatt“, этой въ полномъ смыслѣ слова уличной газетки, продаваемой и прочитываемой только на улицѣ, собралъ достаточное количество десятипфенниговыхъ монетъ и оплатилъ, пожалуй, свои незначительные расходы въ десять или двадцать разъ. Особенно часто подобные „Extra-Blätter“ появляются по понедѣльникамъ, потому что въ этотъ день многія берлинскія газеты не выходятъ или разсылаютъ своимъ абонентамъ фельетонный или литературный матеріалъ,—или же вечеромъ, нѣсколько позже выхода вечернихъ изданій, когда легче поймать на удочку какого-либо нетерпѣливаго прохожаго, сгорающаго нетерпѣніемъ тотчасъ узнать сенсаціонное извѣстіе, не попавшее еще почему-либо въ вечерніе нумера газетъ. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ утреннія газеты вынуждены бываютъ заявить, что принесенное вчера вечеромъ въ „Extra Blatt“ извѣстіе о томъ-то и томъ-то фальшиво отъ начала до конца. Иногда, въ тѣ дни, когда случаются особенно важныя политическія событія, нѣкоторыя берлинскія мелкія газеты также выпускаютъ по понедѣльникамъ, или же въ промежутокъ между утреннимъ и вечернимъ изданіемъ большихъ газетъ, особые листки, но продавцы ихъ ужъ не выкрикиваютъ столь безшабашно заглавія продаваемыхъ листковъ и не перевираютъ ихъ содержанія, а экстренныя прибавленія газеты „Berliner Lokal-Anzeiger“ раздаются, обыкновенно, публикѣ на всѣхъ боль-

шихъ перекресткахъ Берлина безплатно въ сотняхъ тысячъ экземплярахъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, на главныхъ улицахъ Берлина можно было наблюдать слѣдующую картину: идутъ гуськомъ человѣкъ десять-двѣнадцать, и каждый носитъ на груди и на спинѣ большой плакатъ на картонѣ съ надписью: „Die Welt am Montag". Таково заглавіе газеты, выходящей вотъ уже нѣсколько лѣтъ, по мысли ловкаго предпринимателя, исключительно по понедѣльникамъ, т.-е. по тѣмъ днямъ, когда въ Берлинѣ почти нѣтъ свѣжихъ газетъ. Этимъ обусловленъ былъ успѣхъ газеты съ самаго начала, тѣмъ болѣе, что, кромѣ свѣжихъ новостей и сенсаціонныхъ извѣстій, газета давала читателямъ и нѣкоторый литературный матеріалъ, удобный для чтенія на городской желѣзной дорогѣ или въ омнибусѣ [1]. Въ теченіе цѣлой недѣли объ этой газетѣ ничего не было слышно и нумеровъ ея нигдѣ не было видно, но наступалъ понедѣльникъ, и снова появлялись гуськомъ носильщики рекламъ; на колоннахъ для афишъ появлялись крупные плакаты; во всѣхъ кіоскахъ, на всѣхъ вокзалахъ, у всѣхъ уличныхъ продавцовъ газетъ на рукахъ, всюду и вездѣ—„Die Welt am Montag". Мало того, предприниматель выпускалъ по понедѣльникамъ на улицы Берлина нѣсколько сотъ своихъ продавцовъ, степенныхъ и молчаливыхъ, съ желтыми шапками на головахъ и съ свѣжими нумерами газеты въ корзинкѣ, посаженной на шестъ. Наступалъ вечеръ, появлялись вечерніе нумера большихъ газетъ, и всѣ эти продавцы исчезали съ улицъ вмѣстѣ съ нумерами газеты до слѣдующаго понедѣльника. И что же? газета постепенно упрочила настолько свое существованіе, что имѣетъ десятки тысячъ подписчиковъ и почти не нуждается въ громкой рекламѣ. По понедѣльникамъ утромъ нумера этой газеты распродаются довольно бойко, и предприниматель, уже года два назадъ, не устрашился увеличить цѣну отдѣльнаго нумера съ 5 до 10 пфенниговъ. Большую, хотя и печальную популярность пріобрѣла эта газета уже тогда, когда появлявшіяся въ ней сенсаціонныя замѣтки повели къ столь нашумѣвшимъ процессамъ Лютцова и Леккерта и позже Тауша. Теперь сенсація совершенно изгнана со столбцовъ газеты „Die Welt am Montag", въ возмѣщеніе чего редакція отводитъ не малое число строкъ мѣстной хроники хорошо оплачиваемымъ рекламамъ. Газета эта имѣла уже нѣсколькихъ издателей и нѣ-

---

[1]) По такой же, въ общемъ, программѣ издается въ самое послѣднее время еще одна понедѣльничная газета, „Berliner Montags-Zeitung".

сколько различныхъ составовъ редакціи, а теперь она—въ рукахъ группы молодыхъ и не лишенныхъ дарованія журналистовъ. Передовыя статьи пишетъ демократъ Янусъ (д-ръ Францъ Оппенгеймеръ) или фонъ-Герлахъ, приверженецъ идей пастора Наумана. Онъ же ведетъ театральную хронику за недѣлю, а литературное обозрѣніе пишетъ Лео Бергъ, поломавшій въ свое время не мало копій за Ибсена и натурализмъ. На столбцахъ газеты можно встрѣтить время отъ времени и еще нѣсколько именъ представителей „молодой Германіи". Направленіе ея не то національное, не то демократическое, и солиднымъ органомъ газета во всякомъ случаѣ не является. Именуетъ она себя безпартійной, что „освобождаетъ ее отъ громкихъ фразъ и пустыхъ рѣчей", будто бы „связанныхъ съ каждымъ ярко партійнымъ органомъ", но въ сущности и это заявленіе на столбцахъ газеты—не больше, какъ фраза. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ появляются переводные разсказы большею частью съ французскаго и довольно часто съ русскаго, причемъ выборъ русскихъ авторовъ заставляетъ желать лучшаго.

„Berliner Morgen-Zeitung"—эту газету можно наиболѣе часто встрѣтить въ рукахъ кучеровъ, портье, мастеровыхъ и мелкихъ бюргеровъ. Выходитъ она съ 1889 года по утрамъ и имѣетъ теперь свыше 150.000 подписчиковъ, что объясняется не столько богатствомъ содержанія, сколько дешевизной: газета стоитъ, съ платой за доставку на домъ, всего 60 пфенниговъ. Распространена она весьма сильно и въ провинціи, но въ количественномъ отношеніи не прогрессируетъ, вслѣдствіе успѣшной конкурренціи со стороны „Berliner Lokal-Anzeiger"'а и новой газетки „Berliner Morgenpost". Въ отличіе отъ этихъ двухъ газетъ, „Berliner Morgen-Zeitung" не бьетъ на сенсацію, не стремится перещеголять другія газеты быстротой сообщенія свѣдѣній и не дѣлаетъ изъ мухи слона. Наоборотъ, она ведется добропорядочно, въ умѣренно-либеральномъ духѣ, и приноситъ своимъ читателямъ, кромѣ важнѣйшихъ извѣстій, довольно много интереснаго и полезнаго для нихъ матеріала. Издатель этой газеты—тотъ же Рудольфъ Моссе, который издаетъ „Berliner Tageblatt", газету хорошо освѣдомленную и имѣющую значительное число сотрудниковъ и корреспондентовъ. Благодаря этому, хотя „Berliner Morgen-Zeitung" и имѣетъ самостоятельную редакцію, въ этой газетѣ появляются цѣликомъ или въ сжатомъ изложеніи статьи изъ „Berliner Tageblatt".

Совершенно въ иномъ духѣ ведется газета „Das kleine Journal", выходящая также лишь по утрамъ и стоящая марку въ

мѣсяцъ. Контингентъ ея читателей—самый разнородный: съ одной стороны, зажиточные ремесленники и бюргеры средней руки; съ другой—биржевики, спортсмэны, придворные поставщики, гвардейскіе офицеры. Редакція же старается угодить всѣмъ подписчикамъ: для биржевиковъ имѣется обширный биржевой и торговый отдѣлъ, для jeunesse dorée—ежедневное спортивное обозрѣніе, для бюргеровъ — богатая, изобилующая убійствами и самоубійствами, мѣстная хроника. Редакція газеты особенно пристрастна ко всякаго рода сенсаціоннымъ происшествіямъ и скандаламъ. Заграничныхъ корреспондентовъ и знающихъ публицистовъ газета не имѣетъ; отчетовъ парламентскихъ засѣданій—не печатаетъ; руководящія статьи пишутся обыкновенно въ архи-патріотическомъ (чтобы не сказать: подломъ) духѣ; масса интересныхъ и полезныхъ свѣдѣній, появляющихся хотя бы въ „Berliner Morgen-Zeitung", здѣсь пропускается. Зато „Das kleine Journal" печатаетъ извѣстія о всѣхъ великосвѣтскихъ свадьбахъ и раутахъ, родословную всѣхъ умирающихъ герцоговъ и бароновъ, описаніе новѣйшихъ парижскихъ модъ и туалетовъ извѣстныхъ берлинскихъ артистокъ и т. д.; но весь составъ редакціи, вмѣстѣ съ издателемъ газеты, Лоло Лейпцигеромъ, сочинителемъ бездарныхъ оперетокъ,—крещеные евреи, очень далекіе отъ аристократическаго общества. Читатель „Das kleine Journal" не любитъ философскихъ разсужденій и поучительныхъ статей, а потому фельетонъ этой газеты содержитъ въ себѣ статейки игриваго содержанія или же легкую болтовню, причемъ по воскресеньямъ газета даетъ своимъ читателямъ довольно остроумные фельетоны извѣстнаго писателя-юмориста Штеттенгейма, который подъ псевдонимомъ Wippchen удачно пародируетъ письма корреспондентовъ большихъ газетъ съ театра войны. Не дурно, сравнительно съ другими берлинскими мелкими газетами, поставленъ въ газетѣ „Das kleine Journal" театральный отдѣлъ. Газета превосходно обставлена по этой части, хотя рецензіи о драматическихъ или оперныхъ новинкахъ пишутся въ легкой, очень часто шутливой формѣ.

Самая распространенная изъ всѣхъ берлинскихъ газетъ — упомянутый „Berliner Lokal-Anzeiger", безпартійный органъ, какъ онъ себя называетъ. Интересна исторія быстраго роста этой газеты. Лѣтъ 18 назадъ, Августъ Шерль, основатель ея, пріѣхалъ въ Берлинъ безъ пфеннига денегъ. Тѣмъ не менѣе, 4-го ноября 1883 года онъ отпечаталъ 200.000 экземпляровъ перваго нумера своей газетки, заполненной почти исключительно объявленіями, и раздавалъ ее всѣмъ желающимъ даромъ, при усло-

віи уплаты 10 пфенниговъ въ мѣсяцъ женщинѣ, приносящей по воскресеньямъ газетку на домъ. Газетка выходила разъ въ недѣлю и именовала себя „центральнымъ органомъ главнаго города имперіи“. Редакцію составляли всего лишь три человѣка, заботившіеся о томъ литературно-газетномъ матеріалѣ, который можно было вмѣстить между многочисленными объявленіями, составлявшими съ самаго начала центръ тяжести газетки. Безплатная газетка понравилась берлинскому мелкому бюргерству, и предпріимчивый Августъ Шерль сталъ выпускать ея нумера сначала три раза въ недѣлю, затѣмъ (съ 1885 года) шесть разъ въ недѣлю и наконецъ (съ 1889 года)—12 разъ въ недѣлю. Стоитъ она теперь, при условіи доставки на домъ два раза въ день, всего лишь одну марку въ мѣсяцъ. Шерль добился уже печатанія газеты въ количествѣ до 225.000 экземпляровъ, причемъ постоянныхъ абонентовъ у него было до 200.000. Но недоразумѣнія, происшедшія года полтора назадъ между Шерлемъ и его наборщиками, которымъ онъ воспретилъ вполнѣ законное право коалиціи, повели къ дѣятельной агитаціи среди рабочихъ противъ „Berliner Lokal-Anzeiger“, и газета потеряла тогда около 20.000 подписчиковъ, хотя Шерль согласился потомъ, чтобы наборщики его типографіи примкнули къ организаціи своихъ товарищей.

Колоссальный успѣхъ газеты созданъ, главнымъ образомъ, ея городской хроникой, которая весьма и весьма интересуетъ берлинскаго мелкаго бюргера и поставлена поэтому въ его излюбленной газетѣ на самую широкую ногу: всѣ скандалы, драки, пожары, убійства, самоубійства и иныя происшествія извѣстны ей доподлинно и тотчасъ по совершеніи факта. Не даромъ эта газета въ Берлинѣ называется „Skandal-Anzeiger“. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторые репортеры газеты состоятъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ полицейскими коммиссарами и сыщиками. Затѣмъ редакція газеты начала иллюстрировать свой текстъ рисунками. Получается, напр., телеграмма откуда-нибудь о катастрофѣ въ угольныхъ копяхъ. Черезъ день или два въ нумерѣ „Lokal-Anzeiger“ появляются рисунки: „Рабочіе вытаскиваютъ трупы“, „У спуска въ шахту“ и т. д.; у спуска въ шахту стоятъ рыдающія женщины и съ отчаяніемъ всматриваются въ трупы, только-что вынесенные оставшимися въ живыхъ рабочими; къ рисунку имѣется соотвѣтствующій текстъ, написанный „нашимъ спеціальнымъ корреспондентомъ“. Между тѣмъ, какая-нибудь мѣстная газета сообщаетъ, что трупы приносились прямо въ машинный залъ и что у спуска въ шахту не стояла ни одна рыдающая женщина. Такихъ примѣровъ можно привести сотни.

Когда однажды одна изъ руководительницъ женскаго движенія въ Берлинѣ отказала посѣтившему ее репортеру въ просьбѣ дать ея портретъ для „Lokal-Anzeiger“'а, редакція не постѣснилась напечатать на слѣдующій же день портретъ какой-то шансонетной пѣвицы, выдавая его за портретъ названной дѣятельницы въ области женской эмансипаціи. Въ другой разъ римскій корреспондентъ, описывая празднество въ Ватиканѣ, сообщалъ читателямъ объ игрѣ сикстинской капеллы, не подозрѣвая, конечно, что сикстинская капелла — церковь, а не музыкальный оркестръ.

Политическій отдѣлъ поставленъ въ „Lokal-Anzeiger“'ѣ довольно хорошо и былъ бы поставленъ гораздо лучше, еслибы не систематически развращающій читателей принципъ „безпартійности“, сводящійся, въ сущности, къ полному отсутствію политическихъ убѣжденій. Кромѣ того, значительная часть „спеціальныхъ“ телеграммъ несомнѣнно сочиняется въ помѣщеніи редакціи, и въ особенности много—во время мертваго политическаго сезона. Тогда гдѣ-нибудь на югѣ Россіи „нашимъ спеціальнымъ корреспондентомъ“ газеты открывается новая секта, чуть ли не пожирающая стариковъ или дѣтей; рѣки выступаютъ изъ береговъ и затопляютъ чуть ли не цѣлыя провинціи, конечно китайскія или японскія, если не еще дальше; острова съ десятками тысячъ туземцевъ заливаются океаномъ и т. д. Но газета читается, и ея распространенностью пользуются иногда даже видные дѣятели для пропаганды своихъ идей. Такъ, напр., въ день открытія въ Берлинѣ осенью 1896 г. международнаго женскаго конгресса г-жа Минна Кауэръ познакомила въ прекрасной статьѣ читателей „Lokal-Anzeiger“'а съ сущностью и цѣлями женскаго движенія. Принятіе редакціей этой статьи для напечатанія опять явилось слѣдствіемъ основного принципа—угождать вкусамъ публики. Лѣтъ 10—12 назадъ, женское движеніе было у нѣмецкаго бюргерства не въ авантажѣ, а газета относилась къ эмансипированнымъ не только отрицательно, но и презрительно; теперь же, когда дѣло обстояло иначе, когда магистратъ даже предоставилъ женскому конгрессу залы ратуши, та же газета привѣтствовала женское движеніе и печатала самые подробные отчеты о работахъ конгресса, благо онъ самъ по себѣ былъ сенсаціоннымъ событіемъ. Въ подобныхъ случаяхъ редакція не останавливается даже предъ крупными расходами. Въ 1885 г. Шерль послалъ впервые двухъ своихъ корреспондентовъ за границу: одного въ Парижъ, на похороны Виктора Гюго, другого—на Балканскій полуостровъ, гдѣ возгорѣлась война между Сер-

біей и Болгаріей. Теперь редакція не только содержитъ корреспондентовъ рѣшительно во всѣхъ уголкахъ міра, но имѣетъ цѣлый штабъ корреспондентовъ, готовыхъ по первому указанію редакціи отправиться въ любую командировку и съ любой цѣлью: одинъ изъ такихъ корреспондентовъ присутствовалъ при подъемѣ шара Андрэ, и его отчетъ былъ перепечатанъ всѣми европейскими газетами Другой корреспондентъ, Альберти, объѣздилъ по порученію редакціи Испанію и Португалію. Третій совершилъ еще недавно путешествіе по великой сибирской желѣзной дорогѣ и далъ рядъ статей, иллюстрированныхъ фотографическими снимками, и т. д. Одинъ нѣмецкій профессоръ совершилъ спеціально для „Lokal-Anzeiger"'а кругосвѣтное путешествіе; д-ръ Георгъ Вегенеръ выполнилъ одну научную экспедицію въ Индію и другую экспедицію съ научной цѣлью въ арктическія моря. Теперь Вегенеръ отправился по порученію редакціи для изученія и описанія вновь пріобрѣтенныхъ Германіей колоній: Самоа, Каролинскихъ и Маршаловыхъ острововъ. А съ профессоромъ Георгомъ Штейндорфомъ, преемникомъ Георга Эберса въ лейпцигскомъ университетѣ по каѳедрѣ египтологіи, редакція „Lokal-Anzeiger"'а заключила договоръ, по которому профессоръ обязуется свои работы по изученію оазиса Юпитера Аммона напечатать предварительно на столбцахъ „Lokal-Anzeiger". Или примѣры изъ другой области. На слѣдующій день послѣ перваго представленія трагедіи Зудермана, „Іоаннъ", въ „Lokal-Anzeiger" появился обстоятельный отчетъ о постановкѣ трагедіи, написанной такимъ авторитетомъ, какъ Георгъ Брандесъ. Рождественское приложеніе 1898 г. составлено было изъ разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ нѣмецкихъ писателей, и даже Гауптманъ далъ для этого нумера одну свою небольшую балладу, за право напечатанія которой редакція уплатила ему 600 марокъ. Ежедневное же приложеніе газеты, такъ называемой „Unterhaltungsblatt", наполнено обыкновенно только беллетристическимъ хламомъ. Спеціальность „Lokal-Anzeiger"'а—это его почтовый ящикъ, въ которомъ цѣлый рядъ спеціалистовъ даетъ отвѣты на разнообразнѣйшіе вопросы и запросы подписчиковъ, начиная съ того, гдѣ живетъ такой-то писатель, или какъ пишется такое-то слово и кончая всевозможными практическими совѣтами и указаніями. Мало того, подъ рубрикой: „Oeffentliche Meinung" редакція газеты печатаетъ все, что присылаютъ ея подписчики, начиная съ жалобы какого-нибудь бюргера на неисправность почты или на неугодившаго ему кондуктора на омнибусѣ и кончая стихотворными и прозаическими упражненіями. Наконецъ, въ теченіе

двухъ часовъ ежедневно открыто въ помѣщеніи редакціи особое бюро, въ которомъ абонентамъ, предъявляющимъ свои квитанціи за послѣдній мѣсяцъ, даются безплатно юридическіе совѣты. А такъ какъ подобныя быро заведены при редакціяхъ нѣкоторыхъ другихъ берлинскихъ газетъ, то „Lokal-Anzeiger", въ видахъ конкурренціи, собирается ввести ежедневпое дежурство врачей съ выдачей абонентамъ лекарствъ изъ собственной аптеки.

При всемъ несимпатичномъ веденіи этой газеты, Шерлю нельзя отказать въ крупномъ организаторскомъ талантѣ, и онъ проявилъ, конечно, не мало энергіи и положилъ не мало труда, пока тотъ домъ, въ которомъ былъ отпечатанъ первый нумеръ „Lokal-Anzeiger", сталъ его собственностью и отведенъ всецѣло для нуждъ редакціи, типографіи и экспедиціи, пока „Lokal-Anzeiger" сталъ приносить ежедневно читателямъ цѣлый ворохъ печатной бумаги, а воскресные нумера его представляютъ собою чуть ли не цѣлый томъ in folio, пока „Lokal Anzeiger" сталъ не только главнымъ мѣстомъ публикацій берлинскаго магистрата, но и имѣетъ, благодаря своей распространенности, такъ много объявленій, какъ ни одна другая берлинская газета. Въ то время, какъ редакціи всѣхъ остальныхъ берлинскихъ газетъ для разсылки экземпляровъ своихъ газетъ прибѣгаютъ къ общимъ экспедиціямъ, разсѣяннымъ по всему городу, Августъ Шерль организовалъ особую армію женщинъ и дѣтей, разносящихъ абонентамъ по домамъ исключительно экземпляры его газеты. Мало того, въ видахъ удобства подписчиковъ и объявителей, главная контора газеты имѣетъ въ городѣ и предмѣстьяхъ свыше сорока отдѣленій для пріема подписки и объявленій, для сдачи на руки разносчицамъ газеты на домъ опредѣленнаго числа экземпляровъ и для безплатной раздачи особо отпечатанныхъ объявленій всѣмъ ищущимъ труда, ожидающимъ обыкновенно въ видѣ длинной цѣпи у воротъ главной экспедиціи или безпрерывно являющимся ко времени выхода свѣжаго нумера въ помѣщеніи того или другого отдѣленія. Успѣшная децентрализація столь обширнаго дѣла въ административномъ отношеніи подала Шерлю мысль децентрализировать, насколько это возможно, и редакцію газеты. Такъ, кромѣ главной редакціи на Zimmerstrasse, Шерлемъ организованы въ сѣверной и южной, западной и восточной части города четыре отдѣленія редакціи, на обязанности которыхъ лежитъ собираніе всевозможныхъ свѣдѣній исключительно въ районѣ ихъ дѣятельности. Свѣдѣнія болѣе общаго характера эти отдѣленія направляютъ въ главную редакцію; свѣдѣнія мѣстнаго характера, интересныя только для даннаго района или для жителей того

или другого изъ берлинскихъ предмѣстій, перерабатываются отдѣленіями редакціи на мѣстѣ и разсылаются въ видѣ особыхъ приложеній при вечернихъ изданіяхъ подписчикамъ каждаго района отдѣльно. Эта мысль является, собственно говоря, логическимъ развитіемъ мысли, пришедшей раньше Шерлю: печатать въ вечернихъ изданіяхъ газеты нѣкоторыя объявленія, имѣющія чисто мѣстный характеръ, напр.—для западной части Берлина—не во всѣхъ 215.000 экземплярахъ, но только въ 55.000, доставляемыхъ подписчикамъ изъ той мѣстности.

Весь богатый матеріалъ газеты, какъ по части текста, такъ и по части объявленій, Шерль съумѣлъ использовать еще и слѣдующимъ образомъ. Онъ издаетъ маленькую вечернюю газетку „Berliner Abendzeitung“, которая составляется изъ однѣхъ перепечатокъ изъ большой газеты, стоитъ лишь 24 пфеннига въ мѣсяцъ и довольно хорошо распространена въ провинціи, но въ Берлинѣ, несмотря на свою дешевизну, популярностью не пользуется. Затѣмъ Шерль издаетъ еще газетку „Deutsche Feldpost“, главный органъ военныхъ кружковъ (Kriegsvereine), на столбцахъ которой печатаетъ сначала текстъ „Lokal-Anzeiger“, а затѣмъ спеціальныя извѣстія, интересныя только для читателей изъ военныхъ кружковъ. И именно за заслуги по изданію этого органа Августъ Шерль награжденъ былъ орденомъ Короны третьяго класса. Въ видахъ привлеченія значительнаго числа объявителей Шерль суммируетъ всѣ объявленія относительно квартиръ и помѣщеній отдѣльно, какъ и всѣ объявленія въ области предложенія и спроса труда, и печатаетъ ихъ отдѣльно въ большомъ количествѣ, для раздачи и разсылки всѣмъ желающимъ и всѣмъ интересующимся безплатно. Наконецъ, Шерль издаетъ еще изъ года въ годъ адресную книгу, два громадныхъ тома которой можно найти чуть ли не въ каждомъ магазинѣ и ресторанѣ, въ любомъ учрежденіи, а изданіемъ „Die Woche“, иллюстрированнаго журнала, пріобрѣвшаго въ теченіе года до 200.000 подписчиковъ, онъ доказалъ лишній разъ свой организаторскій талантъ.

Само собою разумѣется, что на рекламированіе своей газеты Шерль тратитъ ежегодно крупныя суммы. Онъ первый сталъ рекламировать свою газету громадными буквами на стѣнахъ домовъ, но позже оставилъ эту мысль и ограничивается рекламой на колоннахъ для афишъ—желтыми буквами на черномъ фонѣ: о томъ, гдѣ помѣщается ближайшее отдѣленіе экспедиціи; сколько подписчиковъ констатировалъ по книгамъ экспедиціи приглашенный спеціальный ревизоръ, и о томъ, какъ распредѣляется по

участкамъ Берлина подписка на „Lokal-Anzeiger". Гораздо болѣе подробны рекламы, разсылаемыя въ короткіе промежутки чуть ли не всѣмъ квартиронанимателямъ Берлина и его предмѣстій. Публикѣ дана возможность осматривать въ опредѣленные часы типографію газеты, въ которой рукописи набираются на особыхъ наборныхъ машинахъ, а газета печатается на 18 ротаціонныхъ машинахъ, дающихъ одновременно не 18, а 36 экземпляровъ свѣжаго нумера газеты. Наконецъ, Шерль устроилъ еще на улицѣ „Unter den Linden" по парижскому образцу „залъ депешъ", разсчитанный на вкусы и запросы посѣщающей его безплатно толпы. Здѣсь имѣются свѣжіе нумера газеты, всевозможныя справочныя изданія, новѣйшіе биржевые курсы и т. д.; здѣсь вывѣшиваются получаемыя редакціей въ теченіе дня и ночи телеграммы, иллюстраціи къ тексту свѣжаго нумера газеты, фотографическіе снимки, рисунки, каррикатуры, плакаты и т. п.

Съ газетой Шерля попыталась-было, конкуррировать основанная года два назадъ и продававшаяся только по три пфеннига за нумеръ газета „Berliner Herold". Основана была эта газета тѣмъ самымъ коммандитнымъ обществомъ, которое, нѣсколько лѣтъ назадъ, надѣлало столько шуму своей угрозой наводнить всю Германію такъ называемыми „газетами безъ заголовка". „Kopflose Zeitung"—это одна изъ наиболѣе характерныхъ особенностей нѣмецкой печати. Ловкіе берлинскіе издатели входятъ въ сношенія съ редакціями мелкихъ провинціальныхъ газетъ и поставляютъ имъ ежедневно отпечатанные въ Берлинѣ листы политическихъ извѣстій и фельетоннаго содержанія, причемъ одна сторона каждаго листа оставляется чистой, и здѣсь печатаются уже на мѣстѣ, въ провинціальномъ городѣ, мѣстная хроника и объявленія, и газета, снабженная мѣстнымъ заголовкомъ, выходитъ такимъ образомъ въ свѣтъ, вслѣдствіе чего въ мелкихъ городахъ, гдѣ-нибудь на югѣ и одновременно на сѣверѣ Германіи, предлагаются читателямъ одни и тѣ же разсказы, политическія новости, передовыя статьи и фельетоны. Въ Берлинѣ имѣются уже четыре фирмы, разсылающія въ провинціальные города десятки тысячъ экземпляровъ „газетъ безъ заголовка" или же отлитыя въ Берлинѣ формы для печатанія стереотипомъ, а упомянутое коммандитное общество угрожало, года три назадъ, основать на собственный страхъ и рискъ подобныя „Kopflose Zeitungen" чуть ли не въ каждомъ провинціальномъ городѣ, чтобы дешевизной ихъ подорвать всю мѣстную печать, если только редакціи провинціальныхъ газетъ не согласятся получать готовый текстъ отъ берлинскаго коммандитнаго общества. Нѣ-

мецкая печать забила тревогу, но опасенія оказались напрасны: общество стало издавать только газету „Berliner Herold“, въ духѣ „Lokal-Anzeiger“'а и предназначенную для конкурренціи съ нимъ. Но, несмотря на то, что „Berliner Herold“ стоилъ лишь 50 пфенниговъ въ мѣсяцъ, т.-е. вдвое дешевле газеты Шерля и несмотря на то, что лица, подписавшіяся на „Berliner Herold“, однимъ фактомъ подписки застраховывали себя, на случай несчастья, въ 1.000 марокъ, число подписчиковъ у Шерля еще болѣе возросло за тотъ годъ, и редакція, не опасаясь своего конкуррента, повысила цѣну утренняго изданія въ отдѣльной продажѣ съ пяти до десяти пфенниговъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и „Berliner Herold“ пересталъ существовать, и доказалъ только, что для основанія въ Берлинѣ новой газеты нуженъ не только крупный капиталъ, но и крупный организаторскій талантъ.

Каждая статья составляетъ собственность автора или издателя, которому была продана. Желая повысить интересъ своихъ изданій, издатели большихъ газетъ снабжаютъ каждую мало-мальски интересную статью примѣчаніемъ: „Nachdruck verboten“, вслѣдствіе чего статья эта не можетъ быть воспроизведена ни цѣликомъ, ни въ извлеченіи на столбцахъ другой газеты. Иныя газеты разрѣшаютъ перепечатку своего матеріала только подъ условіемъ указанія источника, и въ Германіи сложился обычай уплаты гонорара авторамъ статей, перепечатанныхъ изъ другихъ изданій,—конечно, по пониженной таксѣ. Этотъ обычай значительно облегчаетъ, въ особенности для мелкихъ изданій, веденіе газетнаго дѣла въ Германіи, и на этой же почвѣ возникли изобрѣтенныя еще въ 30-хъ годахъ баденскимъ журналистомъ д-ромъ Зингеромъ многочисленныя „Korrespondenzen“, составляющія другую характерную особенность нѣмецкой печати. Какъ телеграфныя бюро заботятся о доставкѣ газетамъ свѣжихъ новостей изъ-за границы и изъ другихъ городовъ, эти корреспонденціи доставляютъ редакціямъ газетъ интересныя свѣдѣнія о политической и общественной жизни, также и свѣжія новости во всѣхъ областяхъ. Нѣкоторыя лица, стоящія близко ко двору, къ той или другой политической партіи, къ художественно-артистическимъ или ученымъ кругамъ и т. д., сообщаютъ объ извѣстныхъ имъ событіяхъ и новостяхъ редакціямъ газетъ въ формѣ печатныхъ или литографированныхъ „корреспонденцій“. Редакціи платятъ, обыкновенно, издателямъ корреспонденцій за каждую у нихъ заимствованную замѣтку отдѣльно или же вознаграждаютъ ихъ опредѣленной суммой за опредѣленный срокъ. Въ Бер-

линѣ издается нѣсколько сотъ подобныхъ „корреспонденцій“: политическихъ, парламентскихъ, судебныхъ, политико-экономическихъ, репортерскихъ, фельетонныхъ, научныхъ и т. д., причемъ частнымъ лицамъ онѣ не продаются, и публика иногда даже не знаетъ о ихъ существованіи. Нѣкоторыя корреспонденціи составляются и редактируются цѣлымъ штабомъ сотрудниковъ и могли бы выходить въ свѣтъ, какъ самостоятельныя газеты, но онѣ служатъ только „первоисточникомъ“ для многихъ берлинскихъ и провинціальныхъ газетъ. Для большихъ газетъ онѣ составляютъ иногда значительную точку опоры: такъ, напр., нѣкоторыя редакціи не содержатъ своихъ репортеровъ или судебныхъ хроникёровъ, но ограничиваются абонементомъ на многочисленныя корреспонденціи репортерскаго характера. Мелкія же газеты очень часто состоятъ изъ сплошныхъ перепечатокъ изъ „корреспонденцій“ и даютъ своимъ читателямъ очень мало самостоятельнаго и оригинальнаго. Подобныхъ мелкихъ газетъ издается въ Берлинѣ, кромѣ большихъ политическихъ и большихъ безпартійныхъ газетъ, добрый десятокъ.

Что касается мелкихъ газетъ, то всѣ онѣ—такъ называемыя „безпартійныя“, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, не будучи органомъ какой-либо политической партіи, имѣютъ ту или другую политическую окраску.

Самая старая изъ этихъ газетъ — это упомянутая выше „Wöchentliche Berlinische Frage- und Anzeigungsnachrichten“. Она носила это заглавіе до 1767 года, а затѣмъ стала именоваться „Berliner Intelligenzblatt“ и была до 1885 г. исключительно листкомъ объявленій. Съ названнаго же года редакція ввела мѣстную хронику, въ началѣ 90-хъ годовъ стала сообщать своимъ читателямъ и политическія новости вмѣстѣ съ отчетами судебныхъ засѣданій и извѣстіями о дѣятельности ферейновъ, а въ концѣ 1894 г. преобразовала „Berliner Intelligenzblatt“ въ большую по формату и разностороннюю газету. Ведется она и понынѣ безпартійно, но довольно прилично и объективно, причемъ редакція обращаетъ главное вниманіе на мѣстную хронику, и только въ этой газетѣ встрѣчаются такія рубрики, какъ „Извѣстія о судоходствѣ“, „Рынокъ скота и бойни“, „Базары“ и т. п. Благодаря этому, а также публикаціямъ магистрата, полиціи и судебныхъ учрежденій, газета расходится въ значительномъ количествѣ экземпляровъ.

Совершенно иной характеръ носитъ основанная въ 1862 г. придворнымъ типографомъ Деккеромъ газета „Berliner Fremdenblatt“. По особому соглашенію редакціи этой газеты съ „Обще-

ствомъ берлинскихъ гостинновладѣльцевъ", списки пріѣзжихъ доставляются конторой каждаго отеля исключительно этой газетѣ, нумера которой разсылаются ежедневно въ пять часовъ вечера конторамъ гостиницъ, для раздачи пріѣзжимъ [1]. Газета служитъ еще органомъ крупныхъ торговыхъ предпріятій, какъ, напр., „Berliner Messe", „Waarenhaus für deutsche Beamte" и др. Приноровляясь ко вкусамъ случайныхъ читателей, газета отводитъ весьма мало мѣста политическимъ извѣстіямъ, хотя и состоитъ въ послѣднее время въ довольно тѣсной связи съ берлинскими консервативными избирательными кружками. Хорошо поставленъ въ газетѣ театральный отдѣлъ, которымъ руководитъ поэтъ-романтикъ и драматургъ, Аксель Дельмаръ.

Что касается газетки „Deutsche Worte", то она ведется въ монархически-національномъ духѣ и имѣетъ свыше 80.000 подписчиковъ. Читаютъ ее, главнымъ образомъ, мелкіе чиновники, за интересы которыхъ она горячо заступается, ремесленники и мелкіе торговцы, такъ какъ газета поднимаетъ голосъ и за среднее сословіе, которому все болѣе и болѣе угрожаетъ гигантски ростущая промышленность. Но голосъ ея слабый, и газетка не пользуется рѣшительно никакимъ вліяніемъ на общественное мнѣніе. Политическій отдѣлъ ея и заграничныя корреспонденціи составляются исключительно изъ перепечатокъ, а иллюстраціи ея, обыкновенно, грубы до невозможности. На-ряду съ „Deutsche Worte" можетъ быть поставлена, по распространенности, незначительная газетка „Berliner Abendpost", стоящая лишь 1 марку 25 пфенниговъ за четверть года и имѣющая, благодаря этому, до 70.000 подписчиковъ. Выходитъ она по вечерамъ, сообщая новости за день въ возможно сжатой формѣ, и имѣетъ за собой ту заслугу, что пріучила къ систематическому чтенію печатнаго органа десятки тысячъ провинціаловъ, какъ „Berliner Lokal-Anzeiger" пріучилъ къ тому берлинскихъ мелкихъ бюргеровъ.

„Tägliche Rundschau", газета, основанная въ 1881 г. и расходящаяся въ количествѣ до 2.600 экземпляровъ, была однимъ изъ первыхъ безпартійныхъ органовъ въ Берлинѣ, но, при всей своей безпартійности, ведется въ націоналистическомъ духѣ и отстаиваетъ германскую колоніальную политику. Ея „Unterhal-

[1] Кладется теперь безплатно во всѣхъ занятыхъ пріѣзжими нумерахъ въ нѣкоторыхъ большихъ отеляхъ еще и газетка „Berliner Nachtpost" (о ней нѣсколько словъ ниже), приноравливающаяся къ интересамъ и нуждамъ иностранцевъ и пріѣзжихъ, что даетъ ей рядъ хорошо оплачиваемыхъ и окупающихъ расходы объявленій отъ театровъ, ресторановъ, кафе, отелей, кафе-шантановъ и пр.

tungs-Blatt fur die Gebildeten aller Stände“ ведется въ литературномъ отношеніи опрятно и здѣсь изъ числа сотрудниковъ можно отмѣтить Юліуса Гарта, талантливо ведущаго литературное и театральное обозрѣнія. Въ томъ же національно-шовинистскомъ духѣ ведется газета „Deutsche Zeitung“, издающаяся лѣтъ пять и выходящая шесть разъ въ недѣлю по утрамъ. Издаетъ ее д-ръ Фридрихъ Ланге, тотъ самый, который пытался, года три назадъ, организовать „Deutsch-Kartell“, т. е. союзъ всѣхъ національно-германскихъ партій. Въ качествѣ таковыхъ явились тогда на учредительное собраніе консерваторы, националь-либералы, аграріи и „чистые“ антисемиты; но хотя тогда Ланге избрали въ президенты, изъ „картели“ ничего не вышло, какъ мало проку выходитъ изъ стремленія д-ра Ланге угодить въ своей безцвѣтной газетѣ представителямъ всѣхъ названныхъ партій.

Самой юной, по времени основанія, изъ всѣхъ берлинскихъ газетъ является „Berliner Morgenpost“, ставшая, за какіе-нибудь два года, крупнымъ конкуррентомъ газеты „Lokal-Anzeiger“. Одна марка въ мѣсяцъ за газету, доставляемую два раза въ день, для мелкаго бюргера — сумма небольшая, но есть въ Берлинѣ широкій слой населенія, который не можетъ удѣлить на газету даже и одной марки. „Berl. Morgenpost“ пошла на встрѣчу этимъ кругамъ и беретъ только 10 пфенниговъ въ недѣлю, не обязывая, такимъ образомъ, къ подпискѣ на цѣлый мѣсяцъ, какъ это дѣлаютъ всѣ берлинскія газеты, или на двѣ недѣли, какъ это дѣлаетъ „Lokal-Anzeiger“ подъ видомъ „пробнаго“ абонемента. Само собой разумѣется, что „Berl. Morg.“ приноровляется ко вкусамъ своихъ болѣе чѣмъ непритязательныхъ читателей, и ея мѣстная и судебная хроника не только стоитъ ниже хроники „Lokal-Anzeiger“, но и дѣйствуетъ, вмѣстѣ съ грубо исполненными и почти всегда душу раздирающими рисунками, положительно растлѣвающимъ образомъ на умы читателей. „Lokal-Anzeiger“, напр., еще не унизился до того, чтобы печатать на своихъ столбцахъ, какъ дѣлаетъ „Berl. Morgenblatt“, портреты уличныхъ оригиналовъ, чтобы давать мѣсто бездарной и глупой болтовнѣ второстепенныхъ артистовъ и артистокъ, снабженной ихъ портретами и автографами, чтобы не брезгать объявленіями гадалокъ на картахъ и гадалокъ на кофейной гущѣ, чтобы назначать ежемѣсячно премію тому изъ подписчиковъ, который первый прибѣжитъ въ редакцію и принесетъ какое-либо сенсаціонное извѣстіе, чтобы печатать на своихъ столбцахъ „интервью“ съ звѣрскимъ убійцей, чтобы устроивать, наконецъ, спеціально для абонентовъ вечера съ музыкой и назначать премію тому изъ нихъ, который заранѣе

угадаетъ тотъ день, когда число абонентовъ „Berl. Morg.“ достигнетъ 200.000. Число подписчиковъ газеты уже превысило двѣсти тысячъ.

III.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ крупныхъ политическихъ газетъ и начнемъ съ „Крестовой Газеты“ (Neue Preussische Kreuz-Zeitung) [1]), старѣйшаго органа прусскихъ „юнкеровъ“. Эта газета, какъ и нѣкоторые крупные либеральные органы, есть продуктъ эпохи мартовскихъ дней, но создана она была для борьбы со всѣмъ тѣмъ, чего бюргерство добилось путемъ революціи. Уже въ апрѣлѣ 1848 года нѣкоторые вожаки „маленькой, но могущественной партіи“ — такъ называли себя тогда прусскіе юнкеры, глубоко огорченные побѣдой революціи и уступчивостью короля,—объединились для изданія большой политической газеты, предназначенной для защиты ихъ интересовъ, и надо отдать справедливость „Крестовой Газетѣ“: она выполняла свою задачу умѣло и не безъ успѣха. Пробный нумеръ „Крестовой газеты“ вышелъ 16-го іюня названнаго года, а съ 30-го іюня газета стала выходить каждый день вечеромъ. Руководилъ ею комитетъ изъ пяти лицъ: президентъ Эрнстъ-Людвигъ фонъ-Герлахъ, его братъ, генералъ Леопольдъ фонъ-Герлахъ, баронъ Зенфтъ фонъ-Пильзахъ Сандофъ, графъ Финкенштейнъ и фонъ-Бетманъ-Гольвегъ. Въ числѣ основателей газеты числились, кромѣ названныхъ лицъ, еще пять графовъ, одинъ князь, одинъ министръ и одинъ оберъ-президентъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если газета уже въ скоромъ времени стала могучимъ орудіемъ въ рукахъ юнкерства, съумѣвшаго подчинить себѣ послѣ революціи и бюргерство, и короля. Никто изъ названныхъ лицъ не пожелалъ, однако, унизиться до того, чтобы заниматься газетой непосредственно, и редакторомъ былъ приглашенъ молодой ассесоръ Германъ Вагнеръ, который привлекъ къ участію въ газетѣ начинавшаго тогда свою карьеру, въ качествѣ депутата, Бисмарка. Во время парламентской сессіи почти ни одинъ нумеръ „Крестовой Газеты“ не выходилъ безъ болѣе или менѣе обстоятельной статьи Бисмарка, и когда онъ впослѣдствіи сталъ прусскимъ министромъ-президентомъ, Вагнеръ, бывшій уже самъ депутатомъ, получилъ

---

[1]) Правѣе „Крестовой Газеты“ стоитъ въ Берлинѣ развѣ что только „Deutscher Reichsanzeiger und Königlich preussischer Staatsanzeiger“, оффиціальный органъ имперскаго и прусскаго правительствъ, имѣющій, конечно, какъ всѣ подобные оффиціальные органы только спеціальный интересъ.

высокій постъ при министерствѣ. „Крестовая Газета“ осталась, однако, независимымъ органомъ консерваторовъ и даже опубликовала однажды протестъ противъ рѣчи имперскаго канцлера, бывшаго своего сотрудника, въ рейхстагѣ, за что всемогущій въ 70-хъ годахъ Бисмаркъ назвалъ иронически своихъ бывшихъ коллегъ по газетѣ „Deklaranten“ и высказывалъ имъ явное свое неудовольствіе. Редакція основанной въ 1862 году газеты „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ оказалась болѣе покладистой и предоставляла въ теченіе 28 лѣтъ въ распоряженіе князя Бисмарка „ein Stück weisser Papier“. Желѣзный канцлеръ, какъ общеизвѣстно, никогда не оставлялъ этого „куска бѣлой бумаги“ безъ употребленія, и „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ была всюду извѣстна, какъ оффиціальный органъ Бисмарка. Какъ издатель ея, такъ и руководитель газеты, Эмиль Пиндтеръ, никогда не заботились о томъ, что и въ какой формѣ печатаетъ канцлеръ на столбцахъ газеты, и всесильный князь не оставилъ своего преданнаго слуги безъ наградъ: Пиндтеръ вошелъ въ чины. Каково же было всеобщее удивленіе, когда въ 1891 году, тотчасъ по уходѣ князя Бисмарка въ отставку, тотъ же Пиндтеръ открылъ столбцы своей газеты его преемнику, графу Каприви, чѣмъ тотъ и не преминулъ воспользоваться! Редактируемая Пиндтеромъ газета высказывалась даже противъ самого Бисмарка и „стараго курса“, за что Пиндтеръ, конечно, снова не оставленъ былъ безъ наградъ. Лѣтъ шесть назадъ, онъ основалъ въ Шарлоттенбургѣ свою собственную маленькую газетку, но прекратилъ изданіе ея незадолго до своей смерти, года три назадъ. „Norddeutsche Allgemeine-Zeitung“ все еще считается, и съ правомъ, органомъ нынѣшняго имперскаго канцлера, князя Гогенлоэ. За эту услужливость „Norddeutsche Allgemeine-Zeitung“ получила отъ другихъ газетъ кличку: „Mädchen für Alles“. Вполнѣ преданной Бисмарку, павшему въ началѣ царствованія Вильгельма II, осталась газета „Berliner Neueste Nachrichten“. Основана она была въ 1881 г., выходила сначала два раза въ недѣлю, потомъ ежедневно, а теперь выходитъ, какъ обѣ раньше упомянутыя газеты, 12 разъ въ недѣлю, т.-е. утромъ и вечеромъ. Эта газета принадлежала до дня смерти Бисмарка къ такъ называемымъ „Bismarck-Presse“, часть которой получала внушенія отъ стараго канцлера и его приближенныхъ (какъ, напр., „Hamburger Nachrichten“, лейбъ-органъ покойнаго Бисмарка), а другая часть выказывала чрезмѣрное усердіе въ куреніи ему ѳиміама. „Berliner Neueste Nachrichten“ принадлежатъ извѣстному Круппу и другимъ богатымъ заводчикамъ, и неудивительно, если газета, въ защиту интересовъ своихъ владѣль-

цевъ, горячо ратуетъ за продолженіе національной и колоніальной политики Бисмарка, за увеличеніе флота и т. д. Сначала эти лица пригласили въ качествѣ редактора Гуго Якоби, бывшаго редактора мюнхенской „Allgemeine Zeitung", отпраздновавшей недавно свой столѣтній юбилей. А позже, когда берлинскія „Neueste Nachrichten" пріобрѣли уже значеніе крупнаго политическаго органа, редакторомъ газеты былъ приглашенъ и состоялъ до самаго послѣдняго времени нѣкій Викторъ Швейнбургъ, выходецъ изъ Галиціи, человѣкъ съ сомнительнымъ прошлымъ, но довѣренное лицо хитроумнаго Микеля, прусскаго министра финансовъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства газету очень дѣятельно читали, такъ какъ знали, кто скрывается за спиной редактора. Когда Швейнбургъ, послѣ извѣстной гамбургской рѣчи императора, наводнилъ страну своими летучими листками, въ которыхъ, между прочимъ, подсчиталъ стоимость новаго флота по старымъ цѣнамъ и намекалъ на то, что пересмотръ въ 1903 году торговыхъ договоровъ принесетъ, несомнѣнно, повышеніе пошлинъ на хлѣбъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повышеніе государственныхъ доходовъ для покрытія расходовъ на оборудованіе флота,—глаза всѣхъ обратились на Микеля. Но случилось то, чего никто не ожидалъ: министръ Микель выступилъ за своей полной подписью на столбцахъ „Berliner Korrespondent", оффиціознаго министерскаго органа, съ заявленіемъ, что все это хитросплетеніе, приписываемое ему,—клевета. Швейнбургъ потерялъ мѣсто въ редакціи и сознался, что цифры, приведенныя въ упомянутомъ летучемъ листкѣ, были фальшивыя.

„Крестовая Газета являетcя центральнымъ органомъ консервативной фракціи германскаго рейхстага (какъ и прусскаго ландтага) и за свыше нежели пятидесятилѣтнее свое существованіе газета эта пережила, конечно, всѣ тѣ стадіи развитія, чрезъ которыя прошло нѣмецкое юнкерство, начиная отъ староконсервативной патріархальности и кончая защитой узко-классовыхъ интересовъ и проповѣдью политики силы и кулака по отношенію къ „внутреннимъ" врагамъ. И этой же газетѣ приходится теперь переживать паденіе своего вліянія, послѣ того какъ бывшій до іюня 1895 г. руководителемъ ея фонъ-Гаммерштейнъ, депутатъ и вожакъ юнкеровъ, проворовался и бѣжалъ, но былъ задержанъ и отбылъ уже назначенное ему судомъ наказаніе въ каторжной тюрьмѣ. Преемникомъ его по редакціи состоитъ профессоръ и депутатъ Германъ Кропачекъ.

Выходитъ „Крестовая Газета“ въ количествѣ не болѣе 9.500 экземпляровъ.

Еще менѣе распространена четвертая изъ издающихся въ Берлинѣ консервативныхъ газетъ: „Die Post“, органъ свободно-консервативной („имперской“) фракціи и лейбъ-органъ вожака партіи, вліятельнаго заводчика и депутата, барона Штумма. Онъ —личный другъ императора и негласный его совѣтникъ. При своемъ недюжинномъ умѣ, баронъ Штуммъ не только пользуется (по крайней мѣрѣ, пользовался до послѣдняго времени) сильнымъ вліяніемъ при германскомъ дворѣ. Благодаря этому, „Post“ имѣетъ значеніе крупнаго политическаго органа, съ которымъ не перестаютъ бороться многочисленные политическіе враги барона Штумма. Когда, въ 1874 г., эту газету откупили нѣкоторые члены свободно-консервативной фракціи, „Post“ стала горячей поборницей иностранной политики князя Бисмарка, и въ нѣкоторые критическіе моменты, какъ, напр., въ 1875 г., передовыя статьи этой газеты считались сигналами того или другого направленія въ международной политикѣ, а знаменитая статья „Krieg in Sicht“ извѣстила тогда всю Европу о новыхъ осложненіяхъ между Германіей и Франціей, вызвавшихъ вмѣшательство Россіи. Теперь же по статьямъ „Post“, внушеннымъ Штуммомъ или написаннымъ его политическими друзьями-депутатами, можно часто вѣрно опредѣлить отношеніе правительства къ тому или иному вопросу внутренней политики. Газета, пожалуй, потеряетъ свое значеніе, если оправдаются слухи, будто баронъ Штуммъ впалъ въ немилость при дворѣ и хочетъ отказаться отъ дальнѣйшей парламентской дѣятельности.

Подобная участь постигла, напримѣръ, газету „Das Volk“, основанную въ 1889 г. пользовавшимся еще тогда большимъ вліяніемъ при дворѣ Адольфомъ Штеккеромъ, бывшимъ придворнымъ проповѣдникомъ и основателемъ „христіанско-соціальной партіи“. Будучи еще кронпринцемъ, Вильгельмъ II покровительствовалъ Штеккеру и сочувствовалъ его идеямъ, но позже императоръ, пресыщенный и возмущенный интригами и кознями своего проповѣдника, удалилъ его отъ себя и разрѣшилъ Штумму опубликовать его, императора, рѣзкій отзывъ о Штеккерѣ. Послѣдній вскорѣ лишился всякаго вліянія, тѣмъ болѣе что отъ него отказалось и все такъ называемое лѣвое крыло его партіи, объединившееся подъ именемъ „національно-соціальнаго ферейна“. Къ тому же, рядъ процессовъ разоблачилъ многіе некрасивые проступки Штеккера, и въ настоящее время онъ—только пользующійся печальной славой депутатъ прусскаго ландтага. Газета его,

все еще слабо доказывавшая возможность и необходимость широкихъ соціальныхъ реформъ на монархической и національной подкладкѣ, потеряла свое былое значеніе, а въ послѣднее время ея изданіе даже перенесено въ маленькій провинціальный городокъ Зигенъ, представителемъ коего въ ландтагѣ является Штеккеръ. Одинъ изъ бывшихъ ближайшихъ сотрудниковъ Штеккера по газетѣ, нѣкій фонъ-Герлахъ (тотъ самый, который работаетъ теперь въ газетѣ „Die Welt am Montag"), также перешелъ въ лагерь пастора Паумана, вычеркнувшаго изъ программы Штеккера раньше всего расовое человѣконенавистничество, и редактировалъ основанную этимъ молодымъ вожакомъ, но недолго продержавшуюся газету „Die Zeit". Единственнымъ органомъ національно-соціальной партіи является въ настоящее время выходящая разъ въ недѣлю газета „Hilfe". Въ Берлинѣ имѣется еще одинъ органъ пасторовъ: основанная еще въ 1873 г. консервативная газета „Der Reichsbote", или по кличкѣ: „Pastorenbote". Газета выходитъ ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ, въ количествѣ до 12.000 экземпляровъ. Въ политическомъ отношеніи она ведется вполнѣ независимо и выдается своимъ соціально-политическимъ отдѣломъ, гдѣ неуклонно проводится строго обдуманная экономическая программа въ защиту интересовъ евангелическихъ пасторовъ.

Послѣдней по времени основанія въ числѣ берлинскихъ консервативныхъ газетъ является „Deutsche Tageszeitung", выходящая въ свѣтъ всего лишь седьмой годъ, но расходящаяся уже въ количествѣ до 40.000 экземпляровъ. Эта газета—центральный органъ основавшаго ее „Союза сельскихъ хозяевъ" и выдается той энергіей и рѣзкостью, съ какой она вступается за интересы аграріевъ, заходя очень часто въ своихъ требованіяхъ до геркулесовыхъ столбовъ. Въ лагерѣ „Союза сельскихъ хозяевъ", изъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, примыкающихъ къ различнымъ политическимъ партіямъ, имѣется значительное число національ-либераловъ, въ то время какъ центральный органъ послѣднихъ, „National-Zeitung", упорно борется противъ ненасытимой алчности аграріевъ. Это лучше всего свидѣтельствуетъ о распаденіи отжившей свое время національно-либеральной партіи, и тщетно пытается „National-Zeitung", переживающая ту же стадію, что и партія, предотвратить своимъ напоминаніемъ о старыхъ идеалахъ нѣмецкаго либеральнаго бюргерства ходъ постепеннаго разложенія партіи и упадка собственнаго своего былого значенія. Основана была газета 1-го апрѣля 1848 г. извѣстнымъ педагогомъ Дистервегомъ, Дункеромъ, вно-

слѣдствіи берлинскимъ бургомистромъ, Цабелемъ, взявшимъ на себя обязанности редактора, и др. лицами. Будучи сначала органомъ свободомыслящаго и просвѣщеннаго бюргерства, которое не переставало мечтать объ объединеніи Германіи, газета съ гордостью указывала на свою дѣятельность въ этомъ направленіи, когда праздновала чрезъ два года послѣ объединенія Германіи свой 25-лѣтній юбилей. Теперь газета взялась за новую задачу: бороться съ партикуляристическими стремленіями нѣкоторыхъ союзныхъ государствъ и горячо отстаивать данныя народу конституціей права. Въ исторіи газеты „National-Zeitung" можно разграничить три отдѣльныя эпохи; изъ нихъ первая, когда газета была органомъ свободомыслящаго бюргерства, была самая блестящая. Цабель редактировалъ газету до своей смерти въ 1875 г.; Отто Михаэлисъ велъ экономическій отдѣлъ до тѣхъ поръ, пока не перешелъ въ канцелярію имперскаго канцлера; Лотаръ Бухеръ, впослѣдствіи также сотрудникъ Бисмарка, былъ лондонскимъ корреспондентомъ газеты и далъ рядъ блестящихъ статей о первой всемірной выставкѣ въ Англіи; Титъ Ульрихъ, ведшій фельетонный отдѣлъ, перешелъ изъ редакціи прямо въ интендантство королевскихъ театровъ. Во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ газета перешла въ руки упомянутаго Вольфа, основателя перваго телеграфнаго бюро, и „National-Zeitung" стала постепенно пріобрѣтать оффиціозный характеръ. Когда либеральное бюргерство перешло на сторону Бисмарка, „National-Zeitung", забывъ о своемъ прошломъ, также приняла національно-либеральную окраску, пока не перешла впослѣдствіи окончательно въ руки національно-либеральной фракціи. Третій періодъ исторіи газеты былъ періодомъ ея упадка. Редакція имѣла и имѣетъ еще въ своемъ составѣ многихъ выдающихся сотрудниковъ, но потеряла прошлое свое вліяніе.

Въ томъ же національно-либеральномъ духѣ редактируется основанная въ 1855 г. „Berliner Börsenzeitung", ставшая изъ маленькаго биржевого листка, выходившаго три раза въ недѣлю, большой политической газетой, обращающей, однако, и теперь главное свое вниманіе на финансовый и биржевой отдѣлы. Значительно болѣе крупную роль играла и играетъ другая биржевая газета, „Berliner Börsen-Kurier", основанная въ 1868 г. Георгомъ Давидсономъ, который руководилъ газетой почти тридцать лѣтъ, до дня своей смерти, непосредственно редактировалъ торговый отдѣлъ и писалъ постоянно музыкально-критическія замѣтки,—между прочимъ какъ давній ревностный поклонникъ Вагнера. Газета эта займетъ, несомнѣнно, свою страничку не

только въ исторіи берлинской журналистики, но и въ исторіи берлинскихъ театровъ и тѣсно связаннаго съ ними искусства. Съ 1878 года театральнымъ отдѣломъ руководитъ талантливый рецензентъ Ландау, съ которымъ дѣлитъ труды его коллега, извѣстный берлинскій фельетонистъ и драматургъ Бенно Якобсонъ. Газета выходитъ 12 разъ въ недѣлю, и Давидсонъ сталъ выпускать ее двумя изданіями въ день еще тогда, когда только немногія газеты выходили по два раза въ день. Утреннее изданіе „Börsen-Kurier'а“ онъ посвящалъ политикѣ, искусствамъ, фельетону, мѣстной хроникѣ, и т. д., а вечернее—всецѣло коммерціи и биржѣ. Подобное распредѣленіе матеріала нравилось публикѣ, и газета имѣла крупный матеріальный успѣхъ. „Börsen-Kurier“ съ самаго начала своего существованія—либеральная и прогрессивная газета, не зависящая, однако, отъ какой-либо либеральной фракціи [1].

Скажемъ еще нѣсколько словъ о католическомъ органѣ Берлина, „Germania“. Ряды депутатовъ партіи центра составлены, главнымъ образомъ, изъ представителей южно-германскаго, католическаго населенія, и на югѣ Германіи партія эта обладаетъ многими крупными органами печати. Тѣмъ не менѣе, клерикалы сочли необходимымъ (съ 1871) имѣть въ Берлинѣ центральный органъ своей партіи. „Germania“ пріобрѣла во время знаменитаго „культуркампфа“ значеніе крупнаго политическаго органа, а такъ какъ Бисмаркъ умѣлъ неутомимо преслѣдовать своихъ политическихъ враговъ, то было время, когда пять отвѣтственныхъ редакторовъ этой газеты отбывали одновременно по приговорамъ суда назначенный имъ срокъ наказанія за преступленія, предусмотрѣнныя законами о печати. Между этими пятью редакторами былъ и д-ръ Маюнке, депутатъ, руководившій органомъ своихъ политическихъ друзей. Позже д-ръ Маюнке оставилъ парламентскую дѣятельность и сталъ пасторомъ; точно также его преемникъ, депутатъ д-ръ Францъ, теперь прелатъ въ Гмунденѣ. „Germania“ не потеряла своего значенія и по окончаніи „культуркампфа“; клерикалы являются въ настоящее время наиболѣе могущественной фракціей въ рейхстагѣ и постепенно оставили свою оппозиціонную политику, а по вопросамъ объ увеличеніи арміи и флота даже перешли на сторону правительства, выговоривъ себѣ извѣстныя уступки въ другихъ областяхъ. Изъ перепечатокъ газеты „Germania“ составляется маленькая газетка для народа—„Katholische Volkszeitung“.

[1] Изъ перепечатокъ изъ „Börsen-Kurier“ составляется маленькая газетка „Berliner-Kurier“.

Духовнымъ основателемъ газеты „Staatsbürgerzeitung“ былъ упомянутый выше журналистъ и ораторъ Гельдъ. Когда, лѣтъ черезъ шесть по основаніи газеты, онъ разошелся со своимъ издателемъ, въ началѣ 70-хъ годовъ въ Берлинѣ оказалось двѣ „Staatsbürgerzeitung“, причемъ та, которою руководилъ Гельдъ вмѣстѣ съ оставшимся ему вѣрнымъ составомъ редакціи, имѣла второе заглавіе: „Alte Heldsche“. Первая должна была вскорѣ перемѣнить свое названіе и прекратилась черезъ нѣсколько лѣтъ. Тенденція газеты съ начала редактированія ея Гельдомъ была узко-національная. Когда же, въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, началось такъ называемое берлинское движеніе, „Staatsbürgerzeitung“ приняла антисемитическую окраску и является понынѣ органомъ антисемитической „deutsch-sociale Reformpartei“. Выходитъ она теперь 12 разъ въ недѣлю, въ количествѣ до 17.500 экземпляровъ. Мелкихъ антисемитическихъ газетъ возникало въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ въ Берлинѣ очень много, но всѣ онѣ, за немногими исключеніями, удерживались очень недолго, хотя Берлинъ до самаго послѣдняго времени, когда центръ тяжести антисемитизма перенесенъ въ Парижъ и Вѣну, служилъ очагомъ такъ называемаго „научно-обоснованнаго“ антисемитизма и племенной вражды.

Свободомыслящіе составляютъ въ рейхстагѣ и ландтагѣ двѣ фракціи: freisinnige Volkspartei и freisinnige Vereinigung, причемъ каждая изъ этихъ фракцій имѣетъ свои отдѣльные органы печати. Центральнымъ органомъ первой фракціи является „Freisinnige Zeitung“, газета, основанная въ 1885 году депутатомъ и вожакомъ свободомыслящихъ, Рихтеромъ. Выходитъ она два раза въ день, и вечернее изданіе составляетъ перепечатку утренняго, съ добавленіемъ крупныхъ новостей за день въ возможно сжатой формѣ. Органомъ другой фракціи свободомыслящихъ считается „Berliner Tageblatt“, хотя редакція отрицаетъ это, завѣряя своихъ читателей, что „Tageblatt“ — независимая газета свободомыслящаго направленія. Она — самая распространенная среди берлинскихъ политическихъ органовъ (она имѣетъ до 67.000 подписчиковъ) и изъ берлинскихъ газетъ самая популярная какъ въ Германіи, такъ и за границей. Основана была эта газета Рудольфомъ Моссе, когда Берлинъ, юная еще столица Германіи, сталъ Меккой международной политики и центромъ накопленія привезенныхъ изъ Франціи милліардовъ, переросъ внезапно свою прессу и нуждался, очевидно, въ новыхъ органахъ печати. Тогда-то Рудольфъ Моссе и создалъ свою газету, носившую сначала исключительно мѣстный характеръ, но теперь газета не

имѣетъ уже почти ничего общаго съ „Tageblatt“ начала 70-хъ годовъ. Только форматъ, послужившій образцомъ для многихъ нѣмецкихъ газетъ, остался тотъ же. Мѣстная хроника отодвинута была постепенно на второй планъ и уступила свое мѣсто вопросамъ политики, искусства, литературы и т. д. Оставаясь строго національной по отношенію къ вопросамъ иностранной политики, „Berliner Tageblatt“, однако, стала, по мысли ея главнаго редактора д-ра Левизона, космополитической въ смыслѣ отраженія международныхъ вліяній. Тѣмъ не менѣе, газета эта уваженіемъ далеко не пользуется, какъ вслѣдствіе шаткости ея политическихъ принциповъ, такъ и вслѣдствіе стремленія ея служить нашимъ и вашимъ. Сначала дешевая цѣна газеты, въ связи съ богатымъ матеріаломъ ея, повела къ быстрому увеличенію числа подписчиковъ. Затѣмъ введеніе первой въ берлинскихъ типографіяхъ ротаціонной машины дало Рудольфу Моссе возможность увеличить форматъ газеты. Наконецъ, онъ первый сталъ получать телеграммы отъ своихъ корреспондентовъ не только изъ крупнѣйшихъ центровъ Европы, но и изъ сотни мелкихъ городовъ внутри страны. Теперь онъ постепенно замѣняетъ телеграфъ телефономъ, и редакторы газеты уже регулярно бесѣдуютъ со своими вѣнскими корреспондентами. Моссе даетъ при газетѣ цѣлый рядъ приложеній: ежедневно утромъ и вечеромъ самостоятельную „Торговую газету“, по средамъ—„Техническое обозрѣніе“, по четвергамъ—маленькій журналъ домоводства и сельскаго хозяйства, по пятницамъ—сатирическій журналъ „Ulk“, въ субботу вечеромъ—небольшое литературное обозрѣніе, по воскресеньямъ — спортивное обозрѣніе и иллюстрированное беллетристическое приложеніе „Deutsche Lesehalle“; по понедѣльникамъ, наконецъ, вмѣстѣ съ послѣдними извѣстіями, набранными и напечатанными наканунѣ ночью,—особое приложеніе „Zeitgeist“, заключающее политическій, научный и литературный матеріалъ. Неудивительно поэтому, если въ редакціи числится 20 редакторовъ, которымъ поручено веденіе извѣстныхъ отдѣловъ, и значительное число сотрудниковъ.

Значительно ниже по разносторонности и распространенности, но выше по честному служенію истинѣ и преданности политическимъ принципамъ стоитъ свободомыслящая газета: „Berliner Zeitung“, основанная въ 1876 Леоп. Ульштейномъ и почти за четверть вѣка своего существованія не входившая въ сдѣлки съ совѣстью, вслѣдствіе чего газетѣ не разъ приходилось разрывать то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ своихъ политическихъ протекторовъ, постепенно уклонявшихся вправо. При

печальномъ фактѣ хамелеонства другихъ берлинскихъ газетъ, необходимо отмѣтить, что „Berliner Zeitung“ неуклонно придерживалась своего прогрессивнаго направленія и въ то время, когда Бисмаркъ сдѣлалъ въ своей экономической политикѣ рѣзкій шагъ назадъ, и когда рядъ покушеній на жизнь императора Вильгельма I внесъ смуту въ умы и послужилъ правительству поводомъ для созданія суровыхъ законовъ о соціалистахъ. Ни одной газетѣ въ ту пору не приходилось имѣть столько соприкосновенія съ государственными прокурорами, какъ именно „Berliner Zeitung“, и Фишеръ, популярный авторъ рѣзкихъ передовыхъ статей, утомленный нескончаемыми преслѣдованіями, даже оставилъ Берлинъ и переселился въ Парижъ. Въ настоящее время „Berliner Zeitung“ выходитъ 12 разъ въ недѣлю въ количествѣ до 27.000 экземпляровъ.

Съ исторіей „Фоссовой Газеты“ до памятныхъ мартовскихъ дней мы познакомились выше: 20 марта 1848 г. редакція этой газеты, боровшейся, насколько возможно было подъ ярмомъ цензуры, за тѣ идеи, осуществленіе которыхъ принесъ день 18-го марта, выпустила летучій листокъ, характерно озаглавленный: „Extra-Blatt der Freude“, а въ нумерѣ отъ 4-го апрѣля того же года писала: „Мы имѣемъ священное право считать ночь на 18-е марта великимъ актомъ искупленія. Свобода не могла быть намъ подарена: она должна была быть нами завоевана! Только въ упорной стычкѣ могло юношески одухотворенное бюргерство одержать побѣду надъ военнымъ, рѣзкимъ и высокомѣрнымъ духомъ старой Пруссіи“. Но, спустя годъ, въ нумерѣ отъ 15-го марта, та же газета писала нѣчто совершенно противоположное: „Теперь завѣса приподнята, и никто уже больше не вѣритъ въ лживые слухи и басни о томъ, будто стрѣляли въ народъ... Народъ заставили сдѣлать то, чего онъ не хотѣлъ и не думалъ сдѣлать. Такова правда о днѣ 18-го марта. Долженъ ли и можетъ ли быть отпразднованъ этотъ день? Безусловно нѣтъ и трижды нѣтъ!“

Впрочемъ, эти строки—старый, давно позабытый грѣшокъ „Фоссовой Газеты“. Нынѣ она стойко и неуклонно держится принятаго ею до 1848 г. умѣреннаго прогрессивнаго направленія и пользуется большимъ уваженіемъ. Ея дѣловитость и умѣренность, спокойный тонъ, корректность по отношенію ко всѣмъ лицамъ и ко всѣмъ вопросамъ дня, педантичность редакціи въ выборѣ матеріала,—все это отличительные признаки „Фоссовой Газеты“, за что она и получила характерные эпитеты „аристократически-либеральнаго органа“ и „тетки Фоссъ“. Газета значи-

тельно выросла за послѣднія 50 лѣтъ. До 1872 г. она выходила еще въ форматѣ quarto и до 1879 г.—только разъ въ день. Теперь газета выходитъ 12 разъ въ недѣлю, причемъ утренніе нумера ея имѣютъ иногда до 12—15 приложеній in folio, а вечерніе нумера выходятъ въ размѣрѣ до двухъ листовъ того же формата. Общее число сотрудниковъ газеты достигаетъ 500, и между ними десятки выдающихся профессоровъ, молодыхъ ученыхъ, спеціалистовъ въ различныхъ областяхъ науки, знатоковъ искусства, выдающихся политическихъ и общественныхъ дѣятелей и т. д. „Фоссова Газета“ обладаетъ и гораздо большимъ числомъ корреспондентовъ, нежели „Berliner Tageblatt“, причемъ парижскимъ корреспондентомъ газеты состоитъ знаменитый авторъ „Парадоксовъ“, Максъ Нордау. „Vossische Zeitung“, какъ и „Berliner Tageblatt“, — обѣ принадлежатъ къ числу такъ называемыхъ „Weltblätter“ и обѣ имѣютъ крупный матеріальный успѣхъ. Хотя „Vossische Zeitung“ и имѣетъ только 24.500 подписчиковъ (почти втрое меньше, нежели „Tageblatt)“, но беретъ болѣе высокую подписную плату и имѣетъ крупныхъ, дорого оплачиваемыхъ объявленій гораздо больше, нежели какая-либо изъ берлинскихъ газетъ, въ то время какъ по части мелкихъ, дешевыхъ объявленій перевѣсъ взялъ Lokal Anzeiger. Но въ то время какъ „Lokal-Anzeiger“ и „Berliner Tageblatt“ все свое преуспѣяніе поставили въ зависимость отъ умѣнья угождать вкусамъ своихъ читателей, „Vossische Zeitung“ воспитываетъ цѣлыя поколѣнія своихъ читателей, оставаясь издавна вѣрной своимъ идеаламъ.

Въ Берлинѣ издается еще одна большая прогрессивная газета—основанная 1-го апрѣля 1849 г.,—„Volkszeitung“ (Urwählerzeitung); но ее слѣдовало бы скорѣе назвать радикально-демократической. Такой характеръ газета носила съ перваго дня. 27-го марта 1853 года правительство даже запретило „Urwählerzeitung“, но уже 10-го апрѣля того же года газета возобновилась подъ названіемъ „Volkszeitung, Organ für Jedermann aus dem Volke“. Издателемъ ея былъ прославившійся впослѣдствіи депутатъ-демократъ Францъ Дункеръ, а редакторомъ — Бернштейнъ, авторъ „Естественно-исторической библіотеки для народа“ въ тридцати томахъ и „Исторіи революціи и реакціи въ Пруссіи“. Во второй разъ газета запрещена была въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ. Правительство, которому не понравились статьи „Volkszeitung“ о самоубійствѣ австрійскаго кронпринца, хотѣло примѣнить одинъ изъ параграфовъ „закона о соціалистахъ“ для подавленія ярко-демократическаго органа, но судъ нашелъ распоряженіе правительства незаконнымъ, и въ самомъ непродолжи-

тельномъ времени изданіе газеты возобновилось. Пароль ея— „улучшеніе экономическихъ условій жизни народа, достиженіе полной религіозной свободы, распространеніе въ народѣ просвѣщенія и знаній", выставленный на ея знамени въ началѣ 50-хъ годовъ, остался все тотъ же. Въ газетѣ принимаютъ постоянное участіе не только профессіональные журналисты и ученые, но и нѣкоторые ремесленники и рабочіе. Ея руководитель — бывшій депутатъ-демократъ Карлъ Фольратъ, лицо, пользующееся большимъ уваженіемъ въ берлинскомъ журнальномъ мірѣ.

Лѣвѣе демократической „Volkszeitung" стоитъ газета „Vorwärts" (со вторымъ заглавіемъ: „Berliner Volksblatt"), центральный органъ нѣмецкой соціаль-демократической партіи, располагавшей во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагѣ почти двумя милліонами голосовъ. И именно какъ центральный органъ, „Vorwärts" долженъ былъ бы быть выразителемъ мнѣній всей партіи. Но издается газета въ Берлинѣ, т.-е. въ центрѣ страны, гдѣ борьба на экономической и политической почвѣ упорнѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Германіи, гдѣ пролетаріатъ составляетъ могучую силу, съ которой считаются, гдѣ собрались, наконецъ, наиболѣе развитые элементы рабочаго класса; поэтому „Vorwärts" является выразителемъ мнѣній не столько всей массы рабочихъ, сколько передового авангарда ея. Вслѣдствіе этого происходятъ иногда столкновенія. Такъ, напр., авангардъ партіи принялъ планы аграрной реформы, но масса рабочаго населенія отклонила ихъ чуть ли не единогласно. „Vorwärts" вынужденъ иногда полемизировать съ другими соціаль-демократическими органами. Вотъ почему на соціаль-демократическихъ съѣздахъ происходитъ всегда жаркій бой изъ-за „Vorwärts"; и старому Либкнехту, главному редактору газеты, приходится выслушивать столько нападокъ на редакцію газеты и самыхъ разнорѣчивыхъ требованій отъ нея. Другой недостатокъ „Vorwärts", мѣшающій его развитію и распространенности,—тотъ, что газета должна выполнять одновременно двѣ разныя задачи: быть одновременно и центральнымъ органомъ, и берлинской мѣстной газетой. Въ то время какъ чуть ли не въ каждомъ крупнѣйшемъ городѣ Германіи имѣется мѣстная соціаль-демократическая газета, берлинскіе рабочіе подобной газеты не имѣютъ. Съ другой стороны, газета не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней, какъ къ центральному органу многомилліонной партіи, ибо газета вынуждена считаться съ интересами своихъ мѣстныхъ читателей, да и выходитъ только одинъ разъ въ день. При всемъ томъ „Vorwärts" имѣетъ почти 50.000 подписчиковъ (цѣна—одна марка въ мѣ-

сяцъ), и эта цифра является лучшимъ показателемъ культурности берлинскаго рабочаго населенія. Популярность газеты весьма велика. Столь же велико вліяніе ея на берлинскихъ рабочихъ, въ то время какъ внѣ столицы Германіи „Vorwärts“ мало распространенъ. Что касается политическаго значенія „Vorwärts“'а, то уже не одинъ опубликованный этой газетой тайный правительственный циркуляръ (печатаніе тайныхъ циркуляровъ и распоряженій составляетъ даже спеціальность газеты) вызывалъ не только страстную газетную полемику, но и продолжительные дебаты въ рейхстагѣ. Какъ увѣряютъ, императоръ ежедневно прочитываетъ передовую статью, напечатанную въ центральномъ органѣ нѣмецкихъ соціаль-демократовъ.

Есть въ Берлинѣ газета еще радикальнѣе „Vorwärts“'а, органъ той незначительной партіи, которая, еслибы она признавала цѣлесообразность народнаго представительства, заняла бы въ рейхстагѣ мѣсто еще лѣвѣе соціаль-демократовъ. Это— маленькій анархистскій листокъ „Der Socialist“, съ которымъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ безуспѣшно борются берлинская полиція и государственные прокуроры, добиваясь искусственными, косвенными мѣрами прекращенія изданія его. Къ подобнымъ мѣрамъ этимъ представителямъ государственной власти приходится прибѣгать потому, что § 4 имперскихъ законовъ о печати гласитъ: „право самостоятельнаго изданія и распространенія печатныхъ органовъ не можетъ быть отнято ни у кого ни административнымъ путемъ, ни въ судебномъ порядкѣ“. Но въ § 8 тѣхъ же законовъ сказано, что отвѣтственнымъ редакторомъ періодическаго изданія можетъ быть лишь то лицо, которое не лишено по суду гражданскихъ правъ, а въ § 21 говорится: „къ отвѣтственности за проступки путемъ періодической печати могутъ быть привлечены, кромѣ редактора, еще и издатель, и владѣлецъ типографіи“. Благодаря этому, правительство можетъ добиться путемъ безпрестанныхъ судебныхъ преслѣдованій прекращенія какой-нибудь маленькой и небогатой газетки, но редакція большой газеты всегда найдетъ себѣ новаго издателя или отвѣтственнаго редактора, тѣмъ болѣе, что утвержденія правительства въ данномъ случаѣ не требуется, какъ не требуется и особаго разрѣшенія для основанія новаго періодическаго изданія. Правительство, въ лицѣ государственнаго прокурора, имѣетъ право привлеченія отвѣтственнаго редактора къ суду и конфискаціи экземпляровъ газеты, но распорядиться объ отобраніи у владѣльцевъ экземпляровъ того или иного нумера изданія безъ предварительнаго рѣшенія суда прокуроръ

имѣетъ право лишь въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, данный нумеръ не снабженъ подписью и указаніемъ мѣста жительства отвѣтственнаго редактора, издателя и владѣльца типографіи; во-вторыхъ, если въ данномъ нумерѣ напечатано сообщеніе о передвиженіяхъ войскъ и средствахъ обороны, послѣ того какъ имперскій канцлеръ, въ виду опасности, сопряженной съ подобнаго рода публикаціями до начала и во время войны, уже воспретилъ, на основаніи даннаго ему закономъ права, печатаніе въ періодическихъ изданіяхъ подобныхъ свѣдѣній; и, въ-третьихъ, если въ данномъ нумерѣ заключается оскорбленіе императора, короля или мѣстнаго потентата, публичный призывъ къ государственной измѣнѣ, возбужденіе различныхъ классовъ населенія къ насилію одного класса надъ другимъ и т. п. Уничтожены же могутъ быть конфискованные экземпляры только по постановленію суда, къ которому прокуроръ обязанъ въ подобныхъ случаяхъ обратиться въ теченіе 24 часовъ. Если судъ находитъ конфискацію экземпляровъ незаконной, правительство не имѣетъ права апеллировать къ высшему суду и обязано немедленно возвратить всѣ отнятые экземпляры или конфискованный типографскій наборъ. Постановленіе суда также должно состояться въ теченіе 24 часовъ. Конфискація, судомъ уже утвержденная, теряетъ, однако, свою силу, если государственный прокуроръ въ теченіе двухъ недѣль не началъ судебнаго процесса противъ отвѣтственнаго редактора или издателя конфискованнаго періодическаго изданія. Подобные процессы могутъ быть начаты не только правительствомъ, но и различными общественными учрежденіями и частными лицами, если таковыя считаютъ себя оскорбленными той или другою газетной статьей. Для защиты интересовъ этихъ учрежденій и лицъ имѣется еще всѣмъ газетамъ столь ненавистный § 11: редакторъ періодическаго изданія обязанъ принять и напечатать заявленіе, содержащее въ себѣ поправки къ сообщеннымъ газетой фактамъ, если таковое ограничивается фактическими данными и снабжено полной подписью частнаго лица или уполномоченнаго представителя общественнаго учрежденія. Наконецъ, періодическимъ изданіямъ воспрещено печатаніе обвинительныхъ актовъ до начала и во время судебнаго разбирательства...

М. Сукенниковъ.

Берлинъ.

ИЗЪ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ДРЕВНЯГО РИМА

— И. М. Гревсъ: Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія (преимущественно во время имперіи). Т. I. Спб. 1899.

— М. И. Ростовцевъ: Исторія государственнаго откупа въ римской имперіи. Спб. 1899.

I.

Экономическая исторія древняго міра даже и въ западной наукѣ сравнительно туго разработывается—что и неудивительно, если присмотрѣться къ тѣмъ разнообразнымъ трудностямъ, съ которыми приходится бороться при всякой мало-мальски производительной работѣ въ этой области. Прежде всего, матеріалы, долженствующіе служить эмпирической основой для нашихъ заключеній, дошли до насъ въ очень разрозненномъ видѣ: это не то, что политическая исторія, для которой у насъ имѣются связныя, объемистыя изложенія первоклассныхъ писателей—матеріалы экономической исторіи разбросаны повсюду среди дошедшихъ до насъ памятниковъ древней культуры, не имѣя центра, или центровъ, вокругъ которыхъ они могли бы естественнымъ образомъ группироваться. Разбросанность эта столь велика, что изслѣдователю было бы трудно сказать a priori о какомъ бы то ни было памятникѣ, что онъ ему никакой пользы не принесетъ и поэтому можетъ безнаказанно быть оставленъ въ сторонѣ: самыя отдаленныя на первый взглядъ литературныя произведенія—философскій трактатъ, лирическое стихотвореніе, отрывокъ изъ

трагедіи, мало того—любой вещественный памятникъ, обломокъ надписи, барельефъ, монета, глиняный черепокъ могутъ дать историку экономической жизни древняго міра либо прямое свидѣтельство, либо косвенную улику по интересующимъ его вопросамъ. Вторая трудность заключается въ томъ, что плодотворная работа по собраннымъ и изученнымъ матеріаламъ совершенно выводитъ изслѣдователя изъ той области, въ которой онъ до тѣхъ поръ вращался: изъ филолога-классика онъ долженъ превратиться въ экономиста, если не желаетъ подвергаться риску опрометчивыхъ, а то и прямо наивныхъ выводовъ. Въ этомъ, положимъ, съ принципіальной точки зрѣнія ничего новаго и особеннаго не заключается: образовательное значеніе классической филологіи обусловливается въ значительной мѣрѣ именно тѣмъ, что она на каждомъ шагу заставляетъ своихъ адептовъ искать помощи въ другихъ наукахъ, знакомя ихъ этимъ съ планомъ и образчиками всего громаднаго научнаго зданія; эпитетъ „несамодовлѣющей науки", которымъ ее честятъ ея противники, оно можетъ поэтому принять, и принять съ гордостью. Нѣтъ: новое и особенное въ положеніи того изслѣдователя, о которомъ мы говоримъ, заключается въ томъ, что въ науки-помощницы онъ долженъ просить именно политическую экономію, а эта наука, будучи сама по себѣ очень важной, плодотворной и почтенной, въ настоящее время имѣетъ несчастье пользоваться особымъ расположеніемъ публики. Будучи, такимъ образомъ, баловнемъ общественнаго мнѣнія, она не избѣгла обычной участи балованныхъ дѣтей: стала капризной, сварливой и упрямой, столь же нетерпѣливой въ рѣшеніи несозрѣвшихъ еще вопросовъ, сколько нетерпимой къ тѣмъ, кто ихъ рѣшаетъ иначе. Благодаря этому, а также и множеству непризванныхъ, соблазнившихся удобнымъ случаемъ распустить свой парусъ по вѣтру,—политико-экономическая наука представляетъ для не-спеціалиста, нуждающагося въ ея помощи, особенно неблагопріятныя условія: онъ встрѣчаетъ, вмѣсто единой—по крайней мѣрѣ въ своихъ основныхъ понятіяхъ—науки, нѣсколько рѣзко обособленныхъ и воюющихъ другъ съ другомъ направленій, по всему гораздо болѣе напоминающихъ вѣроисповѣданія, чѣмъ научныя системы.

И все-таки приходится идти на встрѣчу всѣмъ этимъ трудностямъ; приходится потому, что указанныхъ вопросовъ въ настоящее время уже никоимъ образомъ обойти нельзя. Не можетъ ихъ обойти, прежде всего, классическая филологія въ широкомъ и единственно правильномъ значеніи этого слова: мы рискуемъ оставить невыясненными очень большое число явленій античной

жизни, если не обнаружимъ этой столь важной и центральной ея пружины. Не можетъ ихъ обойти, затѣмъ, и политическая экономія; какъ ни какъ, а историзмъ, проникающій всѣ эмпирическія науки въ нашу эпоху, не исключая и естественныхъ, не могъ не оказать своего вліянія и на нее. И она, въ своемъ стремленіи объяснить и оцѣнить экономическіе институты и явленія, должна поставить вопросъ о ихъ происхожденіи и развитіи; а этотъ вопросъ неминуемо заводитъ ее въ античную эпоху. И вотъ мы видимъ, какъ экономисты и соціологи, одни съ полной любознательностью, другіе скрѣпя сердце и какъ-то свысока берутся за выясненіе экономическаго и соціальнаго строя античныхъ народовъ, но, не будучи въ состояніи разобраться въ получаемыхъ изъ третьихъ и десятыхъ рукъ матеріалахъ, представляютъ его не какимъ онъ былъ или могъ бы быть, а какимъ ему слѣдуетъ быть въ угоду какой-нибудь излюбленной формулѣ; читаетъ ихъ сочиненія филологъ—и руками разводитъ, встрѣчая въ нихъ утвержденіе, будто античная культура была вся построена на рабствѣ, будто въ древности любовь дѣтей къ родителямъ была неизвѣстна, и т. п.

Въ виду всѣхъ указанныхъ условій, появленіе всякаго серьезнаго и самостоятельнаго изслѣдованія, посвященнаго экономической жизни древняго міра, должно быть признано особенно отраднымъ въ интересахъ и историческихъ и политическихъ наукъ; истекшій же 1899 годъ подарилъ намъ, и спеціально русской наукѣ, два крупныхъ труда по этому предмету, настолько солидныхъ, что они несомнѣнно обратятъ (и отчасти уже обратили) на себя вниманіе западной науки, хотя они и написаны на „недоступномъ“ языкѣ. Это—тѣ двѣ диссертаціи, заглавія которыхъ выписаны въ заглавіи настоящей статьи. Обѣ были напечатаны въ „Запискахъ ист.-филол. факультета с.-петербургскаго университета“, первая въ качествѣ 53, вторая—51 тома; обѣ были представлены въ тотъ же факультетъ на соисканіе ученой степени; обѣ имѣютъ авторами лицъ, не безъизвѣстныхъ учащейся молодежи обоего пола въ С.-Петербургѣ. Все-же было бы неправильно усматривать здѣсь вліяніе какой-нибудь „с.-петербургской школы“: авторы не имѣли общей точки отправленія, будучи одинъ—историкомъ, а другой—филологомъ, и только случайность или, говоря правильнѣе, естественный и самостоятельный планъ занятій того и другого заставилъ ихъ встрѣтиться въ этой области экономической жизни древняго міра.

Тѣмъ не менѣе, оба труда при рѣзкомъ, коренномъ различіи въ прочемъ представляютъ и общія черты, обусловливаемыя не

столько одинаковыми требованіями предмета, сколько индивидуальными особенностями обоихъ авторовъ; и будетъ, полагаемъ, не безполезно, прежде чѣмъ перейти къ содержанію каждой изъ обѣихъ работъ, охарактеризировать ихъ вмѣстѣ, оттѣняя одну при помощи другой. Обѣимъ свойственна, прежде всего, широкая и солидная эрудиція, достаточно свидѣтельствующая о добросовѣстности, съ которой оба автора взялись за исполненіе своихъ задачъ; но характеръ этой эрудиціи въ обѣихъ очень неодинаковъ—какъ это показываетъ уже бѣглый взглядъ, брошенный на ученый аппаратъ цитатъ и ссылокъ въ каждой изъ нихъ. Я говорю здѣсь не о томъ, что источникъ И. М. Гревса—преимущественно литературныя свидѣтельства, источники М. И. Ростовцева—преимущественно папирусы, надписи, монеты, черепки и пломбы; это различіе стоитъ въ зависимости отъ требованій темъ, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что въ слѣдующихъ томахъ обширнаго труда И. М. Гревса оно утратитъ свою рѣзкость. Нѣтъ, гораздо характернѣе для обоихъ авторовъ ихъ отношеніе къ новѣйшей литературѣ по ихъ предмету. Обоимъ она превосходно извѣстна; но М. И. Ростовцевъ занимается ею лишь по мѣрѣ надобности, охотнѣе всего прямо отсылая читателя къ тѣмъ изслѣдованіямъ, въ которыхъ данная деталь вопроса достаточно разработана, и обсуждая лишь тѣ, которыя прямо становятся, можно сказать, между нимъ и его темой; И. М. Гревса, напротивъ, спеціально интересуетъ, на ряду съ самимъ вопросомъ, и его разработка въ новѣйшей литературѣ, которой онъ удѣляетъ, поэтому, не мало мѣста въ своемъ трудѣ, не только во вступительныхъ частяхъ, довольно пространныхъ, но и поминутно, при обсужденіи той или другой стороны своихъ темъ. Въ связи съ этимъ различіемъ стоитъ и другое. Отношеніе М. И. Ростовцева къ другимъ ученымъ—чисто дѣловое; они его интересуютъ лишь насколько они высказали то или другое мнѣніе, изслѣдовали ту или другую сторону даннаго вопроса; одинъ ихъ результатъ принимается, другой отвергается, сухо, кратко, безстрастно—даже тамъ, гдѣ личное отношеніе автора къ данному результату, насколько можно догадываться, вовсе не было безстрастнымъ. Совершенно иное замѣчаемъ мы у И. М. Гревса; онъ видитъ въ своихъ предшественникахъ какъ бы товарищей, его отношеніе къ нимъ обыкновенно бываетъ окрашено большей или меньшей долей субъективизма, но субъективизма мягкаго, ласковаго, участливаго... по-французски мы бы сказали: aimable. Исключенія крайне рѣдки; да врядъ ли они и есть, если не считать одного—увы, тоже с.-петербургскаго ученаго, дошедшаго въ своей конструкціонной

маніи до отчаяннаго утвержденія, что римляне презирали земледѣліе.

Общей обоимъ изслѣдованіямъ чертой является, далѣе, живой интересъ обоихъ авторовъ къ современной дѣйствительности; они не принадлежатъ къ тѣмъ ученымъ, которые, разъ погрузившись въ изученіе отдаленной эпохи прошлаго, совершенно забываютъ объ ея отношеніи къ современности и о томъ, что именно это отношеніе и должно служить мѣриломъ цѣнности для насъ данной эпохи, а стало быть, и цѣнности ихъ трудовъ о ней. Но, стараясь по мѣрѣ возможности утилизировать прошлое для современности, они, и наоборотъ, стремятся и привлекать современность къ выясненію загадокъ прошлаго. Чтобы судить о размѣрахъ земельной собственности Горація, И. М. Гревсъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить и мѣстность, гдѣ она была расположена; посѣщеніе это доставило ему, прежде всего, эстетическое наслажденіе, о которомъ онъ, при своей участливости, — о чемъ рѣчь была выше,—тоже разсказываетъ своимъ читателямъ (стр. 85, пр. 2). „Окружающая милая и изящная природа настраивала чувство особеннымъ образомъ; мысль, уже направленная въ далекое прошлое, изощряла вниманіе, и чуткость его будилась еще сильнѣе отъ сознанія, что идешь по дорогѣ, которую такъ хорошо зналъ Горацій, и по которой такъ часто ѣздили къ нему его друзья". Но главное, разумѣется, не эта эстетическая сторона (которая, спѣшу прибавить, нигдѣ не выдвигается на первый планъ), а тѣ положительныя данныя, которыя авторъ, гуляя по холмамъ долины Дигенціи, извлекъ для своей темы, какъ весьма желательное дополненіе къ заимствованнымъ у самого поэта уликамъ, для выясненія возможныхъ размѣровъ и ландшафтнаго характера принадлежавшей ему нѣкогда собственности. Точно также онъ, чтобы составить себѣ представленіе о возможномъ имущественномъ положеніи мелкихъ хозяевъ этой мѣстности въ эпоху Горація, навелъ справки у теперешнихъ ея жителей (стр. 179). Такія свѣдѣнія, хотя и не рѣшаютъ вопроса, все же указываютъ путь къ возможному его рѣшенію. Равнымъ образомъ и М. И. Ростовцевъ, изъѣздившій значительную часть громадной территоріи, бывшей нѣкогда подвластной римлянамъ, зорко присматривался къ тѣмъ явленіямъ, которыя могли служить иллюстраціями къ извлеченнымъ имъ изъ памятниковъ законамъ. Такъ онъ провелъ двое сутокъ въ развалинахъ древней Ammaedara въ Тунисѣ: „ничто,—пишетъ онъ объ этомъ своемъ пребываніи (стр. 90),—не можетъ такъ хорошо иллюстрировать римское таможенное дѣло, какъ ходъ сбора пошлинъ на боль-

шихъ дорогахъ, ведущихъ изъ Туниса въ Алжиръ. Караваны верблюдовъ, останавливающіеся у бюро таможни, соглашеніе— почти всегда быстрое и безъ споровъ—о высотѣ стоимости товара, патрули пограничной стражи, которая часто завѣдуетъ и сборомъ—все это лучше всякихъ текстовъ даетъ представленіе о жизни римской statio съ ея виликами и бенефиціаріями". Положимъ, такихъ прямыхъ параллелей изъ дѣйствительности у обоихъ авторовъ немного, но *чувство* дѣйствительности, если можно такъ выразиться, проходитъ черезъ ихъ труды во всемъ ихъ объемѣ, вселяя въ читателѣ пріятное убѣжденіе въ надежности его проводниковъ по этимъ труднымъ и темнымъ областямъ знанія.

Пропуская другія, менѣе важныя и интересныя черты, коснемся напослѣдокъ манеры изложенія того и другого автора; тутъ уже врядъ ли можетъ быть рѣчь о сходствѣ—различія такъ и бросаются въ глаза. И. М. Гревсъ пишетъ очень обстоятельно; на 600 слишкомъ страницахъ своего „перваго тома" онъ представилъ намъ только два изъ пяти очерковъ, которые разсчитываетъ обработать въ своемъ трудѣ, между тѣмъ какъ онъ легко умѣстилъ бы всѣ пять при болѣе сжатой формѣ изложенія; происходитъ это потому, что онъ любитъ разсматривать вопросы, съ которыми онъ встрѣчается, со всѣхъ сторонъ, все равно, имѣетъ ли онъ сказать о нихъ что-нибудь новое, или же долженъ ограничиться пересказомъ развитыхъ уже другими мнѣній. И это касается не только тѣхъ вопросовъ, которые лежатъ прямо на его пути, какъ историка римскаго землевладѣнія: избравъ, вмѣсто строго историческаго повѣствованія и изслѣдованія, вольную форму „очерковъ", онъ любитъ округлять ихъ, такъ сказать, прибавленіемъ къ нимъ смежныхъ сторонъ, вслѣдствіе чего каждая картина, какъ таковая, выигрываетъ, но связная нить изложенія нерѣдко теряется. Сюда же относится и затронутый уже выше субъективизмъ: авторъ интересуется не только вопросомъ, но и своимъ къ нему отношеніемъ, подробно и всесторонне его оговаривая, гдѣ это только возможно. Зато его построеніе каждаго отдѣльнаго очерка безукоризненно, его стиль легокъ, плавенъ и изященъ, и если бы не маленькіе недосмотры, въ родѣ допущеннаго на стр. 51, гдѣ у него „*планъ* изображенія даннаго явленія выростаетъ своими корнями изъ различныхъ слоевъ почвы и объединяется въ одинъ *стволъ* со стройно распредѣленными *вѣтвями*"; или стр. 497, гдѣ „цѣлая *цѣпь* возраженій" мѣшаетъ историку „наложить, такъ сказать, *сѣть* понятій, характеризующихъ первое звено (данной) классификаціи, на всю исторію Рима"—

то и придраться было бы не къ чему. У М. И. Ростовцева не то. Онъ прямо шествуетъ къ своей цѣли, не останавливаясь на пути и не отвлекаясь въ сторону; онъ не только не обсуждаетъ смежныхъ вопросовъ, но не стѣсняется пропускать и важныя стороны коренныхъ, коль скоро онѣ достаточно обработаны другими. Въ композиціонномъ и стилистическомъ отношеніи онъ не столько небреженъ, сколько беззаботенъ; каждое положеніе достаточно обосновано, только не вездѣ эти основанія легко обозримы; авторъ писалъ со своей точки зрѣнія, мало заботясь о точкѣ зрѣнія читателя. Деревообразныхъ плановъ и сѣтчатыхъ звеньевъ у него нѣтъ, но скорѣе всего потому, что онъ вообще метафоръ, равно какъ и прочихъ изяществъ стиля, не любитъ; онъ выражается трезво и дѣловито, пользуясь первыми встрѣчными словами, нерѣдко путаясь въ лабиринтѣ придаточныхъ предложеній и выше всего, повидимому, ставя сжатость, дозволяющую возможно больше матеріала умѣстить на возможно меньшемъ числѣ страницъ. Въ результатѣ вышло, что книга М. И. Ростовцева при 280 страницахъ содержательнѣе, чѣмъ вдвое болѣе объемистая книга И. М. Гревса; но послѣднюю, несмотря на ея гораздо болѣе значительный объемъ, гораздо легче и скорѣе можно прочесть, чѣмъ первую; и если на манерѣ М. И. Ростовцева отразилось извѣстное гораціево brevis esse laboro—obscurus fio, то при чтеніи И. М. Гревса нерѣдко вспоминается второй членъ антитезы: sectantem levia nervi deficiunt.

Пора, однако, обстоятельнѣе заняться содержаніемъ обѣихъ книгъ и представить читателю достигнутые ихъ авторами результаты. Въ спеціальную критику, невозможную безъ приведенія и обсужденія текстовъ, я здѣсь вдаваться не намѣренъ, предполагая отвести ей надлежащее мѣсто въ спеціальномъ филологическомъ органѣ; цѣль настоящаго очерка — изобразить въ надлежащемъ освѣщеніи то положительное, которое внесено обоими авторами въ науку, причемъ я предоставляю себѣ дополнить, гдѣ это понадобится, то, что ими упущено, свое же несогласіе лишь вкратцѣ отмѣчать, не входя въ подробную его мотивировку.

II.

Имѣетъ ли вопросъ о римскомъ землевладѣніи частный, или общій интересъ? Другими словами: составляетъ ли онъ исключительное достояніе тѣхъ, кто посвятилъ свою рабочую силу

изученію древняго міра, или же онъ важенъ и для изслѣдователя судебъ новыхъ народовъ?

При правильномъ взглядѣ на античность, отвѣтъ не можетъ быть спорнымъ. Разъ мы убѣдились въ томъ, что античность была и родительницей культуры современнаго человѣчества, и ея воспитательницей за весь періодъ ея развитія, то нѣтъ и не можетъ быть ни одного болѣе или менѣе крупнаго вопроса въ области античной цивилизаціи, который былъ бы лишенъ интереса для историка новыхъ народовъ. Но это общее, апріорное соображеніе не устраняетъ желательности, чтобы въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ непосредственность интереса была доказана путемъ по возможности конкретныхъ, осязательныхъ данныхъ, и авторъ первой изъ выше поименованныхъ диссертацій, И. М. Гревсъ, поступилъ вполнѣ правильно, представляя эти данныя на судъ своихъ читателей. Было время, дѣйствительно, когда историкъ новыхъ народовъ, изслѣдуя вопросъ о происхожденіи западно-европейскаго феодальнаго землевладѣнія, могъ съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ правомъ оставлять въ сторонѣ пережитки римской экономической жизни; это было то время, когда этотъ вопросъ разрѣшался въ смыслѣ такъ называемыхъ германистовъ (Вайтца и др.). Но вотъ явился Фюстель де-Куланжъ, и противопоставилъ германистической теоріи свою, такъ называемую нео-романистическую; съ нею и римское землевладѣніе, какъ основаніе феодальнаго, получило для историковъ средневѣковья рѣшающее значеніе. Правда, эта теорія еще не можетъ считать себя господствующею; пока она только успѣшно конкуррируетъ съ германистическою, и еще нельзя предсказать, кому достанется побѣда. Но именно поэтому желательно, чтобы обѣ противницы пустили въ ходъ всѣ свои силы; а такъ какъ нео-романистическая теорія выводитъ феодальное землевладѣніе изъ землевладѣнія римскаго, то ея представители—а съ ними и мы—должны желать, чтобы римское землевладѣніе нашло наконецъ своего историка.

Таковымъ и обѣщаетъ явиться И. М. Гревсъ—но только не въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи. „Исторія римскаго землевладѣнія"—дѣло будущаго; пока же намъ представлена подготовительная работа въ видѣ „очерковъ", общія свойства которыхъ охарактеризованы выше. И вотъ картина, которая остается въ умѣ вдумчиваго читателя послѣ внимательнаго чтенія этихъ очерковъ, картина, пріуроченная къ тому времени, когда отшумѣли тревоги республиканскаго Рима и упроченный принципатъ сталъ лить елей римскаго мира—pax Romana—на утихающія волны всенародной войны.

Прежде всего мы будемъ искать глазами единственнаго залога земледѣльческаго преуспѣянія страны—будемъ искать *мелкой крестьянской собственности*; но именно ея мы, въ Италіи по крайней мѣрѣ, почти что не найдемъ. „Тонъ Горація, когда онъ говоритъ о крестьянствѣ, часто таковъ, будто рѣчь идетъ о далекомъ преданіи, о забывающемся признакѣ добраго стараго времени“ (стр. 180); въ самомъ дѣлѣ, какъ знаменательно одно начало общеизвѣстнаго стихотворенія: „Beatus ille... “(пер. Фета)!

Блаженъ, кто вдалекѣ отъ всѣхъ житейскихъ золъ,
Какъ родъ людей первоначальный,
На собственныхъ волахъ отцовскій пашетъ долъ,
Не зная алчности печальной...

Очевидно, типъ крестьянина, воздѣлывающаго собственный клочокъ земли, принадлежитъ уже къ „уходящимъ типамъ“; но что же заставляетъ его уходить? Куда онъ уходитъ? И что же водворяется на покинутомъ имъ мѣстѣ?

Что его заставляетъ уходить? Рядъ неблагопріятныхъ для его существованія условій, явившихся послѣдствіемъ внутренней и внѣшней политики Рима. Съ одной стороны, римскій крестьянинъ, какъ ни гордился онъ своимъ римскимъ гражданствомъ, этимъ безсмертнымъ civis Romanus sum,—могъ ощущать выгоды своего привилегированнаго положенія только въ самомъ городѣ Римѣ; здѣсь была трибунская власть, дѣйствительность которой не простиралась на италійскую деревню; здѣсь происходили народныя собранія, на которыхъ бѣднякъ получалъ случай воспользоваться своимъ правомъ голоса, а въ случаѣ надобности—его продать; здѣсь ему давались роскошныя представленія въ циркѣ, въ амфитеатрѣ, въ театрѣ; здѣсь его зачастую угощали даровымъ обѣдомъ по случаю смерти какого-нибудь вельможи; здѣсь наконецъ—и это было, пожалуй, главное—производилась дешевая продажа, а то и даровая раздача хлѣба римской бѣднотѣ. Тамъ, напротивъ, онъ былъ безпомощнымъ кліентомъ своего богатаго и могущественнаго сосѣда: сначала непосильная борьба на экономической почвѣ, въ которой всѣ выгоды были на сторонѣ эксплуатировавшаго даровой рабскій трудъ капиталиста, затѣмъ—задолжалость, а съ ней и полная экономическая зависимость, наконецъ—уходъ. Къ такому сосѣду-насильнику обращается Горацій въ одной изъ своихъ гражданскихъ одъ (II, 18, пер. Фета):

...ты дерзко отодвинулъ
Полей сосѣднихъ вѣковую грань.
Скупецъ! за чуждыми межами

Ты властелинъ, и выгнаны изъ хатъ,
Жена и мужъ несутъ съ богами
За пазухой непризрѣнныхъ ребятъ.

Такъ-то великое море столичнаго пролетаріата принимало обезземеленнаго крестьянина; а здѣсь для него начиналась новая жизнь—нищенская, правда, но для многихъ заманчивая своей праздностью, своими приключеніями, своимъ мишурнымъ блескомъ. А впрочемъ—былъ и другой исходъ. Со времени реформы Марія, упразднившаго воинскій цензъ, бѣднякамъ была открыта военная служба: тутъ вчерашняго пролетарія кормило и одѣвало государство, а въ случаѣ войны, которая была обычнымъ явленіемъ, ему виднѣлись въ близкой перспективѣ—разгулъ и добыча, въ болѣе отдаленной—тріумфальные подарки, а на горизонтѣ—надѣлъ въ колоніи ветерановъ. Такъ-то нашъ пролетарій послѣ долгаго времени возвращался къ матери-Землѣ; но было ли пріятно матери-Землѣ возвращеніе этого блуднаго сына, потерявшаго и навыкъ, и охоту къ труду? и каково было прежнимъ собственникамъ, мелкимъ крестьянамъ, которыхъ выселяли для того, чтобы очистить мѣсто пришельцамъ? А въ этомъ—главная суть: военныя колоніи сдѣлались вторымъ источникомъ обезземеленія крестьянства. Вергилій сохранилъ намъ трогательныя картины такого процесса въ своихъ „пастушескихъ“ стихотвореніяхъ:

Ты, о Титиръ, отдыхая, подъ сѣнью вѣтвистаго дуба
Шепоту чащи лѣсной на излюбленной вторишь свирѣли;
Мы покидаемъ родную страну и поля дорогія,
Мы изъ отчизны бѣжимъ... (I, 1 сл.).

Вотъ до чего, мой Ликидъ, мы дожили; пришлый хозяинъ—
Кто-бъ это могъ ожидать!—появился на нашихъ надѣлахъ;
„Все это“, молвитъ, „мое; выбирайтесь скорѣе, крестьяне!“

Мы же отсюда уйдемъ: кто въ Африки знойной пустыни,
Въ Скиѳскія степи другіе, къ волнамъ безпредѣльнаго Окса,
Кто на окраину міра, къ туманамъ Британіи дальней.
О, доведется ли мнѣ, послѣ долгаго срока разлуки,
Вновь васъ увидѣть, родныя поля, вновь хижины бѣдной
Дерномъ покрытую кровлю? И сердце въ печали сожмется,
Жалкіе видя колосья на нивѣ моей благодатной!
Да: равнодушный солдатъ той тучною пашней владѣетъ,
Варваръ владѣетъ посѣвомъ; вотъ братоубійственной распри
Плодъ, о несчастные! вотъ для кого вы засѣяли нивы! (I, 65 сл.).

Такъ-то земля переходила изъ рукъ крестьянина въ руки отставного солдата; ясно, что это рѣдко представляло выгоду для нея, въ громадномъ же большинствѣ случаевъ—потерю. Но

это было лишь первымъ шагомъ по наклонной плоскости; второй обыкновенно за нимъ слѣдовалъ. Отбившійся отъ земли солдатъ рѣдко оказывался въ состояніи поправить свои отношенія къ ней; еще хорошо, если онъ сдавалъ свой участокъ въ аренду прежнему владѣльцу-крестьянину (причемъ возникало фермерство,—о чемъ ниже); обычная же участь попавшей въ руки пришельца земли была та, что она рано или поздно была присоединяема къ крупной земельной собственности ближайшаго вельможи. Правда, колоніальные законы это запрещали: по праву, участки колонистовъ были неотчуждаемы. Но мы знаемъ, что эти законы обходились: Цицеронъ, предостерегая своихъ согражданъ отъ такой колоніальной затѣи въ „счастливой Кампаніи“, для осуществленія которой была намѣчена особая коллегія „децемвировъ“, высказываетъ эту мысль совершенно ясно. „Да, квириты,—говоритъ онъ,—эту Кампанскую область, которой они васъ раззадориваютъ—ее они облюбовали для себя самихъ; они выведутъ въ нее своихъ людей, подъ именемъ которыхъ они будутъ ею владѣть и пользоваться сами, а затѣмъ они и скупятъ земли въ свою частную собственность, образуя изъ этихъ надѣловъ, по 10 югеровъ каждый, одно сплошное имѣніе.— „Нашъ законъ этого не дозволяетъ“, скажутъ они.—А законъ Суллы развѣ дозволялъ? Однако мы видимъ, что, напр., Пренестинская область (нын. Palestrina) находится нынѣ во владѣніи немногихъ лицъ!“ (вторая аграрная рѣчь, 78).

Такимъ образомъ, на мѣстѣ мелкой крестьянской собственности появлялась крупная барская *латифундія*; этимъ данъ отвѣтъ на послѣдній изъ вышепоставленныхъ трехъ вопросовъ. Но прежде чѣмъ говорить о латифундіи, слѣдуетъ коснуться двухъ посредствующихъ формъ землевладѣнія, имѣющихъ своимъ источникомъ именно ее: это, во-первыхъ, мелкое и среднее кліентское землевладѣніе, а во-вторыхъ—фермерство.

Кліентское землевладѣніе имѣетъ своимъ правовымъ основаніемъ то нѣсколько стѣсненное положеніе, въ которомъ находился кліентъ по отношенію къ своему патрону. Начиналось дѣло съ того, что патронъ дарилъ кліенту имѣніе изъ своей латифундіи; такое имѣніе въ теченіе нѣкотораго времени составляло такъ называемое прекарное владѣніе кліента, т.-е могло быть потребовано патрономъ обратно. Въ такомъ положеніи былъ Горацій, когда Меценатъ подарилъ ему имѣніе въ Сабинскихъ горахъ: онъ чувствовалъ себя неполнымъ его хозяиномъ; его молитва Меркурію состояла въ томъ, чтобы оно стало его собственностью—ut propria haec mihi munera faxis. Наконецъ, же-

ланный срокъ давности наступалъ; „прекарный“ владѣлецъ становился собственникомъ; было ли это право собственности неограниченнымъ? Можемъ ли мы признать за кліентской собственностью пожизненность, произвольную отчуждаемость и наслѣдственность? Повидимому, придется допустить сильныя оговорки во всѣхъ трехъ отношеніяхъ; но мы не можемъ сказать, обычай ли ихъ требовалъ, или право. Горацій всю жизнь оставался собственникомъ своего Sabinum—но, быть можетъ, потому только, что и Меценатъ всю жизнь оставался богачомъ; еслибы онъ разорился, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что и имѣніе его кліента пошло бы съ молотка. Горацій никому не продавалъ своей земли —но, быть можетъ, потому только, что онъ страстно ее любилъ; еслибы онъ пожелалъ ее продать, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что для этого потребовалось бы спеціальное разрѣшеніе Мецената. Горацій, наконецъ, завѣщалъ свое имѣніе Августу, ставшему послѣ смерти Мецената его патрономъ—но, быть можетъ, потому только, что у него не было дѣтей; еслибы таковыя у него были, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что они не могли бы унаслѣдовать его собственность безъ соизволенія патрона.

Была ли рада мать-земля этимъ новымъ питомцамъ? Всякое бывало. Спеціально противъ Горація она врядъ-ли могла что-либо имѣть: хотя его любовь къ ней была гораздо болѣе нравственно-эстетическаго, чѣмъ агрономическаго характера и не была лишена нѣкотораго, очень сердечнаго, впрочемъ, сентиментализма (вспомнимъ его прелестное: „o rus, quand ego te aspiciam“, и т. д.)—все же онъ былъ ей привязаннымъ, почтительнымъ и заботливымъ сыномъ. Не всѣ были, однако, таковыми, и этотъ самый Горацій сохранилъ намъ живой портретъ новоиспеченнаго землевладѣльца совершенно другого пошиба, Вольтея Мены, который, послѣ ряда земледѣльческихъ неудачъ, бѣжитъ въ отчаяніи къ своему патрону, съ просьбой освободить его отъ непосильной ноши. Конечно, тутъ важны были бы статистическія данныя, которыхъ у насъ нѣтъ; все же намъ не вѣрится, чтобы кліентское землевладѣніе могло сыграть выдающуюся роль въ дѣлѣ экономическаго оздоровленія Италіи.

Скорѣе годился для этой роли второй типъ исходящей отъ латифундіи осѣдлости — фермерство. Портретъ такого фермера сохраненъ намъ опять-таки Гораціемъ; это—Офеллъ, апулійскій крестьянинъ, нѣкогда собственникъ, теперь—въ силу описанныхъ условій—арендаторъ того самаго участка, который ему нѣкогда принадлежалъ. Какъ уже выше было замѣчено, это было—при неизбѣжно прогрессирующемъ процессѣ упраздненія крестьян-

скаго землевладѣнія — еще лучшимъ исходомъ съ точки зрѣнія самой земли: все же она оставалась на попеченіи родныхъ дѣтей, хотя и при менѣе выгодныхъ для этихъ послѣднихъ условіяхъ. Это разъ; а затѣмъ — нанесенный ущербъ былъ поправимъ. Тотъ же Горацій разсказываетъ намъ объ одномъ арендаторѣ, который, нашедши внезапно кладъ, тотчасъ выкупилъ свой участокъ и сталъ воздѣлывать его уже на правахъ собственника. Эта исторія очень знаменательна—гораздо болѣе, чѣмъ это склоненъ, повидимому, допустить нашъ авторъ. Замѣтьте: нашъ арендаторъ не ѣдетъ въ городъ, чтобы тамъ или прокутить нежданное богатство, или купить на него акцій (таковыя, вѣдь, были) египетскаго или кипрскаго банка; нѣтъ, его первая забота—выкупить землю. Это—здоровая черта; видно, и италійскихъ крестьянъ „любила мать-сыра земля", а при такомъ положеніи дѣлъ отчаяваться было нечего.

Но, при всемъ томъ, латифундія росла и росла, все болѣе и болѣе поглощая мелкую крестьянскую собственность, все болѣе и болѣе наводняя Италію рабами, все болѣе и болѣе превращая прежнюю, густо населенную пахотную землю въ пустынныя пастбища... Къ сожалѣнію, нашъ авторъ оставилъ до другого раза разсмотрѣніе организаціи латифундіи; пока онъ представляетъ намъ только, на примѣрѣ Цицеронова друга, Аттика, возникновеніе обширной земельной собственности, состоящей изъ дворца и домовъ въ самомъ Римѣ, помѣстій въ его окрестностяхъ, имѣній въ прочей Италіи и, наконецъ, цѣлыхъ, можно сказать, княжествъ въ провинціяхъ. Примѣръ этотъ, безъ сомнѣнія, интересенъ, тѣмъ болѣе, что въ лицѣ Аттика крупный биржевой спекулянтъ совмѣщается съ крупнымъ землевладѣльцемъ, что было, повидимому, довольно зауряднымъ явленіемъ. Все-же этотъ примѣръ не даетъ намъ представленія о томъ, чѣмъ была латифундія, какъ въ сельско-хозяйственномъ, такъ и въ политико-экономическомъ отношеніяхъ; не даетъ намъ возможности взвѣсить, на-ряду съ ея отрицательными качествами, которыя несомнѣнны, также и положительныя, еслибы таковыя оказались. А это необходимо: только послѣ такой работы мы могли бы вполнѣ оцѣнить знаменитое изреченіе Плинія Старшаго: „latifundia perdidere Italiam". Авторъ много труда потратилъ, чтобы доказать,—возражая Моммсену и другимъ,—правильность первой части этого изреченія, т.-е. преобладаніе въ Италіи латифундіи надъ другими видами собственности (насколько это ему удалось—объ этомъ ниже); необходимо, однако, доказать и правильность другой половины, т.-е. гибельное влія-

ніе латифундіи на экономическое развитіе Италіи. Пока эта работа не исполнена—раствореніе (если можно такъ выразиться) сельско-хозяйственнаго процесса развитія Италіи въ обще-экономическомъ будетъ преждевременнымъ.

Именно это раствореніе и предпринялъ нашъ авторъ въ послѣдней части своего труда; признавая его нѣсколько поспѣшнымъ, мы, тѣмъ не менѣе, не можемъ не находить вполнѣ симпатичнымъ то стремленіе къ животворящей интеграціи, которое сказалось въ этой попыткѣ. Какъ математикъ старается свои геометрическія вычисленія подвести подъ алгебраическія формулы, такъ и нашъ авторъ ищетъ обще-экономической эволюціонной формулы, которая прикрывала бы предположенную имъ схему развитія италійскаго землевладѣнія. И тутъ-то начинается та трудность, о которой рѣчь была выше: оставляя въ сторонѣ „классическую" теорію Адама Смита и его послѣдователей, столь же заслуженную и столь же несостоятельную, какъ и самый духъ (esprit classique) „просвѣщенія", которымъ она навѣяна, онъ обращается къ новѣйшей конструкціи Бюхера, которую и воспроизводитъ съ нѣкоторыми (правда, довольно существенными) оговорками. Согласно этой теоріи, все экономическое развитіе древняго міра, да и доброй части средневѣковья, совершалось внутри предѣловъ замкнутаго домашняго хозяйства; лишь позднѣйшее средневѣковье перешло отъ домашняго хозяйства къ городскому, лишь новыя времена перешли отъ городского къ народному. А если такъ, если древнему міру не было дано экономически развиваться внѣ „эка" (οἶκος), то ясно, что его экономическое развитіе должно было состоять въ развитіи этого эка, что его экономическія силы, за невозможностью взорвать экъ, должны были надувать его до послѣднихъ предѣловъ. Такъ оно, по теоріи автора, и выходитъ: латифундія съ экономической точки зрѣнія—не что̀ иное, какъ такой надутый до послѣднихъ предѣловъ экъ.

Я уже сказалъ, что авторъ допускаетъ довольно существенныя оговорки для своей теоріи; наиболѣе существенная изъ нихъ касается „временного подавленія домашняго хозяйства усиленнымъ прогрессомъ экономическаго взаимодѣйствія между хозяйственными единицами и группами въ эпоху первыхъ императоровъ" (стр. 582). Въ связи съ этимъ экономическимъ явленіемъ стоитъ, повидимому, параллельное явленіе въ области землевладѣнія—именно, „война, объявленная принципатомъ крупному аристократическому землевладѣнію" (стр. 596). Для войны, однако, нужна армія; между тѣмъ, если признать правильнымъ

вышеозначенный выводъ автора о полномъ исчезновеніи мелкой земельной собственности къ эпохѣ Августа, то выходитъ, что у императоровъ никакой арміи не было. Въ этомъ и заключается, на мой взглядъ, самая крупная ошибка автора; источникъ этой ошибки—неправильный уголъ зрѣнія, подъ которымъ онъ смотритъ на Горація. Онъ видитъ въ немъ только трезваго, хладнокровнаго наблюдателя,—между тѣмъ Горацій былъ бойцомъ. Подобно Августу, и онъ участвовалъ въ войнѣ, объявленной крупному землевладѣнію; и его врагъ—латифундія. Вотъ почему онъ такъ много о ней говоритъ, и вотъ также почему было бы опрометчиво переносить въ дѣйствительность то количественное отношеніе между крупной и мелкой собственностью, которое мы встрѣчаемъ въ его стихотвореніяхъ. Съ этой точки зрѣнія заслуживаетъ особаго вниманія тотъ замѣчательный циклъ гражданскихъ одъ, которымъ открывается его третья книга. Имъ во всѣ времена много восхищались, но исключительно съ нравственной точки зрѣнія; первый Моммсенъ разсмотрѣлъ ихъ въ связи съ общей политикой тѣхъ временъ и этимъ значительно двинулъ впередъ ихъ пониманіе; но мнѣ думается, что для полнаго проникновенія въ ихъ смыслъ нужна не общеполитическая, а политико-экономическая точка зрѣнія. Нашъ авторъ прекрасно освѣтилъ эту сторону кризиса, пережитого Италіей въ эпоху Августа; слѣдуя дальше въ намѣченномъ имъ направленіи, позволю себѣ—въ заключеніе моего очерка объ его трудѣ—развить идею этихъ замѣчательныхъ одъ, обезпечивающихъ Горацію, на ряду съ Солономъ, почетное мѣсто среди поэтовъ земли.

Исторія гибели римской республики такова, что по отношенію къ ней трудно выдержать единое настроеніе духа въ смыслѣ постоянства симпатіи къ той или другой изъ борющихся сторонъ; кто изучалъ ее съ раннихъ лѣтъ, и притомъ изучалъ безпристрастно, т.-е. не будучи, въ силу политическихъ предубѣжденій, заранѣе расположенъ въ пользу республики или принципата, тотъ, вѣроятно, переживалъ слѣдующую эволюцію своего къ ней отношенія. Сначала, когда насъ въ исторіи болѣе всего плѣняютъ личности, могучая фигура Цезаря, затмѣвающая всѣхъ современниковъ, дѣйствуетъ на насъ всей неотразимой силой своего обаянія; удивляясь ему, мы невольно беремъ его сторону въ его борьбѣ съ республикой. Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія, обаяніе личности меркнетъ, ея мѣсто занимаютъ идеи; предъ нами встаетъ во всей своей плѣнительной красотѣ идея политической свободы, за которую сражались и погибли Цицеронъ,

Катонъ и Брутъ, о которой сожалѣли Тацитъ и Ювеналъ; симпатизируя этой побѣжденной и замученной свободѣ, мы бываемъ склонны строго судить о Цезарѣ, какъ о крупномъ, и объ Августѣ, какъ о мелкомъ честолюбцѣ, но еще болѣе строго о Гораціи, этомъ офицерѣ Брута, который позднѣе, забывъ объ идеалахъ своей молодости, примирился съ монархіей и писалъ хвалебныя оды въ честь Августа и его царедворцевъ; „не тогда, когда палъ Катонъ,—тогда, когда сталъ пѣть Горацій, я счелъ республику погибшей“, говоритъ Бёрне. Еще позже, при болѣе глубокомъ проникновеніи въ культуру тѣхъ временъ, и это увлеченіе проходитъ; на смѣну политической точкѣ зрѣнія является политико-экономическая. Мы видимъ, какъ, благодаря республиканской свободѣ, капитализмъ, земельный и денежный, заполоняетъ все болѣе и болѣе расширяющуюся территорію римскаго государства; мы видимъ, что вслѣдствіе этого процесса экономическія силы человѣчества получаютъ пагубное направленіе, непроизводительно расходуясь не на пользу, а въ ущербъ землѣ; мы предугадываемъ ужасающее банкротство человѣчества при дальнѣйшемъ развитіи этого процесса, а потому охотно привѣтствуемъ ту могучую руку, которая рѣшится дать колесу эволюціи обратный ходъ.—Возможна ли еще новая, болѣе возвышенная точка зрѣнія? Я думаю—да. Вмѣсто того, чтобы ограничивать свой горизонтъ предѣлами древняго міра, будемъ судить объ его явленіяхъ по ихъ дѣйствію—прямому и косвенному, реальному и идеальному—на развитіе новаго міра. Тогда мы будемъ сочувствовать уже не одному какому-нибудь направленію, а тому добру, той истинѣ, которыя мы, въ различныхъ преломленіяхъ, будемъ усматривать то здѣсь, то тамъ; а тотъ фактъ, что они имѣются и здѣсь, и тамъ, не будучи всецѣло собственностью одного только направленія,—лишь усилитъ трагическій характеръ борьбы, о которой идетъ рѣчь.

Основанный Ромуломъ міръ, второе воплощеніе разрушенной Трои, доживалъ свои послѣдніе дни въ ту эпоху, когда его судьбами взялся управлять царственный юноша, потомокъ Ромула и троянскихъ царей... Такъ вѣрили тогда, а эта вѣра придавала миѳу значеніе и силу историческаго факта. Да и нельзя было не вѣрить: великій знатокъ римской старины, Варронъ, составилъ „золотую книгу“ римской знати, подъ заглавіемъ: „De familiis Trojanis“; цвѣтъ римской знати—это возрожденная Троя. Въ ея рукахъ была политическая власть; въ ея рукахъ—необъятныя пространства земли, занимаемыя ея латифундіями; въ ея рукахъ, наконецъ,—огромныя денежныя богатства, отдавае-

мыя подъ чудовищные проценты биржевымъ маклерамъ, конторы которыхъ ютились подъ сводчатыми галереями форума.—Теперь дальнѣйшее существованіе этой Трои зависѣло отъ одного человѣка, задумавшаго вторичное основаніе Рима и освященіе этого акта торжествомъ „вѣковыхъ игръ“; сохранитъ ли онъ ее? или, стеревъ ее съ лица земли, предоставитъ ея мѣсто другому сословію?—Позднѣйшій историкъ, Кассій Діонъ, сохранилъ намъ отголосокъ преній, происходившихъ по этому поводу; не могъ оставаться безучастнымъ къ нимъ и Горацій, которому была предоставлена выдающаяся роль въ предстоящихъ вѣковыхъ играхъ: ему было поручено составленіе торжественной кантаты, исполнить которую долженъ былъ хоръ мальчиковъ и дѣвочекъ—представителей будущаго возрожденнаго Рима.

Горацій, тѣмъ временемъ, успѣлъ—не „измѣнить идеаламъ своей молодости“, а просто вернуться на ту колею, которая была ему предначертана его происхожденіемъ и семейнымъ воспитаніемъ, и изъ которой онъ лишь временно далъ себя выбить въ дни своего ученья въ Аѳинахъ и общенія съ учившеюся тамъ золотой молодежью Рима. Какъ сынъ деревни, вскормленный ея воздухомъ, онъ скоро почувствовалъ себя вновь окруженнымъ своей родной атмосферой, какъ только ему дали землю и хозяйство въ Сабинскихъ горахъ. Земля его сблизила и съ старо-римской вѣрой, и съ нравственностью; въ обоихъ отношеніяхъ онъ, будучи самъ чуждъ всякой ортодоксальности, все-же сталъ въ открытый антагонизмъ къ тогдашней знати съ ея полнымъ безвѣріемъ и полной безнравственностью. И вотъ ему открылась истина, что спасенія можно искать только въ близкомъ, непосредственномъ общеніи съ землей—такомъ, какое даетъ только мелкая крестьянская собственность; новую Италію онъ могъ представлять себѣ только какъ Италію крестьянскую; старая „Троя“ казалась ему во всѣхъ отношеніяхъ осужденной на гибель.

Свое воззваніе онъ обращаетъ къ отрокамъ и дѣвственницамъ, представителямъ будущаго Рима; имъ онъ поетъ „неслыханную дотолѣ пѣснь“, непонятную для „непосвященной черни“—таковъ смыслъ его знаменитаго „odi profanum volgus“. У этой черни свои идеалы—обширность владѣній, блескъ предковъ, похвалы услужливой молвы, длинная свита кліентовъ; но свѣдущіе знаютъ, что никакія богатства не улучшатъ самочувствія человѣка, не замѣнятъ ему того легкаго, здороваго сна, которымъ Земля даритъ своихъ тружениковъ. (А потому вотъ тебѣ, молодежь, мой наказъ). Въ трудѣ и бѣдности да воспитывается отрокъ, чтобы никакая опасность ему не была страшна, чтобы нѣ-

когда жены и невѣсты властителей-враговъ вздрагивали при мысли объ участи, которой его львиная удаль грозитъ ихъ супругамъ и женихамъ; такому юношѣ и смерть не горька—dulce et decorum est pro patria mori—въ случаѣ же удачи ему обѣщана высшая награда, virtus, открывающая небо своимъ поклонникамъ. Дѣвушкѣ такая жизнь не суждена, но унывать ей нечего: „есть и для молчаливой вѣрности обезпеченная награда". (И если тебѣ, о государь! придется выбирать между *этимъ* Римомъ и тѣмъ, который окружаетъ тебя, то неужели твой выборъ будетъ затруднителенъ? О, да, будетъ; но) „справедливаго и стойкаго мужа не поколеблютъ въ его твердомъ рѣшеніи превратныя требованія гражданъ"; а именно этой справедливостью и стойкостью долженъ обладать тотъ, кому суждена, послѣ этой земной жизни, жизнь небесная,—какъ она суждена тебѣ, какъ была раньше суждена твоему образцу, первому основателю Рима, Ромулу... И вотъ поэтъ, облекая въ аллегорическую форму свою революціонную мысль, переноситъ насъ въ собраніе боговъ, на которомъ былъ рѣшенъ апоѳеозъ Ромула. Сопротивленіе Юноны, наконецъ, сломлено, но условіемъ своего согласія она ставитъ требованіе, чтобы римляне не слишкомъ угождали своей привязанности къ прошлому, чтобы они ни подъ какимъ видомъ *не возстановляли погибшей Трои*. Ее постигла заслуженная участь, какъ городъ и богоотверженный, и безнравственный; эта участь была рѣшена уже тогда, когда его царь Лаомедонтъ отказалъ богамъ въ условленной почести, уже тогда, когда сладострастный судья богинь оскорбилъ трапезу и ложе супруга спартанской прелюбодѣйки; пусть же навѣки пасутся стада на курганахъ Париса и Пріама! Хоть трижды окружайте стальною стѣной возстановленную Трою — она трижды погибнетъ вновь... Остается разрѣшить аллегорію, сказать, кого слѣдуетъ разумѣть подъ Троей; но поэтъ этого не дѣлаетъ. Онъ притворяется, будто увлекся въ сторону, онъ зоветъ свою музу обратно: „не тебѣ подобаетъ передавать бесѣды боговъ". Но именно этимъ аллегоричность всей картины подчеркнута; несомнѣнно, древняя Троя, разбитая подъ Фарсаломъ и Ѳапсомъ, подъ Филиппами и Акціемъ, не должна быть возстановлена: но какъ ее устранить? и чѣмъ ее замѣнить? На первый вопросъ пусть Цезарю отвѣтитъ сама муза, покровительница всякой гармоніи на землѣ; она привыкла внушать людямъ мягкія рѣшенія и благословляетъ тѣхъ, кто ихъ исполняетъ; она—источникъ движимой разумомъ воли, посредствомъ которой всякое существо, будь то простой смертный, или царь, или богъ, торжествуетъ надъ грубой и лишенной разума

силой—тѣмъ болѣе, если эта сила безнравственная. Цезарь не разъ уже прислушивался къ внушеніямъ музы—пусть онъ сдѣлаетъ это и теперь. Что же касается второго вопроса, то пусть урокомъ для будущаго послужитъ прошлое; поэтъ всматривается въ старину—и предъ нимъ открывается единственная въ своемъ родѣ картина старо-римской доблести, герой Регулъ, который, будучи взятъ въ плѣнъ врагами и отправленъ въ Римъ для переговоровъ о выкупѣ плѣнныхъ, сказалъ рѣчь противъ этого выкупа, обрекая этимъ себя самого на мучительную смерть. Въ теперешнемъ Римѣ такихъ богатырей уже нѣтъ; теперешній Римъ сталъ и богоотверженнымъ, и безнравственнымъ. Онъ допустилъ паденіе храмовъ и оскверненіе кумировъ; онъ допустилъ паденіе и оскверненіе брака. Уже съ раннихъ лѣтъ дѣвушка учится сладострастнымъ пляскамъ, мечтая о прелестяхъ незаконной любви; вскорѣ затѣмъ, выданная за пожилого мужа, она ищетъ друга сердца среди молодыхъ гостей его стола; еще одинъ шагъ—и она уже не будетъ долго искать, любъ будетъ ей всякій, кто явится къ ней съ полной мошной. Могутъ ли такіе отцы, такія матери дать Риму новыхъ Регуловъ? Нѣтъ, не въ такихъ семьяхъ выростали богатыри прежнихъ лѣтъ... И тутъ слѣдуютъ замѣчательные стихи (III, 6, 37 сл.; пер. Фета):

То были воиновъ-оратаевъ сыны,
Привычные вращать сабинскою киркою
Бразду; имъ матерью заранѣ внушены
И страхъ, и трудъ: они вечернею порою
Несли ей дровъ, когда надъ сумракомъ земли
Отъ солнца выси горъ блистали багряницей,
И безъ ярма волы, качаясь, тихо шли,
И ночь гналась во слѣдъ за ясной колесницей.

Въ этомъ образѣ дѣтей „воина-оратая“ (rusticorum mascula militum proles) сосредоточенъ весь смыслъ гражданскихъ одъ Горація. И когда Августъ впослѣдствіи принималъ благодѣтельныя мѣры къ тому, чтобы, ограничивая латифундіи, увеличивать число свободныхъ собственниковъ-крестьянъ, — онъ слѣдовалъ внушенію той же музы, которая вдохновляла и нашего поэта-гражданина, представляя ему въ далекой перспективѣ оздоровленіе и возрожденіе Рима силою Земли.

III.

Земельный капитализмъ былъ лишь одной изъ разновидностей древняго капитализма вообще; существовали рядомъ съ

нимъ и другія. Поскольку онъ выражался въ крупныхъ коммерческихъ оборотахъ или въ массовомъ производствѣ, поощряя или поглощая мелкую торговлю или мелкую мануфактуру, онъ еще ждетъ своего историка; пока такой найдется, будемъ благодарны М. И. Ростовцеву за то, что онъ освѣтилъ другое его проявленіе, очень важное и затрогивающее самыя разнообразныя стороны античной жизни — откупъ государственныхъ налоговъ и пошлинъ.

Откупъ предполагаетъ существованіе налога, но не является его необходимымъ, неизмѣннымъ послѣдствіемъ: какъ формы его взиманія, онъ конкуррируетъ съ другой формой—такъ называемымъ прямымъ взиманіемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ государственная власть обращается непосредственно къ плательщикамъ; она дѣлаетъ это черезъ своихъ чиновниковъ. Въ первомъ случаѣ между государственною властью и плательщикомъ возникаетъ третье лицо — именно то, которому налоги сдаются на откупъ, будь это отдѣльный человѣкъ или товарищество. Не трудно понять, что только откупная форма взиманія налоговъ могла представлять благодарное поле для капитала и капитализма: какъ безъ капитала откупъ былъ немыслимъ, такъ и наоборотъ, наличность частныхъ капиталовъ естественнымъ образомъ должна была вызвать возникновеніе откупа. Все же она была не единственнымъ его условіемъ. Если мы спросимъ себя, которая изъ обѣихъ формъ взиманія налоговъ выгоднѣе для государства, то отвѣтъ не можетъ быть сомнительнымъ: это—та, при которой между нимъ и плательщикомъ нѣтъ никакого третьяго лица, раздѣляющаго съ нимъ его прибыль,—т.-е. прямое взиманіе. Если мы спросимъ себя, которая форма выгоднѣе для плательщика, то отвѣтить будетъ не такъ же легко. Съ матеріальной точки зрѣнія какъ будто выгоднѣе прямое взиманіе, при которомъ плательщикъ по мѣрѣ своихъ платежныхъ силъ содержитъ лишь государственную казну, а не сверхъ ея, цѣлый штатъ жадныхъ и безцеремонныхъ откупщиковъ, и, конечно, имѣй плательщикъ возможность сноситься непосредственно съ олицетвореннымъ государствомъ — онъ несомнѣнно избралъ бы эту форму. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ этой возможности не имѣетъ; государство сносится съ нимъ не непосредственно, а черезъ своихъ чиновниковъ, тоже жадныхъ, тоже безцеремонныхъ; а разъ съ матеріальной точки зрѣнія особой разницы нѣтъ, то въ силу вступаетъ другое, болѣе тонкое соображеніе: на неправоту откупщиковъ можно подать жалобу государству; на неправоту же представителей государства жа-

лобу подавать некому. Т.-е., собственно, есть кому—самому государству въ лицѣ его контрольныхъ и ревизіонныхъ учрежденій; но такъ какъ государство заинтересовано въ солидарности его отдѣльныхъ вѣдомствъ, то разница между той и другой формой сводится къ слѣдующему. Въ одномъ случаѣ плательщикъ имѣетъ откупщика противной стороной, а государство—судьей; въ другомъ случаѣ государство будетъ для него и стороной, и судьей въ одномъ лицѣ. А при такихъ условіяхъ будетъ неудивительно, если онъ отдастъ предпочтеніе откупу предъ прямымъ взиманіемъ.

Итакъ: для государства выгоднѣе прямое взиманіе, для плательщиковъ — откупъ; чѣмъ сильнѣе поэтому будетъ государственная власть, тѣмъ болѣе государственная власть будетъ имѣть шансовъ предъ откупомъ. А такъ какъ государственная власть бываетъ сильнѣе въ монархически управляемыхъ государствахъ, чѣмъ въ республикахъ, то можно будетъ a priori сказать, что монархія будетъ естественно тяготѣть къ прямому взиманію, республика — къ откупу. Республиканскій строй — второе условіе, благопріятствующее возникновенію откупа.

Есть, однако, еще третье. Откупное дѣло всецѣло основано на матеріальной заинтересованности занимающихся откупомъ лицъ; откупныя товарищества сплочиваются однимъ только интересомъ—выгодой. При прямомъ взиманіи именно этотъ интересъ въ *принципѣ* отсутствуетъ; его органы—государственные чиновники, образъ дѣйствія которыхъ въ *принципѣ* опредѣляется тѣми идеологическими побужденіями и соображеніями, которыя заключаетъ въ себѣ понятіе „государственная служба“. Теперь ясно слѣдующее. Чѣмъ болѣе это принципіальное различіе будетъ осуществлено въ дѣйствительности, тѣмъ сильнѣе, съ одной стороны, будетъ для плательщика *матеріальная выгодность* прямого взиманія въ сравненіи съ откупомъ, и тѣмъ менѣе ощутительна, съ другой стороны, будетъ въ его глазахъ невыгода въ *стѣсненной подсудности* государственнаго чиновника въ сравненіи съ откупщикомъ. Осуществимость же того принципіальнаго различія будетъ прямо пропорціональна уровню *нравственной культуры* страны: чѣмъ выше этотъ уровень, тѣмъ болѣе преимуществъ будетъ представлять прямое взиманіе налоговъ въ сравненіи со сдачей ихъ на откупъ.

Этимъ условія, вліяющія на возникновеніе и развитіе откупа, исчерпаны; мы видѣли, что эволюція этого института находится въ тѣсной зависимости отъ экономической, политической и нравственно-культурной жизни народа. Отсюда явствуетъ, насколько

интересна и благодарна задача историка государственнаго откупа; но явствуетъ также, насколько она трудна и сложна. Конечно, она является таковой лишь при идейной ея постановкѣ—и мнѣ, полагаю я, нѣтъ надобности оговариваться въ томъ, что эту идейную постановку я считаю единственно правильной. Но одно дѣло — поставить задачу, другое—рѣшить ее. Человѣкъ, обладающій достаточнымъ всемірно-историческимъ и философскимъ образованіемъ, можетъ безъ особаго труда въ каждомъ данномъ случаѣ намѣтить ту точку зрѣнія, съ которой ея рѣшеніе представится плодотворнымъ и истинно-научнымъ; но осуществимость этого рѣшенія будетъ зависѣть отъ характера матеріала, съ которымъ приходится считаться, а въ этомъ характерѣ можетъ дать отчетъ только спеціалистъ. Въ нашемъ случаѣ дѣло обстоитъ такъ: предлагаемое намъ рѣшеніе задачи осуществимо, но въ настоящее время оно было бы преждевременнымъ; и М. И. Ростовцевъ поступилъ вполнѣ правильно, ограничивая свою задачу чисто фактической стороной. До него исторія римскаго государственнаго откупа даже въ этой фактической своей части не была извѣстна; онъ первый ее написалъ, пользуясь для этого матеріалами, отчасти лишь за послѣдніе годы, добытыми изъ нѣдръ земли. А между тѣмъ, эта фактическая исторія—необходимый фундаментъ для той идейной, о которой рѣчь была выше. У насъ часто превратно судятъ о задачахъ изслѣдователя, ставя къ проблемѣ въ ея зародышномъ состояніи тѣ же требованія, какъ и въ ея созрѣвшемъ, законченномъ видѣ; тѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ заявить, что, принимая во вниманіе зачаточность стадіи, въ которой находился интересующій его вопросъ, М. И. Ростовцевъ избралъ единственный правильный путь къ ея рѣшенію. Свою непосредственную задачу онъ видитъ въ избраніи и выясненіи доступныхъ ему и надежныхъ матеріаловъ; предѣлами этихъ матеріаловъ ограничена и подлежащая его изслѣдованію область. Они имѣются для римскаго откупа начиная съ I-го вѣка до Р. Х.; но, разумѣется, эта эпоха была эпохой процвѣтанія, а не возникновенія откупа. Гдѣ же искать его корней? Болѣе древняя исторія Рима намъ именно въ этой части недостаточно извѣстна; карѳагенское вліяніе a priori возможно,—для эксплуатаціи земли оно даже засвидѣтельствовано,—но для насъ совсѣмъ неуловимо; зато вполнѣ можетъ быть обнаруженъ третій корень, т.-е. воздѣйствіе такъ называемыхъ эллинистическихъ монархій—особенно эллинизованнаго Египта Птолемеевъ. Дѣйствительно, благодаря находкамъ послѣдняго времени, финансовое управленіе Птолемеевскаго Египта

извѣстно намъ съ завидною точностью, и нашъ авторъ могъ пользоваться не только очень обильнымъ сырымъ матеріаломъ, но и превосходными синтетическими сочиненіями серьезныхъ ученыхъ [1]. Но гдѣ же, въ свою очередь, корни греко-египетскаго откупа? Ихъ можно искать, во-первыхъ, въ древнемъ національномъ Египтѣ, финансовый строй котораго достаточно извѣстенъ по мѣстнымъ, египетскимъ матеріаламъ— но эти матеріалы, составляя достояніе спеціальной науки, египтологіи, выходили изъ предѣловъ компетенціи автора; во-вторыхъ,—въ древней Персіи, предшественницѣ Александра Великаго во владѣніи Египтомъ,—но ея финансовая исторія неуловима; наконецъ, въ-третьихъ,—въ Греціи, подчинившей въ лицѣ Птолемея Египетъ своему культурному вліянію. И тутъ мы всегда находимся на твердой исторической почвѣ: финансовое управленіе греческихъ общинъ, спеціально Аѳинъ, извѣстно намъ очень хорошо, благодаря обилію и литературныхъ, и эпиграфическихъ свидѣтельствъ. Мало того: мы находимся здѣсь не только на твердой, но и на родной для большинства культурныхъ институтовъ почвѣ; здѣсь было бы возможно прослѣдить — начиная съ гомеровской общины, продолжая аристократіей, тиранніей, демократіей,—и возникновеніе, и первое развитіе откупа. Авторъ этимъ вопросомъ не задавался; интересуясь главнымъ образомъ римскимъ откупомъ, онъ въ Греціи искалъ только точки отправленія для своего историческаго изслѣдованія; эту точку отправленія онъ нашелъ въ откупѣ греческихъ общинъ, откупѣ свободномъ, не стѣсненномъ никакимъ контролемъ со стороны государства и его чиновниковъ. Платежныя повинности плательщиковъ строго нормированы; какъ чрезмѣрное требованіе откупщика, такъ и незаконный отказъ или недоплата плательщика могутъ быть преслѣдуемы судомъ, точно также какъ и всякое чрезмѣрное, частное требованіе и уклоненіе отъ обязательства. Но государство, предоставляя откупщикамъ и плательщикамъ охрану своего суда, не считаетъ нужнымъ создавать спеціальный органъ для контроля отношеній между той и другой стороной; изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ формъ откупа, греко-республиканская—самая чистая.

Переходя изъ республиканской Эллады въ монархическій эллинизованный Египетъ, мы, согласно сказанному выше, должны

[1]) Изъ нихъ, впрочемъ, послѣднее по времени появилось уже послѣ выхода въ свѣтъ труда нашего автора; это - новый томъ обширнаго сочиненія И. Вилькена, „Griechische Ostraka“ (Берлинъ, 1899). Ср. о немъ критику нашего автора въ „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1900, мартъ.

ожидать элементовъ, сближающихъ откупную систему съ системой прямого взиманія; и дѣйствительно, мы находимъ такой элементъ въ формѣ государственнаго контроля надъ откупщиками... Правда, отъ нѣкоторыхъ положеній, представляющихъ этотъ контроль особенно сильнымъ и сводящимъ дѣятельность откупщиковъ почти что на роль биржевыхъ игроковъ при довольно ограниченныхъ размѣрахъ спекуляціи, авторъ самъ отказался впослѣдствіи, подъ вліяніемъ вышеназваннаго изслѣдованія Вилькена; но фактъ государственнаго административнаго контроля остается неоспоримымъ, и этотъ контроль настолько стѣснялъ свободу откупщиковъ, что государству приходилось привлекать таковыхъ особой десятипроцентной допсенъ (opsonion), уплачиваемой въ случаѣ добросовѣстнаго исполненія ими условій контракта. Такимъ образомъ Египетъ знакомитъ насъ съ особымъ типомъ откупа, ограниченнаго надзоромъ государства, и не подлежитъ сомнѣнію, что введеніе надзора было лишь первымъ шагомъ, за которымъ, при болѣе продолжительномъ, нормальномъ развитіи, не замедлили бы послѣдовать и другіе.

Оставляя въ сторонѣ другія промежуточныя инстанціи, въ родѣ Сициліи, во взглядѣ на которую я не вполнѣ согласенъ съ авторомъ, мы переходимъ прямо въ Римъ. Здѣсь откупная система достигла, какъ это извѣстно всѣмъ, своего наибольшаго расцвѣта. Качественно мы имѣемъ тѣ же факторы, какъ и въ Греціи—свободный откупъ, практикуемый товариществами дольщиковъ (знаменитыми societates publicanorum), при полномъ невмѣшательствѣ государственной власти; но количественно онъ, вслѣдствіе колоссальности римскаго государства и соотвѣтствующаго расширенія поля спекуляціи, разросся до такихъ размѣровъ, что потребовалось со временемъ развитіе капитализма, для того, чтобы выяснить намъ многія частности этой системы, оставшіяся непонятными въ эпоху нашихъ прадѣдовъ. Интересъ къ откупному дѣлу не ограничивался сравнительно тѣснымъ кругомъ его непосредственныхъ участниковъ; благодаря услужливости биржевыхъ маклеровъ, имѣвшихъ свои конторы на форумѣ, подъ арками Яна, всякій мало-мальски состоятельный человѣкъ могъ помѣщать свои сбереженія въ „акціяхъ“ (partes) товариществъ. Постоянныя войны увеличивали рискъ, которому подвергались откупщики, но и соблазнительность ихъ предпріятій, вслѣдствіе естественнаго пониженія откупной суммы, сулимая въ благопріятныхъ случаяхъ, была громадная. Въ результатѣ получалось то, что обыкновенно является результатомъ такой бѣшеной „пляски милліоновъ“: мелкіе капиталисты, у которыхъ нечѣмъ

было покрыть дефицитъ, разорялись и принуждены были, подобно гораціеву Дамазнипу, искать утѣшенія въ философіи; крупные—выживали и развивались. Явленіе было аналогичное описанному выше: земельному капитализму соотвѣтствовалъ денежный; какъ латифундія поглощала мелкаго собственника, такъ милліонеръ поглощалъ скромнаго рантьè. Этимъ положеніемъ дѣлъ была за-одно опредѣлена и задача, выполнить которую надлежало имперіи.

Система нестѣсненнаго откупа, царившая въ республиканскомъ Римѣ, была, во-первыхъ, убыточна для казны, которая страдала отъ обязательно низкой таксаціи каждаго опредѣленнаго откупа; она была, во-вторыхъ, разорительна для плательщиковъ, которымъ въ мирное время приходилось вознаграждать откупщиковъ за ихъ потери въ тревожное время войны; она вела, въ-третьихъ, къ разоренію мелкихъ капиталистовъ и къ сосредоточенію богатствъ въ рукахъ немногихъ, содѣйствуя тѣмъ образованію своего рода денежныхъ латифундій. Со всѣхъ трехъ точекъ зрѣнія она заслуживала отмѣны; а вслѣдствіе естественнаго тяготѣнія монархическаго правленія къ системѣ прямого взиманія налоговъ, можно было ожидать, что именно имперія возьмется за трудную задачу регулированія пошлиннаго дѣла въ смыслѣ ограниченія и постепеннаго упраздненія откупной системы. Задача эта была вполнѣ аналогична той, о которой была рѣчь въ предъидущей главѣ: борьба противъ латифундій съ одной стороны, противъ откупной системы съ другой—все это было лишь два различныхъ аспекта одной и той же борьбы, борьбы противъ главной язвы экономической жизни всѣхъ временъ,—противъ капитализма.

Прослѣдить отдѣльные фазисы этой борьбы въ области пошлиннаго дѣла—задача въ высшей степени сложная; приходится различать: 1) отдѣльныя времена—это разумѣется само собой; 2) отдѣльныя провинціи—въ сенатскихъ провинціяхъ дѣло обстояло иначе, чѣмъ въ императорскихъ, въ восточныхъ, эллинистическихъ иначе, чѣмъ въ западныхъ съ ихъ первоначально варварскимъ населеніемъ; 3) отдѣльные виды пошлинъ и налоговъ. Нашъ авторъ съ большимъ терпѣніемъ и большою тщательностью отнесся къ своему труду: большая часть его книги содержитъ именно такія отдѣльныя исторіи отдѣльныхъ налоговъ въ различныхъ провинціяхъ. Мы, разумѣется, не можемъ его сопровождать на всѣхъ извилинахъ его мудренаго пути; укажемъ только на тѣ его результаты, которые иллюстрируютъ общую мысль, интересующую насъ здѣсь—борьбу имперіи съ откупной

системой, аналогичную той борьбѣ, которую та же имперія вела съ латифундіей.

Начнемъ съ того, что само упорядоченіе провинціальной администраціи, введеніе „римскаго мира“ (pax Romana) на мѣсто прежняго тревожнаго, измѣнчиваго состоянія, должно было уменьшить рискъ, уменьшить и бѣшеную спекуляцію, а съ ней и тотъ быстрый ростъ капитализма, который отличаетъ послѣднюю эпоху римской республики. Капиталы отхлынули; тѣмъ легче было замѣнить неограниченную откупную систему другими, болѣе приближающимися къ системѣ прямого взиманія. Случилось это, однако, не съ одинаковой быстротой во всѣхъ отрасляхъ податного дѣла.

Легче всего было дать мѣсто новымъ идеямъ въ тѣхъ пошлинахъ, которыя были введены самимъ Августомъ и для взиманія которыхъ такимъ образомъ опредѣленныхъ традицій не было. Августъ ввелъ, во-первыхъ, пяти-процентный налогъ на наслѣдство, затѣмъ однопроцентную пошлину съ продаваемыхъ путемъ аукціона вещей; съ самаго начала отъ этихъ пошлинъ товарищества откупщиковъ были устранены. Мелкіе чиновники, на которыхъ было возложено ихъ взиманіе, были подчинены императору; ихъ трудъ оплачивался вознагражденіемъ, о которомъ можно предположить, что оно составляло извѣстный процентъ съ доставляемой ими въ казну суммы. А что оказалось возможнымъ для этихъ новыхъ налоговъ, то можно было постепенно распространить и на схожіе налоги изъ старыхъ: реальная аналогичность естественно вела и къ аналогичности въ формѣ взиманія.

Не трудно было также устранить откупныя товарищества отъ дѣлъ взиманія прямыхъ налоговъ—главнымъ образомъ подушнаго; для этого можно было воспользоватъся самой естественной организаціонной формой, вошедшей, какъ наиболѣе мелкая единица, въ составъ римскаго государства,—общиной. Этой финансово-административной функціи общинъ не приходилось даже создавать, какъ нѣчто новое; она существовала уже раньше, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ греческаго міра, только не какъ обязательная, а какъ факультативная. Уже раньше общинамъ дозволялось конкуррировать съ откупными товариществами; если откупъ оставался за общиной, то она, въ лицѣ коллегіи наиболѣе богатыхъ изъ своихъ гражданъ, такъ называемыхъ „десяти первыхъ“, завѣдывала плательщиками и передъ государственной казной. Этимъ и можно было воспользоваться; надлежало только 1) путемъ устраненія конкурренціи откупныхъ товариществъ превратить эту функцію общины и ея „десяти первыхъ“ изъ факультатив-

ной въ обязательную податную; и 2) распространить ее и на тѣ общины, въ которыхъ она раньше не существовала, и затѣмъ, вмѣстѣ съ общиной, и на тѣ провинціи, гдѣ раньше даже этой общинной организаціи не было. Это и было одною изъ первыхъ великихъ реформъ императорской эпохи: она была произведена съ той осторожной постепенностью и послѣдовательностью, которая вообще характеризуетъ эволюцію римскихъ институтовъ, оттѣсняя, шагъ за шагомъ, хищническую спекуляцію откупныхъ товариществъ.

Но одновременно съ распространеніемъ финансово-административной функціи общинъ, въ ней самой произошла существенная перемѣна, въ значительной степени извратившая первоначальный характеръ реформы. Пока общины конкуррировали съ откупными товариществами, желаніе избѣгнуть вторженія этихъ послѣднихъ въ общинныя дѣла было такъ велико, что въ охотникахъ записываться въ „десять первыхъ" недостатка не было. Теперь этого стимула не стало; и съ другой стороны, двойная отвѣтственность—и передъ собственными согражданами, и передъ государственной казной—стала давить попавшихъ въ незавидное положеніе „десяти первыхъ" непосильнымъ бременемъ. Охотники поэтому записывались туго; пришлось ихъ привлекать силою. Такимъ образомъ обязанность сборщика податей въ общинѣ превратилась въ общественную повинность, въ тяготу, сопряженную съ сравнительной состоятельностью отдѣльныхъ членовъ общины. Въ этой формѣ—въ формѣ *тяготы*—мы и встрѣчаемъ дѣло взиманія прямыхъ налоговъ въ послѣднія времена имперіи. Реформа здѣсь, какъ видно, остановилась на полъ-пути. Дѣйствительно, что такое были эти „десять первыхъ" въ этой новой своей роли? Откупнымъ товариществомъ они не были—для этого имъ недоставало и возможности свободной конкурренціи съ другими товариществами, и болѣе или менѣе обезпеченной надежды на крупный переборъ, и главное—самаго характера добровольности. Чиновниками они тоже не были,—ихъ трудъ не оплачивался свыше, и они были отвѣтственны предъ казной не дѣйствительно получаемой ими съ плательщиковъ суммой, но той, въ которую была оцѣнена совокупность налоговъ ихъ общины. Это было нѣчто среднее; и при нормальномъ развитіи податного дѣла оно бы, вѣроятно, уступило свое мѣсто чиновничеству; принципъ имущественной тяготы былъ бы замѣненъ принципомъ прямого взиманія. Тотъ фактъ, что этого не случилось, является однимъ изъ доказательствъ старческаго характера послѣднихъ вѣковъ существованія римскаго государства.

Дѣйствительно, не только этого не случилось, но и раз-

вившійся на почвѣ взиманія прямыхъ налоговъ принципъ имущественной тяготы былъ перенесенъ въ другія области, гдѣ развитіе податного дѣла приняло, было, вначалѣ болѣе здоровое и полезное направленіе. Тутъ намъ придется имѣть дѣло съ институтомъ, открытіе и выясненіе котораго составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ автора — съ институтомъ *генеральнаго кондуктората.*

Развился онъ, по весьма правдоподобной конструкціи автора, на почвѣ аренды государственныхъ земель. Арендная плата за пользованіе государственной землей фактически приближается къ земельной подати; весь вопросъ въ томъ, играла ли она настолько важную роль въ финансовомъ дѣлѣ, чтобы имѣть вліяніе на смежныя области финансовой администраціи. И тутъ намъ придется вновь поднять нить, ускользнувшую отъ насъ въ предъидущей главѣ; эта нить — развитіе латифундій; аграрная программа Горація была въ значительной мѣрѣ исполнена. Были ли хороши или предосудительны средства, къ которымъ прибѣгали императоры, это—другой вопросъ; фактъ тотъ, что въ ихъ рукахъ очутилась значительная доля италійской и провинціальной земли, которая и была сдаваема въ аренду мелкимъ фермерамъ-колонамъ. Фактическое превращеніе этого первоначально добровольнаго и временнаго государственнаго фермерства въ пожизненное и наслѣдственное лежало въ интересахъ самой земли, а слѣдовательно и въ правильно понимаемыхъ интересахъ государства; чѣмъ болѣе это превращеніе осуществлялось, тѣмъ болѣе, какъ было замѣчено выше, арендная плата фермеровъ получала характеръ земельнаго налога. И вотъ для сбора этого-то налога прибѣгли къ *генеральному кондукторату.*

Внѣшняя форма этого процесса была слѣдующая. Государство, уже вслѣдствіе малочисленности своего чиновничества, не могло вступать въ мелкія сношенія со своими арендаторами; оно давало землю лишь въ крупную аренду, причемъ, однако, крупный арендаторъ—это и есть генеральный кондукторъ—имѣлъ право, а позднѣе и обязанность, передавать ее мелкимъ. А разъ вся земля была передана, роль генеральнаго кондуктора сводилась на роль посредника между государствомъ и колонами. (Замѣчу мимоходомъ, что изложенный здѣсь процессъ предполагаетъ приравненіе государственныхъ земель къ императорскимъ, къ которому, однако, имперія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе тяготѣла).

Теперь спрашивается, что привлекало генеральныхъ кондукторовъ къ ихъ отвѣтственной дѣятельности, полной риска? При наличности полной свободы, этой приманкой была бы, конечно,

надежда на перевыручку; въ этомъ случаѣ кондукторъ совпалъ бы съ откупщикомъ. Но именно этой свободы не было: къ кондуктору былъ приставленъ контролеръ въ лицѣ прокуратора, да и самая его зависимость отъ императора дѣлала его полу-чиновникомъ (вслѣдствіе чего мы, къ слову сказать, встрѣчаемся съ оригинальнымъ явленіемъ совмѣстительства кондукторства съ прокураторствомъ въ одномъ лицѣ). А разъ принципъ откупа былъ подорванъ, то на его мѣсто надлежало поставить другой принципъ: таковымъ могъ быть либо принципъ чиновной службы, либо принципъ имущественной тяготы. Первое повело бы къ прямому взысканію, но—по причинамъ, о которыхъ мы можемъ только догадываться—случилось второе. Генеральный контролеръ былъ какимъ-то двойственнымъ существомъ, соединеніемъ чиновника съ несущимъ имущественную тяготу лицомъ. Все-же институтъ генеральнаго кондукторства соотвѣтствовалъ, повидимому, государственной потребности; это видно изъ того, что, выросши на почвѣ аренды государственной земли, онъ былъ перенесенъ въ область косвенныхъ, преимущественно *таможенныхъ* налоговъ.

Въ детали мы, разумѣется, входить не можемъ; между тѣмъ, въ этой именно детальной работѣ и заключается главная трудность. Надобно помнить, что нигдѣ эволюціонный процессъ не описанъ намъ хотя бы въ самыхъ грубыхъ чертахъ; нашъ матеріалъ—исключительно надписи, очень краткіе, такъ сказать, формулярные списки лицъ, увѣковѣченныхъ на камнѣ своими доброжелателями или пожелавшихъ увѣковѣчить себя сами. Нужно было эти надписи собрать, сортируя ихъ географически и хронологически; собравъ ихъ,—конфронтировать; конфронтацію же осмыслить путемъ осторожной комбинаціи. А затѣмъ, полученный результатъ уже нетрудно было передать въ немногихъ словахъ. Результатъ же гласитъ такъ: прежде всего откупныя товарищества *на западѣ* перестаютъ играть свою прежнюю роль; ихъ замѣняетъ генеральный кондукторъ. Это значитъ, что мѣсто прежнихъ свободныхъ органовъ финансовой администраціи занимаютъ императорскіе квази-чиновники, стѣсненные контролемъ и зависимостью своего положенія; но кромѣ того вводится еще одно важное новшество. Заключаемые государствомъ и откупщиками контракты были пятилѣтніе; нетрудно понять, въ какой мѣрѣ такая долгосрочность контракта должна была благопріятствовать спекуляціи, а съ нею и вышеупомянутому поглощенію среднихъ капиталовъ крупными. Такое положеніе дѣлъ измѣняется: сроки заключаемыхъ съ кондукторами контрактовъ—го-

довые, а не пятилѣтніе. Такимъ образомъ и здѣсь замѣчается стремленіе къ опредѣленности и порядку.

При всемъ томъ генеральный кондукторъ не былъ послѣднимъ словомъ римской административной мудрости. „Сама идея,— говоритъ авторъ (стр. 258),—соединенія откупщика и чиновника въ одномъ лицѣ была неудачна; откупщикъ, естественно, охранялъ свои интересы, и интересъ государства отходилъ для него на второй планъ; при строгомъ же контролѣ это учрежденіе сводилось къ имущественной тяготѣ“. И вотъ генеральный кондукторъ объявляется несостоятельнымъ; вездѣ отъ него переходятъ къ *прямому взиманію*. На почвѣ прямыхъ налоговъ этотъ естественный, вполнѣ соотвѣтствующій монархической идеѣ исходъ оказался почему-то неизложеннымъ; мы видѣли, что развитіе системы ихъ взиманія остановилось на принципѣ имущественной тяготы. Почему же косвенные налоги оказались болѣе благопріятной почвой для принципа прямого взиманія—единственнаго, который допускаетъ современное понятіе о финансовой администраціи?.. Отвѣтъ на этотъ вопросъ окажется возможнымъ тогда, когда все податное дѣло Рима подвергнется всестороннему обсужденію со всеміpно-исторической точки зрѣнія.

Такова двойная эволюція пошлинной системы на западѣ; иначе дѣло обстояло на востокѣ. Эти страны съ давнихъ поръ знали откупъ въ его мягкой, эллинистической формѣ: вся совокупность пошлины разбивалась на мелкія частички, по участкамъ и категоріямъ, причемъ каждая частичка отдавалась на откупъ скромному капиталисту, довольствовавшемуся небольшимъ сравнительно заработкомъ, взамѣнъ своего, тоже небольшого риска. Правда, надъ всѣмъ этимъ муравейникомъ маленькихъ интересовъ пронесся вихрь римской спекуляціи въ послѣдній вѣкъ республики: какимъ образомъ мелкій эллинистическій откупъ амальгамировался съ персоналомъ крупныхъ акціонерныхъ товариществъ—это въ частности выяснить мудрено; но фактъ тотъ, что въ императорскую эпоху вихрь улегся, и прежній эллинистическій откупъ остался цѣлъ и невредимъ. Его и не тронули; консерватизмъ и косность застывшаго въ своихъ формахъ востока сказались и здѣсь. Да и стоило ли его трогать? Только имя сближало эту форму жизни съ той, которую знали и которой справедливо боялись по опыту прежнихъ временъ; на дѣлѣ же разница между обѣими была такъ же велика, какъ и разница между гордымъ римскимъ всадникомъ и скромнымъ, забитымъ евангельскимъ мытаремъ.

И вотъ, наконецъ, конечный пунктъ, точнѣе говоря, конеч-

ные пункты развитія податного дѣла въ римскомъ государствѣ. Первоначально скромный, сообразно со скромностью средствъ и состояній, старо-римскій откупъ, по мѣрѣ развитія римскаго государства, разростается въ то всеобъемлющее, всепоглощающее чудовище, которое мы знаемъ по памятникамъ послѣдняго вѣка республики; принявъ затѣмъ, въ эпоху первыхъ императоровъ, элементъ контроля, онъ гибнетъ и уступаетъ свое мѣсто генеральному кондуктору, представляющему изъ себя соединеніе трехъ принциповъ: откупа, чиновничества, т.-е. прямого взиманія, и имущественной тяготы. Соединеніе это, по существу неестественное, держится недолго; генеральный кондукторъ въ свою очередь гибнетъ и его три принципа продолжаютъ существовать каждый самъ по себѣ: принципъ прямого взиманія въ области косвенныхъ налоговъ, на западѣ принципъ имущественной тяготы въ области прямыхъ налоговъ,—наконецъ, принципъ откупа въ области косвенныхъ налоговъ на востокѣ.

Въ этомъ положеніи находилось податное дѣло къ началу того кризиса, который перевелъ античное человѣчество изъ античной эпохи въ ту, которую принято называть средневѣковьемъ.

IV.

Въ двухъ предыдущихъ главахъ мы задались цѣлью прослѣдовать за авторами обѣихъ диссертацій въ область ихъ изслѣдованій. Мы слѣдовали за ними не рабски, не шагъ за шагомъ, а съ тою вольностью, съ которой это дѣлаетъ и долженъ дѣлать стѣсненный во времени путникъ; да не посѣтуютъ поэтому на подписавшагося подъ этими строками читатели, а также и авторы разбираемыхъ книгъ, если окажется, что намъ пришлось оставить въ сторонѣ много не только второстепенныхъ, но и главныхъ вопросовъ. Это относится особенно къ книгѣ М. И. Ростовцева; какъ ни интересны и новы его разсужденія объ организаціи рудниковъ, о соленой монополіи и т. д.—въ интересахъ стройности изложенія главной мысли ихъ пришлось исключить изъ плана настоящаго этюда.

Теперь, въ заключеніе, я желалъ бы, на основаніи всего предложеннаго вниманію читателя въ двухъ предыдущихъ главахъ, дополнить и завершить характеристику обоихъ трудовъ. Мнѣ придется при этомъ значительно раздвинуть рамки разсужденія; то, что я имѣю сказать теперь, уже не имѣетъ прямого отношенія къ экономической жизни древняго Рима. Есть общіе

вопросы, дорогіе сердцу каждаго изслѣдователя, которые, тѣмъ не менѣе, рѣдко являются у нась предметомъ разговора и еще рѣже—обсужденія въ печати; вслѣдствіе этого—не пренебрежительнаго, а скорѣе слишкомъ осторожнаго къ нимъ отношенія изслѣдователей, они перешли отъ нихъ къ людямъ, мало посвященнымъ или даже совершенно непосвященнымъ въ условія и методы научнаго творчества. Ихъ-то поверхностныя и безапелляціонныя сужденія и сдѣлались преобладающими; это могло случиться тѣмъ легче, что они нашли себѣ опору въ отзывахъ нѣкоторыхъ ученыхъ, слишкомъ односторонне увлекшихся своею спеціальностью и лишившихся вслѣдствіе этого способности выдавать каждой наукѣ слѣдуемое ей.

Одинъ изъ такихъ общихъ вопросовъ я и желалъ бы обсудить здѣсь; его постановка естественно вытекаетъ изъ сравнительной оцѣнки обѣихъ работъ, о которыхъ была рѣчь—до того естественно, что мнѣ приходилось почти насильственно его отодвигать. Та же сравнительная оцѣнка снабдитъ насъ и данными къ его рѣшенію,—рѣшенію краткому, простому и убѣдительному. Таковымъ представляется оно автору этихъ строкъ; если читатель, по прочтеніи послѣднихъ страницъ этого этюда, скажетъ себѣ, что онъ все это и самъ давно уже зналъ, то моя цѣль будетъ достигнута.

Первая изъ разобранныхъ диссертацій имѣетъ своимъ содержаніемъ исторію римскаго землевладѣнія, вторая—исторію римскаго податного дѣла; темы, повидимому совершенно параллельныя и родственныя по существу, которыя каждый, не задумавшись, отнесетъ къ одной и той же наукѣ. Тѣмъ не менѣе, обработавшіе ихъ ученые—представители двухъ различныхъ наукъ: И. М. Гревсъ—историкъ, М. И. Ростовцевъ—филологъ; сами работы представлены на соисканіе степени по двумъ различнымъ каѳедрамъ. Мало того, и точка отправленія была у обоихъ авторовъ различная: И. М. Гревсъ задался цѣлью выяснить происхожденіе феодальнаго землевладѣнія; придерживаясь нео-романистическихъ взглядовъ на возникновеніе феодализма, онъ a priori былъ склоненъ признать вліяніе пережитковъ римскаго землевладѣнія на интересующее его явленіе средневѣковой экономической жизни. Отсюда явилась для него научная необходимость ознакомиться съ исторіей римскаго землевладѣнія; а такъ какъ эта исторія еще не написана, то онъ и взялся ее написать. Это — чисто историческая точка отправленія; при построеніи общей схемы исторической эволюціи замѣчается въ одномъ ея

мѣстѣ чувствительный *пробѣлъ*, и вслѣдъ затѣмъ для посильнаго его пополненія отыскиваются *матеріалы*.

Совершенно инымъ путемъ возникла диссертація М. И. Ростовцева. Знакомясь группа съ группой съ разнородными матеріалами, подлежащими вѣдѣнію его науки—надписями, пломбами, исписанными черепками и т. д., онъ замѣтилъ, что цѣлый рядъ этихъ памятниковъ, естественно тяготѣющихъ къ одному и тому же центру, остался недостаточно разъясненнымъ, что это разъясненіе получится, если свести вмѣстѣ соединенные тѣмъ общимъ тяготѣніемъ памятники, присоединяя къ нимъ и относящіеся туда же матеріалы и другія свидѣтельства, и восполнить получаемые пробѣлы путемъ комбинаціи; что эта конфронтаціонная и комбинаціонная работа, послѣдовательно произведенная, даетъ въ своемъ окончательномъ итогѣ новую, до тѣхъ поръ не существовавшую, научную дисциплину—исторію государственнаго откупа въ Римѣ. Это—точка зрѣнія филологическая: сначала авторъ видитъ передъ собою *матеріалы*, съ ихъ изслѣдованія начинаетъ, а затѣмъ уже убѣждается, что созданное имъ путемъ такого изслѣдованія цѣлое заполнитъ существующій *пробѣлъ* въ общей схемѣ историческаго развитія государственныхъ институтовъ. Но, кромѣ точки исхода, и методъ обѣихъ работъ существенно различенъ; позволимъ себѣ въ видахъ поясненія привести сравненіе. У обоихъ авторовъ имѣется по шкафу; у обоихъ есть чѣмъ заполнить его. Но у И. М. Гревса шкафъ имѣлся раньше; онъ старательно его отдѣлалъ, раздѣлилъ на крупные и мелкіе компартименты, снабдилъ каждый надписью, указывающей его назначеніе; все это имѣло чрезвычайно стройный и красивый видъ. А затѣмъ онъ сталъ по рубрикамъ разставлять свои достопримѣчательности; при этомъ оказалось, что для одного отдѣленія ихъ было слишкомъ много, для другого—слишкомъ мало; для иного и вовсе не было. Въ первомъ случаѣ онъ помогъ бѣдѣ старательной и разумной выборкой; по во второмъ и особенно въ третьемъ случаѣ дѣло было серьезное: несоразмѣрность слишкомъ бросалась въ глаза и, чтобы избѣгнуть непріятнаго зрѣлища пустоты, приходилось разставлять попышнѣе жиденькій матеріалъ, а мѣстами заполнять пробѣлы издѣліями собственныхъ рукъ (я имѣю тутъ въ виду особенно главу объ Аттикѣ). Иначе поступаетъ М. И. Ростовцевъ: у него именно матеріалы имѣлись раньше, и имѣлась возможность, старательно ихъ разсортировавъ, распредѣлить компартименты заказаннаго для нихъ шкафа, соразмѣрно съ сравнительнымъ обиліемъ каждой группы матеріала. При этомъ методѣ онъ, разумѣется, могъ (говоря

точнѣе, могъ бы) съ полнымъ удобствомъ разложить свои драгоцѣнности по соотвѣтственнымъ отдѣленіямъ, избѣгая и переполненія, и пробѣловъ; но стройность и планомѣрность всего построенія отъ него пострадали.

Итакъ, при полной схожести и родственности темъ, мы имѣемъ, тѣмъ не менѣе, въ одномъ случаѣ—во всѣхъ отношеніяхъ историческій, въ другомъ — во всѣхъ отношеніяхъ филологическій трудъ. Не часто представляется намъ возможность на столь удобныхъ примѣрахъ выяснить значеніе понятій „исторія“ и „филологія“; да будетъ намъ, поэтому, дозволено воспользоваться этой возможностью.

Прежде всего ясно, что по существу никакой разницы между исторіей и филологіей нѣтъ. И дѣйствительно, съ какой стороны мы ни подходили бы къ этому вопросу—мы такой разницы не найдемъ. Разсуждая догматически, мы легко выдѣлимъ изъ совокупности наукъ такъ наз. науки о духѣ; идя далѣе, мы не менѣе легко можемъ отъ общей массы этихъ наукъ обособить тѣ, которыя изслѣдуютъ творенія человѣческаго духа—въ самомъ общемъ значеніи слова—въ ихъ послѣдовательности, и убѣдиться, что эти науки, вмѣстѣ взятыя, составляютъ единую историко-филологическую науку; но всѣ дальнѣйшія попытки раздробить эту науку уже не поведутъ къ отдѣленію исторіи отъ филологіи, а лишь къ тому, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вмѣстѣ съ кускомъ исторіи окажется отрѣзаннымъ и соотвѣтственный кусокъ филологіи. — Разсуждая эмпирически, мы не въ состояніи указать какую бы то ни было частицу исторической науки, которая не была бы въ то же время и частицей науки филологической; это можетъ на первый взглядъ представляться страннымъ, но тѣмъ не менѣе это такъ. Если кто пожелаетъ меня опровергнуть ссылкой, напр., на латинскую грамматику, которая, будто бы, представляетъ изъ себя несомнѣнно филологическую, а не историческую науку, то я отвѣчу, что латинская грамматика въ смыслѣ науки не существуетъ, а есть только исторія развитія латинскаго языка, т.-е. наука несомнѣнно историческая; если, наоборотъ, мнѣ укажутъ, какъ на примѣръ чисто историческаго, не-филологическаго труда, на извѣстное сочиненіе Бокля, то я сошлюсь на примѣчанія того же Бокля, въ которыхъ сосредоточена филологическая часть его работы, и замѣчу при этомъ, что если не всѣ историки публикуютъ такую филологическую часть, то это еще не доказываетъ, чтобы ея у нихъ не было.—Разсуждая, далѣе, исторически, мы найдемъ, конечно, въ не очень отдаленномъ прошломъ время, когда подъ исторіей и

филологіей разумѣли двѣ существенно различныя области человѣческаго знанія; но съ тѣхъ поръ какъ со стороны историковъ было выставлено понятіе „исторія культуры", причемъ въ область культуры вошло все то, что было создано человѣческимъ духомъ, эти двѣ науки совершенно слились, и обособить ихъ стало невозможнымъ.—Желая, наконецъ, провѣрить правильность этихъ выводовъ, мы поступимъ лучше всего, если обратимся къ сочиненіямъ тѣхъ, которые, подобно Бёку, пытались отвести для филологіи особое поле изслѣдованія, независимо отъ исторіи: именно, несостоятельность этихъ попытокъ, при неоспоримомъ остроуміи и глубокой учености ихъ авторовъ, доказываетъ неосуществимость той цѣли, которую они поставили себѣ.

Съ этимъ придется примириться. Филологія и исторія по своему содержанію совпадаютъ; въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? Не лучше ли будетъ, въ видахъ ясности и простоты терминологіи, пожертвовать однимъ изъ обоихъ терминовъ? а такъ какъ слово „исторія" въ ушахъ современнаго русскаго общества звучитъ какъ-то пышнѣе и либеральнѣе, то не благоразумно ли поступятъ филологи, если назовутъ себя просто историками? Дѣйствительно, въ этомъ смыслѣ высказался не такъ давно нѣкто Неррлихъ, авторъ столь же невѣжественной, сколько и заносчивой и задорной книги, подъ заглавіемъ: „Догматъ о классической древности". Мы же совѣтуемъ имъ не торопиться; разница между исторіей и филологіей существуетъ, хотя и не тамъ, гдѣ ее ищетъ большинство людей.

Дѣло въ томъ, что историко-филологическая наука, въ отличіе отъ всѣхъ прочихъ, носитъ въ себѣ самой причину своей естественной, неупразднимой двойственности. Всѣ другія науки имѣютъ дѣло съ явленіями настоящаго; ихъ представители имѣютъ болѣе или менѣе полную возможность стать лицомъ къ лицу съ изучаемыми ими объектами, и чѣмъ полнѣе эта возможность, тѣмъ точнѣе и надежнѣе достигаемые результаты. Одна только исторія этой возможности совершенно лишена: ея объектъ—прошлое; прошлое же никогда не можетъ быть изучаемо лицомъ къ лицу. Когда-то оно было настоящимъ и, въ качествѣ таковаго, объектомъ непосредственнаго изученія, для насъ же оно исчезло; исчезло оно безслѣдно—и всякое изученіе стало бы невозможнымъ; но, къ счастью для насъ, оно оставило свои слѣды. Эти слѣды, въ чемъ бы они ни состояли, мы называемъ *памятниками*; историческій памятникъ — это и есть то третье, неустранимое, стоящее между историкомъ и его прямымъ объек-

томъ—прошлымъ. Историко-филологическая наука—одна; исторія и филологія, совпадая по содержанію, различны, однако, по методу. Чѣмъ ближе какой-нибудь трудъ къ памятникамъ, тѣмъ болѣе носитъ онъ филологическій характеръ. Другими словами: филологія—это обращенная къ памятникамъ сторона исторіи; исторія—это обращенная ко вселенскому Логосу сторона филологіи; филологія и исторія—два различныхъ аспекта одной и той же науки.

Отсюда слѣдуетъ, что мы имѣемъ полное право удержать оба термина въ установившемся ихъ значеніи, и что филологамъ нѣтъ надобности переименовать себя въ историковъ: они—филологи, поскольку они изслѣдуютъ исторію на почвѣ историческихъ памятниковъ и въ изученіи этихъ памятниковъ видятъ главную сторону своей дѣятельности. Но отсюда слѣдуетъ также, что строгое отдѣленіе исторіи и филологіи немыслимо; всякій филологъ долженъ быть въ извѣстной части своего научнаго естества и историкомъ, всякій историкъ долженъ быть до нѣкоторой степени и филологомъ,—иначе филологическая дѣятельность будетъ безцѣльною, а историческая—безпочвенною.

Взглядъ этотъ ясенъ и врядъ ли можетъ возбудить особыя возраженія. Я глубоко сожалѣю о тѣхъ „филологическихъ старыхъ дѣвахъ", какъ ихъ называлъ Лагарпъ, которыя видятъ окончательную цѣль своей научной дѣятельности въ изслѣдованіи употребленія союза „cum" у такого-то писателя и даже не спрашиваютъ, кому и на что пригодятся выведенныя ими статистическія цифры; но я не менѣе глубоко сожалѣю и о тѣхъ псевдо-историкахъ, которые, никогда не видавъ первоисточниковъ и черпая свои свѣдѣнія изъ десятыхъ рукъ, „стряпаютъ" какую-нибудь исторію Лудовика XIV; признаковъ истинной научности я ни здѣсь, ни тамъ не вижу. Но на практикѣ и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ исполненіе нашего требованія встрѣчаетъ различнаго рода препятствія, которыми обусловливается различное отношеніе между историческимъ и филологическимъ элементами въ умѣ изслѣдователя. Эти препятствія заключаются *въ большемъ или меньшемъ несовпаденіи исторической и филологической классификаціи.* Выдающееся принципіальное значеніе этого фактора еще не было, насколько мнѣ извѣстно, принимаемо во вниманіе составителями энциклопедій историческихъ наукъ: будетъ поэтому небезполезно посвятить ему здѣсь нѣсколько строкъ.

Выставимъ сначала правило; вотъ оно. Чѣмъ меньше это несовпаденіе, тѣмъ слабѣе зависимость историка отъ филолога; чѣмъ оно больше, тѣмъ болѣе филологъ доминируетъ надъ исто-

рикомъ. Другими словами: историкъ тѣмъ болѣе можетъ расширить историческую часть своего научнаго естества, или съузить филологическую, чѣмъ болѣе соблюдено требованіе, чтобы каждая отрасль исторической науки имѣла своимъ источникомъ *особую и однородную* группу памятниковъ. Соблюдено оно болѣе всего въ исторіи новыхъ народовъ: вы не станете читать докладовъ своимъ правительствамъ аккредитованныхъ при вѣнскомъ дворѣ представителей иностранныхъ государствъ, если васъ интересуетъ исторія нѣмецкой литературы въ классическую эпоху; не станете читать переписки Шиллера съ друзьями, если вы пишете исторію наполеоновскихъ войнъ. Менѣе всего оно соблюдено въ исторіи народовъ классическаго Востока; историкъ древняго Египта стушевывается передъ египтологомъ; одни и тѣ же памятники являются источниками и для политической, и для культурной исторіи, и для исторіи литературы, и для исторіи искусствъ, и для исторіи языка. Что касается классической древности, то она занимаетъ среднее мѣсто; но все же она ближе ко второй, чѣмъ къ первой группѣ; а такъ какъ она въ то же время и наиболѣе разработана, то взаимное соотношеніе филолога и историка здѣсь наиболѣе разительно. Мы имѣемъ просто двойную классификацію: если историкъ со своей точки зрѣнія раздѣлитъ науку о классической древности на исторію внѣшней и внутренней политики, умственной и матеріальной культуры, литературы, художествъ, языка и т. д. въ предѣлахъ древняго міра, то филологъ, имѣющій въ виду памятники, раздѣлитъ ее на палеографію, эпиграфику, нумизматику, археологію съ ея многочисленными подраздѣленіями, не говоря уже о папирологіи, народившейся на дняхъ, остракологіи, нарождающейся именно теперь, и пломбологіи, которою подаритъ насъ въ близкомъ будущемъ М. И. Ростовцевъ. Все это—науки, не предусмотрѣнныя ни Аристотелемъ, ни Бэкономъ, ни Контомъ, ни Спенсеромъ; вы ихъ не умѣстите ни въ одну раціональную схему классификаціи наукъ, не умѣстите именно потому, что ихъ система ни въ одномъ пунктѣ не совпадаетъ съ вышенамѣченной раціональной системой, предложенной историками. Отсюда слѣдуетъ вотъ что: филологъ, не претендующій на имя историка, можетъ спеціализироваться сколько угодно; изъ него выйдетъ прекрасный палеографъ, эпиграфикъ и т. д., т.-е. прекрасный ремесленникъ. Но историкъ древности, желающій быть ученымъ, не только долженъ быть для этого также и филологомъ (это мы видѣли выше)—онъ сверхъ того и лишенъ возможности, въ качествѣ этого послѣдняго, спеціализироваться;

если я желаю написать исторію греческой религіи, я долженъ умѣть обращаться и съ литературными, и съ эпиграфическими, и съ археологическими, и съ нумизматическими и т. д. памятниками; будучи, такимъ образомъ, какъ историкъ — спеціалистомъ, я, какъ филологъ, долженъ быть энциклопедистомъ—а при такихъ условіяхъ филологъ будетъ во мнѣ естественно доминировать надъ историкомъ, по крайней мѣрѣ количественно.

Этихъ условій намъ не измѣнить; онѣ естественны, а natura non vincitur nisi parendo.

Если мы теперь,—возвращаясь къ обоимъ трудамъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ настоящемъ очеркѣ,—спросимъ себя, который изъ обоихъ авторовъ съ самаго начала находился въ лучшей, такъ сказать, обстановкѣ для того, чтобы подчиниться этимъ неумолимымъ условіямъ и, подчиняясь, побѣдить,—то придется признать, что всѣ выгоды находились на сторонѣ М. И. Ростовцева; воздавая должную дань уваженія его неутомимому трудолюбію, его замѣчательному комбинаторскому таланту,—мы, со всѣмъ тѣмъ, можемъ по справедливости сказать, что эти его блестящія качества потому дали столь положительные и богатые результаты, что онъ съ самаго начала избралъ кратчайшій и удобнѣйшій путь, поднимался въ области исторіи съ широкаго и прочнаго филологическаго фундамента. Это восхожденіе, какъ мы убѣдились выше, еще не завершено; работа М. И. Ростовцева еще не можетъ быть названа „исторіей откупа“; это то же—хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ „очерки“ И. М. Гревса —лишь подготовительная работа. Но, зная направленіе, которое избралъ авторъ, видя его спокойный, бодрый шагъ, мы не сомнѣваемся, что онъ своей цѣли достигнетъ. Въ иномъ и, согласно сказанному выше, значительно менѣе выгодномъ положеніи находился И. М. Гревсъ. Затруднительность этого положенія заключалась именно въ томъ, что онъ приступилъ къ исполненію своей задачи именно какъ историкъ; мы легко представляемъ себѣ, какого самоотреченія отъ него потребовали эти годы, во время которыхъ онъ, лелѣя въ сердцѣ свою прекрасную историческую мечту, терпѣливо погружался въ эту пучину детальной филологической работы. А при такихъ условіяхъ слово „подготовительная работа“ звучитъ какъ-то грустно и тревожно; мы невольно спрашиваемъ себя, хватитъ ли у автора самоотреченія довести свой трудъ до конца, выдержитъ ли его терпѣніе ту массу предстоящей ему кропотливой и сухой работы, которую онъ самъ такъ живо описалъ въ первой части своихъ „очерковъ“? И если насъ что укрѣпляетъ въ этой надеждѣ, такъ это

именно сумма уже затраченнаго труда. Бываютъ моменты, когда не новая затрата, а именно уклоненіе отъ таковой даетъ поводъ упрекнуть человѣка въ расточительности; это—тѣ, когда издержанный уже раньше капиталъ представляетъ изъ себя достаточно крупную и въ то же время еще недостаточную сумму. Если не ошибаюсь, И. М. Гревсъ переживаетъ теперь именно такой моментъ. Быть можетъ, онъ нѣсколько измѣнитъ направленіе своего пути; быть можетъ, онъ, отказываясь отъ продолженія своей подготовительной работы, приступитъ теперь же къ своему окончательному, капитальному труду. Мы не очень посѣтуемъ на него, если первый томъ его „очерковъ" останется единственнымъ; но мы просимъ его сдержать свое слово и дать намъ обѣщанную „исторію римскаго землевладѣнія", за которую ему заранѣе обезпечена благодарность—быть можетъ, не очень многочисленнаго, но преданнаго своей наукѣ кружка.

Ѳ. Зѣлинскій.

ГОСПОЖА ДЕ-СТАЛЬ

Историко-критическій этюдъ.

„Il faut juger les hommes et les écrits d'après leur date".
M-me de Staël.

Историческая литература чрезвычайно богата всевозможными изслѣдованіями о французской революціи и Наполеонѣ I, и тѣмъ не менѣе, въ ней встрѣчаются и будутъ еще встрѣчаться немалые пробѣлы. Не скоро также здѣсь исчезнетъ потребность въ пересмотрѣ уже извѣстнаго, подъ тѣмъ или другимъ угломъ зрѣнія, сообразно настроенію умовъ; но эта эпоха полна *міроваго, общечеловѣческаго* интереса. Чтобы понять разнообразныя явленія той эпохи, чтобы постигнуть этотъ историческій моментъ, лучше всего обращаться къ самимъ представителямъ стремленій окружавшей ихъ среды. Ко многимъ изъ нихъ можно примѣнить остроумное слово Монтескьё, сказанное о Вольтерѣ: „Il a plus que personne l'esprit que tout le monde a". Такова была и г-жа де-Сталь. Она—одна изъ наиболѣе впечатлительныхъ натуръ среди прочихъ выдающихся ея современниковъ. Это, такъ сказать, кристаллъ, отражающій въ себѣ все настроеніе эпохи. На ней, быть можетъ, лучше, чѣмъ на комъ-либо, можно изучать всю сложность, все жизненное разнообразіе *переходной* эпохи того времени, со всѣми ея противорѣчіями и аномаліями. Она вынесла на себѣ всю борьбу различныхъ и могущественныхъ теченій европейской жизни, какъ просвѣщеніе, революція и реакція.

О г-жѣ Сталь не мало писали, но преимущественно, какъ о романисткѣ, какъ о Колумбѣ по отношенію къ Германіи, или же какъ объ интересной для біографа личности; но она не ме-

нѣе важна какъ политикъ и соціологъ; для насъ же, въ наше время, эта сторона ея таланта даже наиболѣе поучительна. И мы имѣемъ желаніе воздать должное этой замѣчательной женщинѣ, на которую еще мало обращали вниманія съ этой стороны.

Но наша задача представляетъ особенныя затрудненія. Дѣло не въ недостаткѣ матеріала: на него не поскупилась сама г-жа Сталь. Дѣло въ томъ, что у нея самой, какъ у писательницы чрезвычайно чуткой, какъ у мыслителя переходнаго времени, на каждомъ шагу встрѣчаются противорѣчія, даже нѣкоторыя запутанности. Но, зато, это—тема благодарная, если приложить къ ней надлежащій методъ. Здѣсь, какъ и вообще въ современной наукѣ, должно слѣдить за эволюціей идей автора. Необходимо выяснить, подъ какими неизбѣжными вліяніями зарождались разные взгляды у г-жи Сталь, какъ они боролись съ другими, какъ терпѣли превращенія, въ которыхъ отражалась бурная эпоха того времени.

Мы не поскупимся на подлинныя выписки. Кромѣ того, что документы всегда — самые краснорѣчивые свидѣтели, въ данномъ случаѣ ссылки оправдываются самою сущностью дѣла.— Г-жа Сталь — изъ тѣхъ авторовъ, у которыхъ очень важны оттѣнки и самая форма изложенія—самый блестящій и своеобразный авторъ.

Начавъ наше изслѣдованіе съ цѣлью изучить г-жу де-Сталь, какъ политика и соціолога, мы ходомъ самой работы были приведены къ необходимости разобраться во всемъ ея міровоззрѣніи, которое было, можно сказать, умоначертаніемъ всей эпохи. У нея чувство неразрывно связано съ умомъ. Г-жу Сталь нужно понять всю: тогда только она станетъ ясна и съ нашей спеціальной точки зрѣнія.

Само собою разумѣется, что мы старались не оставлять безъ вниманія ничего изъ ея произведеній. Но для нашей цѣли главную службу сослужили наиболѣе крупныя ея сочиненія: это — „Страсти“ (1796), „Литература“ (1800), „Дельфина“ (1802), „Коринна“ (1807), „Германія“ (1810) и „Революція“ (сочиненіе, изданное въ годъ смерти де-Сталь—въ 1817 г.).

I.

Нелегко представить въ стройной системѣ *соціологію* г-жи Сталь: мы употребляемъ въ самомъ широкомъ смыслѣ это выраженіе для того времени, когда даже не было и названія этой

науки. Главное затрудненіе лежитъ, впрочемъ, не столько въ самомъ авторѣ, сколько въ его эпохѣ, изобилующей массой фактовъ, богатой геніальными людьми и новыми идеями,—въ эпохѣ, когда жизнь била повсюду ключомъ, какъ бы стараясь наверстать потерянное, и, не довольствуясь разрушеніемъ стараго, воздвигала идеалы, которые отчасти не утратили своей силы и для насъ. Самой г-жѣ Сталь трудно было слѣдить за этимъ потокомъ событій; и она, какъ впечатлительная, горячая натура, сама всюду бросала мысли, иногда забывая однѣ изъ нихъ и противорѣча другимъ. Сверхъ того, она и сама была участницей нѣкоторыхъ событій. Ея главное политическое сочиненіе, „Разсужденія о французской революціи", не столько исторія, сколько мемуары, которымъ явственно вредили двѣ страсти автора—пылкая любовь къ своему отцу и столь же горячая ненависть къ якобинцамъ и Наполеону; оно и возникло изъ желанія описать жизнь Неккера, какъ общественнаго дѣятеля. Г-жа Сталь сама чувствовала это: „Моей гордостью,—предупреждаетъ она,—было бы говорить о временахъ, въ которыхъ мы жили, какъ о давнемъ прошломъ. Пусть просвѣщенные люди, эти современники будущаго по своимъ мыслямъ, судятъ, насколько я съумѣла подняться до той высоты безпристрастія, къ которой я стремилась".

Но наша задача облегчается, прежде всего, самими „Разсужденіями". Это сочиненіе — основа для политики г-жи Сталь. И именно оно принадлежитъ къ числу самыхъ зрѣлыхъ ея трудовъ и можетъ служить ея завѣщаніемъ: она и писала его до конца своей жизни. Это—первая исторія великаго переворота, и она написана женщиной. Мало того: это—первая исторія Франціи, набросанная систематически съ извѣстной точки зрѣнія. Это — работа философской мысли; тутъ много темъ для публициста и соціолога. Въ „Разсужденіяхъ" все связано основною идеей, которой была посвящена вся жизнь автора. Это—защита принциповъ 1789 года; но необходимо оговориться, что идеаломъ г-жи Сталь были „первые дни Національнаго Собранія", т.-е., начало Учредительнаго Собранія. Отвергая „равенство", она сократила тройной девизъ революціи на треть или, вѣрнѣе, на двѣ трети. „Разсужденія" стали евангеліемъ либерализма; а ретрограды и демократы съ одинаковымъ усердіемъ проклинали эту книгу. „Разсужденія" послужатъ намъ лучшимъ путеводителемъ въ лабиринтѣ идей и событій, куда вступаемъ теперь; хотя мы, конечно, будемъ пользоваться и всѣми остальными сочиненіями г-жи Сталь. Другою Аріадниной нитью по-

служатъ намъ нѣкоторыя изъ этихъ идей, — idées-mères, idées-forces, какъ говорятъ теперь, — проходящія по трудамъ г-жи Сталь всѣхъ эпохъ. И это тѣмъ важнѣе для насъ, что, какъ мы уже говорили, онѣ связаны съ общими аксіомами міросозерцанія нашей писательницы. Но предварительно укажемъ на ея отношенія къ другимъ *соціологамъ до соціологіи.*

Г-жа Сталь умѣла цѣнить своихъ предшественниковъ, кого знала. Лучше всего ей были знакомы Монтескьё и Руссо, хуже — Макіавелли, совсѣмъ плохо — Аристотель. Это и отразилось на ея пониманіи ихъ. Менѣе всего она оцѣнила Аристотеля: она даже имѣла въ виду скорѣе средневѣкового Аристотеля, авторитетъ котораго такъ заковалъ умы европейцевъ въ „догматическія формы". Да г-жѣ Сталь и нужно было унизить Аристотеля, чтобы выдержать свою теорію усовершенствованія (гл. V); она и постаралась сдѣлать это, напирая, вопреки своему историческому чутью, на то, что онъ допускалъ рабство. Г-жа Сталь какъ бы желаетъ умалить его геніальность ссылкой на то, что ему не трудно было черпать свои примѣры изъ республики, находившейся у него передъ глазами. Но замѣчательно, какъ она, при всемъ томъ, почуяла главное значеніе Аристотеля въ данномъ случаѣ. Восхищаясь „этимъ удивительнымъ для своего вѣка человѣкомъ", — она говоритъ: „Аристотель замѣнилъ духъ системы духомъ наблюденій... Онъ выше новыхъ ученыхъ въ знаніи соціальнаго искусства. Онъ почти такъ же силенъ, какъ новые, въ нѣкоторыхъ вопросахъ политики... Онъ съ рѣдкой проницательностью оцѣниваетъ причины революцій и принципы правительствъ".

Зато Макіавелли уже понятъ г-жею Сталь съ поразительною глубиной, до которой недавно дошли его историки. Въ то время, какъ всѣ видѣли въ немъ отца „макіавелизма", г-жа Сталь, еще до открытія его писемъ, не могла допустить, чтобы „такой геній могъ принять теорію преступленія": онъ нарочно развивалъ принципы тиранніи, чтобы внушить ужасъ къ злодѣяніямъ. „Онъ раскрылъ искусство преступленія скорѣе какъ наблюдатель, чѣмъ какъ преступникъ", и не его вина, что „его уроками воспользовались больше угнетатели, чѣмъ угнетенные". Его можно упрекнуть развѣ только въ томъ, что онъ „писалъ какъ бы для себя, не думая о впечатлѣніи" своей книги. Сталь восхищается соціологическими обобщеніями въ разсужденіяхъ Макіавелли о Титѣ-Ливіи, которыя ставитъ выше „Государя": „Это — одно изъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ наиболѣе проявилась глубина человѣческаго ума". Вообще Макіавелли — единственный изъ

итальянскихъ историковъ, который смотрѣлъ на событія своей страны съ всемірной точки зрѣнія. А послѣ изданія писемъ Макіавелли (1813), Сталь окончательно утверждала, что „Государь“ былъ написанъ съ цѣлью примириться съ Медичи, которые измучили автора за его любовь къ свободѣ. При этомъ тутъ выказался горячій патріотъ: онъ шелъ на все, чтобы помочь итальянскимъ государямъ изгнать нѣмцевъ и французовъ.

Непосредственными предшественниками и отчасти учителями нашего автора были вожди французскаго просвѣщенія. Для исторіи политическихъ теорій XIX вѣка любопытно его различное отношеніе къ главнымъ изъ нихъ. Конечно, „царь насмѣшниковъ“ (prince des moqueurs), Вольтеръ, не могъ нравиться такой поклонницѣ тогдашней Германіи, какъ г-жа Сталь. Ее мирила съ нимъ сначала только его защита свободы, его терпимость, его война съ уродствами стараго порядка. За первыя сочиненія, написанныя „подъ вліяніемъ Англіи“, она даже ставитъ его, какъ перваго поэта своего вѣка, какъ генія, который наполнилъ собой цѣлую умственную эпоху, популяризовалъ во Франціи философію и высказалъ свободный взглядъ на вещи. Но въ „Германіи“, гдѣ Сталь вообще отступаетъ отъ своихъ передовыхъ взглядовъ и бичуетъ XVIII-й вѣкъ за его „матеріализмъ“, она не щадитъ Вольтера. Напирая на вторую половину его дѣятельности, она уничтожаетъ перо, опороченное „жалкимъ и суетнымъ безвѣріемъ“, обращающее въ шутку великую метафизику и нападающее на католицизмъ. „Вольтеръ не поднималъ могучихъ ощущеній нашей природы; онъ не вызывалъ изъ глубины лѣсовъ, какъ Руссо, бури первобытныхъ страстей, чтобы потрясти правительство въ его старыхъ основахъ. Вольтеръ лишь шуткой, насмѣшкой, ослаблялъ понемногу значеніе нѣкоторыхъ заблужденій... Онъ предвидѣлъ революцію, которую самъ подготовлялъ, но не желалъ ея“. Конечно, меньше всего Сталь могла простить Вольтеру его „Жанну д'Аркъ“; но ей не нравится и „Кандидъ“, написанный для уничтоженія Лейбница, „противъ конечныхъ причинъ оптимизма, свободной воли, наконецъ, противъ всѣхъ философскихъ мнѣній, возвышающихъ достоинство человѣка!“ Это—образецъ той „насмѣшливой философіи“, которая снисходительна съ виду и такъ жестока на дѣлѣ! Вотъ результаты пагубнаго матеріализма, не признающаго ничего, кромѣ ощущеній! Впрочемъ, въ „Разсужденіяхъ“ г-жа Сталь старается оправдать Вольтера условіями его времени, когда были еще во всей силѣ законы противъ протестантовъ. „Во время революціи,—говоритъ она,—мы чувствовали только зло невѣрія и гнус-

ныхъ насилій, съ которыми старались распространять его; но тѣ же благородныя чувства, которыя въ концѣ XVIII-го вѣка заставляли возмущаться опалой духовенства, внушали, 50 лѣтъ раньше, ненависть къ нетерпимости послѣдняго". Послѣ этого понятенъ злостный взглядъ г-жи Сталь на энциклопедистовъ. Она даже не могла оцѣнить, близкій къ ней въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, умъ Дидро. Ей казалось, что онъ находится „подъ игомъ собственнаго разума" и что онъ, „ломался ради эффекта". Ей даже какъ будто не нравилась извѣстная филантропія этого человѣка рѣдкой души: вѣдь, это—замѣна религіозныхъ чувствъ, которыхъ ему недоставало!

Иное дѣло—Руссо и Монтескьё. По словамъ Мишле́, „геній г-жи Сталь послѣдовательно подчинялся двумъ учителямъ и двумъ идеямъ: до 1789 года—Руссо, а потомъ—Монтескьё". Это не совсѣмъ вѣрно. Наиболѣе восторженное отношеніе г-жи Сталь къ Руссо замѣчается въ первомъ ея произведеніи, вышедшемъ изъ-подъ ея пера наканунѣ революціи, когда ей было всего 22 года: „Письма о сочиненіяхъ и характерѣ Руссо", это—хвалебный гимнъ. Но всегда точкой соприкосновенія между нею и Руссо было то, что потомъ называли „романтизмомъ". Она восторгалась „сердцемъ, естественностью, талантомъ, идущимъ изъ глубины души и потому презираемымъ свѣтомъ", человѣка, „который съумѣлъ сдѣлать изъ добродѣтели страсть". Ее трогала его религіозность, особенно его „меланхолія" и мечтательность. Указывая на то, что первое сочиненіе онъ написалъ, когда ему было сорокъ лѣтъ, она замѣчаетъ: „онъ слишкомъ много чувствовалъ, чтобы думать". Она высоко ставила его, какъ писателя новаго направленія: „Руссо, Монтескьё и Кондильякъ,—говоритъ она,—принадлежатъ къ республиканскому духу до республики; они начали желательную революцію въ характерѣ французскихъ сочиненій". Г-жѣ Сталь нравились и чувствительная „Новая Элоиза", и искренняя „Исповѣдь". Она во многомъ раздѣляла взгляды Руссо на религію, женщину, воспитаніе; ее подкупалъ весь этотъ горячій протестъ противъ общественной несправедливости. Руссо казался ей „единственнымъ геніемъ своего времени, который уважалъ благочестивыя мысли, столь необходимыя намъ". Наконецъ, она вполнѣ принимала его основной взглядъ на человѣка, какъ на существо доброе по природѣ, но испорченное обществомъ. Съ этимъ свѣточемъ въ рукахъ, г-жа Сталь, если бы была послѣдовательна, должна бы была идти и дальше, до самаго „Общественнаго Договора". Между тѣмъ именно въ политикѣ г-жа Сталь была далека отъ Руссо съ самаго начала, даже

въ хвалебной статьѣ о немъ. Она, какъ только касается этого вопроса, тотчасъ указываетъ на „дикое воображеніе“ Руссо и рисуетъ его фантазёромъ, хотя и геніальнымъ. Въ противоположность Монтескьё, „большинство развиваемыхъ имъ мыслей— умозрительнаго характера“. Она видитъ здѣсь даже вредъ, противъ котораго необходимо предостеречь общество. „Смѣю осуждать Руссо,—говоритъ она,—за то, что онъ не считалъ свободною ту націю, у которой законодатели выборные, и требовалъ собранія всѣхъ гражданъ. Энтузіазмъ дозволителенъ въ чувствахъ, а не въ планахъ. Защитники свободы должны остерегаться преувеличеній. Какъ обрадовались бы ея враги, видя ея невозможность!“ Вообще, „Общественный Договоръ“, на взглядъ Сталь, есть изложеніе мечты объ идеальномъ строѣ общества, а не описаніе существующихъ обществъ, какъ у Монтескьё. Позже, переживъ ужасы террора, г-жа Сталь выражалась еще сильнѣе. Она говоритъ о Руссо въ „Литературѣ“: „Онъ ничего не открылъ, но все воспламенилъ“. „Чувство равенства, которое порождаетъ гораздо больше бурь, чѣмъ любовь къ свободѣ, и вызываетъ совсѣмъ иные вопросы и болѣе страшныя событія,—это чувство рисуется въ каждой строчкѣ Руссо во всемъ своемъ величіи и во всемъ ничтожествѣ и овладѣваетъ всѣмъ человѣкомъ, какъ его добродѣтелями, такъ и пороками“. Можно сказать, что г-жа Сталь только тамъ обращала вниманіе на политику Руссо, гдѣ послѣдній самъ бралъ у Монтескьё, что случалось нерѣдко. Замѣтимъ, что Руссо даже примѣры изъ исторіи беретъ тѣ же, что у Монтескьё. Сюда относятся, напр., дѣленіе государства на демократію, аристократію и монархію (по Монтескьё и г-жѣ Сталь, деспотизмъ), соотношеніе между формами правленія, съ одной стороны, и величиной территоріи и климатомъ—съ другой. [1]).

Но былъ человѣкъ, къ которому г-жа Сталь всегда относилась съ благоговѣніемъ, которому почти во всемъ слѣдовала. Это — ея истинный учитель, Монтескьё, котораго она изучала, съ замѣтками, уже съ четырнадцати-лѣтняго возраста. Вотъ настоящій кладезь премудрости, изъ котораго она все черпала по соціологіи. Тутъ-то видна наглядно ея способность переливать чужое въ свой блестящій сосудъ, который давалъ всему свою красивую окраску,—такъ что иногда трудно опредѣлить цвѣтъ содержимаго. Монтескьё для г-жи Сталь выше всѣхъ на свѣтѣ. Онъ „нерѣдко превосходитъ лучшихъ писателей древности“; древнихъ фило-

[1]) Michelet, „Les femmes et la Revolution“, стр. 72.—M-me de Staël, „Sur Rousseau“ (Oeuvres: I, 15—18).

софовъ нельзя и сравнивать съ нимъ. Планъ „Духа Законовъ", безъ сомнѣнія, обширнѣе плана „Общественнаго Договора". Тамъ разсмотрѣны всѣ существовавшіе законы, и еще тысячи подробностей вытекаютъ изъ этой книги, столь замѣчательной по общимъ мыслямъ. „Монтескьё полезнѣе для сложившихся обществъ, а Руссо—для тѣхъ, которыя пожелали бы собраться въ первый разъ... Правда, слѣдуетъ болѣе восторгаться тѣмъ, кто создаетъ систему, хотя бы и несовершенную, но возможную, чѣмъ философомъ, который, борясь съ одною природою вещей, представляетъ воображенію безукоризненный планъ; но, быть можетъ, нужно быть самому правителемъ, чтобы отказываться отъ идеальнаго блага, чтобы рѣшиться ставить достижимое лучшее рядомъ съ необходимымъ зломъ, чтобы ограничиться медленными шагами къ цѣли, которая такъ быстро достигается мыслью. Наконецъ, быть можетъ, нужно самому наблюдать вблизи бѣдствія народовъ, чтобы считать достаточной славой хотя бы указаніе небольшого облегченія. Такъ поставимъ же выше Руссо твореніе государственнаго человѣка, у котораго наблюденія предшествуютъ теоріямъ, который доходитъ до общихъ идей путемъ познанія частныхъ фактовъ, и который не берется, какъ артистъ, начертывать планъ правильнаго зданія, а старается, какъ опытный человѣкъ, поправлять готовое сооруженіе"—человѣка, который „показываетъ разомъ и зло, и его лекарство, и цѣль, и средства".

Нечего и говорить, что Гердеръ, какъ ни восторгалась имъ г-жа Сталь, стоитъ гораздо ниже Монтескьё, „по глубинѣ политическихъ наблюденій". Монтескьё выше даже Вольтера, въ самой спеціальности послѣдняго, хотя онъ взялся за шутку только потому, что она въ то время „аллегорическимъ способомъ показывала истину при господствѣ заблужденій". Монтескьё, конечно, не сравниться съ Вольтеромъ въ „естественной веселости"; зато онъ „возмѣстилъ ее силой ума". Г-жа Сталь говоритъ: Монтескьё выдвинули самые глубокомысленные труды, и его мысль породила тысячи мыслей. Онъ анализировалъ всѣ политическіе вопросы безъ энтузіазма; онъ все показалъ,—другимъ осталось только выбирать. Если соціальное искусство своимъ принципомъ и въ своемъ приложеніи достигнетъ когда-нибудь во Франціи достовѣрности науки, то первые шаги послѣдней нужно будетъ считать со временъ Монтескьё". Въ этомъ смыслѣ, не говоря уже о „Духѣ Законовъ", „превосходный трудъ" Монтескьё „О причинахъ величія и паденія римлянъ" послужитъ своего рода евангеліемъ для соціологовъ. Г-жа Сталь ставитъ Монтескьё даже

образцомъ относительно внѣшней формы. Въ его произведеніяхъ „совмѣщаются всѣ достоинства стиля“. У него, какъ и у Паскаля, „краснорѣчіе мыслей, которымъ изъ древнихъ обладалъ одинъ только Тацитъ; онъ, освѣщая идею, въ то же время расширялъ ее однимъ удачнымъ выраженіемъ, однимъ поразительнымъ эпитетомъ, однимъ образомъ, брошеннымъ мимоходомъ“. Англичане писали о соціологіи и психологіи для поученія, не заботясь о томъ, чтобы заинтересовать читателя; „Монтескьё же какъ бы даетъ жизнь идеямъ; въ каждой своей строчкѣ, посреди абстракцій ума, онъ напоминаетъ намъ о нравственной природѣ человѣка“. И если „Монтескьё не такъ легко понять, какъ Вольтера, тѣмъ не менѣе онъ всегда ясенъ настолько, насколько позволяетъ предметъ его размышленія“ [1]). Немудрено, что, какъ увидимъ ниже, Сталь исчерпала все содержаніе своего учителя до мельчайшихъ подробностей; только для уясненія его вліянія нужно сличать ея политику, шагъ за шагомъ, съ мыслями Монтескьё, такъ какъ она нигдѣ не цитируетъ его и такъ какъ у нея все выходитъ красиво и горячо, вопреки сухости и строгости учителя, и многое чужое кажется подъ ея перомъ собственнымъ. Мы были поражены, при сличеніи, какъ вся Сталь словно разваливалась: оставалась только своеобразная форма и наблюденіе надъ пережитымъ, если не считать такихъ вопросовъ, болѣе ясно опредѣлившихся послѣ Монтескьё, какъ прогрессъ и матеріализмъ. Начиная съ англійской конституціи и кончая выборами, судомъ присяжныхъ и разводомъ,—во всемъ Сталь могла бы примѣнить къ себѣ слова, сказанныя ею объ адресахъ Учредительнаго Собранія: „каждый изъ этихъ 40.000 считалъ себя соревнователемъ Монтескьё“. Сталь смотрѣла и на своихъ предшественниковъ глазами учителя. Для Монтескьё, Макіавелли — также „великій человѣкъ“, хотя онъ мало заимствовалъ у него. Онъ, подобно Сталь, не понялъ Аристотеля, который будто-бы руководился „то завистью къ Платону, то пристрастіемъ къ Александру“; и онъ не можетъ простить ему оправданія рабства, хотя самъ признается, что „черныхъ невозможно считать людьми“.

Послѣ Монтескьё для Сталь важнѣе всѣхъ предшественниковъ былъ человѣкъ, игравшій первостепенную роль въ ея жизни; это—ея отецъ, Неккеръ. Исторія послѣднихъ годовъ стараго режима и начала революціи немыслима безъ его имени. Его со-

---

[1]) Montesquieu, Oeuvres. I, 157; II, 68; III, 440.—M-me de Stael, „Rousseau“ и „Fictions“ (Oeuvres I, 3, 16, 66).

чиненія служатъ исходною точкою либерализма XIX-го вѣка. Въ своей широкой практикѣ, онъ такъ наметался въ знаніи людей, что, съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, можно принять слова его дочери, сказанныя по поводу его мемуара при уничтоженіи титуловъ: „въ теченіе двадцати лѣтъ, онъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ постоянно предсказывалъ событія". Сталь находитъ даже, что онъ „первый указалъ на стремленіе къ безвѣрію". Во всякомъ случаѣ, вѣрно то, что онъ сдѣлалъ нѣкоторыя важныя предвѣщанія, которыми, кстати сказать, любопытно воспользовалась его дочь. Неккеръ предсказывалъ, что республика вызоветъ не одну внутреннюю войну: „и иностранныя державы никогда не допустятъ этого". Онъ предвидѣлъ весь терроръ и то, какъ изъ этого хаоса поднимется болѣе другихъ честолюбивый, ловкій и смѣлый господинъ, который увлечетъ массы надеждой на „химерическую будущность": „начало подобнаго предпріятія ознаменуется междоусобіемъ со всѣми его несчастіями; и, быть можетъ, утвержденіе самаго тиранническаго деспотизма будетъ его послѣднимъ словомъ". И тогда уже „недостаточно будетъ возстановленія стараго порядка: подавай хоть двадцати-лѣтній деспотизмъ и самую страшную тиранію!" Это было писано въ 1792 году, а въ 1795 году Сталь, въ своемъ „Внутреннемъ мирѣ", предсказывала тиранію: „Необходимая для сверженія республики сила неизбѣжно поведетъ къ абсолютизму....; а король, который приходитъ среди хаоса законовъ и правилъ, окруженъ всѣми условіями деспотизма". Однако, и тутъ можно докопаться до первоначальнаго источника. У Монтескьё сказано: „Духъ крайняго равенства ведетъ къ деспотизму одного, а деспотизмъ одного кончается завоеваніемъ". Вообще, Неккеръ точно такъ же относится къ Монтескьё, какъ Сталь—къ Неккеру: и это-то закрѣпляло связь между дочерью и отцомъ, хотя, сама того не замѣчая, дочь въ нѣкоторыхъ вопросахъ вела либерализмъ дальше, чѣмъ ея отецъ.

Неккеръ—вообще натура болѣе консервативная и узкая. Сама Сталь свидѣтельствуетъ, что онъ боялся всякихъ „нововведеній"; и самъ онъ называетъ себя другомъ „старыхъ правилъ" (vieilles maximes). Онъ даже какъ бы отпирался отъ своего знаменитаго „Отчета" (Compte-rendu), утверждая, что онъ составилъ его по приказанію короля. Неккеръ—недюжинный человѣкъ только для дюжиннаго времени. По справедливому замѣчанію участника событій, проницательнаго Байейля, у Неккера „честные взгляды и возвышенныя чувства, но онъ слишкомъ полагался на ихъ чистоту, какъ на гарантію противъ всякихъ заблужденій. Онъ

вовсе не былъ способенъ понимать время, въ которомъ все было чрезвычайно". Неккеръ, какъ швейцарецъ и кальвинистъ, именно годился въ отцы доктринаризма своей систематичностью и осторожностью. Хотя банкиръ, онъ въ то-же время былъ честный филантропъ. Г-жа дю-Деффанъ справедливо говорила, что онъ вносилъ метафизику во всѣ свои слова,—прибавимъ, и во всѣ свои писанія. Но дочь видѣла одни только достоинства отца. По словамъ американскаго посланника Морриса, Сталь говорила объ отцѣ „съ невиданной, чрезмѣрной суетностью", какъ объ „идеалѣ мудрости". Она сама признавалась: „Все, что говорилъ мнѣ отецъ, твердо во мнѣ, какъ скала"; всему, пріобрѣтенному послѣ его смерти, она не придавала значенія. Какъ мы уже упоминали, она считала своимъ священнымъ долгомъ описать его политическую дѣятельность,—задача, которая разрослась подъ ея перомъ въ извѣстное сочиненіе о „Революціи". Сталь одинаково превозноситъ всѣ его труды. Она хвалитъ даже его попытку въ области романа и сатиры. Она оправдываетъ такую лесть Наполеону, какъ его „Послѣдніе взгляды на политику и финансы", и защищаетъ его книжку „О законодательствѣ и хлѣбной торговлѣ". Затѣмъ Сталь съ восторгомъ разсказываетъ объ успѣхѣ „Финансоваго Управленія" (оно разошлось въ 80.000 экземплярахъ),—этого „единственнаго классическаго сочиненія во Франціи по вопросамъ администраціи", этого „плана финансовыхъ реформъ, усвоенныхъ Конституантой". Особенно высоко ставитъ она „Революцію" и „Администрацію" Неккера—сочиненія, которыя Байейль называетъ „путеводителями" г-жи Сталь въ ея собственной „Революціи". Въ первомъ изъ этихъ сочиненій „всѣ вопросы взяты такъ глубоко, что, читая его, почти теряешь смѣлость писать", а за второе Сталь называетъ Неккера „Фенелономъ политики". Но верхъ совершенства—„Исполнительная власть", „признанная мыслителями классическимъ произведеніемъ". Здѣсь-то, подъ видомъ критики Конституанты, заключены важные совѣты политикамъ и предсказанія. Сталь свидѣтельствуетъ о 12-ти тезисахъ книги: „это общественное евангеліе воскресло почти цѣликомъ въ сентуанской деклараціи Людовика XVIII и потомъ въ другомъ актѣ: съ 27 декабря 1788 года по 8 іюля 1815-го вотъ чего желали французы, когда они могли желать!" „Исполнительная власть", написанная въ духѣ извѣстнаго сочиненія Борка о революціи, только-что вышедшаго тогда, стала дѣйствительно руководителемъ доктринаризма и главнымъ путеводителемъ г-жи Сталь, которая, впрочемъ, такъ

же мало ссылается на отца, какъ и на ихъ общаго учителя, Монтескьё.

Къ предшественникамъ Сталь должно отнести еще одного ея старшаго современника, такъ какъ онъ уже въ 1793 году написалъ сочиненіе объ одной изъ главныхъ ея темъ,—о прогрессѣ (сочиненіе, которое было опубликовано послѣ его смерти, въ 1795 г.). Это — Кондорсе́, знавшій ее въ началѣ революціи. Онъ спасъ тогда, по ея собственному признанію, двухъ ея пріятелей отъ гильотины. Подъ его невозмутимой внѣшностью таилась пылкая душа республиканца. Д'Аламберъ называлъ его „вулканомъ, покрытымъ снѣгомъ“. Сталь знала объ его „Прогрессѣ“: „когда,—говоритъ она,—Кондорсе́ подвергся опалѣ, онъ написалъ объ усовершенствованіи человѣческаго ума книгу, въ которой есть, конечно, ошибки, но которая, въ общемъ, проникнута надеждой на счастье людей; и онъ питалъ эту надежду въ ту самую минуту, когда его собственная судьба погибала безвозвратно“. Но Сталь не любила этого мученика идеи, хотя признавала его „знаменитымъ во многихъ отношеніяхъ, неоспоримо весьма просвѣщеннымъ и умершимъ какъ мученикъ“. Его „характеръ отличается духомъ партіи“. Онъ обязанъ своею ролью больше „своимъ страстямъ, чѣмъ своимъ мыслямъ; онъ былъ безбожникъ, точно такъ же, какъ священники были фанатичны; онъ отличался ненавистью и упорствомъ“. Это не мѣшало г-жѣ Сталь заимствовать у него основную идею, сдѣлавъ изъ нея новое приложеніе. Идея „Прогресса“ Кондорсе́—та же душа XVIII-го вѣка: это—вѣра въ безконечное развитіе разума, ясно выразившаяся уже въ Тюрго.

II.

Что же представляла собой сама г-жа Сталь, съ точки зрѣнія соціологіи? Постараемся уловить сначала въ ея сочиненіяхъ основы ея политическихъ воззрѣній, а потомъ разсмотримъ подробно тѣ вопросы, которые занимали ее преимущественно.

Несомнѣнно, что г-жѣ Сталь представлялся обликъ будущей соціологіи, хотя еще въ смутномъ и отрывочномъ видѣ. Читая нѣкоторыя строки, думаешь, что читаешь Конта, Спенсера, Бокля и т. п. Она не только понимала научныя требованія вообще, но и прямо высказывалась о „политической наукѣ“, и даже съ приложеніемъ къ ней математическаго метода. Характеризуя Людовика XVI, она говорила: „Но всѣ его промахи до того были въ природѣ

обстоятельствъ, что они возобновлялись бы каждый разъ, какъ только образовывались бы подобныя же внѣшнія обстоятельства". Она предвѣщала Наполеона и реставрацію и подходила близко къ пониманію политической будущности Швейцаріи, Даніи и Италіи; она предчувствовала великую будущность Россіи и Сѣверной Америки; она первая подмѣтила недостатки Нѣмецкаго Союза, устроеннаго передъ ея смертью (въ 1816 году). Оттого-то Сталь не только признаетъ предсказанія въ исторіи, но выставляетъ ихъ какъ заслугу. Мы видѣли, какъ рѣшительно она признаетъ отцомъ новой науки того Монтескьё, который сказалъ знаменитыя слова: „Разумъ состоитъ въ познаваніи сходства между различными предметами и различія между предметами подобными". И передъ этимъ научнымъ умомъ, у котораго всегда „наблюденія предшествовали теоріямъ", становился фантазёромъ Руссо, разсуждавшій въ противоположную сторону. Оттого она и отъ историковъ требуетъ „не одного собранія именъ", но и обобщеній, а также „изгнанія изъ исторіи всякихъ вымысловъ". Мало того,—подобно тому, какъ она пользовалась уже извѣстнымъ терминомъ для обозначенія прогресса, у нея есть свой терминъ и для соціологіи: это — „общественное искусство" (l'art social). Она даже какъ бы раздѣляетъ двѣ части новой науки, говоря то объ „основахъ" (principes), то о „приложеніи" (application) этого искусства. Прибавимъ, что, отдавая дань духу времени, она особенно интересовалась второю частью: у нея—больше политическіе совѣты, чѣмъ выводы историческихъ законовъ; она думаетъ больше о томъ, какъ должно идти въ будущемъ, чѣмъ о томъ, какъ шли въ прошломъ.

У Сталь есть уже элементы этого „общественнаго искусства", весьма любопытные для того времени. Быть можетъ, нигдѣ лучше не высказывается борьба двухъ эпохъ, на порогѣ которыхъ она стояла. Здѣсь мы часто встрѣчаемся съ XVIII-мъ вѣкомъ, сила котораго ясна въ признаніи науки и ея метода. Понятно, что, несмотря ни на что, г-жѣ Сталь должна была броситься въ глаза *закономѣрность* въ исторіи. Человѣкъ, который могъ, хотя бы повторяя Кондорсé, сказать, что теорія вѣроятностей примѣнима и къ человѣческимъ дѣйствіямъ, естественно долженъ былъ видѣть въ жизни народовъ не игру случая или личнаго произвола, а непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. У г-жи Сталь мы нерѣдко наталкиваемся на такія глубокомысленныя научныя положенія: „Правительства, по большей части,—плодъ времени и событій: и часто познаніе ихъ природы и сущности не предшествовало, а слѣдовало за ихъ установленіемъ... Тотъ не можетъ

относиться къ междоусобіямъ какъ мыслитель, кто не знаетъ, что реакція всегда равна акціи... Когда дѣло касается политическихъ убѣжденій, намъ трудно высказать справедливое сужденіе объ отдѣльномъ человѣкѣ: каково же судить цѣлую націю?" Замѣчательнѣе всего, что Сталь подводила подъ законъ даже такой „хаосъ", какъ революціи вообще и „ужасы" 1793 г. въ частности. Эпиграфомъ къ ея „Революціи" служатъ знаменательныя слова: „Революціи въ большихъ государствахъ—вовсе не дѣло случая или каприза народовъ". Даже въ ихъ ходѣ господствуетъ правильность: „въ революціяхъ есть неизбѣжные періоды, какъ въ болѣзненныхъ кризисахъ человѣческаго тѣла". Революціи необходимы, что̀ особенно слѣдуетъ помнить такимъ деспотическимъ государствамъ, какъ Австрія того времени, по поводу которой Сталь сказала: „Сладкій сонъ обманчивъ; онъ можетъ быть нарушенъ великими потрясеніями". Сталь убѣждена, что народныя волненія всегда связаны съ „естественными чувствами". Отсюда выводъ: „Если правительство какой-нибудь страны не хочетъ принимать участія въ ходѣ вещей, оно необходимо будетъ сломлено имъ. Неужели нужно доказывать, что нынѣшнія формы правительствъ должны согласоваться съ требованіями настоящаго поколѣнія, а не поколѣній вымершихъ? Неужели нужно доказывать, что государственный человѣкъ долженъ черпать свои правила не въ мракѣ древности, а, обладая геніемъ и твердостью Питта, долженъ знать, гдѣ сила, куда направляется общественное мнѣніе, гдѣ можно найти точку опоры, чтобы дѣйствовать на свободѣ? Вѣдь, безъ народа ничего нельзя сдѣлать, а съ нимъ все доступно, за исключеніемъ того, что̀ унижаетъ его. Послѣдняя грустная цѣль достигается только штыками".

И революція 1789 года была неизбѣжнымъ плодомъ обстоятельствъ. Упомянувъ въ своихъ „Страстяхъ" о томъ, что она была полна проявленій людской суетности, Сталь поспѣшила оговориться такъ: „Но я не назову суетностью то движеніе, которое заставило 24.000,000 людей сбросить съ себя привилегіи двухъ сотъ тысячъ: это—возсталъ разумъ, это—природа снова поднялась до своего уровня". Въ другой разъ, обмолвившись насчетъ „преступленій и злодѣяній", Сталь тотчасъ же поправляется. Она сравниваетъ Людовика XVI съ Карломъ I, въ доказательство, что перваго погубили вовсе не слабость характера и уступчивость революціоннымъ принципамъ. Ужъ не Карлъ I-й ли былъ образцомъ твердаго деспота? Это ли не мастеръ всевозможныхъ мѣръ противъ всякихъ революціонныхъ принциповъ?

А между тѣмъ у него, какъ и у Людовика XVI, дѣло началось одинаково—съ денежныхъ затрудненій „которыя *всегда* ставятъ королей въ зависимость отъ народа"—и кончилось для обоихъ казнью. Нѣтъ, не личными качествами королей объясняются такія преступленія и злодѣянія: они — „плодъ столѣтняго суевѣрія и произвола". Разъ революціи неизбѣжны, то онѣ и благодѣтельны. Даже архи-революція принесла бы пользу, еслибы не повредила „демократическая секта" и деспотизмъ Наполеона: на ряду съ преступленіями, въ теченіе ея развивались большія добродѣтели. Дѣло въ томъ, что „если революціи задерживаютъ развитіе на нѣкоторое время, то лишь съ тѣмъ, чтобы потомъ двинуть его съ удвоенной силой". Впрочемъ, послѣ большого опыта человѣчества, особенно во Франціи, вопросъ о революціяхъ настолько уже сталъ просвѣтляться, что многіе говорили этимъ языкомъ. Укажемъ только на то, что ближе всего касается г-жи Сталь. Самый помянутый выше эпиграфъ къ своей „Революціи" она взяла изъ мемуаровъ Сюлли. Политическій противникъ г-жи Сталь, Байейль, считалъ переворотъ 1789 года столь же „неизбѣжнымъ", какъ „паденіе, когда потеряешь равновѣсіе". Признавая „ошибки власти лишь случайными причинами", онъ видѣлъ „истинную причину революціи въ порочной организаціи власти, въ ея возвратѣ къ старому феодализму,—словомъ, въ ея наклонностяхъ, безусловно противныхъ тому духу, которому она должна бы слѣдовать". Констанъ, въ своей рецензіи на „Революцію" г-жи Сталь, писанной въ 1818 году, принимаетъ ея взглядъ на революцію, стараясь „объяснить" великій переворотъ. Это было тѣмъ болѣе важно съ его стороны, что онъ тутъ же прибавляетъ: „во многихъ моихъ сочиненіяхъ я показалъ, что не люблю самихъ революцій".

Послѣ этого нечего говорить, что обычный ходъ человѣчества подчиненъ извѣстнымъ законамъ. Какъ будто присутствуешь при зарожденіи мыслей Гумбольдта, Дарвина и Бокля, когда читаешь брошенныя мимоходомъ соображенія г-жи Сталь—о значеніи *времени* и *природы* въ процессѣ образованія и развитія націй. Она вполнѣ понимаетъ замѣчательныя слова Монтескьё: „Всякія измѣненія въ законахъ должны производиться медленно, и должно уважать старыя учрежденія". Г-жа Сталь, если забыть ея обычныя противорѣчія, держалась этого принципа въ своихъ сочиненіяхъ. Указывая на мѣры Іосифа II для просвѣщенія „вовсе не приготовленнаго государства", она замѣчаетъ, что ихъ успѣхъ былъ только „минутный". „Послѣ его смерти не осталось ничего изъ его нововведеній (фраза, выкинутая цензурой

Наполеона), потому что только то прочно, что идетъ постепенно". Г-жа Сталь говоритъ также: „Нужно судить о поступкахъ и сочиненіяхъ по времени ихъ появленія". Сталь внимательно слѣдила за успѣхами естествознанія, какъ въ прошломъ, такъ и въ ея время, какъ видно особенно изъ ея „Германіи". Здѣсь ее интересовало все—отъ теоріи миражей Гумбольдта до теоріи цвѣтовъ Гёте. Зарождающаяся геологія возбуждала въ ней „ужасъ передъ безконечностью во всемъ" и вызвала дарвиновскія соображенія о соотвѣтствіи сѣверныхъ животныхъ со снѣгомъ. Ботаника заставляла ее упрекать Руссо за то, что, въ его глазахъ, признать пользу природы для человѣка значило „унизить ее, опозорить созданія Творца". Вся природа связана съ нами: „Провидѣніе все дѣлаетъ для поддержанія нашего существованія и влечетъ насъ ко всему, что нужно для нашего сохраненія". „Высшій духъ! Ты научилъ меня признавать братьевъ въ обитателяхъ лѣсовъ, воздуха и воды!" Эти слова Фауста проникаютъ въ душу г-жи Сталь. И она говоритъ въ „Страстяхъ": „Если бы удалось связать нравственную природу съ физической, всю вселенную—съ одною мыслью, то мы, можно сказать, похитили бы тайну вселенной".

На дѣлѣ эта связь природы съ человѣкомъ видна повсюду. Г-жа Сталь нерѣдко принимала въ разсчетъ вліяніе физической среды на правительства и общества, слѣдуя указаніямъ Монтескьё. Она считала только небольшія государства пригодными для республики и соглашалась съ своимъ отцомъ, что „увеличеніе государства представляетъ большія препятствія свободѣ: слишкомъ большое скопленіе людей и земель потребовало бы деспотизма невиданнаго, болѣе быстраго, тонкаго, электрическаго". По ея мнѣнію, „въ обществѣ, какъ и въ природѣ, существуютъ извѣстные принципы, нарушеніе которыхъ ведетъ къ смутѣ: такъ, три власти лежатъ въ самой сущности вещей,—монархія, аристократія, демократія присутствуютъ во всѣхъ правительствахъ, какъ дѣйствіе, самосохраненіе и возобновленіе въ ходѣ природы". Она отстаивала „естественныя границы", какъ одинъ изъ элементовъ націи, на ряду съ языкомъ и историческими воспоминаніями. Это—преграда завоеваніямъ, которую ставитъ „неизмѣнная природа вещей". Оттого Рейнъ составляетъ „вѣчную преграду для Франціи, Финляндія должна принадлежать Россіи, Норвегія—Швеціи". По поводу деспотизма встрѣчаемъ такую фразу: „Землетрясенія Калабріи, чума Турціи, вѣчные снѣга Россіи и Камчатки, словомъ, всѣ бичи природы,—вотъ истинные союзники системы, которая желала бы остановить развитіе человѣческихъ способностей".

Особенно г-жа Сталь останавливается на такомъ благодарномъ примѣрѣ, какъ Италія: „На югѣ,—говоритъ она,—гдѣ климатъ мягкій, гдѣ легко добываются средства къ пропитанію и люди склонны къ лѣни, правленіе должно быть строгое“. Природа дѣйствуетъ могущественно на характеръ націи: „Избытокъ жары на востокѣ точно такъ же ведетъ къ созерцательности, какъ избытокъ холода на сѣверѣ“.

Сталь неоднократно подходитъ къ вопросу о началѣ *націй*; она понимала всю его важность, а также трудность и неразработанность. Немудрено, что она приводила такое наивное мнѣніе Руссо: „южные языки порождены радостью, а сѣверные—нуждою“, и сама называла языкъ какимъ-то чудомъ. Но она по крайней мѣрѣ выставляла такое соображеніе, что если рѣчь явилась самопроизвольно (spontanément), какъ пища въ природѣ, то дальнѣйшее ея развитіе требовало большихъ усилій ума. Сталь смотрѣла и на поэзію какъ на первобытную способность: „малоцивилизованная нація всегда начинаетъ со стиховъ; и когда сильная страсть волнуетъ душу, самые простые люди употребляютъ, не думая о томъ, образы и матафоры: они призываютъ къ себѣ на помощь внѣшнюю природу, чтобы выразить то, что происходитъ въ нихъ невыразимаго; простонародье ближе къ поэзіи, чѣмъ свѣтскіе люди“. На-ряду съ этимъ можно поставить ея глубокомысленный взглядъ на національность, какъ на продуктъ не только расы, но, главнымъ образомъ, времени и среды. Сталь умѣла довольно мѣтко схватить характеры нѣмцевъ, итальянцевъ, англичанъ и даже русскихъ. Тѣмъ не менѣе, она не увлекалась націонализмомъ, уже начинавшимся при ней, подъ вліяніемъ возстанія Европы противъ Наполеона. Она постоянно указывала на взаимодѣйствіе народовъ и на общеобразовательное значеніе цивилизацій. Она предрекала западнымъ народамъ освобожденіе отъ ихъ недостатковъ и была увѣрена, что даже славяне и русскіе сольются съ остальною Европой и добьются свободы, которой они еще не знали, хотя часто мѣняли правителей.

Таковы отрывочные элементы новой науки у Сталь, которые, если ихъ развить, составятъ чуть ли не всю современную соціологію. Но тотъ сильно ошибся бы, кто подумалъ бы, что она ими руководилась въ своихъ произведеніяхъ. Это—случайно брошенныя зерна, носившіяся въ воздухѣ XVIII-го вѣка, подхваченныя ею и еще не давшія плода у нея самой. Она даже, при всемъ ея вниманіи къ внѣшнимъ условіямъ жизни, упустила изъ виду такую великую сторону общественныхъ явленій, какъ *экономическія отношенія*. Она нигдѣ не упоминаетъ о нихъ, ни

по поводу формъ правительства, ни по поводу умственнаго развитія человѣчества. Замѣчательно, что эта писательница, которая лично принимала такое дѣятельное участіе въ политикѣ директоріи, ни словомъ не обмолвилась о Бабёфѣ. Если, по поводу якобинцевъ, она и затрогивала мимоходомъ имущественные вопросы, то, какъ увидимъ ниже, лишь для огульнаго ихъ порицанія съ точки зрѣнія извѣстной политической партіи. Душой ея воззрѣній была другая идея XVIII-го вѣка, которая болѣе подходила къ духу начала XIX-го вѣка: это—*господство идей.* Мы уже знаемъ, что эта тема была поставлена г-жею де-Сталь въ основу ея системы усовершенствованія. Можно бы подобрать много мѣстъ, изъ разныхъ ея сочиненій и особенно изъ „Революціи", гдѣ видно, до какой наивности она иногда руководилась этимъ путеводителемъ: у нея и порабощеніе аѳинской республики объясняется „злоупотребленіемъ комедіи, этимъ безпорядочнымъ пристрастіемъ къ шуткамъ, которое каждый день возбуждало потребность забавляться". У г-жи Сталь вся философія служитъ средствомъ увеличить „счастье народовъ", т.-е. улучшить нравы и политическія учрежденія; и государствомъ должны управлять философы. Тутъ она доказываетъ пользу такого соединенія философіи съ политикой на примѣрѣ Англіи и вредъ разъединенія—на примѣрѣ Германіи. Разбирая исторію Франціи, г-жа Сталь твердитъ, что не только народъ, но и его вожди,—не болѣе, какъ орудіе господствующихъ идей. Такъ Неккеръ прославлялся лишь до тѣхъ поръ, пока шелъ за-одно съ убѣжденіями народа, и палъ, какъ только отступился отъ народа, ставшаго „узурпаторомъ". То же случилось съ Лафайетомъ, Дюмурье и другими. Самъ Робеспьеръ имѣлъ значеніе лишь какъ олицетвореніе идей террора; онъ съумѣлъ устроить себѣ „тронъ изъ эшафота", но занималъ его лишь какъ палачъ. Какъ только замѣтили, что онъ отступаетъ отъ своей роли, выдвигая свою личность, народъ возмутился противъ него.

Понятно то огромное значеніе, которое Сталь приписываетъ *правительствамъ*, примыкая тутъ къ энциклопедистамъ. По ея мнѣнію, какъ разумъ дѣйствуетъ на личность, такъ правительство должно дѣйствовать на народы; какъ отдѣльный человѣкъ долженъ своею волею и энергіей подавлять въ себѣ страсти, такъ правительство должно воспитывать народъ въ томъ же направленіи. „Единственная задача конституціи, это—пониманіе, до какой степени можно возбуждать или подавлять страсти, не нарушая общественнаго счастья". Вся книга о „Страстяхъ" была лишь половиною задуманной работы: во второй части Сталь хо-

тѣла написать о вліяніи страстей на народы. Въ сохранившемся краткомъ наброскѣ этой части мы видимъ убѣжденіе Сталь, что, быть можетъ, прослѣдивъ исторію, мы придемъ къ заключенію, что націи воспитываются правительствомъ, какъ дѣти — отцовскимъ авторитетомъ. „Правительства создаютъ характеръ націй. Это до того важно, что въ Италіи предъ вами замѣчательная разница въ нравахъ въ различныхъ государствахъ, изъ которыхъ она состоитъ... Южные народы легче измѣняются учрежденіями, чѣмъ сѣверные".

Такое понятіе о всемогуществѣ правительства мыслимо лишь при признаніи великаго значенія *личности* въ исторіи. Послѣднее — одна изъ любимыхъ мыслей г-жи Сталь. Она глубоко вѣровала въ свободу воли. Прибавимъ, что высшей ироніей относительно Наполеона было у нея выраженіе: „въ царствованіе Бонапарта метафизическій вопросъ о свободѣ воли человѣка сталъ совсѣмъ празднымъ". Отсюда—то благоговѣніе къ *генію* (любимое слово того времени для обозначенія великихъ людей), которымъ проникнуты всѣ ея сочиненія. По мѣткому замѣчанію Сентъ-Бёва, этимъ отчасти объясняется ея изумительная любовь къ своему отцу. Можно сказать, что Сталь—одна изъ первыхъ жрицъ „поклоненія героямъ" (heroworship,—Карлейля). „Когда націи,—говоритъ она,—начинаютъ играть роль въ политическихъ дѣлахъ, всѣ эти салонные умы оказываются ниже требованій обстоятельствъ: тогда нужны люди съ принципами; только они идутъ твердымъ, рѣшительнымъ шагомъ; только люди съ великимъ характеромъ и душой, видимые издали, какъ Минерва Фидія, могутъ дѣйствовать на массы". Геній, это—тотъ, „кто обладаетъ творчествомъ въ мысляхъ и въ слогѣ". Это — какое-то божество. Онъ окруженъ „благоговѣніемъ, какимъ-то фанатизмомъ, требующимъ чудесъ". „Успѣхъ—его торжество... Толпа предается естественнымъ, самопроизвольнымъ движеніямъ, подчиненнымъ вліянію воображенія. Смѣшное разрушаетъ въ ея глазахъ блескъ добродѣтели; подозрѣніе вселяетъ въ нее страхъ, чрезмѣрныя обѣщанія увлекаютъ ее больше, чѣмъ разумныя услуги; жалобы отдѣльнаго человѣка волнуютъ ее больше, чѣмъ молчаливая признательность многихъ. Наконецъ, толпа подвижна, такъ какъ она страстна, и страстна потому, что люди въ массѣ затрогиваются этимъ электрическимъ токомъ и руководятся лишь своими чувствами. Оттого-то конечный результатъ есть слѣдствіе не разсужденій отдѣльнаго лица, а общаго толчка. А этотъ толчокъ дается самою экзальтированною личностью... Геній, во многихъ отношеніяхъ, популяренъ, т.-е. у него есть точки соприкос-

новенія съ чувствами большинства". Сталь говоритъ про Руссо: „Въ силу своего превосходства, это—словно сумасшедшій; но онъ не былъ сумасшедшій". Вотъ истинные намеки на теорію Тарда и Ломброзо. Но можно встрѣтить и г-на Нитцше. Мефистофель вводитъ Фауста въ общество молодежи разныхъ классовъ и подчиняетъ себѣ всѣ, встрѣчающіеся тутъ, умы ошеломленіемъ, неожиданностями и презрительностью въ своихъ словахъ и поступкахъ. И Сталь прибавляетъ: „Вѣдь, большинство обыкновенныхъ людей тѣмъ больше почитаетъ высшій умъ, чѣмъ меньше онъ заботится о нихъ; тайный инстинктъ подсказываетъ имъ, что кто презираетъ ихъ, у того вѣрный взглядъ". Цѣлая глава „О славолюбіи", въ „Страстяхъ", чрезвычайно интересна именно съ этой точки зрѣнія. Смыслъ ея въ слѣдующихъ словахъ: „На пути къ славѣ совершаются самыя благородныя дѣла; и родъ человѣческій остался бы безъ благодѣтелей, еслибы не было этого возвышеннаго соревнованія". Оттого-то „не должно отнимать у великихъ душъ ихъ стремленія къ славѣ, а у народовъ—чувства благоговѣнія... Слава великихъ людей—достояніе свободной страны: послѣ ихъ смерти весь народъ наслѣдуетъ ее. Любовь къ отечеству состоитъ лишь изъ воспоминаній". И, при всей своей ненависти къ Наполеону, Сталь презирала его измѣнниковъ, жалѣла его при паденіи и говорила: „Бонапартъ не человѣкъ только, но система; и еслибы онъ былъ правъ, человѣческій родъ былъ бы не тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ; слѣдовательно, его нужно изучать, какъ великую задачу, рѣшеніе которой важно для мысли во всѣ вѣка". Послѣ этого становится особенно понятнымъ тотъ аристократизмъ, то преклоненіе г-жи Сталь передъ историческими фамиліями, съ которымъ мы познакомимся ниже. Нельзя не видѣть связи съ героепоклонствомъ въ стремленіи г-жи Сталь всегда защищать избранное „меньшинство" или „побѣжденныхъ",—чувство, за которое ей не мало доставалось отъ людей противныхъ партій.

Повторяемъ, нельзя понимать г-жу Сталь безъ героепоклонства, такъ тѣсно связаннаго съ ея философскими аксіомами. Но напомнимъ, что и тотъ также не пойметъ г-жи Сталь, кто забудетъ о присущихъ ей противорѣчіяхъ. Въ одномъ мѣстѣ своей „Литературы", г-жа Сталь проситъ не забывать принципа, „поставленнаго въ началѣ этого сочиненія". А этотъ принципъ—слѣдующій. „Самый замѣчательный геній въ состояніи подняться надъ уровнемъ просвѣщенія своего вѣка лишь на небольшую высоту". А въ „Германіи" говорится: „Но какъ уклониться отъ вліянія своего времени? И гдѣ человѣкъ, даже ге-

ніальный, который не былъ бы плодомъ своего вѣка во многихъ отношеніяхъ?“ Въ другихъ мѣстахъ читаемъ: „Геніальные люди, повидимому, творятъ природу вещей, но въ сущности они обладаютъ искусствомъ овладѣвать ею первыми... Истина—вотъ печать божества: генію приписываютъ слово *изобрѣтеніе* (invention), между тѣмъ какъ вся его слава творца заключается въ томъ, что онъ очерчиваетъ, объединяетъ, вскрываетъ то, что есть“. Вспомнимъ, какъ Сталь изображаетъ вездѣ дѣятелей лишь орудіемъ идей. А вотъ и нѣсколько примѣровъ. „Гомеръ, при всемъ его величіи, не былъ ни выше всѣхъ другихъ людей, ни единственнымъ человѣкомъ своего вѣка“. Фридрихъ Великій служитъ образцомъ того, что личность можетъ заставить противоположные элементы идти вмѣстѣ, „но по ея смерти они разъединяются“ (фраза, выкинутая цензурой Наполеона). Сталь прибавляетъ: „Судьба Пруссіи отлично показываетъ, что такое вліяніе даже великаго человѣка, — если онъ не работаетъ великодушно надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать себя ненужнымъ: нація возложила на него все свое существованіе и, казалось, должна была скончаться вмѣстѣ съ нимъ“. Но самымъ предательскимъ примѣромъ служитъ Неккеръ. Съ одной стороны, это — всемогущій геній. Г-жа Сталь согласна съ нимъ въ томъ, что дай ему лишнихъ 15 мѣсяцевъ и помоги ему высшіе классы—и онъ вышелъ бы побѣдителемъ изъ „борьбы съ духомъ времени“; она увѣрена, что „его мудрость была единственнымъ средствомъ задержать и предупредить политическій кризисъ“. А на-ряду съ этимъ говорится, что самый сильный человѣкъ не можетъ идти противъ духа времени.

Личность была необходима для Сталь, чтобы спасти ея задушевныя вѣрованія,—ея „добродѣтель“ и „энтузіазмъ“. На личномъ элементѣ, только на самоусовершенствованіи основывается ея нравственность: „Мнѣ кажется невозможнымъ,—говоритъ она,—отдѣлить потребность общественнаго усовершенствованія отъ желанія улучшить себя самого... И политика—священное дѣло, такъ какъ она совмѣщаетъ въ себѣ всѣ пружины, которыя дѣйствуютъ на людей въ массѣ и приближаютъ ихъ къ добродѣтели или удаляютъ ихъ отъ нея“. Она твердо руководится мыслью, которой не могъ раздѣлять вполнѣ даже ея пріятель, Констанъ, находившійся подъ ея вліяніемъ: „Я,—говорилъ онъ,—также вѣрю въ усовершенствованіе, но не настолько въ индивидуальномъ смыслѣ; вѣка ведутъ къ нему, но каждая отдѣльная личность содѣйствуетъ ему лишь въ незамѣтной степени“. Указывая своимъ соотечественникамъ на примѣръ Англіи,

Сталь говоритъ: „Только основанная на критикѣ религія, народное образованіе, свобода выборовъ и печати,—вотъ настоящіе источники усовершенствованія".

Свобода! Здѣсь мы подошли къ знамени „великой революціи". Это—первый изъ трехъ принциповъ конца XVIII-го вѣка,—принципъ, составлявшій, собственно, душу г-жи Сталь, какъ теоретика и какъ практическаго политическаго дѣятеля.

III.

Монтескьё говоритъ: „*Свобода* есть право дѣлать то, что̀ дозволяютъ законы; вѣдь, еслибы гражданинъ могъ дѣлать то, что̀ они запрещаютъ, то не было бы свободы, такъ какъ другіе имѣли бы ту же власть". Констанъ считалъ это опредѣленіе невѣрнымъ, видя въ немъ не самую свободу, а только ея „гарантію": вѣдь фраза Монтескьё „не объясняетъ, что̀ законы въ правѣ или не въ правѣ запрещать; законы могутъ запрещать столько, что не останется никакой свободы".

Г-жа Сталь положила мнѣніе своего учителя въ основу своего взгляда на свободу, но расширила его. Свобода была, въ ея глазахъ, чѣмъ-то врожденнымъ, какъ бы одною изъ нравственныхъ аксіомъ. „Принципы свободы,—говоритъ она,—начертаны въ сердцѣ человѣка, и такъ, что если исторія всѣхъ правительствъ есть усиліе власти насильничать, то она представляетъ также картину борьбы народовъ противъ этихъ усилій... Мы чувствуемъ въ насъ самихъ сознаніе свободы, точно также какъ сознаніе нравственности; никто не признается въ томъ, что онъ желаетъ рабства, безъ краски стыда па лицѣ... Всѣ страны, всѣ люди способны къ свободѣ, въ силу различныхъ своихъ качествъ; и всѣ достигаютъ или достигнутъ ея, каждый своимъ способомъ... Свобода не полагаетъ никакихъ различій между людьми, кромѣ связанныхъ съ ихъ природою". Оттого-то свобода стара, какъ человѣческій міръ. Сталь не разъ повторяла эту фразу, которая надѣлала не мало шума и заставитъ задуматься соціолога нашихъ дней: „Думаю,—заявляетъ она,—что я доказала, что въ Европѣ, какъ и во Франціи, свобода стара, новъ деспотизмъ, и что защитники народныхъ правъ, которыхъ принято называть нововводителями, всегда призывали прошлое. А еслибы эта истина не была очевидна, то стала бы еще болѣе настоятельною необходимость начать царство справедливости, пока еще не имѣвшей силы".

При такой широкой точкѣ зрѣнія, свобода должна проникать во всѣ стороны жизни. Эта идея такъ проникаетъ всѣ сочиненія г-жи Сталь, что здѣсь не считаемъ нужнымъ держаться хронологіи. Нечего и говорить о томъ, какъ должна была относиться къ *свободѣ мысли* и *слова* такая жертва деспотизма, какъ Сталь. Ея сочиненія проникнуты духомъ свободы. Читая ее, невольно замѣчаешь, что самая философія увлекаетъ ее отчасти своей безграничной свободой размышлять. Сталь постоянно доказываетъ, насколько свободная форма правленія благотворно дѣйствуетъ на литературу, искусство и вообще на характеръ людей; а „прогрессъ литературы, т.-е. усовершенствованіе искусства думать и выражаться, необходимы для установленія и сохраненія свободы". Она глубоко сожалѣетъ о русскихъ именно съ этой точки зрѣнія, а нѣмцы нравятся ей, прежде всего, за то, что, и по своему климату, и по всему, они предназначены для свободы. „Извѣстная гордость, презрѣніе къ жизни, порождаемыя и самою почвой, и грустью по небу, должны были сдѣлать у нѣмцевъ рабство невыносимымъ... Скандинавская поэзія, воспѣвающая съ такимъ энтузіазмомъ военный духъ, внушала человѣку необыкновенное понятіе объ его индивидуальной силѣ, объ его волѣ, задолго до того, какъ Англія узнала теорію конституцій и выгоды представительныхъ правительствъ". Напротивъ, такія эпохи, какъ вѣкъ Августа и Людовика XIV-го, только то и имѣютъ общаго между собою, что тутъ власть заставляетъ поэтовъ фальшивить, льстить и принижаться. Вообще, „въ націи тогда только можетъ быть характеръ, когда она свободна". Слѣдствіе не можетъ быть раньше причины: народъ не можетъ до свободы обладать качествами, пріобрѣтаемыми только свободой. Первое достоинство народа, это — энергія противъ произвола правительствъ. Понятно, что особенно часто приходилось г-жѣ Сталь высказываться противъ цензуры. Наиболѣе полно высказаны ея доводы въ слѣдующихъ словахъ: „Одинъ изъ самыхъ мощныхъ умовъ въ Германіи, Лессингъ, постоянно нападалъ, со всей силой своей логики, на слѣдующее правило, которое такъ любятъ повторять: *„есть опасныя истины"*. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя личности подвержены крайнему самомнѣнію, приписывая себѣ право скрывать истину отъ себѣ подобныхъ и преимущество становиться, какъ Александръ передъ Діогеномъ, въ такое положеніе, чтобы скрадывать лучи солнца, принадлежащаго всѣмъ равно. Это мнимое благоразуміе—не что иное, какъ шарлатанское ученіе: хотятъ поддѣть мысли, чтобы лучше поработить людей. Истина—дѣло Божье; ложь—дѣло человѣка.

Изучайте тѣ времена, когда боялись истины,—и вы всегда увидите, что тутъ частная выгода боролась тѣмъ или другимъ способомъ противъ всеобщаго стремленія. Изысканіе истины—самое благородное занятіе, и обнародованіе его—есть долгъ. Въ этомъ изысканіи нѣтъ ничего опаснаго ни для религіи, ни для общества: оно искренно. Въ противномъ случаѣ, не истина, а ложь причиняетъ зло... Предложить людямъ не говорить другъ другу то, что они думаютъ, значитъ просто, что называется, хранить тайну полишинеля. Если не знаютъ чего-нибудь, то лишь потому, что не догадываются, что не знаютъ; а какъ только приказываютъ молчать,—значитъ, кто-нибудь сказалъ слово, и хотятъ унижать разумъ, чтобы заглушить мысли, возбужденныя этимъ словомъ... Неудобно пропускать мнѣнія и познанія лишь на половину... Вѣдь, проходятъ обыкновенно самыя дурныя сочиненія; запрещеніе ложится всей своей тяжестью на философскія сочиненія, которыя возвышаютъ душу и расширяютъ мысль; оно именно ведетъ только къ потворству умственной лѣни, а вовсе не къ невинности сердца.. Правительство не можетъ воображать, будто ему удастся лишить великую націю знакомства съ духомъ своего вѣка. Въ этомъ духѣ кроются задатки силы и величія, которыми можно пользоваться съ успѣхомъ, если не бояться смѣло касаться всякихъ вопросовъ: тутъ въ вѣчныхъ истинахъ найдутся средства противъ преходящихъ заблужденій, и самая свобода окажется опорой порядка и источникомъ власти".

Точно такъ же смотрѣла Сталь и на необходимость *свободы совѣсти*. Она говоритъ: „Многіе негодуютъ на религіозныя или философскія секты и называютъ ихъ сумасбродствомъ, даже опаснымъ сумасбродствомъ! Мнѣ кажется, что самыя заблужденія ума менѣе опасны, для спокойствія и нравственности людей, чѣмъ отсутствіе мысли... Тотъ совсѣмъ плохо знаетъ христіанство, т.-е. откровеніе нравственныхъ законовъ и вселенной, кто рекомендуетъ желающимъ вѣровать—невѣжество, тайну и мракъ". Въ христіанствѣ Сталь отдавала предпочтеніе протестантизму, какъ вѣроисповѣданію, которое допускаетъ критику и способствуетъ свободѣ просвѣщенія и всему передовому. Она и тутъ слѣдуетъ Монтескьё, который находитъ, что протестантизмъ, лишенный вождя, утвердился на сѣверѣ, среди народовъ болѣе независимыхъ, и что вообще онъ подходитъ къ свободнымъ странамъ точно такъ же, какъ католицизмъ—къ правительствамъ деспотическимъ. Наконецъ, любопытно, что Сталь мечтала для Италіи о томъ, что стало теперь оффиціальной формулой,—свободная церковь въ свободномъ государствѣ.

Сталь оставалась вѣрной себѣ и при разсужденіяхъ, правда слишкомъ рѣдкихъ, объ экономической сторонѣ жизни. Довольно ея взгляда на континентальную систему, чтобы убѣдиться, что она рѣшительно стояла за *свободу торговли*,—обстоятельство тѣмъ болѣе важное, что отецъ ея былъ завзятый протекціонистъ. Она смотритъ на континентальную систему какъ на „гигантскую идею", какъ на „своего рода крестовый походъ Европы противъ Англіи", и называетъ ее прямо „тиранническимъ абсурдомъ". Она прекрасно поняла, что это страшное насиліе только вредило Наполеону и ничуть не помѣшало экономическому процвѣтанію Англіи. „И развѣ вооруженными запрещеніями создаютъ богатства?" спрашиваетъ она. „Нѣтъ, воля монарховъ уже не можетъ направлять промышленныя и торговыя системы націй: нужно предоставить ихъ естественному развитію, лишь помогая ихъ выгодамъ по ихъ собственному желанію. Какъ женщина не привлекаетъ мужчинъ своей ревностью къ соперницѣ, такъ и въ дѣлѣ торговли и промышленности нація можетъ восторжествовать только умѣньемъ привлекать добровольную дань, а не запрещеніемъ конкурренціи". Отсюда — сочувствіе г-жи Сталь вообще къ процвѣтанію колоній и восторженное отношеніе къ такимъ героямъ независимости, какъ Вашингтонъ. Отсюда ея соболѣзнованіе къ сохранившимся еще тогда рабамъ, были ли то русскіе крѣпостные, или негры плантаторовъ.

Конечно, у ученицы Монтескьё, а не Руссо, на первомъ планѣ стояла *свобода политическая.* Съ подробностями этого взгляда мы познакомимся ниже. Теперь же замѣтимъ только, что г-жа Сталь была вполнѣ вѣрна своей привязанности къ свободѣ вообще. Мало того: только здѣсь она отступала отъ своего гораздо болѣе консервативнаго отца; и только здѣсь мы можемъ видѣть обратное явленіе —воздѣйствіе дочери на отца. Мы присоединяемся къ мнѣнію Мишле́: „Безъ своей пылкой дочери, женевскій банкиръ никогда не пошелъ бы такъ далеко по революціонному пути... Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что, подъ вліяніемъ своей дочери, онъ схватился за смѣлый опытъ всеобщей подачи голосовъ". Г-жа Сталь всюду искала и видѣла политическую свободу. Она ставила ее, какъ мы замѣтили выше, въ самомъ началѣ обществъ. Она какъ бы завидовала Аристотелю за то, что онъ жилъ среди греческихъ республикъ. Но древній міръ погибъ оттого, что его разъѣдало рабство, точно также какъ Востокъ палъ жертвой деспотизма. Дальнѣйшій ходъ исторіи представлялся г-жѣ Сталь прогрессомъ, въ смыслѣ увели-

ченія круга освобожденныхъ. Сначала аристократія или высшіе два чина пользовались большою свободою и соперничали съ королемъ; потомъ, если король сталъ усиливаться, то только потому, что опирался на третій чинъ, которому онъ помогалъ освобождаться изъ-подъ гнета феодаловъ. Слѣдовательно, установленію абсолютизма сопутствуетъ паденіе привилегій, т.-е. расширеніе свободы. И если короли стремились подчинить себѣ законодательную власть, зато дальнѣйшій ходъ исторіи состоялъ въ стремленіи народовъ отдѣлить законодательство отъ исполнительной власти, т.-е. принять живое участіе въ управленіи. И все идетъ къ тому, чтобы вездѣ, не исключая и странъ отсталыхъ, водворилось представительное правленіе, эта лучшая гарантія свободы. Вообще, бѣглый обзоръ политической исторіи въ „Революціи“ составленъ весьма мѣтко для того времени. Главная его нить положена въ основаніе взглядовъ Гизо и Августина Тьерри на исторію Франціи.

Только въ общихъ выводахъ попадается нерѣдко произвольность у г-жи Сталь. Она, напр., дѣлитъ „философскій ходъ человѣческаго рода“ на четыре эры: время героизма, патріотизма, рыцарства и свободы, начавшейся съ реформаціи. И такъ какъ, послѣ Людовика XIV, совсѣмъ угасъ рыцарскій духъ, то „Франція осталась безъ всякаго энтузіазма; а такъ какъ онъ нуженъ всякой націи, чтобы не испортиться и не развалиться, то, безъ сомнѣнія, эта естественная потребность обратила всѣ умы къ свободолюбію съ половины послѣдняго вѣка“. Отсюда та неизбѣжность революціи, о которой мы говорили выше. И замѣчательно, что г-жа Сталь, какъ тотчасъ послѣ „ужасовъ и преступленій“ революціи, такъ при Наполеонѣ и реставраціи, съ одинаковымъ жаромъ защищала лелѣемую ею свободу. Она говорила: „Потомство оцѣнитъ революцію за ту свободу, которую она обезпечила за Франціей... Если чувствительныя души до того увлекутся невольною и нервною ненавистью къ ужасамъ, которыхъ они были свидѣтелями, что станутъ говорить, будто никто больше и слышать не хочетъ о свободѣ, то мы отвѣтимъ имъ словами современнаго поэта: „не заставляйте свободу заколоть себя, подобно Лукреціи, потому что она была изнасилована“. Мы напомнимъ имъ, что Варѳоломеевская ночь не наложила опалы на католицизмъ. Наконецъ, мы скажемъ имъ, что судьба истины не можетъ зависѣть отъ того или другого девиза на знамени людей, и что каждому данъ здравый смыслъ, чтобы судить о вещахъ по ихъ сущности, а не по случайнымъ обстоятельствамъ... Точно также, если память о Людовикѣ XVI и его

семьѣ возбуждаетъ глубокій и душу раздирающій интересъ, то отсюда не слѣдуетъ, что, ради утѣшенія ихъ потомковъ, должно возстановить абсолютизмъ: это значило бы подражать Ахиллесу, который приносилъ рабовъ въ жертву на могилѣ Патрокла. Нація вѣчно существуетъ: она-то никогда не умираетъ; и ни подъ какимъ предлогомъ нельзя отнимать у нея нужныхъ учрежденій. Когда рисуютъ намъ ужасы, учиненные во Франціи, лишь съ тѣмъ негодованіемъ, которое они должны внушать, всякій согласится съ этимъ; но когда изъ этого дѣлаютъ средство для возбужденія ненависти противъ свободы, мы отираемъ слезы, вызванныя невольнымъ сожалѣніемъ".

Легко было бы подобрать у г-жи Сталь много подобныхъ одушевленныхъ словъ, которыя всегда выливались изъ-подъ ея пера, какъ только она касалась этого задушевнаго предмета. Укажемъ только на предсмертныя строки въ „Революціи", которыя справедливо считаются политическимъ завѣщаніемъ г-жи Сталь: это—послѣдняя глава, которая и названа „Любовью къ свободѣ". Здѣсь какъ бы собраны въ одинъ букетъ всѣ цвѣты истиннаго краснорѣчія въ защиту свободы противъ всѣхъ ея враговъ, которые „всюду суть также враги знаній и просвѣщенія". Тутъ достается всѣмъ—и роялистамъ, и якобинцамъ, и либераламъ, терпѣвшимъ иго Бонапарта, и тѣмъ честнымъ, но наивнымъ душамъ, которыя смѣшиваютъ свободу съ преступленіями во имя свободы, что ведетъ къ „развращенію безсмысленному, т.-е. къ послѣдней степени паденія, до которой можетъ дойти человѣческій родъ". Г-жа Сталь спрашиваетъ: неужели оттого, что были атеисты, нужно извѣриться въ христіанство, которое „по истинѣ принесло свободу на землю"? И если въ революціяхъ встрѣчаются люди, „испорченные самимъ же деспотизмомъ", то неужели нужно вычеркнуть изъ исторіи Аристида, Фокіона и Эпаминонда, Регула, Катона и Брута, Телля, Эгмонта и Оранскаго, Сиднея и Росселя? Она кончаетъ такимъ пылкимъ воззваніемъ къ потомству: „Свобода! Будемъ повторять ея имя тѣмъ громче, что люди, которые должны бы произносить его, хоть какъ свое оправданіе, избѣгаютъ его изъ лести. Будемъ повторять его, не опасаясь оскорбить какую-либо почтенную власть: вѣдь, въ немъ все, что мы любимъ, все, что мы уважаемъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ одна свобода движетъ душами... Съ тѣхъ поръ, какъ умственный прогрессъ создалъ націю, что сдѣлаешь съ человѣчествомъ безъ чувства свободы?.. Замѣчательная вещь! На извѣстной глубинѣ мысли, не найдешь среди людей ни одного врага свободы... Изъ конца въ

конецъ міра, друзья свободы соединены между собой просвѣщеніемъ, какъ религіозные люди—общимъ чувствомъ: лучше сказать, просвѣщеніе и чувство одинаково сливаются въ любви къ свободѣ и къ Высшему Существу. Когда дѣло идетъ о торговлѣ неграми, о свободѣ печати, религіозной терпимости, Джефферсонъ думаетъ за-одно съ Лафайетомъ, Лафайетъ за-одно съ Уильберфорсомъ; и тѣ, которыхъ уже нѣтъ, стоятъ также въ рядахъ священной лиги. Разсчетъ ли, низкія ли побужденія виной тому, что такіе возвышенные люди, несмотря на все различіе положеній и странъ, такъ гармонируютъ между собой въ политическихъ убѣжденіяхъ? Правда, нужно просвѣщеніе, чтобы подняться надъ предразсудками. Но должно помнить, что принципы свободы заложены въ душѣ человѣка: они заставляютъ биться сердце точно такъ же, какъ любовь и дружба; они—въ самой природѣ; и они облагораживаютъ характеръ. Кажется, что весь запасъ добродѣтелей и идей образуетъ эту, описанную Гомеромъ, золотую цѣпь, которая, привязывая человѣка къ Небу, освобождаетъ его отъ всѣхъ оковъ тиранніи".

Г-жа Сталь была матерью и однимъ изъ вождей *либерализма*, въ смыслѣ той могучей политической партіи, которая правила цивилизованнымъ міромъ безраздѣльно цѣлые полвѣка и на нашихъ глазахъ ведетъ борьбу съ другими партіями. Какъ обыкновенно бываетъ со всякимъ новымъ явленіемъ, тогда не было только клички этой партіи; но и къ ней г-жа Сталь уже подходила, опять слѣдуя по стопамъ своего отца. Предчувствіемъ этого важнаго слова политики XIX-го вѣка можно считать выраженіе Неккера: „еслибы было два слова для свободы—безграничной и *свободы благоразумной*, это спасло бы всѣхъ отъ многихъ бѣдствій". Г-жа Сталь твердо держалась названія *друзья свободы*, также какъ прогрессъ она неизмѣнно называла „системой усовершенствованія". Иногда она прямо приставляетъ къ этому термину эпитетъ своего отца. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій (1795), объясняя Питту нетерпимость эмигрантовъ, она говорила, что ихъ боятся одинаково и „благоразумный другъ свободы (sage ami de la liberté), и бѣшеный убійца Людовика XVI". Тамъ же, восхваляя конституцію 1789 г. и представляя „якобинцевъ и аристократовъ" въ „тайномъ заговорѣ съ цѣлью заодно уничтожить весь разумный промежутокъ, раздѣляющій ихъ", она прибавляетъ: „Конечно, монархисты-конституціоналисты, униженные, всѣ тѣ, которые, при царствѣ духа партій, ускользаютъ отъ ярости и безсмыслія абсолютныхъ идей, дали бы совѣты болѣе благоразумные и просвѣщенные". Вотъ истинные

друзья свободы, — „эти люди, составляющіе самый отличный классъ націи, по своимъ добродѣтелямъ, талантамъ, по вѣчной твердости убѣжденій“. Въ своей „Революціи“ она причисляетъ торія, лорда Гарроули (Harrowley), къ „либеральной партіи“, по его убѣжденіямъ. Взывая къ англичанамъ о спасеніи конституціи и протестантовъ во Франціи, во время реставраціи, она восклицаетъ: „Вѣдь, друзья свободы—въ то же время и братья англичанъ по религіи!“ Бонапартъ, по ея словамъ, выбиралъ своихъ служителей среди аристократовъ и якобинцевъ. „Партія же средняя, друзья свободы, меньше всего нравилась ему, ибо она состояла изъ немногихъ людей во Франціи, имѣвшихъ свои убѣжденія... И эти друзья свободы, конечно, были въ правѣ думать, что нужно дать способностямъ возможность развиваться и что національное представительство—единственное средство обезпечить за гражданами блага, которыя временно можетъ даровать имъ добродѣтельный монархъ“. И если г-жа Сталь столько страдала въ жизни, то вотъ ея признаніе: „Я приписываю это тому, что, съ самаго вступленія въ свѣтъ, обстоятельства связали меня съ интересами свободы, которую поддерживали мой отецъ и его друзья“.

Если самъ Неккеръ сталъ другомъ свободы не безъ вліянія своей дочери, то еще сильнѣе она воздѣйствовала на самаго близкаго къ ней человѣка, на одного изъ первыхъ въ ряду борцовъ за либерализмъ. Констанъ развивалъ и защищалъ ея основную идею при разныхъ правительствахъ, въ теченіе полувѣка. Его „Курсъ конституціонной политики“, составленный въ 1818—1819 годахъ, сталъ учебникомъ либераловъ, особенно съ 1851 года, когда Лабулэ сдѣлалъ его изданіе съ примѣчаніями, которыя заглаживаютъ всѣ пробѣлы и пополняютъ Констана имъ самимъ. Въ то же время выступилъ Гизо, который въ 1807 году очаровалъ Сталь своимъ горячимъ декламированіемъ словъ Шатобріана о томъ, что когда все молчитъ среди рабства, „историку какъ бы поручается месть народовъ“. Въ 1834 году Ламартинъ припоминалъ преслѣдованіе тираномъ „двухъ великихъ геніевъ“, охранявшихъ свободу,—г-жи Сталь и Шатобріана. Первая казалась ему „геніемъ мужчины въ тѣлѣ женщины“, „ходячею революціей, способною и вложить кинжалъ въ руки заговорщиковъ, и поразить себя самоё, чтобы доставить своей душѣ ту свободу, которую ей хотѣлось дать всему міру“. Въ глазахъ поэта, то была и Коринна, и Мирабо, и Гракхи, и Катоны — все вмѣстѣ. Онъ говоритъ, по поводу Наполеоновскихъ цензоровъ: „Лохмотья, уцѣлѣвшія отъ ихъ грязныхъ рукъ, утѣшали насъ

въ нашемъ умственномъ униженіи, доносили до нашего слуха и сердца то отдаленное вѣяніе морали, поэзіи и свободы, которымъ мы не могли дышать подъ воздушнымъ колоколомъ рабства и посредственности... Я любилъ этихъ двухъ предтечъ (г-жу Сталь и Шатобріана), которые появились при моемъ вступленіи въ жизнь и утѣшали меня... Они были для насъ какъ два живыхъ протеста противъ угнетенія души и сердца, противъ сухости, низости вѣка; они были пищею нашихъ уединенныхъ очаговъ,—тайнымъ хлѣбомъ нашихъ отверженныхъ душъ. Они возымѣли надъ нами какъ бы семейное право: они были нашей крови, мы—ихъ; и рѣдкій не былъ одолженъ имъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, есть и будетъ". И такъ идетъ эта традиція, черезъ Ройе́-Коллара, Кузена и ихъ преемниковъ, вплоть до нашего времени. И невольно вспоминается извѣстная фраза Маколея о необходимости воды, чтобы научиться плавать, — фраза, которая такъ напоминаетъ одну изъ вышеприведенныхъ фразъ г-жи Сталь о свободѣ.

Итакъ, политическая „свобода" — вотъ догматъ, которымъ началась и кончилась революція и который сталъ душой развитія обществъ первой половины XIX-го вѣка. Два другія слова революціоннаго девиза были только намѣчены. *Равенства*, конечно, не было въ жизни. Если это выраженіе употреблялось нерѣдко, то опять въ смыслѣ политической свободы; разумѣлось вообще гражданское право, „равенство передъ закономъ". Отсюда и логическій выводъ, что свобода есть исполненіе законовъ. Но отсюда столь же естественно вытекаетъ остроумный вопросъ Констана: а либеральны ли, справедливы ли самые законы? Вѣдь, новые законы писались третьимъ чиномъ, точно также какъ въ старомъ режимѣ ихъ составляли первые два чина. Могучія волны революціи всколыхнули общество до самаго дна: всплыла на поверхность будущая основа XIX-го вѣка, — экономическій вопросъ, который выдвигалъ четвертый чинъ, а съ нимъ—и новое пониманіе второго слова девиза. Замѣчательно, что даже этотъ новый терминъ мелькаетъ на страницахъ г-жи Сталь. Но она не замѣчала, не хотѣла замѣтить великаго смысла самаго явленія: у нея, какъ мы уже видѣли, нѣтъ ни слова о такомъ фактѣ, какъ заговоръ Бабёфа, совершившійся на ея глазахъ. Впрочемъ, и безъ этого краснорѣчиваго молчанія слишкомъ ясно, какъ она смотрѣла на равенство.

И здѣсь она слѣдуетъ по стопамъ своихъ главныхъ учителей. Монтескьё, какъ умъ холодный и научный, представитель поколѣнія, жившаго чуть не за полвѣка до ужасовъ революціи,

и здѣсь, какъ вездѣ, выставлялъ свои строгія положенія. Онъ говоритъ: „Принципъ демократіи нарушается не только когда утрачивается духъ равенства, но и тогда, когда хватаются за духъ *крайняго равенства*, когда каждому хочется сравняться съ тѣми, которыхъ онъ избираетъ своими начальниками, когда онъ хочетъ все дѣлать самъ... Тогда теряется уваженіе къ сенаторамъ, а слѣдовательно и къ старцамъ; а безъ уваженія къ старцамъ не можетъ быть и уваженія къ отцамъ... Женщины, дѣти, рабы не станутъ никому повиноваться — и прощай нравы, любовь къ порядку,—словомъ, добродѣтель“. Отсюда выводъ: „Демократія должна избѣгать двухъ крайностей—духа неравенства, который ведетъ къ аристократіи или къ правленію одного, и духа крайняго равенства, который ведетъ къ деспотизму одного“. Въ главѣ о „Духѣ крайняго равенства“ Монтескьё пишетъ: „Насколько небо удалено отъ земли, настолько же истинный духъ равенства далекъ отъ духа крайняго неравенства... Въ естественномъ состояніи люди, конечно, рождаются равными, но они не могутъ оставаться таковыми. Общество отнимаетъ его у нихъ, и они снова становятся равными только въ силу законовъ“. Другое замѣчательное мѣсто окончательно поясняетъ мысль Монтескьё: „Подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ люди отказались отъ своей естественной независимости, чтобы жить подъ политическими законами, точно также они отказались отъ естественной общности имуществъ, чтобы жить подъ гражданскими законами. Первые законы доставили имъ свободу, вторые — собственность... Общественное благо состоитъ въ томъ, чтобы каждый неизмѣнно сохранялъ собственность, которую даютъ ему гражданскіе законы. Оттого-то Цицеронъ доказывалъ, что аграрные законы были пагубны. Вѣдь, гражданская община для того и установлена, чтобы каждый сохранялъ свое имущество. Положимъ же за правило, что общественное благо отнюдь не состоитъ въ томъ, чтобы лишали частное лицо его имущества, или хотя бы урѣзывали малѣйшую часть его какими-нибудь законами или политическимъ уставомъ. Въ этомъ случаѣ должно строго слѣдовать гражданскому закону, который есть палладіумъ собственности“.

Та же самая мысль нерѣдко высказывается Неккеромъ, но уже въ новой формѣ. Каждый разъ этотъ сухой, сдержанный человѣкъ приходитъ въ ярость отъ того „равенства“, съ которымъ ему приходилось бороться въ жизни, какъ министру стараго режима. Въ то время, когда не было не только слова „соціализмъ“, но и термина „либерализмъ“, Неккеръ уже отчетливо отдѣлялъ политическую свободу отъ экономическаго ра-

венства и всячески доказывалъ, что между ними такъ же мало общаго, какъ между спасеніемъ и гибелью государства. „Не деспотизмъ правительствъ, а господство собственности ограничиваетъ участь большинства самымъ необходимымъ. Этотъ законъ зависимости почти одинаковъ при всякой политической власти: повсюду плата за работу, не требующую воспитанія, подчинена одной и той же мѣркѣ. Эти начала присущи самой природѣ обществъ; и нельзя допустить ни малѣйшаго нарушенія правъ собственности: иначе — государствомъ овладѣетъ смута. Отсюда вытекаетъ, что не во власти законодателей доставить большинству время, необходимое для долгаго воспитанія". А это окончательно утверждаетъ неравенство. Мысль Руссо о „державномъ народѣ" —абсурдъ, который ведетъ только къ анархіи: и Неккеръ предсказалъ терроръ въ 1792 г. Понятно, что въ 1797 г. онъ могъ говорить еще самоувѣреннѣе. Тогда выходило уже, что Руссо „никогда и не думалъ, чтобы его ученіе было приложимо къ уже образовавшимся обществамъ". Неравенство, какъ непоколебимый законъ „природы и обществъ", который „ставитъ каждаго на свое мѣсто на лѣстницѣ разумныхъ существъ, смотря по его рожденію", доказывалось здѣсь всевозможными доводами. Неккеръ даже не постигалъ, какъ можно признавать его гдѣ-либо. Онъ восклицалъ: „Странное чудачество! Мы, вѣдь, миримся съ неравенствомъ въ красотѣ, умѣ, талантѣ, просвѣщеніи, памяти, предусмотрительности, счастьѣ, воспитаніи, силѣ, здоровьѣ; но мы не хотимъ переносить самаго идеальнаго—превосходства въ рангахъ и превосходства (sic) въ положеніяхъ". А между тѣмъ и „исторія свидѣтельствуетъ, что равенства никогда не было ни въ одномъ политическомъ обществѣ". Такимъ образомъ „въ природѣ вещей, и особенно въ вѣковѣчной сущности общественнаго міра, — чтобы большинство людей было недовольно своимъ состояніемъ". И если отсюда вытекаетъ „хаотическая борьба" за существованіе, то среди нея „раздается дивная гармонія—гармонія неравенствъ: вотъ девизъ вселенной!" Между тѣмъ какъ идеи порядка современны съ идеями собственности, и счастье состоитъ въ „душевномъ спокойствіи, порождаемомъ увѣренностью въ обладаніи плодами своего труда или наслѣдствомъ отцовъ", равенство привело бы только къ „одичанію": оттого „должно особенно остерегаться привлекать къ умозрительнымъ идеямъ людей, предназначенныхъ ихъ положеніемъ къ механическимъ работамъ". Немудрено, что Неккеръ не считалъ нужнымъ требовать грамотности отъ гражданъ: „вѣдь, Карлъ Великій управлялъ недурно, а онъ не умѣлъ писать!" И 600 лѣтъ

спустя, французскіе министры прилагали свои печати къ бумагамъ, за неумѣньемъ подписать свою фамилію. „Умственное образованіе никогда не можетъ стать всеобщимъ преимуществомъ". А такъ какъ, въ силу этого, массы остаются полуживотными, то „падать па колѣни передъ толпой—значитъ унижать достоинство человѣческаго рода"; слѣдуетъ только почитать высшихъ, такъ какъ „неуваженіе къ установленнымъ природою чинамъ есть неуваженіе къ Богу". Наконецъ, не зная, какъ выразить свое презрѣніе къ „метафизическимъ проповѣдникамъ" равенства, Неккеръ обозвалъ ихъ „маленькой шайкой экономистическихъ *доктринеровъ*".

Г-жа Сталь лишь воспроизводитъ мысли отца, иногда даже въ близкихъ выраженіяхъ. И тутъ она сохраняла постоянство, также какъ относительно либерализма. Въ 1795 году, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ужасовъ террора, она старалась доказать, что „друзья свободы"—именно тѣ люди, которые не признаютъ иного равенства, кромѣ гражданскаго. „Въ глазахъ народа,—писала она,—уничтоженіе аристократіи значитъ не платить феодальныхъ оброковъ, республика—прекращеніе налоговъ. При послѣднемъ возстаніи, на шапкахъ обитателей предмѣстій было написано: „хлѣба и конституція 1793 года". Вотъ какими средствами дѣлаются всѣ народныя революціи... Но всѣ благодѣянія общественнаго порядка проистекаютъ изъ сохраненія собственности; граждане должны не только платить налоги, но и жертвовать отчасти своей естественной свободой... Почти всѣ законы, составляющіе общественный кодексъ, касаются собственности. Не было ли бы странно призывать не-собственниковъ къ защитѣ собственниковъ?.. Скажутъ, что не-собственники, это—большинство націи. Но должно отличать большинство данной минуты отъ постояннаго большинства... Интересъ большинства людей, взятыхъ въ теченіе двухъ-трехъ поколѣній, заключается въ сохраненіи собственности. Отдѣльныя лица пріобрѣтаютъ ее, сохраняютъ, теряютъ, снова находятъ; но общество въ массѣ основано на ней... Много добродѣтелей можно встрѣтить между не-собственниками, но лишь при ихъ пассивномъ положеніи; а какъ только пустить ихъ въ дѣло, всѣ ихъ интересы влекутъ ихъ къ преступленію... Тѣ, которыхъ судьба осуждаетъ на заработокъ куска хлѣба, никогда не выходятъ, по собственному убѣжденію, изъ круга, начертываемаго имъ этимъ трудомъ... Чтобы докончить революцію, нужно найти центръ и общую связь... Этотъ необходимый центръ—собственность, эта связь—личный интересъ... Ужасное правительство преступленій—это господство не-

собственниковъ... Всѣ общественныя конституціи суть республики аристократическія: это—правленіе немногихъ, выдвинутыхъ или рожденіемъ, или выборами... Республиканское правительство, состоящее изъ собственниковъ, не менѣе всякой монархіи заинтересовано въ сдерживаніи не-собственниковъ. Оно должно подходить къ имущимъ, къ желающимъ... Стало быть, оно по необходимости болѣе всякаго другого правительства противно толпѣ, враждебной труду и спокойствію".

Еще сильнѣе выражается г-жа Сталь въ своемъ послѣднемъ сочиненіи, на которое легъ отпечатокъ пережитыхъ авторомъ ужасовъ. Приведя рѣзкое мѣсто противъ равенства изъ записки своего отца въ защиту титуловъ, г-жа Сталь восклицаетъ: „Главною причиной господства якобинцевъ было дикое опьянѣніе химерическою системой равенства. Въ этой фанатичной политической религіи совмѣщались экзальтированный энтузіазмъ метафизическихъ отвлеченностей съ реальной яростью имущественныхъ выгодъ и честолюбія: то были и догма и грабежъ, и принципъ и гордость". А въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ такую поразительную фразу, впрочемъ опять списанную, почти слово въ слово, у Неккера: „Мысль должна оставаться чуждою людямъ, лишеннымъ правъ, такъ какъ стоитъ только имъ усмотрѣть истину, какъ они тотчасъ станутъ несчастными и тотчасъ же взбунтуются". Не можемъ воздержаться, чтобы и тутъ не показать духа противорѣчія. На той же страницѣ, строкъ черезъ двадцать, по поводу ланкастерской системы обученія, Сталь проговаривается: „Въ странѣ, гдѣ есть огромная столица, большія богатства въ немногихъ рукахъ, дворъ,—словомъ, все, что можетъ содѣйствовать развращенію народа,—требуется время, чтобы просвѣщеніе распространилось и успѣшно боролось съ неудобствами, связанными съ неравнымъ распредѣленіемъ богатствъ".

Констанъ развивалъ мысли своей пріятельницы, но спокойнѣе, съ болѣе научной строгостью. Онъ „не хотѣлъ упрекать трудящійся классъ, у котораго не меньше патріотизма, чѣмъ въ другихъ классахъ". Онъ находилъ только, что для пользованія правами необходимъ досугъ, доставляющій просвѣщеніе. „А лишь собственность обезпечиваетъ этотъ досугъ, одна собственность дѣлаетъ людей способными пользоваться политическими правами... Неизбѣжная цѣль неимущихъ—пріобрѣтать собственность. Дайте имъ политическія права, и эти права послужатъ источникомъ развращенія и безпорядковъ... Итакъ, собственность необходима равно какъ для избирателей, такъ и для избираемыхъ". Констанъ рѣшительно возсталъ противъ „Общественнаго Договора"

Руссо, „самаго страшнаго споспѣшника всякаго деспотизма“: его многія главы „достойны схоластиковъ XV-го вѣка“. Отвергая, съ другой стороны, и отвлеченныя доказательства въ пользу собственности, онъ съ практической точки зрѣнія находитъ ее „священной, ненарушимой, необходимой“: „Безъ собственности родъ человѣческій жилъ бы въ застоѣ, на самой грубой, дикой ступени своего существованія. Уничтоженіе собственности было бы гибелью для раздѣленія труда, этой основы прогресса въ искусствахъ и наукахъ. Грубое и наслѣдственное равенство положило бы непреодолимую преграду постепенному установленію истиннаго равенства,—равенства счастья и просвѣщенія“.

Все сказанное показываетъ, какъ было еще смутно, неглубоко пониманіе равенства во времена г-жи Сталь. Для тогдашнихъ умовъ яснѣе представлялось третье слово революціоннаго девиза. *Братство* было дѣйствительно однимъ изъ принциповъ просвѣщенія, и не одного французскаго: оно ясно выдвигалось на первый планъ, подъ именемъ то филантропіи, то космополитизма. Оно было на устахъ всѣхъ „чувствительныхъ“ людей, которые вообще легко проливали слезы, былъ ли то тронутый „философіей“ жантильомъ, или якобинецъ. Братства нечего было бояться, такъ какъ оно соотвѣтствовало всеобщимъ и даже матеріальнымъ выгодамъ. Къ тому же, вѣдь, всѣ были христіане; тутъ сходились всѣ классы общества. Братство такъ соотвѣтствовало и начинавшемуся романтизму! Тѣмъ понятнѣе оно было въ такой отъ природы чувствительной душѣ, какъ г-жа Сталь. Эта добрая женщина, вопреки своему воспитанію, иногда смотрѣла на бѣдность не какъ баронесса. Говоря о смерти историка Іоганна Мюллера, она замѣчаетъ: „Бѣдность такого талантливаго человѣка составляетъ почетъ его жизни: одной тысячной доли ума, доставляющаго славу, конечно, довольно, чтобы осуществить всѣ разсчеты жадности. Прекрасно—посвятить свои способности служенію славѣ; всегда чувствуешь уваженіе къ тому, чья дражайшая цѣль—за гробомъ“. Сама г-жа Сталь спасала во время террора людей различныхъ партій и даже своихъ враговъ. Ея личная жизнь складывалась благопріятно для развитія космополитизма. Дочь гостепріимной Швейцаріи, вѣчно кишащей иностранцами, она сама должна была, сверхъ того, странствовать чуть не по всей Европѣ. Она распространила гостепріимство также чуть не на всѣ страны: ея салонъ, это—„убѣжище всѣхъ опальныхъ“ и гостиная-пріютъ для людей всѣхъ странъ и народовъ, и даже противныхъ мнѣній. Это давало ей возможность черпать отовсюду всевозможныя свѣдѣнія.

При ея необыкновенной впечатлительности, это вело даже къ „недостатку единства и послѣдовательности“, какъ вѣрно объясняетъ нѣмецкій профессоръ Шютцъ, знавшій лично эту „весь міръ обнимающую душу“. Другой нѣмецъ, А. В. Шлегель, изумлялся ея „чрезвычайно рѣдкой способности переноситься въ образъ мыслей иностранцевъ и усвоивать его посредствомъ фантазіи“. Оттого-то она восхищалась средними вѣками, увлекаясь особенно космополитизмомъ рыцарства.

Сказаннымъ объясняется то замѣчательное явленіе, что въ эпоху, когда, подъ вліяніемъ войнъ, уже выступалъ національизмъ, г-жа Сталь была такъ далека отъ шовинизма, омрачающаго Францію даже въ наши дни. Никто не можетъ сомнѣваться въ ея французскомъ патріотизмѣ. Она имѣла полное право сказать о себѣ, что она — болѣе француженка, чѣмъ преслѣдовавшій ее корсиканецъ. Она доказала это и своими поступками, и всѣми своими сочиненіями. А „Десять лѣтъ изгнанія“ совсѣмъ продиктованы наболѣвшимъ отъ изгнанія сердцемъ. Но у г-жи Сталь патріотизмъ принималъ самыя широкія и благородныя формы. „Націи,—говоритъ она,—должны служить другъ другу вожаками, и онѣ дѣлаютъ плохо, когда лишаютъ другъ друга взаимнаго просвѣщенія... Самому умному человѣку не отгадать, что естественно развивается въ душѣ того, кто живетъ на другой почвѣ и дышетъ другимъ воздухомъ. Поэтому хорошо собирать чужія мысли во всѣхъ странахъ; тутъ гостепріимство обогащаетъ хозяина“. Гете и Шлегель считали г-жу Сталь по нѣкоторымъ чертамъ даже не француженкой; да и она сама, по свойствамъ своей натуры, причисляла себя къ „сѣверянамъ“. Отсюда—космополитическое значеніе ея сочиненій. Своей „Германіей“, открывшей эту „единственную націю, умѣющую чувствовать и думать“, она,—какъ выразился Гёте,—сломала „китайскую стѣну“ между Франціей и Германіей. Она распространяла восхищеніе Англіей, „страной, еще поддерживающей вѣру въ идеалы человѣчества“, а также Америкой, „этимъ необычайнымъ образцомъ федеративной республики“. Она знакомила міръ съ Италіей и даже съ Россіей, набрасывая покровъ сочувствія на раны, которыми страдали тогда эти страны. Замѣчательно, какъ у г-жи Сталь и братство, подобно всѣмъ высшимъ стремленіямъ въ жизни, связывалось съ ея неизбѣжнымъ либерализмомъ. Кажется, чего бы проще для такой религіозной женщины, какъ г-жа Сталь, вывести братство изъ словъ Христа. А между тѣмъ, на той послѣдней страницѣ ея „Революціи“, которую мы называемъ ея завѣщаніемъ, она, соболѣзнуя о погибели свободы

во Франціи, восклицаетъ: „На чемъ же вы станете основывать братство человѣческихъ обществъ, когда въ сердцахъ не будетъ энтузіазма? Кто будетъ гордиться именемъ француза, когда передъ нами свобода разрушена тираннiей, тираннія сломлена иностранцами? И хоть бы военные лавры были облагорожены завоеваніемъ свободы!“

Послѣдняя фраза—лучшее свидѣтельство братскаго чувства, которымъ всегда была одушевлена г-жа Сталь. Всѣ ея сочиненія, какъ и вся ея жизнь, проникнуты ненавистью къ насилію во всякой его формѣ. Нынѣшніе конгрессы *мира* могли бы начертать на своемъ знамени многія благородныя слова этой предтечи баронессы Суттнеръ. Уже въ сочиненіи о Руссо мы встрѣчаемъ такія слова: „Еслибы любовь къ знанію отвлекала воинственные народы отъ страсти къ оружію, счастье человѣческаго рода не потеряло бы отъ этого“. Лѣтъ черезъ десять, г-жа Сталь высказала оригинальную мысль о томъ, что даже для славы завоевателя нужно просвѣщеніе: какая же честь побѣждать глупцовъ! „Не знаю, суждено ли могуществу мысли уничтожить когда-нибудь бичъ войны; но пока придетъ этотъ день, все-таки оно же, краснорѣчіе, воображеніе, самая философія придаютъ значеніе военнымъ подвигамъ“. Тутъ же встрѣчаемъ такія выраженія: „Слишкомъ большое вліяніе военнаго духа—одна изъ опасностей для свободныхъ государствъ; и такое бѣдствіе можно предупредить только развитіемъ просвѣщенія и философскаго духа... Дисциплина подавляетъ всякія мнѣнія среди войскъ: тутъ духъ корпораціи походитъ на духъ священниковъ; здѣсь точно также исключается всякое разсужденіе, такъ какъ единственнымъ правиломъ служитъ воля начальниковъ. Постоянное всемогущество оружія ведетъ къ презрѣнію медленныхъ успѣховъ убѣжденія. Энтузіазмъ, возбуждаемый побѣдоносными генералами, вовсе не связанъ съ справедливостью обороняемаго ими дѣла: тутъ воображеніе поражается рѣшеніемъ судьбы, успѣхами доблести. Побѣдами можно подавить враговъ свободы; но чтобы укоренились въ умахъ принципы этой свободы, для этого нужно искорененіе военнаго духа“. Въ 1812 году, г-жа Сталь писала, сожалѣя о судьбѣ Россіи: „Если бы эта страна могла наслаждаться миромъ, она воспользовалась бы всякаго рода улучшеніями въ благотворное царствованіе Александра I-го. Но вопросъ: при нынѣшней войнѣ, тѣ ли развиваются добродѣтели, которыя служатъ къ возрожденію народовъ?“ Еще позже, въ своей „Революціи“, г-жа Сталь горячо возстала противъ милитаризма французской аристократіи. Она доказывала, что порядоч-

ные люди не станутъ уважать тѣхъ, которые „дерутся только потому, что не хотятъ наполнить свою голову и свое время никакимъ трудомъ. Только невѣжественные народы слѣпо восторгаются саблей“. Она допускала военную доблесть только въ томъ случаѣ, когда „гражданинъ становится солдатомъ для охраненія своихъ гражданскихъ правъ“, когда свободный народъ, подобно англичанамъ, сражается за свою независимость. Вообще, рѣдко раздавался такой краснорѣчивый гимнъ противъ постоянныхъ армій, какъ слѣдующія слова г-жи Сталь по поводу Наполеона: „Хотятъ сдѣлать изъ солдатъ какую-то корпорацію, которая стояла бы внѣ націи и никогда не могла бы слиться съ нею. И у несчастныхъ народовъ вѣчно были бы два врага— ихъ собственныя войска и арміи иностранцевъ, такъ какъ воинамъ запретили бы всѣ добродѣтели гражданъ... Должно сознаться, и чистосердечно, что линейныя войска—гибельное изобрѣтеніе; еслибы можно было уничтожить ихъ сразу во всей Европѣ, человѣческій родъ сдѣлалъ бы большой шагъ впередъ въ дѣлѣ улучшенія общественнаго строя“. И ей казалось, что если не перестанутъ воевать, то Европа превратится въ Сахару, а развитіе цивилизаціи перенесется въ Америку.

IV.

Мы исчерпали теорію г-жи Сталь относительно братства и равенства. Но о „свободѣ“ остается еще многое сказать. Такъ какъ у нея это слово означаетъ политическое или гражданское развитіе человѣчества, то передъ нами—великая задача о государствѣ и обществѣ и объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Скажемъ сначала объ общихъ чертахъ государства, какъ онѣ рисовались въ воображеніи г-жи Сталь, чтобы потомъ анализировать, вмѣстѣ съ нею, разныя формы правленія.

Мы уже видѣли, какъ ярко XVIII-й вѣкъ отразился въ томъ мнѣніи г-жи Сталь, что *„все дѣло—въ правительствахъ“*. Все замѣчательное предисловіе къ „Страстямъ“ можно считать апологіей силы государства. Тамъ читаемъ: „Въ своемъ превосходномъ сочиненіи объ упадкѣ Рима, Монтескьё разобралъ причины судебъ этой имперіи. Читайте эту книгу и возьмите въ исторіи всѣхъ народовъ событія, бывшія простымъ слѣдствіемъ политическихъ учрежденій,—и вы, быть можетъ, найдете, что всѣ вообще событія проистекаютъ отсюда. Націи воспитываются своими правительствами, какъ дѣти—отцовскою властью... Родъ

человѣческій достигнетъ высшей степени совершенства лишь тогда, когда пріобрѣтетъ настоящее пониманіе политической науки". Г-жа Сталь неоднократно почти повторяетъ такія рѣшительныя положенія своего учителя: „Нравы короля настолько же соотвѣтствуютъ свободѣ, какъ и законы: онъ можетъ, какъ и эти послѣдніе, сдѣлать изъ звѣрей людей, и изъ людей—звѣрей. Если онъ любитъ свободныя души,—у него будутъ подданные; если же онъ любитъ низкія души,—будутъ рабы. Если онъ желаетъ познать великое искусство правленія, пусть приближаетъ къ себѣ честь и доблесть, пусть взываетъ къ личному достоинству". Г-жа Сталь возлагала большія надежды на личность Людовика XVIII и сказала Александру I, что его характеръ—лучшая конституція. Даже мысль Монтескьё о необходимости почаще, ежегодно смѣнять чиновниковъ, встрѣчаемъ у г-жи Сталь въ такой оригинальной формѣ: „Такъ какъ власть почти всегда портитъ людей, то весьма желательно, чтобы, въ свободной странѣ, одни и тѣ же лица не засиживались на одномъ и томъ же мѣстѣ; было бы хорошо даже мѣнять министровъ лишь ради перемѣны". Сочиненія г-жа Сталь переполнены примѣрами сильнаго вліянія правительства. Въ особенности она любила останавливаться на сравненіи „сѣверныхъ" и „южныхъ". По ея мнѣнію, на Италіи особенно можно было прослѣдить вліяніе формъ правленія, такъ какъ климатъ въ Римѣ теперь такой же, какъ и прежде,—между тѣмъ какая разница между его гражданами этихъ двухъ эпохъ! Причина лежитъ въ раздробленности страны, въ междоусобіяхъ, въ деспотизмѣ мелкихъ правителей; съ другой стороны, феодальная раздробленность Германіи отражалась на всей ея культурѣ. Такой взглядъ тѣмъ болѣе подходилъ къ г-жѣ Сталь, что онъ вполнѣ гармонировалъ съ ея пониманіемъ страстей. „Если,—говоритъ она,—отдѣльныя личности съумѣютъ сокращать свои страсти, то правительственная система упростится до возможности полной независимости гражданъ, какъ въ маленькихъ государствахъ. Но если это—метафизическая теорія, то во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что чѣмъ больше будутъ работать надъ усмиреніемъ необузданныхъ чувствъ, волнующихъ душу человѣка, тѣмъ менѣе будетъ нужды въ измѣненіи политической свободы. Страсти принуждаютъ жертвовать независимостью для обезпеченія порядка; а все, что клонится къ господству разума, уменьшаетъ необходимость пожертвованія свободой".

Если правительство—Провидѣніе народовъ, зато и *задача* его высока. „Высшій законъ—благо народа",—говоритъ Монтескьё. Г-жа Сталь замѣчаетъ: „Государство должно стараться только объ

одномъ—извлекать средства, чтобы привлекать къ себѣ большинство частныхъ интересовъ; все, что хватаетъ дальше этой цѣли, есть насиліе, которое гнететъ, но не обезпечиваетъ". Отсюда—всеобщая терпимость, сдержанность, умѣренность. А такъ какъ такое требованіе исключаетъ всякую прямолинейность, то г-жа Сталь, вопреки своей приверженности къ аксіомамъ, говоритъ: „Въ политикѣ нѣтъ ни отдѣльно стоящихъ, ни безусловныхъ истинъ". Точно также Неккеръ, считавшій, что мораль и политика тѣсно связаны между собой, проговорился по поводу своей отставки: „Я не замедлилъ раскаяться, и тогда я снова понялъ, что въ частномъ человѣкѣ могутъ встрѣчаться такія добродѣтельныя чувства, примѣненіе которыхъ къ государственному человѣку составляетъ ошибку, и большую ошибку". Въ другой разъ г-жа Сталь сравнила плохого политика съ тѣмъ морякомъ, который направляетъ паруса все въ одну сторону, откуда дуетъ вѣтеръ. Понятна горячность, съ которой возставала она противъ „духа партій". Она посвятила ему, въ „Страстяхъ", одну изъ лучшихъ главъ. Здѣсь „духъ партій" мастерски обрисованъ, какъ „родъ душевнаго бѣшенства, ослѣпленія". Г-жа Сталь прибавляетъ: „Все сказанное о партійности вполнѣ примѣняется къ религіи, когда она впадаетъ въ фанатизмъ, какъ и ко всякому бѣшенству, причиняемому господствомъ одного мнѣнія". Да и что такое политическія учрежденія при господствѣ партій? „Можно ли быть увѣреннымъ, что такое-то событіе или положеніе не измѣнило бы нашего взгляда?"

Немудрено, что поборница прогресса твердо стояла за необходимыя измѣненія въ политикѣ путемъ „благоразумныхъ" *реформъ*. „Только ограниченные умы держатся одного,—учила она:—нѣтъ формы правленія, которой не слѣдовало бы измѣнять по обстоятельствамъ". Да и ничего не сдѣлаешь, когда настанетъ пора: „разъ народъ почувствуетъ потребность въ политической реформѣ, силу этого толчка не остановятъ никакія достоинства государя". Если не удовлетворите этой потребности своевременно, невольно произойдетъ взрывъ. А если станутъ противодѣйствовать, то онъ перегнетъ корабль черезчуръ въ другую сторону и можетъ потопить его. Нѣсколько позже, другъ г-жи Сталь, Б. Констанъ, въ своемъ политическомъ „Курсѣ", писалъ, что „революціи неизбѣжны, когда нарушается согласіе между учрежденіями и идеями"; и такъ какъ „реакція противъ идей ошеломляетъ родъ человѣческій", то „просвѣщенные люди обязаны противиться ей".

Конечно, г-жу Сталь сильно занималъ вопросъ о *равновѣсіи*

властей, который уже волновалъ тогда всѣхъ политиковъ, какъ средство отъ всѣхъ общественныхъ золъ. И этотъ догматъ былъ установленъ учителемъ. У Руссо видимъ единую власть—державность народа, которая предписываетъ всякіе законы: исполнительная власть—лишь вѣтвь законодательной, лишь слуга той же воли. Монтескьё же отдѣлялъ одну власть отъ другой и ставилъ еще, подлѣ нихъ, третью—судебную. Первый заботился о средствахъ, чтобы исполнительная власть не перешла за указанныя ей служебныя границы; второй старался выдвинуть и оградить права этой же власти отъ угнетенія со стороны законодателей. „Если,—говоритъ Монтескьё,—исполнительная власть не имѣетъ права останавливать предпріятія законодательнаго корпуса, послѣдній станетъ деспотическимъ: будучи въ силахъ снабжать себя всевозможною властью, онъ уничтожитъ всѣ другія власти. Исполнительная власть должна находиться въ рукахъ монарха: эта часть правительства, почти всегда требующая немедленнаго дѣйствія, можетъ быть ведена лучше однимъ лицомъ, чѣмъ многими“. Неккеръ повторялъ этотъ взглядъ въ своей „Революціи“ и въ „Исполнительной Власти“ (Pouvoir Exécutif). То же самое говорила г-жа Сталь, желавшая начертать главу Монтескьё о равновѣсіи властей на знамени революціи. „Еслибы исполнительная власть принимала участіе въ составленіи законовъ, неизбѣжно установилось бы единство, на мѣсто смуты“, и тогда не было бы бѣдствій революціи, которыя вытекли изъ того, что законодательная власть захватила въ свои руки всю исполнительную. Вотъ въ какомъ смыслѣ должно понимать ту гармонію властей, о которой г-жа Сталь писала Рёдереру въ 1795 году: „Все толкуютъ о раздѣленіи властей, но самая трудная задача партій—ихъ соединеніе. Исполнительная власть, не имѣющая никакого отношенія къ составленію законовъ, есть естественный врагъ тѣхъ, которые даютъ ей предписанія, противныя и ея видамъ, и ея способамъ исполненія: оттого-то почувствовали необходимость дать королю право освященія законовъ... Правда, въ республикѣ нельзя предоставить столько вліянія исполнительной власти; но тогда не слѣдуетъ ли выбирать министровъ изъ членовъ палаты старѣйшинъ?.. Скажутъ, выйдетъ смѣшеніе властей. Но развѣ въ Америкѣ и Англіи происходитъ такое смѣшеніе оттого, что тамъ министры—въ то же время и представители народа? Борьба, столкновеніе властей ведетъ къ захвату одной изъ нихъ со стороны другой: онѣ сохраняются лишь при своемъ соединеніи. Исполнительная власть, не имѣющая никакого отношенія къ законамъ, которымъ она заставляетъ повиноваться,

тотчасъ превратится въ простого служителя; а такое пассивное существованіе воли, съ активнымъ дѣйствіемъ, не удовлетворитъ никого".

Въ то время играло большую роль опредѣленіе разныхъ *формъ правительства*, которыя старались подвести подъ законы, имѣя въ виду даже физическую природу. Здѣсь также былъ свой догматъ, установленный всеобщимъ учителемъ. Извѣстно, что Монтескьё раздѣлялъ правительство на „республиканское, монархическое и деспотическое", причемъ онъ разумѣлъ подъ республикой и аристократію, и демократію, подъ монархіей же — парламентаризмъ, а подъ деспотизмомъ—абсолютизмъ. Г-жа Сталь, равно какъ и Неккеръ, придерживалась того же дѣленія. То же должно сказать относительно другого догмата того времени—о соотвѣтствіи трехъ формъ правленія съ пространствомъ территоріи. Монтескьё училъ: „Въ природѣ республики, чтобы она была небольшая; иначе она не можетъ существовать. Монархическое государство должно быть средней величины. Большая имперія предполагаетъ деспотическую власть". И Монтескьё такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что прибавлялъ: „Отсюда ясно, что для сохраненія принциповъ установленнаго правительства необходимо удерживать государство въ его границахъ, и что духъ этого государства долженъ измѣняться по мѣрѣ съуженія или расширенія границъ". Если уже тогда предвидѣлось сильное возраженіе въ видѣ Соединенныхъ Штатовъ Америки, то Неккеръ поспѣшилъ опровергнуть его указаніемъ на малочисленность населенія и на отсутствіе историческихъ преданій въ заатлантической республикѣ. Въ то же время онъ подтверждалъ правило Монтескьё примѣромъ Франціи при Наполеонѣ, когда, въ силу расширенія границъ, потребовался деспотизмъ. Тѣмъ же правиломъ руководствовалась г-жа Сталь: для нея оно было „истиной до того очевидной, что, кажется, никто искренно не можетъ отвергнуть ее". Она доказывала, что для Россіи деспотизмъ до того необходимъ, что онъ даже кажется не особенно чувствительнымъ, именно вслѣдствіе огромной величины территоріи; конституціонная Англія —образецъ территоріи средней величины, а маленькая Швейцарія—естественно республика. Франція, какъ государство средней величины, конечно, должна быть ограниченной монархіей. Впрочемъ, г-жа Сталь, какъ видно, была не прочь допустить прогрессъ и въ политикѣ. Въ одномъ мѣстѣ она говоритъ: „Не слѣдуетъ ли допустить въ исторіи новыхъ большихъ государствъ три совершенно различныя эпохи—феодализмъ, деспотизмъ и представительное правленіе?" Германія находилась, по ея мнѣ-

нію, на первой ступени, Россія—на второй, Франція же и Англія, благодаря своимъ революціямъ, вступили въ третій періодъ. Отчего же было не пойти имъ и дальше! По поводу законодательнаго собранія, она замѣтила, что нельзя переходить прямо отъ абсолютизма къ республикѣ: иначе будутъ насилія; а не можетъ быть прочно то, что достигается заговорами и несправедливостью. Пріятель г-жи Сталь, Констанъ, какъ бы намекаетъ на это. Въ предисловіи къ своимъ „Политическимъ реакціямъ" онъ говоритъ: „Свобода, порядокъ, счастье народовъ—вотъ цѣль человѣческихъ обществъ, а политическій строй—не болѣе, какъ средство... Между конституціонной монархіей и республикой разница только по формѣ; между конституціонной монархіей и абсолютизмомъ—разница по существу".

V.

Установивши три формы правленія, оставалось анализировать ихъ. Монтескьё и сдѣлалъ это строго научнымъ образомъ. Онъ опредѣлялъ *республику*, какъ правленіе самого народа въ его цѣломъ или въ извѣстной его части, т.-е. какъ „демократію или аристократію". По его мнѣнію, въ республикѣ нравы всегда чище, чѣмъ въ монархіи: она легко приноровляется къ христіанству; ея „духъ составляютъ миръ и увѣренность". Но, несмотря на это и на другія преимущества республики, это—мудреная форма правленія: она пригодна лишь для народовъ значительно развитыхъ, приготовленныхъ къ ней. При всемъ томъ, она непрочна даже въ маленькомъ государствѣ, для котораго республика только и пригодна: она погибаетъ здѣсь отъ иностранной силы. Въ большомъ же государствѣ ее убиваютъ внутренніе пороки. И этому роковому закону подчинены равно всякія республики—хорошія и дурныя, аристократическія и демократическія. Ихъ можетъ спасти одно только средство, при которомъ „всѣ внутреннія выгоды республиканскаго правленія соединяются съ внѣшнею силой монархизма"; это—федерація или соединеніе мелкихъ свободныхъ государствъ въ одно могучее цѣлое. Неккеръ и здѣсь раздѣлялъ взглядъ Монтескьё, но съ оттѣнкомъ, болѣе враждебнымъ республикѣ. Онъ только разъ допускалъ республику для Франціи,—когда боялся возврата террора и считалъ невозможнымъ возстановленіе Бурбоновъ; да и то скрѣпя сердце, вовсе не надѣясь на достиженіе ею добрыхъ результатовъ. Но г-жа Сталь, которая вообще нерѣдко обращала

большое вниманіе на свободныя формы правленія, въ особенности по ихъ вліянію на нравы и литературу, рѣшительно стояла за республику въ 1795 г. Написанное ею тогда сочиненіе о „Внутреннемъ Мирѣ“ все посвящено этому предмету. Тамъ она спрашивала: „Какое правительство, какъ не республиканское, наиболѣе благопріятно для развитія таланта? Къ чему личное достоинство въ монархической рутинѣ? Наконецъ, какая же республика не взываетъ для своего утвержденія къ подъему самыхъ высокихъ добродѣтелей?.. Учредите же хорошую республику, какъ единственное средство уничтожить королевскую власть!“ И г-жа Сталь была увѣрена, что всѣ лучшіе люди станутъ за республику—не только чистые республиканцы, но и конституціоналисты: „Вѣдь, это одна и та же партія, по своимъ основамъ и по своей цѣли; одни должны пожертвовать демократіей ради общественнаго порядка, другіе—королевской властью для обезпеченія свободы“. Вслѣдъ затѣмъ появились „Страсти“. Многія страницы ихъ посвящены апологіи республики. Въ главѣ о честолюбіи читаемъ: „Энтузіазмъ къ республикѣ, въ его чистотѣ, есть самое возвышенное чувство, на которое только способенъ человѣкъ“. И она умоляла французовъ „исправиться отъ заблужденій революціи, но сохранить истины, которыя влекутъ мыслящую Европу къ основанію свободной и справедливой республики“. Она готова была, опять слѣдуя своему отцу, принять *федерацію*, сравнивая нововведенные 85 департаментовъ съ американскими штатами, лишь бы было во Франціи одно законодательство, отъ недостатка котораго страдали янки. Тогда г-жа Сталь съ любовью слѣдила за Америкой, за этимъ „великимъ и просвѣщеннымъ народомъ, у котораго установлены свобода, политическое равенство и нравы, согласные съ этими учрежденіями“. Но это былъ единственный республиканскій совѣтъ французамъ. Да и тотъ былъ вынужденъ ужасами, крайностями якобинцевъ и эмигрантовъ. Г-жа Сталь какъ бы выбирала изъ двухъ золъ меньшее. Это ясно изъ всѣхъ послѣдующихъ ея сочиненій. Въ особенности характерно слѣдующее мѣсто въ „Революціи“: „Конечно, республиканское правительство и безъ приложенія къ большому государству заслуживаетъ того уваженія, которое оно всегда внушало; но еслибы меня спросили, я бы, безъ сомнѣнія, не посовѣтовала ввести республику во Франціи; но разъ она существовала, я не думала, что ее должно низвергнуть“. Здѣсь же г-жа Сталь прямо высказывалась противъ федераціи, почти повторяя слова своего отца: „Она менѣе всего подходитъ къ характеру націи, любящей блескъ и движеніе. Для

того и другого необходимъ городъ, который былъ бы очагомъ талантовъ и богатствъ имперіи“. Понятно, что г-жѣ Сталь была невыносима перспектива паденія Парижа. И для Франціи у г-жи Сталь уже сталъ выдвигаться другой законъ учителя—о постепенности въ развитіи государствъ. Она стала указывать на невозможность прямо перейти отъ деспотизма къ республикѣ,—другими словами, на необходимость конституціонной монархіи.

Итакъ, г-жа Сталь въ принципѣ видѣла прогрессъ въ республикѣ, но на дѣлѣ сознавала всю трудность осуществленія его. Если она готова была допустить эту форму правленія даже для большихъ государствъ, то только въ томъ случаѣ, когда иначе нельзя справиться съ *деспотизмомъ*. Именно онъ былъ ея главнымъ врагомъ; съ нимъ она неизмѣнно боролась всю жизнь. Оттого она привѣтствовала начало революціи; оттого она стояла за свободу даже послѣ всѣхъ ужасовъ, совершонныхъ ненавистными ей сокрушителями общественнаго порядка“; оттого она всѣми силами противилась и сокрушителю этихъ сокрушителей; оттого, наконецъ, она предостерегала, передъ своей смертью, отъ новыхъ ужасовъ реакціи. Здѣсь г-жа Сталь особенно сходится со своимъ учителемъ.

При всей осторожности, научности, даже сухости Монтескьё, всѣ его сочиненія проникнуты протестомъ противъ деспотизма. Кому неизвѣстны его „Персидскія письма“! Тѣмъ же направленіемъ проникнутъ весь „Духъ Законовъ“. Извѣстна его 13-я глава книги, которая носитъ названіе: „Идея деспотизма“, и состоитъ изъ слѣдующихъ двухъ фразъ: „Когда дикари Луизіаны хотятъ покушать плодовъ, они срубаютъ дерево и срываютъ плодъ. Вотъ деспотическое правительство“. Г-жа Сталь усвоила этотъ „прекрасный образъ деспотизма“ (belle image), какъ самъ авторъ назвалъ эту главу; она примѣнила эти слова къ Наполеону. Монтескьё дорисовываетъ этотъ образъ такими мѣткими словами: „Какъ въ республикѣ требуется добродѣтель, а въ монархіи — честь, такъ и для деспотизма необходимъ страхъ. Тутъ громадная власть государя всецѣло переходитъ къ тѣмъ, кому онъ ее вручаетъ“.

Если отецъ г-жи Сталь, хотя тоже врагъ деспотизма, но самъ бывшій министръ стараго порядка, относился къ нему милостивѣе, зато дочь ни въ чемъ не слѣдовала такъ твердо по стопамъ своего учителя. Она повторяетъ его почти слово въ слово до мелочей—до происхожденія условной вѣжливости, церемоній и интригъ при дворѣ. Съ этой точки зрѣнія опредѣ-

ляются ея отношенія къ своимъ главнымъ предшественникамъ. „Въ этомъ вѣкѣ,—говоритъ она,—Руссо освободился отъ большинства предразсудковъ и приличій монархизма. Монтескьё, хотя сдержаннѣе, но умѣлъ, когда нужно, выказать всю смѣлость разума. Но Вольтеръ, который нерѣдко желалъ соединить милости двора съ философской независимостью, показалъ самымъ разительнымъ образомъ противорѣчіе и затруднительность такого намѣренія“. Г-жа Сталь различаетъ установившійся деспотизмъ отъ случайной тиранніи. И конечно, съ первымъ она могла бы скорѣе примириться, чѣмъ со второй, олицетворившейся въ образѣ Наполеона. Деспотизмъ, это—„большой баринъ“, тираннія—„выскочка“. Оба эти палача свободы были ей ненавистны. Мы увидимъ ниже ея вражду къ тиранніи; что же касается „большого барина“, то въ ея „Революціи“ есть отдѣльная глава: „Вліяніе произвольной власти на духъ и характеръ націй“, гдѣ выясненъ весь вредъ деспотизма. Г-жа Сталь находила, что факція, поддерживающая „абсолютную власть“ во Франціи, стоитъ внѣ націи: это—„иностранцы“, будутъ ли то эмигранты, поднимающіе оружіе противъ отечества, или вандейцы, которые отдѣляются отъ всѣхъ мнѣній и отъ всѣхъ интересовъ Франціи. „Можно биться объ закладъ, что, разсмотрѣвъ всѣ историческія имена, окажется, что безграничная власть почти никогда не была защищаема ни геніальнымъ человѣкомъ, ни тѣмъ болѣе человѣкомъ добродѣтельнымъ“. Фридрихъ II, Марія-Терезія, Екатерина II, Александръ I, всѣ подобные государи—не болѣе, какъ „счастливая случайность“, какъ сказалъ про себя самъ русскій царь. Пусть не указываютъ на „золотой вѣкъ“ Августа, Елизаветы и Людовика XIV-го. При Августѣ литература чуждалась политики; при Елизаветѣ дѣйствовалъ духъ реформаціи, которую она поддерживала въ интересахъ своего престола; а при Людовикѣ XIV лучшіе писатели были именно тѣ, которые нападали на него. „Понимающій свои интересы деспотизмъ не долженъ поощрять литературу“. Прежде такъ и было: „помощниками абсолютной власти служили только священники да солдаты“. Наполеонъ прибавилъ третье средство: „онъ заставилъ печать содѣйствовать угнетенію свободы“; и мы уже знаемъ, какъ возмущалась г-жа Сталь противъ цензуры. Если во Франціи были и Генрихъ IV, и Колиньи, то только благодаря тому, что смуты подавляли деспотизмъ и тѣмъ выдвигали крупныхъ людей. Но нельзя себѣ представить, чтобы такіе министры, какъ Чатамъ, Питтъ и Фоксъ, назначались тѣми государями, которые отдавали власть кардиналамъ Дюбуа и Флёри. Съ Людовика XIV до Лю-

довика XVI-го во Франціи господствовалъ полный произволъ. Чтобы добиться успѣха, нужно было только изучить придворныя интриги, — „самая несчастная изъ наукъ, когда-либо унижавшихъ человѣческій родъ". Такое же значеніе имѣютъ французская „грація" и „остроуміе". Вотъ почему Мольеръ немыслимъ у англичанъ: они не узнали бы себя въ его пьесахъ. Вообще, упомянутая глава „Революціи" есть художественное развитіе типа царедворца, набросаннаго въ „Духѣ Законовъ", — свидѣтельство тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что авторъ зналъ лично дворъ. А внѣ двора развиваются тлетворныя вліянія главныхъ приспѣшниковъ деспотизма—ханжей, чиновниковъ, въ особенности же полиціи и войска.

Понятны результаты деспотизма. Они глубоко печальны даже при самой блестящей обстановкѣ. „Никогда,—говоритъ г-жа Сталь, —не слѣдуетъ судить деспотовъ по временной удачѣ, которая достается имъ, благодаря напряженности власти. Положеніе, въ которомъ они оставятъ страну, при своей смерти или паденіи, —вотъ что свидѣтельствуетъ о томъ, чѣмъ они были". Подкошенный самимъ Людовикомъ XIV-мъ, деспотизмъ едва держался при его преемникѣ; а при Людовикѣ XVI онъ погибъ вмѣстѣ съ головой короля. Въ „Кориннѣ" горячо оплакивается даровитая Италія, которая уже не производитъ геніевъ, ибо „для питанія мысли требуются крѣпкая жизнь, высокіе интересы, независимое существованіе",—положеніе тѣмъ болѣе трогательное, что „самое паденіе римскаго народа все еще величественно; его трауръ по свободѣ покрываетъ міръ чудесами, и геній идеальныхъ красотъ старается утѣшить человѣка за потерю дѣйствительнаго и истиннаго достоинства". Г-жа Сталь знаетъ старинную мысль, особенно свойственную эпохѣ „Возрожденія", о томъ, что „преступленіе должно считаться уравновѣшиваніемъ властей". И, конечно, для избѣжанія такихъ непріятностей, монархи должны обратить вниманіе на общественное мнѣніе. Но бѣда въ томъ, что деспоты обыкновенно уподобляются тому персидскому шаху, который сказалъ англійскому посланнику, выслушавъ его разсказъ про англійскую конституцію: „Понимаю, какъ описанный вами порядокъ вещей болѣе содѣйствуетъ прочности и счастію вашей имперіи, чѣмъ правительство Персіи; но онъ мнѣ кажется гораздо менѣе благопріятнымъ для наслажденій монарха". Оттого-то деспотизму всегда угрожаетъ гибель. Г-жа Сталь убѣждена, что „виною безумствъ революціи служатъ всегда старыя политическія учрежденія". Эта политика „должна падать по мѣрѣ распространенія просвѣщенія: вѣра въ чародѣйство

исчезла съ тѣхъ поръ, какъ были открыты истинные законы физики". Точно также, по мѣткому сравненію автора, деспотизмъ, это—какъ бы лента вокругъ Тюльери, которая крѣпка лишь до тѣхъ поръ, пока общественное мнѣніе за того, кто обвилъ ее.

VI.

Какъ ни труденъ переходъ къ правовому порядку, тѣмъ не менѣе онъ обязателенъ для всякой націи, имѣющей будущее. А въ ту эпоху, полную жизни и стремленій, тѣмъ болѣе было естественно *всѣмъ* мечтать объ этой ступени развитія. Она требовалась, прежде всего, только-что пережитыми ужасами деспотизма. „Большинство просвѣщенныхъ умовъ, которыми гордится этотъ вѣкъ,—говоритъ г-жа Сталь,—думали, что ограниченная монархія лучше всего подходитъ къ Франціи. За это мнѣніе былъ авторитетъ Монтескьё, Мирабо и многихъ политическихъ писателей, разсужденія которыхъ были всѣми приняты... Установленіе ограниченной монархіи было тою системой, которую указывалъ разумъ и которую человѣчество ставило закономъ въ эпоху первой революціи". По словамъ Гримма, о конституціонной монархіи было написано болѣе 10.000 сочиненій, и салоны дамъ превратились въ клубы конституціоналистовъ. Даже пріятельница Тюрго, мадемоазель Леспинасъ, восклицала: „Я лучше желала бы быть послѣднимъ членомъ англійской палаты общинъ, чѣмъ прусскимъ королемъ!" Если такъ было въ началѣ великой революціи, то ужасы террора должны были еще болѣе обращать умы на этотъ средній путь. Указавъ на „12 статей" своего отца о конституціи, г-жа Сталь говоритъ: „Вотъ общественное евангеліе, котораго желали французы съ 27 декабря 1788 года до 8 іюля 1815 года!" Всѣ ея пріятели, политики, „самые добросовѣстные", могли сказать, какъ Мунье (Mounier): „Всѣ мои работы постоянно имѣли цѣлью умѣренную монархію, или монархію съ реформами". Констанъ писалъ, по поводу швейцарской революціи 1797 года: „Это—большой шагъ къ утвержденію представительнаго правленія, а всякая выигрываемая имъ пядь земли—счастье для человѣчества". Стоявшій вдали отъ этого кружка Шатобріанъ зачислялъ представительную систему въ разрядъ трехъ или четырехъ великихъ открытій, измѣнившихъ лицо міра.

Для самой г-жи Сталь конституція казалась такою же очевидною необходимостью, какъ воздухъ для всякаго живого суще-

ства. Учитель сказалъ: „Повторяю, духъ *умѣренности* долженъ быть душой законодателя; въ политикѣ, какъ и въ морали, благо всегда находится между двухъ границъ". Г-жа Сталь признавала даже, что въ жизни крайности невозможны: онѣ—только въ головахъ фантазёровъ. „Въ нравственной природѣ,—говоритъ она,—какъ и въ природѣ физической, находятся двѣ всемогущія силы—наклонность къ покою и стремленіе къ свободѣ; беретъ верхъ то та, то другая. Но твердая и всеобщая воля вытекаетъ лишь изъ соединенія обѣихъ". Отсюда необходимость ограниченной монархіи для большихъ государствъ. Правда, это не легкая вещь. Но къ этому идеалу нужно стремиться, и Франція уже достойна его. Все благородное, неподкупное, всѣ „друзья свободы" „постепенно, но твердо" идутъ къ этому „вестфальскому миру" между нынѣшнимъ просвѣщеніемъ и унаслѣдованными интересами.

Что за сила—конституція, надъ этимъ г-жѣ Сталь нечего было задумываться. Тогда всѣ съ ума сходили отъ примѣра Англіи. Г-жа Сталь увлекалась имъ до наивности, до софизмовъ. Она говорила объ англичанахъ: „Ихъ превосходная конституція, которая чрезвычайно развиваетъ нравственныя способности, можетъ одна удовлетворять ихъ потребности дѣйствовать и мыслить... Говорятъ, что климатъ Англіи особенно способствуетъ меланхоліи: я не могу судить объ этомъ, такъ какъ небо свободы всегда казалось мнѣ самымъ чистымъ". Въ Англіи ей нравятся даже подкупы избирателей: вѣдь „это даетъ случай и богатымъ хоть разъ нуждаться въ людяхъ, которые обыкновенно находятся въ ихъ зависимости". Впрочемъ и тутъ не обошлось безъ Монтескьё, находившаго, что въ монархіи „хороша продажа должностей". Указавъ на то, что въ началѣ революціи англійская конституція „была цѣлью надеждъ и усилій французовъ", г-жа Сталь прибавляетъ въ 1810 году: „Моя же душа и теперь тамъ". Конечно, сто двадцать лѣтъ политическаго развитія лежатъ между Англіей и материкомъ. „Но мы не думаемъ,—говоритъ г-жа Сталь,—чтобы Провидѣніе поставило этотъ прекрасный памятникъ общественнаго порядка только для того, чтобы возбуждать въ насъ сожалѣніе о невозможности сравниться съ нимъ". Въ самомъ дѣлѣ, тамъ, за Каналомъ, частные интересы слиты съ общими. Сознаніе своего достоинства, какъ гражданина, стоитъ выше всякихъ должностей, титуловъ и личныхъ интересовъ. Тамъ все гуманно: уголовное право, и въ особенности законы о политическихъ преступленіяхъ доведены до высокой степени справедливости; неудовлетворительно только гражданское право. Система двухъ па-

латъ, при свободныхъ выборахъ, ведетъ къ разнообразію мнѣній: гдѣ единогласіе, тамъ деспотизмъ. Еще больше способствуетъ этому существованіе двухъ партій—министерской и оппозиціонной: „это—настоящая опора свободы, основанная на природѣ вещей". При этомъ „торіи допускаютъ свободу и любятъ монархію, виги допускаютъ монархію и любятъ свободу"; но тѣ и другіе возвышаются только благодаря талантамъ и честности. И самая аристократія въ Англіи—не то, что на материкѣ: она сливается тамъ съ третьимъ чиномъ; она „тожественна съ народомъ". „Англійская конституція одинаково дорога, какъ герцогу Норфолькскому, такъ и послѣднему носильщику". Всякій дворянинъ исполняетъ какую-нибудь полезную государственную должность, и безвозмездно. Весьма важно, что англійская конституція—плодъ постепеннаго развитія, что даетъ ей устойчивость. „Она можетъ совершенствоваться безъ потрясеній".

Вслѣдствіе всего этого, кредитъ, финансы, торговля, промышленность,—все развивается и процвѣтаетъ въ Англіи, несмотря ни на продолжительныя войны, ни на континентальную блокаду. Присяжные, провинціальныя и городскія власти, выборы, журналы, школы,—все даетъ доступъ народу къ общественнымъ дѣламъ. Послѣдній англійскій фермеръ больше понимаетъ въ политикѣ, чѣмъ просвѣщенные люди на материкѣ. И вотъ страна, гдѣ философы и ученые сливаются съ правителями! Тамъ нѣтъ и милитаризма: каждый гражданинъ—солдатъ. Гордая свобода отражается и на положеніи женщины, и на нравахъ вообще. Въ Англіи все серьезно, все обдуманно, нравственно. И „только благодаря свободѣ, рычагъ, поднявшій весь міръ, могъ найти точку опоры въ этомъ маленькомъ островѣ: сдѣлайте изъ этой страны лагерь и заведите дворъ—и вы увидите ея нищету и униженіе". Исторія вообще грустна и мрачна: она состоитъ изъ окровавленныхъ страницъ. Только Греція и Римъ освѣтили земной шаръ на нѣсколько вѣковъ. „Какъ вдругъ Провидѣніе позволило, чтобы Англія разрѣшила задачу монархическихъ конституцій, а Америка, вѣкомъ позже,—задачу федеративныхъ республикъ". И то, что считалось химерой, осуществилось передъ нашими глазами въ видѣ британской конституціи—этого образца „послѣдняго усовершенствованія общественнаго порядка", этого „прекраснѣйшаго памятника справедливости и нравственнаго величія въ Европѣ", этого „перла разума и свободы". На этомъ перлѣ есть одно только пятнышко—злая и корыстная внѣшняя политика. Но это не мѣшаетъ, въ общемъ, быть „англійской націи, по своимъ добродѣтелямъ и просвѣщенію, аристократіей

всего остальнаго міра". Дѣло въ томъ, что во времена г-жи Сталь Англія воевала съ ея злѣйшими врагами,—съ якобинцами и Наполеономъ: Англія, какъ „вооруженный рыцарь", охраняла Европу 10 лѣтъ отъ анархіи, отъ безначалія, и 10 лѣтъ—отъ деспотизма.

Если такъ, то дѣло было очень просто: возьмите англійскую конституцію и перенесите ее во Францію. Это совѣтовали и Монтескьё, и Неккеръ. Г-жа Сталь посвятила, въ своей „Революціи", отдѣльную главу вопросу: „Могутъ ли быть другія основанія для ограниченной монархіи, кромѣ англійской конституціи?" Здѣсь исчерпаны всѣ возраженія, которыя дѣлались тогда во Франціи противъ такого опыта. Опровергнувъ ихъ, г-жа Сталь дѣлаетъ такой выводъ: „Сказать правду, я не вижу, почему бы французамъ или всякой другой націи отказываться отъ употребленія компаса, хотя онъ изобрѣтенъ итальянцами?" Подробности управленія зависятъ отъ мѣстныхъ условій; но основы конституцій—однѣ и тѣ же повсюду. И г-жѣ Сталь казалось, что „до сихъ поръ мыслители не могли найти другихъ принциповъ монархической и конституціонной свободы, кромѣ тѣхъ, которые приняты въ Англіи". Невольно напрашивается вопросъ: почему г-жа Сталь, которая, подобно своимъ учителямъ, такъ хорошо знала исторію Англіи и Франціи и придавала такое большое значеніе средѣ, забывала существенную разницу между англійской и французской аристократіей и между положеніемъ третьяго чина въ обѣихъ странахъ? Да, и въ ея время были люди, которымъ это бросалось въ глаза. Байейль замѣчаетъ, что „конституцію не пересадишь, какъ дерево; да она и не состоитъ въ одномъ установленіи верхней и нижней палаты... Какимъ образомъ народная партія согласилась бы на учрежденіе верхней палаты, которая была бы наполнена лишь врагами націи?" Правда, Байейль былъ противникъ г-жи Сталь въ политикѣ, но даже Б. Констанъ находилъ ея взглядъ черезчуръ оптимистичнымъ и навѣяннымъ Вольтеромъ и Монтескьё. Онъ указывалъ на жестокіе законы въ Англіи противъ сектантовъ и иностранцевъ, а также на анахронизмъ въ изложеніи г-жи Сталь.

Къ счастью, у насъ есть документы, по которымъ мы можемъ судить безошибочно и точно о той конституціи или политической „свободѣ", которая рисовалась въ воображеніи вождей либерализма. Прежде всего, это—ихъ „общественное евангеліе" или 12 статей Неккера, составленныхъ въ 1791 году. Вотъ онѣ: 1) Законодательство принадлежитъ исключительно представителямъ націи, но требуетъ утвержденія монарха, т.-е., какъ

говорили тогда, ему предоставляется „вето“ (veto) или право запрета. Сюда принадлежитъ установленіе всѣхъ рѣшительно налоговъ,—дѣло первой важности, не только какъ средство ограничивать короля, но и потому, что, по замѣчанію Монтескьё, въ свободныхъ государствахъ всегда налоговъ больше, чѣмъ въ деспотіяхъ. 2) Представители же опредѣляютъ государственные расходы, а стало быть, и размѣръ военныхъ силъ. 3) Правительственный отчетъ въ финансахъ передъ представителями. 4) Ежегодная смѣна сборщиковъ податей. 5) Отмѣна всякаго произвола и право каждаго гражданина привлекать къ суду всякаго чиновника, злоупотребляющаго своею властью. 6) Запрещеніе офицерамъ распоряжаться внутри государства безъ полномочія со стороны гражданскихъ властей. 7) Ежегодное возобновленіе парламентомъ военныхъ законовъ. 8) Свобода печати. 9) Равное распредѣленіе государственнаго бремени и право всѣхъ гражданъ на занятіе государственныхъ должностей. 10) Отвѣтственность министровъ и первыхъ властей. 11) Наслѣдственность престола. 12) Предоставленіе монарху полной и всецѣлой исполнительной власти, со всѣми необходимыми средствами для пользованія ею.

Таковы „основные устои гражданской и политической свободы націи“, какъ назвалъ авторъ свои 12 статей. Онѣ неполны, какъ бы набросаны поспѣшной рукой: не говоря о другихъ вопросахъ (свобода личности и совѣсти, судебная власть), —тутъ нѣтъ статей о собственности, о выборахъ и о палатахъ. Впрочемъ, тотчасъ послѣ статей, но внѣ ихъ, сказано: „Къ этимъ принципамъ слѣдовало бы прибавить о самомъ безусловномъ уваженіи къ собственности, еслибы это уваженіе не составляло одинъ изъ элементовъ всеобщей морали при всякомъ правительствѣ. Зато авторъ не забылъ исполнительной власти: это—„чтобы предотвратить факціи, чтобы сохранить спокойствіе государства и обезпечить общественный порядокъ, чтобы соединеніе всѣхъ властей въ законодательномъ корпусѣ не привело къ деспотизму, не менѣе опасному, чѣмъ всякій другой“.

„Евангеліе“ конституціоналистовъ, конечно, было особенно священно для г-жи Сталь. Она только дополнила его, въ 1795 году, въ своемъ „Внутреннемъ Мирѣ“. Это—настоящій манифестъ либераловъ. Здѣсь читаемъ: „Вотъ какая свобода составляетъ истинное благо: соразмѣрность налоговъ; аресты и судъ лишь въ законныхъ и всѣмъ общихъ формахъ; отмѣна всякихъ привилегій“. Вообще, власть должна быть средствомъ, а не цѣлью; а права соединяются съ обязанностями. Г-жа Сталь вы-

ставляла еще три принципа, о которыхъ выразилась такъ: „пока мудрость человѣка не изобрѣла еще ничего, что лучше охраняло бы, въ большомъ государствѣ, благо общественнаго порядка“. Она говоритъ: „Въ конституціяхъ всего міра есть три основныхъ вопроса, ибо, къ счастью, политическихъ истинъ весьма мало, и въ этой наукѣ изобрѣтеніе—чистое дѣтство, а практика—верхъ совершенства. Раздѣленіе законодательнаго корпуса, независимость исполнительной власти и, прежде всего, собственность—вотъ простыя идеи, образующія планъ любой конституціи, такъ какъ онѣ лежатъ въ самой природѣ вещей“.

Именно, конституціоналисты убѣждены въ необходимости *двухъ палатъ* и особенно стоятъ за „прочность, силу и значеніе палаты старѣйшинъ“, чтобы возвысить „королевскую власть, которая необходима во всякой конституціи, какъ залогъ ея прочности“. Г-жа Сталь часто возвращалась къ этому вопросу и горячо отстаивала двухъ-палатную систему. И не потому только, что такъ въ Англіи и что Руссо стоялъ за одну палату. Монтескьё училъ: „Законодательная власть должна быть поручена какъ корпусу благородныхъ, такъ и тому корпусу, который будетъ выбранъ для представительства народа; оба они должны собираться и совѣщаться отдѣльно, имѣя личные взгляды и интересы“. Къ тому же вели уроки исторіи. Во Франціи именно оттого и не было свободы, что въ генеральныхъ штатахъ была одна палата, гдѣ третьему чину принадлежала лишь одна треть голосовъ. „Это роковое учрежденіе всегда давало большинство привилегированнымъ противъ народа, что часто заставляло народъ предпочитать деспотизмъ короля законной зависимости отъ аристократическихъ кастъ. Все это было слѣдствіемъ раздѣленія на три чина“. Оттого-то одна палата, это „царство страстей“, погубило и Конституанту“. Особенно г-жа Сталь отстаивала верхнюю палату. Вѣдь и Монтескьё требовалъ даже наслѣдственной палаты. Неккеръ не жалѣлъ доказательствъ въ пользу послѣдней. Онъ предполагалъ составить ее изъ 250 наслѣдственныхъ пэровъ—все изъ самыхъ знатныхъ, самыхъ историческихъ фамилій, съ присоединеніемъ къ нимъ 50 гражданъ, избранныхъ государемъ изъ всѣхъ слоевъ общества. Первые изъ нихъ должны происходить по прямой мужской линіи и обладать землею, доставляющей 30.000 ливровъ ренты. Это будетъ „свита и лейбгвардія королевскаго величества“. Ея роль—„окружать тронъ, поддерживать его, увѣковѣчивать его блескъ, устанавливать политическое разстояніе между монархомъ и народомъ“. Г-жа Сталь приводитъ подобное же доказательство въ пользу не-

обходимости верхней палаты. Впрочемъ, она ставитъ первымъ условіемъ, чтобы члены верхней палаты были „друзья свободы". Точно также, конечно, смотрѣли и друзья г-жи Сталь. Мунье считалъ верхнюю палату неизбѣжною. Констанъ требуетъ того же, ссылаясь на Монтескьё. По плану Констана, верхняя палата наслѣдственна и назначается королемъ; число членовъ неограничено. Сначала онъ былъ противъ наслѣдственной пэріи, а потомъ оправдывался, что она не годится для республики, но годится для конституціонной монархіи. Что же касается нижней палаты, то членами ея должны быть лишь лица, которыя могутъ жить безъ заработка, по крайней мѣрѣ годъ, такъ какъ „у бѣдности есть свои предразсудки, какъ и у невѣжества". Они могутъ быть вновь избираемы безконечно. Всякое вообще представительство народа должно быть оплачиваемо.

Что касается независимости *исполнительной власти*, то здѣсь г-жа Сталь почти списываетъ съ Монтескьё и Неккера. Монтескьё требовалъ сосредоточенія этой власти въ рукахъ монарха, для болѣе быстраго дѣйствія, на которое не способны коллегіальныя учрежденія. Король одинъ долженъ созывать и распускать законодательныя собранія. Онъ долженъ „принимать участіе въ законодательствѣ, но лишь посредствомъ пріостановки рѣшеній этихъ собраній", которыя иначе станутъ деспотичными. Собранія не должны останавливать короля, ибо „исполнительная власть ограничена самою своею природой". Зато собранія должны контролировать исполнительную власть; но такъ какъ личность исполнителя священна (иначе собраніе стало бы тираномъ, и не было бы свободно), то отсюда вытекаетъ отвѣтственность министровъ. Армія должна зависѣть отъ короля, но парламентъ долженъ имѣть право раскассировать ее, когда пожелаетъ. Неккеръ говорилъ то же самое во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, стараясь еще болѣе выставить необходимость „независимости" исполнительной власти. Онъ твердилъ, что еслибы Франція подражала въ этомъ Англіи, она избѣжала бы ужасовъ революціи. „Въ нравственномъ мірѣ,—говоритъ Неккеръ,—короли — существа неестественной величины; ихъ можно оцѣнить лишь издали"; и „говоря отвлеченно", ихъ могли бы судить развѣ только иностранныя націи. И нечего бояться такихъ королей: ихъ ограничиваетъ парламентъ, снабженный властью разрѣшать имъ доходы ежегодно; ихъ соперниками являются аристократы палаты пэровъ. То же самое повторяетъ г-жа Сталь. Она просто не можетъ постигнуть, какъ революціонеры хотѣли низвести короля на степень обыкновеннаго чиновника и до того обезвластить

министровъ, что едва одинъ сторожъ оставался въ ихъ распоряженіи. По ея мнѣнію, должно бояться именно не силы, а слабости исполнительной власти: тогда-то „скорѣе можно опасаться, что она перейдетъ всѣ границы".

Г-жу Сталь особенно интересовалъ мучившій тогда всѣхъ политиковъ вопросъ о *вето* короля. Въ своей „Революціи" она разсказываетъ, какъ было дѣло. Когда въ Конституантѣ провалился вопросъ о двухъ палатахъ, занялись вопросомъ о „королевской санкціи". Слѣдуетъ ли давать королю вето временное или неограниченное? „Слово „неограниченный" звучало въ ушахъ народа деспотизмомъ,—и вотъ, началось пагубное вліяніе криковъ толпы на рѣшенія просвѣщенныхъ людей... На улицахъ Парижа толковали о вето, какъ о какомъ-то чудовищѣ, которое должно пожрать младенцевъ". Народная партія допускала только временное вето, т.-е., чтобы отказъ короля утвердить законъ падалъ самъ собою на слѣдующемъ собраніи, если собраніе настаивало на этомъ законѣ. Споръ разгорался: одни говорили, что неограниченный запретъ помѣшаетъ всякому улучшенію со стороны собранія; другіе говорили, что временный запретъ не сегодня—завтра заставитъ короля вполнѣ повиноваться представителямъ народа. Неккеръ въ одномъ мемуарѣ о конституціи указывалъ средній путь—именно троекратный срокъ, т.-е., чтобы запретъ короля падалъ только при третьемъ собраніи. Неккеръ приводилъ такіе доводы: въ Англіи король весьма рѣдко прибѣгалъ къ запрету, такъ какъ палата лордовъ почти всегда избавляетъ его отъ этого. Во Франціи же, при одной палатѣ, король принужденъ исполнять роль и верхней палаты, и исполнительной власти; при тройномъ срокѣ, т.-е. по истеченіи трехъ—четырехъ лѣтъ, пылъ французовъ охладѣетъ; если же и тогда палата будетъ настаивать на своемъ, то общественное мнѣніе будетъ достаточно сильно, чтобы принудить короля уступить. „Однако,—прибавляетъ г-жа Сталь,—Неккеръ протестовалъ, такъ сказать, противъ этого примирительнаго средства, хотя самъ предлагалъ его: указывая, что временный запретъ былъ необходимымъ результатомъ одной палаты, онъ повторялъ, что одна палата не приведетъ ни къ чему доброму, ни прочному". А въ своемъ „Внутреннемъ Мірѣ", гдѣ она рекомендовала республику, г-жа Сталь естественно находила, что, при такой формѣ правленія, исполнительной власти не приличествуетъ неограниченный запретъ. „Это — королевское преимущество, которое составляетъ скорѣе пышность королей, чѣмъ право, которымъ корона можетъ пользоваться". Иное дѣло—останавливать волю народа, иное дѣло

просвѣщать ее. Для созданія законовъ необходимы свѣдѣнія, которыя можетъ имѣть только исполнительная власть. „А если послѣдняя лишена права добиться своимъ замѣчаніемъ пересмотра закона, который кажется ей опаснымъ, т.-е., если она не будетъ имѣть права, которымъ пользуется президентъ Америки, законы будутъ часто неисполнимы". Такъ какъ при жизни короля г-жа Сталь стояла за неограниченный запретъ, то въ 1795 году она сочла нужнымъ объясниться. „Нельзя запретить заботиться объ усовершенствованіи конституціи въ этихъ формахъ. „Временный запретъ" (veto reviseur) произвелъ въ конвентѣ то же впечатлѣніе, какъ предложеніе двухъ палатъ Конститюанты. Шестилѣтнія бѣдствія заставили принять послѣднее; неужели же нужно, чтобы подобной цѣной исполнительная власть окупала силу, необходимую для сохраненія правительства, а слѣдовательно и республики?"

Желая всячески утвердить исполнительную власть, де-Сталь всегда отстаивала „законную" (légitime), т.-е. наслѣдственную корону. Въ „Революціи" этому вопросу посвящена цѣлая глава, весьма любопытная, какъ примѣръ, что самые просвѣщенные люди могутъ изъ страха говорить большія странности,—примѣръ, впрочемъ, излишній, когда мы видимъ, что по тому же мотиву дѣлаютъ то же самое цѣлыя подобныя націи. Если Монтескьё стоялъ за наслѣдственность, то онъ приводилъ такой доводъ, какъ „благо государства, требующее этого порядка для того, чтобы избѣжать бѣдствій, случающихся въ деспотизмѣ, гдѣ все невѣрно, потому что все произвольно". Г-жа Сталь прибѣгаетъ къ такимъ доводамъ: „Государи древнихъ фамилій гораздо болѣе соотвѣтствуютъ благу государства, чѣмъ государи-выскочки. Если у нихъ обыкновенно не очень замѣчательные таланты, зато ихъ нравъ болѣе миролюбивъ; если у нихъ болѣе предразсудковъ, зато—меньше честолюбія. Они меньше изумляются власти, такъ какъ имъ твердятъ съ дѣтства, что они предназначены къ ней; и они меньше боятся потерять ее, что̀ дѣлаетъ ихъ менѣе подозрительными и безпокойными. Они живутъ болѣе просто, такъ какъ не нуждаются въ искусственныхъ средствахъ для внушительности, и имъ нечего думать о пріобрѣтеніи уваженія: привычки и преданія служатъ имъ руководителями. Наконецъ, внѣшній блескъ, эта необходимая принадлежность королевской власти, приличнѣе всего, когда дѣло идетъ о государяхъ, предки которыхъ въ теченіе вѣковъ стояли въ такомъ же высокомъ достоинствѣ... Выскочка же долженъ пріобрѣтать славу военными подвигами... Наслѣдственность въ монархіяхъ необходима для спокойствія,

скажу даже, для нравственности и для прогресса человѣческаго ума... При избирательномъ королѣ, я увѣрена, было бы междоусобіе при каждомъ новомъ выборѣ". „Нигдѣ наслѣдственность не установлена такъ прочно, какъ въ Англіи". Вообще, какъ видно, кровопролитія Наполеона и „ужасы" террора нагнали такой страхъ на „умѣренныхъ", что какъ г-жа Сталь, такъ и всѣ ея пріятели, отъ Мунье до Констана, настаивали на „независимости", т.-е. силѣ исполнительной власти для большихъ государствъ. Они вызывали, наконецъ, колкія насмѣшки со стороны демократовъ, какъ Байейль, который принужденъ былъ выставлять права разума и мудрости.

Остается третій принципъ конституціи—собственность. Мы уже знаемъ общій взглядъ г-жи Сталь на этотъ „центръ политической жизни", безъ котораго „нѣтъ никакого общества". Чтобы сохранить этотъ священный устой въ конституціонной монархіи, нужно было, прежде всего, подвести его подъ систему политическихъ *выборовъ*. Монтескьё взялъ тутъ все въ разсчетъ —и жребій, за который стоялъ Руссо, и тайную и явную подачу голосовъ, и наказы депутатамъ, и замѣчательный тактъ толпы, на который указывалъ еще Макіавелли. Онъ стоялъ за прямые выборы и предоставлялъ это право „всѣмъ гражданамъ, кромѣ тѣхъ, которые пали такъ низко, что не считаются способными имѣть собственную волю". Но Тюрго прямо считалъ собственность неизбѣжнымъ условіемъ выборовъ; а Неккеръ не зналъ, на какую ногу стать. Онъ колебался въ бытность свою министромъ; позже, въ своей „Исполнительной Власти", онъ сталъ за собственность, чтобы сильнѣе связать избирателей съ государствомъ. Еще позже, въ своей „Революціи", Неккеръ опять колеблется, такъ какъ это условіе отстранило бы отъ законодательства приходское неимущее духовенство. Г-жа Сталь мало обращала вниманія на механику выборовъ: она считала только ихъ свободу „первымъ условіемъ для правильнаго хода представительнаго правительства". Ее больше занимала экономическая сторона дѣла. Она съ самаго начала рѣшительно стала за собственность. Уже въ 1795 году она писала противъ неимущихъ, которые представлялись ей грабителями: „Какъ вы поставите въ конституцію людей, жаждущихъ добычи,—людей, представители которыхъ не могутъ служить имъ иначе, какъ обезпечивъ за ними, прежде всего, первое благо—собственность, которой недостаетъ имъ?... Въ самомъ дѣлѣ, почти всѣ законы связаны съ собственностью". Описывая потомъ „ошибки" Конституанты, г-жа Сталь говорила: „Оставалось одно средство—выборы, чтобы слѣ-

дующее собраніе исправило зло благоразуміемъ. Но отвергли условіе собственности, необходимое для того, чтобы замкнуть выборы въ классѣ тѣхъ, которые заинтересованы въ порядкѣ. Робеспьеръ, которому потомъ принадлежала такая великая роль въ царствѣ крови, возсталъ противъ этого условія, въ какой бы степени ни опредѣлили его... Однако, постановили, что депутатомъ могъ бы быть лишь тотъ, кто платитъ 54 ливра налоговъ. Мало того: ввели двухстепенные выборы... Эта градація, конечно, должна была подорвать демократическій элементъ. Оттого-то вожди революціонеровъ уничтожили ее, когда достигли власти. Но прямые народные выборы, подчиненные справедливому условію собственности, несомнѣнно больше благопріятствуютъ энергіи свободныхъ правительствъ". Только непосредственные выборы, какъ въ Англіи, заставляютъ гражданъ проникаться любовью къ отечеству и духомъ общественности. Народъ тогда только привязывается къ своимъ представителямъ, когда онъ самъ ихъ выбираетъ, точно также какъ вся сила депутатовъ заключается въ довѣріи избирателей. „Если за избирателями не стоитъ народъ, тогда батальонъ гренадеровъ сильнѣе 300 депутатовъ". Выбирать же народъ долженъ среди людей перваго класса, которые, съ своей стороны, „должны стараться нравиться народу своими талантами и добродѣтелями". А эта двойная связь теряется, когда выборы проходятъ черезъ двѣ степени. „Гдѣ выборъ депутатовъ не принадлежитъ народу просто и прямо, тамъ нѣтъ представительнаго правительства. Наслѣдственныя учрежденія могутъ сопутствовать выборамъ, но свобода коренится только въ послѣднихъ. Оттого для Бонапарта было важно подорвать народные выборы, такъ какъ онъ зналъ, что они несовмѣстимы съ деспотизмомъ".

Думаемъ, что сказаннаго достаточно для уясненія взгляда г-жи Сталь на парламентъ и короля, — эти двѣ основныя власти, которыя такъ занимали общество того времени. О третьей, *судебной*, власти она говорила меньше, но зато здѣсь ей представлялось и меньше случаевъ для противорѣчій. Съ одной стороны, этотъ вопросъ менѣе сложенъ, съ другой—онъ былъ подробно выясненъ Монтескьё и примѣромъ Англіи. Г-жа Сталь держится основного правила своего учителя, который такъ опредѣлилъ великое учрежденіе суда присяжныхъ: „Судебная власть не должна быть вручаема постоянному сенату: она должна принадлежать лицамъ изъ народа (какъ въ Аѳинахъ), собирающимся въ извѣстное время года, по предписанному закономъ правилу, чтобы образовать судилище, продолжающееся столько, сколько

потребуетъ необходимость. Такимъ образомъ судебная власть, столь страшная для людей, не связываясь ни съ какимъ чиномъ, ни съ какимъ званіемъ, становится, такъ сказать, невидимой и несуществующей! Судьи не торчатъ постоянно передъ глазами, и боишься не судей, а суда... Нужно даже, чтобы судьи принадлежали къ одному званію съ обвиняемымъ, или были бы его равными". Г-жа Сталь превозноситъ Конституанту за то, что она ввела судъ присяжныхъ,—этотъ „якорь надежды Франціи", „это дивное учрежденіе, которое будутъ почитать съ каждымъ днемъ все больше по мѣрѣ того, какъ будутъ чувствовать его благодѣянія". Она отдаетъ Конституантѣ полную дань справедливости за ея по истинѣ гуманную и блестящую судебную реформу и перечисляетъ всѣ ея достоинства. Друзья г-жи Сталь, и въ особенности Констанъ, развивали ея идею суда присяжныхъ и мысль Неккера о несмѣняемости судей.

Мы исчерпали „общественное евангеліе" конституціоналистовъ или „друзей свободы". Мунье очень вѣрно резюмировалъ его въ своемъ горячемъ воззваніи къ гражданамъ Франціи: „Познайте цѣну конституціи! Она не лишитъ васъ выгодъ рожденія и братства; но и простой гражданинъ будетъ не такъ униженъ: онъ будетъ бояться не людей, а законовъ". За это-то евангеліе „друзья свободы" получили кличку, которая прежде принадлежала не имъ. Въ 1816 году одинъ изъ реакціонеровъ крикнулъ Ройе-Коллару за его рѣчь, по поводу избирательнаго закона: „Вотъ настоящіе *доктринеры*!" Тотъ возразилъ: „О какихъ доктринерахъ говорите? Я знаю только, что въ началѣ насъ было трое—де-Серръ, Камиль Жорданъ и я". Затѣмъ постепенно пристали Бёньо, Гизо, Барантъ и герцогъ Брольи. Тогда доктринеры „помѣстились бы на диванѣ", по выраженію одного изъ нихъ. Но они постепенно стали отступать отъ г-жи Сталь, въ особенности въ двухъ пунктахъ—въ любви къ Англіи и въ пристрастіи къ аристократизму. Съ измѣненіемъ общественныхъ и экономическихъ условій, сталъ опять выдвигаться третій чинъ: съ 5-го февраля 1817 года, доктринеры, съ Гизо во главѣ, стали за избирательный цензъ въ 300 франковъ, — и началось тридцатилѣтнее царство буржуазіи.

Вопросъ о государствѣ приводитъ насъ къ вопросу объ обществѣ.

С. В—штейнъ.

ВНОВЬ БѢЛЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Въ грозные, знойные,
Лѣтніе дни—
Бѣлые, стройные
Тѣ же они.

Призраки вешніе
Пусть сожжены—
Здѣсь вы нездѣшніе,
Вѣрные сны.

Зло пережитое
Тонетъ въ крови,—
Всходитъ омытое
Солнце любви.

Замыслы смѣлые
Въ сердцѣ больномъ,—
Ангелы бѣлые
Встали кругомъ.

Стройно-воздушные
Тѣ же они—
Въ тяжкіе, душные
Грозные дни.

Владиміръ Соловьевъ.

8 іюля 1900. Пустынька.

А. А. ТУЧКОВЪ

и

ЕГО ДНЕВНИКЪ 1818-го ГОДА [1])

Объ Алексѣѣ Алексѣевичѣ Тучковѣ въ нашей исторической литературѣ сохранилось мало свѣдѣній; но и того, что извѣстно, достаточно, чтобы признать его однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей этого вѣка. Потомокъ знатнаго и богатаго рода, старшій братъ позднѣйшаго московскаго генералъ-губернатора П. А. Тучкова, онъ родился около 1800 года и получилъ превосходное образованіе, сначала дома, подъ руководствомъ иноземныхъ гувернеровъ, затѣмъ въ московскомъ университетѣ и, наконецъ, въ извѣстной школѣ колонновожатыхъ, основанной Н. Н. Муравьевымъ. Въ этой школѣ, разсказываетъ его дочь, Нат. Ал. Огарева-Тучкова [2]), онъ сблизился со многими изъ (будущихъ) декабристовъ, особенно съ Оболенскимъ и двумя Муравьевыми-Апостолами. Изъ муравьевской школы онъ вышелъ въ генеральный штабъ по квартирмейстерской части и состоялъ на службѣ до декабря 1825 г. Онъ принадлежалъ къ „сѣверному обществу", но во время возстанія 14-го декабря находился на службѣ въ Москвѣ; онъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и послѣ трехмѣсячнаго ареста освобожденъ. Тотчасъ послѣ этого онъ вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ свое родовое имѣніе Яхонтово, пензенской губерніи. Въ это время онъ былъ уже женатъ.

[1]) Этотъ дневникъ сохранился у его дочери, Н. А., вдовы поэта Огарева.—*Ред.*

[2]) „Изъ дальнихъ лѣтъ" Т. Пассекъ, т. III, и „Русская Стар." 1890 г., октябрь.

Въ Яхонтовѣ онъ прожилъ почти безвыѣздно до самой смерти. Съ середины тридцатыхъ годовъ онъ около пятнадцати лѣтъ состоялъ инсарскимъ предводителемъ дворянства. Онъ остался вѣренъ ганнибаловой клятвѣ. Среди оставшихся послѣ него бумагъ сохранилось множество копій прошеній и отношеній къ губернатору, министру внутреннихъ дѣлъ и пр., за время его предводительства: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ, что званіемъ своимъ онъ пользовался преимущественно для заступничества за слабыхъ и угнетенныхъ противъ произвола становыхъ, исправниковъ и т. п., и, прежде всего, за крѣпостныхъ противъ деспотизма помѣщиковъ. Н. А. Огарева ярко изображаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ результаты этой дѣятельности: ненависть со стороны помѣщиковъ, вражду со стороны губернатора и великую популярность среди крестьянъ.

„Въ концѣ 1849 года я,—разсказываетъ она,—возвращаясь съ Огаревымъ изъ Крыма и проѣзжая по симбирской или тамбовской губерніи—не помню, разговорилась съ однимъ крестьяниномъ о рекрутскомъ наборѣ. Дѣло было осенью.

— У насъ бѣда,—отвѣчалъ онъ,—да, впрочемъ, вездѣ одно и то же; только вотъ тамъ,—и онъ указалъ по направленію къ пензенской губерніи,—и есть одинъ человѣкъ, который жалѣетъ крестьянина.

Мы взглянули другъ на друга.

— Какъ его зовутъ?—спросила я съ замираніемъ сердца.

— Тучковъ,—отвѣчалъ онъ.

Онъ служилъ народу искренно, не тщеславясь, и память о немъ сохранилась въ народѣ“.

Въ 1850 году у него въ имѣніи былъ сдѣланъ обыскъ; онъ былъ арестованъ, одновременно съ Н. П. Огаревымъ и Н. М. Сатинымъ, женатыми на его дочеряхъ, и отвезенъ въ Петербургъ; недолго продержавъ подъ арестомъ, его освободили, но запретили на два года выѣздъ изъ Петербурга. Онъ умеръ, если не ошибаемся, въ 1879 году. Что онъ до конца не измѣнилъ своимъ убѣжденіямъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ сохранившаяся въ его бумагахъ любопытнѣйшая записка о реформѣ рекрутскаго устава, написанная въ 1866 году. Доказавъ несостоятельность вреднаго и ненавистнаго народу очередного порядка по работникамъ въ нераздѣльномъ дому, и еще болѣе ненавистной жеребьевой системы, онъ предлагаетъ вернуться къ исконному, выработанному народнымъ ѳпытомъ очередному порядку по роднымъ братьямъ. Эти очередные наборы должны, по его плану, производиться въ каждомъ обществѣ особо, такъ какъ всякое

общество владѣетъ землею особо. Установленіе очередей есть дѣло суда, составленнаго въ мірскомъ обществѣ не изъ очередныхъ семействъ, а изъ людей, не подлежащихъ рекрутской повинности; ибо такіе люди, имѣющіе по одному сыну или вовсе ихъ не имѣющіе, могутъ судить безпристрастно, тогда какъ сельскій сходъ есть безобразное скопище людей, въ которомъ сами же очередные домохозяева—судьи въ своемъ дѣлѣ, и гдѣ несправедливости совершаются очень часто, подъ вліяніемъ ли міроѣдовъ, или диктаторовъ-посредниковъ. Эта судная изба должна состоять не менѣе, какъ изъ двѣнадцати такихъ хозяевъ, не опороченныхъ притомъ ни судомъ, ни общественнымъ мнѣніемъ сосѣднихъ деревень; если же недостанетъ этого числа, то добавлять изъ ближайшаго села по жеребью. Еслибы введено было такое устройство,—говоритъ онъ въ заключеніе своей записки,— „тогда бы по истинѣ сельское населеніе само распоряжалось назначеніемъ очередныхъ рекрутъ, и распоряжалось безпристрастно, разумно и самостоятельно“.

Лѣтомъ 1818 года, восемнадцатилѣтнимъ юношей, „свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части господинъ прапорщикъ Тучковъ 1-й“ былъ командированъ въ тульскую губернію для топографическаго и статистическаго описанія одоевскаго и бѣлевскаго уѣздовъ. Во время этой командировки юный прапорщикъ велъ подробный дневникъ, подлинникъ котораго нынѣ сохраняется у дочери его, Н. А. Огаревой. Легко понять, какимъ желаннымъ поводомъ лично ознакомиться съ положеніемъ народа должно было явиться такое порученіе для будущаго члена „сѣвернаго общества“. Дѣйствительно, онъ зорко смотрѣлъ, и дневникъ его рисуетъ такую картину крѣпостныхъ порядковъ этого времени, которая, кажется, заслуживаетъ быть сохраненной отъ забвенія; но и собственныя разсужденія автора имѣютъ свою цѣнность: онѣ рисуютъ намъ образъ мыслей будущихъ людей 14-го декабря, являясь, безъ сомнѣнія, отголоскомъ бесѣдъ въ ихъ средѣ.

Все нижеслѣдующее касается одоевскаго уѣзда; дневникъ кончается такими словами: „Августа 6-го. Рекогносцированіе бѣлевскаго уѣзда не представляетъ ничего особеннаго“.

„Обѣдалъ, — записываетъ Тучковъ въ своемъ дневникѣ, — 1-го іюля, въ д. Бутырки—помѣщикъ генералъ П. А. Р. Тамъ

земли (сѣрой) по одной десятинѣ на тягло, и помѣщикъ изъ милосердія ли, или оттого, что въ этихъ мѣстахъ земля дурна, положилъ ихъ на оброкъ и беретъ только 60 рублей съ тягла. Сами крестьяне говорятъ, что имъ еще хорошо въ сравненіи съ тѣми, которые на пашнѣ, несмотря на то, что и они кромѣ оброка возятъ въ Москву господамъ хлѣбъ, а оттуда привозятъ господамъ собакъ, которыхъ должны кормить для господской забавы. Въ селѣ Касимовѣ баринъ Н. А. Л.; у него сборъ съ крестьянъ всего съѣстного, да сверхъ того барщина братъ на брата. Иные откупаются отъ послѣдняго и за три дня въ недѣлю платятъ 35 рублей оброку съ тягла. Онъ (Л.) продалъ Ю. дѣвокъ и выдаетъ своихъ по неволѣ. Какъ Р., такъ и Л. во время неурожая заставляютъ мужиковъ ходить по міру—и продаютъ хлѣбъ свой.

„Въ Филатовѣ помѣщикъ Н. В. Р., отставной гусарскій поручикъ лѣтъ тридцати-пяти. Р. говоритъ хорошо, но, видно, не такъ дѣлаетъ, какъ говоритъ; по его словамъ, тиранія помѣщиковъ — дурное дѣло, однако же вотъ уже два мѣсяца, какъ его крестьяне работаютъ поголовно на барина, а на себя ни одного еще дня. Они въ жалкомъ состояніи и говорятъ, что онъ ихъ *доѣхалъ*. Р.—изъ числа мелкопомѣстныхъ. Сестра его, пожилая дѣвушка, кажется умнѣе его, хотя и еще болѣе провинціалка. Впрочемъ, и самъ онъ очень неглупъ, говоритъ только отборными словами.

„Сидоровское принадлежитъ И. Н. Х., городничему новосильскому. Крестьяне работаютъ всю недѣлю поголовно на барина, исключая четверга и пятницы,—они только два дня работаютъ на себя; что же касается до воскресенья, то они въ этотъ день работаютъ на барина, себѣ—грѣхъ.

„Воротцы двухъ разныхъ помѣщиковъ—бр. С.; у того работаютъ братъ на брата обыкновеннымъ образомъ, но другой гоняетъ крестьянъ поголовно, и они въ жалкомъ состояніи.

„Покровское принадлежитъ И. И. Г.—вотъ его хозяйство: первое—оброкъ съ тягла сорокъ рублей; сверхъ того, барщина поголовно, когда вздумаетъ; всякій крестьянинъ обязанъ дать ему барана, овцу, курицу, свиней, поросятъ, даже масла, холста и пр., и всего, что только можно вздумать. Собранный скотъ и вообще весь господскій розданъ по крестьянамъ; они обязаны его кормить, а въ случаѣ, что корова или что другое издохнетъ, то мужикъ за это долженъ заплатить, какъ тому и былъ примѣръ: за теленка взялъ онъ 60 рублей съ мужика, который его кормилъ. Къ удивленію, староста несетъ всѣ повинности

на-ряду съ прочими. Но, что всего хуже, всякій крестьянинъ безъ позволенія барина не можетъ жениться, а баринъ за позволеніе беретъ съ жениха 150, 100, а иногда и 300 рублей, другими словами, баринъ продаетъ своихъ дѣвокъ своимъ же крестьянамъ; а ежели послѣдніе, по бѣдности, этого не заплатятъ, то онъ продаетъ дѣвокъ чужимъ, а двадцатилѣтній крестьянинъ считается уже въ тяглѣ, хотя бы онъ былъ и холостой. Этихъ примѣровъ было четыре: за вдову 150 рублей, за дѣвокъ: за одну—170, за другую—200 и за третью—250. Что же касается до холостыхъ тяголъ, то ихъ довольно. Я былъ у тамошняго священника и просилъ его дать мнѣ записку за его подписаніемъ, что въ Покровскомъ дѣйствительно помѣщикъ Г. такъ обходится съ крестьянами; но онъ мнѣ сказалъ, что хотя все это очень справедливо, но записки дать не можетъ, по той причинѣ, что это запрещено. Онъ человѣкъ очень неглупый и бранитъ барина; онъ мнѣ совѣтовалъ поговорить съ протопопомъ въ Одоевѣ, который, по его словамъ, можетъ приказать ему дать записку обо всемъ, и тогда съ радостью онъ это исполнитъ. Эти крестьяне принадлежали прежде Степану Ивановичу Вельяминову—имъ было тогда очень хорошо. Попадья и вообще всѣ крестьяне говорятъ, что никогда не сравняютъ они старыхъ помѣщиковъ съ молодыми; прежніе были несравненно лучше, по ихъ словамъ; никогда они такъ много не работали на господъ, какъ нынче; нынче ихъ больнѣе бьютъ, больнѣе взыскиваютъ, продаютъ порознь дѣвокъ, вдовъ, мужиковъ (напримѣръ, въ Воротцахъ у *лихого* барина купленный мужикъ въ жалкомъ состояніи; его пригнали и поставили въ рядъ съ прочими и до того разорили, что онъ продалъ послѣднюю корову, по словамъ тамошнихъ крестьянъ). Нынѣшніе помѣщики всѣ *лихи*, а въ прежнее время это если и бывало, то весьма рѣдко. А если и есть молодые хорошіе помѣщики, то они *не стоятъ* (умираютъ), напримѣръ Алексѣй Ивановичъ Ляпуновъ. Гдѣ же просвѣщеніе дворянъ? Вообще можно сказать, что здѣсь народъ угнетенъ до чрезвычайности; казенныхъ крестьянъ мало—все помѣщичьи, а изъ нихъ ни одного нѣтъ изряднаго; если не сами, то приказчики разоряютъ въ конецъ.

„Въ Ивановскомъ гоняютъ на работу поголовно, въ иную недѣлю дадутъ крестьянамъ 1 день на себя, много 2 дня, а часто и ни одного дня. Воскресенье не работаютъ. Я спрашивалъ, когда же крестьяне убираютъ свой хлѣбъ—мнѣ отвѣчали: на это есть ночь. Съ нихъ идетъ также сборъ всего съѣстного по обыкновенію здѣшнихъ помѣщиковъ; однакоже крестьяне не

въ самомъ дурномъ состояніи—можетъ быть, отъ того, что помѣщикъ ихъ умеръ, а они въ опекѣ, по тяжебному дѣлу, и хотя на прежнемъ положеніи, но вѣроятно, что на нихъ не такъ строго взыскиваютъ. Здѣсь народъ веселѣе.

„На дорогѣ встрѣтили мы одного изъ здѣшнихъ помѣщиковъ—у него 5 душъ, и онъ шелъ осматривать труды своихъ рабовъ. Нельзя было повѣрить, чтобы этотъ человѣкъ былъ помѣщикомъ: бѣлье, шлафрокъ, зеленая фуражка съ краснымъ ободочкомъ, бѣлые чулки, мужичьи сапоги—вотъ весь его нарядъ, грудь нараспашку и съ палкою, и небритою сѣдою бородой. Хорошо, что извозчикъ сказалъ мнѣ, что и это баринъ, а зовутъ его Аѳанасій Степановичъ. Баринъ остановился, снялъ шапку и спросилъ меня: много ли было на ярмонкѣ?—Не знаю, —отвѣчалъ я.—Да вѣдь вы вѣрно съ ярмонки?—Совсѣмъ нѣтъ. —Такъ откуда вы?—Я ѣзжу по уѣзду.—Вотъ весь нашъ разговоръ, а слѣдствіе его было то, что стали говорить обо мнѣ: онъ-де ѣздитъ по всѣмъ деревнямъ разставлять кабаки.

„Нѣмцово—однодворческая деревня. Однодворцы живутъ несравненно чище, богаче; они имѣютъ своихъ крестьянъ и поступаютъ съ ними *варварски*. Правда, что они не бьютъ ихъ, но заставляютъ работать очень много, и что хуже всего дѣлятъ ихъ безчеловѣчно: одному достался дѣдъ, другому—сынъ, третьему—внукъ. Продаютъ и покупаютъ ихъ по одиночкѣ.

„Лѣска—разныхъ помѣщиковъ. Тамъ, какъ и во всей здѣшней сторонѣ, не знаютъ работать братъ на брата—все поголовно; здѣсь вообще по воскресеньямъ работаютъ на помѣщиковъ: поутру къ обѣднѣ, и то не всегда и не у всякаго помѣщика, а послѣ обѣда у *всѣхъ* на барщину. Что же касается до самихъ помѣщиковъ, то я не знаю, съ чѣмъ можно ихъ сравнить—вотъ ихъ образъ жизни: встаютъ рано, пойдутъ осмотрѣть работу крестьянина, сѣкутъ, ежели покажется дурною, потомъ пьютъ травникъ и сивуху, не знаю только, въ какое время: я видался съ иными поутру рано, съ другими поздно, съ иными въ полдень, и вездѣ заставалъ если не водку (ибо это дорого), то сивуху или травникъ. Изъ числа этихъ праздношатающихся разбойниковъ и пьяницъ не исключаются и женщины; безъ сомнѣнія, послѣднихъ гораздо меньше. Однако вотъ имена всѣхъ негодяевъ одоевскаго уѣзда: пьяницы А. М. Ж., три брата К., Н. Д. А. съ братомъ (у послѣдняго я былъ, онъ мнѣ предлагалъ травнику, живетъ въ бѣлой избѣ, молодъ, я думаю—лѣтъ двадцати, въ усахъ и съ маленькой бородою; можетъ быть, не

брѣется за неимѣніемъ бритвы); изъ женщинъ: покойная жена И. П. В. (сивуху) и барыня въ Лѣскахъ нынѣ здравствующая.

„Въ Желѣзенцахъ баринъ старикъ князь Г.—въ двѣ недѣли 1 день мужикамъ, да сверхъ того сборъ всего съѣстного. Онъ *донялъ крестьянъ боемъ*, по словамъ ихъ,—по 500 палокъ за одинъ разъ, или, лучше сказать, бьетъ до упаду, сѣчетъ кнутомъ, когда очень осердится, и бьетъ изъ своихъ рукъ палкой по головѣ. Много отъ него померло.—Самодержавное правленіе русскихъ помѣщиковъ не можетъ быть одинаково, ибо основано на волѣ помѣщика, а такъ какъ они всѣ разныхъ свойствъ, то и не могутъ управлять рабами своими одинаково. Можно сказать утвердительно, что даже въ одномъ селеніи *разныхъ господъ* есть разность въ характерѣ крестьянъ. Уныніе и неудовольствіе —печать рабства—составляютъ главнѣйшую черту характера русскихъ крестьянъ, но въ иныхъ мѣстахъ они услужливѣе, въ другихъ—боязливѣе, и тамъ, гдѣ помѣщики обходятся съ ними лучше, они не такъ снисходительны, но все такъ же недовольны своею участью; ибо тамъ, гдѣ человѣкъ менѣе угнетенъ, онъ болѣе можетъ размышлять о себѣ и, слѣдовательно, не можетъ быть доволенъ своею участью.

„Не всегда проклинаютъ крестьяне помѣщиковъ; много терпятъ они и отъ приказчиковъ, особливо отъ нѣмцевъ; эти варвары поступаютъ съ ними безчеловѣчно—бьютъ палками и сѣкутъ кнутомъ безъ пощады. Въ Лѣскахъ г-жи Р. приказчикъ-нѣмецъ, года три или четыре тому назадъ, осмотрѣвши господскую пашню, приказалъ сѣчь мужиковъ за то, что будто бы они дурно пахали; онъ сѣкъ немилосердно въ два кнута, тутъ же на полѣ. Мужиковъ было много, и такъ какъ иные стали отъ него бѣгать, то онъ приказалъ догнать ихъ на лошадяхъ, и, закинувъ имъ петлю на шею, тащить такимъ образомъ до мѣста казни; двухъ крестьянъ онъ было-удавилъ до смерти; прочіе это видѣли и сказали: „намъ этого не миновать, а хуже этого съ нами никогда не будетъ—долго ли же терпѣть?" Они бросились на хромого нѣмца и, безъ сомнѣнія, убили бы его, еслибы онъ не ускакалъ отъ нихъ въ телѣгѣ. Мужики гнались за нимъ 15 верстъ, но онъ ушелъ отъ нихъ къ другому приказчику, который его спряталъ; дѣло кончилось, а приказчикъ сталъ гораздо смирнѣе. Я замѣтилъ, что крестьяне еще болѣе ненавидятъ дурного приказчика, чѣмъ дурного помѣщика. Можетъ быть, это отъ того, что они менѣе видятъ разности между приказчикомъ и собою, нежели между господиномъ и собою. Наружность дѣлаетъ большое вліяніе на человѣка, а приказчиковъ

много съ бородами, и отъ этого крестьянинъ скорѣе можетъ видѣть, что приказчикъ, такой же человѣкъ, какъ и онъ. Однодворцы имѣютъ крестьянъ; они, кажется, обходятся съ ними если и не хорошо, то по крайней мѣрѣ ничего не дѣлаютъ противъ закона. Однодворецъ такъ же и ѣстъ, такъ же одѣвается, такъ же работаетъ и сверхъ того совершенно тѣ же несетъ повинности государственныя, какъ и его крестьянинъ. Но послѣдніе въ ужасномъ положеніи, ибо не постигаютъ, почему не только совершенно такой же человѣкъ, какъ они, но человѣкъ платящій одну повинность съ ними, слѣдовательно не болѣе ихъ значащій въ обществѣ, имѣетъ такую страшную власть: продаетъ сына одному, отца другому, внука третьему. „Вотъ, баринъ,—говорилъ мнѣ одинъ крестьянинъ,—отецъ мой всю свою жизнь работалъ однодворцу; пока были силы—его кормили; состарился—согнали, двухъ братьевъ моихъ распродали, а имѣніе наше все забрали. Я оставался одинъ съ моимъ сыномъ вотъ у этой барыни—и послѣдняго отняли и продали. Мнѣ осталось одно утѣшеніе: придетъ сюда отецъ мой, по міру скитающійся, мы можемъ только вмѣстѣ плакать". Но господскіе крестьяне думаютъ, что служить однодворцу лучше, ибо видятъ, что иногда однодворецъ вмѣстѣ съ ними обѣдаетъ и совершенно имъ равенъ (при томъ однодворцы никогда такъ не бьютъ своихъ крестьянъ, какъ помѣщики; ежели это и бываетъ, то весьма рѣдко). Но они ошибаются, ибо рабъ, который не видитъ разницы между своимъ властелиномъ и собою, отъ наружности ли, отъ обхожденія ли, отъ просвѣщенія ли, не можетъ сносить иго терпѣливо. И потому крестьяне однодворцевъ—въ худшемъ положеніи, нежели господскіе, хотя впрочемъ перваго несравненно менѣе бьютъ; онъ же не имѣетъ и приказчика.

„Мнѣ разсказывалъ крестьянинъ князя Г., помѣщика деревни Желѣзенцы, довольно ужасный поступокъ барина: онъ захотѣлъ отнять дочь у отца и взять ее къ себѣ (а нравственность крестьянъ лучше нравственности помѣщиковъ); слезы отца и матери не могли спасти дочери. Но вотъ еще примѣръ,—не знаю, который ужаснѣе. Г. хотѣлъ имѣть жену своего столяра, который, не имѣя правъ человѣческихъ, безъ сомнѣнія, не станетъ защищать священнѣйшаго изъ нихъ: такъ думалъ баринъ. Но онъ ошибся. Столяръ-рабъ умолялъ барина оставить жену его; но когда увидѣлъ, что это не помогало, тогда столяръ сдѣлался уже не рабомъ, ибо требовалъ этого настоятельно. Какое же было слѣдствіе сего благороднѣйшаго поступка? Рабъ былъ высѣченъ кнутомъ жесточайшимъ образомъ и сосланъ въ деревню

за 500 верстъ. Теперь спрашиваю: кнутъ въ рукахъ помѣщика для претерпѣвающаго это мученье (ибо это не есть наказаніе) —не все ли равно, что кнутъ въ рукахъ правительства, а ссылка за 500 верстъ—не та же ли Сибирь для человѣка, преданнаго своему семейству, для раба, готоваго защищать права человѣческія, которыхъ онъ не имѣетъ? Мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что помѣщикъ не въ правѣ былъ это сдѣлать; но гдѣ же искать суда? Нынче крестьяне объ этомъ и не думаютъ; они говорятъ: „одна надежда на Бога", а иные: „на Бога уповай, а самъ не оплошай". Впрочемъ, вотъ извѣстное право всякаго человѣка, который имѣетъ въ судѣ тяжебныя дѣла: онъ можетъ подать даже подозрѣніе на члена суда. Теперь посмотрите на помѣщиковъ и крестьянъ; не только этого права,—ихъ и судить не станутъ (и такъ крестьянинъ лишается первѣйшаго права человѣческаго), но сдѣлаютъ слѣдствіе, ибо рабъ не требуетъ правосудія, а *доноситъ рабски* о несносномъ обхожденіи своего господина. Потомъ баринъ бываетъ всегда почти правъ, не столько отъ законовъ, сколько отъ самихъ крестьянъ, которые, зная, что не-баринъ навѣрное будетъ наказанъ и что всего чаще ихъ опять отдаютъ тому же господину, страшатся сказать на господина *все*, ибо чѣмъ болѣе они обвинятъ барина, тѣмъ ужаснѣе будетъ ихъ положеніе въ случаѣ неудачи. Итакъ, изъ этого слѣдуетъ, что раба съ господиномъ судить нельзя; а такъ какъ и рабъ, и господинъ—равные люди, Богомъ созданные, слѣдовательно равно требующіе правосудія, то ни раба, ни господина быть не должно. Я чрезъ это не хочу сказать, чтобы люди были всѣ равны. Это невозможно, ибо люди созданы съ разными душевными качествами; всегда будутъ отличнѣйшіе достойны уваженія и возьмутъ первенство передъ прочими; но, возвышаясь заслугами, пускай забудутъ они быть *властелинами* и имѣть *рабовъ*, ибо это противно закону Божію.

„Мнѣ сказывалъ крестьянинъ малолѣтнихъ Б., села Стоянова, какъ заставляютъ работать 70-лѣтняго отца его. Съ 13-ти до 70-ти лѣтъ работаетъ онъ на господъ, и, работая 57 лѣтъ, ничего не выслужилъ. Ежели же его кормятъ, то, по словамъ крестьянина, этого мало, потому что кормятъ и скотину, которая служитъ.—Послѣ этого какъ намъ не желать свободы! Старикъ, какъ жизнь его ни тяжела, желалъ бы дожить до *того* времени, чтобы, по словамъ его, „хоть умереть весело",—а сынъ сказалъ мнѣ, что для такого торжества какъ не выпить; впрочемъ *радоваться* много нечему.

„Въ Есенкахъ написалъ къ одоевскому исправнику г. Бори-

сову на приказчика Булатова, помѣщика Л. И помѣщикъ, и приказчикъ—*славные люди*. Они разоряютъ крестьянъ до чрезвычайности и бьютъ немилосердно; во все лѣто даютъ имъ 3 дня работать на себя, отрѣзали у нихъ лучшую землю. Перевели у крестьянъ свиней, а между тѣмъ собираютъ съ нихъ свинину, которую крестьяне должны покупать. Работая вѣчно на барина, не зная ни отдыха, ни церкви по воскресеньямъ, эти несчастные находятся въ жалкомъ состояніи. Если кто изъ нихъ осмѣлился попросить господскаго хлѣба по неурожаю прошедшаго года, то баринъ даетъ имъ понемногу, только прежде крестьянина сѣкутъ ужаснымъ образомъ. По міру ходить не позволяютъ, работать на себя не даютъ, а сбираютъ съ крестьянъ все съѣстное, что только вздумать можно. Они до того довели крестьянъ, что послѣдніе въ голосъ кричали мнѣ: „Уйми хоть ты его (приказчика), баринъ! Онъ, разбойникъ, бьетъ насъ безъ милости, разоряетъ въ конецъ".—Вотъ слѣды беззаконной помѣщичьей власти. Никогда не истребятся злые властелины, ибо ихъ и много, и большая часть въ ужаснѣйшемъ невѣжествѣ: они любятъ имѣть рабовъ, ибо они сами рабы, но не ищутъ своей собственной свободы, а довольствуются тѣмъ, что могутъ угнетать другихъ.

„Въ заключеніе рекогносцированія одоевскаго уѣзда смѣло можно сказать, что напрасно думаютъ о русскихъ крестьянахъ, что они варвары безо всякаго просвѣщенія, что они преданы всѣ почти пьянству и не чувствуютъ вреда, происходящаго отъ сего пагубнаго порока; что они, получивъ однажды свободу, не въ состояніи будутъ употреблять ее ни на что полезное, и что тогда размножится число людей, преданныхъ всякимъ порокамъ, особливо же грабежъ и разбой,—и наконецъ напрасно говорятъ, что теперь—золотое время *спокойствія* или *тишины*, благодаря власти помѣщиковъ. Я удостовѣрился въ несправедливости сихъ мнѣній слѣдующими доводами, которые ясно убѣждаютъ въ противномъ. Можно ли назвать варваромъ человѣка, который бы сказалъ слѣдующее: „Господа забыли, что и мы такіе же, какъ они, люди, и обходятся съ нами какъ со скотами—продаютъ дѣтей нашихъ и насъ самихъ по одиночкѣ, разоряютъ цѣлыя семейства и цѣлыя деревни, наказываютъ безвинно и жестоко. Госпожи, забывъ стыдъ, свойственный ихъ полу, приказываютъ нѣсколькимъ мужчинамъ при своихъ глазахъ сѣчь безвинно обвиняемыхъ женщинъ. Неужели Богъ не услышитъ нашихъ молитвъ? Развѣ господа думаютъ, что они никогда не умрутъ и никогда не дадутъ отвѣта предъ Богомъ въ ихъ беззаконіяхъ? Но по смерти мы будемъ всѣ равны, и тамъ не будетъ ни господина,

ни раба. Это одна наша надежда, и еслибъ мы ее лишились, мы бы не знали, какъ и жить на свѣтѣ".

„Рабство, соединенное съ пагубнымъ пьянствомъ, безъ сомнѣнія дѣлаетъ русскаго крестьянина безпечнымъ; но всякій человѣкъ имѣетъ свои слабости, и можетъ ли крестьянинъ назваться виновнымъ въ этомъ порокѣ, когда правительство старалось и старается всячески о размноженіи сего порока, дабы разореніемъ крестьянъ обогатить себя, хотя, впрочемъ, доходъ этотъ не можетъ быть выгоденъ, ибо не отвращать отъ труда должно крестьянина, но стараться поощрять его въ занятіяхъ, полезныхъ для всего отечества. Итакъ, не будемъ обвинять крестьянъ, которые, не имѣя довольно просвѣщенія, чтобы воздержаться отъ сего порока, заслуживаютъ болѣе соболѣзнованія, нежели порицанія. Посмотрите на просвѣщенныхъ: многіе ли изъ нихъ умѣютъ повелѣвать страстями своими? Многіе ли умѣютъ укрощать страсти еще ужаснѣйшія, неизвѣстныя классу крестьянъ?

„Но не думайте, чтобы крестьяне не видѣли своего порока: они чувствуютъ его, и тѣмъ еще большаго достойны сожалѣнія. Не отъ одного крестьянина слышалъ я, что кабаки ихъ разоряютъ, что государственныя подати для нихъ еще не такъ велики, и что съ нихъ сбираютъ гораздо большій оброкъ—деньги, которыя они платятъ за вино. Итакъ, изъ этого видѣть можно, что и крестьяне имѣютъ понятія о государственныхъ повинностяхъ и государственныхъ доходахъ, слѣдовательно они не варвары, преданные одному пьянству. Но что сказать о крестьянахъ Селева, когда цѣлое селеніе предлагало деньги для того, чтобы не ставили къ нимъ кабака? Этотъ примѣръ восхитителенъ; тутъ видимъ не одного человѣка, но все селеніе, знающее силу порока и слабость силъ своихъ удержать оный: они предлагали выкупъ для избавленія села отъ разоренія, но его не приняли. И несчастные видятъ свое разореніе и не могутъ спасти себя отъ своего порока—вотъ положеніе ужасное!

„Что касается до свободы крестьянъ, то, безъ сомнѣнія, надобно стараться сперва потушить вредную страсть, вкоренившуюся, которая усиливается въ дни рабства, ослабѣетъ, но не исчезнетъ совершенно во дни свободы; ибо въ это время всякій думаетъ о себѣ и о своей будущей участи; а такъ какъ правительство распространило сей порокъ, то ему же должно принять мѣры и для его истребленія и, во-первыхъ, отказаться отъ *неправеднаго дохода*, основаннаго на разореніи людей. Тогда можно ожидать, что свобода не замедлитъ привести въ цвѣтущее состояніе сословіе людей (по словамъ одного почтеннаго человѣка), *прокорм-*

ляющее и обогащающее всю Россію, сословіе, дающее самое большое число защитниковъ отечеству, и потому сословіе достойное уваженія.

„Разбой и грабежъ теперь такъ часты, что, кажется, не будетъ времени, въ которое бы они могли быть еще ужаснѣе. Не стану разсказывать слышаннаго мною; довольно сказать, что и днемъ убиваютъ людей,—гдѣ же тишина и спокойствіе? Ночью нигдѣ почти нельзя ѣхать безопасно,—разбиваютъ почту; а между тѣмъ говорятъ, что власть помѣщиковъ удерживаетъ рабовъ отъ разбоевъ. При томъ замѣтить надобно, что во всѣхъ почти разбояхъ главные соучастники—люди крѣпостные. Въ бытность мою въ одоевскомъ уѣздѣ въ одно время найдено въ разныхъ мѣстахъ три мертвыя тѣла. Сверхъ того, одинъ удавился отъ нестерпимыхъ побоевъ бурмистра въ деревнѣ Калиновкѣ.

„Теперь обратимся къ просвѣщенію крестьянина. Многіе говорятъ, что русскій мужикъ глупъ и необразованъ. Не стану опровергать перваго, ибо нелѣпость эта слишкомъ очевидна. Что же касается до образованности его, то, сравнивая его съ иностраннымъ крестьяниномъ, говорятъ: первый живетъ въ черной избѣ, въ дыму—другой же живетъ въ бѣлой горницѣ; первый преданъ вину до чрезвычайности—другой употребляетъ его умѣренно; первый живетъ совершенно безпечно въ своемъ хозяйствѣ,—другой-же, напротивъ того, бываетъ иногда и прихотливъ“... [1])

---

[1]) На этомъ обрывается дневникъ поѣздки по одоевскому уѣзду; недостаетъ, повидимому, лишь немногихъ строкъ.

СЕСТРЫ

ПОВѢСТЬ.

I.

Весь торговый городокъ Песчанскъ былъ взволнованъ новой удачей Семена Алексѣевича Задорова.

„Лихачъ малый! Орелъ! Съ налету бьетъ!"—говорили про него даже самые видные и горделивые песчанскіе толстосумы, не то завистливо, не то съ восхищеніемъ обсуждая рѣдкое счастье молодого купца. „Въ короткое время—замѣтьте—что былъ и что сталъ! Да вѣдь еще еслибъ эта Софья Александровна его какая-нибудь мордафія была, на манеръ, скажемъ, свиного рыла, либо перестарокъ, либо дурища неотесанная, либо опять вертушка безстыжая—ну, понятное бы дѣло было. Такъ нѣтъ! Краля писаная, прямо сказать; умна, обучена, привѣтлива—на фортепіано ли сыграть кадриль или вальсикъ тамъ для танцевъ, для веселія, значитъ, молодежи, сурьезнаго ли человѣка принять ласково да съ почтеніемъ—на все она первая мастерица. И дѣловитая! У отца-то, говорятъ, въ Воронежѣ, у Александра Игнатьича, она первой рукой была, никакого конторщика не надо. Да-съ, по своей прыти да съ ейными деньгами далеко теперь вознесется нашъ Семенъ Алексѣевичъ!"

Песчанскіе обыватели не безъ основанія удивлялись удачамъ молодого Задорова.

Единственный сынъ скромнаго, болѣзненнаго и небогатаго купца, кончивъ курсъ въ уѣздномъ училищѣ, онъ еще почти ребенкомъ засѣлъ въ отцовскую лавку и ничѣмъ не выдавался изъ

среды своихъ сверстниковъ, кромѣ, пожалуй, цвѣтущаго здоровья, рѣдкой физической красоты и силы, да умѣнья держать себя дѣловито и нравиться людямъ даже гордымъ и ворчливымъ, отнюдь не особенно принижаясь передъ ними и не подслуживаясь раболѣпно.

По смерти отца, девятнадцатилѣтній Семенъ Алексѣевичъ быстро, но выгодно ликвидировалъ его торговое дѣло, а затѣмъ вовсе исчезъ изъ Песчанска, поступивъ на частную службу гдѣ-то далеко. Вернулся онъ черезъ четыре года. Завелъ торговлю желѣзомъ, послѣ занялся скупкою лѣсовъ — все это въ очень небольшомъ размѣрѣ сначала—наконецъ, выстроилъ химическій заводъ, и къ тридцати-двумъ годамъ отъ роду сдѣлался однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и видныхъ песчанскихъ дѣльцовъ.

Удивительная ему во всемъ была удача! Но слѣдуетъ признать, что удача эта въ достаточной степени оправдывалась и удивительнымъ умѣньемъ, рѣдкой силою воли и безпримѣрной выносливостью въ трудѣ. Не въ Песчанскѣ, отдававшемъ нѣкоторою затхлостью, но въ болѣе передовыхъ торговыхъ центрахъ, молодой, небогатый Семенъ Алексѣевичъ Задоровъ пользовался иной разъ большимъ кредитомъ и довѣріемъ, чѣмъ какой-нибудь ветхозавѣтный толстосумъ, единственно въ силу своихъ личныхъ свойствъ. Нашлись люди, которые охотно помогали ему въ трудную минуту просто потому, что „паренекъ-то выдался ужъ больно хорошій да разумный; на рѣдкость! Не жаль и приласкать такого: почувствуетъ и попомнитъ“.

Семенъ Алексѣевичъ, дѣйствительно, отличался не только строгой точностью въ исполненіи своихъ обязательствъ, хотя въ его рукахъ обыкновенно „мѣдная копѣйка за рубль шла“, но и способностью цѣнить доброе къ себѣ отношеніе. Между людьми, знавшими его поближе, онъ считался человѣкомъ ловкимъ, жаднымъ, хитрымъ и себялюбивымъ, но не дурнымъ и даже добрымъ. А его смѣлость, находчивость и вѣчная готовность на всякій трудъ, на всякія лишенія, завоевали ему прочное сочувствіе большинства его приказчиковъ, мастеровъ и тому подобнаго служебнаго люда, несмотря на его хозяйскую требовательность, а иногда и довольно горячія вспышки.

Тридцати-двухъ лѣтъ отъ роду, Семенъ Алексѣевичъ производилъ уже огромный торговый оборотъ, съ великой для себя выгодой, какъ это всѣмъ было ясно, но—„не по средствамъ“, какъ увѣряли песчанскіе дѣловые люди. „По туго натянутому канату ходитъ“,—говорили они.—„Если что—и оборваться не

долго. А все жадность. Очень ужъ на все завистливъ; глаза ровно у волка въ лѣсу горятъ".

Легко поэтому судить о впечатлѣніи, какое произвело въ Песчанскѣ внезапное прибытіе Задорова съ женою, послѣ двухнедѣльнаго только отсутствія „по дѣламъ"—и съ какой женою! Съ одной изъ двухъ дочерей извѣстнаго воронежскаго богача Безпальчикова, который уже давно выдѣлилъ каждой изъ нихъ по полумилліону.

Это оказывалось тѣмъ болѣе громкимъ событіемъ, что въ Песчанскѣ не только нѣкоторыя очень видныя невѣсты заглядывались на красавца Задорова, но и отцы ихъ или матери были далеко не противъ подобнаго жениха. Самъ милліонеръ Волнотеповъ, пожалуй, не прочь былъ бы назвать его своимъ зятемъ, тѣмъ болѣе, что оба молодые Волнотеповы-сыновья оказывались неудачниками. Но на всѣ въ этомъ родѣ намеки пріятелей Семенъ Алексѣевичъ неизмѣнно отвѣчалъ, что кусокъ хлѣба у него, слава Богу, есть свой, а ужъ если придетъ ему охота жениться, то не иначе, какъ на такой дѣвушкѣ, которая съумѣетъ ему очень понравиться. „Опостылишь себѣ свой же домъ,—прибавлялъ Задоровъ,—тогда для чего же и на свѣтѣ маяться? Не съ арфистками же, въ самомъ дѣлѣ, съ ярмарочными жизнь коротать. Помилуй Богъ!"

Софья Александровна дѣйствительно съумѣла „очень понравиться" своему красавцу-мужу. Весь Песчанскъ скоро замѣтилъ, что Задоровъ совсѣмъ безъ ума отъ молодой жены. „Ровно котъ весною, такъ за нею и ходитъ, глазами ѣстъ", — выразилась Олимпіада Харитоновна Изъянцева, дама „пронзительная", какъ ее называли въ Песчанскѣ, способная всякаго „разглядѣть насквозь" и „обработать въ наилучшемъ видѣ", до такой степени, что „послѣ ейной раскраски хоть въ баню иди въ десяти водахъ отмываться".

Замѣтили зоркіе дѣльцы, и совершенно безошибочно, что на первыхъ порахъ послѣ женитьбы Семенъ Алексѣевичъ сталъ даже „отбиваться отъ дѣла", сталъ въ своемъ огромномъ хозяйственно-торговомъ круговоротѣ менѣе вездѣсущимъ и всевидящимъ, позволялъ себѣ нѣкоторыя мелкія упущенія, за которыя самъ же въ былое время разгнѣвался бы на себя и на своихъ служащихъ совсѣмъ не на шутку. Задоровъ—кстати сказать—принадлежалъ къ числу тѣхъ хозяевъ, которые въ каждомъ промахѣ своихъ подчиненныхъ видятъ прежде всего свою собственную вину: зачѣмъ, молъ, не доглядѣлъ и не предвидѣлъ.

Опустили крылья хозяйская жадность и трудовая энергія Се-

мена Алексѣевича. Видно, слишкомъ горячи и сладки оказались поцѣлуи красавицы молодой жены, слишкомъ захватывалъ сердце ея влюбленный шопотъ. „Ошалѣлъ я немного!“—сознался самъ Задоровъ своему главному приказчику. „Погодите, дайте опомниться... Наше не уйдетъ. Наверстаю“.

Зато Софья Александровна даже въ угарѣ молодого счастья выказала замѣчательную дѣловитость. Необыкновенно быстро и толково освоилась она со всѣми дѣлами своего мужа, вникла во всѣ подробности, ознакомилась со всѣми служащими; пронаблюдала и разсмотрѣла ихъ не хуже самой пронзительной Олимпіады Харитоновны Изъянцевой; вызнала, поняла и оцѣнила съ замѣчательной вѣрностью всѣ виды и предположенія своего мужа на будущее время, наконецъ, совершенно естественно и просто, какъ будто иначе и быть не могло, стала замѣнять его во многихъ случаяхъ, дѣлая это съ такимъ умомъ и умѣньемъ, что Семену Алексѣевичу оставалось только руками развести да сказать себѣ, что Богъ послалъ ему помощницу, которая, въ случаѣ надобности, смѣло можетъ замѣнить самого хозяина. Даже въ смыслѣ бережливости и холоднаго разсчета двадцати-трехлѣтняя красавица-жена оказывалась чуть ли не поприжимистѣе своего мужа, хотя и онъ далеко не слылъ расточителемъ.

Когда, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, Софья Александровна, сидя у своего мужа на колѣняхъ, сообщила ему, между двумя горячими ласками, что съ помощью кое-какихъ неважныхъ и почти безобидныхъ для людей перемѣнъ расходъ въ рабочей застольной можно сократить на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ,—восхищенный Задоровъ, любуясь ею, невольно воскликнулъ:

— Золотая ты моя! Какъ тебя Господь такую сотворилъ? И краше всѣхъ, и умнѣе всѣхъ, ровно въ сказкѣ... Анъ вотъ быль, живая сидитъ! Смотрите всѣ люди, по цѣлому царству россійскому, какая у Семена Задорова жена!

Софья Александровна только улыбнулась въ отвѣтъ.

— Хороша ли, нѣтъ ли,—замѣтила она черезъ мгновеніе,—а ужъ теперь видно, какъ купилъ, хвалить надо.

II.

Догоралъ ясный и теплый майскій вечеръ. Закатъ, еще яркоцвѣтный и лучистый, свѣтился сквозь рѣдкіе стволы красноватыхъ сосенъ, выбѣжавшихъ узкой опушкой за край небольшого озера, которымъ кончалась Синеплесовская лѣсная дача купца

Семена Алексѣевича Задорова. Безмѣрныя тѣни этихъ стволовъ тянулись черезъ все озеро Синій Плёсъ въ перемежку съ отблесками на водѣ, то яркими, то мутными, далекихъ огней заката. Тѣни вытянулись даже на небольшую, открытую полянку противоположнаго, лѣсного берега и захватили собою группу людей, расположившихся возлѣ костра.

Она, впрочемъ, была не многолюдна, эта группа. Одинъ — молодой парень лѣтъ двадцати-пяти на видъ, съ красивымъ, но нѣсколько суровымъ лицомъ цыганскаго типа, лежалъ навзничь прямо на травѣ, закинувъ обѣ руки себѣ подъ голову. Другой — небольшой и тщедушный старичокъ съ темными, но сильно тронутыми сѣдиною волосами и бородою, сидя на кускѣ дерева, помѣшивалъ что-то въ котелкѣ, который висѣлъ надъ разведеннымъ въ сухихъ прутьяхъ огнемъ. Наконецъ, третій и послѣдній — высокая, сухая фигура въ крестьянской рубахѣ и лаптяхъ—стоялъ опершись на свой длинный, длинный посохъ и молча смотрѣлъ въ огонь. Это былъ пастухъ, и его большое стадо, купленное Задоровымъ „на выгулъ", разсыпалось пестрыми группами тутъ же по всей полянѣ.

— Дѣдушка, а дѣдушка!—лѣниво протянулъ молодой человѣкъ, лежавшій на травѣ.—Правда ли, ребята сказываютъ, будто ты прежде въ большихъ капиталахъ ходилъ?

— Правда.

— Н-ну?

— У моего тятеньки, у покойника, агромадный кругъ заведенъ былъ по мясному дѣлу; а потомъ все ко мнѣ перешло.

— Да что все-то?

— Однѣми чистыми деньгами тысячъ поболѣ пятидесяти. Тогда это здоровый капиталъ считался.

Молодой человѣкъ даже приподнялся на локтѣ и повернулъ лицо свое къ собесѣднику.

— Куда же это все дѣлось?

— Куда! Мѣста на свѣтѣ много. Большіе милліоны и тѣ летятъ такъ, что не увидишь.

— Ты какъ же, тоже мясное дѣло велъ?

— Разумѣется.

— Значитъ, плохо понималъ въ этомъ?

— Ну, вотъ! Я вѣдь выросъ на мясномъ дворѣ. Кому же и понимать!

— Мало ли что выросъ! Иной, дѣйствительно, при какомъ-нибудь дѣлѣ всю жизнь околачивается; а между прочимъ...

— Ты, молодецъ, у насъ еще вновѣ, — оттого и хозяина,

Семена Алексѣевича, мало знаешь. У него, братъ, несвѣдущій приказчикъ даже и недѣлю не проживетъ, это будь въ надеждѣ. А черезъ мои руки, можетъ, ужъ десятки тысячъ головъ его скотины перешло. Вотъ ты теперь въ здѣшнюю лѣсную контору къ нему поставленъ — что-жъ, берешься ты глаза ему отвести въ какомъ ни на есть дѣлѣ?

— Нѣтъ. Это правильно. Человѣкъ замѣчательный: ничего не упуститъ, ни самой малости. Иной разъ даже здѣсь, на мѣстѣ сидя, не доглядишь чего-нибудь, не спохватишься, а ужъ онъ замѣчаетъ въ лучшемъ видѣ.

— То-то вотъ и есть.

— Какъ же, значитъ, капиталъ ты свой провелъ? Али закурилъ больно? Винцо, картишки, дѣвочки...

— Тьфу! Это, братъ, теперь такая отчаянность на свѣтѣ пошла. А мнѣ даже подумать противно. Винище, положимъ, и тогда здорово лакали иные прочіе. Ну, у меня охоты къ нему не было.

— Куда же деньги дѣвались?

— Божья воля. Сегодня падежъ; завтра на подрядѣ убытокъ; послѣ-завтра добрый человѣкъ обманулъ, не заплатилъ... Такъ потихоньку да незамѣтно и пошло все прахомъ. Значитъ, не было у меня настоящаго промышленія о капиталѣ, неспособенъ оказался. Для этого вѣдь, милый человѣкъ, большая проницательность требуется, а пуще всего жадность. Чтобы, значитъ, сердце спокоя себѣ не знало; что больше захватилъ, то больше хочется. Ну, а мнѣ Господь этого не далъ.

— Что-жъ, дѣдушка, много ты убивался по деньгамъ-то? Это помилуй Богъ всякаго!

— Убивался? Хе-хе-хе! Сначала, милый человѣкъ, точно: выпужался до смерти. Думаю себѣ: какъ же такъ? Жена, двѣ дочери малютки. Ну, а послѣ того, коли хочешь знать, мнѣ много слаще прежняго жилось.

— Это какъ?

— Да очень просто! Покуда были деньги, бывало, по ночамъ подушка подъ головою вертится. Все думаешь, тоскуешь, боишься. А спроси, на кой онѣ лядъ, деньги-то эти? Что я—не такъ же сытъ, не такъ же одѣтъ, не въ томъ же тепломъ углѣ живу, не въ той же церкви Богу молюсь? Только въ душѣ-то теперь покой, а въ молитвѣ сладость и веселіе, какихъ прежде никогда не было. Семенъ Алексѣевичъ, по старой памяти—мы вѣдь съ евонымъ отцомъ когда-то знакомство водили, даже въ родѣ какъ пріятелями считались—мѣсто мнѣ предоставилъ, ку-

сокъ хлѣба на старости лѣтъ. Дочки мои обѣ за хорошими людьми, слава Богу, и меня старика не забываютъ...

— Еще бы, когда ты имъ все свое жалованье отдаешь.

— Милый человѣкъ, они люди молодые, дѣтки у нихъ, внучки мои разлюбезные; имъ еще начинать приходится. А мнѣ что̀? зачѣмъ деньги?

— Ну, дѣдушка, тебѣ бы по твоимъ мыслямъ въ монахи идти.

— Сказалъ тоже! Хорошъ монахъ! Святые отцы—понимаешь ли ты это?—всѣмъ своимъ помышленіемъ только въ Богѣ да въ молитвѣ пребываютъ. А я мірской человѣкъ, на міру живу, и на умѣ-то у меня все мірское. Въ монастырѣ на молитву звонятъ, а я перекрестился, прочиталъ „Отче нашъ“ да „Богородицу“, и улетѣлъ мыслями къ земному дѣлу. Монахъ въ это время передъ алтаремъ, яко свѣща, Богу возженная, на молитвѣ труждается, не только за себя, но за всѣхъ христіанъ; а я думаю, не пора ли стадо на Нижній Логъ перегонять. Такъ-то, милый человѣкъ! Гдѣ ужъ намъ, грѣшникамъ, на святое дѣло дерзать.

— Постой, дѣдушка! Никакъ колокольчикъ?

— И то. Это Семенъ Алексѣевичъ ѣдетъ. Я евоный колокольчикъ издалека признаю.

— Что же это онъ, на ночь глядя?

— Дѣловъ много. Когда время трафится, тогда и ѣдетъ. Пожалуй, ночевать въ конторѣ останется.

— Что-жъ, его комната прибрана чисто.

— Надо пойти къ конторѣ, встрѣтить.

Оба собесѣдника встали.

— Михѣичъ, ты присмотри здѣсь за котелкомъ,—обратился старикъ къ молчаливому пастуху, который продолжалъ стоять, опираясь на свой длинный посохъ, неподвижный, какъ изваяніе.

— Ладно.

Къ лѣсной конторѣ—небольшому, крытому тесомъ флигельку —дѣйствительно подкатилъ легкій тарантасикъ на тройкѣ сытыхъ лошадей.

Семенъ Алексѣевичъ пріѣхалъ на этотъ разъ съ молодой женою.

Иванъ Поддужный, новый лѣсной приказчикъ, который попалъ къ Задорову на службу не болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ, увидѣлъ при этомъ случаѣ Софью Александровну впервые, и до такой степени былъ пораженъ ея наружностью, что даже не могъ совладать со своимъ смущеніемъ.

— Господи! Вотъ такъ красавица! — восклицалъ онъ въ душѣ, не совсѣмъ впопадъ отвѣчая на вопросы Задорова.

И долго въ эту ночь ворочался онъ безъ сна на своей старой перинѣ, унаслѣдованной отъ „маменьки“.

„На кой лядъ деньги! — думалъ онъ, вспоминая свой разговоръ съ дѣдушкою. — Нѣтъ, деньги — все! Былъ бы я богатъ, можетъ, и я бы съумѣлъ такую жену себѣ выискать... и я бы цѣловалъ, миловалъ... Господи! Да что же это? Прямо, наважденье... Не могу заснуть... Духотище, жарко...“

Да, душною показалась Ивану Поддужному эта майская ночь. А тутъ еще соловьи со всѣхъ сторонъ свищутъ. Какъ заснешь?

III.

На слѣдующее утро Задоровы поднялись рано и пили чай на небольшомъ крытомъ крылечкѣ лѣсной конторы. Семенъ Алексѣевичъ вслѣдъ затѣмъ ушелъ куда-то вмѣстѣ съ Касаткинымъ, или „дѣдушкою“, какъ его почему-то всѣ называли. А Софья Александровна осталась за самоваромъ.

— Иванъ Ѳомичъ! — громко позвала она, оглядываясь на открытое окно конторы.

— Что изволите приказать?—появился въ дверяхъ Поддужный.

— Не хотите ли стаканчикъ чаю?

— Помилуйте, смѣю ли я безпокоить...

— Садитесь-ка, садитесь, да потолкуемъ. Я очень рада съ вами познакомиться. Не чужіе вѣдь. Вмѣстѣ будемъ дѣло дѣлать.

Она передала Поддужному стаканъ чаю, и онъ присѣлъ на деревянную скамью, не помня себя. Но смущеніе его, человѣка подбывалаго и знавшаго себѣ цѣну, было вовсе не робостью подчиненнаго.

— Скажите, отчеты по лѣсной конторѣ за прошлые три года хранятся у васъ, здѣсь?—спросила Софья Александровна.

— Точно такъ-съ.

— Ну, я послѣ пересмотрю ихъ... изъ любопытства. А пока скажите мнѣ, есть тутъ по близости какія-нибудь другія лѣсныя дачи, которыя могутъ намъ сбивать цѣну?

— Есть пристань Иванцева, да Расторгуевъ въ Коноплевской дачѣ. Но они оба купили лѣсъ на сводъ, и срокъ имъ кончается: Расторгуеву въ будущемъ году осенью, а Иванцеву— черезъ три года.

— Такъ что къ тому времени цѣны можно будетъ поднять?

— Непремѣнно даже. Остальные лѣсишки здѣсь, кромѣ казеннаго, самые пустые. Такъ, крестьянскій товаришко да дрова. Ихъ и сводятъ-то больше все крестьяне же. Мелочь, не стоющая вниамнія.

— Значитъ, и на будущее время намъ опасаться нечего?

— На будущее-то время... есть тутъ одна загвоздочка.

— Ну?

— Не дай Богъ, Крутовицынскую дачу сводить начнутъ. Не слышно, положимъ, чтобы онъ ее продавать собирался... Но на грѣхъ мастера нѣтъ. А то еще растолкуютъ ему, чтобы самъ рубилъ.

— Ну, вѣдь онъ большой баринъ, столичный.

— Такъ-то такъ... Однако господинъ, говорятъ, прозорливый.

— А дача развѣ хорошая?

Поддужный пустился въ описаніе, поощряемый весьма дѣловитыми разспросами Софьи Александровны. Однако, подробно описывая достоинство различныхъ участковъ дачи и высчитывая приблизительную ихъ стоимость, онъ хотя и старался лицемѣрно потуплять глаза въ землю, но по временамъ, когда ему казалось, что молодая хозяйка на него не смотритъ, глаза эти вспыхивали такимъ жаднымъ огнемъ, такими знойными взглядами, что понять ихъ истинное значеніе было совсѣмъ нетрудно.

Софья Александровна, впрочемъ, отлично ихъ замѣтила и улыбалась въ душѣ.

„Не ты первый, голубчикъ! — думала она горделиво. — Захочу—на стѣны полѣзешь. Что-жъ, это не мѣшаетъ, даже и поощрить можно Если дѣло съ Крутовицынской дачей выгоритъ, онъ мнѣ преданнѣе служить будетъ и дешевле. Рублей двѣсти можно ему дать за „лишній трудъ“—ну, двѣсти пятьдесятъ... Да нѣтъ, и двухъ сотъ довольно, если взглянуть поласковѣе. Онъ согласится, да еще какъ стараться будетъ! А то вѣдь съ другимъ, пожалуй, и пятью стами не отдѣлаешься“.

Допивъ чай, Софья Александровна прошла въ контору и стала внимательно просматривать итоги лѣсного дѣла по отчетнымъ книгамъ за прошлые года. А Поддужный присѣлъ поодаль, немного сзади, и пожиралъ ее глазами. Это, однако, мѣшало молодой женщинѣ сосредоточиться на своемъ занятіи, На этотъ разъ ей было не до влюбленныхъ взглядовъ.

— Иванъ Ѳомичъ! — обернулась она къ нему съ любезной улыбкой.—Вы изъ-за меня не безпокойтесь, я и одна справлюсь.

А у васъ вѣрно есть дѣло. Можетъ быть, Сеня на лѣсосѣкъ прошелъ, васъ ждетъ.

Поддужный молча поклонился и вышелъ изъ комнаты.

„Лицо немножко цыганское, а недуренъ,—подумала Софья Александровна.—Еслибы что—съ ума бы сошелъ малый... Не стоитъ!"

Задоровы пробыли на Синеплесовской дачѣ двое сутокъ. Софья Александровна неутомимо объѣздила, исходила и осмотрѣла ее всю до самыхъ отдаленныхъ угловъ, попутно выспрашивая то у мужа, то у Поддужнаго всѣ подробности о мѣстныхъ цѣнахъ и требованіяхъ на лѣсной матеріалъ, о стоимости рабочихъ силъ, о поставкѣ на желѣзныя дороги и сплавахъ лѣса на югъ, въ степныя мѣстности, словомъ, о всѣхъ торговыхъ условіяхъ дѣла. Очевидно, съ ея стороны это не было ни празднымъ любопытствомъ, ни случайной болтовнею отъ скуки. Она такъ быстро выводила изъ добытыхъ свѣдѣній правильныя заключенія и такъ вѣрно таксировала на глазъ лѣсные участки, что мужъ и Поддужный могли, не стѣсняясь, говорить съ нею, какъ съ товарищемъ-спеціалистомъ, тѣмъ болѣе, что и всѣ условные термины лѣсоторговаго языка оказались ей вполнѣ извѣстными. Поддужный только дивился про себя да приходилъ все въ большій восторгъ. „Вотъ это... дама, можно сказать!"—восклицалъ онъ въ душѣ.—„Не сорока-трещотка пустоголовая, а королева, прямо королева!.. и разлапушка, какихъ даже на свѣтѣ нѣтъ! Эхъ... кажется, душу бы продалъ"...

По части скота Софья Александровна оказалась несравнимо менѣе свѣдущей, чѣмъ по лѣсному дѣлу. Она хорошо знала условія торговли мяснымъ скотомъ, вѣрно цѣнила луга и выпасы, но незнакома была съ тонкостями и подробностями всѣхъ пріемовъ выкормки или нагуливанія, а также не умѣла правильно „обложить" (то-есть опредѣлить убойный вѣсъ и качество мяса) животное на глазъ. Зато тѣмъ болѣе внимательно слушала она всѣ объясненія „дѣдушки", и даже прямо-таки заставила его учить себя, провозившись въ стадѣ около трехъ часовъ. Старика-Касаткина она обласкала, помянула ему и о старомъ его пріятельствѣ съ отцомъ ея мужа, разспросила его о дочеряхъ и пригласила его, когда ему случится быть въ городѣ, непремѣнно заходить къ ней, чтобы напиться чайку и побесѣдовать. „Умная хозяйка и ласковая!"—заключилъ Касаткинъ:—„Семенъ Алексѣевичъ зналъ, кого выбрать. Очень даже сурьезная и обходительная... А впрочемъ въ душу не влѣзешь".

Но если Софья Александровна выказала свои хозяйственныя

дарованія съ наилучшей стороны, зато самъ Семенъ Алексѣевичъ былъ на этотъ разъ далеко ниже своего обычнаго дѣлеческаго уровня. Всякіе доклады и объясненія выслушивалъ онъ разсѣянно, особенно въ присутствіи жены. Онъ видимо еще находился въ угарѣ страсти, слѣдилъ за всѣми движеніями своей „Сони", и въ глазахъ его нерѣдко свѣтился довольно яркій отблескъ того же жаднаго огонька, съ которымъ посматривалъ на нее украдкою Иванъ Поддужный. Семенъ Алексѣевичъ даже не всегда сдерживался и, несмотря на присутствіе своихъ приказчиковъ, позволялъ себѣ такія порывистыя и горячія ласки, что у Поддужнаго темнѣло въ глазахъ и стучали зубы, а „дѣдушка" —смотрѣлъ въ сторону. Эти порывы, впрочемъ, отчасти вызывались той все увеличивавшейся ласкою и нѣжностью, съ которыми посматривала Софья Александровна на своего мужа, по мѣрѣ выясненія всѣхъ огромныхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ имъ покупкою Синеплесовской дачи. „Да!"—говорила она себѣ.— „Мой Сеня не ротозѣй какой-нибудь, не фофанъ, а настоящій мужчина. Такого и любить стоитъ. Далеко пойдетъ... А все-таки я его вокругъ пальца обернула! Не вырвется!" И эта мысль заставила Софью Александровну самодовольно улыбнуться.

Задоровъ настолько былъ полнъ своимъ чувствомъ къ женѣ, что даже не утерпѣлъ похвастаться ею, оставшись какъ-то наединѣ съ Касаткинымъ.

— Ну, дѣдушка!—сказалъ онъ.—Хорошую я себѣ хозяйку выискалъ? Какъ по твоему? Ты вѣдь помнишь, какъ я въ отцовской лавкѣ мальчикомъ сидѣлъ... Можно было тогда что-нибудь такое подумать?

— Хозяйка—надо бы лучше, да нельзя. Зато ты самъ-то не больно хорошъ.

— Чѣмъ?

Старикъ замялся.

— Говори, дѣдушка, прямо. Мы вѣдь все-таки свои люди, и разговоръ у насъ зашелъ не хозяйскій, а по человѣчеству.

— Что жъ, Семенъ Алексѣевичъ, если правду сказать, не гожо такъ.

— Что не гожо?

— Софья Александровна супруга вамъ законная, Богомъ данная, дѣткамъ вашимъ, Богъ дастъ, будетъ матерью. А вы съ ней... на манеръ какъ съ полюбовницею.

— Что ты, ошалѣлъ, дѣдушка? Да есть ли для меня что-нибудь дороже и милѣе ея на цѣломъ свѣтѣ!

— Не ошалѣлъ, Семенъ Алексѣевичъ, а насмотрѣлся кое-

чего на своемъ вѣку. Ты кровь-то свою поуйми, лучше будетъ. Богъ тебѣ жену для святого дѣла, для семьи, а не для баловства послалъ.

Задоровъ покраснѣлъ.

— Ну, дѣдушка, я и холостымъ на баловство не очень-то падокъ былъ.

— Такъ зачѣмъ же теперь себя не соблюдаешь въ уздѣ? И грѣхъ, и нехорошо, ей Богу, нехорошо. Огонь что ни больше раздуваешь, тѣмъ скорѣе догоритъ, а къ баловству, по слабости человѣческой, пристрастишься, одолѣетъ оно тебя, втянетъ, и на распутство кинешься.

Оба замолчали.

— Вы меня простите, хозяинъ, если я...

— Не въ чемъ прощать, дѣдушка. Я вѣдь самъ заговорилъ съ тобою объ этомъ. Я тебя еще благодарить долженъ за откровенность.

— Если такъ, спасибо тебѣ, Семенъ Алексѣевичъ, что мною, убогимъ старикомъ, не побрезговалъ.

Когда Задоровы вернулись изъ лѣсной дачи къ себѣ домой, въ Песчанскъ, то за позднимъ вечернимъ чаемъ разговорились между собою очень интимно и дружно.

— Ну, Сеня,—объявила Софья Александровна,—начинай дѣло съ Крутовицынымъ, я согласна. Авось, Богъ намъ поможетъ это устроить. Разумѣется, чтобы папаша былъ спокоенъ, мои деньги ты обезпечишь закладною, а какая будетъ польза— подѣлимъ по разсчету, кто сколько вложилъ.

— Да хоть всю себѣ бери!—разсмѣялся Семенъ Алексѣевичъ.—Нешто я съ тобой считаться буду? Мужъ да жена— одна сатана.

— Зачѣмъ такъ, Сеня? Деньги всегда счетъ любятъ. Дѣло дѣломъ. А что я тебя крѣпко люблю, ты самъ знаешь, да и стоишь того.

Послѣдовали очень пылкія нѣжности.

— А знаешь, Сеня,—замѣтила Софья Александровна въ концѣ очень обстоятельной дѣловой бесѣды:—у тебя этотъ Поддужный, кажется, очень знающій и расторопный малый, даромъ что молодъ.

— Прямо дорогой малый по работѣ. Только ненадёженъ. Такіе люди долго въ подручныхъ не живутъ,—норовятъ свое дѣло завести. И понятно. Поддужный тоже своего случая не упуститъ, навѣрное. Не тотъ малый! На лету схватитъ. Вся задача, когда такой случай представится.

— Ну, можетъ быть, на наше счастье, и не такъ скоро. Опять же на всякаго мудреца и простота бываетъ. Какъ-нибудь и прикрутимъ молодца къ своему дѣлу покрѣпче.

— Дай Богъ. А впрочемъ, не суть важно. Свѣтъ не клиномъ сошелся.

— Не воруетъ онъ, Сеня?

— Незамѣтно покуда. Да воръ ко мнѣ и не пойдетъ на службу.

— Тò-то!

IV.

Судьбѣ угодно было пріостановить на время всѣ дѣловые планы и разсчеты Задоровыхъ. На слѣдующій же день имъ доставлена была телеграмма съ извѣстіемъ о скоропостижной смерти отца Софьи Александровны, воронежскаго милліонера Безпальчикова. Этотъ тучный человѣкъ умеръ, спокойно бесѣдуя съ однимъ изъ своихъ пріятелей въ трактирѣ, за парой чая. Агонія длилась не болѣе трехъ, четырехъ минутъ. Случай апоплексіи вышелъ „очень чистенькій и демонстративный",— какъ выразился молодой врачъ, нà-скоро позванный перепуганными свидѣтелями этого „случая", но успѣвшій явиться слишкомъ поздно, когда могучій милліонеръ сталъ уже только—„падалью". Это некрасивое словечко пустили ему въ слѣдъ нѣкоторые, повидимому, несовсѣмъ по-христіански настроенные мелкіе людишки, которымъ случалось испробовать на самихъ себѣ силу коммерческой геніальности покойнаго богача.

Задоровы, разумѣется, поѣхали въ Воронежъ. Семенъ Алексѣевичъ пробылъ, однако, тамъ недолго и вернулся въ Песчанскъ, къ своимъ текущимъ дѣламъ, тотчасъ послѣ похоронъ. Иначе онъ и не могъ поступить. Зато Софья Александровна оставалась въ Воронежѣ до истеченія сорокового дня по смерти своего покойнаго отца, то-есть, до того момента, когда душа внезапно усопшаго милліонера окончательно простилась съ своимъ земнымъ мѣстопребываніемъ и вознеслась... въ тѣ обители, гдѣ, говорятъ, коемуждо воздается по дѣламъ его. Наслѣдники Безпальчикова, впрочемъ, не поскупились па возможное облегченіе ему доступа въ обители горнія: тѣло предавалъ землѣ самъ архипастырь соборнѣ, сорокоусты заказаны были чуть не десятками, вклады на вѣчный поминъ души даны были щедрые и многіе, „даже, прямо можно сказать, сверхъестественные", какъ выразился одинъ изъ приказчиковъ покойнаго. „Ничего не

пожалѣли для папаши молодые хозяева при этомъ случаѣ",— добавлялъ онъ же.—„Да какъ и пожалѣть, какъ и не почесть, если, напримѣръ, милліоны?"

Софья Александровна хотя и не была уже наслѣдницею послѣ отца, какъ дочь, выдѣленная имъ еще при жизни, тѣмъ не менѣе вполнѣ оправдывала своимъ поведеніемъ сужденіе приказчика. На вопросъ одной изъ своихъ старыхъ знакомокъ, сколько времени она думаетъ пробыть въ Воронежѣ и не проѣдетъ ли до сорокового дня въ Песчанскъ—Софья Александровна даже нѣсколько обидѣлась.

— Развѣ я совсѣмъ безчувственная?—возразила она.—Папенька-голубчикъ—царство ему небесное!—наградилъ насъ не какими-нибудь пустяшными копѣйками. И вдругъ, зарывши его въ землю и даже не выждавши души упокоенія, я бы отвернулась прочь, да къ молодому мужу махнула! Нѣтъ, ужъ такъ я не сдѣлаю. Что̀ бы добрые люди обо мнѣ сказали? Что̀ бы родные братья подумали?

— Это такъ. Молодоженъ, извѣстно... Онъ не посмотритъ... Что̀-жъ, голубушка, это честь вамъ дѣлаетъ. Не всѣ такъ-то разсуждаютъ въ нынѣшнее время. А папеньки вашего покойнаго душенька теперь, чай, смотритъ на васъ да радуется, радуется. Почтили, молъ, меня дѣтки, какъ слѣдуетъ, добросовѣстно...

Недѣли черезъ двѣ послѣ своего возвращенія въ Песчанскъ съ похоронъ тестя, Семенъ Алексѣевичъ получилъ отъ жены нижеслѣдующее письмо.

„Милый Сеня! Сегодня совершенно неожиданно вернулась изъ-за границы сестрица моя, Анюточка. Тамошнее леченье и жизнь не помогли ей нисколько: такая же худая, блѣдная, безсильная—ужъ именно, что краше въ гробъ кладутъ. Впрочемъ, въ самое послѣднее время одинъ знаменитый докторъ сказалъ ей, что ее не такъ лечили, что никакихъ водъ или ваннъ ей не нужно, климатъ для нея хорошъ всякій, а все дѣло въ томъ, что не поняли ея болѣзни и больше ей вредили, чѣмъ лечили. Докторъ этотъ подробно, на бумагѣ написалъ ей, что̀ нужно дѣлать на будущее время, и увѣрялъ честнымъ словомъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она совсѣмъ оправится. Анюточка съ этимъ и пріѣхала домой. „Все равно,—говоритъ,—если помирать, такъ ужъ лучше на родной землѣ"; а то опротивѣли ей эти французы: „не люди,—говоритъ,—а козлы какіе-то противные; кажный,—говоритъ,—нашъ русскій нищій мнѣ пріятнѣе ихняго господина". Можетъ быть, у нея это и отъ болѣзни такая

меланхолія образовалась... Впрочемъ, главное-то вотъ въ чемъ. Анюточка не хочетъ оставаться въ Воронежѣ. „Зачѣмъ,—сказываетъ,—я буду жить съ невѣстками, когда у меня есть родная сестрица? Ты вѣдь, Соня,—спрашиваетъ,—примешь меня къ себѣ въ домъ?“ Я, Сеня, признаться, даже тебя не спросившись, очень ее обнадежила. Что-жъ, быть намъ въ чемъ-нибудь помѣхою она не можетъ, такъ какъ папенька-покойникъ еще при жизни выдѣлилъ ей деньгами столько же, сколько и мнѣ. А даже, напротивъ, если новый докторъ ее обманулъ и случится, помилуй Богъ, несчастье, придется ей помирать, то вѣдь даже и по справедливости мнѣ бы слѣдовало быть ея наслѣдницей. Братья безъ того на двоихъ больше пяти милліоновъ получили. За что же имъ еще-то? Такъ если Анюточка будетъ жить съ нами и увидитъ нашу ласку, она, въ случаѣ чего, скорѣе согласна будетъ наградить свою единственную сестру, чѣмъ братьевъ да невѣстокъ. Кстати же ты знаешь, какое у насъ золото Ильюшина Аграфена Кузьминишна! Да вѣдь и Васина Глафира Кондратьевна привыкла носъ свой задирать выше облака ходячаго, ровно бы герцогиня какая-нибудь урожденная; а и всего-то сарапульскаго второй гильдіи купца дочь, и всей ея награды отъ отца было пятьдесятъ тысячъ да тряпки. Такъ кому же можетъ быть пріятно ея фордыбаченье? особливо мужниной сестрѣ, которая сама въ полумилліонѣ,—значитъ, по настоящему, ровно въ десять разъ ея лучше? Вѣдь мужнины-то деньги Безпальчиковскіе, а не ея, Курятниковскіе, поэтому и кичиться ими передъ нами, Безпальчиковыми, ей не слѣдовало бы. Напиши же мнѣ, Сеня, поскорѣе насчетъ этого дѣла, да такъ, чтобы я могла показать твое письмо Анюточкѣ. Если ты уже писалъ Крутовицыну и получилъ отвѣтъ, то намекни мнѣ объ этомъ въ письмѣ, но не ясно. Пиши, напримѣръ, такъ: рубка начата, или не начата, удачно, или неудачно; а я ужъ буду понимать. Цѣлую тебя, милый мой дружокъ, крѣпко-прекрѣпко, скучаю безъ тебя и думаю о тебѣ цѣлые дни. Богъ мнѣ свидѣтель, какъ я тебя люблю, потому что ты этого стоишь“.

„Твоя вѣрная жена Софья Задорова“.

„Кланяется тебѣ старикъ Маркелъ Никитичъ. Встрѣтилъ меня въ соборѣ, очень былъ доволенъ, и тобою не нахвалится. Это пріятно. Онъ вѣдь не пустой человѣкъ, а изъ первыхъ купцовъ въ городѣ“.

Семенъ Алексѣевичъ никогда не видалъ своей свояченицы. Когда онъ познакомился съ семьею Безпальчиковыхъ, посватался и женился — все въ теченіе одной зимы — Анна Александровна

уже жила и лечилась за границею. Пріѣхать на свадьбу она, разумѣется, не могла, такъ какъ въ ея положеніи промѣнять мягкую зиму средиземнаго побережья на трескучіе морозы воронежской губерніи было бы—по мнѣнію пользовавшихъ ее врачей, по крайней мѣрѣ,—настоящимъ безуміемъ. Да врядъ ли она и стремилась попасть на шумное и утомительное свадебное веселье. Семенъ Алексѣевичъ слыхалъ, что, измученная трехлѣтней тяжелой болѣзнью, она, несмотря на свои восемнадцать лѣтъ, отличалась угрюмостью и необщительностью, а вмѣстѣ чрезвычайной, почти капризной настойчивостью въ своихъ рѣшеніяхъ. Дома, въ семьѣ, судя по всѣмъ отзывамъ, она не пользовалась особеннымъ расположеніемъ близкихъ, хотя и не вызывала противоположнаго чувства; къ ней относились какъ-то снисходительно - индифферентно; обѣ невѣстки, напримѣръ, не стѣсняясь, называли ее „убогенькой“. Семенъ Алексѣевичъ составилъ себѣ о свояченицѣ представленіе, какъ о чемъ-то малорослымъ, тщедушномъ, больномъ и ничтожномъ. „Что-жъ,—рѣшилъ онъ, прочитавъ письмо,—пусть пріѣзжаетъ. Мѣста у насъ довольно, и сама она тихая, лѣзть на глаза черезчуръ не станетъ. Да еще долго ли протянетъ? Такія вѣдь не жилицы на бѣломъ свѣтѣ. Докторъ ее, конечно, обнадежилъ, потому что такъ водится. Деньги ея беретъ,—не сказать же ей за это въ глаза: помирай, молъ, матушка, пора! А только гдѣ ужъ тамъ выздоровѣть, коли три года хворала... Гм! Иной разъ, какъ попадешь на линію, такъ словно само собою все спорится. Неужто въ самомъ дѣлѣ намъ съ Соней еще и сестрина часть достанется? Богъ съ нею, не желаю ея смерти, грѣхъ это— все-таки сестра вѣдь — да вѣдь мірской человѣкъ по неволѣ о мірскомъ думаетъ“.

А Семенъ Алексѣевичъ именно въ этотъ моментъ и былъ какъ разъ озабоченъ серьезной думою о деньгахъ. Внезапно сложились такія обстоятельства, появились такія требованія и предложенія, что небольшой химическій заводъ Задорова могъ бы съ огромной выгодою утроить, даже упятерить свое производство. Но для этого нужно было построить еще два огромные корпуса, выписать новыя машины, затратить значительный капиталъ на пріобрѣтеніе сырья, а денегъ для этого далеко не хватало, или, вѣрнѣе, ихъ не было вовсе. Семенъ Алексѣевичъ и безъ того развилъ торговое дѣло значительно шире наличныхъ средствъ, въ надеждѣ на свою неутомимость и находчивость. Откуда же было взять еще двѣсти или двѣсти пятьдесятъ тысячъ? Близко локоть, да не укусишь. „Въ три года

я бы удвоилъ капиталъ!“—шепталъ себѣ Семенъ Алексѣевичъ, безъ сна ворочаясь на душной постели. „А капиталъ жены нельзя тронуть: весь понадобится для Крутовицына, да еще, пожалуй, не хватитъ. Ужъ его-то дачи не упущу, скорѣе самого себя продамъ! Господи, дѣла-то, дѣла сколько предвидится!..“

V.

Софья Александровна вернулась въ Песчанскъ въ концѣ іюня, и привезла съ собою больную младшую сестру.

Какъ это почти всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, оказалось, что Задоровъ составилъ себѣ объ этой дѣвушкѣ представленіе, не имѣвшее ничего общаго съ дѣйствительностью.

Правда, Анна Александровна поражала своей худобой и блѣдностью, крайняя усталость и безсиліе сказывались въ каждомъ ея движеніи, а глуховатый голосъ, страдальческое выраженіе лица и нерѣдкое дрожаніе рукъ дополняли картину человѣческаго разрушенія, которую ей суждено было представлять собою въ двадцать лѣтъ отъ роду. Но все-таки ни малорослой, ни слабой отъ природы, ни тѣмъ болѣе „ничтожной“ никто бы ее не назвалъ. Напротивъ, это была дѣвушка высокая, стройная, даже несмотря на свою чрезвычайную худобу, съ широкимъ окладомъ плечей и небольшой головкой, увѣнчанной такою массою прелестнѣйшихъ волосъ темнаго цвѣта, почти черныхъ, что невольно казалось, будто они тяготятъ эту бѣдную больную головку, безпомощно поникшую долу. Зато тѣмъ неожиданнѣе было выраженіе лица Анны Александровны, когда она иной разъ внимательно и въ упоръ на кого-нибудь взглядывала. Вмѣсто печальнаго, робкаго, молящаго или капризнаго лица, которое каждый естественно предполагалъ встрѣтить въ больномъ полу-ребенкѣ, удивленный наблюдатель вдругъ видѣлъ предъ собою огромные темно-сѣрые глаза съ глубокимъ, осмысленнымъ, но крайне серьезнымъ и почти враждебнымъ взоромъ, выпуклый, прекрасно развитый лобъ, сдѣлавшій бы честь любому мыслителю, и безкровныя, подернутыя страдальческой гримаскою, но крѣпко сомкнутыя губы, ясно свидѣтельствовавшія объ увѣренной въ себѣ силѣ воли и спокойной непоколебимости рѣшенія.

Была ли красива собою Анна Александровна?

Когда она впервые протянула руку Задорову, безъ малѣйшей улыбки поднявъ на него свои огромные, строгіе глаза, то

она не только ему не понравилась, но даже произвела на него какое-то не то отталкивающее, не то жуткое впечатлѣніе.

„Ого-го-го! Вотъ ты какая! — подумалъ онъ съ неудовольствіемъ, смутившись. — Нравная, должно быть... Да и некрасива же, Господь съ тобой!"

Между тѣмъ, было что-то въ этомъ лицѣ, такъ непонравившемся Семену Алексѣевичу, что̀ притягивало къ себѣ его невольное вниманіе, заставляло его исподтишка, но подолгу вглядываться въ эти заострившіяся черты, черные круги подъ глазами, провалившіяся щеки и блѣдноголубыя жилки на вискахъ, покрытыхъ безкровной и фарфорово-прозрачной кожею.

„Ну, сестричка! — покачивалъ про себя головою Семенъ Алексѣевичъ. — Нехороша, совсѣмъ нехороша! Даже смотрѣть непріятно. Ровно привидѣніе какое-нибудь, прости Господи, либо вѣдьма. Глаза-то злющіе... Вотъ Соня говоритъ: „будь съ нею поласковѣе". Ну, на какой козѣ къ этакой-то подъѣдешь? Впрочемъ, пусть ее. Она какъ хочетъ, а мы сами по себѣ, въ сторонкѣ. Что̀ намъ? Хворая, вѣдь... Можно такъ устроиться, что какъ будто ея и нѣтъ совсѣмъ. Да... некрасива!"

И взгляды Семена Алексѣевича все-таки никакъ не могли оторваться отъ уродливой сестрички. Чѣмъ она ихъ притянула?

Впрочемъ, наметанный глазъ художника навѣрное возсталъ бы противъ черезчуръ поспѣшныхъ заключеній Задорова. Художникъ, конечно, разглядѣлъ бы и безукоризненную форму головы Анны Александровны, и строгую правильность линій ея лица, и своеобразную красоту ея глубокихъ глазъ, въ которыхъ вспыхивалъ по временамъ какъ бы отблескъ далекаго, скрытаго огня. Его не обманули бы вялость и восковая безцвѣтность кожи или рѣзкая угловатость очертаній.

А бѣдная „вѣдьма", такъ упорно и недоброжелательно разглядываемая своимъ зятемъ, сама едва скользнула по немъ однимъ или двумя разсѣянными взорами. Ни его наружность, ни манеры, ни рѣчь — ничто не вызвало съ ея стороны ни малѣйшаго вниманія. Послѣ! Успѣется. Да и нѣтъ, кажется, ничего особеннаго... А пока, крайне утомленная дорогой, Анна Александровна жаждала отдыха, только отдыха, одиночества и полной тишины кругомъ.

Выпивъ кое-какъ чашку чая, но отказавшись отъ какой бы то ни было ѣды, она ушла къ себѣ, въ отведенныя ей двѣ комнаты, и поспѣшила лечь въ постель, несмотря на то, что солнце еще не успѣло скрыться за горизонтомъ.

Зато супруги Задоровы долго и серьезно бесѣдовали въ этотъ вечеръ.

— Что тебѣ отвѣтилъ Крутовицынъ? — спрашивала Софья Александровна.

— Отвѣтилъ, что въ августѣ самъ пріѣдетъ сюда, въ свое имѣніе, и тогда будетъ имѣть возможность подробно обсудить мое предложеніе, хотя, въ сущности, продать лѣсъ едва ли рѣшится.

— Значитъ, все-таки не совсѣмъ отказъ!

— Нѣтъ, я думаю, что рыбка клюнула.

— Дай-то Богъ!.. Теперь до августа нужно примолкнуть.

— Разумѣется. Но вотъ что, Соня: у меня есть для тебя другія новости. Я о нихъ не писалъ, потому что всего не напишешь, да и ради осторожности. Мало ли кто можетъ письмо прочесть!

— Какія же новости?

Семенъ Алексѣевичъ, въ отвѣтъ, показалъ женѣ всю переписку, которую велъ въ послѣднее время съ новыми покупателями и заказчиками своего химическаго завода, разсказалъ подробно о личномъ посѣщеніи, которымъ удостоилъ его многоизвѣстный фабрикантъ Иванъ Саввичъ Хлопушинъ, и о предложенной имъ многолѣтней поставкѣ по контракту, выяснилъ всѣ необходимыя затраты по расширенію производства въ химическомъ заводѣ, но и всѣ громадныя выгоды, которыя явятся вѣрнымъ и обезпеченнымъ результатомъ этихъ затратъ. Семенъ Алексѣевичъ говорилъ, не стѣсняясь, настоящимъ дѣловымъ языкомъ, потому что успѣлъ вполнѣ убѣдиться въ совершенной способности жены понять и оцѣнить, какъ слѣдуетъ, всякую торговую операцію. И дѣйствительно, Софья Александровна на этотъ разъ опять оказала быстроту и ясность своего пониманія. Она только удивилась нерѣшимости мужа.

— Чего же ты еще ждешь, Сеня? Дѣло превосходное, на рѣдкость. Но и зѣвать не приходится, особенно съ постройками. Не откладывать же до будущаго года!

— Деньги-то гдѣ, Соня?

— А мои? Я на это дамъ съ удовольствіемъ, разумѣется, подъ закладную и изъ доли въ дѣлѣ.

— Что же останется для Крутовицына?

— Э, тогда видно будетъ... Не все же ему сразу выкладывать, а для завязки дѣла останется больше, чѣмъ довольно. Притомъ, Крутовицынъ покуда—журавль въ небѣ. Не терять же изъ-за него синицу въ рукахъ... особенно такую синичку!

Семенъ Алексѣевичъ пришелъ въ восторгъ.

— Королева ты моя!—воскликнулъ онъ, обнимая жену.— Разумница ненаглядная! Другія бабы только и умѣютъ, что ахать, да всего бояться, да мужа тревожить. А ты въ дѣлахъ съ любымъ хозяиномъ поспоришь!

— Папенька-покойникъ и то довѣрялъ мнѣ больше, чѣмъ обоимъ братьямъ.

— Еще бы! Изо всей семьи ты одна такая выродилась, на мое, видно, счастье. А красавица-то какая!

— Анюта, покуда не заболѣла, считалась много красивѣе меня, не въ примѣръ даже.

— Ну ужъ, еще скажи! — съ неудовольствіемъ отмахнулся Семенъ Алексѣевичъ.

— Право такъ, Сеня. Зачѣмъ мнѣ лгать?

— Галку къ лебедушкѣ бѣлой приравняла... Ну, да Господь съ нею!..

Конецъ интимной бесѣды супруговъ совсѣмъ не коснулся какихъ-либо торговыхъ интересовъ.

VI.

Семейный обиходъ въ домѣ Задоровыхъ вскорѣ наладился на обычную стать, а пріѣздъ Анны Александровны отнюдь и ничему въ этомъ отношеніи не помѣшалъ. Больная дѣвушка почти совсѣмъ уединилась въ отдѣленныхъ ей комнатахъ и усердно, съ фанатической настойчивостью, принялась за леченіе своего недуга, выполняя до мельчайшихъ подробностей всѣ довольно сложныя указанія послѣдняго врача, какого-то нѣмца-профессора, которому она безусловно повѣрила. Когда Софья Александровна подсмѣивалась иной разъ надъ ея неукоснительнымъ растираніемъ всего тѣла грубыми шерстяными перчатками, смоченными въ разведенной водою водкѣ, надъ періодическимъ глотаніемъ извѣстной порціи молока съ какимъ-то снадобьемъ и т. п.,—больная со спокойнымъ убѣжденіемъ отвѣчала только: „Я тоже, какъ люди, жить хочу... и буду жить! Ты не понимаешь этого, потому что никогда серьезно не болѣла“. Софья Александровна про себя незамѣтно пожимала плечами,—но совсѣмъ напрасно, какъ это оказалось впослѣдствіи.

Семенъ Алексѣевичъ, вопреки первому, довольно сильному впечатлѣнію, которое произвела на него свояченица, замѣчалъ ее очень мало, скоро убѣдившись въ томъ, что ровно никакой

роли въ его семейной жизни она не играетъ, да и не желаетъ играть. „Коли такъ—пусть ее. Тихая!"—рѣшилъ онъ разъ навсегда, вполнѣ успокоившись, тѣмъ болѣе, что и видѣться съ нею, на первое время, по крайней мѣрѣ, ему случалось довольно рѣдко. Множество новыхъ дѣловыхъ заботъ и не въ мѣру затянувшійся медовый мѣсяцъ совсѣмъ поглотили Задорова. Онъ даже похудѣлъ и поблѣднѣлъ очень замѣтно.

Можетъ быть, черезчуръ пылкая взаимная нѣжность молодыхъ супруговъ отчасти объяснялась недосугомъ Семена Алексѣевича; они никакъ не находили времени налюбоваться другъ другомъ въ волю, до сытости. А можетъ быть, въ Софьѣ Александровнѣ—повидимому всегда ровной, осмотрительной и неспособной увлечься до самозабвенія—было, однако, что-нибудь особенно обольстительное для ея мужа, что-нибудь опьянявшее его обыкновенно-крѣпкую голову. По крайней мѣрѣ, задоровскіе домочадцы всѣ единогласно порѣшили между собою, что Софья Александровна прямо-таки приворожила чѣмъ-нибудь своего прежде вовсе не податливаго мужа, который, бывало, не только не увлекался самъ, но и довольно презрительно относился къ чужимъ увлеченіямъ „всякими глупостями". Теперь же каждый могъ видѣть, что Семенъ Алексѣевичъ даже „на людяхъ" не всегда сдерживаетъ проявленіе своихъ пылкихъ чувствъ къ женѣ; нѣтъ-нѣтъ, да и прорвется такой ласкою, что „иной разъ совсѣмъ неловко станетъ" или „человѣка въ дрожь ударитъ", какъ выражался Поддужный съ явнымъ озлобленіемъ. Софья же Александровна, правда, охотно и не конфузясь, но все-таки довольно сдержанно отвѣчала на ласки мужа и никогда не называлась на нихъ сама первая, по крайней мѣрѣ при людяхъ, или даже, въ минуты дѣловыхъ занятій, прямо-таки уклонялась отъ „нѣжностей".

— Погоди! вечеръ у насъ еще длинный будетъ,—говорила она мужу съ ласковой улыбкой.

Аннѣ Александровнѣ чаще всѣхъ, разумѣется, приходилось быть свидѣтельницею нескромныхъ увлеченій Задорова, потому что она естественно сходилась съ молодыми супругами только въ самое свободное для нихъ время; а Семенъ Алексѣевичъ, если и дичился нѣсколько свояченицы въ первые дни, то, убѣдившись въ ея миролюбіи, молчаливости и незамѣтности, скоро пересталъ обращать на нее какое-либо вниманіе. „Сестрица—свой человѣкъ, жена—законная, чего же мнѣ стѣсняться?"—говорилъ онъ себѣ съ полнымъ убѣжденіемъ.—„Опять же въ собственномъ домѣ я самъ себѣ хозяинъ".

Однако, больная дѣвушка не совсѣмъ-то равнодушно смотрѣла

на взаимныя любованія молодыхъ супруговъ. Сначала они ей казались довольно-таки противными и „глупыми“; пронаблюдавши ихъ раза два съ нѣкоторымъ брезгливымъ любопытствомъ, она затѣмъ старалась избѣгать повторенія подобныхъ сценъ и, если это оказывалось возможнымъ, незамѣтно исчезала, уединяясь отъ нихъ въ своей комнатѣ. Но мало-по-малу отношеніе это совершенно измѣнилось...

Дѣвушка начала выздоравливать, на этотъ разъ безобманно. Угадалъ ли нѣмецъ-профессоръ настоящую причину болѣзни и ея леченіе, или просто въ молодомъ организмѣ сами собою накопились условія, достаточныя для благотворной реакціи—какъ бы то ни было, силы больной возстановлялись не по днямъ, а по часамъ, кровь ея словно быстрѣе задвигалась по жиламъ, проявился интересъ къ житейскимъ мелочамъ, и въ глубокихъ, мрачныхъ темно-сѣрыхъ глазахъ засверкали порою огоньки торжества и радости. Даже наружный видъ Анны Александровны сталъ замѣтно измѣняться: она полнѣла и бѣлѣла.

Но, по мѣрѣ своего выздоровленія, дѣвушка начала смотрѣть иными глазами на пылкія нѣжности молодыхъ супруговъ. Они уже не казались ей только „противными“ и „глупыми“, а возмущали ее, злили и вмѣстѣ волновали такъ странно, что она не находила въ себѣ силы по-прежнему укрыться отъ нихъ въ свою комнату, но жадно, хотя и по возможности скрытно, слѣдила за ними до самаго конца, съ трепещущимъ сердцемъ. Иной разъ случалось такъ, что, послѣ горячихъ взаимныхъ ласкъ между супругами, Анна Александровна валилась въ своей комнатѣ на постель, совершенно обезсилѣвшая и разбитая. Замѣчательно, однако, что преимущественное негодованіе возбуждалъ въ ней совсѣмъ не Семенъ Алексѣевичъ, при всей его пылкой несдержанности, а именно старшая сестра, только поддававшаяся ласкамъ мужа, съ явнымъ, впрочемъ, удовольствіемъ и удовлетворенностью. Красивое, томное и вмѣстѣ самодовольное въ эти минуты лицо Софьи Александровны даже возбуждало въ дѣвушкѣ чувство гадливости.

— Тьфу! Тьфу!—говорила она про себя.—Что онъ въ ней нашелъ? Развѣ такъ любятъ?

Дѣвушка въ первое время съ негодованіемъ ловила себя на подобныхъ мысляхъ.

„Какое мнѣ дѣло!“—думала она, пожимая плечами.

Но ей было дѣло... И скоро ей пришлось почувствовать это въ достаточной степени. Тревога ея росла.

Однажды, при всей своей обычной молчаливости, она даже не выдержала и частію высказалась старшей сестрѣ.

— Что ты, Нюточка, словно бы не въ духѣ?—спросила Софья Александровна.

— Чему радоваться?

— Слава Богу, есть чему. Богата, молода, здоровье поправляется. Скажи лучше, печалиться-то чему?

— Богата, молода... а что въ томъ? Какъ я живу? Ты вотъ, небось, къ мужу-то липнешь — и не оторвать тебя, клещомъ впилась. У меня же кто есть?

— Вона́! Надъ чѣмъ задумалась! Были бы деньги, Нюта, а этихъ-то, дружковъ сердечныхъ, хоть дюжину купишь.

— За деньги не любятъ.

— Ха-ха-ха! Кто это тебѣ сказалъ? Нѣтъ, именно за деньги-то и любятъ по настоящему. За деньги, милая, все достанешь, что только на свѣтѣ есть, въ полное свое удовольствіе. Вѣдь красотою да ласкою кому понравишься, а кому и нѣтъ; да еще виляй хвостомъ передъ нимъ, передъ Сердечкинымъ-то, ублажай его всячески. А за деньги я кого захочу, того къ себѣ и приближу; и не я передъ нимъ, а онъ передо мной на заднихъ лапахъ прыгать учнетъ, было бы мое желаніе. Любого возьмешь, милая, было бы чѣмъ заплатить по запросу. За деньги все можно... Только отдавать-то ихъ ни за что не стоитъ.

— Значитъ, весь свѣтъ на однѣхъ деньгахъ стоитъ?

— А то какъ же? Разумѣется, для приличія болтаютъ люди разный вздоръ. Не въ деньгахъ, молъ, счастье; слезы и черезъ деньги льются; деньгами грѣховъ не покроешь... А ты вглядись-ка поаккуратнѣе—и пустяки все! глупости!

— Ну, не одни люди болтаютъ. Въ священномъ писаніи про богатыхъ что сказано?

— Сказано! А, между прочимъ, попы да монахи не хуже насъ, грѣшныхъ, денежками интересуются. Попробуй, попроси кого-нибудь изъ нихъ даромъ молебенъ отслужить, либо за упокой души помолиться. Дождешься! А за деньги какого угодно грѣшника на вѣчный поминъ души запишутъ. Значитъ, забота о деньгахъ и на судѣ божіемъ не за великій грѣхъ почитается, потому что лежитъ онъ въ естествѣ человѣческомъ, какъ—помнишь?—объяснялъ о. Паисій.

— Ну, онъ про другое говорилъ.

— Не все ли равно? И то въ естествѣ, и это тоже. Значитъ, грѣхъ одинаково простительный.

— А оптинскаго старца, помнишь?—Лицо Софьи Алексан-

дровны вдругъ омрачилось. — Привезли насъ къ нему дѣвочками. А онъ вдругъ погладилъ намъ обѣимъ головки рукою, да и говоритъ: „Бѣдныя дѣтки! Погубитъ ихъ отцовское богатство“.

— Не поминай лучше!—поблѣднѣвъ, воскликнула Задорова. — Конечно, все можетъ случиться. И не такіе, какъ у насъ съ тобою, милліоны исчезали да таяли — въ крѣпкихъ рукахъ таяли—до послѣдняго рублика... Помилуй Богъ!

— И какъ жить тогда?..

— Не кàкъ—живутъ люди и безъ денегъ—а зачѣмъ?

VII.

Его высокопревосходительство Иванъ Сергѣевичъ Крутовицынъ прибылъ къ себѣ въ имѣніе, во многоизвѣстную Пальховку, въ половинѣ августа, и черезъ недѣлю по прибытіи извѣстилъ Задорова, что готовъ принять его по извѣстному имъ обоимъ дѣлу.

Иванъ Сергѣевичъ на этотъ разъ не прочь былъ разстаться со своимъ заповѣднымъ лѣсомъ, о продажѣ котораго ранѣе и слышать не хотѣлъ. Онъ выдавалъ замужъ свою единственную дочь и наслѣдницу, которой при этомъ рѣшено было вручить, кромѣ имѣнія въ саратовской губерніи, еще милліонъ рублей наличными, такъ какъ именно въ этомъ состояло имущество ея покойной матери. Деньги находились въ полной сохранности и даже выросли; но Иванъ Сергѣевичъ убѣдилъ себя, что въ его положеніи ему неудобно и почти неблаговидно оставаться для всѣхъ на виду безъ значительныхъ наличныхъ средствъ; а беречь пальховскій лѣсъ, не пользуясь отъ него ничѣмъ, при стеченіи такихъ обстоятельствъ, было бы нелѣпымъ упорствомъ.

— И зачѣмъ,—говорилъ себѣ Иванъ Сергѣевичъ,—если моя Бесси выходитъ за Шелетьева, у котораго состояніе въ десять разъ больше нашего! Чего же ради я буду стѣснять себя на старости лѣтъ или ронять свое достоинство?

Когда Семенъ Алексѣевичъ, получивъ извѣщеніе отъ Крутовицына, явился къ нему въ Пальховку, то принятъ былъ съ нѣкоторой строгостью. Правда, онъ допущенъ былъ въ кабинетъ, гдѣ въ глубокомъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ сидѣлъ самъ хозяинъ, но на низкій поклонъ гостя Крутовицынъ отвѣтилъ только наклоненіемъ головы, даже не привставъ, и, показывая рукою на стулъ, отрывисто сказалъ:

— Садитесь.

Семенъ Алексѣевичъ сѣлъ, поклонившись еще разъ.

— *Вы* писали мнѣ, что желали бы купить Пальховскую лѣсную дачу?—началъ старикъ, поднимая сѣдыя, густо нависшія брови.

— Точно такъ, ваше высокопревосходительство.

— Гм...

Крутовицынъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Я, пожалуй, не прочь теперь продать... Только не воображайте, — вдругъ взметнулъ онъ очень строго, — что вамъ удастся купить ее задешево!

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство! — спокойно отвѣтилъ Задоровъ.—Мнѣ вѣдь извѣстно, что не вы изволите нуждаться въ продажѣ, а я самъ набиваюсь купить.

— То-то!—произнесъ Крутовицынъ, но на этотъ разъ болѣе мягкимъ тономъ.—И цѣну дачѣ я, повѣрьте, настоящую знаю. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ ее подробно осматривалъ по моему приказанію опытный казенный таксаторъ. Слѣдовательно, надуть меня нельзя.

— Я не о двухъ головахъ, ваше высокопревосходительство. Такой несообразности и затѣвать не стану.

— Гм... да!.. „Кажется, не глупый человѣкъ“,—подумалъ про себя Иванъ Сергѣевичъ.—Вы понимаете, что опытный казенный таксаторъ не могъ ошибаться, да еще имѣя дѣло со мною. Онъ здѣсь болѣе двухъ недѣль прожилъ.

— Мнѣ это извѣстно, ваше высокопревосходительство.

— То-то.

Задорову извѣстно было даже нѣчто большее; а именно, что таксаторъ, по неотступной просьбѣ и нѣкоторымъ „настояніямъ“ пальховскаго управляющаго—весьма милаго и любезнаго господина, умѣющаго и повеселиться, и угостить,—оцѣнилъ всю дачу подробно, очень искусно, но по семидесяти копѣекъ за рубль. Задоровъ со своей стороны далъ Богдану Карловичу Фишеру (управляющему) обязательство выплатить ему пятьдесятъ тысячъ рублей тотчасъ по заключеніи сдѣлки съ Крутовицынымъ, независимо отъ цѣны покупки.

Иванъ Сергѣевичъ опять поднялъ свои сѣдыя брови.

— А есть ли у васъ, господинъ купецъ, достаточный для этого дѣла наличный капиталъ? Я вѣдь какими-нибудь десятками тысячъ получать не стану.

— Богъ дастъ, найдется, ваше высокопревосходительство. Позвольте узнать вашу цѣну и сроки.

Крутовицынъ опять забарабанилъ пальцами по столу.

— Цѣна—милліонъ двѣсти пятьдесятъ тысячъ. Что?—вдругъ вскрикнулъ онъ почти свирѣпо.—Вы, можетъ быть, скажете, что это дорого, что я запрашиваю?

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство, зачѣмъ же я буду лгать? Вѣдь обмануть васъ все равно нельзя, да я и не посмѣю. Нѣтъ, цѣну вы изволили сказать настоящую.

— Вотъ какъ! Значитъ, вы согласны?—съ нѣкоторой благосклонностью произнесъ Крутовицынъ.

— На что-съ?

— Купить за эту цѣну.

— Помилуйте, ваше высокопревосходительство. А въ чемъ же моя прибыль будетъ, если я заплачу въ обрѣзъ? Я—человѣкъ торговый, вкладываю въ дѣло весь свой капиталъ, и надолго. Развѣ я могу отдать рубль для того, чтобы послѣ многихъ хлопотъ и долгаго времени выручить опять—его же?

Крутовицынъ былъ сбитъ съ позиціи.

„Въ самомъ дѣлѣ,—подумалъ онъ,—малый правъ. Съ какой стати ему возиться съ лѣсомъ безъ пользы для себя? И онъ, кажется, разсуждаетъ довольно честно и откровенно“.

— Сколько же вы могли бы предложить? — спросилъ онъ вслухъ, опять поднимая брови съ очень строгимъ видомъ.

— Ваше высокопревосходительство! Обыкновенно мы, лѣсники, платимъ половину стоимости. Извольте объ этомъ справиться у кого угодно. Но за вашу дачу я охотно заплачу дороже, потому что она мнѣ очень нужна. Если я ее пріобрѣту,—позвольте мнѣ вашему высокопревосходительству прямо это высказать, я передъ такой особой таиться не смѣю,—вся лѣсная торговля въ уѣздѣ будетъ въ моихъ рукахъ; другихъ значительныхъ дачъ, кромѣ Пальховской да моей Синеплесовской, здѣсь нѣтъ нигдѣ. Поэтому если вамъ угодно будетъ скинуть мнѣ хоть двадцать процентовъ—я буду доволенъ.

— То-есть?

— Я готовъ заплатить милліонъ. Кромѣ того, позвольте доложить вашему высокопревосходительству: очень можетъ случиться, что такая превосходная, холеная и береженая дача, какъ Пальховская, доставитъ владѣльцу нѣкоторыя особыя выгоды. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ по нашимъ мѣстамъ можно еще найти лѣсной товаръ такого же достоинства? Поэтому могутъ явиться казенные подряды и поставки для желѣзныхъ дорогъ и т. п. Но этой счастливой случайностью я не желаю пользоваться одинъ, и впередъ обязуюсь, немедленно по заключеніи какого-либо условія съ казною, десять процентовъ съ валовой

стоимости всего товара предоставлять въ распоряженіе вашего высокопревосходительства. Такимъ образомъ легко можетъ случиться, что дача принесетъ вамъ и побольше милліона двухъ сотъ пятидесяти тысячъ. Это ужъ будетъ зависѣть отъ удачи и счастливой случайности.

— Да, да, да, конечно...

Крутовицынъ погрузился въ раздумье.

— Ну, вотъ что,—сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—вотъ что, милѣйшій... какъ ваше имя и отчество?

— Семенъ Алексѣевичъ, ваше высокопревосходительство.

— Такъ вотъ что, милѣйшій Семенъ Алексѣевичъ, обо всемъ этомъ нужно поразсудить. Пріѣзжайте ко мнѣ... пріѣзжайте... ну, хоть въ четвергъ утромъ; и мы уже переговоримъ подробно, даже окончательно. Сдѣлать вамъ нѣкоторую уступку я въ принципѣ не прочь... Я вижу, вы человѣкъ серьезный, понимающій, а съ такими и дѣло пріятно имѣть. Такъ до четверга. Да! Въ принципѣ, въ принципѣ я согласенъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!—сказалъ Задоровъ, поднимаясь съ мѣста.—Имѣю честь кланяться.

— До свиданія, милѣйшій Семенъ Алексѣевичъ.

На этотъ разъ Крутовицынъ всталъ и даже подалъ своему гостю руку.

VIII.

Въ четвергъ переговоры между Крутовицынымъ и Задоровымъ подвинулись довольно далеко. Иванъ Сергѣевичъ согласился взять за свою лѣсную дачу одинъ милліонъ и пятьдесятъ тысячъ рублей. Онъ рѣшилъ, что эти пятьдесятъ тысячъ рублей понадобятся ему для экстренныхъ расходовъ на свадьбу дочери. О разсрочкѣ же платежей на четыре года изъ пяти процентовъ, которую предложилъ-было Задоровъ, онъ не сталъ говорить вовсе, замѣтивъ, что въ этомъ отношеніи условиться не трудно, если будетъ достигнуто главное соглашеніе, то-есть, насчетъ цѣны. Но Семенъ Алексѣевичъ, видя, что дѣло идетъ на ладъ несравнимо легче, чѣмъ онъ ожидалъ, поскупился прибавить затребованныя Крутовицынымъ пятьдесятъ тысячъ. „Зачѣмъ торопиться?“ рѣшилъ онъ. „Богъ дастъ, и такъ сладится. Наконецъ, попробую хоть половину, или хоть двадцать тысячъ оттянуть“.

Однако, Крутовицынъ оказался на этотъ разъ упорно неуступчивымъ, и Семенъ Алексѣевичъ долженъ былъ уѣхать, не кончивъ дѣла.

— Очень жаль, ваше высокопревосходительство,—сказалъ онъ, прощаясь,—что ничего у насъ не вышло. Душевно скорблю, но не въ силахъ. Простите великодушно, что напрасно васъ обезпокоилъ.

— Напротивъ, напротивъ. Я вѣдь вижу, что вы все-таки пріѣзжали не воздухъ языкомъ бичевать, а съ серьезными намѣреніями. У всякаго свой разсчетъ. Еслибы вы, однако, все-таки надумались, то я еще пробуду здѣсь до среды, и вы можете навѣдаться ко мнѣ...—Крутовицынъ подумалъ:—скажемъ, въ воскресенье, и опять въ эту же пору.

— Весьма осчастливленъ, ваше высокопревосходительство! И хотя не вижу для себя надежды, но во всякомъ случаѣ осмѣлюсь явиться, чтобы засвидѣтельствовать вашему высокопревосходительству чувствительнѣйшую мою благодарность за оказанное снисхожденіе и пожелать счастливаго пути.

Когда Семенъ Алексѣевичъ вернулся домой и передалъ женѣ всѣ подробности своихъ переговоровъ съ петербургскимъ сановникомъ, то, послѣ нѣкотораго раздумья, она объявила:

— Эти пятьдесятъ тысячъ, Сеня, тебѣ придется прибавить. Лучше и не стой за нихъ, не оттягивай ничего.

— Почему?

— Какъ же ты не понимаешь? Крутовицынъ продаетъ не отъ нужды. Милліонъ онъ все равно въ банкъ либо въ бумаги положитъ. А пятьдесятъ-то тысячъ ему на что-нибудь въ самомъ дѣлѣ понадобились, такъ онъ за нихъ ухватится больше, чѣмъ за все остальное. Значитъ, и перечить ему въ этомъ не нужно, а уступить, да на срокахъ и процентахъ отыграться. Я, молъ, даже черезъ силу уважилъ волю вашего высокопревосходительства, такъ ужъ, надѣюсь, и вы меня, въ чемъ можно, не обидите. Съ господами нужно умѣючи.

Семенъ Алексѣевичъ былъ пораженъ этимъ соображеніемъ.

— Умница ты у меня, Соня!—воскликнулъ онъ въ неподдѣльномъ восторгѣ.—То-есть, истинно золотая голова!

— Что-жъ, право такъ!—дополнила Софья Александровна, улыбаясь.—Эти важные господа—все равно какъ дѣти. Что они понимаютъ? За глинянаго пѣтушка рады шолковый платокъ отдать.

Надъ Задоровыми, однако, разразился нежданный ударъ грома, жестоко поколебавшій всѣ ихъ упованія.

Въ субботу къ Семену Алексѣевичу явилась жена пальховскаго управляющаго, Амалія Францовна Фишеръ, крайне взволнованная и встревоженная.

— Меня къ вамъ мужъ прислалъ!—объявила она съ оника.— Самому нельзя было пріѣхать, да и неловко. У насъ бѣда вышла.

— Что такое?

— Вчера утромъ генералъ ѣздилъ кататься, привезъ съ собою вашего лѣсного приказчика Поддужнаго. А сегодня утромъ Поддужный опять пріѣзжалъ и пробылъ у генерала больше двухъ часовъ.

— Что такое? Для чего?—даже поблѣднѣлъ Семенъ Алексѣевичъ.

— Мерзавецъ вашъ Поддужный, вотъ что! Низкій интриганъ! Мой Готлибъ—Амалія Францовна въ минуты волненія называла Богдана Карловича Готлибомъ и даже немного путалась въ русской рѣчи, хотя вообще говорила по-русски отлично, — мой Готлибъ все успѣлъ узнавать отъ самого генерала, потому что Herr General всегда съ нимъ совѣтуется.

— Ну, и что же?

— Подлецъ вашъ приказчикъ!—съ необыкновенно выразительной запальчивостью крикнула Амалія Францовна.—Подлецъ! Десять разъ подлецъ! Это именно... unverschämter русскій жуликъ! Служитъ и продаетъ своего же господина, у котораго онъ кусокъ хлѣба кушаетъ! Pfui! Pfui! и тысяча разъ pfui!

Оказалось, что Поддужный предложилъ Крутовицыну раздѣлить дачу на сорокъ равныхъ участковъ, за каждый изъ которыхъ, въ теченіе первыхъ пяти или десяти лѣтъ—какъ угодно будетъ генералу,—онъ, Поддужный, обязывался уплачивать по семидесяти тысячъ. Вѣрность уплаты обезпечивалась тѣмъ, что весь лѣсной матеріалъ, вырубленный и раздѣленный, будетъ считаться собственностью Крутовицына и всѣ поступающіе за него отъ покупателей деньги, до послѣдней копѣйки, будетъ взимать контора имѣнія, впредь до погашенія условленныхъ семидесяти тысячъ. Такимъ образомъ владѣлецъ дачи получитъ опредѣленный ежегодный доходъ, не отчуждая свое имущество навсегда, и черезъ сорокъ лѣтъ можетъ вновь начинать рубку лѣса тѣмъ же порядкомъ.

Амалія Францовна, волнуясь и спѣша, объяснила Задорову, что генералъ чрезвычайно заинтересованъ этимъ предложеніемъ, и хотя еще не кончилъ съ Поддужнымъ, но очень къ тому склоненъ. А „mein Gottlieb“, по необходимой осторожности, не рѣшается прямо его отговаривать, но только принимаетъ видъ человѣка удивленнаго и сомнѣвающагося.

— Ну, какъ могъ бы онъ сдѣлать что другое? Войдите въ

наше положеніе!—восклицала Амалія Францовна.—Ему нельзя... какъ это?.. отваживать себя на очень большой risico.

Оба Задоровы были чрезвычайно смущены извѣстіемъ, которое привезла г-жа Фишеръ. Семенъ Алексѣевичъ въ первую минуту такъ растерялся, что готовъ былъ даже признать все дѣло „лопнувшимъ". Но Софья Александровна круто возразила ему самымъ рѣшительнымъ или даже повелительнымъ тономъ:

— Вздоръ! Чего размякъ? Поѣзжай завтра, захвати съ собою денегъ и кончай. Разумѣется, ужъ теперь за пустяками стоять нечего. Иди сразу на все.

— Но если генералъ не захочетъ?

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, малый ребенокъ, что-ли! Почему не захочетъ? А ты съумѣй дѣло представить какъ слѣдуетъ, да деньги готовыя выложи. Развѣ ему особая пріятность съ какимъ-то голоштанникомъ, съ проходимцемъ приказчикомъ возиться? На это бей. Наконецъ, въ крайнемъ случаѣ, ты можешь самъ согласиться на тѣ же условія, которыя предложилъ Поддужный. Все-таки лучше. Не допускать же въ Пальховкѣ чужую лѣсную торговлю рядомъ съ нашей синеплесовской.

— Разумѣется! Разумѣется! Конечно такъ; только съ перепуга-то я даже ошалѣлъ сразу. Каковъ, однако, Поддужный?

— Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ—гдѣ лучше. Ну, Богъ дастъ, мы еще съ нимъ сочтемся, за нами не останется... Прытокъ, а мальчишка. Не могъ понять, что ему прежде всего слѣдовало съ Фишеромъ уладиться. Горячъ больно. Ну, да покуда не въ немъ дѣло; а подумаемъ лучше, на какой козѣ завтра къ генералу подъѣхать. Это хорошенько обсудить нужно. Хоть и простъ онъ въ нашемъ дѣлѣ, а все-таки между людьми пожилъ довольно,—значитъ, осторожности, подозрительности, а пожалуй и хитрости въ немъ имѣется не мало. Своихъ-то, петербургскихъ, должно быть, насквозь видитъ... Фишеръ тоже его побаивается... Такъ, вотъ, какъ же быть?

Совѣщаніе супруговъ длилось болѣе часа и закончилось такимъ рѣшеніемъ, которое выразила Софья Александровна:

— Значитъ такъ, Сеня! Стой смѣло на своемъ, даже глазомъ не моргни. А ужъ если увидишь, что не беретъ, тогда, нечего дѣлать, переходи къ рубкѣ по участкамъ. И то лучше, чѣмъ въ чужія руки отдать.

IX.

На слѣдующій день, въ воскресенье, Семенъ Алексѣевичъ явился къ генералу Крутовицыну со своимъ обычнымъ, невозмутимо-спокойнымъ и вѣжливо-предупредительнымъ видомъ.

— А-а! Что скажете, любезнѣйшій?—протянулъ генералъ, нѣсколько прищурившись.

— Я пріѣхалъ доложить, что рѣшился исполнить волю вашего высокопревосходительства. Изъ-за пятидесяти тысячъ я не хочу лишаться чести имѣть дѣло съ вами, да мнѣ это и невыгодно: мнѣ дороже пятидесяти тысячъ, чтобы стало вездѣ извѣстнымъ, что я удостоился личнаго вниманія со стороны вашего высокопревосходительства. Вѣдь мы, торговые люди, доброй славой живемъ, и всякій понимаетъ, что съ какимъ-нибудь проходимцемъ ваше высокопревосходительство не пожелали бы вступить въ какое-нибудь соглашеніе.

— Зна-читъ?...

Семенъ Алексѣевичъ поклонился.

— Я согласенъ заплатить милліонъ пятьдесятъ тысячъ и привезъ съ собою сто тысячъ рублей въ задатокъ.

Крутовицынъ забарабанилъ пальцами по столу, и нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— А мнѣ,—сказалъ онъ, вдругъ уставившись острымъ и прямымъ взглядомъ въ лицо Задорова,—а мнѣ предлагаютъ новую сдѣлку. Покупаютъ лѣсъ на срубъ, участками, на сорокъ лѣтъ, по семидесяти тысячъ за участокъ.

Семенъ Алексѣевичъ выразилъ на своемъ лицѣ сначала почтительное вниманіе, а затѣмъ совершенное изумленіе.

— Ну-съ, что же скажете?

— Ваше высокопревосходительство! Хотя я имѣю ваше слово, но покорнѣйше васъ прошу этимъ не стѣсняться. Я добровольно отказываюсь. Съ какой же стати вамъ, въ самомъ дѣлѣ, терять подобный случай!

Послѣдовало опять молчаніе, послѣ котораго Семенъ Алексѣевичъ всталъ и началъ откланиваться.

— Имѣю честь, ваше высокопревосходительство... Позвольте пожелать вамъ наилучшаго успѣха и, ради Бога, простите за безпокойство. Вы сами изволите видѣть, что съ моей стороны было полное усердіе угодить вамъ.

— Да, да, да! Погодите, впрочемъ, на минутку... Э-э-э... Почему же вы такъ легко уступаете сопернику?

— Ваше высокопревосходительство, онъ очевидно покупаетъ въ виду какихъ-нибудь совершенно особыхъ обстоятельствъ. Вамъ самимъ извѣстно, что въ обыкновенныхъ условіяхъ такой цѣны на вашъ лѣсъ быть не можетъ; вы сами изволили провѣрять ее даже черезъ спеціалиста таксатора... И... позвольте мнѣ высказать—хотя, разумѣется, ваше высокопревосходительство лучше меня это понимаете—обезпечить свои обязательства покупатель долженъ бы очень солидно. Всякій вѣдь народъ бываетъ. Иному, можетъ быть, всего-то одинъ участокъ нуженъ, а онъ толкуетъ о сорока́. Либо даже такой попадется, которому и терять все равно нечего, такъ онъ, разумѣется, на какое угодно авось пойдетъ.

— Ну... достаточно солиднымъ обезпеченіемъ, въ случаѣ чего, можетъ, я думаю, служить... самый лѣсъ въ раздѣланномъ и подготовленномъ видѣ.

— То-есть, какъ это-съ? Я не понимаю... Вѣдь за участокъ покупатель, разумѣется, всѣ деньги впередъ заплатитъ? То-есть, даже не впередъ, а, какъ водится, при совершеніи сдѣлки. Иначе, какая же это купля... Да̀, понялъ-съ! Можетъ быть, въ видѣ обезпеченія, онъ обязывается за годъ впередъ раздѣлать слѣдующій участокъ? Только... не очень это надежно-съ.

— Почему?

— Да вотъ позвольте вашему высокопревосходительству одинъ примѣръ привести. Можетъ, изволили слышать о воронежскомъ помѣщикѣ, господинѣ Суглинскомъ? Они еще одно время предводителемъ дворянства были.

— Ну?

— Господинъ они, надо прямо сказать... очень добрый и довѣрчивый, всякаго выслушать готовы. И подбейся къ нему тамошняго купца Селифонтова лѣсной приказчикъ. Малый пустой, а языкомъ вертѣть мастеръ. Уговорилъ вѣдь онъ господина Суглинскаго-то! Позвольте мнѣ лѣсъ, молъ, вашъ участками сводить, я платить то-то и то-то буду, а лѣсной матеріалъ вамъ въ обезпеченіе: сами, молъ, деньги за него получайте. Хорошо-съ, порубили. Приказчикъ-то, оказалось, и матеріалъ раздѣлалъ Богъ знаетъ по-каковски. Конечно, глупъ еще, неопытенъ-съ; это вѣдь не за хозяиномъ жить да указанное дѣлать. Пришлось самому распорядиться — и нѣтъ ничего. Опять же Селифонтовъ человѣкъ извѣстный, уважаемый, съ давними знакомствами; у него отъ покупателей отбоя нѣтъ; а съ евонымъ приказчикомъ кто захочетъ связываться, а кто еще и нѣтъ. Кончилось тѣмъ,— лѣсу наготовили на многія тысячи, а продаютъ мужичонкѣ какой-

нибудь срубецъ, дровецъ саженей десятокъ, по четверочкамъ — только и всего. Осерчалъ господинъ Суглинскій, приказчика этого выгналъ, да вѣдь дѣла этимъ не поправишь; такъ почти задарма и потлѣло все... Много тогда было смѣху въ городѣ, промежду купечества.

Генералъ забарабанилъ пальцами по столу.

— Да... Ну, однако, пора приступить къ дѣлу. Знайте, г. Задоровъ,—воскликнулъ онъ, окидывая Семена Алексѣича строгимъ взглядомъ,—что я своего слова назадъ не беру. Сказано — свято. Я вамъ далъ срокъ до воскресенья, вы въ воскресенье явились, слѣдовательно лѣсъ за вами. Теперь слѣдуетъ уговориться въ подробностяхъ.

Семенъ Алексѣевичъ внутренно торжествовалъ; но „подробности" опять нѣсколько его смутили. Оказалось, что генералъ, прежде достаточно податливый относительно разсрочки платежей, теперь и слышать не хотѣлъ о „новой волокитѣ". „Я желаю, чтобы дѣло кончено было разомъ!"—заявлялъ онъ рѣшительно. „Для того и продаю!"—Задоровъ не смѣлъ слишкомъ настаивать на разсрочкѣ, боясь еще разъ упустить лакомый кусокъ. А Крутовицынъ на своемъ рѣшеніи уперся съ крайней настойчивостью. „По крайней мѣрѣ, если станетъ извѣстно, что я продалъ за милліонъ пятьдесятъ тысячъ наличными,—соображалъ онъ,—никто не посмѣетъ разсуждать, худо это или хорошо. Милліонъ наличными, денежки на столъ, всякому ротъ замажетъ".

Кончилось тѣмъ, что Семенъ Алексѣевичъ выдалъ генералу сто тысячъ подъ домашнюю росписку съ тѣмъ, чтобы черезъ недѣлю написать запродажную, съ доплатою въ видѣ задатка еще четырехъ сотъ пятидесяти тысячъ, а купчую вмѣстѣ съ уплатою остального полумилліона совершить въ слѣдующемъ году, ровно черезъ шесть мѣсяцевъ по составленіи запродажной.

Семенъ Алексѣевичъ возвращался отъ генерала домой и счастливый, и встревоженный. Откуда взять такія деньги въ короткій срокъ? Онъ теперь почти упрекалъ себя въ томъ, что мапоспѣшилъ приступить къ постройкамъ и покупкѣ новыхъ машинъ для химическаго завода. Конечно, онъ обезпечилъ себя превосходными контрактами и заказами; конечно, деньги потекутъ къ нему рѣкою; но все это не ранѣе апрѣля, мая въ будущемъ году. А до тѣхъ поръ какъ быть?

Положеніе становилось черезчуръ запутаннымъ.

— Помогутъ ли Сонины братья, въ случаѣ надобности?— спрашивалъ себя Семенъ Алексѣевичъ.

X.

Задоровъ почти тотчасъ же собрался въ Москву. Тамъ у него были главныя дѣловыя связи, тамъ его хорошо знали, и тамъ же, слѣдовательно, онъ могъ всего легче устроить себѣ новый значительный кредитъ; тѣмъ болѣе, что двое столичныхъ тузовъ торговаго міра, толкуя съ нимъ еще ранѣе о расширеніи химическаго завода, уже намекали весьма ясно на свою готовность, въ случаѣ надобности, ссудить его капиталомъ на безобидныхъ условіяхъ.

Эти разсчеты и упованія Семена Алексѣевича оправдались вполнѣ. Самъ Вуколъ Кондратьевичъ Пудовиковъ принялъ его очень участливо, выслушалъ, разспросилъ, одобрилъ и обѣщалъ дать полмилліона подъ залогъ химическаго завода. Ну, а кто же въ Россіи не знаетъ Вукола Кондратьевича? Слово его тверже и вѣрнѣе стали, сдѣлка же въ полмилліона рублей для него нѣчто почти ничтожное, надъ чѣмъ и задумываться не стоитъ; совершается она въ благодушную минуту, для ради хорошаго человѣка, между двумя стаканами чаю.

Такимъ образомъ Семенъ Алексѣевичъ вернулся въ Песчанскъ не только успокоенный, но и въ нѣсколько повышенномъ состояніи духа; онъ гордился вниманіемъ и ласкою Пудовикова, который, конечно, не расточалъ ихъ особенно щедро, да и громкую извѣстность создалъ себѣ не однимъ только числомъ пріобрѣтенныхъ милліоновъ. Были люди побогаче Вукола Кондратьевича, которые, однако, лебезили передъ нимъ и заискивали.

Нѣкоторое разочарованіе или, вѣрнѣе, отрезвляющій душъ холодной воды, поджидали Задорова дома, въ Песчанскѣ.

Когда онъ разсказалъ женѣ о своей удачѣ, любезностяхъ Пудовикова и положительно выраженномъ обѣщаніи дать нужную сумму подъ залогъ химическаго завода, — Софья Александровна вдругъ перебила мужа возгласомъ:

— Какъ, подъ залогъ завода! А моя-то закладная?

— Ну, разумѣется, ее придется похерить на время.

— При чемъ же я останусь? При какомъ обезпеченіи?

Семенъ Алексѣевичъ принахмурился, удивленный очень непріятно.

— Послушай, Соня, развѣ мы съ тобою не одно и то же? Мужъ да жена. Особенно теперь, когда у тебя подъ сердцемъ, слава Богу, ужъ и ребеночекъ нашъ ростетъ. Какого тебѣ еще обезпеченія? Не лѣзть же въ петлю изъ-за пустяковъ!

— Покорнѣйше благодарю. Полмилліона! Хорошіе пустяки...

Софья Александровна, впрочемъ, тотчасъ же сдержалась серьезнымъ усиліемъ воли.

— Погоди, милый,—сказала она, ласково къ нему прижимаясь,—и не волнуйся. Все устроится, какъ нельзя лучше. Только не люблю я, чтобы къ намъ въ дѣло посторонніе люди лапу запускали... Хотя и Пудовиковъ, однако все-таки залогодержатель. Притомъ же именно онъ—одинъ изъ главныхъ твоихъ покупателей. Значитъ, мало ли какъ онъ можетъ прижать и воспользоваться...

— Ну, не таковъ онъ человѣкъ!

— Береженаго Богъ бережетъ.

— Однако, не пропадать же задатку въ 550.000 рублей!

— Какой вздоръ! Устроимся. Братецъ Илья Александровичъ все равно теперь прикончилъ всякія свои торговыя дѣла, выдѣлился, получилъ три милліона и живетъ на проценты. Разумѣется, онъ остороженъ и раздаетъ деньги только въ вѣрныя руки. Да вѣдь и мы не лыкомъ шиты. Тѣмъ болѣе, что ему легко провѣрить, для какого дѣла намъ капиталъ требуется. Значитъ, если поманить его хорошимъ процентомъ—онъ дастъ непремѣнно. А по моему лучше переплатить два и три десятка тысячъ, чѣмъ лѣзть въ закладную, подъ ярмо; тѣмъ болѣе, что эта штука, въ случаѣ надобности, всегда останется въ запасѣ. Лѣсъ рубить—щепки летятъ. За Пальховскую дачу лишній процентъ не жаль заплатить: все вернется.

Семенъ Алексѣевичъ нахмурулся и, помолчавъ, отвѣтилъ:

— Не очень-то мнѣ хочется лебезить передъ братцемъ Ильею Александровичемъ.

— Совсѣмъ этого не нужно. Я сама къ нему поѣду, чтобы все устроить. Ужъ, повѣрь, въ обиду тебя не дамъ.

Задорову, въ сущности, очень не по сердцу былъ заемъ денегъ у шурина, особливо сопряженный съ отказомъ отъ льготной и даже лестной для самолюбія сдѣлки съ Вуколомъ Кондратьевичемъ Пудовиковымъ. Однако, онъ не рѣшился настаивать на своемъ желаніи, въ виду явныхъ опасеній жены за свои права, обезпеченныя закладною. Думая объ этомъ, Задоровъ только досадливо пожималъ плечами.

— Поди вотъ, разбери этихъ бабъ!—говорилъ онъ себѣ съ недоумѣніемъ.—Чего боится? А вѣдь ужъ, кажется, изъ толковыхъ толковая... Пусть по ея будетъ. Не войну же въ домѣ поднимать, да и неловко...

Черезъ недѣлю Софья Александровна уѣхала въ Воронежъ.

Непомѣрно занятый множествомъ чрезвычайныхъ дѣлъ и заботъ въ послѣдніе три-четыре мѣсяца, Семенъ Алексѣевичъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему „постороннему", тѣмъ болѣе, что каждую свою свободную минуту посвящалъ страстному любованію женою. Напряженіе всѣхъ его силъ и способностей было доведено до столь высокой точки и держалось на ней такъ долго, что это не могло не отразиться въ извѣстной степени даже на его стальныхъ нервахъ. Онъ впервые началъ понимать, что существуетъ утомленіе не только физическое, но и умственное.

Вдругъ послѣ бури наступило затишье, и Семенъ Алексѣевичъ очутился въ своей старой, давно привычной колеѣ. Чрезвычайныя дѣла и заботы улеглись; жена, съумѣвшая продлить медовый мѣсяцъ на цѣлые полгода, уѣхала. Онъ могъ успокоиться, опомниться и осмотрѣться. „Посторонній" міръ опять сталъ на свое мѣсто, вернулъ свои права; чужіе люди, чужая жизнь опять начали существовать; и первое, что бросилось Задорову въ глаза въ его же собственномъ домѣ, что властно приковало къ себѣ его вниманіе, это была его свояченица.

„Господи, что съ ней сдѣлалось! — думалъ онъ съ удивленіемъ.—Вотъ перемѣнилась! Она теперь, должно быть, совсѣмъ выздоровѣла; и хороша же стала—на рѣдкость".

Семену Алексѣевичу представлялась теперь полная возможность присмотрѣться къ дѣвушкѣ, такъ какъ, по случаю отсутствія Софьи Александровны, которое должно было продлиться болѣе двухъ недѣль, „сестрица" взяла въ свои руки бразды управленія домашнимъ хозяйствомъ, вслѣдствіе чего и просиживала со своимъ зятемъ цѣлые часы, то за обѣдомъ, то за чаемъ, а то и безъ всякаго особаго повода, просто потому, что у обоихъ находилась свободная минута.

Анна Александровна видимо изучила вкусы и привычки Задорова не хуже его жены и умѣла угодить ему, какъ нельзя лучше. Но несравнимо болѣе всякихъ угожденій нравилась она ему сама по себѣ. Самъ того не сознавая, онъ неотступно любовался ею, вглядываясь — незамѣтно для нея, какъ ему казалось — въ каждое ея движеніе, чуть не въ каждую складку ея платья. Но особенно привлекала она и дразнила его воображеніе своими глазами, строгими, глубокими, почти мрачными, но которые умѣли свѣтиться для него такимъ лучистымъ, теплымъ и ласковымъ взглядомъ.

Наблюденія Задорова повели къ тому, что на пятую ночь по отъѣздѣ жены ему приснилось, будто онъ обнимаетъ и страстно

цѣлуетъ свою свояченицу, а она шепчетъ ему что-то милое, любовное, окончательно сводящее съ ума...

Приснилось это Семену Алексѣевичу такъ живо, что онъ даже проснулся, весь въ испаринѣ и, перекрестившись, поднялся съ постели. Сердце его колотилось неистово; внутри что-то словно трепетало...

— Тьфу! Привидится же этакое. . Неужели это соломенное вдовство дѣйствуетъ? Разбаловался я очень; нужно себя въ руки взять. А то и до бѣды недалеко...

Семенъ Алексѣевичъ сталъ на колѣни передъ освѣщеннымъ лампадкою кіотомъ, и трижды прочелъ „Отче нашъ“ и „Богородицу“, усердно кладя земные поклоны. Затѣмъ онъ опять улегся, но заснуть ему удалось не скоро.

— Навожденіе!—шепталъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ.

Въ первые дни послѣ отъѣзда Софьи Александровны, хотя Задоровъ нерѣдко оставался со свояченицею вдвоемъ, однако бесѣда у нихъ какъ-то не клеилась. Лишь съ большой разстановкою перебрасывались они какими-нибудь незначительными фразами, главнымъ образомъ по поводу какихъ-либо хозяйственныхъ распоряженій. Семенъ Алексѣевичъ читалъ газету, впрочемъ весьма мало ею интересуясь; а Анна Александровна молча занималась шитьемъ либо вышиваніемъ.

Но ледъ скоро началъ таять. Правда, Анна Александровна никогда не заводила бесѣду первая, но очень охотно и мило отзывалась на всякую къ тому попытку Задорова. Такъ, она живо и довольно забавно пересказала ему о всѣхъ своихъ мытарствахъ за границею, весьма неглупо комментируя западно-европейскіе порядки, нравы и обычаи.

Раза два она даже вызвала искренній взрывъ смѣха со стороны Семена Алексѣевича.

— Ну, вотъ,—замѣтилъ онъ,—вы теперь дома, слава Богу, совсѣмъ поправились. Никакіе доктора больше не нужны, ни нѣмецкіе, ни русскіе.

— Да, я совсѣмъ здорова. А зачѣмъ это... Богъ знаетъ.

— Какъ зачѣмъ! Вы молоды, ваша жизнь впереди.

Анна Александровна улыбнулась.

— Много есть людей, у которыхъ жизнь впереди. Только много ли приходится на нее радоваться?

— Ну, вамъ жаловаться грѣхъ. Вы—богатая невѣста, умны... красивы. Кому же и жить?

— Богатая... Я въ этомъ не похожа на сестру Соню. Для меня деньги—не все.

— Все не все, конечно... А великое дѣло!

Анна Александровна пытливо посмотрѣла на зятя.

— А вы, Семенъ Алексѣевичъ, — сказала она, видимо съ живымъ интересомъ,—тоже считаете деньги самымъ первымъ и главнымъ дѣломъ въ жизни?

— Какъ вамъ сказать...—нѣсколько замедлилъ отвѣтомъ Задоровъ.—Еще очень недавно считалъ, безъ всякихъ сомнѣній. А теперь...

— Что же теперь?

— А теперь замѣчаю, что ни жены, напримѣръ, ни матери, ни сына либо дочери за деньги не купишь.

— Да-а... А вотъ Соня увѣрена, — Анна Александровна улыбнулась холодно и жестко,—что и это все покупное, лишь бы не постоять за цѣну.

— Что вы, сестрица, Богъ съ вами!

— Ну, можетъ быть, я ее не такъ поняла... Ошибаюсь... Но мнѣ изъ ея же словъ показалось, будто она именно такъ думаетъ... Да вѣдь и вы еще недавно были подобныхъ мыслей?

— А все-таки Богъ съ ними! Грѣхъ это.

XI.

Властнымъ усиліемъ воли Семенъ Алексѣевичъ подавилъ въ себѣ грѣшныя мысли, возбужденныя красотою свояченицы; соблазнительные сны исчезли. Онъ, дѣйствительно, умѣлъ взять себя въ руки, въ случаѣ надобности; а на этотъ разъ ему помогло даже то новое для него, искреннее чувство братской (какъ ему казалось) любви, которое съумѣла внушить ему Анна Александровна.

Чрезвычайно полюбилась ему эта дѣвушка,—хотя въ ней не было и слѣда тѣхъ дѣлеческихъ дарованій, которыми онъ такъ восхищался въ собственной женѣ. Нравился ему ея спокойный съ виду, сдержанный нравъ, ея непоказная, но искренняя ласка и забота объ его удобствахъ, привычкахъ или вкусахъ; а въ особенности милы ему были ея бесѣды, то шутливыя, то серьезныя, всегда простыя, довѣрчивыя, и обо всемъ на свѣтѣ кромѣ торговыхъ дѣлъ, денегъ и всякой базарно-промышленной суеты. Къ собственному удивленію, Семенъ Алексѣевичъ отдыхалъ умомъ и чувствомъ, благодаря этимъ бесѣдамъ, освобождался отъ вѣчнаго угара заботъ и начиналъ понимать, что люди, мысли, жизнь въ ея безчисленныхъ проявленіяхъ и вѣчные законы бо-

жественной правды представляютъ по крайней мѣрѣ не менѣе интереса или значенія, чѣмъ деньги.

Семенъ Алексѣевичъ, по своей природѣ, не былъ ни особенно черствымъ эгоистомъ, ни безоглядымъ стяжателемъ. Онъ просто черезчуръ увлекся своей задачей, какъ это часто случается съ людьми выдающейся силы и энергіи. Успѣхъ вѣдь и подзадориваетъ, и туманитъ глаза. Задоровъ же въ глубинѣ души, хотя безсознательно, но упорно придерживался еще нѣкоторыхъ понятій о добрѣ, правдѣ и справедливости, знакомыхъ ему съ дѣтства. Мутныя волны житейскаго дѣлечества, конечно, успѣли прикрыть въ его душѣ эти свѣтлыя вѣрованія довольно толстымъ слоемъ наносной тины, но—не похоронить ихъ вовсе.

Поймавъ себя на грѣшныхъ мысляхъ относительно свояченицы, Семенъ Алексѣевичъ прямо-таки пришелъ въ ужасъ.

„Что же это я, къ чорту въ лапы лѣзу? — подумалъ онъ послѣ нѣсколькихъ безсонныхъ часовъ ночью. — Ошалѣлъ я... Отъ молодой, доброй жены, отъ перваго ребенка, котораго она еще подъ сердцемъ носитъ... И на кого думаю! Сестра, дѣвушка, милая, скромная, ласковая... Какъ я смѣлъ такое объ ней?... Вѣдь это же мерзость, дьявольщина!.. Фу! Господи, помилуй меня грѣшнаго! Нѣтъ, это нужно кончить, съ корнемъ вырвать. Хоть бы жена скорѣе пріѣхала; авось, опомнюсь".

Но Семенъ Алексѣевичъ справился съ собою и безъ жены, которая зажилась въ Воронежѣ на цѣлыя двѣ недѣли долѣе, чѣмъ предполагала, именно благодаря своей беременности (пришлось покориться совѣту врачей). Могучимъ, безпощадно-прямолинейнымъ требованіемъ, которое онъ предъявилъ самому себѣ, онъ и на этотъ разъ по обыкновенію достигъ своей цѣли. Соблазнительные сны и мысли исчезли безслѣдно.

Зато, успокоенный въ этомъ отношеніи, Семенъ Алексѣевичъ тѣмъ полнѣе и свободнѣе наслаждался своей дружеской привязанностью къ посланной ему Богомъ „сестрицѣ". Онъ уже не конфузился и не стѣснялся заговаривать съ нею, какъ съ самымъ близкимъ человѣкомъ, въ довѣріи и расположеніи котораго нельзя сомнѣваться; не стѣснялся въ свободныя минуты являться къ ней въ ея собственныя комнаты, если она почему-либо долго не выходила на общую половину, и прямо заявлялъ, что, пославъ ему сестру, Богъ открылъ его глаза на новое счастье въ жизни, котораго онъ не испытывалъ доселѣ.

Однажды Семенъ Алексѣевичъ вернулся съ химическаго завода раньше, чѣмъ его ждали. Не найдя Анну Александровну въ общихъ комнатахъ, онъ прошелъ къ ней и засталъ ее въ са-

мой пріятельской бесѣдѣ съ „дѣдушкой“-Касаткинымъ, котораго она угощала чаемъ.

Старикъ, при входѣ хозяина, всталъ, почтительно поклонился и отошелъ къ двери, гдѣ остановился въ привычной позѣ подчиненнаго.

— Садись, садись, Андрей Кузьмичъ!—сказалъ Задоровъ.—Здѣсь сестрица—хозяйка; а мы съ тобою оба у нея въ гостяхъ.

— Конечно, садитесь, дѣдушка!—улыбнулась Анна Александровна.—Хозяйка я или нѣтъ, да вы-то обоихъ насъ вмѣстѣ,—съ Семеномъ Алексѣевичемъ, то-есть,—много постарше будете.

— Если ваша такая ласка...

Старикъ поклонился сначала Аннѣ Александровнѣ, потомъ Задорову, и опять присѣлъ къ своему недопитому стакану.

— А я и не зналъ,—замѣтилъ Семенъ Алексѣевичъ свояченицѣ,—что вы съ моимъ старикомъ такъ познакомились.

— Да, дѣдушка—спасибо—мною не брезгаетъ.

Касаткинъ очень оживился.

— Анна Александровна, — воскликнулъ онъ, — такъ меня, стараго, приголубила, такъ вознесла, что я ужъ и сказать не умѣю. Сверхъ всякой мѣры! Не заслужилъ я этого даже нисколько... На что лучше,—дочекъ моихъ, и тѣхъ разыскала. Сама къ нимъ пожаловала. Мы, говоритъ, немножко сродни.

— Какъ съ родни?—удивился Семенъ Алексѣевичъ.

— Хе-хе-хе!—задребезжалъ старикъ не то сконфуженнымъ, не то счастливымъ смѣшкомъ.—Старину вспомнили Анна Александровна, которой давно и на свѣтѣ нѣтъ. „Вашъ, говоритъ, папаша“—это она дочкамъ-то моимъ—„отцу моего богоданнаго брата первымъ пріятелемъ былъ; значитъ, и брату самому, по его сиротству, въ родѣ какъ дяденькой приходился. Значитъ, говоритъ, и мы съ вами“ — это она дочкамъ-то — „все-таки сколько-нибудь свои люди, черезъ братца. Прошу, говоритъ, любить и жаловать, а я къ вамъ и къ папашѣ вашему всѣмъ сердцемъ“. Да вотъ съ тѣхъ поръ и не забываетъ моихъ дочурокъ, ласкаетъ ихъ... Пошли ей Господь великія свои милости!

Дѣдушка прослезился.

Семенъ Алексѣевичъ относился къ судьбѣ дочерей Касаткина вполнѣ равнодушно; едва-ли онъ даже узналъ бы ихъ при встрѣчѣ, хотя и видѣлъ мимоходомъ разъ или два,—такъ мало правъ на свое вниманіе признавалъ онъ за ними. Тѣмъ не менѣе, нечаянно раскрывшійся поступокъ Анны Александровны тронулъ его чрезвычайно, взволновалъ до глубины душевной.

— „Не дѣвушка, а золото!—воскликнулъ онъ мысленно.—Вотъ какъ она понимаетъ родство, вотъ какъ цѣнитъ богоданнаго брата—меня! хотя я виноватъ передъ нею безъ мѣры, десятки разъ... Ну, если такъ, милая, дорогая,—клянусь, я самъ за тебя пойду въ огонь и въ воду, ничего не пожалѣю, если понадобится! Нѣтъ и не будетъ у тебя друга вѣрнѣе“.

Едва-ли не впервые въ сердцѣ Задорова расцвѣла пышная роза искренней, несебялюбивой нѣжности. Ему самому показалась она необычайно дорогой и желанной, окрасивъ весь міръ какимъ-то новымъ, чуднымъ блескомъ. Даже давно знакомый старикъ Касаткинъ вдругъ сталъ Семену Алексѣевичу небывало милымъ и симпатичнымъ.

— Дѣдушка!—сказалъ онъ, положивъ руку на рукавъ его старенькой, хотя и безупречно чистой поддёвки.—А вѣдь сестрица-то права. Пожалуй, что и въ самомъ дѣлѣ ты мнѣ дяденькой приходишься. Зачѣмъ же,—улыбнулся онъ,—ты меня мало журишь? Смотри, какой изъ меня нескладный да непутёвый верзила выросъ!

— Гдѣ ужъ мнѣ учить! Самъ я убогій.

— Люди тебя праведникомъ прозвали.

— Смѣются... Пусть ихъ!

— Дѣдушка, я въ самомъ дѣлѣ винюсь передъ тобою!—серьезно замѣтилъ Задоровъ.—Въ нашей торговой сутолокѣ я совсѣмъ забылъ, что не я тебѣ, а ты мнѣ старшимъ приходишься. Даже совѣстно теперь, самому себя стыдно... Спасибо сестрицѣ, что напомнила.

Анна Александровна только молча вскинула глазами на своего шурина. Но въ ея взглядѣ было много ласки и серьезной нѣжности.

— Погодите, хозяинъ!—всполохнулся дѣдушка.—Этакъ не годится. Я вашъ хлѣбъ ѣмъ. Вы меня пріютили, когда я никому не нуженъ былъ. И не только я отъ васъ никакой хозяйской обиды не видѣлъ, а напротивъ, передъ тѣмъ, какъ умирать стану—приду къ вамъ, въ ноги поклонюсь, за хлѣбъ, за соль, за доброе терпѣніе.

— Тѣмъ-то и погрѣшилъ я, старикъ, что не приходилось мнѣ, пожалуй, съ тобою, какъ хозяину съ приказчикомъ, считаться. Ты меня когда-то къ себѣ на колѣни верхомъ не за деньги сажалъ, не за жалованье. Цѣловался ты со мною да крестилъ меня, мальчишку, на дорогу, когда я изъ Песчапска уѣзжалъ, тоже не ради корысти какой-нибудь.

— Что было, того нѣтъ. А хотя и было, что въ томъ?

Свѣтъ не нами устроенъ. Старому молодое всегда мило; молодой же на старое и глядѣть не хочетъ. Но чтобъ приказчикъ съ хозяиномъ равнялся, это нигдѣ не видано, и не порядокъ, и передъ Богомъ грѣхъ! На какое мѣсто Господь тебя поставилъ—тамъ и будь, а самовольно не суйся.

— Вотъ видите, сестрица,—улыбнулся Задоровъ Аннѣ Александровнѣ,—какой у насъ дѣдушка строгій!

— Да, къ себѣ самому. Помоги Богъ и намъ быть такими.

XII.

Софья Александровна настолько успѣла измѣниться въ Воронежѣ, что при возвращеніи домой, въ Песчанскъ, вызвала своимъ видомъ общее удивленіе и участіе. Фигура ея какъ-то вдругъ очень расплылась, но цвѣтъ лица потускнѣлъ, и даже былой огонекъ въ глазахъ почти совсѣмъ исчезъ; вокругъ рта легли какія-то некрасивыя складки; общее выраженіе лица стало кислымъ и раздраженнымъ.

Вглядываясь въ эту новую для него физіономію жены, Семенъ Алексѣевичъ, самъ того не сознавая, отнесся къ ней не только холодно, но даже неpріязненно.

„Расползлась и раскисла,—думалъ онъ съ неудовольствіемъ,—словно тѣсто рыхлое. Съ какой стати? Мало ли кому доводится быть въ такомъ положеніи—и ничего: веселы, здоровы, даже въ восторгѣ. А это что? Вѣдь свое же дитя носитъ“.

Задоровъ былъ несправедливъ къ женѣ. Какая-то неосторожность во время поѣздки очень повредила ея здоровью, вызвала вмѣшательство врачей и вынудила ее согласиться съ ихъ требованіемъ соблюсти на будущее время самую крайнюю осторожность въ движеніяхъ, занятіяхъ и во всемъ образѣ жизни.

— Разрѣшитесь отъ бремени благополучно, и все пойдетъ по старому, — утѣшалъ Софью Александровну ея воронежскій цѣлитель. — Еще сильнѣе и здоровѣе прежняго будете. Но до тѣхъ поръ, сами видите, малѣйшій рискъ обойдется вамъ очень дорого. Такъ посдержитесь же.

Время отъ времени довольно тяжелыя страданія напоминали Софьѣ Александровнѣ о необходимости послѣдовать этому совѣту. Но живой, дѣятельный нравъ ея плохо мирился съ подобной необходимостью, и вынужденная праздность то раздражала ее, то приводила въ уныніе, причемъ физическое недомоганіе—тош-

ноты, слабость, головная боль—конечно не могли улучшить ея расположеніе духа.

Дѣловую свою задачу въ Воронежѣ Софья Александровна исполнила удовлетворительно. „Братецъ“ Илья Александровичъ очень заинтересовался покупкою Пальховской дачи, обѣщалъ даже самъ пріѣхать осмотрѣть ее, и если дѣло въ самомъ дѣлѣ окажется достаточно серьезнымъ — дать денегъ, сколько потребуется.

Правда, „братецъ“ не рѣшилъ еще, на какихъ условіяхъ предложить онъ ссуду—„вѣдь деньги тоже товаръ; Богъ знаетъ, какой черезъ три мѣсяца будетъ учетный процентъ держаться“ —но онъ во всякомъ случаѣ обѣщалъ поступить по-родственному. „Будь спокойна!—говорилъ онъ внушительно.—Ты вѣдь для меня не кто-нибудь, не первая встрѣчная, а родная сестрица. Своего, положимъ, не упущу; но и тебя обижать не стану“.

— А можно ли вѣрить Ильѣ Александровичу?—полюбопытствовалъ Задоровъ, слушая разсказъ жены.

— Ну... пальца въ ротъ тоже ему не положишь... Однако на этотъ разъ онъ, я думаю, въ самомъ дѣлѣ дастъ денегъ. Вѣдь ему же прямой разсчетъ. Дѣло вѣрное, и проценты хорошіе—не то что на вкладѣ либо въ бумагахъ держать. Содрать-то онъ сдеретъ... Ну, да вѣдь и мы въ состояніи будемъ расплатиться довольно скоро, если Богъ поможетъ.

— Лишнихъ одинъ либо два процента—это Богъ съ нимъ, конечно. Перенесу. А какъ онъ вовсе надуетъ?

— Я тоже не маленькая. Я ему сказала, что срокъ совершенія купчей не 3-е февраля, а 3-е января. Такимъ образомъ, въ случаѣ чего, у насъ останется еще цѣлый мѣсяцъ времени. Что-нибудь придумаемъ, подготовимъ даже ранѣе.

— И подготовлять нечего: Пудовиковъ на-лицо, если ужъ нельзя будетъ обойтись иначе.

— Да... тогда видно будетъ... — отвѣтила Софья Александровна довольно кисло.

Но нежеланіе ея имѣть дѣло съ Пудовиковымъ Семенъ Алексѣевичъ замѣтилъ, и отмѣтилъ въ своемъ сердцѣ болѣе непріязненно, чѣмъ въ первый разъ.

„Что же она, не довѣряетъ мнѣ?—подумалъ онъ хмуро.— Ограбить я ее, что-ли, хочу? Такъ я и съ посторонними, слава Богу, такихъ вещей еще не дѣлывалъ. Выгоду свою умѣю найти, но воромъ не былъ и не буду. Довольно-таки сомнительна моя супруга. Коли про собственнаго мужа можетъ такое въ умѣ держать, значитъ, и сама не очень надежна. А мысли-то у нея

или разговоры! Деньги да деньги, только и всего. Положимъ, оно хоть правильно, серьезное, хозяйственное дѣло; но"...

Семену Алексѣевичу чуть не до тоски было жаль своихъ „бездѣльныхъ" бесѣдъ со свояченицей, которыя сами собою естественно прекратились съ возвращеніемъ Софьи Александровны.

Свою жену онъ теперь впервые наблюдалъ не влюбленными глазами и не въ угарѣ чувственныхъ увлеченій. Можетъ быть, вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія жены и яснаго пониманія неумѣстности подобныхъ увлеченій въ данное время, или по какимъ-либо другимъ причинамъ—Семенъ Алексѣевичъ вдругъ совершенно остылъ. И еслибы онъ привыкъ разбираться въ собственныхъ чувствахъ, онъ вѣроятно замѣтилъ бы, что въ отношеніи къ женѣ въ немъ нѣтъ и слѣдовъ той покровительственной нѣжности и радостнаго любованія, съ которыми онъ уже привыкъ смотрѣть на свояченицу.

Впрочемъ, Задорову некогда было разбираться въ собственныхъ чувствахъ. Пріѣхалъ братецъ Илья Александровичъ, который поспѣшилъ воспользоваться послѣдними днями осени, чтобы осмотрѣть Пальховскую дачу. Разумѣется, пришлось дѣлать ради него экстренные выѣзды и проводить съ нимъ все свободное время.

Братецъ прожилъ въ Песчанскѣ десять дней, зато осмотрѣлъ все и вся, удостовѣрился въ положеніи дѣлъ Задорова, и всѣмъ остался очень доволенъ. Пальховская дача привела его даже прямо въ восторгъ. Онъ выразилъ рѣшительное убѣжденіе, что самому покойному папашѣ Александру Игнатьичу никогда не удавалась подобная покупка, хотя подготовлялъ покойникъ свои „операціи" издалека и дѣло имѣлъ обыкновенно съ людьми, достаточно позапутавшимися въ долгахъ, или очень ужъ мотоватыми.

— Да, для такого дѣла и рискнуть стоило!—выразился братецъ Илья Александровичъ.—Что-жъ, если и не хватаетъ денегъ? Оно само для себя капиталъ сыщетъ.

Братецъ уѣхалъ изъ Песчанска, торжественно поклявшись Задоровымъ, что деньги къ третьему января будутъ готовы и доставлены по первому же требованію, на самыхъ безобидныхъ, притомъ, условіяхъ.

— Копѣйки вашей не захочу взять, вотъ вамъ Христосъ!—объяснилъ Илья Александровичъ.—Братья мы или нѣтъ? Одного вѣдь отца-матери съ ней-то, съ Сонечкой. Такъ неужто-жъ мы изъ-за грошей считаться будемъ, а? Никогда этого не можетъ статься.

Семенъ Алексѣевичъ былъ вполнѣ обнадеженъ клятвами и родственнымъ поведеніемъ братца; но Софья Александровна въ душѣ обезпокоилась.

„Непремѣнно Ильюшка какую-нибудь гадость задумалъ!— соображала она про себя.—Не могу только понять, въ чемъ дѣло... Если просто хочетъ сорвать побольше—чортъ съ нимъ, пусть пользуется, хоть и жалко... Не могу же я допустить, чтобы мой капиталъ оставался безъ закладной. Векселя и вообще-то—бумага. А векселя, выданные мужемъ женѣ, въ случаѣ чего, того и смотри, будутъ признаны безденежными. Поди тамъ, судись, доказывай!... Нѣтъ, ужъ на это я никакъ не соглашусь, ни за что“...

XIII.

Софья Александровна стала прихварывать все чаще. Случалось, что цѣлые дни она вынуждена была проводить либо сидя, либо даже лежа. Такимъ образомъ, значительная часть хозяйственныхъ заботъ по дому мало-по-малу перешла къ Аннѣ Александровнѣ. Сдѣлалось это какъ-то само собою, естественнымъ порядкомъ, но къ большому удовольствію Семена Алексѣевича; потому что свояченица опять начала чаще и дольше бывать въ общемъ помѣщеніи. Возобновились даже, хотя далеко не въ полной мѣрѣ и не съ прежней задушевностью, бывалыя бесѣды подъ шумъ самовара или просто въ свободный часъ вечера.

Софья Александровна, впрочемъ, быстро замѣтила и оцѣнила перемѣну отношеній между мужемъ и сестрою.

„Дѣвкѣ замужъ пора! — рѣшала она въ душѣ. — Съ тѣхъ поръ, какъ выздоровѣла, вишь какъ на Сеню пялится. Рада сама на шею кинуться. Извѣстно, дѣвкѣ двадцать-одинъ годъ. Ну, и онъ сталъ съ нею поласковѣе. Тоже мужчина въ порѣ; а я вонъ калѣкою валяюсь... Дура! Она-то, она-то кипятится! Думаетъ, нивѣсть, какая въ этомъ сласть. Ну, конечно... А только погоди еще, испытаешь мое теперешнее положеніе, такъ будешь знать, что иной разъ о мужчинахъ даже думать противно. Баловство, въ сущности... А впрочемъ, почему же себѣ отказывать, если не теряя голову? Покуда молода, пусть и Анюта поживетъ въ свое удовольствіе. Надо, надо ей мужа найти. Напишу къ невѣсткамъ“.

Софья Александровна, однако, отнюдь не мучила себя ревностью. Врядъ ли подобное чувство было ей сколько-нибудь зна-

комо. Она вообще привыкла думать, что случайныя, преходящія уклоненія мужчинъ съ пути супружескаго долга и неизбѣжны, и не заслуживаютъ вниманія. Мало ли, молъ, что бываетъ! За всякимъ вздоромъ не нагоняешься. Да и кто, наконецъ, безъ грѣха? Жёны-то вѣдь тоже иной разъ пошаливаютъ, не хуже мужей. Эка невидаль, что человѣкъ побаловался въ свободную минуту! Не въ монастырѣ живемъ. Но вмѣстѣ съ этимъ Софья Александровна была непоколебимо убѣждена въ своемъ правѣ собственности на мужа, и въ этомъ почерпала полнѣйшее, увѣренное спокойствіе.

„Сколько ни вертись, — думала она про Семена Алексѣевича,—а къ женѣ прибѣжишь опять. Это вѣдь не кто-нибудь, не первая встрѣчная. Ау, братъ! Если вокругъ аналоя обвели— ужъ не отдѣлаешься. Да я и сама не дура, чтобы тебя изъ рукъ выпустить. Небось, за свое постоять съумѣю, въ обиду не дамся".

Вслѣдствіе такихъ соображеній, Софья Александровна холодно и спокойно смотрѣла на сближеніе сестры съ мужемъ, нимало ему не препятствуя. Необыкновенная почтительность и невозмутимость, которую проявлялъ въ своихъ отношеніяхъ къ свояченицѣ Семенъ Алексѣевичъ, еще болѣе увѣренности сообщала его женѣ. Софья Александровна привыкла къ его несдержанной пылкости, къ горячему и жадному блеску въ его глазахъ, къ порывистой, почти грубой ласкѣ. Она хорошо помнила его въ роли жениха, ухаживателя... Нѣтъ! Анютѣ не удастся захватить его сколько-нибудь серьезно. Она только напрасно мечтаетъ и—характеръ ея довольно извѣстенъ—кончитъ тѣмъ, что разозлится, какъ кошка.

„Такъ-то и лучше! — сама себѣ улыбнулась Софья Александровна.—Найдемъ для Анюты другого молодца, поподатливѣе и свободнаго. За этимъ товаромъ дѣло не станетъ. А въ чужой огородъ по рѣпу не ходятъ,—не модель".

Болѣзненное состояніе вѣроятно отчасти ослабило обычную проницательность Софьи Александровны и ея способность быстро понимать и оцѣнивать всякія проявленія мысли или чувства въ близкихъ ей людяхъ, поскольку они могли отразиться на ея собственныхъ интересахъ. Можетъ быть, въ другое время она замѣтила бы возростающую въ отношеніи къ ней холодность и отчужденіе мужа, спохватилась бы, понаблюдала бы за нимъ и за собою и съ обычной ловкостью поспѣшила бы устранить причины назрѣвающаго семейнаго разлада.

Но теперь, хвастаясь передъ собою, что она не дура и

мужа изъ рукъ не выпуститъ, она въ то же время дѣлала крупную ошибку. Больная и раздраженная, она не хотѣла стѣснять себя, не была на сторожѣ, не ловила налету впечатлѣніе, производимое ея рѣчами и поступками, словомъ—позволяла себѣ быть слишкомъ естественною, слишкомъ самой-собою. И это откровеніе совпало для ея мужа именно съ тѣмъ моментомъ, когда чувственное его увлеченіе улеглось, когда онъ видѣлъ въ своей женѣ не только женщину, но и человѣка, и не сквозь дымку страсти, когда, наконецъ, даже внѣшняя привлекательность Софьи Александровны находилась въ превеликомъ ущербѣ...

Кто-то давно сказалъ, что чувство можетъ либо рости, либо уменьшаться, но никогда не остается въ стаціонарномъ положеніи..

Это—безспорная истина.

Въ душѣ Семена Алексѣевича оно стало сокращаться, съёживаться и высыхать, какъ молодое растеніе, пересаженное въ пески раскаленной пустыни.

Да еще и было ли оно когда-нибудь дѣйствительно сочнымъ и живучимъ растеніемъ? Богъ вѣсть.

По внѣшности въ крошечной семьѣ Задоровыхъ—крошечной, если даже причислить къ ней Анну Александровну—все оставалось по старому. Однако, взаимныя отношенія лицъ въ ней измѣнились хотя незамѣтно, но кореннымъ образомъ.

XIV.

Въ исходѣ декабря Семенъ Алексѣевичъ написалъ „братцу" въ Воронежъ о томъ, что желалъ бы получить теперь обѣщанную сумму для покупки Пальховской дачи, и освѣдомлялся, когда именно для этой цѣли ему нужно явиться въ Воронежъ, а также просилъ окончательно опредѣлить условія.

Въ отвѣтъ на это послѣдовала краткая телеграмма: „Съ деньгами пріѣду самъ".

Прошло, однако, пять дней, значилось уже тридцатое декабря, а о братцѣ не было ни слуху, ни духу.

Семенъ Алексѣевичъ телеграфировалъ ему въ свою очередь: „Пріѣдете ли? Когда?" И получилъ въ отвѣтъ: „Праздники задержали. Второго января непремѣнно".

Прочитавъ эту послѣднюю депешу, Софья Александровна объявила мужу рѣшительнымъ тономъ:

— Ничего не выйдетъ. На Илью разсчитывать нечего. Онъ задумалъ какую-то мерзость.

— Почему ты знаешь?

— Ну, вотъ! Кому же и знать. Только ты не подавай вида, когда онъ пріѣдетъ. Посмотримъ, что будетъ.

„Братецъ“, дѣйствительно, пріѣхалъ второго января, довольно поздним вечеромъ, „на ночь глядя“, какъ выражаются въ Песчанскѣ.

— Что-же, готово у васъ все къ совершенію купчей?—спросилъ онъ послѣ первыхъ, очень родственныхъ и любовныхъ привѣтствій, присаживаясь къ столу съ чайнымъ приборомъ.—Продавецъ-то здѣсь, явился?

— Даже и проектъ купчей сегодня совершили у нотаріуса, —невозмутимо отвѣтила Софья Александровна.

— А-а-а! Что же такъ поторопились?

— Чего было ждать? Черновой вѣдь проектъ. Въ книгу нотаріусъ покуда не записывалъ.

— Да, если черновой... не суть важно.

— Однако, Илья Александровичъ,—вмѣшался Задоровъ,—пора же намъ теперь знать, на какой срокъ вы даете деньги и изъ какихъ процентовъ.

„Братецъ“ усердно и шумно втянулъ въ себя горячій чай со стекляннаго блюдечка.

— Вѣдь я же говорилъ вамъ, — отвѣтилъ онъ потомъ съ спокойной умиленностью,—что не желаю пользоваться ни единой вашей копѣйкой. Какіе между родными счеты да проценты? Жиды-христопродавцы, и тѣ въ своей семьѣ добрые люди. А кольми паче мы, православные христіане. Ничего мнѣ вашего не нужно. За лѣсъ половину заплатили вы, теперь вторую половину заплачу я, и будемъ имъ владѣть вмѣстѣ, по-братски.

Семенъ Алексѣевичъ едва усидѣлъ на стулѣ; но жена усмирила его серьезнымъ взглядомъ.

— Нѣтъ, братецъ! — отвѣтила она спокойно. — На это мы не согласны. Возьмите лучше процентъ... хор-рошій!—подчеркнула она послѣднее слово.

— А на процентъ *я* не согласенъ.

— Ну, значитъ, дѣло не сойдется.

— Пустяки, сойдемся. Не терять же вамъ задатокъ въ полмилліона! Да вѣдь и половина Пальховской дачи—кусъ довольно лакомый, хоть бы и не по вашимъ зубамъ.

— Зачѣмъ терять полмилліона? Помилуй Богъ! Да и зубовъ у насъ, братецъ, даже на всю Пальховскую дачу хватитъ.

— Не глупи, Сонечка. Гдѣ вы съ мужемъ за одну ночь полмилліона достанете?

— Да вѣдь и купчая-то, братецъ, не третьяго января совершается. Это я, по своей бабьей безтолковости, оговорилась тогда, перепутала. На третье февраля ей срокъ.

Илья Александровичъ безпомощно опустилъ на столъ блюдечко съ чаемъ, который только-что намѣревался втянуть въ себя обычнымъ порядкомъ. Онъ былъ совершенно уничтоженъ.

— Четыреста тысячъ намъ нужно, братецъ. Берите на нихъ по восемь процентовъ и—хорошее дѣло.

Онъ только замоталъ головою съ растерянно-жалкимъ видомъ.

— Ну, видно, нечего намъ торговаться. Вотъ послѣднее слово. Мы заплотимъ десять процентовъ. Сорокъ тысячъ за годъ! Кажется, не плохо. Ну, по рукамъ, что-ли?

Но Илья Александровичъ вдругъ вскочилъ съ мѣста, взялъ свою шапку и молча направился къ двери.

— Куда же вы, братецъ?

— Но... нога моя... б... больше у васъ не будетъ!—вдругъ даже завизжалъ онъ какимъ-то не своимъ голосомъ, захлёбываясь и задыхаясь.—Мерзавцы! Каторжники! Родного брата подвели! Живъ не буду, а я вамъ себя покажу... пок-кажу... Мальчишка я вамъ?..

Лицо его налилось кровью; онъ топалъ ногами, брызгалъ слюною, грозилъ кулакомъ, и вдругъ исчезъ за дверью.

— Будьте вы прокляты!—донесся его послѣдній взвизгъ.

— Ну!..—махнула рукой Софья Александровна.

— Да что онъ, ошалѣлъ, что-ли?—совершенно озадачился Задоровъ.

— Нравъ у него такой. Самъ-то не изъ орловъ вѣдь онъ, а никогда въ жизни не проститъ, что его перехитрили. Черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ быть, вспомнитъ—и то весь поблѣднѣетъ и затрясется. Хуже ему обиды нѣтъ. Нравенъ!

— Вотъ еще чадушко Господь послалъ!..

— Да. То бы онъ за десять процентовъ какъ бы ухватился... Жаденъ вѣдь. А ужъ если обозлится, такъ и денегъ не надо; расфыркается хуже дикой кошки, на стѣну лѣзть готовъ.

— Хорошъ, хорошъ!.. Ну, однако, что же теперь дѣлать? Надо за Пудовикова приниматься.

Софья Александровна смолчала.

Положеніе, въ самомъ дѣлѣ, становилось затруднительнымъ. Гдѣ взять недостающую сумму? И, какъ на бѣду, здоровье мо-

лодой женщины къ концу беременности становилось все хуже. Она не только сдѣлалась почти безпомощною физически, но ослабѣла даже ея дѣловая находчивость и энергія; мысль путалась и утомлялась.

Прошло Крещеніе, наступила вторая половина января, а еще ничто не было не только устроено, но даже рѣшено.

Наконецъ, Семенъ Алексѣевичъ приступилъ къ женѣ съ рѣшительнымъ требованіемъ уничтожить закладную на химическій заводъ, ибо другого выхода не имѣется.

Софья Александровна очевидно къ этому приготовилась. Безъ малѣйшихъ колебаній, она холодно и дѣловито объяснила мужу, что закладную уничтожить готова, но въ видѣ обезпеченія потребовала себѣ половинное право владѣнія Пальховской дачею, то-есть, именно то, чего добивался Илья Александровичъ; причемъ добавила, что погасить закладную обязанъ Пудовиковъ, при составленіи и утвержденіи новой, внесеніемъ причитающейся суммы непосредственно въ ея руки. А затѣмъ эти деньги уплачены будутъ Крутовицыну, и купчая должна быть совершена на имя обоихъ супруговъ вмѣстѣ.

— Но какъ же это сдѣлать?—воскликнулъ Семенъ Алексѣевичъ.—Вѣдь Пудовиковъ не поѣдетъ къ тебѣ въ Песчанскъ.

— Я ужъ сама какъ-нибудь доберусь до Москвы.

— Въ твоемъ положеніи?!

— Дѣло—всегда дѣло. Оно положеній знать не хочетъ.

— А кромѣ того вся эта процедура можетъ очень отозваться на моемъ кредитѣ... И на что она? Чѣмъ ты рискуешь?

— Полумилліономъ,—сухо отвѣтила Софья Александровна.

— Или мужемъ и ребенкомъ...

— Ребенокъ тутъ ни при чемъ; не я первая поѣду въ такомъ положеніи. А мужемъ, если спокойствіе и обезпеченіе своей больной жены онъ ставитъ ни во что, даже рисковать не приходится.

— Какъ это?

— Насильно милою не будешь.

Семенъ Алексѣевичъ не счелъ нужнымъ продолжать этотъ споръ.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ онъ только.—Я телеграфирую Пудовикову.

— Хорошо.

Московскій милліонеръ отвѣтилъ безъ задержки: „Деньги будутъ готовы 27-го. Пріѣзжайте. Условія извѣстны“.

Въ виду этой телеграммы Задоровы рѣшили выѣхать въ Москву 25-го января съ вечернимъ поѣздомъ.

Уже покончивъ всѣ приготовленія къ выѣзду, Семенъ Алексѣевичъ сѣлъ отдохнуть въ своемъ кабинетѣ и распечаталъ получаемую имъ московскую газету.

На первой же страницѣ онъ прочиталъ слѣдующее: „Сегодня волею божіею скоропостижно скончался, вѣроятно отъ разрыва сердца, извѣстный всей Россіи Вуколъ Кондратьевичъ Пудовиковъ“.

XV.

Семенъ Алексѣевичъ долго просидѣлъ надъ этимъ коротенькимъ извѣстіемъ, собираясь съ мыслями. Наконецъ, онъ всталъ и, не выпуская газеты изъ рукъ, тяжелыми шагами направился въ комнату жены.

— Что съ тобою?—воскликнула она испуганно, взглянувъ на его блѣдное, встревоженное лицо.

— Прочти.

Софья Александровна ахнула и опустилась на кресло съ подкосившимися ногами.

На этотъ разъ она тоже была испугана и ошеломлена нечаяннымъ извѣстіемъ.

Оба молчали.

Семенъ Алексѣевичъ отвернулся къ окну и глядѣлъ въ его стекла, ровно ничего не видя.

— Какъ же теперь быть?—вдругъ рѣзкимъ тономъ воскликнула Софья Александровна.

Задоровъ повернулся къ ней.

— Разумѣется, все-таки ѣдемъ въ Москву. Можетъ быть, еще удастся устроить какъ-нибудь...

— Въ четыре-то дня? Да такія дѣла и не дѣлаются на можетъ быть, — еще рѣзче заявила Софья Александровна. — Это вѣдь не какія-нибудь сотни, даже не тысячи.

— А по твоему какъ быть?

— Одно остается. Иди просить у Анюты.

— Не при тебѣ ли она двадцать разъ говорила, что ни за что, никогда и ни на какія денежныя сдѣлки не согласится.

— А ты... приласкай ее получше. Дастъ!

— Съ какой стати?

— Вѣрно говорю. Развѣ не видишь, что дѣвка въ тебя совсѣмъ врѣзалась?

— Что ты, Соня!

— Слава Богу, не слѣпая я. И теперь не до церемоній. Иди, улещай, какъ знаешь. Но чтобы дѣло было сдѣлано!

— Соня!..

— Ну, Соня! Знаю, что Соня. Чего на меня пялишься?.. Да что ты въ самомъ дѣлѣ—мужчина или нѣтъ? Къ дѣвкѣ подойти, что-ли, боишься?.. Вспомни, Пальховская дача пропадаетъ, да наши шесть сотъ тысячъ вмѣстѣ съ нею! Такъ тутъ ужъ раздумывать нечего. Иди, говорятъ тебѣ! — Софья Александровна даже ногою топнула. — Цѣлуй, милуй, клянись... Иди!!... Стой! На вотъ...

Она сунула ему въ руки газету.

Семенъ Алексѣевичъ вышелъ изъ комнаты, самъ не понимая, что съ нимъ дѣлается. Голова у него совсѣмъ затуманилась. „Пальховская дача... шесть сотъ тысячъ... дѣвка врѣзалась... Какъ врѣзалась? Что это значитъ? Неужто Нюта, Нюта, радость моя, меня любитъ?.. Съ какой стати Пудовиковъ такъ вдругъ умеръ? И что теперь будетъ?.. Нютины деньги... Господи! Да неужто это правда? Неужто я ей тоже милъ?..“

Семенъ Алексѣевичъ остановился и машинально вытеръ платкомъ испарину, появившуюся у него на лбу.

Онъ вдругъ сѣлъ на стулъ и началъ крутить папиросу.

„Нужно опомниться, взять себя въ руки... Этакъ нельзя! —рѣшилъ онъ, сдавивъ зубами крѣпко сомкнутыя губы.—Это, наконецъ, глупо. Гдѣ моя голова?“

Чрезвычайнымъ усиліемъ воли Задоровъ справился со своимъ волненіемъ; и хотя непослушныя его руки два раза сломили зажигаемую спичку, хотя папироса вздрагивала вмѣстѣ съ державшими ее губами, зато мысли прояснились и потекли потокомъ, правда, очень стремительнымъ или даже бурнымъ, но въ опредѣленномъ порядкѣ и направленіи.

„Что Нюта любитъ меня,—думалъ онъ,—это вздоръ. Бабья подозрительность жены. Не стою я даже Нютинаго мизинца. Такія, какъ Соня, вотъ кто мнѣ подъ пару... Но деньги она, можетъ быть, все-таки дастъ; захочетъ въ бѣдѣ помочь. Она вѣдь изъ добрыхъ добрѣйшая. Вѣдь она хоть и говорила, что ни за что ни на какія дѣла не согласится, такъ вѣдь это же для наживы не согласится. Она даже объясняла: мнѣ, молъ, и своего больше, чѣмъ довольно. А здѣсь дѣло идетъ о томъ, чтобы помочь близкимъ роднымъ, и безъ всякаго для себя риска. Закладная на заводъ—достаточное обезпеченіе. Ну, разумѣется,

такъ. Удивительно, почему это мнѣ раньше не пришло въ голову!"

Семенъ Алексѣевичъ быстро всталъ и направился къ комнатамъ свояченицы. Но, подходя къ ея двери, онъ почувствовалъ, какъ въ немъ „упало сердце".

Ему даже не пришлось стучаться. Заслышавъ его шаги, Анна Александровна сама встрѣтила его на порогѣ.

— Чтó случилось?—воскликнула она тревожно, едва взглянувъ на его лицо.

— Сестрица, мнѣ съ вами поговорить нужно.

— Входите. Ну?

— Вы слышали о моемъ дѣлѣ съ Крутовицынымъ.

— Конечно.

— И знаете, что я разсчитывалъ на Пудовикова?

— Все знаю. Ну?

— Прочтите.

— Хорошо еще, что не успѣли уѣхать!—воскликнула Анна Александровна.

— Да. Но теперь мнѣ грозятъ огромныя потери, если... если вы не захотите помочь, сестрица.

— Мои деньги всѣ въ государственныхъ бумагахъ, такъ что реализировать ихъ очень легко, и лежатъ на храненіи въ нашей песчанской конторѣ государственнаго банка. Поѣдемте сейчасъ къ нотаріусу, я вамъ выдамъ довѣренность на полученіе ихъ.

— Сестрица! Ангелъ! Какъ мнѣ васъ благодарить? Мы тутъ же и закладную на заводъ совершимъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ зачѣмъ! Для обезпеченія.

— Это вздоръ. Я знаю, что вы не захотите меня обидѣть безъ надобности. А если нужно... Однимъ словомъ, вы дадите мнѣ просто векселя, на всякій случай. Больше ничего не нужно.

У Семена Алексѣевича слезы выступили на глазахъ.

— Вотъ вы же не считаете меня извергомъ, мерзавцемъ, который за деньги и самыхъ близкихъ не пожалѣетъ!

— Богъ съ вами! Откуда такія мысли?

— Собственная жена, и та мнѣ безъ закладныхъ не вѣритъ... Не знаю ужъ, какъ самому на себя смотрѣть: чтó я, молъ, такое?

— Соня! Такъ вѣдь она же ничего на свѣтѣ, кромѣ денегъ, не любитъ!—вырвалось у дѣвушки.

— А вы, сестрица?

Анна Александровна вспыхнула горячимъ румянцемъ.

— Я?!.. Что вамъ до этого? Сердца словами не выскажешь... Если любятъ оба, безъ словъ другъ друга поймутъ. А не понимаетъ кто-нибудь одинъ изъ нихъ—значитъ, и понимать ему не нужно.

Семенъ Алексѣевичъ простоялъ нѣсколько мгновеній молча, пытливо всматриваясь въ свояченицу, и вдругъ упалъ на колѣни, залившись цѣлымъ потокомъ слезъ.

— Нюта! Будь, что будетъ! Не могу я больше терпѣть... Нюта! Я люблю тебя больше жизни, больше своей души, больше всего на свѣтѣ! Пожалѣй меня! Нюта! Нюта!!...

— Любишь?—дѣвушка поблѣднѣла, схватываясь рукою за кресло, чтобы не упасть.—Такъ чего же ты молчалъ? А я-то!..

XVI.

Иванъ Ѳомичъ Поддужный, послѣ запродажи Пальховской дачи, не долго оставался на службѣ у Задорова. Хотя ему не намекнули даже на неблаговидность его предложеній Крутовицыну,—Семенъ Алексѣевичъ, не торопясь, подыскивалъ на его мѣсто знающаго и дѣятельнаго человѣка — однако, Поддужный самъ понималъ, что удержаться на службѣ прочно не можетъ. Да онъ и не очень дорожилъ ею. Владѣя собственнымъ наслѣдственнымъ капитальцемъ въ десятокъ тысячъ рублей, онъ давно уже порывался начать какое-нибудь свое дѣло и ждалъ только благопріятнаго случая.

Ловкость и денежная сила Задорова разрушили его черезчуръ смѣлую и блестящую мечту о сдѣлкѣ съ Крутовицынымъ. Но вслѣдъ затѣмъ представился другой случай, опять-таки достаточно лакомый, и притомъ, на этотъ разъ, даже не измышленный собственными усиліями, а подвернувшійся по волѣ судебъ— то-есть, въ сущности, болѣе благонадежный: умѣй только взяться.

Умеръ послѣ долгой и мучительной болѣзни извѣстный въ Песчанскѣ лѣсопромышленникъ Иванцевъ. Онъ когда-то считался серьезнымъ дѣльцомъ и капиталистомъ, не имѣющимъ достойныхъ соперниковъ въ цѣломъ уѣздѣ; но появился Задоровъ, и молодая неутомимость человѣка „изъ новыхъ“, его смётка и смѣлость, его новые пути и пріемы въ торговлѣ, скоро побѣдили рутинный опытъ старѣющаго Иванцева. Молодая сила гремѣла и ширилась; старая—стихала и ёжилась. Какимъ-то непостижимымъ стеченіемъ обстоятельствъ всѣ лучшіе, жирные куски стали пролетать мимо Иванцева; ему удавалось попользоваться только кру-

пинками. Наконецъ, тяжелая, неисцѣлимая болѣзнь, тянувшаяся цѣлыхъ три года, не только уничтожила силу и жизнь стараго лѣсоторговца, но и значительно позапутала его дѣла, такъ какъ надежныхъ помощниковъ у него не имѣлось. Сыновей Богъ ему не далъ вовсе. Семья состояла только изъ старушки-жены, Евлампіи Харитоновны, которая въ цѣломъ городѣ извѣстна была подъ кличкою Божьей Коровки, да изъ дочери, тихой и запуганной дѣвушки лѣтъ двадцати-трехъ. Разумѣется, ни та, ни другая ровно ничего не смыслили въ дѣлахъ мужа; да и онъ былъ не изъ такихъ, чтобы допускать чье-либо вмѣшательство, а особливо „бабье“.

Крутой былъ человѣкъ, покойникъ!

Легко себѣ представить, въ какомъ затрудненіи и страхѣ очутились Божья Коровка съ дочерью, Агніей Парменовной, сознавъ себя полноправными наслѣдницами и распорядительницами всего имущества и запутанныхъ дѣлъ покойнаго лѣсоторговца. Что имъ было нужно сдѣлать? Какъ и съ чего начать? Къ чему собственно стремиться?

Всѣ эти задачи оказывались для бѣдныхъ женщинъ безусловно неразрѣшимыми. Непривычная свобода угнетала ихъ несравненно больше былого семейнаго деспотизма. Такъ яркій дневной свѣтъ слѣпитъ и рѣжетъ больные глаза, давно знакомые лишь съ ночью да сумракомъ.

Къ счастію для растерявшихся наслѣдницъ, родной сестрою Божьей Коровки была „пронзительная“ Олимпіада Харитоновна Изъянцева, которая и приняла героическое рѣшеніе, совсѣмъ внезапно, неожиданно даже для самой себя, а какъ бы по наитію свыше.

Сидя однажды у своего обычнаго окна на улицу, она въ числѣ прохожихъ увидала Ивана Ѳомича Поддужнаго, да „такъ и сорвалась съ мѣста“ (по собственному ея свидѣтельству).

— Гашка! Гашка! Бѣги на улицу! Догони Ивана Ѳомича и попроси его зайти сейчасъ. Понимаешь? Скажи, Олимпіада Харитоновна, молъ, просятъ. По очень сурьезной, молъ, надобности. Лети!

„И какъ это мнѣ раньше не пришло въ голову?—спрашивала себя Изъянцева. — Вѣдь это жъ оно самое и есть, что нужно-то“.

Поддужный явился и принятъ былъ очень любезно. А затѣмъ вскорѣ, за стаканомъ чаю, Олимпіада Харитоновна повела разговоръ о „сурьезной надобности“ въ самомъ рѣшительномъ тонѣ.

— Ну, вотъ что, молодецъ! Теперь потолкуемъ, зачѣмъ я

тебя позвала,—сказала она вдругъ, послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ фразъ о погодѣ, праздникахъ, здоровьѣ и т. п., причемъ съ формально вѣжливаго *вы* перешла на грубовато-дружелюбное *ты*.—Ты мою сестру, Божью Коровку, и дочку ейную, Агнюшу, Агнію Парменовну, знаешь вѣдь? Видалъ?

— Еще бы-съ. При жизни ихъ супруга и родителя—пошли ему Господь царство небесное—даже въ домѣ у нихъ бывалъ, хоть и не часто. Удостоился вниманія.

— Ну, да, я помню. Такъ вотъ... не хочешь ли жениться на Агніи Парменовнѣ?

Иванъ Ѳомичъ даже привскочилъ отъ неожиданности.

— Помилуйте, Олимпіада Харитоновна...

— Что жъ, Агнюша—дѣвушка добрая, послушная и собою не плоха, изъ лица, значитъ...

— Помилуйте, Олимпіада Харитоновна,—перебилъ Поддужный:—смѣю ли я даже подумать что-нибудь противъ Агніи Парменовны! Дѣвица, можно сказать, въ полномъ своемъ достоинствѣ, какихъ даже лучше и найти невозможно. Только я-то для нихъ никакого интереса не представляю. Какъ человѣкъ я покуда маленькій, на приказчичьемъ положеніи—онѣ за меня не пойдутъ.

— Ну, это не твоя забота. А ты скажи прямо, хочешь жениться или нѣтъ?

— Какъ не хотѣть! Отъ своего счастья никто не отказывается, которые даже и поглупѣе меня.

— То-то!.. Да ты...—Олимпіада Харитоновна вдругъ окинула Поддужнаго строгимъ взглядомъ:—ты не подумай себѣ чего-нибудь, не вообрази. Агнюша—дѣвица чистая, скромница, какія даже на рѣдкость. Этого у тебя чтобъ и въ мысляхъ не было, слышишь? А просто по ихнему сиротскому дѣлу имъ въ домѣ мужчина нуженъ, знающій и дѣятельный. Покойникъ-то въ послѣднее время, изъ-за хворости, позапустилъ, позапуталъ; такъ гдѣ же имъ однѣмъ справиться! Опять и на чужого человѣка положиться нельзя. Ну, понялъ теперь? Онѣ богатства не ищутъ, свое есть, а былъ бы человѣкъ настоящій, умный, свѣдущій, да не обидчикъ.

— Олимпіада Харитоновна! Вотъ вамъ Христосъ, если Агнія Парменовна удостоитъ—буду я имъ вѣрный слуга, и Евлампію Харитоновну успокою въ лучшемъ видѣ, и для васъ буду даже не какъ племянникъ, а какъ благодарный рабъ, можно сказать.

— Это хорошо, что ты чувствуешь. А только помни, отъ меня ты не укроешься, и въ обиду я тебѣ своихъ не дамъ.

— Зачѣмъ въ обиду? Помилуй Богъ! Неужто душа у меня собачья какая-нибудь? Такъ и собака хозяйскую руку лижетъ.

Простившись съ Поддужнымъ, Олимпіада Харитоновна тотчасъ же поѣхала къ сестрѣ.

„Вороватъ малый!—думала она про Ивана Ѳомича дорогою.— Да вѣдь по нашему торговому дѣлу иначе нельзя. Что же толку-то будетъ отъ рохли отъ какого-нибудь? Богъ милостивъ, все обладится. Какой ни есть, а жену да родныхъ дѣтокъ все-таки пожалѣетъ. Отъ нихъ никуда не уйдешь: свои!“

Ни въ сестрѣ, ни въ племянницѣ Олимпіада Харитоновна ни малѣйшаго противорѣчія не встрѣтила. Божья Коровка, узнавъ о согласіи Поддужнаго, стала даже креститься на икону съ радостными и благодарными слезами, а тихая Агнія молча поцѣловала у тетки руку, въ благодарность за ея заботу.

— Нравится ли онъ тебѣ?—спросила Изъянцева.

— Разумѣется, понравится, тетушка, если мужемъ будетъ. Развѣ я безсовѣстная какая или супротивница?

— Значитъ, ты довольна?

Агнія Парменовна опять горячо поцѣловала теткину руку.

— А что бы мы теперь съ маменькой безъ васъ придумали? Прямо сказать, извелись бы съ одного страха... Вѣчно буду Бога молить и за васъ, и за Ивана Ѳомича.

— Именно, именно такъ!—подтвердила Божья Коровка.

Олимпіада Харитоновна была даже искренно тронута безотвѣтностью и покорностью обѣихъ Иванцевыхъ.

— Готовьтесь же!—сказала она.—Завтра вечеромъ привезу его.

Ѳ. Ромеръ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА
ВЪ
ЮГО-ЗАПАДНОМЪ КРАѢ

По личнымъ воспоминаніямъ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ пору моей молодости, пришлось мнѣ стать однимъ изъ работниковъ крестьянскаго дѣла въ юго-западномъ краѣ. Дѣлу этому я послужилъ около восьми лѣтъ. Много слѣдовъ тогдашнихъ заботъ о крестьянскомъ устройствѣ уже стерлось. Пришлось мѣстному крестьянству пережить не мало вліяній позднѣйшихъ, рѣзко смѣнявшихся административныхъ вѣяній. Огромное большинство людей, съ которыми приходилось мнѣ встрѣчаться на этомъ поприщѣ, ушло уже въ могилу, и на обширномъ пространствѣ разныхъ губерній лишь кое-гдѣ теперь остались единицы изъ бывшихъ моихъ товарищей и вообще прилагавшихъ къ тогдашнему крестьянскому дѣлу свою руку. Обращаясь къ этому времени, приходится воскрешать въ своей памяти массу картинъ, положеній, портретовъ, характеристикъ и условій хода нашихъ административныхъ дѣлъ, причемъ выступаетъ кое-что свѣтлое и много оставившаго тяжелыя воспоминанія. Пережитая эпоха уже быльемъ поросла, и приходитъ время стать ей достояніемъ безпристрастной исторіи. Для послѣдней не мало осталось матеріаловъ печатныхъ и письменныхъ, только очень разбросанныхъ. Весьма возможно, что иные изъ сошедшихъ со сцены дѣятелей заготовили или гото-

вятъ свои мемуары, которые доскажутъ часть массы недосказаннаго. Передамъ и я сохранившееся въ моей памяти изъ видѣннаго, слышаннаго, перечувствованнаго и лично дѣланнаго, что не забылось въ теченіе тридцатилѣтняго періода.

Но прежде всего надо коснуться предшествовавшаго положенія юго-западнаго крестьянства, потому что безъ этого не такъ будетъ понятенъ разсказъ о томъ, чему я былъ свидѣтелемъ. Прошлое налагало извѣстную печать на весь характеръ крестьянскаго устройства въ шестидесятыхъ годахъ, во многомъ отличалось отъ бывшаго въ большинствѣ русскихъ губерній, и выясненіе его покажетъ, отъ какого положенія приходилось отправляться въ даль будущаго, съ какимъ наслѣдіемъ считаться и чѣмъ обусловливалось значеніе того или другого частнаго вопроса.

I.

Инвентарный періодъ.

Въ великороссійскихъ, малорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ до самаго 1861 года господствовало „чистое“ крѣпостное право, т.-е. личное безправіе крестьянъ и полная ихъ зависимость отъ помѣщиковъ въ хозяйственномъ отношеніи. Тутъ реформу пришлось осуществлять, такъ сказать, „на-бѣло“, не считаясь съ какою-либо предшествовавшею подготовкою, создавая на-ново и сельское общественное устройство, и условія земельнаго обезпеченія. Но въ юго-западномъ краѣ еще во второй половинѣ сороковыхъ годовъ введены были „инвентарныя правила“, представлявшія юридически нѣчто въ родѣ ограниченнаго крѣпостного права. Съ другой стороны, большія отличія представлялъ самый строй хозяйства и общественнаго быта крестьянъ, въ которомъ преобладало „личное“ начало. Не было тамъ общины, сходной съ великорусскою, и міръ—по мѣстному „громада“—не въ такой степени вліялъ на положеніе каждаго хозяина. Послѣдній владѣлъ своею усадьбою, полемъ и другими угодьями отдѣльно, не подвергаясь періодическимъ передѣламъ земли, и что у себя заводилъ—тѣмъ пользовался самъ, передавая унаслѣдованное и пріобрѣтенное своимъ дѣтямъ. Самые размѣры земельнаго владѣнія отдѣльныхъ крестьянъ однихъ и тѣхъ же селеній очень различались между собою.

Инвентарныя правила возникли по соображеніямъ политическимъ, да и не могли возникнуть иначе, такъ какъ, ограничивая

крѣпостное право, онѣ вовсе не гармонировали съ тогдашнимъ господствомъ его духа въ законодательствѣ, на практикѣ и въ понятіяхъ общества или, по крайней мѣрѣ, подавляющаго большинства послѣдняго. Помимо выгодности крѣпостного права для самаго вліятельнаго общественнаго класса, поставлявшаго и государственныхъ людей, въ этомъ правѣ видѣли тогда и основу государственнаго порядка. Я видѣлъ крѣпостное право въ своемъ дѣтствѣ и будучи подросткомъ, такъ какъ самъ принадлежалъ къ помѣщичьей семьѣ херсонской губерніи и постоянно вращался среди окрестныхъ помѣщиковъ. Когда и теперь приходится вспоминать то время—морозъ деретъ по кожѣ отъ представленія разныхъ ужасовъ и той умственной и нравственной темноты, въ которой атмосфера крѣпостного права держала даже образованныхъ людей. Не буду останавливаться здѣсь на примѣрахъ жестокости, которыхъ въ памяти сохранилось довольно, но припомню, какъ относились къ этому дѣлу помѣщики, считавшіеся добрыми. Въ дѣтствѣ, даже раннемъ, я не особенно любилъ компанію сверстниковъ, больше предпочитая прислушиваться къ разговорамъ взрослыхъ, и помню, какъ разсуждали сравнительно лучшіе наши сосѣди. При разсказахъ о случаяхъ жестокости, они возмущались, рѣзко осуждали дурныхъ помѣщиковъ и не разъ заговаривали на тему о несчастномъ положеніи мужика: какова, молъ, жизнь его, когда онъ ни на одинъ день не можетъ быть спокоенъ за себя, не огражденъ въ своихъ семейныхъ правахъ и лишенъ даже побужденій къ улучшенію своего благосостоянія, зная, что завтра же у него могутъ отнять все, и не найдетъ онъ рѣшительно нигдѣ никакой защиты!—Положимъ, говорили, мужикъ грубъ, лукавъ, пьянствуетъ, однако, какъ ему и не пить, когда это даетъ ему хоть минуту забвенія, безъ которой онъ чувствуетъ только безконечный рядъ черныхъ дней, не выходитъ изъ состоянія постоянныхъ тревогъ, а въ перспективѣ у него часто—одна безпомощная старость и смерть гдѣ-нибудь въ заброшенномъ углу или на работѣ, при полномъ сознаніи, что ту же чашу будетъ пить и его потомство.—Однако, когда отъ такихъ жалостливыхъ мыслей разговоръ переходилъ къ практическимъ выводамъ, тутъ сейчасъ же сказывалось полное безсиліе творчества.—Что жъ, надо „освободить“, что-ли?—Но это вызывало рѣзкій отрицательный отвѣтъ:—Нѣтъ, прекратить крѣпостного права нельзя, какой тогда будетъ порядокъ! Помѣщики разорятся, а народъ самъ собою управиться не съумѣетъ, и выйдетъ одинъ хаосъ: крѣпостное право должно сохраниться, оно нужно не только для помѣщиковъ, но и для го-

сударства; надо только, чтобы помѣщики лучше понимали, что нельзя съ своими людьми слишкомъ дурно обращаться. Потолкуютъ и успокоятся на чемъ-нибудь въ родѣ древней теоріи, что надо прежде образовать мужика, а когда онъ просвѣтится, —ну, тогда можно будетъ ему и волю дать. Основа тогдашняго деревенскаго строя представлялась незыблемою, вѣчною, и хотя періодически возникали слухи о возможности правительственныхъ освободительныхъ вѣяній, но къ послѣднимъ относились какъ къ чему-то несерьезному, преходящему, что не выдержитъ критики при первомъ приступѣ и вызоветъ лишь отрезвленіе мечтателей. Законъ, запрещавшій крѣпостному человѣку даже приносить жалобы на злоупотребленія владѣльцевъ, показывалъ, каково отношеніе къ данному вопросу въ высшихъ сферахъ, а смѣлая практика крѣпостного права еще болѣе убѣждала не только въ его прочности, но и въ безнаказанности всякихъ злоупотребленій. Много мнѣ приходилось слышать о послѣднихъ, но помню только одинъ примѣръ кары за злоупотребленія, постигшей въ началѣ пятидесятыхъ годовъ херсонскаго помѣщика Карцева, подвиги котораго выходили уже изъ всякихъ границъ, причемъ, за недосмотръ, преданы были суду два уѣздныхъ предводителя, два исправника и становые пристава. Словомъ, атмосфера крѣпостного права была сплошная, плотная, безпросвѣтная, и вдругъ среди нея появляется извѣстіе, что въ сосѣднихъ, юго-западныхъ губерніяхъ вводится ограниченіе крѣпостного права, въ видѣ какихъ-то загадочныхъ „инвентарныхъ правилъ"!

Дѣло, конечно, было въ томъ, что огромное большинство помѣщиковъ юго-западнаго края составляли поляки, а крестьянское населеніе тамъ—русское. Полякамъ, особенно при свѣжей памяти о 1831 годѣ, не довѣряли политически, и оставлять въ ихъ рукахъ власть надъ благонадежною массою населенія, на которую правительство всего болѣе могло опираться, признано было неудобнымъ, несправедливымъ. Національная, политическая сторона дѣла взяла верхъ. Она и дѣйствительно бросалась въ глаза. Помню, какъ, еще будучи мальчикомъ, посѣщая сосѣднія мѣстности кіевской губерніи и подъ вліяніемъ уроковъ русской исторіи, я невольно задавался вопросомъ: вотъ, возстаніе Хмельницкаго выставляется въ самомъ симпатичномъ видѣ, какъ дѣло народнаго освобожденія; защита императрицею Екатериною православнаго населенія западнаго края и послѣдующее присоединеніе его къ Россіи тоже выставляется освобожденіемъ народа отъ чуждой власти; но гдѣ же это освобожденіе, когда вотъ предо мною тотъ же русскій человѣкъ, Антипъ или Ерема, на-

ходятся въ полнѣйшей зависимости отъ польскаго владѣльца, который можетъ сдѣлать съ нимъ, что захочетъ, находя для себя опору въ русскомъ же законѣ и властяхъ? Какъ согласить уроки исторіи съ видимою дѣйствительностью, и не очевидно ли, что гдѣ-то есть тутъ большая ложь? Отвѣта я такъ и не доискался, но сходныхъ недоразумѣній возникало не мало и впослѣдствіи. Какъ бы то ни было, однако, но въ сороковыхъ годахъ состоялся первый шагъ къ ограниченію крѣпостного права. Политическія соображенія вызвали рѣшимость прикоснуться къ тому, что большинствомъ помѣщиковъ считалось своего рода святынею, хотя въ этомъ же шагѣ сказались и правительственныя колебанія, и двойственность стремленій, и обычныя свойства полумѣръ, и полная необезпеченность того, что, повидимому, старались ввести въ жизнь, при тогдашнемъ общественномъ и административномъ строѣ.

Въ апрѣлѣ 1844 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи въ девяти западныхъ губерніяхъ особыхъ комитетовъ для составленія и разсмотрѣнія „инвентарей". Каждый комитетъ долженъ былъ состоять, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ нѣсколькихъ губернскихъ чиновниковъ, уѣзднаго предводителя губернскаго города и трехъ приглашенныхъ губернаторомъ помѣщиковъ. Въ обязанность этимъ комитетамъ вмѣнялось истребовать отъ помѣщиковъ инвентари, исправить ихъ и дополнить. Каждый инвентарь, представляя хозяйственныя данныя по имѣнію, главнымъ образомъ, долженъ былъ опредѣлять размѣръ крестьянскихъ повинностей и земельное пользованіе крестьянъ. По окончаніи трудовъ комитетовъ и разсмотрѣніи представленныхъ соображеній, предполагалось установленіе правительствомъ „полныхъ и положительныхъ правилъ" о порядкѣ введенія инвентарей.

Въ то время генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ былъ извѣстный Д. Г. Бибиковъ, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ императора Николая Павловича. Человѣкъ онъ былъ умный, строгій, настойчивый, властолюбивый и державшійся опредѣленныхъ взглядовъ на политическія задачи края. О проявленіяхъ всѣхъ этихъ свойствъ сохранилось въ краѣ не мало характерныхъ преданій и много анекдотовъ. Но, съ другой стороны, указывали и на недостатки Бибикова: излишнюю крутость и слабость къ такимъ изъ окружающихъ лицъ, которыя вовсе не заслуживали его довѣрія и снисходительности, умѣя только искусно пріобрѣтать его благоволеніе неразборчивыми средствами. Между ними преимущественно называли правителя его канцеляріи, Пи-

сарева, вліяніе котораго объясняли даже какими-то интимными, закулисными причинами. При Бибиковѣ были составлены инвентарныя правила, при немъ же онѣ и зводились, такъ что вообще онъ въ очень значительной мѣрѣ наложилъ на это дѣло свою руку.

Задача представлялась двойственная: сохранить крѣпостной принципъ и ограничить помѣщичью власть. Насколько значительны были опасенія и колебанія, показываетъ нерѣшительность перваго шага. Какъ ни существенно затрогивались проектомъ инвентарныхъ правилъ прежнія помѣщичьи права, этотъ проектъ не проводился обычнымъ законодательнымъ порядкомъ. Подписанъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Перовскимъ и генералъ-губернаторомъ Бибиковымъ, а затѣмъ сдѣлана была на немъ лишь надпись, означавшая, что государь императоръ „разсматривалъ“ его 26-го мая 1847 года. Не было даже прямо сказано, что проектъ утверждается. Тѣмъ не менѣе, новыя правила стали вводиться въ дѣйствіе. Только спустя слишкомъ полтора года, 29-го декабря 1848 года, когда они уже введены были фактически, новая редакція ихъ была прямо „утверждена“. Теперь надо объяснить сущность этого ограниченія крѣпостного права.

Инвентарныя правила главнымъ образомъ *закрѣпляли* существовавшее крестьянское пользованіе землею и *нормировали* крестьянскія повинности въ пользу помѣщиковъ. Въ отношеніи къ землѣ не вводилось ничего новаго. Не было никакихъ теоретическихъ построеній, не выводились ни степень нужды крестьянъ въ землѣ, ни отношеніе земельнаго пользованія къ повинностямъ, а просто удерживалось то положеніе, какое существовало въ каждомъ имѣніи и должно было означаться въ предварительно истребованныхъ статистическихъ описаніяхъ имѣній. Крестьянская земля объявлена была неприкосновенною, неподлежащею ни уменьшенію, ни принудительнымъ перемѣнамъ. Порядокъ же распредѣленія ея былъ такой, что участки отдѣльныхъ дворовъ отличались большою неравномѣрностью. Крестьяне раздѣлялись на нѣсколько разрядовъ, между которыми главными были: „огородники“, „пѣшіе“ и „тяглые“. Первые владѣли только усадьбами безъ поля, хотя усадьбы эти бывали иногда очень значительны. „Пѣшіе“ имѣли усадьбы и полевой надѣлъ, размѣры котораго въ каждомъ имѣніи держались однообразной нормы (хотя могли отличаться отъ нормъ даже сосѣднихъ имѣній), а „тяглые“ владѣли двойнымъ противъ пѣшихъ размѣромъ полевой земли. Кромѣ того, встрѣчались кое-гдѣ еще высшіе раз-

ряды: „паровые“, „полторачные“ и „плуговые“, имѣвшіе полевой земли въ полтора раза, вдвое и т. д. противъ тяглыхъ. Неимѣвшіе земли вовсе, т.-е. проживавшіе въ чужихъ дворахъ, назывались „бобылями“. Дворовые, какъ помѣщичья прислуга, составляли особый безземельный разрядъ. Въ каждомъ статистическомъ описаніи означалось число крестьянъ каждаго изъ упомянутыхъ разрядовъ съ поименнымъ спискомъ ихъ и указаніемъ, какими угодьями и въ какомъ размѣрѣ крестьяне каждаго разряда пользуются.

Весь этотъ порядокъ утверждался инвентарными правилами, причемъ запрещалось какъ отнятіе, такъ и перемѣна крестьянскихъ земель. Лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ, и то по добровольному соглашенію съ крестьянами и „съ вѣдома начальства“, дозволялось замѣнять одни участки другими, того же размѣра и качества, но только въ самыхъ малыхъ частяхъ, въ видѣ исключенія, а не въ смыслѣ перемѣны общаго состава надѣла. Другое исключеніе допускалось въ виду возможности хозяйственнаго упадка отдѣльныхъ дворовъ. При оскудѣніи крестьянскаго двора рабочими руками или скотомъ, т.-е. при невозможности для тяглаго удержать двойной участокъ, а для пѣшаго—поддерживать какое бы то ни было полевое хозяйство, покидаемые ими участки, считаясь по прежнему въ составѣ неприкосновеннаго мірского владѣнія и подлежа передачѣ другимъ, болѣе способнымъ дворамъ, могли поступать во временное распоряженіе помѣщиковъ. Такіе участки получали названіе „вакансовъ“.

Новыя правила, такимъ образомъ, не шли дальше охраны наличнаго крестьянскаго землепользованія и подворнаго его распредѣленія. Велико или мало было это землепользованіе—оно, безъ всякой критики, оставлялось на будущее время, причемъ оставлялись и лазейки для обхода правилъ. Конечно, достаточно было допущенія какого-нибудь маленькаго исключенія, чтобы вызвать на практикѣ попытки къ обращенію его, по возможности, въ общее правило. Перейдемъ теперь къ повинностямъ.

Размѣръ повинностей также ставился въ зависимость отъ дѣленія крестьянъ на упомянутые разряды. Тяглые обязаны были, по инвентарнымъ правиламъ, тремя днями мужской работы въ недѣлю, со своимъ рабочимъ скотомъ, и однимъ днемъ женской барщины. Пѣшимъ назначено было два дня въ недѣлю мужской барщины, со своими земледѣльческими орудіями, и одинъ день женской работы. Огородники подлежали уплатѣ денежнаго оброка или 24 днямъ работы въ годъ. Даже для бобылей, вовсе землею

не пользовавшихся, установленъ былъ годовой оброкъ отъ 1 рубля 50 к. до 2 р. 50 к.

Такими повинностями, однако, дѣло не ограничивалось и къ нимъ присоединялись еще добавочныя. Каждый способный работникъ обязанъ былъ отбывать въ теченіе года двѣнадцать рабочихъ дней, называвшихся „сгонными", причемъ такихъ дней помѣщикъ могъ требовать по одному въ недѣлю, а въ случаѣ *соглашенія* съ крестьянами допускалось и два дня. За эти дни полагалась плата: тяглому отъ 10 до 15 копѣекъ, а пѣшему и женщинѣ—отъ $7^1/_2$ до 10 копѣекъ въ день. Работа эта принадлежала къ числу особенно отяготительныхъ, такъ какъ полагалась она въ лѣтнее время, т.-е. въ страдную пору. Тяжело было отработывать и по одному дню сверхъ барщины въ столь горячее время, но допущеніе двухъ дней въ недѣлю заходило уже очень далеко. Правда, для этого допущенія требовалось правилами соглашеніе, но что значили соглашенія при крѣпостномъ правѣ? Выходило въ результатѣ, что, напр., тяглый въ страдную лѣтнюю пору долженъ былъ изъ шести рабочихъ дней недѣли, за вычетомъ праздниковъ, отбывать владѣльцу три дня барщины со скотомъ, да два дня сгонныхъ, и того—пять дней, оставляя для себя одинъ. А когда на этотъ послѣдній день приходился праздникъ, то мужику для своихъ работъ не оставалось уже ничего. Если отбывалось по два сгонныхъ дня, то всей суммы сгонныхъ дней (12) хватало на шестинедѣльный періодъ, охватывающій все время уборки. Кто могъ въ дѣйствительности добровольно соглашаться на подобное увеличеніе сгонныхъ дней? Положимъ, за эти дни полагалась особая денежная плата, но приведенные выше размѣры ея показываютъ, какъ она была ничтожна, несмотря даже на то, что въ ту пору деньги цѣнились гораздо больше, чѣмъ теперь. Ходили очень распространенные слухи, что опредѣленіе размѣра этой платы было результатомъ большихъ помѣщичьихъ хлопотъ въ генералъ-губернаторской канцеляріи, управлявшейся Писаревымъ.

Слѣдующею добавочною повинностью являлись такъ называемые „строительные" дни (починка мельницъ, мостовъ, плотинъ, хозяйственныхъ построекъ и т. под.). Такихъ дней полагалось по восьми въ годъ съ каждаго хозяйства и назначеніе ихъ мотивировалось тѣмъ, что они отбываются за особыя предоставляемыя крестьянамъ выгоды, только безъ точнаго опредѣленія, въ чемъ состоятъ эти выгоды. Третьею добавочною повинностью являлось отбытіе въ году 24 ночныхъ карауловъ при помѣщичьемъ хозяйствѣ, обязательныхъ для каждаго крестьянскаго двора.

Власть помѣщика надъ личностью крестьянина сохранялась, подвергнутая лишь нѣкоторому нормированію. Такъ называемыя „исправительныя“ наказанія, т.-е. тѣлесныя, оставлялись въ его волѣ и въ волѣ его уполномоченныхъ: управляющихъ, приказчиковъ, экономовъ и т. под. Для каждаго изъ нихъ опредѣлялось въ инвентаряхъ право на назначеніе извѣстнаго числа ударовъ; встрѣчалось въ инвентаряхъ и запрещеніе прибѣгать къ прежнимъ, черезчуръ жестокимъ наказаніямъ, въ родѣ заключенія въ подземелья, заковыванія въ цѣпи и т. под.

Таковы были главныя черты инвентарныхъ правилъ. На основаніи ихъ, каждому имѣнію составленъ былъ особый „инвентарь“, въ которомъ подробно указывались: землепользованіе крестьянъ, ихъ повинности, число тяглыхъ, пѣшихъ и огородничныхъ дворовъ, степень власти помѣщиковъ и т. д. Въ инвентарѣ помѣщались и поименные списки крестьянъ каждаго разряда. Затѣмъ каждый инвентарь представлялся на утвержденіе генералъ-губернатора и всѣ они помѣчены были собственноручною утвердительною надписью Д. Г. Бибикова. Мелкая подпись его съ маленькою буквою вмѣсто прописной въ началѣ фамиліи значилась и на краткихъ инвентарныхъ выписяхъ, оставлявшихся въ дѣлахъ губернскихъ инвентарныхъ комитетовъ, какіе занимались предварительною провѣркою инвентарей. Однако, всѣ эти надписи и подписи не имѣли безусловно утвердительнаго характера. Въ текстѣ надписи значилось только, что инвентарь утверждается во всемъ томъ, что согласуется съ установленными правилами. Недовѣріе къ правильности инвентарей и вѣрности заключающихся въ нихъ данныхъ сказывалось тутъ довольно ясно и притомъ не было чуждо основательности, какъ выяснилось впослѣдствіи, при болѣе серьезныхъ повѣркахъ. Въ сущности, означенная выше надпись была только удостовѣреніемъ, что инвентарь доходилъ до генералъ-губернаторскаго разсмотрѣнія, но опредѣленнаго юридическаго значенія, при условности или уклончивости ея содержанія, имѣть она не могла. Вѣдь что согласно съ правилами, то и безъ утвержденія крѣпко, а что несогласно — не подкрѣпляется и условнымъ утвержденіемъ, слѣдовательно допускаетъ отмѣну и поправки.

Не трудно видѣть, какъ далеки были инвентарныя правила отъ чего-нибудь дѣйствительно освободительнаго, отъ выраженія настоящей заботливости о сколько-нибудь прочномъ, экономически удовлетворительномъ крестьянскомъ устройствѣ. Не было никакихъ разсчетовъ ни необходимаго для крестьянъ количества земли, ни соотвѣтствія землепользованія и др. выгодъ—размѣру повин-

ностей. Нормы этихъ повинностей для всѣхъ крестьянъ каждаго разряда были одинаковы, а въ отношеніи къ землепользованію все сводилось къ закрѣпленію существовавшаго порядка и формальному запрещенію уменьшать или обмѣнивать крестьянскіе участки. Нельзя даже сказать, чтобы подобное закрѣпленіе исходило изъ увѣренности, что существовавшіе размѣры крестьянскаго землепользованія, какъ установившіеся путемъ долгаго опыта, сами-по-себѣ указывали, что̀ именно нужно для обезпеченія крестьянскаго быта. Слишкомъ ужъ рѣзко бросалось въ глаза различіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ. Въ одной и той же мѣстности, при совершенно одинаковыхъ почвенныхъ и иныхъ хозяйственныхъ условіяхъ, въ одномъ имѣніи „пѣшій" участокъ (а въ зависимости отъ него и тяглые и иные) заключалъ въ себѣ 6 морговъ земли, или 3 дес. 702 саж. (моргъ равенъ былъ 1.317 кв. саж.), а въ другомъ — 8 или 9 морговъ. Встрѣчались даже четырехморговые надѣлы. Такимъ образомъ одно и то же количество барщинныхъ, сгонныхъ и строительныхъ дней и ночныхъ карауловъ въ одномъ селеніи отбывалось за 6 морговъ земли, а въ другомъ недалекомъ — за 9 или за 4 морга. Какое же тутъ соотвѣтствіе или одинаковость обезпеченія? Всѣ эти различія являлись послѣдствіемъ не хозяйственныхъ мѣстныхъ условій, а одной воли прежнихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ одни были снисходительнѣе, а другіе — притѣснительнѣе для крестьянъ. Иначе сказать, плоды доброй или недоброй личной воли въ давнемъ прошломъ получали въ инвентарныхъ правилахъ узаконеніе, безъ всякой ихъ критики по существу.

Ясно, что основнымъ элементомъ правилъ было опредѣленіе *повинностей*, а за что̀ онѣ отбывались — это ставилось на второй планъ. Да и въ отношеніи къ повинностямъ большой заботливости или критики замѣтно не было, какъ это показываетъ приведенный выше размѣръ ихъ. Въ эпоху общаго господства идеи крѣпостного права, даже казавшіяся тогда очень рѣшительными правительственныя мѣры неспособны были идти дальше поверхностной нормировки и положенія предѣла эксцессамъ практическаго примѣненія этого права.

Надо сказать еще нѣсколько словъ о самой физіономіи крестьянскаго поземельнаго устройства, съ какою считались правила. Мы уже выше замѣтили, что въ краѣ господствовало строго подворное начало. Но подворность эта не доходила до отвода всего владѣнія въ одномъ мѣстѣ. Въ черноземной мѣстности, охватывающей бо̀льшую часть края (всю подольскую губернію,

кіевскую за исключеніемъ сѣверной части и юго-востокъ волынской), обычный порядокъ былъ такой: господство трехпольной системы; въ каждой изъ трехъ полевыхъ смѣнъ тяглые и пѣшіе хозяева имѣли по участку; кромѣ того, во многихъ имѣніяхъ крестьянамъ отведена была еще сѣнокосная „рука" (смѣна), гдѣ крестьянинъ имѣлъ такой же величины участокъ, какъ и въ полевой смѣнѣ, но большею частію сѣнокосъ отведенъ былъ въ помѣщичьемъ лѣсу, гдѣ, слѣдовательно дерево принадлежало помѣщику, а трава—крестьянамъ. Происходило ли это отъ сравнительной тѣсноты населенія, отъ недостаточности расчищенныхъ подъ поле пространствъ и обилія лѣсовъ, но порядокъ этотъ создался задолго до инвентарныхъ правилъ и удержался въ послѣдующее время. Такимъ образомъ, одни крестьяне имѣли поле и сѣнокосъ, другіе—только поле. Вообще, крестьянскія полевыя смѣны имѣли почти тотъ же видъ, какъ и въ другихъ плодородныхъ мѣстностяхъ Россіи: большой кусокъ земли, нарѣзанный на длинныя и узкія полоски, только полоски эти не подвергались передѣламъ, какъ при общинномъ владѣніи. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ порядокъ этотъ осложнялся еще тѣмъ, что между крестьянскими полосками помѣщались полоски такъ называемой „чиншевой шляхты" — людей, не причислявшихся къ крестьянамъ, и оффиціально представлявшихъ совсѣмъ отдѣльныя сословія: „западныхъ однодворцевъ" и „гражданъ". На земли этихъ послѣднихъ инвентарныя правила не распространялись, и они, имѣя совершенно такое же землепользованіе, какъ крестьяне, т.-е. участки такого же размѣра и расположенія, платили помѣщикамъ „чиншъ", т.-е. оброкъ. Права ихъ имѣли особое происхожденіе, котораго мы здѣсь касаться не будемъ. Усадьбы отличались крайнимъ разнообразіемъ, не только каждая относительно сосѣдней, но и по цѣлымъ деревнямъ. Здѣсь тѣсная постройка, при которой во дворѣ едва помѣщается небольшая хатка, да какой-нибудь сарайчикъ, а тамъ — кромѣ построекъ, есть большіе огороды, сады, цѣнные заливные капустники и т. д. Бывали усадьбы даже въ 2 или 3 десятины.

Наконецъ, встрѣчалась еще одна серьезная особенность. Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ отдѣльные крестьяне, кромѣ усадьбы и поля, а иногда и сѣнокоса, пользовались отдѣльными участками, представлявшими или лужокъ (леваду), или цѣнный садъ, причемъ многіе сады помѣщались среди помѣщичьихъ лѣсовъ. Владѣніе подобнаго рода установилось въ очень давнее время. Тотъ или другой крестьянинъ расчищалъ лѣсной участокъ или поляну, разводилъ тамъ садъ, и подобный участокъ переходилъ отъ одного

поколѣнія къ другому. Сады разводились очень заботливо и иные представляли большую цѣнность, доходя до 3 и 4 десятинъ и заключая въ себѣ прекрасныя плодовыя деревья, приносившія своимъ хозяевамъ хорошій доходъ. Крестьянинъ не разъ объяснялъ, что садомъ пользовались его предки еще съ „антенату“ (очевидно съ латинскаго ante-natu, т.-е. до рожденія), что дѣдъ и прадѣдъ его „выкохали“ (взлелѣяли) этотъ садъ, положивъ на него массу труда. И точно, давность происхожденія этого владѣнія нерѣдко была очевидна. Не могли такъ развести садовъ въ какія-нибудь 10—20 лѣтъ, а кромѣ того у многихъ крестьянъ я находилъ старинныя записи, изъ которыхъ было видно, что помѣщикъ признавалъ подобные сады неотъемлемою принадлежностью даннаго крестьянина, что крестьяне перепродавали подобные сады одинъ другому, какъ личное свое владѣніе. Въ иныхъ селеніяхъ подобными участками владѣли немногія единицы, но встрѣчались даже большія селенія, гдѣ такіе участки имѣли десятки и сотни крестьянъ. Явленіе это очевидно было одною изъ особенностей края, выросшею изъ давнихъ условій и обычаевъ мѣстнаго сельскаго строя. Ближайшіе къ инвентарному времени помѣщики большею частію или поддерживали результатъ стараго обычая или уничтожали его по крѣпостному праву, не заводя подобныхъ владѣній вновь.

На основаніи инвентарныхъ правилъ, всѣ упомянутые виды землепользованія, какъ застигнутые моментомъ введенія означенныхъ правилъ, подходили къ категоріи неприкосновенныхъ и подлежали внесенію въ „инвентарь“ каждаго имѣнія, гдѣ подобныя владѣнія встрѣчались. Но на дѣлѣ инвентари во многихъ случаяхъ отступали отъ вѣрнаго изображенія дѣйствительности, частію по недоразумѣнію, частію по небрежности составленія, частію же въ прямомъ разсчетѣ ослабить практическое значеніе объявленной неотъемлемости крестьянскаго владѣнія. Существовало мнѣніе, что если та или другая земля въ инвентарь не запишется, то на нее и не распространится начало неотъемлемости. Хотя во многихъ имѣніяхъ, особенно въ крупныхъ, были хорошіе планы частной работы (генеральнаго межеванія въ краѣ не было), но въ нѣкоторыхъ измѣреній вовсе не производилось. Въ иныхъ инвентаряхъ пѣшій участокъ показывался въ 6 морговъ (3 д. 702 саж.), тогда какъ на дѣлѣ было 7 или даже больше. Одно уже это оправдывало условность утвержденія отдѣльныхъ инвентарей Д. Г. Бибиковымъ. Какъ утверждать окончательно, безъ увѣренности, что въ инвентарѣ все показано вѣрно? Пропуски въ особенности относились къ участкамъ, какими пользовались

крестьяне сверхъ однообразныхъ нормъ пѣшаго или тяглаго надѣла, т.-е. къ садамъ, левадамъ и т. под. Въ одни инвентари эти участки попадали, въ другихъ совсѣмъ о нихъ не упоминалось, и тутъ даже съ формальной стороны облегчалась возможность нарушенія неотъемлемости мірской земли. Не мало такихъ владѣній было отобрано отъ крестьянъ послѣ инвентарей, но нѣкоторые удержались въ ихъ рукахъ и до полной крестьянской реформы.

Итакъ крестьянское землепользованіе, застигнутое введеніемъ инвентарныхъ правилъ, составляли: 1) усадьбы (по мѣстному „садыбы“) разной величины и цѣнности; 2) полевые участки, составлявшіе одинъ или нѣсколько пѣшихъ надѣловъ у отдѣльнаго крестьянина; 3) сѣнокосные участки въ помѣщичьемъ лѣсу или внѣ его; и 4) отдѣльные участки нѣкоторыхъ крестьянъ внѣ однообразныхъ нормъ, представлявшіе особенность меньшинства имѣній. Понятно, что съ этимъ соединялось и большое черезполосье между помѣщичьими и крестьянскими землями, но въ до-инвентарное время оно не считалось большимъ неудобствомъ, во-первыхъ, вслѣдствіе примитивности тогдашняго хозяйства, при которомъ дальше трехполья шелъ очень рѣдкій помѣщикъ, во-вторыхъ — въ силу власти помѣщиковъ надъ крестьянами, и въ третьихъ — потому, что очень часты были въ ту пору крайніе виды черезполосья и между помѣщичьими имѣніями, особенно тамъ, гдѣ дѣлились многіе наслѣдники или имѣніе дробилось, по старымъ мѣстнымъ законамъ, между кредиторами разорившагося владѣльца.

Когда инвентарныя правила начали вводиться, это нѣсколько встревожило и сосѣднихъ съ юго-западнымъ краемъ помѣщиковъ. Помню разговоры по этому предмету въ херсонской губерніи. „Ужъ не прикосновеніе ли это къ крѣпостному праву?—задавался вопросомъ какой-нибудь помѣщикъ.—Вѣдь такъ, пожалуй, и до насъ дойдетъ очередь!“ Однако опасенія держались очень недолго. На небосклонѣ не показывалось ничего въ смыслѣ территоріальнаго расширенія инвентарнаго принципа, и скоро всѣ успокоились мыслью: „Ну, все это оттого, что тамъ помѣщики—поляки“.

Фактическое введеніе инвентарей, какъ водится, не обошлось безъ большихъ недоразумѣній, нерѣдко приводившихъ къ „усмиреніямъ“ цѣлыхъ селеній, и неразлучнымъ съ ними экзекуціямъ. Я былъ въ ту пору еще очень небольшимъ мальчикомъ, но помню такія картины, представлявшіяся при проѣздѣ черезъ то или другое селеніе сосѣдней кіевской губерніи. Стоитъ на помѣщичьемъ крыльцѣ какой-то чиновникъ, одѣтый въ форменный сюртукъ съ

краснымъ воротникомъ и имѣя на головѣ фуражку съ краснымъ околышкомъ, а предъ нимъ—толпа крестьянъ. Чиновникъ что-то грозно внушаетъ, кричитъ и размахиваетъ руками. Что именно онъ внушалъ — этого я понимать не могъ, но по внѣшности и разсказамъ составлялось у меня впечатлѣніе, что видѣнная сцена— одинъ изъ эпизодовъ воздѣйствія исправника на непокорный, бунтливый народъ. Мѣстное начальство въ ту пору бывало на содержаніи помѣщиковъ, получая отъ нихъ дани и продуктами, и чѣмъ-то въ родѣ жалованья, и въ видѣ поднесеній въ чрезвычайныхъ случаяхъ, слѣдовательно все это отражалось на характерѣ упомянутыхъ внушеній. Безъ „недоразумѣній“ при введеніи такой полумѣры, какъ инвентарныя правила, конечно обходиться не могло, такъ какъ тутъ соединялись самыя разнородныя вліянія: и сочетаніе чего-то освободительнаго съ охраною помѣщичьей власти, и поползновенія къ искаженію дѣйствія правилъ, и поголовная безграмотность крестьянскаго населенія.

Скоро дѣло дошло и до большихъ волненій. Помню, какъ въ 1848 году появились у насъ слухи, что сосѣдніе, кіевскіе мужики „бунтуютъ“, а затѣмъ пошли разсказы и объ опытахъ усмиренія. Инвентарнымъ правиламъ въ ту пору никто не сочувствовалъ ни на мѣстѣ ихъ приложенія, ни въ сосѣдствѣ (не говоримъ о самихъ крестьянахъ). Наши херсонскіе помѣщики находили въ этихъ правилахъ какое-то напрасное баловство, путаницу отношеній и даже опасность. Чиновники, издавна привыкшіе къ строгимъ порядкамъ, тоже относились къ правиламъ неодобрительно, находя въ нихъ безпокойное новшество, дающее поводъ къ недовольствамъ и колебанію принципа безмолвнаго повиновенія. Вообще, въ тогдашнихъ „общественныхъ“ кругахъ смотрѣли на появленіе у темной подчиненной массы какихъ-то „правъ“ и возможности чего-то требовать, какъ на весьма рискованный опытъ. Въ обыкновеннѣйшихъ проявленіяхъ права видѣли своеволіе, которое надо въ каждомъ случаѣ скорѣе подавлять самыми рѣшительными мѣрами; въ несогласіи даже на очень притѣснительныя требованія усматривали бунтъ, и исторіи о бунтахъ раздувались искусственно. Неудивительно потому, что разсказы о волненіяхъ кіевскихъ крестьянъ вызывали какое-то злорадство, соединенное съ желаніемъ такихъ строгихъ усмиреній, которыя бы надолго гасили въ нихъ „непокорный духъ“.

За слухами о волненіяхъ выступили разсказы о посылкѣ въ непокорныя селенія военныхъ отрядовъ для усмиренія и расправы. И расправы бывали жестокія. То-и-дѣло слышалось, что тамъ-то пересѣкли чуть не все село, тамъ-то наказали „зачин-

щиковъ“; здѣсь всѣ уже приведены въ покорность, а въ другомъ, уже наказанномъ селеніи опять проявляется вредный духъ, обѣщающій новое усмиреніе съ экзекуціею. Иные изъ нашихъ сосѣдей съ торжествомъ и веселыми насмѣшками разсказывали, какъ въ той или другой деревнѣ жестоко расправились съ позволявшими себѣ много разговаривать, и какъ они, истерзанные, потомъ должны были выражать покорность, просить у начальства и помѣщиковъ прощенія и благодарили „за науку“. Для созерцанія картины экзекуцій призывались и представители сосѣднихъ селеній, получавшіе тутъ внушеніе:—не будете покорны—и вамъ то же будетъ! Въ одно селеніе посланъ былъ для усмиренія кавалерійскій эскадронъ, командиръ котораго извѣстенъ былъ самымъ суровымъ обращеніемъ съ солдатами, и говорили, что выборъ этого эскадрона сдѣланъ былъ однимъ изъ начальствующихъ генераловъ именно по соображенію свойствъ упомянутаго командира. „Ну, если посылать,—говорилъ, по разсказамъ, съ веселою улыбкою генералъ,—такъ послать эскадронъ К—я. Этотъ К—ь очень любитъ драться, надо дать ему пріятную практику, ужъ онъ-то распорядится въ лучшемъ видѣ, будутъ его помнить!“ Въ критику поводовъ къ волненіямъ или порядка разбора претензій, сколько помню, не вдавался никто, требовали только покорности. Вотъ чѣмъ съ самаго начала сопровождалось введеніе той мѣры, которая формально направлялась къ облегченію сельскаго населенія, и это, разумѣется, въ свою очередь, не оставалось безъ вліянія на фактическое соблюденіе инвентарныхъ правилъ. Въ сосѣдствѣ наказанныхъ селеній меньше нужно было церемониться съ этими правилами.

Введеніе наконецъ состоялось, недоразумѣнія и волненія какъ будто затихли или стали проявляться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Снаружи казалось, что все пришло въ порядокъ. Но чѣмъ обезпечивалось соблюденіе инвентарныхъ правилъ помѣщиками на практикѣ? По ихъ тексту, за исполненіемъ ихъ должно было „строго наблюдать мѣстное начальство“; виновные въ нарушеніи ихъ обрекались „взысканіямъ на основаніи общихъ законовъ“, безъ указанія однако—какихъ именно законовъ, а ближайшій надзоръ возлагался на уѣздныхъ предводителей и земскихъ исправниковъ, обязанныхъ „отвѣтствовать“, какъ за непринятіе мѣръ пресѣченія, такъ и за недоведеніе о случаяхъ нарушеній до свѣдѣнія начальства. Понятно, что такія гарантіи не представляли ничего серьезнаго. Упоминанія объ общихъ законахъ и отвѣтственности являлись какими-то общими мѣстами, неопредѣленными выраженіями, помѣщенными какъ бы ради приличія. Уѣздные предво-

дители не могли строго наблюдать за своими сосѣдями, ихъ избирателями, какъ въ силу сословной солидарности, общественныхъ отношеній и общаго несочувствія къ непріятной выдумкѣ,—какою большинству представлялись новыя правила,—такъ и потому, что иные предводители сами были заинтересованы въ нарушеніи этихъ правилъ. А на земскую полицію полагаться было не больше основаній. Получая дани и не видя ни откуда поддержки правиламъ, она встрѣчала только одобренія каждой своей поблажкѣ нарушеніямъ,—значитъ, ей оставалось заботиться лишь о томъ, чтобы не выходило какихъ-нибудь слишкомъ выходящихъ изъ ряда происшествій, способныхъ вызвать громкій скандалъ и служебныя непріятности. Инціаторъ инвентарныхъ правилъ, Д. Г. Бибиковъ, будучи, вслѣдъ за введеніемъ ихъ, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, оставилъ край, и его смѣнило болѣе мягкое, по тогдашнимъ отзывамъ, управленіе, причемъ эта мягкость чувствовалась преимущественно верхними слоями населенія. Немалое значеніе имѣло также то, что въ краѣ съ преимущественно крупнымъ землевладѣніемъ были помѣщики вліятельные, съ большими связями въ высшихъ сферахъ, стѣснять которыхъ никакому мѣстному начальству было не по силамъ. А послѣдствія ихъ вліятельности неизбѣжно, косвеннымъ образомъ, распространялись на другихъ. Если ко всему этому прибавить общій мракъ окружающей атмосферы крѣпостническихъ понятій и симпатій, господствовавшихъ въ общественныхъ кругахъ, то станетъ понятно, что создававшійся инвентарными правилами порядокъ представлялся насажденіемъ растенія, попавшаго въ слишкомъ суровый для него климатъ, слѣдовательно обреченнаго на постепенное замираніе.

Просуществовали инвентарныя правила около 13 лѣтъ, до полной крестьянской реформы. Въ теченіе этого періода примѣненіе ихъ имѣло въ каждомъ селеніи свою особую исторію. Были помѣщики осторожные, боявшіеся отступать отъ законности, почти не заходившіе въ своихъ требованіяхъ дальше дозволеннаго и совсѣмъ не трогавшіе мірской земли,—какъ это потомъ обнаруживалось при позднѣйшихъ повѣркахъ,—но такіе представляли ограниченное меньшинство. Въ другихъ же имѣніяхъ происходили нарушенія самыхъ разнообразныхъ родовъ: и въ отношеніи къ повинностямъ, и въ обращеніи съ личностью крестьянъ, и по части отобранія, и по части перемѣнъ мірского надѣла. Относительно повинностей и вообще обращенія съ крестьянами сложилась въ народѣ очень характерная малорусская пѣсня, кѣмъ-то записанная и между прочимъ приведенная въ обширной исторической статьѣ покойнаго кіевскаго профессора Шульгина („Кіев-

лянинъ", 1864 года), выражавшая прямо народный вопль. Приведемъ здѣсь извлеченіе изъ нея:

„Губернаторъ нашъ Бибиковъ
Давъ намъ инвентàри,
Щобъ робить панамъ пять день
Изъ каждои пары...
. . . .
Сразу добре рàдылися,
Сполняли иввентàри,
А тамъ стали шкуры дерти,
Якъ и перше дерли,
Цылый тыждень верзуваты,
Якъ и верзовали,
А въ недилю ранéсенько
До выпасу гнаты.
Атаманы съ батòгами,
Съ нагаéмъ гуменный,
На роботу цилый тыждень
Гонять, мовъ скаженныхъ...
. . . .
Правдывіи инвентàри
У куферки поховали;
Становыи, що читали
Инвентари тіи,
Подружилися съ панами
Мовъ браты родныи,
Вкупи бьють насъ,
Вкупи и обдирають,
И до тебе, генерале,
Съ листомъ не пускають.
. . . .
Ой, не дай насъ, генерале,
Тяжко забиждаты..
Бо будемъ и тебе, добрый,
И тебе проклинаты [1])!"

Рѣзкій народный протестъ противъ злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ представило еще сильное крестьянское движеніе

---

[1]) Губернаторъ нашъ, Бибиковъ, далъ намъ инвентари, чтобы мы работали панамъ пять дней отъ каждой семьи... Сначала хорошо справлялись, исполняли инвентари, а потомъ стали шкуры драть, какъ и прежде драли, цѣлую недѣлю изводить, какъ изводили, а въ воскресенье рано выгонять на пастбища. Атаманы съ батогами и съ нагайкою гуменный (экономическій служитель) цѣлую недѣлю гоняютъ на работы, какъ бѣшеныхъ... Настоящіе инвентари попрятали въ сундуки; становые, объявлявшіе эти инвентари, подружились съ панами какъ родные братья, вмѣстѣ бьютъ насъ, вмѣстѣ обдираютъ и къ тебѣ, генералъ, съ бумагою (жалобою) не пускаютъ... О, не дай насъ, генералъ, тяжко обижать... иначе и тебя, добраго, будемъ проклинать.

во время крымской войны 1855 г., когда объявлено было государственное ополченіе и призваніе къ защитѣ отечества малороссійскихъ козаковъ. Масса крестьянъ кіевской губерніи, среди которыхъ не угасла историческая память о козачествѣ, поняла эти акты въ томъ смыслѣ, что съ призваніемъ на защиту государства соединяется освобожденіе отъ помѣщичьей власти. Появились откуда-то слухи, будто настоящая царская грамота о томъ получена въ церквахъ, и только духовенство, стакнувшись съ помѣщиками, скрываетъ ее отъ крестьянства. Массы отказались отъ работы, собирались огромными толпами, требовали грамотъ отъ священниковъ и, не вѣря ихъ клятвеннымъ отрицаніямъ, подвергали священниковъ тяжкимъ истязаніямъ. Посланныя противъ крестьянъ, воинскія команды встрѣчали упорное сопротивленіе. Много хлопотъ принесло это волненіе всякимъ мѣстнымъ начальствамъ, но, разумѣется, все кончилось жестокимъ усмиреніемъ и традиціонными расправами.

Отдѣльные примѣры злоупотребленій по части повинностей и надъ личностью крестьянъ проходили одни за другими, постепенно забываясь, и слѣды ихъ можно отыскивать развѣ въ устныхъ разсказахъ зажившихся на свѣтѣ стариковъ и въ губернскихъ и уѣздныхъ архивахъ, гдѣ вѣроятно уцѣлѣла часть дѣлъ о крестьянскихъ жалобахъ, волненіяхъ и производившихся по ихъ поводу чиновничьихъ разслѣдованіяхъ. Но факты отнятія усадебъ, полей, покосовъ, садовъ, перемѣны состава надѣловъ и т. под. остались на лицо къ моменту реформы 1861 г. и стали предметомъ разслѣдованій при работахъ по возстановленію инвентарнаго надѣла на основаніи Положеній 19 февраля и дополнительныхъ къ нимъ узаконеній.

Послѣ окончанія Крымской войны, безъ всякой подготовки, появились слухи о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ. Сначала неясно было, насколько широко ставится мысль объ этомъ преобразованіи и какихъ мѣстностей оно должно коснуться, но постепенно новые акты стали разъяснять эту загадку. Крестьянское дѣло вступило въ новый фазисъ уже при гораздо благопріятнѣйшихъ условіяхъ какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ. Тутъ стушевывавшееся практически созданіе инвентарныхъ правилъ оживилось и стало основаніемъ новаго устройства сельскаго быта. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ начались въ губерніяхъ края подготовительныя работы, о которыхъ подробнѣе будетъ сказано въ слѣдующей главѣ. Настала эпоха, давшая лучшую страницу русской исторіи и до настоящаго вре-

мени составляющая лучшее воспоминаніе о пережитомъ нашимъ поколѣніемъ.

II.

Подготовка Положеній 19 февраля.

Наступленіе новой эпохи для крестьянскаго дѣла и оживленія всей внутренней жизни Россіи обозначилось, какъ извѣстно, высочайшими рескриптами (20 ноября 1857 г.) по вопросу объ улучшеніи быта крестьянъ, поднятому сначала относительно трехъ литовскихъ губерній, къ которымъ почти одновременно присоединилась и петербургская. Если встрѣчались еще люди, полагавшіе, что тутъ дѣло идетъ лишь о мѣстномъ вопросѣ, то и ихъ сомнѣнія держались очень недолго. Признаки предстоявшаго общаго освобожденія стали совсѣмъ ясными, когда вслѣдъ за упомянутыми рескриптами появился всеподданнѣйшій адресъ нижегородскаго дворянства, а далѣе, одинъ за другимъ, начали опубликовываться дворянскіе адресы прочихъ губерній, выражавшіе готовность приступить къ улучшенію крестьянскаго быта на высочайше указанныхъ основаніяхъ. Вѣковой вопросъ наконецъ двинулся и общественное вниманіе къ нему всюду достигало крайней степени напряженія. Въ числѣ первыхъ актовъ новаго движенія было учрежденіе въ каждой губерніи спеціальныхъ комитетовъ для предварительной подготовки реформы. Въ этихъ комитетахъ представителямъ дворянства открывалась возможность выразить свои желанія и мнѣнія, а также внести въ крупное государственное дѣло то знаніе сельскаго быта и его потребностей, какими они могли обладать.

Такіе же комитеты образованы были и въ юго-западномъ краѣ, но съ нѣкоторымъ осложненіемъ. Кромѣ отдѣльныхъ комитетовъ: кіевскаго, волынскаго и подольскаго, образована была въ Кіевѣ еще особая коммиссія, для обсужденія способовъ крестьянскаго устройства по всѣмъ тремъ губерніямъ въ совокупности. Эта коммиссія, такимъ образомъ, являлась промежуточнымъ учрежденіемъ между губернскими комитетами и центральными правительственными органами, на которые возлагалась задача подготовки основаній для крестьянскаго устройства во всей Россіи.

Положеніе было уже далеко не то, что при введеніи инвентарныхъ правилъ. Съ наступленіемъ новаго царствованія и подъ вліяніемъ сильнаго умственнаго толчка, даннаго тяжкими уро-

ками крымской войны, правительство уже явно стало на новый путь коренныхъ улучшеній, а въ обществѣ расшевелилась умственная дѣятельность. Возникло критическое отношеніе къ застарѣлымъ язвамъ, поддерживавшимся старымъ жизненнымъ строемъ страны, которая, по выраженію современнаго Хомяковскаго стихотворенія, была „въ судахъ черна неправдой черной и игомъ рабства клеймена". При наружныхъ признакахъ начинавшагося воскресенія, оказалось, что въ обществѣ есть живыя силы, которыя долго казались какъ бы не существующими, но въ дѣйствительности только таились подъ внѣшностью общаго молчанія. Не наступи лучшія условія, оставайся прежній внѣшній гнетъ съ отсутствіемъ простора для общественной жизни— эти силы, можетъ быть, заглохли бы, можетъ быть—проявились бы въ какой-нибудь исключительной формѣ или просто затерялись безплодно въ массѣ темныхъ элементовъ; а тутъ имъ удалось какъ бы неожиданно выступить наружу, до извѣстной степени расцвѣсти и послужить обновленію своей страны. Выступленіе общественнаго элемента въ качествѣ дѣятельнаго жизненнаго органа составляетъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ чертъ того времени; этому элементу не только давался большій противъ прежняго просторъ, но онъ и прямо призывался къ участію въ обновленіи. Звали его уже для настоящаго дѣла, а не для однихъ парадныхъ актовъ или производства такихъ выборовъ, которые, при старыхъ порядкахъ, не вносили въ жизнь ничего живого. Тогда не только выступали новые люди, но перерождались и старые. Были примѣры, что давніе крѣпостники или чиновники, воспитавшіеся на старыхъ порядкахъ съ ихъ самоуправными и нечестными преданіями и замашками, стали думать и говорить иначе, притомъ далеко не всегда изъ какой-либо политики, но и потому, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣйствительно таилась гдѣ-то глубоко искра жизни, обреченная-было заглохнуть, которая, будучи пробуждена новымъ духомъ, вытѣснила пассивное слѣдованіе традиціи—самостоятельною выработкою новаго убѣжденія. Велика была общественная перемѣна, но вѣдь силенъ былъ и призывъ къ лучшимъ элементамъ человѣческой природы.

Къ участію въ работахъ по крестьянской реформѣ общественный элементъ призванъ былъ прежде всего, и въ этой сферѣ сразу сказалось не мало общественнаго оживленія. Для многихъ это участіе создало опредѣленную нравственную физіономію и симпатіи на всю жизнь. Въ работахъ губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій, къ которымъ допущена была часть общества, довольно ясно обозначились свѣжія обще-

ственныя струи. Конечно, живо, крѣпко и сильно численностью было старое крѣпостничество, но рядомъ съ нимъ выдвигалась другая струя, значеніе которой было не столько количественное, сколько качественное, а качество въ общественныхъ дѣлахъ бываетъ иногда важнѣе числа. Прежняя сплоченность людей у знамени односторонняго интереса начала слабѣть. Помимо личныхъ наблюденій надъ человѣческимъ матеріаломъ того времени, если даже ограничиться пересмотромъ трудовъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій по крестьянскому дѣлу, то постоянно придется встрѣчать проявленія самостоятельныхъ мнѣній и разнообразіе стремленій. Соображенія личнаго и корпоративнаго интереса боролись съ началами справедливости и участія къ освобождаемой массѣ. Почти вездѣ встрѣчаются расходящіяся между собою большинство, меньшинство и отдѣльныя группы. Различіе было не только въ частностяхъ, но и въ общемъ направленіи. Тогда какъ одни, видя непредотвратимость реформы, силились, насколько можно, испортить ее—другіе искренно старались о лучшемъ устройствѣ крестьянскаго положенія. Физіономіи группъ оттѣнялись одна отъ другой довольно рѣзко; было тутъ изъ чего отбирать, было что соглашать, и на борьбѣ мнѣній выигрывало освѣщеніе разныхъ сторонъ вопроса.

Нельзя, однако, не сказать, что матеріалъ этого рода, касающійся юго-западнаго края, не производитъ выгоднаго впечатлѣнія. Такого различія стремленій въ немъ не замѣтно. Можетъ быть, внутри губернскихъ комитетовъ и бывали разнорѣчія, но въ конечномъ результатѣ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, мѣстные проекты вышли однороднѣе и одностороннѣе. И въ комитетахъ, и въ кіевской коммиссіи видимо преобладало стремленіе къ охранѣ собственно помѣщичьихъ выгодъ, почему редакціоннымъ коммиссіямъ пришлось считаться съ избыткомъ подобныхъ притязаній. Покойный А. Ѳ. Гильфердингъ, близко стоявшій къ разработкѣ крестьянскаго дѣла въ Петербургѣ, указывалъ въ печати на существенныя различія между отношеніемъ къ дѣлу западныхъ и прочихъ сторонниковъ означенныхъ выгодъ. По его словамъ, великорусское „не-либеральное большинство хлопотало почти исключительно о хозяйственной сторонѣ дѣла: десятиной меньше надѣла, рублемъ больше оброка—вотъ къ чему сводились ихъ толки и представленія“. Западные же дворяне „имѣли въ виду интересы политическаго свойства: сохранить за помѣщиками власть надъ крестьянскими участками; отстранить принципъ безсрочнаго пользованія землею; вмѣсто безграмотнаго волостного суда, ввести судъ и разбирательство помѣщика; назна-

чить помѣщиковъ начальниками волостей; не допускать установленія крестьянскихъ общинъ; не давать крестьянамъ самоуправленія, однимъ словомъ—удержать крестьянское населеніе въ полной административной и политической зависимости отъ дворянства". Оставляя даже эту рельефную характеристику за ея авторомъ, нельзя, во всякомъ случаѣ, не остановить вниманія на проходившей всюду красною ниткою дружной заботѣ о поддержаніи экономической зависимости крестьянства, особенно выражавшейся въ усиліяхъ оторвать, сколько можно, отъ общаго размѣра инвентарной земли, признанной неприкосновеннымъ крестьянскимъ владѣніемъ еще въ 1847 г.,—тогда какъ на самомъ дѣлѣ, если и при введеніи инвентарныхъ правилъ достаточность этой земли для крестьянства могла представляться вопросомъ, то спустя болѣе десяти лѣтъ, т.-е. предъ крестьянскою реформою, она казалась еще болѣе сомнительною. А такъ какъ односторонность притязаній тутъ заходила далеко, то, при окончательномъ разрѣшеніи вопроса, своего рода побѣдою представлялось—только отстоять общую величину инвентарнаго владѣнія, то-есть,—не сдѣлать отступательнаго шага предъ созданіемъ 1847 года.

Отъ установленнаго для юго-западнаго края порядка первоначальнаго обсужденія крестьянскаго вопроса слѣдовало ожидать, что, если въ проектахъ губернскихъ комитетовъ скажутся сословныя пристрастія, то кіевская общая коммиссія будетъ смягчать ихъ, объединяя предположенія, а кіевскій генералъ-губернаторъ выскажется за дальнѣйшее смягченіе въ духѣ указанныхъ для реформы началъ, послѣ чего мѣстныя предположенія, достаточно непрокритикованныя, придутъ въ Петербургъ уже въ состояніи недалекомъ отъ возможности осуществленія. Добавка двухъ такихъ мѣстныхъ критическихъ инстанцій, какъ общая коммиссія и генералъ-губернаторъ, казалось, должна была въ значительной степени гарантировать тщательный отсѣвъ односторонностей и предупреждать слишкомъ большую ломку мѣстныхъ предположеній въ Петербургѣ, со стороны редакціонныхъ коммиссій. На дѣлѣ, однако, выходило не то: кіевская коммиссія во многомъ поддерживала губернскія притязанія, а генералъ-губернаторская критика не чужда была вялости и излишней уступчивости. Насколько это происходило отъ личныхъ свойствъ участниковъ обсужденія и въ какой мѣрѣ отъ недостаточной ясности дѣла въ его первоначальномъ фазисѣ—разбирать не будемъ, но только дѣло было такъ, и мѣстный элементъ внесъ много такого, что требовало

не отдѣлки или смягченія, а прямого отрицанія. Изложимъ это по матеріаламъ редакціонныхъ коммиссій.

Всѣ три губернскихъ комитета рѣшительно высказались за значительное уменьшеніе инвентарнаго владѣнія крестьянъ, расходясь между собою лишь въ степени его и нѣкоторыхъ частностяхъ. Подольскій комитетъ оставлялъ полевую землю за каждымъ крестьянскимъ дворомъ, фактически ею пользовавшимся въ данный моментъ, но—въ размѣрѣ не болѣе одного „пѣшаго“ участка; излишки же противъ этого размѣра, заключавшіеся въ надѣлахъ „тяглыхъ“ крестьянъ, онъ сохранялъ за послѣдними только на переходное время срочно-обязанныхъ отношеній, съ тѣмъ, чтобы эти излишки потомъ были переданы помѣщикамъ. Такимъ образомъ, по подольскому проекту, всѣ тяглые должны были потерять половину полевой земли, дворы высшихъ разрядовъ (паровые и т. под., гдѣ они еще удержались)—еще бо́льшую долю своего фактическаго владѣнія, а огородники и бобыли не пріобрѣтали ничего, оставаясь первые—только при усадьбахъ, а послѣдніе—безъ всякой земли. Кіевскій же и волынскій комитеты старались порвать всякую связь съ инвентарнымъ положеніемъ, посредствомъ установленія для всѣхъ крестьянскихъ полевыхъ хозяйствъ каждаго селенія совершенно новыхъ, однообразныхъ, „нормальныхъ“ участковъ, размѣръ которыхъ ставился въ зависимость отъ качества земли. Размѣръ этотъ проектировался по мѣстностямъ, такъ какъ въ краѣ однообразіемъ почвы отличается лишь черноземная подольская губернія, а въ остальныхъ двухъ качество земли представляетъ рядъ переходныхъ видовъ отъ прекраснаго чернозема до песчаныхъ и болотистыхъ пространствъ Полѣсья, охватывающаго сѣверъ кіевской и обширную сѣверо-западную площадь Волыни. Но вообще размѣръ нормальныхъ участковъ проектировался близкій къ размѣру „пѣшихъ“. Въ лучшихъ мѣстностяхъ обѣихъ губерній проекты назначали по 4 десятины на дворъ, а въ худшихъ, по кіевскому проекту 11, а по волынскому—13 десятинъ. Промежуточнымъ мѣстностямъ соотвѣтствовали и промежуточныя нормы надѣленія. При сравненіи этихъ нормъ съ инвентарнымъ владѣніемъ выходило почти такое же уменьшеніе послѣдняго, какъ и по подольскому проекту.

Но этимъ сокращеніе земельнаго надѣла еще не ограничивалось. Вдобавокъ, проектировались еще другіе виды его, именно въ отношеніи къ сравнительно малоземельнымъ имѣніямъ, къ вакантнымъ участкамъ и къ усадебному владѣнію.

Такъ, кіевскій проектъ, для имѣній, въ которыхъ удобной земли вообще немного, допускалъ дополнительную урѣзку на-

дѣла противъ общихъ его предположеній. Волынскій же, хотя съ перваго взгляда охранялъ величину придуманныхъ имъ „нормальныхъ“ участковъ, но—за счетъ общаго крестьянскаго же владѣнія. Предвидя случаи, когда нормальные участки, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, окажутся больше существовавшихъ пѣшихъ, онъ предлагалъ произвести нормировку такимъ способомъ: раздѣлить совокупность наличныхъ (меньшихъ) участковъ на нормальные (бóльшіе); а такъ какъ число послѣднихъ при этомъ должно было выйти меньше числа прежнихъ, слѣдовательно для части крестьянъ земли должно было недостать, то—рѣшать жребіемъ, кому изъ полевыхъ дворовъ обезземелиться, т.-е. перейти изъ пѣшихъ въ огородники или выселиться изъ деревни. Небольшое пополненіе долей однихъ крестьянъ, такимъ образомъ, окупалось обезземеленіемъ другихъ.

Вакантные участки, образующіеся вслѣдствіе выморочности крестьянскихъ дворовъ, отказа хозяевъ отъ земли безъ передачи ея другимъ, увольненія крестьянъ изъ обществъ и т. под., по проектамъ, должны были поступать въ полное распоряженіе помѣщиковъ, хотя и съ предоставленіемъ послѣднимъ права надѣлять ими другихъ крестьянъ, въ томъ числѣ бобылей и огородниковъ.

Коснулись проекты и нормированія величины усадебъ, которыя, какъ объяснялось выше, отличались большимъ разнообразіемъ размѣра и достоинства, причемъ иные крестьяне владѣли усадьбами гораздо больше десятиннаго размѣра. Къ этой значительности всѣ комитеты отнеслись отрицательно, стремясь ее ограничить. Кіевскій комитетъ предложилъ сокращать большія усадьбы до размѣра одной десятины путемъ добровольнаго отказа крестьянъ отъ излишковъ. Подольскій, на такомъ же основаніи, низводилъ величину усадьбы до одной четверти десятины. А волынскій допускалъ максимальный размѣръ усадьбы только въ 1.317 кв. саженъ (моргъ) съ отрѣзкою всего излишка.

Не много отличался отъ общаго характера предположеній губернскихъ комитетовъ и проектъ кіевской общей коммиссіи. Она также разрывала связь съ инвентарнымъ преданіемъ, вводя новые нормальные участки отъ 4 до 10 десятинъ по мѣстностямъ; въ случаѣ превышенія этими нормами фактическаго крестьянскаго владѣнія—коммиссія предлагала придерживаться этого послѣдняго и дѣлить наличное владѣніе между всѣми полевыми дворами поровну; когда же наличное владѣніе окажется больше „нормальнаго“, по проекту коммиссіи слѣдовало вводить нормальный, оставляя крестьянамъ прежніе излишки противъ него лишь

на девятилѣтній срокъ. Т.-е., проектированное нормальное владѣніе укрѣплялось лишь тамъ, гдѣ оно меньше прежняго, являясь поводомъ только къ уменьшенію крестьянской земли. Въ отношеніи къ нормировкѣ усадебъ, коммиссія примыкала къ проекту кіевскаго губернскаго комитета.

Кромѣ того, всѣ проекты устанавливали новый взглядъ на усадебное владѣніе. По инвентарямъ, напр., тяглые, пѣшіе и др. полевые дворы отбывали опредѣленное число рабочихъ дней за совокупность полевого надѣла и усадьбы, какова бы эта послѣдняя ни была, а по проектамъ комитетовъ крестьяне должны были оплачивать усадьбы сверхъ повинности за полевые участки, какъ особую земельную статью, соразмѣрно величинѣ усадьбы, и притомъ—деньгами, въ размѣрѣ 5 процентовъ съ капитальной оцѣнки усадебъ.

Одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ всѣхъ мѣстныхъ проектовъ представлялъ проводившійся ими общій взглядъ на крестьянское землевладѣніе. Проекты вполнѣ отрицали въ послѣднемъ значеніе „общественнаго“ надѣла, такъ что въ нихъ не упоминалось даже узаконенное прежде названіе „мірской“ земли. Тогда какъ по инвентарнымъ правиламъ цѣльною единицею признавался надѣлъ всѣхъ крестьянъ даннаго имѣнія, проекты признавали самостоятельною единицею отдѣльный дворъ, ставившійся въ непосредственныя отношенія къ помѣщику, помимо общества. Съ точки зрѣнія проектовъ, крестьянская земля являлась лишь огромнымъ итогомъ участковъ отдѣльныхъ крестьянъ, а владѣніе каждаго изъ послѣднихъ выходило личное, семейное, наслѣдственное, безъ всякаго участія въ земельномъ дѣлѣ сельскихъ обществъ, міра, „громады“.

Заключеніе генералъ-губернатора (кн. Васильчикова) значительно отличалось отъ предположеній губернскихъ комитетовъ и общей коммиссіи, хотя—какъ замѣчено выше—выражало недостатокъ рѣшительности. Кн. Васильчиковъ не возражалъ противъ сокращенія обязательнаго надѣла сравнительно съ размѣромъ всей инвентарной земли, но высказывался въ пользу сохраненія за крестьянами права—буде они пожелаютъ и смогутъ удержать за собою—на фактически существовавшіе въ крестьянскомъ пользованіи надѣлы, такъ какъ „повсемѣстное ихъ уменьшеніе, конечно, могло бы повести къ крайнимъ затрудненіямъ“. Неодобрительно отнесся онъ и къ обособленію усадебнаго владѣнія съ установленіемъ за него отдѣльной отъ полевого надѣла повинности, находя, что „крестьяне, вслѣдствіе существующаго у нихъ убѣжденія о правѣ ихъ на потомственное, безвозмездное

пользованіе усадьбами, будутъ смотрѣть на взиманіе процента за пользованіе усадьбою, какъ на новый налогъ". Платежъ этотъ генералъ-губернаторъ признавалъ настолько обременительнымъ, что онъ, по его мнѣнію, даже „едва ли можетъ быть введенъ безъ большихъ затрудненій". Точно также высказался кн. Васильчиковъ противъ устраненія „обществъ" отъ распоряженія мірскою землею. Онъ находилъ, что хотя въ краѣ нѣтъ общиннаго владѣнія великорусскаго типа, но это вовсе не составляетъ препятствія къ допущенію участія міра въ земельномъ дѣлѣ, такъ какъ, „сохраняя порядокъ надѣла земельныхъ угодій на каждое хозяйство отдѣльно, вмѣстѣ съ тѣмъ можно установить круговое ручательство міра въ исполненіи повинностей за эти угодья, предоставивъ міру распоряжаться вакантными участками и отдавать ихъ другимъ членамъ общества", съ устраненіемъ непосредственныхъ, въ этой области, отношеній между отдѣльными крестьянами и помѣщикомъ.

Таковы были мѣстныя предположенія относительно земельнаго надѣла и способовъ пользованія имъ. Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ дѣла—проектированію повинностей.

Изъ того, что изложено въ предыдущей главѣ, не трудно видѣть, что порядокъ, введенный инвентарными правилами, исходилъ изъ основной мысли, по которой мужикъ долженъ отдавать помѣщику опредѣленную часть своего рабочаго времени, а земельное пользованіе за это получать—какое случится, какое завелось въ предшествующее время, подъ вліяніемъ случайной требовательности или снисходительности владѣльцевъ. Повинностная сторона преобладала надъ вопросомъ объ обезпеченіи той или другой степени имущественнаго благосостоянія крестьянъ. Представляя, въ сущности, лишь опытъ ограниченія крѣпостного права, безъ упраздненія его принципа, инвентарныя правила не входили въ критику ни размѣра земельнаго надѣла, ни даже отношенія доходности земли къ цѣнности отбываемыхъ за нее повинностей. Но когда рѣчь зашла уже объ отмѣнѣ крѣпостного права, о полномъ освобожденіи сельскаго населенія, тутъ измѣнялась основная точка зрѣнія и долженъ былъ выступить другой принципъ: мужикъ долженъ платить не больше того, что стоитъ укрѣпляемая за нимъ земля. Возникалъ вопросъ объ оцѣнкѣ земли и повинностей, причемъ мѣстныя данныя получали особенное значеніе. Такъ какъ инвентарныя повинности вообще значительно превышали стоимость дохода съ надѣловъ, то естественно было ожидать уменьшенія числа рабочихъ дней сравнительно съ преж-

нимъ. Однако губернскіе комитеты и тутъ стали на своеобразную точку зрѣнія.

Односторонности представлялся просторъ въ натяжкѣ оцѣнокъ, но, не довольствуясь ею, эта односторонность стремилась отстоять, при развязкѣ крѣпостного права, еще другія выгоды въ разныхъ видахъ. Кромѣ упомянутаго установленія отдѣльной высокой платы за усадьбы, выступили усилія ввести добавочное обложеніе самой рабочей силы, въ видѣ личныхъ и общественныхъ обязательныхъ повинностей, уже безъ всякаго отношенія къ земельному надѣлу. Разставаясь съ правомъ на личность освобождаемыхъ, комитеты попытались удержать часть права на личный трудъ, въ его чистомъ видѣ. Поэтому, хотя при оцѣнкѣ земли и повинностей и выходило нѣкоторое уменьшеніе числа рабочихъ дней собственно за полевой надѣлъ, но это съ избыткомъ вознаграждалось другими видами обложенія, и въ результатѣ выходило смѣшеніе формальнаго освобожденія съ сохраненіемъ значительной доли крѣпостного преданія.

Собственно за нормальный полевой надѣлъ кіевскій комитетъ назначалъ 82 рабочихъ дня въ годъ или 18 рублей деньгами, подольскій—96 дней, волынскій—105 дней, а кіевская общая коммиссія—78 дней или 16 рублей, тогда какъ инвентарная повинность пѣшаго хозяина составляла не болѣе 104 мужскихъ и 52 женскихъ дней. Облагаемую отдѣльнымъ пяти-процентнымъ годовымъ платежомъ усадебную землю кіевскій комитетъ и общая коммиссія цѣнили по 102 рубля за десятину, подольскій—отъ 120 до 240 рублей, а волынскій—по 192 рубля.

Сверхъ этихъ рабочихъ и денежныхъ повинностей, всѣ комитеты облагали отдѣльно рабочую силу крестьянъ. Кіевскій и подольскій комитеты и общая коммиссія полагали съ каждой рабочей души въ имѣніи по 8 сгонныхъ дней за плату, а волынскій—по 12 дней. Въ дополненіе къ тому, еще цѣлое общество должно было поставлять помѣщику, въ качествѣ экономической прислуги, съ каждыхъ ста душъ, по кіевскому проекту—6 годовыхъ работниковъ, 5 полу-рабочихъ и 4 работницы; по волынскому—4 рабочихъ силы каждаго изъ трехъ разрядовъ, а по проекту общей коммиссіи—5 работниковъ, 3 полу-рабочихъ и 2 работницы. Подольскій требовалъ 2 работниковъ и одну работницу съ каждаго десятка хозяевъ. Всѣ эти поставки назначались за плату, колебавшуюся отъ 12 до 20 рублей въ годъ, по волынскому же проекту—только отъ 4 до 12 рублей. Подольскій комитетъ добавлялъ ко всему этому еще сохраненіе ночного караула съ каждаго двора по два раза въ мѣсяцъ.

Итакъ, повинности проектировались четырехъ разрядовъ: за полевой надѣлъ, за усадьбу, съ рабочей души и еще отдѣльно—отъ цѣлыхъ сельскихъ обществъ. Оцѣночный элементъ соединялся съ элементомъ личной зависимости, и общій итогъ повинностей могъ превышать прежній инвентарный.

Генералъ-губернаторъ и въ этомъ отношеніи остался при снисходительной критикѣ. 78 рабочихъ дней, предложенныхъ кіевскою коммиссіею, онъ признавалъ повинностью умѣренною, но проектированный, взамѣнъ ея, 16-рублевый оброкъ находилъ обременительнымъ и даже „невозможнымъ" для крестьянъ, почему предложилъ пониженіе его до 14 рублей. Обращаясь же къ сгоннымъ днямъ и поставкѣ экономической прислуги, онъ хотя и находилъ, что подобная повинность „противорѣчитъ принятому началу освобожденія крестьянъ отъ личной зависимости", но тѣмъ не менѣе допускалъ сгонные дни на трехлѣтній срокъ, лишь съ ежегодною ихъ переоцѣнкою, а поставку экономической прислуги—въ существовавшемъ размѣрѣ на два года со времени утвержденія реформы.

Вотъ въ какомъ видѣ вышли освободительныя предположенія изъ рукъ подготовительныхъ мѣстныхъ общественныхъ и административныхъ учрежденій. Всего серьезнѣе и опаснѣе было выразившееся въ нихъ стремленіе къ значительному обезземеленію крестьянъ, такъ какъ оно грозило парализованіемъ, при развязкѣ крестьянъ съ помѣщиками, основного источника матеріальной обезпеченности сельскаго населенія и предуготовляло усиленную его экономическую зависимость.

Въ итогѣ, по проектамъ губернскихъ комитетовъ и общей коммиссіи, крестьяне лишались: 1) возврата той части инвентарной земли, которая отошла отъ нихъ въ промежуткѣ времени между введеніемъ инвентарей и освобожденіемъ отъ крѣпостного права; 2) той части полевого надѣла изъ уцѣлѣвшаго ихъ владѣнія въ моментъ реформы, которая составляла разницу между владѣніемъ крестьянъ высшихъ разрядовъ (тяглыхъ и пр.) и проектированными пѣшими или нормальными участками; 3) большей части вакансовъ, состоявшихъ во временномъ пользованіи помѣщиковъ, но считавшихся подлежащими возврату крестьянамъ при первой возможности, и 4) значительной доли усадебнаго надѣла. Осуществись такіе проекты, освобожденіе соединилось бы съ большимъ обезземеленіемъ. Если трудно выводить полный размѣръ задуманной отрѣзки, то для нѣкотораго освѣщенія приведемъ нѣсколько цифръ, показывающихъ, во что обошлось бы низведеніе одного полевого владѣнія до проектированныхъ нормъ.

Въ одной изъ находящихся въ трудахъ редакціонныхъ коммиссій вѣдомостей показано, что въ подольской и волынской губерніяхъ считалось въ ту пору 132 тысячи тяглыхъ и 113 тысячъ пѣшихъ хозяйствъ. (По кіевской такого подсчета не приведено). Такъ какъ первыя, владѣя двойными участками, должны были потерять половину, то въ общемъ итогѣ по обоимъ разрядамъ хозяйствъ получается потеря больше чѣмъ третьей части всего полевого надѣла. Въ соединеніи же съ другими задуманными видами уменьшенія крестьянской земли, итогъ потерь мѣстами могъ доходить и до половины всего инвентарнаго надѣла. Тенденція обозначалась довольно рельефно.

Для нѣкотораго выясненія характера проектированныхъ повинностей сдѣлаемъ другой разсчетъ. По предположеніямъ кіевской общей коммиссіи (болѣе умѣреннымъ, чѣмъ проекты губернскихъ комитетовъ), полевые участки должны были отводиться въ размѣрѣ отъ 4 до 10 десятинъ на дворъ; слѣдовательно, въ мѣстностяхъ съ лучшею почвою они назначались въ 4 десятины, за что полагалось 16 рублей оброка. Полагая еще полъ-десятины въ среднемъ на усадьбу, размѣръ платежа за нее (5% со 102 руб. за десятину) получимъ въ 2 р. 55 коп.; итого, платежъ двора составитъ 18 руб. 55 коп. за $4^{1}/_{2}$ десятины, или слишкомъ 4 рубля съ десятины кругомъ. Между тѣмъ, по собраннымъ въ то время свѣдѣніямъ о продажной стоимости имѣній, выходило, что въ наиболѣе плодородной и однообразной подольской губерніи высшая поуѣздная цѣна десятины составляла около 40 рублей. Но въ эту послѣднюю цѣну входила стоимость не одной земли, а также входившихъ въ составъ имѣній лѣсовъ, разныхъ доходныхъ статей (мельницъ, винокуренныхъ заводовъ, рыбныхъ ловель и т. под.) и экономическихъ построекъ,—слѣдовательно, голая земля цѣнилась значительно дешевле. Если положить ее даже не ниже 35 рублей— и то выйдетъ, что проектированная повинность доходила до 12 процентовъ всей земельной стоимости, не считая прочихъ, указанныхъ выше, натуральныхъ повинностей, облагавшихъ рабочую силу. Даже внесенная генералъ-губернаторомъ поправка облегчала упомянутую повинность всего на 2 рубля съ двора, или на 45 коп. съ десятины, т. е. съ небольшимъ на одинъ процентъ стоимости земли. Впрочемъ, на повинностяхъ нѣтъ надобности здѣсь особенно останавливаться, потому что съ неосуществленіемъ проектовъ сглаживались слѣды относившихся къ нимъ стремленій, тогда какъ тенденція къ сокращенію земельнаго надѣла обнаружила и впослѣдствіи большую живучесть.

Выражая свой общій взглядъ на дѣло, кіевская коммиссія

давала въ отношеніи къ нему довольно характерныя разъясненія. Рѣшительно высказываясь противъ сохраненія существующихъ надѣловъ, она выставляла это сохраненіе невыгоднымъ не только для помѣщиковъ, но также для крестьянъ и для „экономической будущности края вообще". По ея утвержденію, крестьяне не въ состояніи были справиться съ этими надѣлами, а для помѣщиковъ „опасно отвести крестьянамъ такое количество земли, которое бы вполнѣ обезпечивало послѣднихъ и поглотило весь ихъ трудъ, а напротивъ гораздо выгоднѣе, оставивъ крестьянъ при скудномъ надѣлѣ и легкой повинности, обратить ихъ къ вольно-наемному труду, необходимому для поддержанія помѣщичьихъ запашекъ". Осуществленіе подобной цѣли коммиссія и видѣла въ уменьшеніи надѣла, ставившемъ крестьянъ, по ея словамъ, „въ положеніе, довольно независимое для свободныхъ заработковъ". Кромѣ характерности цѣли, тутъ обозначалась и степень прозорливости коммиссіи по части будущихъ экономическихъ судебъ края и способностей крестьянскаго населенія, такъ какъ для оцѣнки ея предвидѣній скоро дала достаточный матеріалъ ближайшая сельская исторія: несмотря на отклоненіе проектовъ убавки надѣла, не только всѣ крестьянскія и помѣщичьи земли успѣшно обработывались, но расчищались новыя пашни, сильно развивалась обработывающая промышленность—и все-таки скоро обнаружились земельная тѣснота и большой избытокъ предложенія труда. Вмѣсто вопроса о недостаткѣ рабочихъ рукъ, выступили вопросы о малоземельѣ и выселеніяхъ.

Редакціонныя коммиссіи нашли, такимъ образомъ, мало подготовленнаго къ искомому исходу. Имъ пришлось имѣть дѣло съ слишкомъ односторонними притязаніями. Затрудненія увеличивались тѣмъ, что сами коммиссіи вынуждены были считаться съ крѣпостническими вліяніями, окружавшими ихъ и проникавшими въ ихъ собственную среду. При такомъ положеніи оставалось, твердо ставъ на почвѣ уже пріобрѣтеннаго прежде крестьянами права, отстаивать за ними всю инвентарную землю, какъ состоявшую въ ихъ фактическомъ пользованіи, такъ и отобранную послѣ инвентарныхъ правилъ, устранясь отъ критики ея достаточности. Этотъ принципъ и отстаивался. Надо еще имѣть въ виду, что кромѣ формально выраженной аргументаціи комитетовъ и кіевской коммиссіи, не мало было закулисныхъ стараній о поддержкѣ проектовъ въ Петербургѣ. По отзыву Ю. Ѳ. Самарина (бывшаго членомъ редакціонныхъ коммиссій), „спасти неприкосновенность мірской земли стоило не мало труда; все было пущено въ ходъ депутатами отъ дворянства: и консервативный характеръ крупной

собственности, и преданность дворянства, и неспособность крестьянъ управиться съ землею, и—главное—коммунистическія тенденціи возражавшихъ на проектъ! Тѣмъ не менѣе, начало было спасено"...

Если нужна была борьба съ упомянутыми вліяніями, зато не представляла трудностей критика мѣстныхъ притязаній и соображеній по существу, какъ показываютъ, напр., доклады хозяйственнаго отдѣленія редакціонныхъ коммиссій. Возражая противъ основного мѣстнаго соображенія о непосильности для крестьянъ справиться съ большими, тяглыми участками и о томъ, что обработка послѣднихъ не оставитъ времени для вольнонаемной работы на помѣщичьихъ поляхъ, одинъ изъ такихъ докладовъ говоритъ: „если тяглые крестьяне, владѣя двойными участками противъ пѣшихъ, находили время и средства для отбыванія по инвентарнымъ правиламъ трехдневной мужской упряжной барщины, то нѣтъ никакого повода опасаться, чтобы воздѣлываніе тѣхъ же участковъ, при томъ значительномъ уменьшеніи натуральной повинности, которое предложено общею коммиссіею, отняло у нихъ все время и лишило ихъ возможности наниматься въ работу у помѣщиковъ".

Соображенія въ пользу охраны даннаго уже инвентарными правилами крестьянамъ права на всю мірскую землю наконецъ успѣли взять верхъ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, но труднѣе было положеніе относительно опредѣленія повинностей. Хотя необходимость уменьшить инвентарный размѣръ ихъ была совершенно ясною, но оставался большой вопросъ—на какомъ именно размѣрѣ остановиться. Здѣсь нельзя было такъ утвердиться на юридической почвѣ, какъ относительно земельнаго надѣла. Въ основаніе требовался оцѣночный матеріалъ, а онъ былъ слишкомъ недостаточенъ, да и имѣвшійся отличался малонадежностью. Соразмѣреніе повинностей съ доходностью земли представляло такія же трудности, какъ и въ отношеніи къ прочимъ губерніямъ, по недостатку статистики, кадастра и всякихъ экономическихъ изслѣдованій. Вѣроятность крупныхъ ошибокъ тамъ и здѣсь представлялась одинаковою. Конечно, оставленіе такихъ крѣпостныхъ преданій, какъ желавшееся комитетами обложеніе рабочей силы, отдѣльно отъ земли, было отвергнуто, но въ отношеніи къ оцѣнкѣ надѣловъ и вообще къ повинностямъ притязанія мѣстныхъ комитетовъ и другія сходныя вліянія получили значительный просторъ и имъ сдѣланы были въ результатѣ крупныя уступки.

Впрочемъ, не станемъ входить въ подробности высказывавшихся соображеній и вообще процесса выработки окончатель-

ныхъ положенiй, такъ какъ многое тутъ скоро утратило значенiе. Бóльшаго вниманiя заслуживаетъ и, слѣдовательно, больше историческаго интереса представляетъ борьба началъ, стремившихся войти въ великое дѣло развязки крѣпостныхъ отношенiй и предопредѣлить будущность миллiоновъ населенiя, а также экономическую физiономiю мѣстности. Обозначенiе выступавшихъ тенденцiй не лишне и потому, что съ ними приходилось еще считаться при фактическомъ исполненiи крестьянской реформы. Вообще, ими объясняется не мало происходившаго впослѣдствiи.

Перейдемъ къ заключительному моменту разсматриваемаго перiода,—къ перечисленiю главныхъ основанiй утвержденнаго 19-го февраля 1861 года для юго-западнаго края „Крестьянскаго „Положенiя“.

Вся мiрская земля, объявленная инвентарными правилами неизмѣнною и неприкосновенною, признана подлежащею предоставленiю крестьянамъ. Части ея, отошедшiя отъ крестьянъ въ промежуткѣ времени между изданiемъ инвентарныхъ правилъ и утвержденiемъ Положенiй 19-го февраля, предназначены къ возврату, съ разрѣшенiя губернскихъ присутствiй, крестьянамъ, по ходатайствамъ послѣднихъ, заявленнымъ какъ при повѣркѣ уставныхъ грамотъ, такъ и впослѣдствiи, въ теченiе шести лѣтъ.

Отводимый крестьянскимъ обществамъ земельный надѣлъ раздѣлялся на коренной и дополнительный. Въ коренной зачислялась усадебная земля и по одному пѣшему полевому надѣлу на каждый дворъ, пользовавшiйся полевою землею. Вся остальная крестьянская земля зачислялась въ надѣлъ дополнительный, въ томъ числѣ излишки тяглыхъ участковъ противъ размѣра пѣшихъ. Такимъ образомъ, въ надѣлъ однихъ крестьянъ поступалъ только коренной, а въ надѣлъ другихъ — коренной и дополнительный. Отъ дополнительнаго надѣла крестьяне могли отказываться, а сохраненiе коренного было для нихъ обязательно, за точно опредѣленными исключенiями.

Уменьшенiе мiрской земли допускалось по добровольному соглашенiю крестьянъ и помѣщиковъ. Кромѣ отказа отъ упомянутаго выше дополнительнаго надѣла, оно могло касаться крестьянскихъ сѣнокосовъ въ лѣсу. При разверстанiи угодiй (въ теченiе шести лѣтъ послѣ введенiя уставныхъ грамотъ) эти сѣнокосы не только могли быть обмѣниваемы на другiя угодья, но въ крайнихъ случаяхъ даже вовсе отбираемы отъ крестьянъ съ соотвѣтствующимъ уменьшенiемъ повинностей.

Повинности устанавливались раздѣльно за усадьбы и прочія земли. Усадьбы вездѣ были оцѣнены по 102 рубля за десятину, и за нихъ полагался оброкъ по 5 руб. 10 коп. въ годъ съ десятины. Въ отношеніи же къ оцѣнкѣ полевой земли край дѣлился на девять мѣстностей; и въ каждой изъ нихъ размѣръ повинности опредѣлялся подесятинно. Въ первой (лучшей) мѣстности за десятину полагалось 20 пѣшихъ рабочихъ дней, или 3 руб. 30 коп. оброка, а въ наихудшей, девятой мѣстности— $8^1/_2$ рабочихъ дней, или 1 руб. 35 коп. деньгами. Въ промежуточныхъ мѣстностяхъ—промежуточныя нормы. При особыхъ выгодахъ или невыгодахъ надѣла дозволялось повышать или понижать повинности за полевую землю до 15-ти процентовъ.

Таково было „Мѣстное Положеніе". Положенія же о выкупѣ, объ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, о порядкѣ приведенія Положеній въ дѣйствіе, а также „Общее Положеніе" (крестьянское управленіе, государственныя повинности и т. п.) установлены на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прочихъ губерніяхъ.

„Положенія" объявлены въ мартѣ 1861 года. Скоро образованы были губернскія присутствія, назначены изъ мѣстныхъ помѣщиковъ мировые посредники и началось фактическое примѣненіе реформы.

III.

Первый періодъ примѣненія Положеній.

Съ весны 1861 года началось фактическое приведеніе въ дѣйствіе „Крестьянскихъ Положеній". Тутъ насталъ собственно первый періодъ этого приведенія, когда дѣло находилось въ рукахъ мировыхъ посредниковъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ.

Періодъ этотъ длился не долго, всего около двухъ лѣтъ, и былъ достаточенъ собственно для установленія крестьянскаго общественнаго управленія и введенія уставныхъ грамотъ, опредѣлявшихъ по каждому имѣнію: размѣръ и составъ земельнаго надѣла, повинности и прочія отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Польское національное движеніе, разразившееся въ началѣ 1863 года вооруженнымъ возстаніемъ, слегка коснувшимся и юго-западнаго края, рѣзко закончило этотъ періодъ, вызвавъ: повсемѣстную повѣрку всего сдѣланнаго первыми мировыми посредниками, введеніе обязательнаго выкупа крестьянскихъ надѣловъ и замѣну всего состава завѣдывавшихъ крестьянскимъ дѣ-

ломъ—новымъ личнымъ составомъ. Тогда наступила новая пора рѣзко смѣнявшихся административныхъ вѣяній, имѣвшихъ большое вліяніе на ходъ крестьянскаго дѣла и характеризовавшихъ управленія разныхъ генералъ-губернаторовъ. Одно за другимъ прошли времена: Анненковское, Безаковское, Дондуковское и т. д.

Съ наружной стороны, въ первые два года, введеніе Положеній представлялось довольно быстрымъ и успѣшнымъ. Общественное управленіе (сельскія общества и волости) установлено было скоро и, повидимому, безъ особыхъ осложненій. Процессъ введенія уставныхъ грамотъ тоже шелъ довольно быстро, а въ подольской губерніи шибко пошло въ ходъ даже составленіе выкупныхъ договоровъ, прекращавшихъ взаимно-обязательныя отношенія и дававшихъ крестьянамъ полное право собственности на надѣльныя земли.

Словомъ, въ первое время оффиціально все казалось благополучнымъ и цифровая сторона дѣла выступала, пожалуй, удовлетворительнѣе, чѣмъ по многимъ другимъ губерніямъ. Не предвидѣлось еще никакой связи между судьбами крестьянскаго дѣла и польскимъ національнымъ движеніемъ, которому предстояло скоро сыграть въ этомъ дѣлѣ рѣшающую роль,—хотя отзвуки означеннаго движенія явственно усиливались, особенно рельефно выразившись въ концѣ 1862 года въ извѣстномъ адресѣ подольскаго дворянства, гдѣ изъявлено было желаніе административнаго соединенія подольской губерніи съ губерніями царства польскаго. Однако, подъ внѣшностью успѣшнаго хода крестьянскаго дѣла скрывалась довольно недоброкачественная, односторонняя работа, значительно ухудшавшая крестьянское устройство противъ общихъ началъ Положеній. Дѣло, казавшееся конченнымъ законодательно, портилось исполнительными пріемами, въ которыхъ сказывался тотъ же духъ, какой воплощался прежде въ проектахъ губернскихъ комитетовъ. Уставныя грамоты вводились, но очень часто на такихъ основаніяхъ, какія фактически стушевывали то, что удалось отстоять редакціоннымъ коммиссіямъ.

Я не былъ близкимъ свидѣтелемъ введенія въ краѣ уставныхъ грамотъ, такъ какъ жилъ въ то время въ Москвѣ. Знакомиться съ этимъ періодомъ работъ мнѣ пришлось сперва по свѣдѣніямъ, доходившимъ до печати и по частнымъ сообщеніямъ, а впослѣдствіи — по краснорѣчивымъ результатамъ введенія грамотъ, представшимъ предо мною въ подлинномъ видѣ и большомъ обиліи, а также по массѣ отзывовъ о недавнемъ прошломъ, полученной на мѣстѣ. Матеріалъ этотъ далъ уже фактическія основанія для характеристики перваго періода примѣненія Положе-

ній. Будучи далекъ отъ тѣхъ мотивовъ, при которыхъ объясненій всему ищутъ въ какихъ-либо національныхъ стремленіяхъ или такихъ же свойствахъ мѣстныхъ руководителей крестьянскаго дѣла, и не вдаваясь также въ сравненія юго-западной работы съ соотвѣтствующими работами по другимъ губерніямъ,— гдѣ тоже было много односторонностей при отсутствіи всякихъ національныхъ вопросовъ,—я просто желаю передать впечатлѣнія того, что было мною встрѣчено въ области фактовъ.

Свѣдѣнія, доходившія до печати въ 1861 и 1862 годахъ, отличались большою скудостью, и юго-западный край въ этомъ отношеніи замѣтно отличался отъ великорусскихъ губерній. Тогда какъ при общемъ интересѣ къ ходу крестьянскако дѣла газеты и журналы полны были сообщеніями изъ самыхъ разнообразныхъ угловъ Россіи, — этотъ край больше оставался въ тѣни и относительно хода дѣлъ въ немъ больше приходилось довольствоваться сухими оффиціальными цифрами, обрисовывавшими внѣшность. Относительно великорусскихъ губерній въ печать попадалъ не только фактическій матеріалъ, но въ нее переносилась и масса вопросовъ, возникавшихъ изъ примѣненія Положеній, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ. Велись оживленные споры по этимъ вопросамъ съ участіемъ самихъ мѣстныхъ дѣятелей. И мировые посредники, и члены губернскихъ присутствій нерѣдко сами выступали въ печати съ своими мнѣніями и замѣчаніями, передавая также и новый фактическій матеріалъ. Горячо обсуждались способы выхода изъ встрѣчавшихся недоразумѣній. Подробно описывались болѣе замѣчательныя дѣла по отдѣльнымъ имѣніямъ, особенно такія, въ которыхъ выражалась борьба съ односторонними притязаніями, получавшими въ печати и строгую оцѣнку. Обличались неправильности и примѣры пристрастія, что вызывало печатныя же оправданія со стороны обвиняемыхъ. Не стѣснялись въ оцѣнкѣ дѣлъ вліятельныхъ по своему положенію лицъ, борясь, насколько можно, со стѣсненіями тогдашней цензуры въ отношеніи къ столь щекотливымъ для нея дѣламъ. Вообще, тогдашняя печать была полна крестьянскимъ дѣломъ. Но юго-западный край былъ далеко не такъ отзывчивъ къ печати. Оттуда изрѣдка приходили отрывочныя вѣсти, преимущественно безцвѣтныя, хотя и среди такой скудости прорывались смущавшія сообщенія о крестьянскихъ волненіяхъ, усмиреніяхъ и экзекуціяхъ. А какъ часты были подобные примѣры и какими обстоятельствами вызывались — это оставалось безъ разъясненій, и, вообще, трудно было составить ясное понятіе о томъ, что именно тамъ происходитъ. Если скуденъ былъ фактическій ма-

теріалъ, то еще скуднѣе были приходившія оттуда сужденія о созданномъ реформою положеніи и соединенныхъ съ нимъ вопросахъ. Изъ статей такого рода, сколько помню, выдавались только туманныя статьи знаменитаго хирурга Пирогова, бывшаго подольскимъ помѣщикомъ и мировымъ посредникомъ, помѣщенныя въ „Днѣ“ Аксакова, хотя и эти статьи больше обращали на себя вниманіе по имени автора, чѣмъ по содержанію, такъ какъ въ нихъ сквозило лишь смутное недовольство наличнымъ положеніемъ, при неясности—чего именно хочетъ самъ авторъ. Поэтому, болѣе ясное представленіе о качественности работъ по введенію уставныхъ грамотъ пришлось мнѣ получить только тогда, когда я самъ вошелъ въ крестьянское дѣло края, получивъ въ наслѣдіе значительную массу повѣрки этой работы и вступивъ въ общеніе съ дѣятелями сосѣднихъ мѣстностей, попавшими въ такое же положеніе.

Конечно, въ разныхъ имѣніяхъ введеніе уставныхъ грамотъ шло различно, и слишкомъ широкія обобщенія въ такой огромной массѣ, какъ нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ дѣлъ, невозможны. Для полнаго представленія нуженъ бы перечень болѣе выдающихся дѣлъ, съ объясненіемъ обстоятельствъ каждаго, но такой матеріалъ уже черезчуръ грузенъ, неудобочитаемъ и не входитъ въ ограниченную задачу настоящаго очерка. Отмѣтимъ лишь болѣе общія, болѣе распространенныя явленія.

Самою выдающеюся чертою представлялось пренебреженіе къ опредѣленію инвентарной земли, ея размѣра, состава и границъ. Законъ далъ крестьянамъ право на все владѣніе 1847 г., предоставивъ имъ требовать, при самомъ введеніи уставныхъ грамотъ, возврата того, что изъ этого владѣнія отъ нихъ отошло. Это составляло одно изъ самыхъ основныхъ началъ Положеній, но на дѣлѣ уставныя грамоты считались только съ наличнымъ крестьянскимъ пользованіемъ. Насколько инвентарный надѣлъ уменьшенъ или измѣненъ въ своемъ составѣ—это большею частію оставлялось безъ выясненія, какъ обреченное забвенію. Говорю: „большею частію“, собственно для избѣжанія излишнихъ обобщеній, но могу прибавить, что, несмотря на знакомство съ огромною массою дѣлъ и многочисленныя бесѣды съ представителями разныхъ мировыхъ съѣздовъ и губернскихъ присутствій, не могу припомнить случая, изъ котораго было бы видно, что крестьянское заявленіе о возстановленіи инвентарнаго надѣла принято и получило удовлетворительный исходъ. Формальная сторона дѣла сводилась къ тому, что въ уставную грамоту вносился наличный надѣлъ, бывшій въ крестьянскомъ пользованіи

въ 1861 году, и иногда показывались „вакансы", т.-е. участки обезземелившихся крестьянъ, перешедшіе во временное пользованіе помѣщиковъ и признававшіеся послѣдними; да и эти „вакансы" часто оставлялись въ прежнемъ положеніи, т.-е. у помѣщиковъ же. О многихъ земляхъ, отобранныхъ послѣ введенія инвентарей или обмѣненныхъ, не было помину. По документамъ выходило большею частію, что уставная грамота введена гладко, безъ возраженій. Въ числѣ забытыхъ такимъ образомъ инвентарныхъ участковъ, оставалось, между прочимъ, много крестьянскихъ усадебъ, отобранныхъ и отданныхъ въ пользованіе экономической прислуги или поступившихъ подъ какое-нибудь изъ помѣщичьихъ угодій — садъ, огородъ и т. под.

Судя по бумагамъ, надо было бы предположить, что крестьяне совсѣмъ не интересовались возвратомъ потерянныхъ ими земель, но такое предположеніе встрѣчаетъ рѣшительныя противорѣчія, во-первыхъ—въ своей неестественности, а во-вторыхъ—въ массѣ возникшихъ при послѣдующихъ повѣрочныхъ работахъ требованій именно возврата инвентарной земли. Едва приступишь, бывало, къ чтенію крестьянамъ подворнаго списка уставной грамоты, какъ посыплются, одна за другою, жалобы на лишеніе усадебъ, причемъ истцами выступаютъ то самъ лишенный жилища, то—за его смертью—семья его, то другіе участники схода. Также обильны бывали заявленія о другихъ отнятыхъ угодьяхъ, и все это показывало, что мужикъ вовсе не равнодушенъ къ землѣ, а очень дорожитъ каждымъ ея клочкомъ. Отчего такихъ требованій не заявлялось при введеніи уставныхъ грамотъ или онѣ остались неотмѣченными—объясненій надо искать въ самихъ способахъ введенія грамотъ въ первый періодъ. Правда, сами крестьяне нерѣдко утверждали, что они своевременно заявляли свои претензіи, да только ничего изъ этого не вышло.

Затѣмъ выступили опыты уменьшенія надѣла и противъ пользованія 1861 г. Ближайшій поводъ къ тому давали крестьянскіе сѣнокосы въ лѣсу. Какъ выше объяснено было, положеніемъ допускался при разверстаніи обмѣнъ ихъ на другія угодья, а въ крайнемъ случаѣ—даже отобраніе ихъ съ соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ повинностей. На практикѣ, вопросъ о сѣнокосахъ нерѣдко предрѣшался безъ выжиданія срока разверстанія, при самомъ введеніи уставныхъ грамотъ, и дѣло подводилось именно подъ упомянутые „крайніе случаи", т.-е. оно сводилось къ простому отобранію, безъ замѣны чѣмъ-либо.

Быстрота введенія грамотъ сопровождалась тѣмъ, что и въ

нихъ размѣръ крестьянскаго надѣла часто показывался съ значительными ошибками. Хотя геометрическія измѣренія были довольно распространены и порядочныхъ плановъ у помѣщиковъ было много, но нерѣдко—за отсутствіемъ ли хорошихъ измѣреній, или по другимъ причинамъ—встрѣчались случаи, когда величина надѣла показывалась только по преданію, оставляя новое поле для спорныхъ земельныхъ вопросовъ. Заботились о точномъ опредѣленіи величины усадебъ, прежде большимъ вниманіемъ не пользовавшихся, но отъ каждой сажени которыхъ теперь сталъ зависѣть размѣръ денежной повинности. Усадьбы почти повсемѣстно подвергались новой съемкѣ, но относительно полевого надѣла такой заботливости не было. Считалось, напр., что въ такомъ-то имѣніи пѣшій надѣлъ заключаетъ 6 или 8 морговъ—по этому разсчету и выводили надѣлъ въ уставной грамотѣ, только съ переводомъ морговъ на десятины. А послѣ оказывалось, что вмѣсто 6 морговъ было 7 или 6 съ дробью, вмѣсто 8—только 7 съ половиною или что-нибудь въ этомъ родѣ. Провѣрка оставлялась будущему, и трудно сказать, что бы изъ нея вышло фактически, еслибы направленіе дѣла удержалось прежнее; сохранились ли бы надѣлы, вызвавъ лишь поправку уставныхъ грамотъ, или, наоборотъ, показанія послѣднихъ приняты были бы за основу, ведя за собою отрѣзку излишковъ,—объ этомъ можно только гадать, но во всякомъ случаѣ тутъ оставлялся немалый матеріалъ для новыхъ недоразумѣній.

Повинности устанавливались по законной расцѣнкѣ десятинъ, но дозволеніе закона повышать или понижать ихъ размѣръ до 15% получало одностороннее примѣненіе. Случаи повышенія—хотя вообще немногіе—встрѣчались большею частію по поводу близости селеній къ городамъ или рѣчнымъ пристанямъ, обнаруживая, однако, натяжки, а примѣровъ пониженія не могу припомнить ни одного. Разъ только я нашелъ въ дѣлѣ слѣдъ крестьянской просьбы о пониженіи; тутъ у крестьянъ значительная часть земли была очень неудобна, занимая глинистый скатъ среди окружающаго чернозема, изрытый водомоинами. Жалоба на эту землю отмѣчена была въ протоколѣ о введеніи уставной грамоты, но удовлетворенія не получила подъ тѣмъ предлогомъ, что остальная земля у крестьянъ хороша и селеніе находится недалеко отъ австрійской границы, въ чемъ усмотрѣна была для крестьянъ какая-то выгода.

Введеніе грамотъ во многихъ селеніяхъ опять сопровождалось крестьянскими волненіями, вводомъ въ деревни военныхъ командъ и экзекуціями, свѣжія преданія о чемъ мнѣ пришлось

слышать потомъ отъ ближайшихъ свидѣтелей и участниковъ. Селенія, испытавшія такую участь, пользовались извѣстностью въ широкой округѣ. Но не всегда легко было разбираться въ существѣ „недоразумѣній“, вызывавшихъ столь рѣшительныя мѣры. По многимъ даннымъ выходило, что причину составляли невниманіе или чрезмѣрная взыскательность иныхъ посредниковъ, видѣвшихъ иногда въ естественномъ крестьянскомъ требованіи „ослушаніе“ или „бунтъ“ и не бравшихъ на себя труда терпѣливо выяснить крестьянамъ суть дѣла. Бывали подобныя „неповиновенія“ и просто плодомъ стѣсненія законныхъ крестьянскихъ правъ. Мнѣ приходилось встрѣчать многихъ наказанныхъ при экзекуціяхъ, но между ними нерѣдко оказывался очень умный, дѣльный мужикъ, а иной потомъ былъ образцовымъ старшиною, представляя собою вполнѣ полезнаго члена общества, а вовсе не какого-нибудь „врага порядка“.

Для соглашеній крестьянъ при введеніи уставныхъ грамотъ прибѣгали и къ стороннимъ увѣщаніямъ, обращаясь между прочимъ къ священникамъ, какъ къ оффиціальнымъ представителямъ нравственнаго авторитета. Издавались по этому предмету распоряженія, поручавшія священникамъ оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе къ миролюбному устройству соглашеній. Разные священники поступали, конечно, различно, но вотъ, напримѣръ, какіе отзывы мнѣ случалось потомъ слышать отъ нихъ: „Трудное было наше положеніе. Получаемъ мы высшія распоряженія, внушаетъ и епархіальное начальство: соглашайте, убѣждайте, приводите все къ миролюбному окончанію. Начинается дѣло; видимъ, что оно не ладно, крестьянамъ предлагаютъ невыгодное и права ихъ нарушаются противъ Положеній. Чуть заикнешься объ этомъ — слышимъ отъ посредника и помѣщика:—Это не ваше дѣло: на то, чтобы толковать Положенія, есть мировой посредникъ, а толковать вамъ ихъ по-своему значитъ—волновать; изъ этого можетъ выйти бунтъ и вы отвѣтите предъ начальствомъ. Ваше дѣло—только „убѣждать“.—Что прикажете тутъ дѣлать? Рисковать отвѣтственностью, подъ которую тебя легко подведутъ—отважится не каждый; а уговаривать къ тому, въ правильности чего самъ не убѣжденъ или даже въ неправильности чего совершенно убѣжденъ — будетъ неправедно, выйдетъ грѣхъ противъ моей паствы и злоупотребленіе своимъ положеніемъ. Вѣдь меня на томъ основаніи и зовутъ, что я считаюсь обладающимъ довѣріемъ своего прихода; а какого же довѣрія я стою, когда стану склонять только къ тому, что мнѣ велятъ, а не къ тому, что самъ считаю правильнымъ? Какъ я буду увѣрять, что не-

выгодное — выгодно, а незаконное—законно? Вѣдь мои прихожане прямо и справедливо скажутъ: ты не пастырь нашъ, а подставленъ панами—на ихъ руку и тянешь! Да, тяжкое бремя, бывало, чувствуешь, когда зовутъ тебя на соглашеніе. Не удивляйтесь, что въ иныхъ неправильныхъ дѣлахъ найдете слѣды и нашего участія".—Въ одномъ селеніи священникъ, усердствуя въ улаженіи сдѣлки путемъ убѣжденія крестьянъ, сказалъ имъ: „соглашайтесь; пускай у меня очи вылѣзутъ, коли я вамъ нехорошо совѣтую". Слова эти подѣйствовали, а когда сдѣлка состоялась и оказалась невыгодною и неправильною, крестьяне указывали на этого священника, носившаго потомъ, по болѣзни глазъ, темные очки: „вотъ, заклинался своими очами, что говорить правду, а теперь и сталъ слѣпой; не прошла ему даромъ неправедная клятва!"

За введеніемъ уставныхъ грамотъ, выступили новые опыты уменьшенія крестьянскаго надѣла противъ того, что было уже назначено этими грамотами. Началось составленіе выкупныхъ договоровъ. Окончательная развязка взаимныхъ обязательныхъ отношеній и поземельнаго устройства, казалось, поставитъ уже крестъ надъ всѣмъ прошлымъ, похоронитъ инвентарное преданіе и положитъ конецъ всѣмъ правамъ и притязаніямъ, изъ него выходящимъ, закрѣпивъ новый порядокъ, создаваемый этими договорами. Надѣлъ установится, какъ его устроятъ, а полученіе выкупныхъ суммъ, соотвѣтствующихъ выведеннымъ повинностямъ, совсѣмъ завершитъ вопросъ о послѣднихъ.

Уменьшеніе крестьянскаго надѣла по соглашенію и такое округленіе дачъ, при которомъ крестьянскія и помѣщичьи земли разводятся къ однимъ мѣстамъ, составляли основныя черты многихъ выкупныхъ договоровъ. Но если эти условія были выгодны помѣщикамъ, то для крестьянъ выкупъ представлялся дѣломъ темнымъ, въ которомъ они не легко разбирались, а во многихъ случаяхъ невыгоды были имъ даже очевидны. Прежде всего слѣдуетъ сказать, что преданія прошлаго сложили въ крестьянахъ огромное недовѣріе ко всѣмъ предлагаемымъ перемѣнамъ, къ каждому новому акту. Кромѣ сознательной, была глубокая инстинктивная недовѣрчивость, и мужикъ всегда боялся бумаги, къ которой надо „прикладывать руки", а въ дѣлѣ договоровъ выступалъ именно спросъ на эти руки. Инвентари имъ объявлялись какъ подлежащее исполненію правительственное распоряженіе; введеніе уставныхъ грамотъ тоже обходилось безъ письменныхъ выраженій крестьянскаго согласія, а составленіе выкупныхъ договоровъ, какъ актовъ взаимнаго соглашенія, не-

премѣнно требовало крестьянскихъ подписей, которыхъ такъ боялись. Капиталъ накопленнаго недовѣрія и опасливости былъ такъ великъ, что даже въ позднѣйшее время, при совсѣмъ другихъ условіяхъ, нерѣдко при достиженіи полнаго взаимнаго соглашенія по какому-нибудь вопросу, сдѣлка разстроивалась изъ-за одного отказа въ подписяхъ. Крестьяне говаривали въ такихъ случаяхъ: „Мы на все согласны, пускай будетъ какъ теперь сказано, а рукъ не дадимъ".—Но почему же? вѣдь на бумагѣ написано то самое, чего вы желаете?—„Пускай и такъ, а мы люди темни, не знаемъ, что̀ съ того будетъ". Съ другой стороны, выкупные договоры осложнялись тѣмъ, что требовали перехода съ издѣльной повинности на денежную, непривычную населенію. Опредѣленная уставными грамотами барщина была рѣшительно преобладающимъ видомъ крестьянской повинности въ краѣ, а что̀ будетъ при переводѣ на оброкъ или выкупные платежи—объ этомъ представленіе было неясно и усиливало боязнь. Обусловленіе же выкупныхъ предложеній уменьшеніемъ надѣла ставило новое крупное затрудненіе.

Насколько терялись и опасались будущаго крестьяне даже въ случаяхъ нестѣснительныхъ выкупныхъ предложеній со стороны помѣщиковъ, отчасти показываетъ слѣдующій характерный примѣръ. Подольскій русскій помѣщикъ (г. Ге),—о которомъ я потомъ слышалъ, какъ о находившемся въ хорошихъ отношеніяхъ съ крестьянами, — чтобы успокоить крестьянскія неопредѣленныя сомнѣнія, предложилъ выдать имъ при выкупѣ совершенно оригинальную запись. Она заключала его обязательство, написанное, для большей понятности крестьянамъ, на малорусскомъ языкѣ, принять на свой счетъ передѣлку условій выкупа, если только впослѣдствіи окажется, что его крестьяне будутъ въ менѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ какіе-либо другіе въ окрестности. Выкупъ состоялся, крестьяне припрятали полученную запись, а потомъ, когда вышли новыя правила объ обязательномъ выкупѣ и начались всюду повѣрки уставныхъ грамотъ—предъявили ее начальству. Замѣчательно въ этомъ случаѣ еще то, что по имѣнію г. Ге въ инвентарной выписи сдѣлана была крупная ошибка: въ надѣлѣ, вмѣсто бывшаго числа морговъ, показано было столько же десятинъ, т.-е. по документу инвентарный надѣлъ преувеличенъ былъ почти вдвое, а вслѣдствіе того, при сличеніи инвентарной выписи съ уставною грамотою, возникалъ поводъ считать надѣлъ сильно убавленнымъ противъ должнаго; но крестьяне, на разспросы, твердо увѣряли, что никакого отобранія земли у нихъ не было и владѣютъ они тѣмъ

же, чѣмъ въ инвентарное время.—Но въ другомъ случаѣ вызова крестьянскаго довѣрія вышло иначе. Русская же крупная титулованная помѣщица долго уговаривала крестьянъ согласиться на выкупъ съ уменьшеніемъ надѣла почти на половину. Жаль было крестьянамъ теряемой земли, но, съ другой стороны, ихъ пугали увѣреніями, что полнаго надѣла удержать, при назначенныхъ платежахъ, они будутъ не въ состояніи. Они долго колебались, сходились и расходились въ недоумѣніи, но тутъ помѣщица, по разсказу священника, обратилась къ новому средству: попросила отворить церковь, стала предъ иконою и въ присутствіи всѣхъ побожилась, что при предлагаемыхъ ею условіяхъ—крестьянамъ будетъ всего лучше. „Это,—говорилъ священникъ,—всего больше на нихъ подѣйствовало"; а послѣ выкупной договоръ оказался однимъ изъ самыхъ скверныхъ, такъ какъ по немъ не выходило и одной десятины на душу.—Видно, что были опыты положиться въ неясномъ дѣлѣ на совѣсть, только не всегда удачные. Толки о непосильной повинности за полный надѣлъ имѣли немалое значеніе въ дѣлѣ составленія выкупныхъ договоровъ, и часто крестьяне не имѣли возможности отнестись къ дѣлу съ необходимою сознательностью, а совѣтоваться имъ было не съ кѣмъ, потому что почти ни къ кому не было довѣрія.

И при всемъ томъ выкупные договоры пошли шибко. Сомнѣнія и нерѣшительность во многихъ случаяхъ уступали давленію помѣщиковъ и административныхъ властей, которое проявлялось иногда очень рѣзко. Крестьяне большею частію впослѣдствіи говорили, что вовсе не были согласны на договоры, но если имъ не всегда можно вѣрить, то слова ихъ нерѣдко косвенно подтверждались явною невыгодностью условій договоровъ и даже неестественностью сочетанія этихъ условій. Въ имѣніи одного крупнаго польскаго помѣщика договоры совершались какъ разъ въ то время, когда въ сосѣдствѣ производилась экзекуція съ ея эффектами, и по этимъ договорамъ крестьяне отказывались отъ слишкомъ трехсотъ десятинъ цѣнныхъ фруктовыхъ садовъ инвентарнаго владѣнія, отведенныхъ имъ по уставнымъ грамотамъ. Но тутъ же—какая послѣдовательность!—по тѣмъ же договорамъ, тѣ же самые сады крестьяне брали въ аренду на двѣнадцать лѣтъ и за ту же плату, какая причиталась за надѣльныя десятины. Выходило, что крестьяне одновременно и тяготятся садами, и желаютъ удержать ихъ, насколько можно. Выкупное дѣло настойчиво двигалось даже съ полнымъ пренебреженіемъ къ формальной сторонѣ. Вотъ, напримѣръ, вы-

ступаютъ изъ архива крестьянскіе приговоры о согласіи на выкупъ. Дворовъ въ селеніи сто или полтораста, а подписей подъ приговоромъ двадцать пять или тридцать; текстъ же приговора въ напыщенныхъ выраженіяхъ излагаетъ комплименты помѣщику — кстати, вовсе не славившемуся дружелюбнымъ отношеніемъ къ крестьянамъ,—и благодарность за такую милость, какъ выкупъ. Натуральный ли это приговоръ, или продиктованный—кѣмъ-то—писарю? Сами крестьяне рѣзко отрицаютъ свое согласіе; невыгодность условій показываетъ, что на нихъ очень мудрено было сознательно и добровольно соглашаться; да если отнестись къ дѣлу и строго формально, то выходитъ, что приговоръ выражалъ не общее желаніе законнаго схода, а согласіе небольшой кучки людей. При общей безграмотности, подписи почти вездѣ представляли одинъ перечень именъ, съ означеніемъ, что за всѣхъ росписался какой-нибудь имярекъ (пономарь, экономическій служитель и т. п.). Въ числѣ подписавшихъ иногда значились бывшіе во время договора давно покойниками, такъ что очевидно бумаги писались зря, какъ-нибудь. Крайнее невниманіе даже къ формальной сторонѣ дѣла показывало, что была полная увѣренность въ возможности устроивать выкупы безъ церемоній. Бывали примѣры, когда условленное договоромъ лишеніе крестьянъ части земли даже не осуществлялось фактически немедленно, и повѣрка заставала такія земли еще въ крестьянскомъ пользованіи. Какъ видно, тутъ, во избѣжаніе ближайшихъ волненій отъ числившагося добровольнымъ соглашенія, осуществленіе послѣдняго откладывалось до наступленія болѣе благопріятной для того поры.

Экзекуціи, въ свою очередь, не оставались безъ вліянія на развитіе выкупного дѣла и подвигали его. Бывало, что въ одномъ селеніи совершается экзекуція и тутъ же составляется „добровольный“ выкупной договоръ съ обычными аттрибутами, а въ сосѣднихъ одновременно пишутся такіе же договоры. Въ подобные жуткіе моменты крестьянскія сомнѣнія и недоразумѣнія относительно выкуповъ уже не представляли такихъ препятствій, какъ тамъ, гдѣ шло спокойнѣе.

Особенное развитіе выкупные договоры получили въ подольской губерніи, гдѣ—кстати сказать—при плодородіи почвы и густотѣ населенія, всякое сокращеніе надѣловъ было интереснѣе. Первый періодъ крестьянскаго дѣла въ краѣ длился всего около двухъ лѣтъ, но въ это время,—изъ котораго не мало пошло еще на введеніе уставныхъ грамотъ — по губерніи успѣло составиться и получить утвержденіе болѣе двухсотъ выкуповъ.

Нѣкоторые состоялись по одностороннему помѣщичьему требованію, безъ участія крестьянъ, хотя въ такихъ случаяхъ помѣщикъ долженъ былъ довольствоваться выкупною суммою, въ 80 процентовъ капитализированной крестьянской повинности. Гдѣ же было соглашеніе, тамъ эти 80 процентовъ выдавались правительственною выкупною ссудою, а остальные 20 вносились большею частію крестьянами, въ видѣ дополнительныхъ платежей. Но приведенная цифра еще не выражаетъ всей широты выкупного движенія, такъ какъ, сверхъ того, много выкуповъ было уже подготовлено, но не успѣло пройти всѣ инстанціи и движеніе ихъ пріостановилось наступленіемъ новой, повѣрочной эпохи. Конечно, не всѣ выкупы заслуживали одинаковой характеристики, но въ общей совокупности ихъ совершался большой шагъ къ дальнѣйшему сокращенію крестьянскаго землевладѣнія.

Въ такомъ направленіи шло дѣло, и трудно сказать, какими бы итогами оно завершилось при продолженіи подобнаго хода, еслибы польское революціонное движеніе не вызвало рѣшительнаго поворота въ правительственной системѣ относительно крестьянскаго дѣла въ краѣ. Политическому мотиву суждено было опять получить въ этомъ дѣлѣ такое же рѣшающее значеніе, какъ въ эпоху инвентарныхъ правилъ, не выходившихъ за предѣлы западныхъ губерній. Много нехорошаго принесло это революціонное движеніе не для одного западнаго края, пробудивъ, кромѣ анти-національныхъ мотивовъ, еще разные другіе реакціонные, отражавшіеся во внутренней политикѣ широко и долго, но нельзя отрицать, что собственно для крестьянскаго дѣла оно принесло пользу, заставивъ оглянуться внимательнѣе на происходившее въ сферѣ этого дѣла и—по тѣмъ или другимъ побужденіямъ—внести туда существенное улучшеніе. Не будь этого движенія, крестьянамъ было бы много хуже.

Въ 1863 году въ юго-западномъ краѣ стали появляться партіи повстанцевъ, и это прибавило къ прежнимъ причинамъ натянутости отношеній между помѣщиками и крестьянами—еще новыя. Въ крестьянахъ вызвана была политическая подозрительность относительно помѣщиковъ; а такъ какъ кромѣ преслѣдованія означенныхъ партій военною силою, признано было нужнымъ учредить еще сельскую стражу изъ крестьянъ, то послѣдніе получили и активную роль. Вооруженные пиками, крестьянскіе отряды обходили вокругъ селеній, наблюдая за подозрительными признаками, и крестьяне чувствовали и говорили, что слѣдятъ за проявленіемъ панскихъ затѣй. Помѣщикъ сознавалъ себя состоящимъ подъ крестьянскимъ надзоромъ, и отношенія

запутались сильнѣе прежняго. Помѣщику надо было требовать барщинныхъ работъ отъ тѣхъ самыхъ, кто наблюдалъ за его поведеніемъ, а мужику — покорно выполнять работы въ пользу того, за кѣмъ онъ зорко присматривалъ. Ненормальность подобнаго положенія, въ свою очередь, указывала на необходимость скорѣе развязать взаимно-обязательныя отношенія и путаницу зависимостей, обративъ господствующихъ и подчиненныхъ — въ деревенскихъ сосѣдей.

Революціонное движеніе вызвало въ правительственныхъ сферахъ и въ общественной средѣ раздраженіе противъ поляковъ; отъ неблагопріятной оцѣнки представителей опредѣленной національности дошло до такой же оцѣнки ихъ въ качествѣ „помѣщиковъ". Правда, помѣщичьи интересы вообще очень заботливо охранялись правительственными сферами, гдѣ были сторонники ихъ и по отношенію къ западному краю; но когда эти интересы подверглись смѣшенію съ политическими, когда помѣщика сталъ заслонять „полякъ"—положеніе сильно измѣнилось. Направленія въ высшихъ сферахъ хотя боролись, но это было поводомъ лишь къ колебаніямъ, къ замедленію рѣшеній, къ нѣкоторымъ компромиссамъ, а въ общемъ все-таки брала верхъ рѣшимость измѣнить положеніе крестьянскаго дѣла.

Въ это время, большое значеніе пріобрѣло и общественное отношеніе къ дѣлу. Явственно почувствовалось вліяніе печати, которая частію отражала въ себѣ общественное настроеніе, но во многомъ и руководила имъ. Съ этою новою силою стало считаться и правительство. Громче и рѣшительнѣе печать заговорила въ Москвѣ, требуя энергическаго правительственнаго вмѣшательства въ устройство внутреннихъ отношеній въ западномъ краѣ. И общая правительственная система, и дѣйствія мѣстной администраціи критиковались ею довольно рѣзко, несмотря на цензурныя стѣсненія. Вліятельными силами выступили „Московскія Вѣдомости" Каткова и „День" Аксакова. Обѣ эти газеты взывали къ правительственной энергіи, но въ характерѣ ихъ требованій замѣчалось и существенное различіе. Катковъ взывалъ, главнымъ образомъ, къ мѣрамъ строгости, къ военнымъ и полицейскимъ воздѣйствіямъ, къ преслѣдованію личностей, ко всему, что можетъ быть направлено противъ зловредности „поляка", какъ таковаго; центръ тяжести его требованій былъ въ средствахъ усмиренія, подавленія, упраздненія. Пресѣчь вліяніе польскаго элемента во всѣхъ сферахъ являлось основною цѣлью. Аксаковъ же, хотя тоже высказывался иногда за строгости, но больше имѣлъ въ виду вызовъ къ жизни наличнаго русскаго

элемента въ краѣ—крестьянства и духовенства,—чтобы этотъ элементъ могъ стать дѣятельною оппозиціонною силою въ отношеніи къ польскому. Въ одинъ тонъ съ Аксаковымъ говорили и такіе сотрудники его, какъ покойные Ю. Ѳ. Самаринъ и А. Ѳ. Гильфердингъ. Читавшій „Московскія Вѣдомости" больше выносилъ мысль, что надо давить все польское, а читавшій „День"—что надо живить все мѣстное русское, помогая ему и великорусскою общественною силою. Одни читатели усвоивали мнѣніе, что надо уничтожать наличную польскую общественную силу, хотя бы тамъ не оставалось иной, а другіе—что слѣдуетъ непремѣнно вызывать другую общественную силу. При всѣхъ этихъ отличіяхъ проповѣди подавленія и оживленія между публицистами обѣихъ газетъ, при тогдашнемъ разгарѣ страстей, оказывалось не мало пунктовъ соприкосновенія и основныя точки зрѣнія выдерживались не очень строго. Правительственныя сферы, въ свою очередь, испытывали давленіе съ этой стороны. Но практически Катковская проповѣдь все-же оказывалась вліятельнѣе: будучи проще, рѣзче, согласнѣе съ привычками, считаясь больше съ вопросами текущей минуты, она была и болѣе наглядна, понятна и удобопріемлема, чѣмъ призывы къ оживленіямъ. Цензура тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ Валуева старалась сдерживать рѣшительность печатныхъ рѣчей, но министерская политика сама не имѣла твердой опоры въ какой-либо прочно установленной точкѣ зрѣнія и виляла между теченіями, не рѣшаясь пристать къ одному и опасаясь другого. Верхнія колебанія при ростѣ общественнаго возбужденія характеризовали довольно значительный періодъ времени.

По отношенію къ крестьянскому дѣлу въ итогѣ стало устанавливаться мнѣніе, что неблагонадежный помѣщичій элементъ западнаго края испортилъ это дѣло въ своихъ видахъ, а потому надо поддержать крестьянство, провѣривъ то, что̀ для него было сдѣлано, и измѣнивъ его положеніе съ отношеніями къ помѣщикамъ. Правда, во взглядахъ на этотъ вопросъ сказывалась та же двойственность, какъ объясненная выше. Одни считали нужнымъ улучшить положеніе крестьянъ потому, что помѣщики тамъ—поляки, а другіе находили, что огражденіе крестьянскихъ правъ и интересовъ требуется само по себѣ, въ силу того, что эти интересы нарушены, не ограждены, что требованія ихъ нуждаются въ оцѣнкѣ болѣе безпристрастныхъ судей, чѣмъ мѣстные посредники, сами заинтересованные въ извѣстномъ направленіи крестьянскаго дѣла, и что нужно, наконецъ, поставить когда-нибудь хорошее устройство крестьянъ самостоятельною цѣлью.

По одному взгляду выходило, что измѣненіе крестьянской реформы—нѣчто въ родѣ кары для поляка, а по другому—дѣло справедливости, исправленія долгихъ ошибокъ и живого участія къ крестьянскому населенію. Различіе взглядовъ по данному вопросу сказывалось и между упомянутыми публицистами. Вчитывавшійся въ Катковскія статьи часто выносилъ мысль, что крѣпостничество—удѣлъ только западныхъ губерній и имѣетъ исключительно національное основаніе. Аксаковскій „День“, напротивъ, уже много боровшійся прежде съ крѣпостническими тенденціями всѣхъ мѣстностей, больше видѣлъ въ западномъ краѣ лишь усиленное напряженіе ихъ, объясняемое, главнымъ образомъ, совпаденіемъ классовой и національной розни населенія. Всѣ эти различія понятій распространялись въ обществѣ и держались довольно долго, отражаясь, между прочимъ, и на послѣдующихъ работахъ по крестьянскому дѣлу.

Пока шелъ процессъ измѣненія правительственныхъ и общественныхъ взглядовъ, направленіе мѣстной администраціи юго-западнаго края было самое неопредѣленное. Во главѣ ея стоялъ старикъ генералъ-губернаторъ Анненковъ, уже заканчивавшій свою жизненную карьеру и далеко не отвѣчавшій высотѣ своего положенія въ столь серьезную эпоху. Въ дѣлахъ гражданскаго управленія онъ былъ несвѣдущъ и опредѣленными воззрѣніями на интересы края не обладалъ. Бороться военными средствами противъ появлявшихся повстанцевъ или учреждать военные суды надъ обвиняемыми онъ могъ, но дальше не зналъ, что̀ дѣлать, плохо улавливая и правительственныя вѣянія, особенно при тогдашней ихъ розни. Въ трудныхъ случаяхъ онъ терялся, проявлялъ нерѣшительность или бросался съ одной стороны на другую. То онъ несклоненъ къ крутымъ мѣрамъ и проявляетъ мягкость характера, то рѣшаетъ смертныя казни. Какой системы держаться послѣ подавленія повстанскихъ попытокъ, какіе вопросы выдвинуть, съ кѣмъ считаться—было для него непосильною задачею. А тутъ, сверхъ другихъ затрудненій, выступаетъ и въ печати рѣзкая критика дѣйствій кіевской администраціи. Надо было отзываться въ разныя стороны и, между прочимъ, оправдываться оффиціозными статьями, прикрытыми именемъ услужливаго чиновника, выступавшаго въ качествѣ частнаго корреспондента, а на эти неловкія оправданія, выражавшія тоже шатаніе изъ стороны въ сторону, опять сыплются новая критика и новые запросы. Въ крестьянскомъ дѣлѣ онъ скорѣе симпатизировалъ помѣщичьей сторонѣ, какъ представитель старыхъ традицій, но и тутъ твердо не могъ стать ни на чемъ, такъ какъ

выступали явно новыя требованія. Не выручали и губернаторы. Плохъ былъ кіевскій, а наиболѣе способнымъ былъ подольскій губернаторъ Брауншвейгъ; только и его положеніе было неловкимъ, такъ какъ при его вліяніи развивались тѣ самые выкупные договоры, и вообще то направленіе крестьянскаго дѣла, о которыхъ сказано выше, для которыхъ онъ прежде ожидалъ благопріятной верхней аттестаціи, но которые теперь уже ждали пересмотра.

Хотя правительственная рѣшимость поставить крестьянское дѣло на новый путь уже выработывалась, но она выразилась не сразу и двигалась полумѣрами. Дать крестьянамъ полную земельную самостоятельность оказалось возможнымъ по частямъ. Обязательный выкупъ объявленъ былъ 1 марта 1863 года только для сѣверо-западнаго края, а юго-западный оставлялся еще въ прежнемъ положеніи. Опять пошли колебанія, опять въ печати заговорили о безцѣльности изъятія юго-западнаго края и о необходимости также оградить его крестьянъ, но для рѣшенія на второй подобный шагъ понадобилось еще пять мѣсяцевъ, и обязательный выкупъ для губерній кіевской, волынской и подольской рѣшенъ былъ 30 іюля 1863 года. Только послѣ этого стали выступать, однѣ за другими, дополнительныя правила, опредѣлявшія самый порядокъ осуществленія выкупа и разрѣшавшія соединенные съ нимъ вопросы, причемъ и эти правила не чужды были отрывочности и недостатка послѣдовательности, вызывавшихъ потомъ поправки и добавки.

Указъ 30 іюля кратко устанавливалъ слѣдующія положенія: всѣ обязательныя отношенія между помѣщиками и крестьянами прекращались съ 1 сентября и крестьяне сразу переводились съ издѣльной повинности на денежные выкупные платежи, размѣръ которыхъ опредѣлялся установленною прежде оцѣнкою издѣльныхъ работъ, пониженною на 20 процентовъ. Уставныя грамоты признаны подлежащими повѣркѣ и затѣмъ обращенію въ выкупные акты. Но вмѣстѣ съ заботливостью объ исправленіи уставныхъ грамотъ тотъ же указъ оставлялъ въ силѣ „со всѣми послѣдствіями" состоявшіеся выкупы (по соглашенію или по требованію однихъ помѣщиковъ), если только они подверглись утвержденію до 30 іюля. Только относительно выкуповъ, составленныхъ, но еще не утвержденныхъ, требовалось новое удостовѣреніе въ ихъ добровольности и правильности.

Выкупные платежи, исчисленные мировыми посредниками на основаніи уставныхъ грамотъ, подлежали внесенію крестьянами прямо въ казначейство, а послѣднимъ предоставлялось переда-

вать ихъ помѣщикамъ по мѣрѣ поступленія. Казначейство обращалось въ платежнаго посредника. На дѣлѣ, впрочемъ, такая передача осуществлялась рѣдко. Только помѣщики, пользовавшіеся бо̀льшимъ административнымъ участіемъ, получали выкупные платежи фактически; у прочихъ же эти платежи, по разнымъ соображеніямъ, задерживались, отчего помѣщики сразу очутились и безъ крестьянскихъ работъ, и безъ замѣняющихъ ихъ платежей, причемъ должны были еще одновременно уплачивать вновь установленный „процентный сборъ“, выводившійся по ихъ доходамъ административно и въ первое время—на̀-скоро, по непровѣреннымъ свѣдѣніямъ, съ большими ошибками. Объясненный порядокъ платежей имѣлъ собственно временный характеръ, такъ какъ полный разсчетъ по выкупнымъ ссудамъ и платежамъ долженъ былъ наступить уже послѣ повѣрокъ и утвержденія выкупныхъ актовъ.

Далѣе, 8 октября того же года, утверждены были правила о самомъ порядкѣ произведенія обязательнаго выкупа. Повѣрять уставныя грамоты должны были мировые съѣзды, измѣненные въ своемъ составѣ. Уѣздные предводители устранялись отъ предсѣдательствованія въ этихъ съѣздахъ и замѣнялись спеціальными предсѣдателями, назначаемыми министромъ внутреннихъ дѣлъ по предсоглашенію съ министромъ финансовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предусматривалась и замѣна прежнихъ мировыхъ посредниковъ лицами, назначаемыми правительствомъ. Съѣздамъ предоставлено было измѣнять грамоты по надѣлу и повинностямъ, „но безъ права возвышать“ крестьянскіе платежи противъ того размѣра, какой устанавливался на основаніи уставной грамоты по указу 30 іюля. Только земли, вновь присоединяемыя къ надѣлу, облагались добавочными платежами. Процессъ повѣрки грамотъ устанавливался такой: мировой съѣздъ по каждому имѣнію вызываетъ не менѣе шести крестьянскихъ уполномоченныхъ и предъявляетъ имъ грамоту. Въ случаѣ возраженій съ ихъ стороны и возникшихъ въ съѣздѣ сомнѣній относительно правильности грамоты—объ этомъ сообщается помѣщику, для доставленія имъ объясненій, а мировому посреднику поручается дознаніе на мѣстѣ. По полученіи всѣхъ разъяснительныхъ свѣдѣній, мировой съѣздъ составляетъ заключеніе о степени правильности грамоты и необходимыхъ въ ней измѣненіяхъ, а также объ окончательномъ размѣрѣ выкупныхъ платежей. Сообразно этому заключенію мировой посредникъ исправляетъ грамоту, составляетъ на ея основаніи выкупной актъ и предъявляетъ его сторонамъ, послѣ чего означенный актъ, просмотрѣнный предсѣдателемъ съѣзда, пред-

ставляется въ губернское присутствіе. На обжалованіе выкупного акта сторонамъ давался мѣсячный срокъ. Затѣмъ, единогласныя рѣшенія губернскаго присутствія признавались окончательными, а при отсутствіи единогласія — на эти рѣшенія стороны могли приносить жалобы министерству внутреннихъ дѣлъ. На весь ходъ такихъ повѣрочныхъ дѣйствій назначался годовой срокъ.

При всей внѣшней рѣшительности этихъ новыхъ законовъ, въ нихъ съ перваго взгляда замѣчались внутреннія противорѣчія, предсказывавшія неизбѣжность новыхъ серьезныхъ вопросовъ. Особенно бросалась въ глаза вводимая ими двойственность положенія крестьянъ. Для тѣхъ, которые къ выкупу надѣла не приступали, назначалась повѣрка, возможность исправленія надѣла и ограниченіе платежей убавленною на 20 процентовъ повинностью по уставной грамотѣ,—словомъ, выражалась заботливость о правильности ихъ устройства. А для крестьянъ, уже застигнутыхъ выкупомъ до 30 іюля, которые еще больше нуждались въ повѣркѣ, — условія выкупа оставлялись неприкосновенными, каковы бы онѣ ни были, и этимъ крестьянамъ, кромѣ пользованія обрѣзаннымъ надѣломъ, часто предстояло нести гораздо высшія повинности,—напр., когда по выкупнымъ договорамъ, вдобавокъ къ выкупной суммѣ, назначены были дополнительные платежи въ пользу помѣщика. На жалобы такихъ крестьянъ, мировые съѣзды должны были отвѣчать: „вы согласились на выкупъ, и потому вашихъ жалобъ слушать не будемъ“. Это приводило къ новому усиленію крестьянской недовѣрчивости и опасливости относительно всякихъ соглашеній и подписыванія чего-либо. Появились толки: — Вотъ тѣ согласились, отъ нихъ „брали руки“, и имъ стало хуже, а кто на соглашенія не шелъ— тѣмъ вышло лучше. Нѣтъ, нельзя „приставать“ ни на что, ничего не надо подписывать!

На разные вопросы, вытекавшіе изъ предыдущей практики, новыя правила отвѣта не давали, и этимъ вопросамъ суждено было выступить уже во время самаго хода повѣрочныхъ работъ, отчего онъ сильно осложнялся. Невѣроятнымъ казалось окончаніе такого громоздкаго дѣла въ годовой срокъ, способное осуществиться развѣ при полной исправности подавляющаго большинства повѣряемыхъ грамотъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ было вовсе не то. Стоялъ, наконецъ, большой вопросъ о направленіи предстоявшихъ работъ, потому что отъ исполнительныхъ пріемовъ зависѣло, какъ придать имъ полную серьезность, такъ и свести ихъ къ одной формальности.

1863-й годъ закончился явнымъ переходомъ къ чему-то но-

вому, но это новое было довольно темно. Ничего нельзя было сказать о будущемъ направленіи. Процессъ его выработки при большихъ затрудненіяхъ выпалъ на долю слѣдующаго, 1864 года, который, такъ сказать, „выносилъ" въ себѣ то, что разрѣшалось фактически въ послѣдующее время, и потому имѣлъ для мѣстнаго крестьянскаго дѣла весьма важное значеніе поворотнаго періода.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1900.

Вопросы техническаго образованія.

Когда идетъ рѣчь о техническомъ образованіи, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что оно преслѣдуетъ двоякую цѣль. Это, во-первыхъ, дать техническую подготовку, съ которой учащійся, по окончаніи своего образованія, можетъ оріентироваться во всякаго рода производствахъ, конечно, предварительно поработавъ практически нѣкоторое время въ избранной имъ спеціальности; такую подготовку даютъ высшія техническія учебныя заведенія, такъ называемые, политехникумы. Совершенно иныя цѣли преслѣдуются средними и низшими техническими училищами, равно какъ и школами, предназначенными для взрослыхъ, избравшихъ для своей жизни вполнѣ опредѣленную спеціальность.

Если въ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ главною основою образованія являются общіе предметы, дающіе въ общихъ чертахъ понятіе о машиностроеніи, архитектурѣ и т. д., независимо отъ примѣненія таковыхъ къ тому или иному производству; если въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ дается общее представленіе о производствахъ, то задачею второго типа техническихъ школъ является—дать учащемуся все необходимое по избранной имъ спеціальности.

Поэтому въ спеціальныхъ школахъ для взрослыхъ, принципы организаціи которыхъ составляютъ предметъ настоящей бесѣды, всѣ предметы должны быть такъ скомбинированы, чтобы учащійся, съ одной стороны, получалъ научное пониманіе процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ производствѣ, и съ другой стороны — выносилъ изъ школы знаніе современныхъ пріемовъ и орудій производства, пріобрѣлъ способность оріентироваться въ мѣстныхъ условіяхъ, способность критически относиться ко всякаго рода новымъ пріемамъ и нововведеніямъ. Чѣмъ больше производство по своимъ размѣрамъ, тѣмъ болѣе находитъ себѣ мѣсто распредѣленіе труда и тѣмъ болѣе практикуется спеціализація.

Такъ, на громадныхъ заводахъ въ Германіи и Англіи техники завѣдуютъ совершенно самостоятельно отдѣльными частями производства, не сносясь другъ съ другомъ и подчиняясь только инструкціямъ особаго совѣта или комитета, на обязанности котораго лежитъ давать извѣстное направленіе производству въ его цѣломъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло на заводахъ среднихъ размѣровъ и маленькихъ, которые пока еще составляютъ преобладающій элементъ въ мірѣ индустріи.

Чѣмъ меньше производство, тѣмъ болѣе несетъ на себѣ обязанностей лицо, призванное завѣдывать техническою стороною дѣла, тѣмъ разностороннѣе должны быть его познанія.

Поэтому и спеціальная техническая школа (обучающая одному производству) должна давать учащемуся всѣ необходимыя знанія и притомъ въ формѣ, по возможности доступной и простой. Наиболѣе распространенными и наиболѣе научно обставленными въ настоящее время являются производства, основанныя на броженіи. Поэтому я считаю наиболѣе интереснымъ дать описаніе организаціи трехъ школъ для взрослыхъ, обучающихъ, именно, этой отрасли индустріи, тѣмъ болѣе, что планы преподаванія и организація ихъ повсюду почти одинаковы, и, наконецъ, потому, что мнѣ лично ихъ устройство и значеніе хорошо извѣстны.

Въ кругъ процессовъ, имѣющихъ мѣсто въ производствахъ броженія, входятъ явленія физическія (теплота и нѣкоторыя другія), нѣкоторыя химическія явленія и растительно-физіологическія, относящіяся къ жизни низшихъ растеній (грибы).

Процессы пивоваренія и винокуренія затрогиваютъ довольно узкую, хотя и вполнѣ опредѣленную область физико-химическихъ явленій, почему и въ соотвѣтствующихъ школахъ преподаются только нѣкоторые отдѣлы изъ физики и химіи съ объясненіемъ важнѣйшихъ законовъ этихъ наукъ и практическихъ пріемовъ, выработанныхъ на основаніи послѣднихъ.

Совокупность вышеуказанныхъ знаній составляетъ, какъ это принято называть, химическую часть спеціальнаго образованія.

Безъ этихъ знаній пивоваръ или винокуръ не можетъ вести, какъ слѣдуетъ, производства, не можетъ его контролировать, не можетъ давать вѣрной оцѣнки какъ сырымъ продуктамъ, входящимъ въ производство, такъ и продуктамъ, приготовляемымъ на заводѣ.

Однако, пивовару или винокуру недостаточно имѣть одну химическую подготовку: онъ долженъ понимать устройство и практику машинъ, дѣйствующихъ на заводѣ, для того, чтобы эксплоатировать послѣднія съ возможно большей выгодою для завода. На этомъ основаніи въ число предметовъ преподаванія входятъ разъясненіе и описаніе устройства и ухода за машинами, употребляемыми въ производ-

ствѣ, что и составляетъ техническій отдѣлъ обученія въ узкомъ смыслѣ этого слова.

Наконецъ, пивоваръ или винокуръ долженъ вести производство сообразно спросу и, вообще, вести дѣло съ возможной выгодою для заводовладѣльца,—и для этой цѣли отъ завѣдующаго техника требуется знаніе и хозяйственной стороны дѣла. Послѣднее возможно только въ томъ случаѣ, когда ведется болѣе или менѣе правильное счетоводство и когда самъ техникъ достаточно знакомъ съ теоріею и практикою счетоводства. Такимъ образомъ, въ кругъ преподаванія въ этихъ школахъ должна входить бухгалтерія, спеціально приноровленная для того или другого рода производства. Вотъ общій планъ обученія въ такихъ школахъ.

Что потребность въ техническихъ школахъ для взрослыхъ въ Германіи очень велика, это видно изъ того, что большинство такихъ школъ составляютъ частныя учрежденія и часто являются средствомъ существованія для ихъ устроителей.

Такова, между прочимъ, весьма извѣстная мюнхенская пивоваренная школа.

Въ 1869 году владѣлецъ пивовареннаго завода въ Аугсбургѣ, Карлъ Михель, попробовалъ устроить при своемъ заводѣ пивоваренную школу. Удачная организація этой школы, удачный подборъ преподавателей и авторитетъ основателя, какъ глубокаго знатока этой отрасли промышленности, скоро создали хорошую репутацію школѣ. Дѣла послѣдней пошли такъ хорошо, что въ 1881 году оказалось возможнымъ пріобрѣсти въ Мюнхенѣ отличное помѣщеніе и перевести туда школу, которая и до настоящаго времени процвѣтаетъ, несмотря на существованіе государственной „Пивоваренной академіи“ и другой частной школы въ томъ же Мюнхенѣ.

Въ школѣ Михеля два отдѣленія: практическое, предназначенное исключительно для лицъ, не занимавшихся или, вообще, незнакомыхъ съ этимъ производствомъ. Въ это отдѣленіе поступаютъ преимущественно богатые люди, по тѣмъ или инымъ соображеніямъ желающіе познакомиться практически съ пивовареніемъ.

Число учащихся въ немъ обыкновенно въ годъ колеблется отъ 15 до 17 чел.

Ученики здѣсь, главнымъ образомъ, знакомятся съ производствомъ, принимая участіе во всѣхъ его работахъ.

Главный же контигентъ учениковъ этой школы поступаетъ на ея теоретическое отдѣленіе и состоитъ изъ служащихъ на заводахъ и желающихъ пополнить свои практическія свѣдѣнія теоретическими познаніями. На этомъ отдѣленіи число учащихся колеблется въ годъ отъ 90 до 100 чел. Продолжительность курса на обоихъ отдѣленіяхъ—

6 мѣсяцевъ. Плата за курсъ 125 рублей и около 25 руб. за дополнительные предметы. Ученики по желанію могутъ пользоваться въ школѣ квартирою и столомъ за 25 руб. въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ, для пріѣзжаго въ Мюнхенъ все обученіе и жизнь обходятся въ триста рублей.

Преподавателями въ школѣ состоятъ, кромѣ директора и завѣдующаго лабораторіею, четверо—профессоровъ изъ политехникума и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній Мюнхена.

Эта школа существуетъ исключительно съ доходовъ, получаемыхъ съ учениковъ за слушаніе лекцій, и съ платы за анализы различныхъ продуктовъ, производимые въ школьной лабораторіи.

Ученики Михелевской школы извѣстны какъ лучшіе пивовары въ Баваріи и состоятъ главными пивоварами на самыхъ лучшихъ заводахъ въ этой странѣ, какъ, напримѣръ, на знаменитыхъ заводахъ Пшорра и Зедельмейера. Вообще, я долженъ замѣтить, что въ этой отрасли производства, въ качествѣ главныхъ руководителей дѣла, въ громадномъ большинствѣ случаевъ стоятъ лица, не получившія высшаго техническаго образованія, а выдвинувшіяся изъ среды рабочихъ, благодаря своей энергіи, и получившія спеціальное образованіе въ пивоваренныхъ школахъ. Это—люди, къ которымъ какъ нельзя болѣе подходитъ англійская кличка: self-made.

Если Германія колоссальнымъ ростомъ своего политическаго могущества и матеріальнаго благосостоянія во многомъ обязана своему „школьному учителю", разнесшему по всей странѣ какъ общее, такъ и спеціальное образованіе, то еще въ большей степени обязана школьному учителю маленькая Богемія въ дѣлѣ пробужденія своего національнаго самосознанія и въ поднятіи матеріальнаго благосостоянія страны.

Въ то время, какъ въ остальной части Австріи процентъ неграмотныхъ достаточно высокъ, въ Богеміи на тысячу человѣкъ неграмотныхъ приходится только нѣсколько.

Богемія въ настоящее время является наиболѣе культурною, богатою и промышленною страною въ Австро-Венгріи. Прогрессъ въ этой странѣ представляетъ значительный интересъ уже потому, что въ развитіи Богеміи главную роль играла частная и мѣстная иниціатива, иногда не только не находившая поддержки со стороны правительства, но даже стоявшая въ прямомъ антагонизмѣ съ послѣднимъ. Однако, несомнѣненъ и тотъ фактъ, что чехи очень многое въ дѣлѣ своего общаго и спеціальнаго образованія позаимствовали у своихъ сосѣдей—сѣверныхъ нѣмцевъ.

По нѣмецкому образцу устроены въ Прагѣ пивоваренная и винокуренная школы.

Въ 1875 году союзъ богемскихъ землевладѣльцевъ, въ видахъ поднятія мѣстнаго хозяйства и улучшенія положенія сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводовъ, рѣшилъ устроить на свои средства винокуренную школу.

Довольно извѣстный чешскій патріотъ и землевладѣлецъ Даубекъ предоставилъ въ распоряженіе школы свой винокуренный заводъ и уступилъ домъ для помѣщенія въ немъ школы и учениковъ. Въ 1881 году найдено было болѣе удобнымъ перенести школу въ Прагу, гдѣ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ читается теорія и производятся лабораторныя работы. По окончаніи теоретическаго курса, ученики отправляются для двухмѣсячной практики на громадный и прекрасно обставленный заводъ г. Рингофера, гдѣ практически знакомятся съ производствомъ, совершая своими руками всѣ обычныя работы въ извѣстной, конечно, послѣдовательности.

Практическій курсъ, благодаря любезности заводовладѣльца, не только не вызываетъ какихъ-либо затратъ со стороны школы, но ея директоръ и ученики пользуются на заводѣ самымъ широкимъ гостепріимствомъ.

При организаціи этой школы, между прочимъ, имѣлось въ виду дать владѣльцамъ (конечно, желающимъ) сельско-хозяйственныхъ заводовъ возможность теоретически и практически ознакомиться съ винокуреніемъ для того, чтобы путемъ улучшенія производства успѣшнѣе конкуррировать съ крупными промышленными заводами.

Въ школѣ пять преподавателей, изъ которыхъ трое состоятъ доцентами въ чешскомъ политехникумѣ. Расходы на содержаніе школы простираются до 10.000 гульденовъ ежегодно.

Съ учениковъ взимается плата въ 80 гульденовъ за все обученіе. Средства на содержаніе школы даются вышеупомянутымъ союзомъ, въ числѣ членовъ котораго состоятъ такіе извѣстные землевладѣльцы, какъ князь Фюрстенбергъ, Даубекъ и другіе.

Школа пользуется вполнѣ заслуженною репутаціею; ея ученики австрійскимъ правительствомъ сравнены въ правахъ государственной службы съ лицами, окончившими высшія техническія учебныя заведенія, и съ честью несутъ обязанности акцизныхъ чиновниковъ.

Нѣсколько учениковъ изъ этой школы состоятъ главными винокурами на лучшихъ заводахъ южной Россіи.

Обѣ вышеописанныя школы устроены на скромныхъ началахъ и располагаютъ скромными средствами.

Въ Пруссіи, странѣ, богатой населеніемъ, деньгами и иниціативою, подобнаго рода учрежденія создаются въ болѣе широкомъ масштабѣ и на это дѣло затрачиваются большія суммы.

Поэтому и неудивительно, что пивоваренно-винокуренная школа

въ Берлинѣ представляетъ собою обширное учрежденіе, болѣе похожее на высшее техническое заведеніе, чѣмъ на простую техническую школу.

Большой интересъ представляетъ исторія возникновенія и устроенія „Institut für Gährungsgewerbe" въ Берлинѣ, въ своемъ родѣ единственнаго учрежденія въ мірѣ.

Въ 1883 года 120 членами союза пивоваренныхъ заводчиковъ рѣшено было устроить испытательный заводъ и станцію; на это ими ассигновано ежегодно по 7.000 марокъ. Идея нашла сочувствіе со стороны другихъ союзовъ, непосредственно заинтересованныхъ въ обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ а также и правительства. Въ 1887 г., въ дополненіе къ собраннымъ вышеупомянутыми союзами 240.000 марокъ, прусскій ландтагъ ассигновалъ 400.000 марокъ на устройство сначала испытательнаго пивовареннаго завода и школы, а изъ фискальныхъ земель былъ отведенъ участокъ въ шесть десятинъ на окраинѣ Берлина. Вторая ассигновка въ 600.000 марокъ послѣдовала со стороны правительства, когда къ союзу пивоваренныхъ заводчиковъ присоединились союзы крахмалопроизводителей, сельско-хозяйственныхъ винокуренныхъ заводчиковъ и интересующихся культурою картофеля и ячменя.

Они рѣшили построить испытательные заводы: винокуренный, крахмальный, уксусный, и развести образцовыя плантаціи картофеля и ячменя, а также устроить при нихъ соотвѣтствующія школы. Союзы для выполненія этого предпріятія ассигновали милліонъ марокъ. Въ 1888 г. началъ дѣйствовать пивоваренный заводъ и школа. Въ теченіе слѣдующихъ десяти лѣтъ была закончена постройка остальныхъ заводовъ и особаго помѣщенія для школъ и испытательной лабораторіи, которыя временно помѣщались въ зданіи высшаго сельско-хозяйственнаго института въ Берлинѣ.

Средства для содержанія этого грандіознаго института составляются: во-первыхъ, изъ членскихъ взносовъ (число членовъ соединенныхъ союзовъ въ 1887 году было болѣе 6.000), во-вторыхъ изъ платы съ учениковъ школъ, въ-третьихъ изъ платы за анализы, и въ-четвертыхъ изъ доходовъ, получаемыхъ съ заводовъ института. Годовой оборотъ испытательнаго пивовареннаго завода въ 1897 году—428.000 марокъ, винокуреннаго—220.000 марокъ и т. д.

Для научныхъ цѣлей и преподаванія состояло 32 человѣка. При институтѣ—бюро, занимающееся исключительно статистикой этихъ отраслей промышленности, обработывающей сельско-хозяйственные продукты, а также и тѣсно связанныхъ съ послѣдними отраслей сельскаго хозяйства. Контингентъ учащихся въ школахъ и лабораторіяхъ института ежегодно простирается до 450—500 человѣкъ. Единственное для

поступленія въ школу условіе—предварительная двухлѣтняя практика по соотвѣтствующей спеціальности. Я былъ удивленъ, увидавъ среди слушателей почтенныхъ и убѣленныхъ сѣдинами отцовъ семействъ, изучавшихъ ту или другую отрасль сельско-хозяйственной промышленности. Это—сельскіе хозяева изъ различныхъ провинцій Германіи, которые изучали технику интересовавшаго ихъ производства съ цѣлью поднять таковую въ своемъ имѣніи. При институтѣ издается четыре спеціальныхъ еженедѣльныхъ журнала: по пивоваренію, винокуренію, уксусному и крахмальному производствамъ. Каждый журналъ знакомитъ читателей со всѣми успѣхами и усовершенствованіями техники производства, съ положеніемъ рынка, даетъ массу интереснаго статистическаго матеріала. Каждый изъ этихъ журналовъ является органомъ своего союза.

Сказаннаго достаточно, чтобы оцѣнить дѣятельность этихъ союзовъ въ дѣлѣ распространенія техническихъ знаній въ своей странѣ и всю ту пользу, которую они приносятъ экономическому прогрессу Германіи. По статистическимъ даннымъ за послѣдніе годы, выше указанныя отрасли промышленности переработываютъ ежегодно на 630 милл. марокъ произведеній сельскаго хозяйства. Стоимость выработанныхъ продуктовъ составляетъ 1.067 милліоновъ марокъ, причемъ получается отбросовъ, идущихъ на кормъ, на сумму въ 50 милл. марокъ. По разсчетамъ профессора Дельбрюка, удешевленіе производства, благодаря успѣхамъ и усовершенствованіямъ техники въ этихъ областяхъ промышленности, составляетъ за послѣднія 15 лѣтъ минимумъ 10%, что даетъ солидную цифру въ 100 милл. марокъ ежегодной экономіи для государства.

На каждомъ заводѣ ведется одновременно два производства: постоянное, выработывающее продукты опредѣленнаго качества для продажи, и производство испытательное, предназначенное для опытовъ или для демонстраціи ученикамъ различныхъ пріемовъ.

Такая чисто-практическая постановка дѣла даетъ возможность не только существовать этому институту, но и постоянно расширять сферу своей дѣятельности, пріобрѣтать новые усовершенствованные аппараты, обогащать лабораторію цѣнными инструментами и т. д. Въ настоящее время при институтѣ устроены образцовыя плантаціи хмеля, картофеля и ячменя.

Какъ въ пивоваренномъ, такъ и въ винокуренномъ отдѣленіяхъ школы два семестра: зимній и лѣтній, почти съ одинаковою продолжительностью обученія и программою.

Семестръ длится 4 мѣсяца, послѣ чего желающіе спеціально изучать контроль производства и культуру чистыхъ дрожжей, могутъ работать въ спеціально приноровленной для этого лабораторіи.

Дополнительный курсъ длится обыкновенно 2 мѣсяца, хотя, вообще, никакими сроками не ограниченъ.

Въ кругъ преподаванія пивоваренной школы входятъ главныя положенія общей части физики и теоріи теплоты, главные законы химіи и тѣ ея отдѣлы, которые имѣютъ связь съ наиболѣе важными процессами производства.

Практическія занятія по химіи состоятъ въ продѣлываніи анализовъ, наиболѣе употребительныхъ въ производствѣ.

Изъ ботаники читается отдѣлъ о грибахъ, съ объясненіями нѣкоторыхъ общихъ положеній этой науки.

Кромѣ того, читается машиновѣдѣніе, т.-е. описаніе машинъ, употребляемыхъ на пивоваренныхъ заводахъ, съ предварительными объясненіями изъ области практической механики. При этомъ машины демонстрируются на мѣстѣ; ученики, кромѣ того, посѣщаютъ лучшіе пивоваренные заводы въ Берлинѣ, гдѣ имъ даются нужныя объясненія. Изъ чисто спеціальныхъ предметовъ читаются: ученіе о производствѣ (Betriebslehre) и контроль производства (Betriebscontrolle) и, наконецъ, преподается подробное описаніе свойствъ продуктовъ, поступающихъ въ обработку и приготовляемыхъ въ этомъ производствѣ.

Заводское счетоводство составляетъ также важную часть обученія въ этой школѣ. Этотъ предметъ изучается такимъ образомъ, что каждый ученикъ долженъ свести счеты завода института за мѣсяцъ и по методамъ счетоводства, спеціально выработаннымъ для этой цѣли, т.-е. чисто практическій пріемъ обученія.

На винокуренномъ отдѣленіи школы читаются тѣ же общіе предметы, но въ болѣе сокращенномъ видѣ, сообразно меньшей сложности этого производства, но все преподаваніе ведется совершенно аналогично вышеописанному.

Въ настоящее время берлинскій Пивоваренно-винокуренный Институтъ считается лучшимъ въ мірѣ по отрасли производствъ, основанныхъ на броженіи. Прусское правительство вполнѣ оцѣнило его значеніе и даровало ему наименованіе отдѣльнаго факультета Высшей сельско-хозяйственной школы, и слушатели этихъ курсовъ нынѣ пользуются правомъ считаться студентами берлинской Высшей сельскохозяйственной школы. При этомъ правительство оставило всѣ статуты пивоваренно-винокуреннаго института въ ихъ прежнемъ видѣ. Двѣ трети слушателей составляютъ рабочіе съ заводовъ. По окончаніи курса, ученики награждаются дипломами сообразно выказаннымъ успѣхамъ. Этотъ Институтъ сдѣлался центромъ цѣлаго ряда научныхъ и чисто спеціальныхъ изслѣдованій, касающихся этой отрасли производствъ.

Удачно приноровленная программа преподаванія, систематично ведущіяся репетиціи, исключеніе изъ преподаванія всякаго ненужнаго балласта—имѣютъ своимъ послѣдствіемъ то, что ученики изъ школы выходятъ съ достаточнымъ пониманіемъ производства въ его цѣломъ и съ яснымъ представленіемъ о его главныхъ процессахъ, пріемахъ и орудіяхъ, а это и составляетъ главную цѣль подобной школы.

Если и кажется, что курсъ обученія слишкомъ коротокъ, то не надо забывать, что учениками въ такихъ школахъ состоятъ люди взрослые и привыкшіе къ тяжелой и утомительной работѣ. Въ четыре же мѣсяца, при 8—9-часовой ежедневной работѣ въ школѣ, конечно, можно кое-чему научиться.

Мнѣ кажется, что установившійся опытъ такого рода техническихъ школъ для взрослыхъ людей, уже посвятившихъ себя вполнѣ опредѣленной спеціальности, наконецъ, успѣхъ, которымъ онѣ пользуются на западѣ, въ достаточной степени опредѣляютъ мѣсто, занимаемое ими въ ряду техническихъ учебныхъ заведеній, и пользу, ими приносимую въ дѣлѣ промышленности, въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Давъ краткій очеркъ постановки техническаго образованія въ школахъ для взрослыхъ по одной отрасли промышленности, я не могу не указать на тотъ фактъ, что удивительные успѣхи нѣмецкой промышленности во многихъ отношеніяхъ являются результатомъ раціональной, по своей общедоступности, постановки техническаго образованія въ этой странѣ.

Нѣмецкая промышленность и торговля за послѣднія 25 лѣтъ сдѣлали громадный прогрессъ въ своемъ развитіи и заняли прочное положеніе на міровомъ рынкѣ.

Германія сдѣлалась серьезнымъ конкуррентомъ Англіи не только на континентѣ, но и во всѣхъ частяхъ свѣта; ея продукты и товары находятъ широкій сбытъ въ Австраліи, Африкѣ и Америкѣ, и въ настоящее время проникаютъ въ Англію. Германскіе товары выдерживаютъ конкурренцію съ англійскими, въ нѣкоторыхъ отрасляхъ даже въ мѣстахъ производства послѣднихъ.

Наконецъ, стремленія нѣмецкаго коммерческаго міра направлены въ данный моментъ въ Азію, гдѣ съ ними въ близкомъ будущемъ и прежде всего придется считаться Россіи.

Но, не заглядывая въ будущее, мы желаемъ только указать на то, какимъ образомъ нѣмцы въ очень короткій промежутокъ времени успѣли создать себѣ такое прочное положеніе на міровомъ рынкѣ.

Кромѣ благопріятныхъ политическихъ событій, среди которыхъ первенствующую роль, конечно, играетъ соединеніе разрозненныхъ нѣмецкихъ народовъ въ одну мощную германскую имперію, соедине-

ніе, создавшее единство цѣлей и средствъ къ ихъ достиженію, причиною колоссальнаго развитія нѣмецкой торговли и промышленности является вѣрное пониманіе того, что нужно для прогресса и успѣховъ торговли въ настоящее время.

Естествознаніе въ данный моментъ такъ шагнуло впередъ, что даетъ всѣ средства для приложенія къ практикѣ теоретическихъ свѣдѣній, добытыхъ пытливымъ умомъ человѣка.

И нѣмцы въ этомъ отношеніи сдѣлали все возможное. Они обратили все свое вниманіе на самое широкое распространеніе прикладныхъ знаній въ массахъ народа путемъ устройства всевозможныхъ испытательныхъ станцій, открытіемъ разнаго рода курсовъ и отдѣльныхъ каѳедръ. Для каждой отрасли промышленности въ Германіи созданы особые спеціалисты, которыхъ нерѣдко удостоиваютъ профессорскимъ званіемъ. Такимъ образомъ создались, такъ называемые, ученые практики. Но было бы ошибочно думать, что сравнительно незначительное число „ученыхъ практиковъ“ можетъ много сдѣлать въ такой необъятной сферѣ дѣятельности человѣка, какъ сельское хозяйство, промышленность и торговля.

Слѣдовало, кромѣ того, создать и воспитать массу практиковъ, обладающихъ нѣкоторыми теоретическими познаніями, хотя бы въ предѣлахъ той или другой узкой спеціальности.

Съ цѣлью подготовленія этого рода практиковъ и устроенъ цѣлый рядъ техническихъ школъ для взрослыхъ, куда открытъ самый широкій доступъ, не ограниченный никакими испытаніями или экзаменами; единственнымъ условіемъ для поступленія въ эти школы является предварительное практическое знакомство съ тѣмъ или другимъ производствомъ, опредѣляемое обыкновенно извѣстнымъ срокомъ пребыванія на соотвѣтствующемъ заводѣ въ качествѣ или простого рабочаго, или въ какой-либо иной должности.

Въ эти школы идутъ въ большинствѣ случаевъ люди взрослые съ вполнѣ опредѣлившеюся въ ихъ жизни спеціальностью и съ полнымъ сознаніемъ того, что имъ нужно въ этихъ школахъ и зачѣмъ они туда идутъ. Идутъ же они туда съ цѣлью разъясненія тѣхъ темныхъ и непонятныхъ для нихъ практическихъ пріемовъ, съ которыми имъ приходится имѣть дѣло во время работы.

Мы думаемъ, что низшія техническія школы только тогда цѣлесообразны, когда предназначаются для взрослыхъ, такъ какъ предопредѣлять человѣку какую-нибудь спеціальность въ жизни, вообще, дѣло рискованное, и несомнѣненъ фактъ, что изъ спеціальныхъ школъ, предназначенныхъ для юношей, выходитъ всегда много неудачниковъ. Въ пользу устройства техническихъ школъ для взрослыхъ говоритъ уже и то обстоятельство, что ихъ содержаніе обходится втрое де-

шевле вслѣдствіе того, что взрослый, да еще съ практической подготовкой, усвоиваетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ то, для чего мальчику требуются цѣлые годы.

Какъ бы то ни было, но въ Германіи техническія школы для взрослыхъ получили самое широкое распространеніе въ каждой отрасли промышленности, и въ результатѣ создалась масса свѣдущихъ и опытныхъ мастеровъ.

Такая постановка техническаго образованія и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ настоящихъ успѣховъ нѣмецкой промышленности.

Широкое распространеніе и разработка прикладного естествознанія даютъ возможность при помощи усовершенствованныхъ способовъ производства приготовлять дешевле и лучше различные товары.

Въ Германіи однѣ только пивоваренныя школы посѣщаются до 400 учениками ежегодно. Въ десять лѣтъ это составитъ лишь для одного производства до 4.000 чел. (продолжительность обученія въ пивоваренныхъ школахъ не превышаетъ никогда одного года), понимающихъ дѣло и стоящихъ на уровнѣ современной технической науки и, кромѣ того, находящихся у дѣла, такъ какъ большинство учениковъ—рабочіе или служащіе, только временно покинувшіе свои мѣста, чтобы, по окончаніи курса, вернуться на свой или какой-либо другой заводъ; имъ всегда отдается предпочтеніе передъ лицами, не прошедшими курса школы. Въ настоящее время въ Германіи почти нѣтъ главныхъ пивоваровъ и винокуровъ, не посѣщавшихъ соотвѣтственной школы.

Совершенно такая же система образованія практикуется въ машиностроительномъ, желѣзодѣлательномъ производствахъ, въ электротехникѣ и т. д.

Интереснымъ является то обстоятельство, что отвѣтственными лицами въ этихъ отрасляхъ промышленности бываютъ очень часто не лица, получившія образованіе въ политехникумахъ или въ высшихъ спеціальныхъ школахъ, а именно лица, работавшія въ качествѣ рабочихъ и пополнившія свои знанія впослѣдствіи въ техническихъ школахъ для взрослыхъ. Многіе ученики этихъ школъ занимаютъ выдающіяся мѣста въ различныхъ отрасляхъ промышленности, служатъ въ акцизѣ, а нѣкоторые даже получили каѳедры и профессорское званіе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Этимъ, конечно, мы не хотимъ сказать, что высшія техническія заведенія не нужны,—напротивъ того, безъ нихъ немыслимо существованіе техническихъ школъ для взрослыхъ, и оба вида техническаго образованія должны существовать одновременно.

У насъ рѣшено расширить старыя существующія высшія техни-

ческія учебныя заведенія и устроить нѣсколько новыхъ. Но все ли это, что̀ намъ нужно? Не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ для Россіи устроить, по примѣру Германіи, и техническія школы для взрослыхъ, хотя бы по важнѣйшимъ отраслямъ промышленности? Устроить послѣднія можно частью при политехникумахъ, частью при естественныхъ факультетахъ университетовъ, что̀ обойдется очень недорого.

Конечно, прежде всего, потребуется подготовить преподавателей, т.-е. просто послать (охотниковъ найдется всегда достаточно) по каждому производству двухъ-трехъ лицъ съ высшимъ техническимъ образованіемъ практиковать на лучшихъ заводахъ за границею и пройти соотвѣтственную школу для взрослыхъ,—что̀ будетъ далеко не лишнимъ,—такъ какъ въ подобныхъ школахъ дается многое такое, чего высшія учебныя заведенія не даютъ и не могутъ давать. Такое прохожденіе школы, кромѣ того, дастъ возможность познакомиться детально съ устройствомъ и порядкомъ преподаванія въ подобнаго рода техническихъ учебныхъ заведеніяхъ для взрослыхъ; наконецъ, чтобы оцѣнить всю пользу, ими приносимую, надо видѣть, съ какимъ багажомъ знаній вступаютъ ученики въ эти школы и съ какимъ выходятъ изъ нихъ. Обычныя посѣщенія и бѣглые осмотры, конечно, не даютъ о нихъ полнаго представленія.

Устройство подобныхъ школъ требуетъ затратъ сравнительно малыхъ. Сами заводчики и владѣльцы промышленныхъ предпріятій могутъ устроивать такія школы и на собственныя средства, съ нѣкоторою поддержкою со стороны правительства.

Подобнаго рода затраты, несомнѣнно, окупятся съ избыткомъ для страны и промышленниковъ.

Конечно, устройство этихъ школъ, какъ и всякое новое дѣло, причинитъ нѣкоторыя хлопоты, но черезъ нѣсколько лѣтъ не будетъ даже надобности посылать для этой цѣли молодыхъ людей за границу, и можно будетъ устроивать школы на основаніи собственнаго опыта и полученныхъ результатовъ. Что̀ же сдѣлано до сихъ поръ у насъ въ смыслѣ технической подготовки практическихъ дѣятелей въ нашихъ главныхъ отрасляхъ обработывающей промышленности (сельско-хозяйственныхъ продуктовъ), какъ, напримѣръ, для винокуренія, пивоваренія и дрожже-винокуреннаго производства, крахмальнаго и т. д.?

Должно сознаться, что ровно ничего не сдѣлано, если не считать мало даже кому извѣстныхъ винокуренныхъ курсовъ при красноуфимскомъ реальномъ училищѣ (если я не ошибаюсь). Въ Россіи болѣе 2.000 винокуренныхъ заводовъ съ общею производительностью около 40.000.000 ведеръ абсолютнаго спирта въ годъ. Въ качествѣ вино-

куровъ и ихъ помощниковъ дѣйствуютъ въ громадномъ большинствѣ люди, не имѣющіе никакого представленія о современной техникѣ этого производства, и поэтому послѣднее стоитъ у насъ въ Россіи очень низко.

По сравнительнымъ разсчетамъ, сдѣланнымъ для нѣкоторыхъ русскихъ и германскихъ заводовъ, не трудно убѣдиться, что винокуренное производство въ Россіи можетъ быть, въ среднемъ, удешевлено на 15—20% только посредствомъ болѣе раціональнаго веденія процесса броженія, топки, перегонки и т. д., однимъ словомъ, только измѣнивъ рутинные техническіе пріемы и безъ существенныхъ затратъ на перестройку заводовъ и покупку машинъ и аппаратовъ. Конечно, такое удешевленіе производства возможно только при наличности подготовленныхъ и знакомыхъ съ современною техникою винокуровъ. Съ успѣхами винокуреннаго производства у насъ лица, занимающіяся этимъ дѣломъ, знакомятся только по календарямъ, не всегда добросовѣстно издаваемымъ, и по кое-какимъ брошюрамъ и учебникамъ, въ большинствѣ случаевъ непонятнымъ и непригоднымъ для нихъ, не приносящимъ не только пользы, но даже вредящимъ авторитету науки. Правила и совѣты, даваемые этими книгами, имѣютъ смыслъ только тогда, когда они примѣняются послѣ взвѣшиванія и разсмотрѣнія всѣхъ условій производства на томъ или другомъ заводѣ. Для того, чтобы хорошо оріентироваться среди этихъ условій, надо имѣть извѣстную систематическую техническую подготовку, которую только и можетъ дать спеціально для этой цѣли приноровленная школа. Для лицъ, прошедшихъ школу такого рода, учебники и книги, несомнѣнно, принесутъ громадную пользу. При настоящемъ уровнѣ знаній русскихъ винокуровъ, пивоваровъ и т. д., книга остается мертвою буквою; практики всегда консервативны, и это весьма понятно, такъ какъ, вообще, трудно вѣрить тому, чего не знаешь или не понимаешь.

Россія въ обработкѣ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ занимаетъ едва ли не первое мѣсто по количеству производимыхъ продуктовъ, и лицамъ, которымъ дороги интересы производствъ, тѣсно связанныхъ съ сельскимъ хозяйствомъ, слѣдовало бы позаботиться объ устройствѣ подобныхъ техническихъ школъ для взрослыхъ, уже занимающихся этими отраслями промышленности,—по примѣру Германіи, которому послѣдовали Франція, Бельгія, Австрія и съ недавняго времени даже Англія.

Если считать, что одно винокуренное производство можетъ быть удешевлено путемъ болѣе раціональнаго веденія дѣла только на 10 проц., то выгода для государства будетъ простираться до 4.000.000 р. ежегодно, и стоимость устройства школъ вознаградится сторицею.

Выиграютъ не только предприниматели, которымъ представится возможность съ большимъ успѣхомъ конкуррировать на заграничныхъ рынкахъ и извлекать большій заработокъ у себя дома, но и казна, которая можетъ покупать спиртъ по болѣе дешевымъ цѣнамъ. Едва ли нужно упоминать о томъ, что болѣе раціональное веденіе сельскаго хозяйства и другихъ производствъ должно поднять экономическое благосостояніе страны.—Н. Климовъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1900.

Событія въ Китаѣ и европейская дипломатія.—Правительственныя сообщенія о китайскихъ дѣлахъ.—Военныя и дипломатическія недоразумѣнія.—Роль Японіи въ китайскомъ вопросѣ.—Смерть короля Гумберта.

Нѣтъ ничего легче, какъ обнаруживать дальновидность заднимъ числомъ и обвинять другихъ въ недостаткѣ предусмотрительности по отношенію къ фактамъ, которыхъ мы сами почти не замѣчали, хотя они подготовлялись издавна на нашихъ глазахъ. Послѣднія китайскія событія поразили всѣхъ своею неожиданностью; никто не предполагалъ, что народъ, смиренно подчинявшійся до сихъ поръ всевозможнымъ европейскимъ требованіямъ и угрозамъ, поднимется вдругъ съ такою яростью противъ иностранцевъ и броситъ дерзкій вызовъ соединеннымъ великимъ державамъ культурнаго міра. Были пророчества объ опасности пробужденія „желтой расы"; были отдѣльныя указанія и совѣты благоразумія, но не было пониманія важности кризиса, приведшаго теперь къ военнымъ дѣйствіямъ въ Китаѣ. Опасность представлялась слишкомъ отдаленною и, такъ сказать, теоретическою; она имѣла характеръ видѣнія или кошмара, съ которымъ совершенно не считались дипломаты-практики.

Въ 1895 году газеты сообщали объ оригинальномъ аллегорическомъ рисункѣ императора Вильгельма II: группа женщинъ, изображающихъ главныя европейскія націи, съ ужасомъ видитъ поднимающійся съ востока страшный образъ Будды, на который указываетъ имъ ангелъ, стоящій на вершинѣ горы съ мечомъ въ рукѣ; подъ рисункомъ помѣщены слова: „Народы Европы, защищайте свои самыя священныя блага". Императоръ Вильгельмъ II, предсказавшій такимъ образомъ столкновеніе христіанскаго Запада съ языческимъ дальнимъ Востокомъ, распорядился послѣ того послать военный отрядъ для занятія Кіао-Шау и слѣдовательно первый приступилъ къ фактическому раздѣлу прибрежной территоріи Китая, не опасаясь, очевидно, ни противодѣйствія грознаго Будды, ни кровавой борьбы съ „желтой расой". Германскіе инструкторы обучали китайцевъ военному дѣлу и способствовали превращенію ихъ нестройныхъ войскъ въ настоящую регулярную армію, что тоже не свидѣтельствовало о серьезности опасеній насчетъ будущей роли Китая относительно Европы. Германское посольство въ Пекинѣ дѣйствовало круто и достигало этимъ ви-

димаго успѣха, пока наконецъ не произошло несчастіе съ посланникомъ Кеттелеромъ на улицѣ Посольствъ, 5 (18) іюня. Представитель Германіи первый палъ жертвою грозы, которую раньше другихъ предвидѣлъ германскій императоръ и которую онъ какъ будто желалъ предупредить своими энергическими рѣшеніями и дѣйствіями. Посылая къ берегамъ Китая „закованный въ броню кулакъ", въ видѣ броненосной эскадры, или поручая своему брату, принцу Генриху, поддержать престижъ Германіи предъ богдоханомъ и его мандаринами, Вильгельмъ II руководствовался тѣмъ общимъ правиломъ, что обаяніе внѣшней силы и твердый, рѣшительный тонъ вѣрнѣе всего обезпечиваютъ пассивную покорность народовъ и правительствъ на востокѣ. Такая политика, выработанная житейскою мудростью дипломатіи, всегда примѣнялась западно-европейскими кабинетами въ сношеніяхъ съ отсталыми государствами Азіи, и въ этомъ случаѣ Германія пользовалась лишь опытомъ чужихъ странъ и особенно Англіи. Почему же то, что до послѣдняго времени признавалось вполнѣ цѣлесообразнымъ и столь блистательно оправдывалось на практикѣ, произвело вдругъ кровавый взрывъ и поставило Европу лицомъ къ лицу съ организованнымъ возстаніемъ „желтой расы"? Справедливо ли обвинять въ этомъ однихъ нѣмцевъ или англичанъ?

Мы несравненно больше Германіи и Англіи заинтересованы были въ сохраненіи мира и порядка въ Китаѣ, не только въ виду прямого сосѣдства съ китайскими владѣніями на громадномъ пространствѣ нашихъ азіатскихъ границъ, но и въ виду предпринятаго нами сооруженія желѣзной дороги въ Манчжуріи, на китайской территоріи. Однако, событія застали насъ врасплохъ; мы спокойно тратили огромныя средства на предпріятіе, ничѣмъ не гарантированное отъ произвола и насилій китайскихъ властей и мятежныхъ туземныхъ полчищъ; мы какъ будто ничего и не знали о военныхъ приготовленіяхъ по китайскому берегу Амура, о воздвигнутыхъ тамъ фортахъ, объ усовершенствованныхъ орудіяхъ, направленныхъ противъ русскихъ пограничныхъ городовъ и поселеній, о постоянныхъ передвиженіяхъ китайскихъ войскъ вдоль нашей границы и въ предѣлахъ Манчжуріи,— и въ то самое время какъ китайцы готовились разрушить наши желѣзно-дорожныя сооруженія и бомбардировать Благовѣщенскъ, у насъ еще толковали о старинной дружбѣ съ Китаемъ и о необходимости предоставить западно-европейскимъ націямъ пожинать плоды заслуженной ими ненависти китайскаго населенія. Увѣренность, что китайцы въ своей враждѣ къ иноземцамъ дѣлаютъ исключеніе для насъ, русскихъ, была внезапно нарушена извѣстіемъ о бомбардировкѣ Благовѣщенска (съ 2 іюля) и о начатыхъ китайцами военныхъ дѣйствіяхъ спеціально противъ Россіи, къ чему мы, съ своей стороны, не были

надлежащимъ образомъ подготовлены. Довѣрчивый оптимизмъ былъ отплаченъ тяжелыми потерями и печальною необходимостью защиты нашихъ собственныхъ предѣловъ отъ нападеній китайскихъ войскъ.

Дипломатіи вообще несвойственно пониманіе психологіи чужихъ народовъ; практическіе дѣятели, въ томъ числѣ и желѣзно-дорожные, не придавали значенія мѣстнымъ требованіямъ и обстоятельствамъ, которыми наибольше способны были волноваться туземцы; при устройствѣ желѣзно-дорожнаго пути приходилось часто занимать участки земли, заключающіе въ себѣ могилы и долженствующіе поэтому остаться неприкосновенными, по понятіямъ китайцевъ, а пренебреженіе къ культу предковъ возбуждало фанатическія чувства, готовыя вырваться наружу при первомъ подходящемъ случаѣ. Народныя волненія въ разныхъ мѣстахъ Китая несомнѣнно вдохновлялись и объединялись пекинскимъ правительствомъ, съ цѣлью изгнать или истребить иноземцевъ подъ прикрытіемъ неодолимаго революціоннаго движенія. Мнимые „боксеры" обладали отличною артиллеріею, которою дѣйствовали превосходно, и уже этотъ одинъ фактъ долженъ былъ уничтожить иллюзію, что противъ европейцевъ возстали какіе-то мятежники, безъ участія высшихъ китайскихъ властей. Въ первыхъ же встрѣчахъ съ международными военными отрядами участвовали отборныя части регулярной китайской арміи; германскій посланникъ Кеттелеръ убитъ китайскими солдатами, и зданія посольствъ въ Пекинѣ подверглись правильной и продолжительной осадѣ, съ неоднократными попытками штурма, который всякій разъ подготовлялся жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ. Дипломатія не только не предвидѣла разыгравшейся войны, но и не хотѣла понять ея значенія; она до конца полагалась на китайскія увѣренія о бунтѣ какихъ-то „боксеровъ" и серьезно основывалась на оффиціальныхъ пекинскихъ указахъ, предназначенныхъ спеціально для иностранцевъ и явно противорѣчащихъ секретнымъ распоряженіямъ, послѣдствія которыхъ давали себя чувствовать на каждомъ шагу. Близорукость была общимъ удѣломъ дипломатовъ въ китайскомъ вопросѣ.

Въ какой мѣрѣ иностранные представители въ Пекинѣ ошибались въ оцѣнкѣ происходившихъ событій не задолго до начала прямыхъ военныхъ дѣйствій Китая, можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія, обнародованнаго 21 іюня нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ:

„Вслѣдъ за полученіемъ въ серединѣ мая достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, что возстаніе боксеровъ принимаетъ все болѣе угрожающіе размѣры, старшиной мѣстнаго дипломатическаго корпуса созваны были иностранные представители для обсужденія вопроса о вызовѣ, со-

гласно ходатайству католическихъ миссіонеровъ, морского дессанта. На состоявшемся дипломатическомъ собраніи было рѣшено ограничиться предъявленіемъ къ китайскому правительству требованія о принятіи строжайшихъ мѣръ къ немедленному прекращенію безпорядковъ. Вслѣдствіе сего, отъ имени иностранныхъ представителей цунгъ-ли-ямену была передана 8-го мая нота слѣдующаго содержанія:

„Дипломатическій корпусъ, основываясь на изданныхъ уже китайскимъ правительствомъ указахъ объ уничтоженіи общества боксеровъ, требуетъ:

1) арестованія всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ названному обществу и производящихъ безпорядки на улицахъ, а равно распространителей афишъ, объявленій, печатныхъ изданій и воззваній, содержащихъ угрозы по адресу иностранцевъ;

2) арестованія домовладѣльцевъ, надзирателей кумиренъ и другихъ лицъ, которыя предоставили бы свое помѣщеніе для сборищъ бунтовщиковъ, и приравненія къ симъ послѣднимъ всѣхъ виновныхъ въ поощреніи къ мятежу;

3) строгаго наказанія полицейскихъ чиновъ, которые оказались бы виновными въ небрежномъ примѣненіи репрессивныхъ мѣръ или въ единомысліи съ возставшими;

4) казни виновныхъ въ покушеніяхъ (убійства, пожары) на жизнь и имущества;

5) казни лицъ, руководящихъ дѣйствіями боксеровъ и снабжающихъ ихъ денежными средствами;

6) оповѣщенія населенія столицы, чжилійской и другихъ сѣверныхъ провинцій объ этихъ мѣрахъ путемъ печатныхъ объявленій".

„На томъ же засѣданіи, посланники пришли къ соглашенію обсудить средства вызова дессантовъ въ Пекинъ, если указанныя ими мѣры не будутъ приведены китайцами въ исполненіе въ теченіе пяти дней. Послѣ засѣданія нашъ представитель съ своей стороны вновь обратилъ самое серьезное вниманіе китайскихъ министровъ на необходимость немедленно принять самыя рѣшительныя мѣры къ подавленію возстанія.

„Въ отвѣтной нотѣ отъ 11-го мая декану дипломатическаго корпуса цунгъ-ли-ямень сообщилъ, что, „ознакомившись съ сообщеніемъ посланниковъ и усматривая важное значеніе, которое придаютъ иностранные представители этому вопросу, правительство удостовѣряетъ, что уже до полученія этой ноты 4-го мая былъ изданъ декретъ, повелѣвающій ямену, военному губернатору, пекинскому префекту и цензорамъ пяти городовъ выработать мѣры для строгаго подавленія возстанія, и что выработанныя ими мѣры въ главныхъ чертахъ вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ посланниковъ. Цунгъ-ли-ямень вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣваетъ чжилійскому вице-королю и мѣстнымъ административнымъ властямъ принять строгія мѣры и запрещаетъ прикрывать бездѣйствіе одними словами. Въ концѣ выражается увѣренность, что общество боксеровъ будетъ такимъ образомъ уничтожено и что дальнѣйшихъ безпорядковъ не произойдетъ".

„Такой уклончивый отвѣтъ не могъ удовлетворить иностранныхъ

представителей, а потому они вновь были созваны для окончательнаго рѣшенія способа вызова десантовъ.

„За полчаса до этого засѣданія китайскіе министры прислали къ посланнику нашему одного изъ старшихъ секретарей цунгъ-ли-ямена съ извѣщеніемъ, что приняты уже строгія мѣры къ подавленію возстанія. Это поспѣшное сообщеніе было повидимому вызвано желаніемъ китайскаго правительства отклонить иностранныхъ представителей отъ принятія рѣшительныхъ мѣръ.

„Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ: мятежники окружили какъ бы огненнымъ поясомъ окрестности столицы и разбили на-голову отрядъ китайскихъ регулярныхъ войскъ, высланный противъ нихъ. При этомъ полковникъ, командовавшій отрядомъ, и шестьдесятъ нижнихъ чиновъ были звѣрски умерщвлены фанатиками. Таково было положеніе въ столицѣ Поднебесной имперіи наканунѣ полнаго разобщенія ея съ внѣшнимъ міромъ, вызвавшимъ опасеніе за судьбу иностранныхъ представителей и европейской колоніи въ Пекинѣ".

Требованіе суровыхъ мѣръ противъ „возстанія", руководители котораго засѣдали въ самомъ цзунъ-ли-ямынѣ или состояли ближайшими совѣтниками вдовствующей императрицы, могло только усилить опасность, угрожавшую европейцамъ, и обратить ее противъ самихъ посольствъ; а требованіе арестовъ и казней едва ли соотвѣтствовало положенію представителей христіанскихъ націй, которые, разумѣется, отлично знали, что въ Китаѣ не существуетъ правильнаго суда и что пекинскому правительству ничего не стоило бы снять нѣсколько сотъ случайно попавшихся головъ для успокоенія иноземной дипломатіи, безъ ущерба для истинныхъ вождей и участниковъ воинственно-патріотическаго движенія.

Въ дальнѣйшихъ оффиціальныхъ сообщеніяхъ допускается уже существованіе нѣкоторой солидарности между предводителями „боксеровъ" и органами центральнаго правительства, но послѣднее само по себѣ не признается еще отвѣтственнымъ за дѣйствія своихъ сановниковъ, предполагаемыхъ „мятежными" (хотя, повидимому, безъ достаточныхъ къ тому данныхъ). Съ одной стороны, возстаніе изображается разросшимся до того, что оно почти цѣликомъ поглотило собою китайскую правительственную организацію и, слѣдовательно, перестало быть мятежомъ, а съ другой—проводится все-таки взглядъ, что великія державы имѣютъ противъ себя не китайское правительство и его регулярную армію, а мятежныхъ китайскихъ мандариновъ, вице-королей и генераловъ съ мятежными войсками. Приводимъ эти сообщенія, въ качествѣ документовъ, объясняющихъ постепенное развитіе кризиса до нынѣшнихъ его размѣровъ. Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" отъ 25 іюня напечатано:

„По мѣрѣ поступленія изъ оффиціальныхъ источниковъ подробныхъ сообщеній о возникновеніи и дальнѣйшемъ развитіи настоящаго

возмущенія въ Китаѣ, все болѣе представляется очевиднымъ, что анти-христіанское движеніе въ имперіи давно и систематически подготовлялось мѣстными національными партіями, выражавшими неудовольствіе по поводу поощренія правительствомъ промышленной и преимущественно миссіонерской дѣятельности иностранцевъ. Главными руководителями этихъ партій явились нѣкоторые изъ китайскихъ сановниковъ, находившихся не у дѣлъ и замышлявшихъ свергнуть законное правительство и захватить въ свои руки власть.

„Иностранные представители въ Пекинѣ, хотя и были освѣдомлены о возникшемъ движеніи, но, судя по имѣющимся даннымъ, не предполагали, что оно приметъ столь угрожающіе размѣры, тѣмъ болѣе, что однородное движеніе въ 1899 году было быстро подавлено суровыми мѣропріятіями центральнаго правительства.

„Вслѣдъ за полученными ими извѣстіями о нападеніяхъ на миссіонеровъ и кровавой расправѣ съ нѣкоторыми иностранно-подданными, проживавшими въ провинціяхъ, посланники въ теченіе долгаго времени ограничивались обычными представленіями въ цзунъ-ли-ямынь, усматривая въ этихъ прискорбныхъ явленіяхъ единичные факты столкновеній между фанатиками-китайцами и христіанами, изъ года въ годъ повторяющіеся въ мѣстахъ миссіонерской дѣятельности европейцевъ.

„Еще 13-го мая россійскій посланникъ извѣщалъ императорское правительство, что иностранные представители въ Пекинѣ не видятъ основаній считать центральное правительство безсильнымъ подавить возстаніе боксеровъ. Командированная за нѣсколько времени предъ этимъ въ Таку русская канонерка, на случай необходимой защиты русско-подданныхъ, была, по распоряженію нашей миссіи, отправлена обратно въ Портъ-Артуръ, причемъ и ни одинъ изъ европейскихъ представителей присылки судна не требовалъ. Г. Гирсъ, какъ и всѣ его сотоварищи, тѣмъ не менѣе поспѣшили вызовомъ въ Пекинъ дессантовъ, въ 75 человѣкъ каждый, что въ минувшемъ году оказалось совершенно достаточнымъ для охраны безопасности миссій.

„Между тѣмъ дѣятельная переписка посланниковъ съ цзунъ-ли-ямынемъ продолжалась. Министры завѣряли въ полной готовности своей подавить возстаніе, и дѣйствительно принимали къ тому возможныя мѣры.

„Но, къ сожалѣнію, мятежники успѣли склонить на свою сторону нѣкоторыхъ изъ болѣе независимыхъ генералъ-губернаторовъ провинцій, которые значительно облегчили имъ достиженіе преступной цѣли, поощряя къ тому и находящіяся въ ихъ распоряженіи правительственныя войска.

„Цзунъ-ли-ямынь видимо оказался безсильнымъ бороться съ распространившеюся по всей имперіи смутою. Тѣмъ не менѣе, отъ посланника нашего въ Пекинѣ 20-го мая получено было извѣстіе, что съ приходомъ дессантовъ въ столицѣ стало спокойнѣе и что лишь во дворцѣ продолжается борьба между покровителями боксеровъ и ихъ противниками. Затишье это, однако, продолжалось недолго, ибо не далѣе какъ чрезъ недѣлю дѣйствительный статскій совѣтникъ Гирсъ уже телеграфировалъ не безъ тревоги, что „роль посланниковъ окон-

чена и дѣло должно перейти въ руки адмираловъ. Только быстрый приходъ сильнаго отряда можетъ спасти иностранцевъ въ Пекинѣ".

„Въ виду сего, посланникъ былъ немедленно предупрежденъ по телеграфу, что начальнику квантунской области предложено предоставить въ распоряженіе миссіи отрядъ въ 4 тысячи человѣкъ, по первому ея требованію.

„Телеграмма эта, какъ видно изъ опубликованныхъ въ правительственномъ сообщеніи данныхъ, пришла, къ сожалѣнію, поздно: мятежникамъ удалось въ большомъ числѣ окружить столицу, разрушить всѣ пути сообщенія съ Пекиномъ и подвинуться къ Тянь-Цзиню, мѣсту сосредоточенія международныхъ войскъ.

„Тѣмъ не менѣе, отправленному изъ Квантуна, по распоряженію вице-адмирала Алексѣева, русскому отряду поручено было принять всѣ мѣры къ возстановленію сношеній съ Пекиномъ, озаботиться огражденіемъ россійскаго представительства и русско-подданныхъ отъ угрожавшей имъ опасности и, такимъ образомъ, въ предѣлахъ возможности оказать содѣйствіе центральному правительству въ непосильной борьбѣ его съ мятежниками.

„Однако, къ быстрому осуществленію этой задачи на первыхъ же порахъ встрѣтились серьезныя препятствія, какъ въ виду занятія мятежниками укрѣпленій Таку, такъ равно и сосредоточенія уже значительнаго числа ихъ въ самомъ Тянь-Цзинѣ.

„Одновременно стали поступать извѣстія о выступившемъ изъ Пекина громадномъ скопищѣ боксеровъ, на которыхъ, повидимому, долженъ былъ натолкнуться малочисленный международный отрядъ подъ начальствомъ англійскаго адмирала Сеймура. Положеніе дѣлъ въ самой столицѣ ухудшалось съ каждымъ днемъ; законное правительство не въ силахъ было сдержать народное движеніе. Императрица-регентша, по распространившимся въ это время слухамъ, бѣжала будто бы изъ Пекина, и захватившій въ свои руки власть принцъ Туанъ обратился съ воззваніемъ къ истребленію всѣхъ иностранцевъ.

„Среди многочисленныхъ тревожныхъ сообщеній, переданныхъ изъ разныхъ источниковъ, проникла одна утѣшительная вѣсть о томъ, что, по распоряженію нѣкоторыхъ членовъ цзунъ-ли-ямыня, иностраннымъ посланникамъ была предоставлена возможность выѣхать изъ Пекина подъ конвоемъ какъ ихъ собственныхъ дессантовъ, такъ и китайскихъ войскъ. Это обстоятельство подавало надежду, что отряду адмирала Сеймура удастся встрѣтить на своемъ пути выѣхавшихъ изъ Пекина иностранныхъ представителей и содѣйствовать водворенію ихъ въ безопасный пунктъ.

„Къ несчастью, надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. Вышедшимъ изъ Тянь-Цзиня международнымъ войскамъ, подъ начальствомъ подполковника Ширинскаго, и успѣвшимъ своевременно оказать помощь англійскому адмиралу, не удалось получить какихъ-либо положительныхъ свѣдѣній о судьбѣ иностранныхъ представителей.

„Впрочемъ, поступившія вслѣдъ затѣмъ извѣстія изъ разныхъ источниковъ съ достовѣрностью указывали на ложность слуховъ о выѣздѣ посланниковъ; какъ нынѣ оказывается, германскій представитель баронъ Кеттелеръ былъ убитъ мятежниками 5-го іюня; остальные же, повидимому, успѣли укрыться въ зданіи одной изъ уцѣлѣвшихъ отъ

поджога миссій, выдерживая осаду многочисленной толпы мятежниковъ.

„Всѣ заботы и усилія международныхъ войскъ съ минуты вступленія ихъ на китайскую территорію направлены были къ тому, чтобы спасти представителей державъ и всѣхъ проживающихъ въ осажденной столицѣ иностранцевъ отъ звѣрской расправы обезумѣвшихъ мятежниковъ.

„По полученнымъ, однако, отъ адмираловъ послѣднимъ сообщеніямъ, численность всѣхъ иностранныхъ войскъ въ Тянь-Цзинѣ и Таку достигаетъ лишь 20.000 человѣкъ; китайскихъ же мятежныхъ силъ на пространствѣ между названными пунктами и Пекиномъ насчитывается свыше 150.000 человѣкъ. При такихъ условіяхъ возникаетъ тяжелое сомнѣніе въ возможности съ успѣхомъ двинуть международный отрядъ по направленію къ Пекину до прибытія болѣе значительныхъ подкрѣпленій.

„Такъ какъ въ настоящее время законное китайское правительство силою вещей поставлено въ невозможность преодолѣть революціонное движеніе, то само собой разумѣется, что вся тяжкая отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія падетъ на мятежныхъ китайскихъ сановниковъ и ихъ преступныхъ сообщниковъ, успѣвшихъ захватить въ свои руки власть".

О положеніи дѣлъ въ Манчжуріи появилось въ газетахъ 30 іюня обстоятельное сообщеніе отъ министерства финансовъ:

„Мятежное движеніе, вспыхнувшее въ Пекинѣ и ближайшихъ къ нему провинціяхъ Китая, до половины іюня почти совершенно не коснулось района сооружаемой черезъ Мандчжурію китайской восточной желѣзной дороги. Оно отразилось здѣсь лишь небольшими безпорядками близъ городовъ Хай-ченъ, Ляо-янъ и Мукденъ; эти безпорядки были весьма скоро прекращены, причемъ мѣстная китайская администрація увѣряла агентовъ дороги въ полной своей непричастности къ происходящимъ волненіямъ и въ своей вѣрной и неизмѣнной дружбѣ къ Россіи. Еще 21-го іюня главный инженеръ по сооруженію дороги донесъ изъ Харбина, что на линіи все обстоитъ благополучно и что цицикарскій, гиринскій и мукденскій цзянъ-цзюни (генералъ-губернаторы трехъ провинцій, черезъ которыя проходитъ желѣзная дорога) ручаются за безопасность, если только русскіе первыми не начнутъ враждебныхъ дѣйствій.

„Мирное настроеніе мѣстнаго населенія, которое до сихъ поръ вполнѣ дружелюбно относилось къ дѣлу постройки дороги и къ ея служащимъ, въ связи съ рѣшительными завѣреніями китайскихъ властей—давали основаніе строительному управленію дороги надѣяться на сохраненіе спокойствія. Такое предположеніе не оправдалось, однако, такъ какъ къ возстанію, быстро распространившемуся изъ Пекина, примкнули нѣкоторые чины китайской администраціи въ Мандчжуріи, а слѣдомъ за ними и часть расположенныхъ здѣсь китайскихъ войскъ.

22-го іюня въ Харбинѣ было получено извѣстіе, что эръ-да-жень Мукдена (въ переводѣ—второй сановникъ), т.-е. старшій помощникъ

мукденскаго цзянъ-цзюня, будто бы взялъ въ плѣнъ этого послѣдняго и, ставъ во главѣ значительной шайки мятежниковъ, направляется къ Телину.

„Стало также извѣстно, что каменноугольныя копи китайской восточной желѣзной дороги близъ Янъ-Тая подверглись нападенію китайской толпы, и что близъ станціи Ляо-янъ подожженъ желѣзнодорожный мостъ. Въ то же время въ Харбинъ дошли слухи о разгромѣ католической миссіи въ Мукденѣ, сожженіи тамъ церкви и разграбленіи лавокъ купцовъ, торговавшихъ европейскими товарами.

„Было сообщено затѣмъ, что на сѣверѣ Мандчжуріи, въ цицикарской провинціи, приступлено къ поспѣшной мобилизаціи китайскихъ войскъ. Объ этомъ увѣдомилъ главнаго инженера самъ цицикарскій цзянъ-цзюнь, объясняя цѣль мобилизаціи необходимостью принять мѣры для защиты желѣзно-дорожной линіи противъ возможнаго возстанія боксеровъ. Далѣе строительное управленіе дороги было поставлено въ извѣстность о появленіи прокламацій мятежниковъ также въ Гиринѣ и продолжающемся тревожномъ настроеніи населенія въ Цицикарѣ, а вслѣдъ затѣмъ гиринскій и цицикарскій цзянъ-цзюни сообщили представителямъ дороги, что, въ случаѣ нападенія на русскую колонію, они не могутъ ручаться за поведеніе своихъ солдатъ.

„О всемъ происшедшемъ главный инженеръ немедленно донесъ приамурскому генералъ-губернатору съ просьбою принять мѣры къ охранѣ дороги и ея служащихъ. 24-го іюля желѣзно-дорожными служащи перехваченъ близъ Телина указъ богдохана, вѣроятно подложный, предписывающій войскамъ присоединиться къ боксерамъ, а 25-го іюня главнымъ инженеромъ получено предложеніе мукденскаго цзянъ-цзюня, поддержанное двумя другими мандчжурскими цзянь-цзюнями—цицикарскимъ и гиринскимъ, о томъ, чтобы агентамъ дороги предписано было сдать все желѣзно-дорожное имущество китайскимъ чиновникамъ, а самимъ подъ конвоемъ китайскихъ солдатъ удалиться изъ предѣловъ Мандчжуріи. На это предложеніе главный инженеръ немедленно далъ слѣдующій телеграфный отвѣтъ: „Согласно договору съ китайскимъ правительствомъ, русскіе обязаны строить желѣзную дорогу; для этого они пріѣхали въ Мандчжурію, гдѣ находятся три года, и всегда были въ наилучшихъ отношеніяхъ съ населеніемъ. Теперь въ мукденской провинціи возстали боксеры, которые напали на китайцевъ-христіанъ, на желѣзную дорогу, на русскихъ рабочихъ, на охрану и инженеровъ, а мукденскіе чиновники своевременно не приняли мѣръ для огражденія русскихъ отъ нападенія. Чтобы устранить безпорядки, цзянъ-цзюнь Мукдена обязанъ немедленно истребить бунтовщиковъ; а если онъ не можетъ сдѣлать этого собственными силами, то долженъ обратиться за помощью къ дружественному русскому правительству въ лицѣ главнаго начальника квантунской области, находящагося въ Портъ-Артурѣ. Цзянъ-цзюнь Мукдена не имѣетъ права предлагать русскимъ оставить постройку дороги, потому что дорога строится по соглашенію двухъ Императоровъ, россійскаго и китайскаго. Я вижу, что цзянъ-цзюнь Мукдена позабылъ долгъ вѣрной службы своему государю, позволивъ себѣ сдѣлать подобное предложеніе подданнымъ дружественнаго русскаго государства, работающимъ въ Мандчжуріи надъ сооруженіемъ линіи на пользу обѣихъ странъ.

Очевидно, только изъ страха передъ возставшими мятежниками сдѣлалъ цзянъ-цзюнь столь тяжелые проступки передъ долгомъ службы и долгомъ чести. Совѣтую ему стряхнуть съ себя это низкое чувство страха передъ боксерами, прогнать окружающихъ его дурныхъ совѣтниковъ и клеветниковъ, мужественно стать самому во главѣ солдатъ, не зараженныхъ мятежомъ, и съ помощью русскихъ начальниковъ Квантуна, уничтоживъ мятежниковъ, возстановить порядокъ".

„26-го іюня строительнымъ управленіемъ дороги было получено свѣдѣніе, что во всѣхъ окрестностяхъ желѣзно-дорожной линіи прибываютъ китайскія войска, а 27-го іюня главный инженеръ уже телеграфировалъ, что агенты дороги съ 150 чинами охраны, вынужденные отступить отъ Телина передъ огромнымъ скопищемъ китайцевъ, находятся въ опасномъ положеніи, что ожидается нападеніе китайцевъ на многіе пункты дороги, между прочимъ и на самый Харбинъ, и что вслѣдствіе этого имъ, главнымъ инженеромъ, сдѣлано распоряженіе о сосредоточеніи служащихъ по охранѣ дороги.

„Донося о всѣхъ этихъ тревожныхъ волненіяхъ, главный инженеръ и начальникъ охранной стражи засвидѣтельствовали, что поведеніе служащихъ по постройкѣ линіи и по ея охранѣ—внѣ упрека, и настроеніе ихъ бодро".

Желаніе сохранить миръ съ законнымъ правительствомъ Китая побуждало насъ сомнѣваться въ подлинности указовъ, которыми руководствовались китайскія должностныя лица; но настаивать на этихъ сомнѣніяхъ было безполезно, такъ какъ они опровергались всѣми дѣйствіями пограничныхъ китайскихъ властей. Движеніе нашихъ пароходовъ по Амуру было также остановлено китайцами на основаніи полученныхъ ими указовъ; очевидно, враждебныя намъ мѣры принимались по извѣстному общему плану и послѣдовательно приводились въ исполненіе, что было бы немыслимо при отсутствіи центральнаго правительства и при разладѣ и „мятежѣ" среди высшихъ китайскихъ сановниковъ. Китайскія власти получали извѣстныя распоряженія отъ своихъ обычныхъ начальствъ изъ Пекина и исполняли то, что имъ предписано, безъ всякихъ колебаній; а китайцамъ ближе знать, отъ кого имъ слѣдуетъ получать указы и какъ отличить подлинныхъ китайскихъ начальниковъ отъ мятежныхъ и незаконныхъ. Для иностранцевъ было не совсѣмъ удобно становиться на эту почву внутренней китайской политики; ссылки на „мятежъ" ослабляли отвѣтственность оффиціальнаго Китая за дѣйствія, предпринятыя отъ его имени во вредъ иностранцамъ, а для державъ было, напротивъ, необходимо признавать эту отвѣтственность безусловною, въ интересахъ болѣе старательнаго огражденія европейцевъ отъ кровавыхъ насилій. Во всякомъ случаѣ, не было повода и основанія навязывать китайскимъ правителямъ маску миролюбія, которую они сами сбросили съ себя на дѣлѣ безъ стѣсненій; и чѣмъ раньше мы отказались бы отъ ошибоч-

ной дипломатической тактики, тѣмъ вѣрнѣе были бы избѣгнуты печальныя послѣдствія анти-европейскаго движенія въ Китаѣ. Теперь уже ясно, что вступленіе небольшихъ иностранныхъ отрядовъ въ Пекинъ для охраны посольствъ было принято китайцами за враждебный вызовъ и подало поводъ къ военнымъ дѣйствіямъ, въ которыхъ всѣ преимущества были на сторонѣ туземной арміи; послѣдовавшее затѣмъ взятіе Таку международными войсками было уже началомъ фактической войны, и съ этого момента китайское правительство относится уже къ Россіи какъ къ непріятельской державѣ,—приписывая ей почему-то руководящее участіе въ начатыхъ военныхъ операціяхъ. Движеніе иностранныхъ войскъ на Тянь-Цзинь подъ начальствомъ русскаго генерала должно было укрѣпить въ Китаѣ мысль о войнѣ спеціально съ Россіею, чѣмъ и объясняются неожиданныя отвѣтныя нападенія китайцевъ въ Манчжуріи и по сибирской границѣ. Упорныя и кровопролитныя битвы подъ Тянь-Цзинемъ окончились 2 іюля занятіемъ этого важнаго укрѣпленнаго пункта и очищеніемъ его окрестностей отъ китайскихъ полчищъ. Утверждать, что это не война, а что-то другое, было уже слишкомъ мудрено даже съ точки зрѣнія китайской дипломатіи. „Мятежные" боксеры стягивались съ разныхъ сторонъ туда, гдѣ они нужны были для поддержки регулярныхъ войскъ,—все болѣе раскрывая свой дѣйствительный характеръ ополченія, созваннаго и организованнаго китайскими властями по указамъ изъ Пекина.

Иностранныя посольства въ Пекинѣ, вмѣсто того чтобы своевременно покинуть китайскую столицу, остались на мѣстѣ въ ожиданіи военной помощи, все еще разсчитывая внушить спасительный страхъ Китаю перспективою появленія нѣсколькихъ новыхъ сотенъ или даже тысячъ европейскихъ солдатъ. Посланники съ своими семействами и съ значительнымъ штатомъ служащихъ очутились въ положеніи осажденныхъ заложниковъ, которыхъ китайское правительство рѣшило не выпускать изъ рукъ. Эта горсть иностранныхъ представителей, отрѣзанныхъ отъ внѣшняго міра и вынужденныхъ защищать свою жизнь отъ фанатически-настроенныхъ туземныхъ войскъ, послужила для Китая предметомъ коварной и жестокой игры: нѣсколько разъ возвѣщалась Европѣ гибель посланниковъ, съ ужасающими подробностями, и фактъ всеобщаго избіенія европейцевъ въ Пекинѣ былъ наконецъ оффиціально подтвержденъ телеграммами шандунскаго губернатора и директора телеграфовъ Шенга отъ 15 (2) и 14 (1) іюля. Весь культурный міръ волновался по поводу этой неслыханной катастрофы, и въ газетахъ посвящались погибшимъ краснорѣчивые пространные некрологи. Черезъ нѣкоторое время приходили изъ Китая смутные намеки на то, что посланники еще живы и что правительство старается

ихъ спасти; но армія по прежнему окружаетъ посольства тѣснымъ кольцомъ, и цзунъ-ли-ямынь вступилъ съ ними въ какіе-то переговоры черезъ посредство своихъ чиновниковъ, публично удостовѣривъ такимъ образомъ лживость увѣреній насчетъ мятежныхъ боксеровъ, дѣйствующихъ, будто бы, самовольно и не признающихъ, будто бы, авторитета законныхъ китайскихъ властей. Благодаря настойчивому требованію сѣверо-американскаго правительства, китайскій посланникъ въ Вашингтонѣ, Вутингфангъ, постарался устроить передачу депеши представителю Соединенныхъ Штатовъ въ Пекинѣ, Конджеру, съ полученіемъ отъ него шифрованнаго отвѣта, отъ 5 (17) іюня, и это обстоятельство вновь возбудило надежду на спасеніе посланниковъ. Тѣмъ не менѣе, китайское правительство не прекращало осады посольствъ и рѣшительно отказывалось дозволить имъ посылать телеграммы помимо контроля цзунъ-ли-ямыня. Подобное обращеніе съ иностранными посольствами представляетъ собою нѣчто небывалое; но и взятіе Таку безъ войны также выходило изъ предѣловъ обычнаго международнаго права.

Въ китайскихъ событіяхъ мы видимъ вообще цѣлый рядъ военно-дипломатическихъ недоразумѣній. Китай обороняется отъ иноземныхъ пришельцевъ, какъ отъ злѣйшихъ враговъ, а послѣдніе требуютъ суровой расправы съ туземными властями, относящимися къ нимъ непріязненно; противъ иностранныхъ войскъ двинуто народное ополченіе, а оно принимается за толпы мятежниковъ, съ которыми не могутъ справиться китайскіе правители. И въ то время какъ мы выражаемъ сочувствіе и предлагаемъ дружескую помощь китайскому правительству для подавленія возстанія, военныя силы Китая борются съ нами и побѣждаются подъ стѣнами Тянь-Цзиня, смѣло нападаютъ на насъ въ Манчжуріи и по берегамъ Амура. Для того, чтобы нынѣшнія тяжелыя жертвы Россіи и другихъ державъ не пропали даромъ, мы должны теперь же имѣть въ виду ни въ какомъ случаѣ не возвращать Таку и Тянь-Цзина китайцамъ; эти пункты должны остаться вполнѣ международными, одинаково доступными всѣмъ культурнымъ націямъ, подъ управленіемъ и контролемъ мѣстныхъ представителей заинтересованныхъ кабинетовъ. То же самое слѣдуетъ сдѣлать и съ Пекиномъ, если онъ будетъ занятъ международными войсками для освобожденія посольствъ. Въ политикѣ надо наибольше остерегаться иллюзій, создающихъ грозныя опасности для будущаго подъ предлогомъ какихъ-либо неудобствъ или затрудненій въ настоящемъ. Мы невольно вовлечены въ военныя дѣйствія противъ Китая, и съ нашей стороны обязательно позаботиться, чтобы возможность такихъ столкновеній не повторялась или, по крайней мѣрѣ, чтобы она утратила свой грозный характеръ, прежде чѣмъ ки-

тайскія народныя массы успѣли выработать изъ себя правильно вооруженныя и стойкія арміи по европейскому образцу.

Дѣятельное участіе Японіи въ „концертѣ" великихъ державъ на дальнемъ востокѣ представляетъ фактъ въ высшей степени любопытный и поучительный. Современная японская имперія, съ ея новыми учрежденіями, съ ея парламентомъ и свободною печатью, возникла, можно сказать, на нашихъ глазахъ и развилась и окрѣпла съ замѣчательною быстротою, съ половины шестидесятыхъ годовъ. Примѣръ Японіи показалъ наглядно, что великое зло, отъ котораго бѣдствуютъ и гибнутъ старыя азіатскія государства, коренится не въ народахъ, а въ правительствахъ, въ ихъ застывшей политической и административной организаціи, основанной на полномъ безправіи населенія и на неограниченномъ произволѣ властвующихъ лицъ. Японія стряхнула съ себя эти ветхія лохмотья, отреклась отъ неудачныхъ традицій прошлаго и сознательно направилась на новый путь, по иниціативѣ и подъ руководствомъ молодого императора и его просвѣщенныхъ совѣтниковъ; и благодаря предпринятымъ и осуществленнымъ реформамъ она въ короткое время достигла такого развитія и процвѣтанія, о какомъ едва мечтали сами дѣятели и участники преобразовательнаго движенія. Обладая энергіею, предпріимчивостью и широкимъ честолюбіемъ, японцы естественно ищутъ себѣ простора въ мірѣ и прежде всего стремятся пріобрѣсть надежную точку опоры на азіатскомъ материкѣ. Видимое разложеніе Китая даетъ японскимъ патріотамъ богатую пищу для смѣлыхъ политическихъ плановъ; война изъ-за Кореи была только первымъ пробнымъ шагомъ, за которымъ можно ожидать дальнѣйшихъ попытокъ въ томъ же родѣ. Теперь вновь представился случай выдвинуть Японію въ роли устроительницы китайскихъ дѣлъ, и Англія настойчиво зоветъ ее къ Пекину, убѣждая какъ можно скорѣе послать стотысячную японскую армію для спасенія посланниковъ. Англичане обвиняютъ русскую дипломатію въ противодѣйствіи этому проекту, отъ котораго зависитъ, будто бы, судьба европейцевъ въ Пекинѣ; японское правительство сохраняетъ, однако, сдержанность и не торопится послѣдовать заманчивому призыву Англіи, опасаясь столкновенія съ другими великими державами и прежде всего съ Россіею. Британскіе патріоты, ожидающіе спасительныхъ услугъ отъ Японіи, не останавливаются вовсе надъ вопросомъ, который возникаетъ при этомъ самъ собою: почему и ради чего Японія будетъ одна жертвовать своими силами и средствами для исполненія задачи, одинаково важной и для другихъ? Если по своему географическому положенію и по удобствамъ сообщеній она имѣетъ возможность немедленно переправить большую армію въ Китай, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что она обязана сдѣлать это только въ видахъ удовлетворенія соединенныхъ

державъ, не располагающихъ по близости нужными силами для освобожденія посланниковъ. Японія охотно пойдетъ на Пекинъ, но не для другихъ и не для цѣлей человѣколюбія, а для себя, для своего будущаго, во имя своихъ идеаловъ политическаго величія и могущества, съ цѣлью вновь оплодотворить и оживить роскошную почву Китая при помощи своей настойчивой энергіи и создать новую колоссальнѣйшую въ мірѣ имперію изъ разрозненныхъ нынѣ элементовъ желтой расы на азіатскомъ материкѣ. Общность расы сближаетъ Китай съ Японіею, несмотря на ихъ временныя несогласія и войны; и еслибы японская предпріимчивость завладѣла китайскимъ населеніемъ, то образовалась бы готовая почва для „панмонголизма", о которомъ недавно еще говорилъ въ нашей печати Вл. С. Соловьевъ. Японцы, какъ напоминаетъ Фриманъ Митфордъ въ лондонскомъ „Times", имѣютъ въ сущности мало общаго съ европейскими націями и ихъ культурою, хотя и заимствовали у нихъ разные усовершенствованные порядки; еще четверть вѣка тому назадъ, они избивали иностранцевъ съ такимъ же звѣрскимъ ожесточеніемъ, какъ теперь китайцы. Племенные и расовые инстинкты не исчезаютъ и не перерабатываются въ теченіе двухъ-трехъ десятилѣтій, и Англія въ концѣ концовъ едва ли выиграла бы отъ появленія новой японско-китайской имперіи, которую британская дипломатія столь близоруко желала бы противопоставить Россіи.

Итальянскій король сдѣлался жертвою неожиданнаго покушенія въ Монцѣ, 17 (29) іюля, и скончался вечеромъ того же дня, на 56 году жизни. Виновникъ злодѣянія, нѣкій Гаэтано Бресси, принадлежитъ очевидно къ числу тѣхъ безумцевъ, для которыхъ преступленіе есть только особый способъ самоубійства; никакихъ правдоподобныхъ мотивовъ, ни личныхъ, ни политическихъ, тутъ быть не могло. Общеизвѣстныя качества покойнаго короля Гумберта, его привѣтливый, хотя и сдержанный характеръ, простота и безупречность его частной жизни, его неизмѣнно корректный образъ дѣйствій, какъ конституціоннаго монарха,—все это исключало мысль о возможности примѣшивать его личность къ глухой соціальной борьбѣ, которая издавна происходила въ Италіи. Разныя невзгоды, отъ которыхъ страдаетъ итальянская нація, зависятъ отъ причинъ и условій, имѣющихъ только косвенную связь съ вопросами текущей политики; ошибочное направленіе политической жизни вызывалось идеями и чувствами, находившими всегда авторитетныхъ и популярныхъ выразителей въ парламентѣ. Непосильное и разорительное для Италіи стремленіе къ роли великой военной державы поддерживалось цѣлымъ рядомъ политическихъ дѣятелей и большею частью одобрялось парламентскимъ боль-

шинствомъ, безъ чего оно и не могло бы проявиться и господствовать во внѣшнихъ дѣлахъ страны. Король Гумбертъ, быть можетъ, слишкомъ долго и послѣдовательно стоялъ на сторонѣ Криспи въ его безплодныхъ колоніальныхъ предпріятіяхъ, въ его попыткахъ національнаго соперничества съ Франціею и въ его увлеченіи планами и комбинаціями Бисмарка; но Криспи имѣлъ за собою вліятельную парламентскую партію и опирался на значительную часть итальянскаго общества, такъ что считать короля отвѣтственнымъ за ошибки его правительства было бы несправедливо.

Царствованіе Гумберта, продолжавшееся 22 года, было вообще тревожное и не можетъ быть названо счастливымъ; политическія неудачи, безцѣльныя африканскія экспедиціи, война съ Абиссиніею, окончившаяся пораженіемъ при Адуѣ, полное разстройство финансовъ, бѣдность и даже нищенство народныхъ массъ, необходимость постоянныхъ вооруженій для поддержанія престижа Италіи, какъ равноправной союзницы Германіи и Австро-Венгріи,—таково наслѣдіе, которое оставилъ покойный своему сыну и преемнику, Виктору-Эммануилу III. Новый король, какъ извѣстно, женатъ на дочери князя Николая Черногорскаго, и это обстоятельство, какъ предполагаютъ дальновидныя газеты, должно оказать свое вліяніе на его политическія симпатіи и воззрѣнія.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 августа 1900.

— Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы XVIII вѣка. П. Житецкаго. Изданіе „Кіевской Старины". Кіевъ, 1900.
— Викъ (1798—1898). Кыивъ, 1900.
— Къ вопросу о галицко-русской литературѣ. (По поводу статьи проф. Т. Д. Флоринскаго). Проф. В. Антоновича. Кіевъ, 1900.

Два года тому назадъ малорусская литература совершала историческія поминки,—не скажемъ, торжествовала юбилей, потому что ея современное положеніе очень далеко, даже противорѣчитъ всякой мысли о торжествѣ. Предметомъ историческаго воспоминанія былъ фактъ и личность, съ которыхъ начинаютъ существованіе новѣйшей малорусской литературы. Эта личность былъ извѣстный Иванъ Петровичъ Котляревскій (1767—1838), а фактъ—первое появленіе въ свѣтъ „Перелицованной Энеиды". Явились біографическія изслѣдованія о писателѣ, и нѣсколько весьма внимательныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій объ его произведеніи. „Энеида" Котляревскаго не была самостоятельна по самому замыслу. Травестированіе, обращеніе въ шутку знаменитыхъ произведеній, въ томъ числѣ и Энеиды Виргилія, началось уже давно въ западно-европейской литературѣ, и въ литературѣ русской Котляревскій имѣлъ предшественника въ Осиповѣ, который уже оборачивалъ ее на изнанку. Новѣйшіе изслѣдователи старательно сличали этихъ двухъ передѣлывателей „Энеиды" (Осиповъ также имѣлъ свой нѣмецкій образецъ) и разыскивали, въ чемъ состояло отношеніе Котляревскаго къ его русскому предшественнику; признавали его зависимость отъ послѣдняго, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывали, насколько Котляревскій былъ самостоятеленъ въ подробностяхъ своей поэтической шутки, съ какимъ знаніемъ малорусской жизни онъ вводилъ въ поэму бытовыя ея черты, сколько вложилъ въ свой разсказъ оригинальнаго юмора.

Казалось бы, что сдѣлано было все, что требовалось; но болѣе или менѣе цѣльное представленіе объ историческомъ значеніи Котляревскаго явилось только въ трудѣ г. Житецкаго, заглавіе котораго мы выписали. Не вдаваясь въ мелкія частности упомянутыхъ литературныхъ связей и отношеній „Энеиды" Котляревскаго, г. Житецкій поставилъ общій вопросъ о самомъ существѣ этого литературнаго явленія: откуда исходилъ мотивъ, породившій это произведеніе,—какъ будто совсѣмъ случайное, не имѣвшее связи ни съ прошедшимъ, ни съ наличною народною жизнью; какое міровоззрѣніе или общественный взглядъ заключается въ этой сплошной шуткѣ; гдѣ была причина необычайнаго успѣха этого произведенія, отъ котораго позднѣйшіе историки могли вести начало малорусской литературы, въ ея новѣйшей формаціи? На нашъ взглядъ авторъ прекрасно разрѣшилъ свою задачу.

Г. Житецкій уже давно, съ семидесятыхъ годовъ, сталъ въ ряду наиболѣе замѣчательныхъ изслѣдователей малорусскаго языка и словесности. Обширныя знанія въ старой малорусской книжности и внѣшней исторіи малорусскаго народа, тонкое художественное пониманіе поэзіи народной и искусственно-литературной, этнографическій опытъ дѣлали его особенно компетентнымъ въ разъясненіи поставленнаго вопроса. Онъ исходилъ изъ частнаго факта. Открытъ былъ „древнѣйшій" списокъ „Энеиды" (разумѣется, эта „древность" есть не далѣе какъ конецъ прошлаго вѣка), рукопись, въ которой оказались любопытные варіанты противъ извѣстнаго печатнаго текста; варіанты давали намекъ на ходъ мыслей писателя, а самый списокъ, принадлежавшій тогдашнему любителю народной старины, указывалъ начинавшуюся популярность писателя. Понятно, что для полнаго объясненія писателя,—притомъ выступившаго съ такимъ своеобразнымъ произведеніемъ,—нужно было прослѣдить тѣ далекіе источники, изъ которыхъ складывались его общественныя понятія и литературный характеръ. Внѣ его чисто личнаго дарованія, Котляревскій переживалъ вліянія старой малорусской школы съ одной стороны, и съ другой—вліянія тѣхъ переворотовъ, какіе испытывала народная жизнь Малороссіи со времени присоединенія къ Россіи. Такимъ образомъ, изложеніе начинается издалека. Разыскивая „корни Энеиды въ прошедшемъ", авторъ проводитъ передъ читателемъ длинный рядъ историко-литературныхъ явленій восемнадцатаго вѣка (или даже еще съ конца семнадцатаго), которыя онъ обыкновенно мѣтко опредѣляетъ ихъ основными чертами книжными и историческо-бытовыми, и слѣдитъ въ нихъ постепенное развитіе новыхъ настроеній. Какъ опытный филологъ онъ изображаетъ, во-первыхъ, судьбу славяно-малорусской рѣчи въ ея старыхъ условіяхъ и новыхъ вліяніяхъ восемнадца-

таго вѣка съ Петровской реформы,—отъ языка старыхъ богослужебныхъ книгъ малорусской печати, продолжая славяно-малорусской рѣчью въ сочиненіяхъ Ѳеофана Прокоповича, въ лѣтописи Грабянки, въ „странствованіяхъ“ Барскаго; далѣе авторъ останавливается на славяно-малорусскихъ драмахъ восемнадцатаго вѣка, на новыхъ вліяніяхъ изъ русской литературы, на философіи и языкѣ извѣстнаго Сковороды; далѣе авторъ объясняетъ вопросъ о проникновеніи народныхъ элементовъ сюжета и языка въ школьныя драмы и вирши, и въ результатѣ выясняется та почва, на которой могла возникнуть въ концѣ восемнадцатаго столѣтія дѣятельность Котляревскаго.

Такимъ образомъ, говоритъ авторъ,—„уже болѣе вѣка длилось умственное общеніе малорусскаго юга съ великорусскимъ сѣверомъ. Со временъ Петра Великаго главная сила этого общенія заключалась въ реформѣ его, которая опиралась, какъ извѣстно, на свѣтскую науку. Но въ вѣкъ Петра Великаго наука эта не выходила изъ тѣснаго круга техническихъ знаній, приспособленныхъ къ разнообразнымъ потребностямъ общественной и государственной жизни. При Елизаветѣ Петровнѣ это дѣловое, утилитарное направленіе науки смѣняется болѣе общимъ: русскихъ людей начинаетъ интересовать не та или другая отрасль знанія, а самое знаніе, какъ потребность мысли, какъ образовательная сила. При Екатеринѣ II само правительство пошло на встрѣчу этой потребности, стремясь къ обновленію русской жизни посредствомъ идей французскаго просвѣщенія. Масса французскихъ сочиненій безъ особеннаго стѣсненія переводилась въ то время на русскій языкъ. Составлялись сборники выбранныхъ мѣстъ изъ авторовъ наиболѣе извѣстныхъ, подъ заглавіями: „Духъ Вольтера“, „Духъ Гельвеція“, „Духъ Руссо“. Особеннымъ уваженіемъ пользовался Вольтеръ, создавшій у насъ цѣлое поколѣніе „вольтеріанцевъ“. Нѣтъ сомнѣнія, что эта волна просвѣтительнаго движенія коснулась и Малороссіи, тѣмъ болѣе, что въ ней издавна во всѣхъ слояхъ народонаселенія распространено было уваженіе къ просвѣщенію, и малорусское шляхетство, какъ мы знаемъ, постоянно мечтало объ учрежденіи университетовъ въ разныхъ городахъ малорусскихъ, пока наконецъ мечты эти не осуществились въ 1805 году, когда основанъ былъ университетъ въ Харьковѣ. Что касается до школъ духовныхъ, господствовавшихъ въ Малороссіи, то по составу своему это были всесословныя школы, начиная отъ кіевской академіи и до семинаріи, въ которой учился Котляревскій. Объ этой семинаріи въ біографіяхъ его существуютъ сбивчивыя показанія,—поэтому нужно сказать о ней нѣсколько словъ.

„Называютъ ее обыкновенно полтавской семинаріей, такъ какъ она находилась въ г. Полтавѣ, гдѣ родился Котляревскій. Основана она

была спустя десять лѣтъ послѣ его рожденія, въ 1779 г., при архіепископѣ словенскомъ Никифорѣ Ѳеотоки, который жилъ въ Полтавѣ и отсюда управлялъ словенскою епархіей: вотъ почему и семинарія полтавская называлась въ то время словенскою. Самъ Ѳеотоки, молдаванинъ по происхожденію, получилъ образованіе въ заграничныхъ университетахъ: можетъ быть, это обстоятельство имѣло вліяніе на расширеніе учебной программы въ словенской семинаріи, такъ какъ въ ней, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, преподавались еще французскій и нѣмецкій языки. Отсюда Котляревскій вынесъ знаніе французскаго языка. Здѣсь же, по преданію, началъ онъ писать стихи, за что товарищи называли его риѳмачемъ. Слѣды юношескаго размаха мысли, не охлажденной еще опытомъ жизни, видны въ первыхъ трехъ пѣсняхъ „Энеиды", хотя нѣтъ никакого основанія утверждать, что она начата была на школьной скамьѣ. Одно можно сказать положительно, что Котляревскій не вынесъ изъ семинаріи того душевнаго склада, который необходимъ для духовнаго званія, поэтому и не сдѣлался лицомъ духовнымъ. Не коснулось его и вольномысліе временъ Екатерины II: нѣтъ во всей „Энеидѣ" ничего похожаго на отрицаніе въ области религіозныхъ вѣрованій. Тѣмъ не менѣе, въ каждомъ словѣ Котляревскаго чувствуется та широта мысли, которая недоступна была поколѣніямъ предшествующимъ".

Между прочимъ, воспринимая вліянія образованности восемнадцатаго вѣка, Котляревскій почерпнулъ изъ нея новыя представленія общественнаго характера. Есть извѣстія о принадлежности его къ масонской ложѣ. По объясненію г. Житецкаго, онъ остался чуждъ мистицизму, какимъ отличались обыкновенно приверженцы „ордена", но онъ усвоилъ, или раньше самъ выработалъ, общественныя понятія, которыя сближали его съ другою стороною масонскаго направленія и сдѣлали возможнымъ его вступленіе въ ложу. „Масонство,—говоритъ г. Житецкій,— могло укрѣпить только Котляревскаго въ его нравственномъ ригоризмѣ, въ его недовѣріи къ философской мудрости, опирающейся на изученіе естественныхъ наукъ, отчасти въ его оппозиціонномъ отношеніи къ духовенству, съ которымъ масоны не сходились по разнымъ религіознымъ вопросамъ. Что касается до мистицизма масонскаго, то онъ былъ совершенно чуждъ Котляревскому. Это былъ умъ трезвый и наблюдательный, сознательно направлявшій орудіе сатиры противъ соціальнаго зла, тяготѣвшаго надъ его современниками. Зло это онъ видѣлъ въ угнетеніи слабыхъ людей сильными людьми, принадлежавшими къ сословіямъ привилегированнымъ... Это было самое больное мѣсто въ соціальномъ строѣ малорусской жизни, и ничто такъ не возвышаетъ нашего поэта надъ низменнымъ уровнемъ современныхъ ему понятій, какъ благородный, негодующій

голосъ его противъ превращенія людей въ скотовъ. Нужно было имѣть гражданское мужество, чтобы поднять этотъ голосъ въ тотъ вѣкъ, когда, по свидѣтельству историка, во всей Россіи и отъ всѣхъ сословій, послышался дружный и страшно печальный крикъ: „рабовъ“.

„Итакъ, Котляревскій выдвинулъ новый вопросъ въ малорусской литературѣ, тотъ вопросъ о мужикѣ, который составлялъ злобу дня для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній до самаго освобожденія крестьянъ“.

Наконецъ, это былъ мѣстный, т.-е. малорусскій патріотъ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ любилъ ходить въ народѣ, присматриваться къ его быту, прислушиваться къ языку, что, конечно, при собственномъ талантѣ, сдѣлало его такимъ мастеромъ малорусской рѣчи. За послѣднее время въ извѣстномъ кругу нашей печати усиленно старались заподозрить подобный патріотизмъ, давая ему паименованіе мѣстнаго сепаратизма. Нѣтъ сомнѣнія, что изобрѣтеніе и распространеніе этого термина было однимъ изъ самыхъ зловредныхъ, противообщественныхъ дѣяній нашей реакціонной печати: вводя въ заблужденіе администрацію, она вызвала раздоръ и стѣсненія тамъ, гдѣ дѣло шло о естественныхъ явленіяхъ народной литературы и народничества. Потому что въ дѣйствительности такъ называемое украинофильство было совершенно параллельно тому явленію, какое у насъ назвали народничествомъ. То и другое было вполнѣ послѣдовательнымъ проявленіемъ сочувствій къ народу, когда реформа возвратила народной массѣ гражданскія права и когда все общество было проникнуто стремленіями къ обновленію и къ широкой гражданской жизни, которая мечталась въ будущемъ послѣ освобожденія крестьянъ и другихъ знаменательныхъ преобразованій. Извѣстно, что наше (собственно великорусское) народничество перебродило, значительно утратило свои угловатости,—но (не должно этого забывать) принесло свою великую общественную пользу,—напримѣръ, тѣмъ, что усилило изученія народной жизни, настаивая при томъ на большемъ вниманіи къ ея бытовымъ и нравственнымъ особенностямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени, въ литературномъ и общественномъ взаимодѣйствіи сгладилось бы и уравновѣсилось то, въ чемъ видѣли крайности украинофильства. Для насъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ своемъ послѣдовательномъ и нормальномъ развитіи оно могло бы оказать великую пользу для цѣлаго русскаго дѣла: малорусское племя не все находится въ предѣлахъ имперіи, и воздѣйствіе нашего украинофильства установило бы другія отношенія къ галицкой Руси, чѣмъ тѣ, какія образуются теперь,—когда происходитъ какое-то странное, противное природѣ вещей перемѣщеніе литературнаго и научнаго центра тяжести изъ громадной русской Украйны въ маленькую и бѣдную Га-

лицію. Что касается народническихъ пристрастій „украинофильства“ къ малорусскому языку, къ особенностямъ малорусскаго обычая и т. д., то нѣтъ ничего естественнѣе, какъ любовь человѣка къ ближайшей родинѣ: эта любовь понятна всегда, но, быть можетъ, она особенно понятна у насъ, гдѣ національное „отечество“ такъ громадно. Въ основѣ всякой любви къ „отечеству“ лежитъ любовь къ болѣе близкой, осязательной „родинѣ“, и когда родина чувствуетъ себя спокойной, свободной, обезпеченной въ государственномъ и общенаціональномъ отечествѣ, между двумя чувствами не можетъ быть никакого разлада и противорѣчія; напротивъ, на это національное цѣлое переносится не одна отвлеченная мысль, но и вся непосредственная и горячая любовь къ родинѣ. Какъ просто и естественно это чувство, показываетъ все развитіе мѣстныхъ литературъ, въ томъ числѣ и малорусской.

Когда Котляревскій задумалъ и исполнилъ свою „Энеиду“, не было никакихъ толковъ ни о сепаратизмѣ, съ одной стороны, ни о вредѣ и опасности литературы на мѣстномъ языкѣ (или „нарѣчіи“). Основнымъ мотивомъ была простая, исторически сложившаяся и вмѣстѣ связанная съ внушеніями тогдашняго образованія привязанность къ родинѣ, родному обычаю и языку. Чрезвычайный успѣхъ малорусской „Энеиды“ (и тѣни такого успѣха не имѣла „Энеида“ Осипова) показывалъ, что было затронуто сильное органическое чувство цѣлой массы не только малорусскаго „общества“, но и народа. Въ концѣ концовъ, съ „Энеиды“ начинаютъ развитіе новѣйшей малорусской литературы.

Названная выше книга „Викъ“, т.-е. „Вѣкъ“, представляетъ собою поэтическую (стихотворную) хрестоматію изъ этой литературы за сто лѣтъ. Въ сборникъ вошли многочисленныя произведенія писателей изъ нашей Малороссіи и изъ Галицкой Руси (изъ послѣдней, напримѣръ: Шашкевичъ, Головацкій, Федьковичъ, Устіановичъ, Франко и др.). Писатели расположены приблизительно въ хронологической послѣдовательности. Такъ, на первомъ планѣ поставленъ Котляревскій, за нимъ Гулакъ-Артемовскій, Боровиковскій, Гребенка, Шашкевичъ, Головацкій, Костомаровъ,... Метлинскій,... Шевченко, Кулишъ и т. д.; о каждомъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія.

Къ этимъ книгамъ мы присоединили брошюру В. Б. Антоновича. Заслуженный знатокъ южно-русской исторіи и литературы, авторитетный ученый, счелъ нужнымъ отвѣтить на тѣ нападенія, какія произведены были профессоромъ кіевскаго университета Флоринскимъ на наше украинофильство и на галицко-русское движеніе по поводу прошлогодняго археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. Объ этомъ была въ свое время рѣчь въ Литературномъ Обозрѣніи „Вѣстника Европы“. Не будемъ повторять этой печальной исторіи; скажемъ только, что для

тѣхъ, кого интересуетъ этотъ вопросъ,—онъ весьма серьезенъ не только для любителей южно-русской литературы, но и важенъ для самаго достоинства литературы русской,—небольшая книжка г. Антоновича доставитъ весьма простыя и поучительныя разъясненія по существу дѣла. Книжка написана въ спокойномъ, серьезномъ тонѣ; авторъ желалъ разсматривать вопросъ только съ чисто научной точки зрѣнія, съ полнымъ безпристрастіемъ къ противной сторонѣ, и надо желать, чтобы его спокойный разборъ вопроса подѣйствовалъ на эту противную сторону. Въ концѣ книжки проф. Антоновичъ коснулся и тѣхъ личныхъ обвиненій, какія были выставлены между прочимъ противъ него и гр. Уваровой проф. Флоринскимъ; г. Антоновичъ фактически разъяснилъ малую основательность этихъ обвиненій, находя, что онѣ выходили уже за предѣлы научнаго изслѣдованія вопроса и относились скорѣе къ области „сердцевѣдѣнія“.—Т.

— Старая Сербія и Македонія. Историко-этнографическое изслѣдованіе Спиридона Гопчевича. Издано съ 38 оригинальными рисунками и двумя планами въ текстѣ. Перевелъ съ нѣмецкаго М. Г. Петровичъ. Спб. 1899.

— „Македонскій вопросъ“ на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Іованъ П. Рогановичъ. Казань. 1900.

Со времени послѣдней войны, результатомъ которой было освобожденіе Болгаріи и отдача въ австрійскую оккупацію Босніи и Герцеговины, т.-е. послѣ Берлинскаго трактата, славянскій вопросъ, который передъ тѣмъ такъ волновалъ русское общество, какъ будто пересталъ для него существовать. Единственное, что нѣсколько объ немъ напоминаетъ въ нашей общественной жизни, есть славянскій благотворительный комитетъ, который имѣетъ только небольшой кружокъ своихъ членовъ и къ которому масса общества относится съ большимъ равнодушіемъ. Причина этого охлажденія довольно понятна. Берлинскій трактатъ разрушалъ всѣ надежды и ожиданія той доли русскаго общества, которая видѣла въ славянскомъ вопросѣ національное дѣло; онъ не удовлетворилъ и тѣхъ, болѣе равнодушныхъ къ этому вопросу людей, которымъ казалось, что политическій результатъ войны не отвѣчалъ затраченнымъ силамъ. Но было и другое...

Намъ вспоминаются слова Гилярова-Платонова (въ письмѣ къ кн. Н. В. Шаховскому) по поводу смерти Ивана Аксакова: „Аксаковъ долженъ былъ умереть, не могъ не умереть. Я намекнулъ объ этомъ, сказавъ, что къ причинамъ смерти его должно отнести страданіе, причиненное восточной политикой (моя первая о немъ статья). Это несомнѣнно. Помимо негодованія, которое въ немъ возбуждалось направленіемъ дипломатіи, въ немъ не могло не произойти разочарова-

нія. Онъ не признавался въ этомъ; онъ отбивался, но въ глубинѣ души не могъ же не чувствовать, что идеалъ славянскаго братства, начертанный его учителями (Хомяковымъ и К. Аксаковымъ), разлетается; на распростертыя объятія „братья" отвѣчаютъ пренебреженіемъ, завистью, коварствомъ, зложелательствомъ. Пусть виноватъ Берлинскій трактатъ и дипломатія; пусть вѣрно (до извѣстной степени, однакожъ, только), что нельзя отожествлять народовъ съ правительствами, но... Вотъ этого-то „но" онъ не могъ не чувствовать... Тотъ постъ, который занималъ онъ въ славянскомъ вопросѣ, во всякомъ случаѣ бы пустовалъ. Русское великодушіе къ славянамъ упраздняется самими обстоятельствами, самою исторіею"... Въ самомъ дѣлѣ, въ добычу Австріи достались тѣ самыя Боснія и Герцеговина, которыя именно начали съ ихъ скудными внѣшними средствами геройскую борьбу противъ турецкаго ига; Болгарія, которая, напротивъ, гораздо меньше участвовала въ этой борьбѣ, пріобрѣла политическую независимость и вскорѣ, подъ владычествомъ Стамбулова, отплатила Россіи способомъ дѣйствій, который, при всѣхъ ошибкахъ съ русской стороны, былъ низменнымъ и возмутительнымъ; въ южномъ славянствѣ, несмотря на громадныя событія, не нашлось людей, которые стояли бы на уровнѣ этихъ событій, стремились бы двигать дальше начатое дѣло, исправить то, что въ прежнемъ могло быть ошибкой; безсмысленная сербо-болгарская война, нелѣпыя событія во внутренней жизни Болгаріи и Сербіи мало обѣщали въ будущемъ. Старый идеалъ, о которомъ мечталъ Хомяковъ, Аксаковы и пр., оставалось сдать въ архивъ. Славянская идея, въ смыслѣ племенного братства, новыхъ культурныхъ основъ, неизвѣстныхъ Европѣ, и т. д., едва-ли могла бы быть усмотрѣна въ новѣйшей исторіи южнаго славянства; между тѣмъ, еслибы оно способно было къ какой-либо дѣятельности въ этомъ смыслѣ, передъ нимъ стояло бы не мало задачъ, и внутреннихъ, и внѣшнихъ, культурныхъ и политическихъ: балканское славянство живетъ какъ бы на перепутьѣ, ему предстоитъ или дѣйствительно создать здѣсь самобытную политическую жизнь, или превратиться въ вассаловъ Австріи...

Есть, впрочемъ, политическіе вопросы, къ которымъ болгары и сербы относятся съ большою страстностью. Это въ особенности вопросъ о Македоніи. Эта турецкая область, забытая берлинскимъ трактатомъ, хотя наполнена въ большинствѣ славянскимъ населеніемъ, составляетъ яблоко раздора между болгарскими и сербскими политиками. Область самымъ настоящимъ образомъ принадлежитъ Турціи; но они рѣшили, что она должна быть присоединена къ тому или другому славянскому государству, но какому—Сербіи или Болгаріи? Къ настоящему времени собралась уже цѣлая литература изъ поли-

тическихъ и научныхъ или мнимо-научныхъ сочиненій, гдѣ доказывается, съ одной стороны, что Македонія есть страна сербская по населенію и должна принадлежать Сербіи, а съ другой, что она болгарская и должна принадлежать Болгаріи. Съ обѣихъ сторонъ движущій мотивъ есть стремленіе къ политическому расширенію, къ увеличенію внѣшней силы, не задаваясь какими-нибудь высокими идеалами. Обѣ стороны, повидимому, мало оцѣниваютъ еще третьяго претендента—Австрію...

Къ этой литературѣ принадлежатъ и двѣ названныя книги. Македонскій вопросъ такъ сложенъ и труденъ, что говорить о немъ по поводу этихъ двухъ сочиненій было бы, кажется, напрасно,—хотя сочиненіе Гопчевича представляетъ довольно объемистую книгу (364, XV и V стр.). Мы остановились на нихъ потому, что онѣ явились и въ русской литературѣ, и на нихъ можно получить понятіе о литературномъ и политическомъ уровнѣ—если не всей этой литературы, то значительной ея доли.

Книга г. Гопчевича, для нашихъ литературныхъ обычаевъ, представляетъ нѣчто необыкновенное. Къ сожалѣнію, мы не имѣли въ рукахъ нѣмецкаго подлинника, съ котораго переводилъ г. Петровичъ. По всей вѣроятности изъ этого нѣмецкаго подлинника, выходившаго съ вѣдома автора, заимствована первая, вводная статья: „Къ портрету Спиридона Гопчевича", представляющая литературную біографію писателя (род. въ 1855). Изъ біографіи оказывается, что авторъ есть знаменитый путешественникъ по востоку и что, „отдавшись потомъ изученію историческихъ, географическихъ и военныхъ наукъ, изучилъ вмѣстѣ съ тѣмъ 27 различныхъ языковъ, изъ которыхъ на 13 свободно говоритъ". Онъ изучалъ настоящій востокъ, но въ особенности востокъ славянскій; его сочиненія,—читаемъ мы въ этой біографіи,—постоянно обращали на себя большое вниманіе и доставили ему большую славу; кромѣ того онъ не только ученый, но и беллетристъ: „беллетристическія его работы отличаются серьезностью и драматичностью дѣйствій и живымъ юморомъ". Онъ написалъ нѣсколько сочиненій о Турціи, балканскомъ славянствѣ, Египтѣ, и, „кромѣ перечисленныхъ, сдѣлалъ еще массу интересныхъ путешествій, *изучилъ*: Австро-Венгрію, Германію, Италію, Англію, Швейцарію, Шотландію, Уэльсъ, Бельгію, Голландію, Данію, Швецію, Норвегію, Грецію, Сербію, Турцію, Румынію, Болгарію, Восточную Румелію, Сирію, Палестину, о. Критъ, Тунисъ, Малую Азію, Египетъ, Боснію, Старую Сербію и Македонію, о. Кипръ, о. Родосъ, Испанію, Марокко, Финляндію, Сибирь, Польшу, Россію и Португалію".

Но и этого мало. Въ заключеніе мы читаемъ: „Гопчевичъ, при своихъ путешествіяхъ, кстати сказать, познакомился съ самыми зна-

менитыми личностями въ Европѣ, съ которыми онъ велъ переписку съ каждымъ на его родномъ языкѣ.

„Чтобы читатели могли получить приблизительно точное понятіе о его литературныхъ трудахъ, упомяну, что онъ, въ теченіе 15 лѣтъ, издалъ 18 большихъ трудовъ и брошюръ, одинъ романъ, пять новеллъ, 250 военныхъ и морскихъ, 30 ученыхъ, 80 беллетристическихъ, и 1.300 политическихъ статей, которыя печатаны въ 70 различныхъ газетахъ и журналахъ".

Не знаемъ, находится ли въ нѣмецкомъ изданіи эта статья о трудахъ г. Гопчевича. Если находится, т.-е. если статья поставлена въ изданіе самимъ авторомъ, съ его вѣдома, она получаетъ особый интересъ. Правда, не всѣ писатели рѣшаются говорить такъ открыто о своихъ заслугахъ; но, съ другой стороны, кто же, кромѣ самого писателя, можетъ такъ хорошо знать его труды, и кто, кромѣ г. Гопчевича, могъ сосчитать его многочисленныя книги и статьи?

Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ великимъ знатокомъ востока и славянства, по его собственному объясненію. На этомъ мы могли бы и остановиться, предоставивъ спеціалистамъ разбирать его откровенія. Мы укажемъ лишь нѣсколько подробностей. Въ первой главѣ книги авторъ разсказываетъ, что дало поводъ къ его путешествію въ Македонію и Старую Сербію. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ г. Гопчевичъ былъ вызванъ къ этому однимъ болгариномъ, человѣкомъ состоятельнымъ, который приглашалъ его, какъ авторитетнаго знатока, посѣтить эти страны и бралъ на свой счетъ издержки путешествія. Цѣль была въ томъ, чтобы опредѣлить этнографическій составъ населенія этихъ земель, составлявшихъ яблоко раздора между болгарами и сербами. Болгаринъ, предлагавшій путешествіе, оставлялъ за г. Гопчевичемъ всю свободу рѣшенія, въ чью бы сторону оно ни сложилось, и въ этомъ смыслѣ составленъ былъ оффиціально засвидѣтельствованный контрактъ (?), который и приводится въ книгѣ сполна... Въ статьѣ „Къ портрету" мы читаемъ, что раньше „болгарскій министръ Каравеловъ столько довѣрялся Гопчевичу, что приглашалъ его иногда даже въ министерскія засѣданія, какъ и засѣданія военнаго совѣта"; но въ первомъ же разговорѣ съ болгариномъ, такъ сказать, абонировавшимъ г. Гопчевича на путешествіе, оказалось, что г. Гопчевичъ не весьма одобрялъ „какого-то Каравелова" (стр. 2);—къ довершенію недоумѣнія читателя, въ концѣ книги, въ добавленіи переводчика, г. Петровича, этотъ же Каравеловъ оказывается въ числѣ „лучшихъ болгарскихъ патріотовъ" (стр. IV).

Совмѣстное путешествіе должно было на первыхъ же порахъ разочаровать болгарина, устроителя экспедиціи. Изслѣдованіе началось разговорами со встрѣчными, мѣстными жителями. По мнѣнію

болгарина, они должны были быть болгары; тѣ отрицались и называли себя сербами. Дальше, въ глубинѣ Македоніи и Старой Сербіи оказывалось другое: въ разныхъ мѣстахъ жители называли себя болгарами, но на дѣлѣ они не понимали спутника г. Гопчевича, болгарина, заговаривавшаго съ ними по-болгарски, и напротивъ, совершенно понимали Гопчевича, говорившаго по-сербски, и по-сербски ему отвѣчали. По объясненіямъ автора, здѣсь и обнаруживалась болгарская интрига: какимъ-то образомъ болгары ухитрялись внушать сербамъ, что они не сербы, устроивали имъ болгарскія училища и т. п. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ авторъ держалъ себя побѣдоносно, опровергалъ болгарина, раскрывалъ истину и т. д.: страна оказывалась сербскою. Но затѣмъ читателя встрѣчало крайнее недоумѣніе. Послѣдняя глава книги представляетъ статистику населенія Македоніи и Старой Сербіи. Не будемъ спрашивать, какъ выведена эта статистика; но авторъ даетъ весьма опредѣленныя цифры и въ концѣ высчитываетъ даже численность греческой, турецкой и болгарской „партій“. Главная цифра сербовъ находится въ турецкой „партіи“ (больше полумилліона); въ партіи болгарской сербовъ нашлось только 10.000, но къ этой цифрѣ г. Гопчевичъ дѣлаетъ слѣдующее примѣчаніе: „здѣсь включены *всѣ* оболгаренные сербы. Точнаго опредѣленія количества остальной части, которую болгарская пропаганда склонила на свою сторону, нельзя добиться, потому что большинство македонскихъ сербовъ, только изъ своихъ личныхъ выгодъ выдаютъ себя передъ болгарской пропагандой за ихъ приверженцевъ: такъ какъ они устраиваютъ имъ школы, церкви, раздаютъ деньги и т. д., тогда какъ сербы о нихъ ничуть не заботятся. Въ силу такихъ обстоятельствъ, выясняется позорный фактъ для сербовъ, что и въ настоящее время изъ всѣхъ старо-сербовъ и македонянъ, говорящихъ по-сербски, и 25.000 не думаютъ по-сербски, не считая 330.000 причисленныхъ мною къ албанцамъ, грекамъ и болгарамъ, потому что они, будучи несомнѣнно сербскаго происхожденія, теперь говорятъ по-албански, по-гречески и по-болгарски“ (стр. 364). Но если болгары „устраиваютъ сербамъ школы, церкви, раздаютъ деньги и т. д.“, а сербы (подразумѣваются вѣроятно сербы не только мѣстные, но сербы королевства и Черногоріи) объ нихъ совсѣмъ не заботятся, то что же остается этимъ заброшеннымъ сербамъ, какъ не считать себя болгарами, а со временемъ и дѣйствительно въ нихъ обратиться? Этого существеннаго вопроса г. Гопчевичъ и не объяснилъ.

Среди изложенія г. Гопчевичъ не однажды поминаетъ иностранныхъ путешественниковъ по этимъ землямъ—Каница, Барта, Гана, Викенеля (въ русскомъ изданіи: Викеснелъ), Буэ, Мэкензи и Ирби, и т. д., но говоритъ объ нихъ обыкновенно съ великимъ презрѣніемъ

(„ихъ сочиненій не могу читать безъ смѣха и нѣкотораго сожалѣнія", стр. 38), но это презрѣніе едва ли раздѣлитъ здравомыслящій человѣкъ. Кто, какъ не эти писатели, не славяне, чуждые славянскому міру, начиная съ стариннаго Ами Буэ, именно начинали весьма трудное нѣкогда (да и теперь не совсѣмъ легкое) изслѣдованіе, котораго не дѣлали сами славяне?

Не имѣя въ рукахъ нѣмецкаго подлинника, не знаемъ, правильно ли передано слѣдующее ученое соображеніе: „Оставивъ стѣны Марковой крѣпости, мы спустились въ село *Варошъ*. Правда, д-ръ Бартъ научно объясняетъ, что „варошъ" на болгарскомъ языкѣ означаетъ открытый торговый городъ, въ противоположность укрѣпленному *городу*, между тѣмъ какъ въ болгарскомъ языкѣ слово „варошъ" *совсѣмъ неизвѣстно* и тамъ безъ различія *каждый* городъ называется „варошъ", несмотря на то, укрѣпленъ ли онъ, или не имѣетъ крѣпости" (стр. 96). Какимъ образомъ „каждый городъ" называется такимъ словомъ, которое въ языкѣ „совсѣмъ неизвѣстно",—остается загадкой...

Опять мы не будемъ входить въ разборъ существа другой книжки—о „Македонскомъ вопросѣ". Вопросъ трактуется также съ сербской точки зрѣнія: Македонія никакъ не должна принадлежать Болгаріи;—но впрочемъ и не королевству Сербіи, а Черногоріи и ея „заслуженной древней династіи". Авторъ взываетъ къ единодушію Сербіи и Черногоріи, которыя должны, наконецъ, объединить сербское племя,—но это политическое пріобрѣтеніе авторъ все-таки предназначаетъ для Черногоріи.

Это предпочтеніе объясняется тѣмъ, что самъ авторъ—уроженецъ Черногоріи. Правда, изъ Черногоріи онъ долженъ былъ бѣжать, но тѣмъ не менѣе онъ желаетъ послужить Черногоріи и черногорской династіи. Въ концѣ книжки онъ счелъ нужнымъ изложить собственную біографію.

„Можно констатировать тотъ фактъ,—говоритъ г. Рогановичъ,—что въ настоящее время serbus serbi (т.-е. serbo) lupus... Новый сербъ съ улыбкой возводитъ своего соплеменника серба на эшафотъ, лишь бы удовлетворить амбицію своего испорченнаго „я". Авторъ этихъ строкъ, сербъ, черногорскій уроженецъ, самъ былъ невинной жертвой этихъ черныхъ душъ, создавшихъ и поддерживающихъ эту черногорско-сербіанскую династическую борьбу. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что serbus serbi lupus. Событіе это случилось со мною въ Черногоріи и Сербіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Кончивъ требуемый курсъ ученія въ цетиньской и бѣлградской гимназіи, а затѣмъ въ бѣлградскомъ учительскомъ институтѣ, я послѣ своего шестилѣтняго пребыванія въ Сербіи отправился въ Черногорію, въ которой и прожилъ годъ въ качествѣ учителя, управляющаго на-

родными школами въ Цетиньѣ. По истеченіи года, я отказался отъ этой любимой мною должности и отправился для дальнѣйшаго образованія въ пражскій университетъ, по приглашенію адвоката Чернаго, извѣстнаго чешскаго славянофила, которымъ я, какъ черногорецъ, былъ горячо обласканъ и любезно принятъ, за что и приношу ему искреннюю благодарность. Въ это же самое время удостоило меня своимъ высокимъ вниманіемъ и черногорское правительство, назначивъ мнѣ стипендію. Въ теченіе двухъ лѣтъ моего пребыванія въ пражскомъ университетѣ на философскомъ факультетѣ я, совмѣстно съ начальникомъ народныхъ черногорскихъ школъ Джуромъ Поповичемъ, извѣстнымъ черногорскимъ педагогомъ, написалъ по конкурсу два учебника: „Српски Буквар" и „Землопис Црне Горе"...

„Время моего пребыванія и занятія въ Прагѣ совпало съ шумною порой въ Черногоріи. Много видныхъ по положенію, но насквозь испорченныхъ и безнравственныхъ людей покинуло Черногорію къ ея, разумѣется, счастью, такъ какъ этимъ она освободилась отъ внутренней гнили. Всѣ эти эмигранты выбыли изъ Черногоріи не изъ-за какихъ-либо возвышенныхъ цѣлей и побужденій, а вслѣдствіе своихъ грязныхъ поступковъ и виновности. Намъ не хочется называть ихъ по имени и удостоивать чести публикаціи въ русской печати". (Замѣтимъ, впрочемъ, что „честь" была бы сомнительная. Дальше авторъ называетъ, однако, нѣкоторыя имена). „Одни изъ этихъ лицъ поселились въ Австро-Венгріи, Босніи и Хумѣ, получивъ тамъ помѣстья, пенсіи и титулы бароновъ. Австро-Венгрія разсчитывала создать въ лицѣ этихъ людей оппозицію противъ Черногоріи и черногорской династіи, въ чемъ, замѣтимъ, и не ошиблась... Всѣ эти эмигранты провозгласили себя мучениками за сербскую идею и, поддерживаемые Австро-Венгріей и Сербіей, начали дѣйствовать чрезъ анонимную печать противъ Черногоріи и ея правительства, причинивъ этимъ не мало вреда сербскому народу. Въ это самое печальное время я былъ оклеветанъ (?) предъ черногорскимъ правительствомъ однимъ изъ эмигрантовъ, перебѣжчикомъ, который за золото готовъ былъ служить кому и чему угодно. Я себя и не оправдываю (?). Можетъ быть, я былъ и виноватъ, но развѣ только въ томъ, что я продолжалъ личныя сношенія потому, что всѣ эти событія не могли не интересовать меня по одному уже тому, что они касались родного и дорогого мнѣ края Черногоріи, а также и всего дорогого мнѣ сербства. Пріѣхавши изъ Праги, я около мѣсяца пробылъ въ Черногоріи, находясь въ самомъ критическомъ и тяжеломъ положеніи, но затѣмъ вынужденъ былъ внезапно покинуть ее и спасаться отъ опасности, готовящейся мнѣ со стороны указанной личности и его шайки (?). Изъ Черногоріи я добрался кое-какъ до Австро-Венгріи, но такъ какъ это

государство въ понятіи черногорскаго серба, да и на самомъ дѣлѣ, является заклятымъ врагомъ Черногоріи и всего сербскаго народа, то мнѣ не хотѣлось далѣе оставаться въ ней и продолжать свои занятія въ пражскомъ университетѣ. Я боялся стать измѣнникомъ въ глазахъ своего народа и своихъ родныхъ, изъ устъ которыхъ была бы провозглашена на меня всякая анаѳема. Потому вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Прагу, я отправился въ родную Сербію, въ которой я ранѣе кончилъ учительскій институтъ, какъ правительственный стипендіатъ и въ которой, какъ солдатъ, прошелъ студенческій курсъ резервныхъ офицеровъ въ надеждѣ, исполнивъ всѣ обязанности гражданина Сербіи (?), приклонить въ ней свою голову и отдохнуть послѣ такого сильнаго душевнаго напряженія, которое я пережилъ въ Цетиньѣ и послѣ неожиданной потери родного края. Но, къ сожалѣнію, мои мечты такъ и остались мечтами. Я, было, разсчитывалъ достать учительскую должность, но только не въ свободномъ королевствѣ Сербіи, а въ подневольныхъ сербскихъ провинціяхъ Старосербіи и Македоніи. Туда меня влекло какое-то невѣдомое и самому мнѣ непонятное чувство, а можетъ быть, и желаніе показать, что я невиновенъ, что я люблю свой народъ, что я могу охотно служить народной идеѣ. Свидѣтелемъ всего этого былъ сербскій народный дѣятель Станко Ивановичъ, черногорскій сербъ, теперешній профессоръ сербской семинаріи въ Скоплѣ въ Македоніи, воспитанникъ русской духовной академіи. Но упомянутые черногорскіе эмигранты не оставили меня и здѣсь въ Сербіи; тѣ же самые, которые начали преслѣдовать меня, успѣли убѣдить и сербіанское правительство, что я нарочно присланъ изъ Черногоріи устроить заговоръ противъ сербіанской династіи. Боже мой! Я 24-лѣтній молодой человѣкъ, исполненный самыхъ благихъ стремленій и намѣреній, и вдругъ будто бы думаю устраивать заговоръ!! Необычайно и ужасно, а тутъ еще грозный и страшный префектъ бѣлградской полиціи неистово оглушалъ мой слухъ. Я не зналъ, гдѣ нахожусь, что со мной дѣлается, просто мутилось сознаніе... Я доказывалъ, что все это вздоръ и ложь, что этого не можетъ быть, что я не такой человѣкъ, и въ доказательство приводилъ то, что я желаю служить не въ королевствѣ Сербіи, а въ Старосербіи или Македоніи, гдѣ жизнь человѣка виситъ на волоскѣ, и гдѣ меня, если бы я былъ заговорщикомъ-интриганомъ, нечего было опасаться. Но все было напрасно. Министромъ народнаго просвѣщенія и иностранныхъ дѣлъ мнѣ было объявлено, что не только въ Сербіи, но и внѣ ея вездѣ, гдѣ только распространяется ея вліяніе и власть, я не могу получить никакой должности. А я и просилъ-то всего только должности сельскаго учителя между старосербіанскими и македонскими сербами, чтобы просвѣщать здѣсь своихъ соотчичей. Мало

того, послѣ тщательнаго и мелочного изслѣдованія и осмотра моихъ вещей и даже меня самого и послѣ нѣсколькихъ вынужденныхъ визитовъ подъ крѣпкимъ карауломъ къ префекту Бѣлграда, мнѣ было объявлено, что я долженъ немедленно оставить Сербію, какъ очень опасный человѣкъ и противникъ сербской династіи, записанный на вѣчныя времена въ черную книгу сербіанскаго правительства. И грустно, и смѣшно! Но судьба, которая выгнала меня такъ немилостиво изъ двухъ сербскихъ государствъ и лишила возможности жить въ своемъ отечествѣ, та же самая судьба, наконецъ, и улыбнулась мнѣ, указавши мнѣ дорогу въ общую славянскую родину—Россію, получивши въ ней высшее образованіе, откуда я теперь спокойно наблюдаю за всѣмъ, что дѣлается въ сербствѣ“ (стр. 74... 80).

Но и здѣсь, какъ въ книгѣ г. Гопчевича, мы,—независимо отъ этой мало понятной автобіографіи,—находимся въ лабиринтѣ недоумѣній. Во-первыхъ, все, для блага сербскаго народа, должно дѣлаться „съ согласія русской политики“, „при русскомъ покровительствѣ“ (стр. 71, 82 и др.), т.-е., иначе говоря, русскими людьми и деньгами. Во-вторыхъ, „черногорская и сербіанская (такъ называетъ авторъ королевство Сербію) династіи борются на жизнь и смерть, и весь сербскій народъ раздѣлился на два лагеря“ (стр. 80). Въ-третьихъ, вражда Сербіи и Черногоріи есть „ядовитый плодъ, вырощенный *насквозь испорченною* сербіанско-черногорской интеллигенціей, упавшей нравственно и забывшей, что безъ прочной собственной духовной выдержки нельзя браться за трудную работу устроенія счастья народа“ (стр. 74),—это послѣднее не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ-четвертыхъ, македонское населеніе, по словамъ автора, есть „сербское дитя общей славянской семьи, но по своей организаціи это скорѣе кусокъ глины, изъ котораго искусный ваятель можетъ сформировать своими руками что ему угодно“ (стр. 53),—отзывъ довольно фатальный; и самъ авторъ признаетъ, что сербы Македоніи весьма поддаются болгарскому вліянію и становятся болгарами, несмотря на сербское численное большинство.

Но какимъ же образомъ, послѣ всего сказаннаго, настаивать на „государственно-національномъ правѣ“ Черногоріи, на какомъ-нибудь правѣ Сербіи, когда ихъ „интеллигенція“, т.-е. образованнѣйшій и руководящій классъ, которому—въ случаѣ успѣха, „при русскомъ покровительствѣ“—пришлось бы распоряжаться во вновь пріобрѣтенной Македоніи, когда эта интеллигенція насквозь испорчена и упала нравственно?—Достаточно одного зрѣлища современной Сербіи, чтобы усомниться въ предположеніяхъ автора.

Пусть авторъ не думаетъ, впрочемъ, что мы становимся въ „македонскомъ вопросѣ“ на сторону болгарскихъ притязаній. Мы хотимъ

только сказать, что *эта* аргументація, какую авторъ излагаетъ въ своей книжкѣ, очень мало убѣдительна.

Въ книжкѣ есть отдѣльныя вѣрныя замѣчанія, но мы остерегли бы автора отъ приложенія „сербіанско-черногорской“ мѣрки къ такимъ писателямъ, какъ г. Милюковъ (стр. 25). Вѣроятно, г. Милюковъ самъ сдѣлаетъ автору подобающее поученіе по этому случаю, когда до него дойдетъ эта книжка.—Т.

— Голодный годъ (1898—1899). Письма въ „С.-Петербургскія Вѣдомости“. Е. Шмурло М. 1900.

Предметъ книги—печальный; этотъ предметъ—народное бѣдствіе, и разсказъ о немъ, составленный серьезнымъ человѣкомъ, принявшимъ къ сердцу народную бѣду, можетъ быть весьма поучителенъ, какъ новое изученіе народной жизни, какъ новое указаніе о томъ, какимъ путемъ цѣлесообразнѣе можетъ быть подаваема помощь народу въ подобныя тяжелыя времена. Такова именно и есть книжка г. Шмурло. Авторъ, ученый историкъ, профессоръ юрьевскаго университета, тревожась частными извѣстіями о голодѣ, рѣшилъ самъ отправиться на мѣсто, и сдѣлалъ двѣ поѣздки въ уфимскій и казанскій край, зимою и лѣтомъ. Съ дороги и съ мѣста онъ писалъ письма, которыя и собралъ теперь въ особую книжку.

Авторъ,—читаемъ въ предисловіи,—вездѣ являлся въ роли лишь простого наблюдателя, описывая только то, что непосредственно видѣлъ или слышалъ: его цѣлью было подѣлиться своими *впечатлѣніями*, и онъ не задавался какими-либо *выводами*, тѣмъ болѣе не ставилъ себѣ задачею что-либо „раскрыть“, „доказать“, въ чемъ-либо „убѣдить“.—Надо думать, что въ этомъ отклоненіи „выводовъ“ авторомъ руководило нежеланіе смѣшаться съ тѣми газетными писателями, которые все знаютъ, все рѣшаютъ, „раскрываютъ“, „доказываютъ“ и т. д.—часто не заикаясь о самомъ главномъ. Въ этомъ смыслѣ, уклончивость автора совершенно непонятна;—но вслѣдъ затѣмъ онъ самъ признаетъ, что нельзя не сдѣлать нѣкотораго обобщенія или „вывода“, что „оглянуться на давнее прошлое, можетъ быть, будетъ небезполезно“: „истекшая година должна многому научить насъ и не только тому, что слѣдуетъ дѣлать въ подобныхъ случаяхъ, но также и тому, чего дѣлать не слѣдуетъ“. Главное поученіе заключалось въ слѣдующемъ. „Истекшій годъ съ убѣдительной ясностью на каждомъ шагу подчеркивалъ ту мысль, что только при дружной совмѣстной работѣ *правительственныхъ* и *общественныхъ* элементовъ возможенъ успѣхъ въ достиженіи той цѣли, какая преслѣдовалась нынче въ

пострадавшихъ губерніяхъ, что только тамъ, гдѣ существовало *взаимное довѣріе* этихъ элементовъ, гдѣ формы и способы въ оказаніи помощи получали наиболѣе свободное выраженіе—только тамъ успѣшнѣе всего и дѣйствовала эта помощь".

Авторъ очень обстоятельно изображаетъ положеніе деревенскаго населенія въ краѣ, который былъ постигнутъ неурожаемъ, и тѣ мѣры помощи, которыя принимались оффиціальными вѣдомствами и частной иниціативой; изображаетъ дѣятельность Краснаго Креста, частныхъ благотворительныхъ кружковъ, указываетъ свойства канцелярскихъ порядковъ, отмѣчаетъ впечатлѣніе, какое производила благотворительная дѣятельность на мѣстное инородческое населеніе, ставитъ извѣстный вопросъ, развращаетъ ли даровая помощь, и т. д. Въ концѣ концовъ, сама собой возникаетъ оцѣнка всего благотворительнаго движенія. Именно, начиная говорить о значеніи частной благотворительной помощи,—„невольно ставишь себя въ положеніе того бытописателя, которому впослѣдствіи выпадаетъ на долю невеселая задача возстановить въ памяти позднѣйшихъ поколѣній картину современной нашей косности и омертвѣнія общественной жизни. Его перо заговоритъ нѣсколько бодрѣе, развѣ еще когда рѣчь зайдетъ, именно, объ участіи общества въ борьбѣ съ теперешнимъ голодомъ". И по мнѣнію автора, будущій бытописатель, между прочимъ, будетъ говорить, что, когда началось бѣдствіе голода, правительство приняло необходимѣйшія мѣры; но средствъ его недоставало, и бѣдствіе продолжало распространяться...

„Между тѣмъ,—будетъ говорить бытописатель,—единичные работники изъ среды общества то тамъ, то тутъ стали появляться сравнительно еще задолго. Они не только боролись, но и дѣлились своими впечатлѣніями; не только работали, но и взывали о помощи. И вотъ, наконецъ, ихъ голосъ и примѣръ были услышаны и мало-по-малу начали оказывать свое дѣйствіе; положеніе дѣла стало уясняться гораздо отчетливѣе, картина рисоваться гораздо ярче. Тревога и скорбь душевная охватили спокойнаго до сихъ поръ зрителя...

„И вотъ, сотни и сотни людей самоотверженно пошли теперь въ зараженныя и обезсиленныя деревни. Ледъ пробился, плотина прорвалась, потокъ хлынулъ. Русское общество нервнымъ, порывистымъ движеніемъ точно спѣшило вознаградить себя за несвоевременную спячку, за невольное бездѣйствіе. Въ глухіе углы Поволжья и Прикамья потянулись доктора и женщины-врачи, студенты и студентки, фельдшерицы и сестры милосердія, учителя и учительницы, помѣщики и литераторы, консерваторки и художники, люди свободные отъ службы и взявшіе отпускъ, мужчины и женщины, вдовы и замужнія, моло-

дежь и взрослые, безбородые и съ сѣдиной, богатые и бѣдные, лица съ положеніемъ и никому не извѣстные...

„Многихъ захватилъ этотъ чистый, свѣтлый потокъ, затронувъ и мѣстныхъ дѣятелей, вызвавъ въ нихъ усиленную энергію, готовность идти на работу. Внося чистыя, еще не испытанныя радости въ жизнь участниковъ этого благороднаго движенія, онъ въ то же время нравственно освѣжилъ, приподнялъ и все современное общество. Этою стороною онъ является свѣтлымъ лучомъ на общемъ фонѣ тогдашней сѣрой дѣйствительности, отрадной, примиряющей страницей въ исторіи того времени. Благодаря этому движенію, тяжелую годину 1898—1899 г. найдется чѣмъ помянуть, также и хорошимъ. Хвала всѣмъ, кто будилъ насъ въ это время, всѣмъ, кто напоминалъ о нашемъ долгѣ:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное.
Сѣйте! Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!..“

„Вотъ что̀,—продолжаетъ нашъ авторъ,—или приблизительно что̀, думается мнѣ, скажетъ будущій историкъ о нашемъ времени вообще, и о той годинѣ, что теперь заканчивается, въ частности.

„И развѣ онъ не будетъ правъ? Развѣ участіе общественныхъ силъ въ борьбѣ съ голодомъ не приподняло нашего настроенія, развѣ не почувствовалась струя свѣжаго, здороваго воздуха?.. Развѣ могли безслѣдно пройти эти многочисленные примѣры добровольнаго удаленія въ деревенскую глушь, гдѣ иные прямо до самозабвенія жертвуютъ своими силами, здоровьемъ, покоемъ душевнымъ?..“—Д.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Арефьевъ, В.—Описаніе Сибири. Очерки для народнаго чтенія. Выпускъ первый. Географическое положеніе и природа Сибири. Томскъ, 1900. Изданіе книжнаго магазина П. И. Макушина въ Томскѣ. 105 стр. Ц. 30 коп.

Байда, Петро.—Гомерова Одиссея гексаметром на мову україньску перевіршував П. Б. Часть I (приписано). У Львові 1900. (Такъ на оберткѣ; на второмъ заглавномъ листѣ: Львів 1889). Часть II. У Львові 1892. 162 и 158 стр. Цѣна первой части 3 зр. 20 кр.; второй—1 р. а. в.

Богдановичъ, П.—Изъ уроковъ по русской словесности. Кіевъ, 1900. 385 и VI стр. Ц. 2 руб.

Божеряновъ, И. Н.—Жизнеописаніе императрицы Александры Θеодоровны, супруги императора Николая I. Выпускъ второй, съ одною автотипіею и 50 рисунками въ текстѣ. Спб. (1900). Стр. 109—214. Ц. 1 р. 50 к.

Викъ. 1798—1898. Кыивъ, 1900. 464 и VIII стр. Ц. 2 руб.

Горькій, М.—Разсказы. Томъ II. Спб., 1900. Изд. товарищества „Знаніе“. Стр. 394. Ц. 1 р.

Дорошевичъ, В.—Въ землѣ обѣтованной. (Палестина). Съ 76 рисунками. М. 1900. 231 стр. Ц. 1 р. 25 коп.

Житецкій, П.—Энеида Котляревскаго и древнѣйшій списокъ ея, въ связи съ обзоромъ малорусской литературы. Изданіе „Кіевской Старины". Кіевъ, 1900. 174 и 130 стр. Ц. 2 р.

Заболотный, В.—Опытъ къ раціональному разрѣшенію вопроса: Что такое война? (философскій эскизъ на почвѣ субъективизма). Варшава, 1900. IV, 124 стр. Ц. 70 к.

Клаузнеръ, I.—Ново-еврейская литература XIX-го вѣка. (1785—1899). Литературно-историческій очеркъ. Варшава, 1900. VIII и 102 стр. Ц. 50 коп. Изданіе „Тушія".

Левицькый, Иванъ.—Повисти й оповидання. Томъ II. Кіевъ, 1900. 453 стр. Цина 1 р. 50 коп.

Пель, А. В., проф.—Физіолого-химическія основы теоріи спермина и клиническіе матеріалы о терапевтическомъ примѣненіи спермина (Sperminum-Poehl). Спб. 1899. 366 стр.

Рогановичъ, Іованъ П.—„Македонскій вопросъ" на почвѣ его исторіи, этнографіи и политики. Казань, 1900. 84 стр.

Русовъ, А. А.—Описаніе Черниговской губерніи. Составлено по порученію Губернскаго Земства членомъ Имп. Р. Геогр. Общества А. А. Р. Изданіе редакціи „Земскаго Сборника Черниговской губерніи". Черниговъ, 1898—1899. Т. I, XI, 437, 123 стр. и нѣсколько картъ, Т. II, XI, 377 и 327 стр., и нѣсколько картъ.

Скворцовъ, Ир., проф.—Основы гигіологіи и гигіены. Краткій курсъ для студентовъ и врачей. М. 1900. Изданіе книжнаго магазина Брейтигама въ Харьковѣ. 368 стр., съ таблицами. Ц. 2 р. 75 к.

Спиридонъ, іеромонахъ. — Исторія во кратцѣ о болгарскомъ народѣ славенскомъ, сочинися и списася въ лѣто 1792. Стъкми за издание В. Н. Златарски. Издава Св. Синодъ на Българската церква. София, 1900. LV и 124 стр. Цѣна 2 лева. (Намира се за продань въ придворната книжарница. София, площадь Александръ I).

Столѣтовъ, А. Г., проф. московскаго университета.—Введеніе въ акустику и оптику. Съ 285 чертежами въ текстѣ. Изданіе 2-е. М. 1900. 324 стр. Ц. 2 руб.

— Журналы Лохвицкаго уѣзднаго земскаго собранія XXXV очередного созыва 4-го, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го и 9-го октября 1899 года. Лохвица, 1900, 251 стр.

— Всемірная выставка 1900 г. въ Парижѣ. Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Спб. (Составилъ В. И. Михайловскій). Иллюстрированное изданіе. 68 стр.

— Тоже: Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ. Очеркъ. Составилъ В. Михайловскій. Спб. 1900. (Безъ иллюстрацій).

— Матеріалы къ выясненію вопроса объ обезпеченіи горнорабочаго населенія Пермской губерніи въ продовольственномъ отношеніи. Пермь, 1900. 95 и 263 стр. Ц. 1 р. 50 к.

— XVII Общій очеркъ состоянія народныхъ училищъ Таврической губерніи, Севастопольскаго и Керченскаго градоначальства. Симферополь, 1900. 162 и 57 стр.

— Сборникъ консульскихъ донесеній. Годъ третій. Выпускъ IV. 1900. Спб. 1900. (Министерство иностранныхъ дѣлъ). 275—361 стр.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Выпускъ XI. (Изъ „Извѣстій Московской Городской Думы", октябрь 1899—февраль 1900 года). М. 1900. 238 стр.

— Стенографическій отчетъ XXXV очередного Новгородскаго Губернск. Земск. Собранія. Съ 15 по 29 января 1900 года. Новгородъ, 1900, V, 5, 456 стр.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Maurice Talmeyr. Souvenirs de Journalisme. Paris, 1900. Стр. 290.

Въ предисловіи къ своей книгѣ Морисъ Тальмейръ говоритъ о томъ, какой интересъ могъ бы представить романъ, описывающій французскую газетную прессу. Жизнь и дѣятельность французскихъ журналистовъ представляетъ богатый психологическій матеріалъ, и нравы, господствующіе въ этой средѣ, чрезвычайно любопытны и поучительны для бытописателя современной жизни. Фактически онъ ошибается, утверждая, что подобнаго романа не существуетъ. Вспомнимъ хотя бы „Bel Ami“ Мопассана, гдѣ смѣло и безпощадно раскрыты самыя неприглядныя стороны французскаго журнальнаго міра, обрисованы всѣ идеалы газетныхъ дѣятелей, менѣе всего занятыхъ безкорыстнымъ служеніемъ своему дѣлу. До Мопассана Флоберъ въ „Education Sentimentale“ описывалъ закулисную сторону журналистики въ довольно мрачномъ свѣтѣ. И Гонкуры, и нѣкоторые изъ молодыхъ современныхъ романистовъ выводили въ своихъ повѣстяхъ типы журналистовъ со всѣми свойствами и недостатками, обусловленными ихъ сложными интересами и борьбой за успѣхъ. Но Тальмейръ правъ, говоря, что все-таки романъ, изображающій картину нравовъ французской журналистики, еще не написанъ. Такого романа нѣтъ и быть не можетъ,—Тальмейръ думаетъ, что никто бы даже не повѣрилъ раскрываемой во всей наготѣ истинѣ. Онъ самъ не беретъ на себя столь неблагодарной задачи, а предпринимаетъ нѣчто болѣе скромное. Онъ собираетъ свои воспоминанія, накопившіяся за много лѣтъ журнальной дѣятельности, разсказываетъ о людяхъ, знаменитыхъ и мало извѣстныхъ, съ которыми онъ сталкивался, работая въ разныхъ газетахъ,—и въ ограниченныхъ рамкахъ личныхъ наблюденій оказывается такъ много характернаго съ бытовой точки зрѣнія, что выводы объ общемъ духѣ французской прессы напрашиваются сами собой.

Впечатлѣніе, которое читатель выноситъ изъ воспоминаній Тальмейра,—очень грустное. Французская пресса считается самой яркой и блестящей въ Европѣ. Она имѣетъ боевой характеръ, и въ ней индивидуальность писателей выступаетъ болѣе опредѣленно, чѣмъ, на-

примѣръ, въ Англіи, гдѣ большинство газетныхъ статей появляется даже безъ подписи. Благодаря условіямъ французской печати, журналистъ имѣетъ возможность оказать самое широкое вліяніе на общество. Казалось бы поэтому, что журналистика должна привлекать въ свою среду лучшія силы страны, тѣхъ, кому дороги интересы общества, кто призванъ вести за собой людей къ истинѣ. А между тѣмъ, читая исторію возникновенія разныхъ газетъ, исторію преуспѣванія людей, стоящихъ теперь во главѣ французской прессы, мы видимъ совершенно другое. Журнальная дѣятельность привлекаетъ не той пользой, какую она можетъ принести обществу, а блескомъ, связаннымъ съ успѣхомъ. Ни въ одной другой странѣ нельзя себѣ сдѣлать такую блестящую карьеру журнальной дѣятельностью, какъ во Франціи. Журналисту, обладающему нужными для успѣха качествами, обезпечены и огромныя матеріальныя выгоды, и высокое общественное положеніе; вслѣдствіе этого въ прессу устремляются прежде всего честолюбцы и карьеристы. Изъ фактовъ, сообщаемыхъ Тальмейромъ, видно, что стоитъ безкорыстному и искреннему въ своемъ желаніи блага человѣку затѣять газетное предпріятіе, чтобы оно погибло почти въ самомъ началѣ. Только твердое рѣшеніе преуспѣть создаетъ во Франціи успѣхъ. Чтобы достигнуть его, нужны качества, не имѣющія прямого отношенія къ литературѣ. Нуженъ талантъ особаго рода, остроуміе, находчивость, дерзость, доходящая до наглости, умѣнье столь же ловко владѣть шпагой, какъ и перомъ, нужно имѣть за собой извѣстное число знаменитыхъ дуэлей и быть сильнымъ въ полемикѣ. Для общества, въ сущности, всѣ эти качества не имѣютъ значенія, но пресса нужна во Франціи не для того, чтобы управлять общественнымъ мнѣніемъ, а для того, чтобы забавлять легкомысленную, жаждущую всякаго рода развлеченій публику. Успѣхъ журналиста во Франціи—такой же, какъ успѣхъ актера, опернаго тенора. Изъ воспоминаній Тальмейра видно, до чего укоренился во Франціи такой взглядъ, и съ какой откровенностью всякій начинающій журналистъ стремится выработать въ себѣ только такого рода внѣшнія качества, даже не маскируя своей погони за успѣхомъ болѣе возвышенными цѣлями. Журналистика во Франціи—каррьера, а не служеніе отвлеченнымъ интересамъ. Каррьера эта болѣе трудная, чѣмъ служеніе въ какой-нибудь администраціи, или даже военная служба, но она и болѣе выгодная, и потому всякій, кто обладаетъ умомъ и талантомъ, стремится къ ней.

Прямымъ слѣдствіемъ такого пониманія журнальной дѣятельности является полная рознь журнальныхъ дѣятелей между собой. Газета, какъ бы блестяще она ни велась, не есть органическое цѣлое, не есть совмѣстное дѣло людей, объединенныхъ общими интересами.

Всякій занятъ только собой, успѣхомъ написанной имъ статьи, и кромѣ внѣшнихъ товарищескихъ отношеній, банкетовъ, собирающихъ по разнымъ поводамъ сотрудниковъ газетъ въ какомъ-нибудь ресторанѣ, никакой органической связи нѣтъ между людьми, ищущими каждый успѣха для себя. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи примѣръ Рошфора и его отношенія къ сотрудникамъ, о которомъ говоритъ Тальмейръ въ интересной главѣ, посвященной редактору „Intransigeant“.

Тальмейръ рисуетъ очень живой портретъ Рошфора, и многія черты этого портрета типичны для всякаго преуспѣвшаго французскаго журналиста. Есть что-то богемное въ несомнѣнно талантливомъ памфлетистѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ Тальмейръ отмѣчаетъ въ немъ аристократическую брезгливость къ черни, надменность въ обращеніи съ людьми. Можно было бы отмѣтить еще другія, буржуазныя черты—страсть къ наживѣ и влеченіе къ удовольствіямъ, болѣе приличествующимъ разбогатѣвшему банкиру, чѣмъ тому, кто долгое время считался однимъ изъ вождей радикализма. Вотъ какимъ рисуется Рошфоръ въ воспоминаніяхъ Тальмейра: „Рошфору въ это время было около 50-ти лѣтъ, но онъ все-таки велъ образъ жизни студента, которому банкиръ его отца вручаетъ ежедневно сто франковъ на карманные расходы. Время онъ проводилъ самымъ безпорядочнымъ и легкомысленнымъ образомъ: бѣготня днемъ, театры вечеромъ, и среди этой разсѣянной жизни, среди всякихъ развлеченій, часъ или самое большее два—для писанія статьи къ слѣдующему дню. Онъ жилъ въ маленькомъ отелѣ, гдѣ не было недостатка ни въ красивой мебели, ни въ прекрасныхъ картинахъ, но былъ тамъ какъ на бивуакѣ. Всегда казалось, что онъ наканунѣ переѣзда; онъ принималъ посѣтителей кое-какъ; видно было, что ему неохота обзаводиться благоустроеннымъ хозяйствомъ. Онъ показывалъ картины, какую-нибудь недавно купленную обновку, послѣдній bibelot, раздобытый гдѣ-нибудь на рынкѣ, лазилъ по лѣстницамъ съ быстротой клоуна, водилъ на чердакъ—показывать какую-нибудь мебель, которую нигдѣ нельзя поставить, но которую онъ все-таки купилъ, потомъ задерживалъ къ завтраку и угощалъ съ чрезвычайной любезностью. Въ редакціи онъ проводилъ ежедневно отъ четверти—до получаса, никогда не болѣе часа, приходя туда всегда въ разное время, не любилъ посѣтителей, боялся докучливыхъ людей, ненавидѣлъ людей, занятыхъ политикой, и просматривалъ работы своихъ сотрудниковъ, какъ генералъ пробуетъ пищу солдатъ—одинъ или два раза въ мѣсяцъ, когда улучалъ свободную минуту“. Этотъ человѣкъ, вѣчно занятый собой, не пользовался симпатіей своихъ сотрудниковъ, и по очень простой причинѣ. Всякій изъ нихъ чувствовалъ, что не существовалъ для

Рошфора, что онъ ни въ комъ не нуждался и готовъ былъ хоть каждый день мѣнять составъ редакціи. „Между Цезаремъ и его солдатами, — говоритъ Тальмейръ, — есть органическая связь, но между актеромъ, играющимъ роль Цезаря, и другими участниками представленія нѣтъ никакой связи, а Цезарь въ газетѣ—то же самое, что Цезарь на сценѣ". Это сравненіе Рошфора съ актеромъ очень удачно. Тальмейръ правъ, говоря далѣе, что Рошфоръ прежде всего „самый колоссальный, сокрушительный и ядовитый насмѣшникъ" со временъ Вольтера. Вольтеръ при этомъ имѣлъ въ виду аристократическихъ слушателей. Рошфоръ же потѣшаетъ толпу. Вокругъ такого человѣка всѣ обращались въ ничто, и ясно это чувствовали. Въ редакціи его газеты всегда ходили слухи объ увольненіи кого-нибудь изъ сотрудниковъ, или о томъ, что въ концѣ мѣсяца вся редакція получитъ отставку. Стоило Рошфору завтракать съ какимъ-нибудь начинающимъ ученымъ, стоило ему или не приходить нѣсколько дней въ редакцію, или же, напротивъ, того зачастить въ нее, какъ всѣ въ редакціи начинали волноваться и высказывать свои предположенія о предстоящихъ перемѣнахъ. Газета Рошфора всегда держалась только имъ однимъ,—чрезвычайно характерный фактъ въ исторіи французской журналистики, доказывающій преобладаніе въ ней личности надъ идеями, и погони за успѣхомъ—надъ убѣжденіями.

Другой примѣръ журналиста, который сразу понялъ, какими средствами достигается успѣхъ въ Парижѣ, и который вступилъ въ журналистику только съ мыслями объ успѣхѣ—Орельенъ Шоль, одинъ изъ самыхъ блестящихъ парижскихъ хроникёровъ. Тальмейръ перечисляетъ качества, которымъ Шоль обязанъ своимъ успѣхомъ. „Это—самый остроумный и оригинальный изъ нашихъ журналистовъ,—говоритъ онъ,— самый рѣзкій, легкій, блестящій, самый злой и умѣющій лучше всѣхъ смѣшить". Казалось бы, что одними этими качествами, какъ бы талантливъ ни былъ писатель, нельзя вліять на общественное мнѣніе,— нужно, чтобы самыя идеи, высказываемыя въ столь блестящемъ съ внѣшней стороны образомъ, заслуживали вниманіе и были благотворны. Но для французскаго журналиста не представляется никакой надобности въ томъ, чтобы имѣть опредѣленное міросозерцаніе и защищать его всѣми доступными ему средствами. Онъ долженъ быть только занимателенъ, и тогда читатели его будутъ вполнѣ удовлетворены, и успѣхъ его будетъ обезпеченъ. Не даромъ Франція — родина фельетоннаго стиля, процвѣтающаго въ такъ называемыхъ chroniques, гдѣ говорится о чемъ угодно въ легкомъ и остроумномъ стилѣ. А Орельенъ Шоль въ своемъ родѣ—царь хроники; онъ считается отцомъ всѣхъ удачныхъ остротъ, которыми восхищаются на парижскихъ бульварахъ. Тальмейръ разсказываетъ о томъ, какъ этотъ любимецъ французской

публики началъ свою карьеру—и въ его разсказѣ обнаруживается съ полной, почти циничной откровенностью, до чего успѣхъ и только одинъ успѣхъ—завѣтная цѣль французскихъ журналистовъ. Она влечетъ ихъ къ себѣ даже когда они молоды, только-что вступаютъ въ литературу и, казалось бы, должны были питать хоть какія-нибудь иллюзіи относительно своей будущей дѣятельности. Орельенъ Шоль, какъ всѣ парижане, былъ родомъ изъ провинціи, и въ ранней молодости напечаталъ въ мѣстной газетѣ романъ длиной въ шестьдесятъ фельетоновъ. Но ему не хотѣлось застрять въ провинціи, и на всѣ убѣжденія отца, провинціальнаго нотаріуса, онъ не соглашался продолжать его дѣло, обезпечивающее ежегодный доходъ въ восемь тысячъ франковъ. „Мнѣ больше нравится Парижъ",—упрямо твердилъ онъ, какъ бы предчувствуя, что въ Парижѣ онъ будетъ заработывать гораздо болѣе восьми тысячъ франковъ. Первые шаги въ Парижѣ были очень тяжелы, доступъ въ журналы крайне затруднителенъ, но Шоль не унывалъ. Нужно было выказать ловкость, изобрѣтательность, богатую фантазію—и всѣмъ этимъ Шоль обладалъ въ достаточной мѣрѣ. Первой его геніальной выдумкой было изобрѣтеніе газеты подъ названіемъ „La Naïade". Особенность ея заключалась въ томъ, что она печаталась на непромокаемой бумагѣ, и ее можно было читать сидя въ водѣ. „Наяда" выписывалась всѣми établissements de bains, и начинающій журналистъ составилъ себѣ сразу имя. Самый журналъ скоро погибъ, но Шоль, неисчерпаемый въ сочиненіи всякаго рода сенсанціонныхъ слуховъ и остротъ, сдѣлался однимъ изъ извѣстнѣйшихъ журналистовъ, хроники котораго появлялись во всѣхъ журналахъ.

Въ книгѣ Тальмейра есть еще нѣсколько примѣровъ литературныхъ дебютовъ столь же мало литературнаго свойства. Онъ говоритъ о дѣльцахъ и разныхъ спекуляторахъ, для которыхъ основаніе газеты было только аферой, иногда удачной, иногда неудачной. Такъ онъ разсказываетъ объ одномъ журналистѣ, котораго называетъ вымышленной фамиліей Дюпона. Онъ основалъ газету „Жиль Блазъ для семейнаго чтенія". Сотрудники, группировавшіеся вокругъ него, были очень довольны своимъ редакторомъ, который совершенно не касался содержанія статей, предоставляя каждому писать какъ угодно. Но черезъ нѣсколько времени газета была закрыта, явились два агента полиціи и увезли съ собой пріятнаго для сотрудниковъ редактора—оказалось, что онъ преслѣдовалъ чисто шантажныя цѣли подъ прикрытіемъ литературныхъ интересовъ. Впослѣдствіи Тальмейру пришлось еще разъ встрѣтиться съ Дюпономъ на банкетѣ, гдѣ праздновалось основаніе новой газеты. Группа сотрудниковъ, привлеченныхъ къ участію въ ней, радовалась основанію „независимой" газеты, и на банкетѣ много говорилось о „честномъ направленіи". Администраторомъ газеты былъ

нѣкій Легро. Войдя въ залу, Тальмейръ увидѣлъ у входа господина во фракѣ, украшеннаго множествомъ орденовъ; онъ принималъ гостей, играя очевидно роль хозяина. Это и былъ Легро, въ которомъ Тальмейръ съ ужасомъ узналъ Дюпона, редактора „Жиль Блаза для семейнаго чтенія“. Онъ сообщилъ свое открытіе одному изъ предполагаемыхъ сотрудниковъ „честной газеты“, Альфонсу Эмберу. „Да вѣдь это сказка о разбойникахъ!“ въ ужасѣ сказалъ Эмберъ. „Нѣтъ, это сказка объ основаніи газеты“, — отвѣтилъ Тальмейръ. Узнавшіе Дюпона журналисты не захотѣли испортить праздника и обличить своего знакомца, а стали слушать рѣчи присутствующихъ и того же Дюпона, который громко ораторствовалъ о строгости убѣжденій. „Честная газета“ была основана. Тальмейръ не называетъ настоящихъ именъ участниковъ этой исторіи, но для парижскихъ журнальныхъ кружковъ онѣ вѣроятно не составляютъ секрета, а самый фактъ является интересной страницей изъ исторіи французской журналистики.

Не менѣе любопытно все то, что Тальмейръ разсказываетъ о темныхъ, мало извѣстныхъ журналистахъ, и главнымъ образомъ о неудачникахъ въ прессѣ. Онъ приводитъ факты, свидѣтельствующіе о мелкой злобѣ тѣхъ, которые не преуспѣли въ погонѣ за успѣхомъ, и столь же мало думали о высшемъ назначеніи своей профессіи, какъ и болѣе счастливые и болѣе талантливые ихъ товарищи. Интересенъ, напримѣръ, одинъ сотрудникъ журнала „La Tribune“, который славился своими нападками на правительство и сановниковъ, и оказался въ концѣ концовъ шпіономъ. Когда произошелъ споръ между Альфонсомъ Додэ и его сотрудникомъ по какой-то драмѣ, злобный журналистъ страшно напалъ на Додэ, хотя и говорилъ товарищамъ, что считаетъ его совершенно правымъ. „Почему же ты нападаешь на Додэ?“—спрашиваютъ его товарищи. „Потому что онъ пользуется успѣхомъ (parce qu'il est arrivé)“, цинично заявляетъ журнальный неудачникъ.

Тальмейръ говоритъ и о немногихъ свѣтлыхъ исключеніяхъ въ неприглядной картинѣ газетныхъ нравовъ. Онъ разсказываетъ исторію газеты „Homme Libre“, основанной Луи Блапомъ. Луи Бланъ хотѣлъ сдѣлать свою газету въ самомъ дѣлѣ совершенно порядочной, обойтись безъ финансовой хроники и безъ возмущавшихъ его объявленій,— но ему очень скоро пришлось сложить оружіе, и онъ не могъ безъ ужаса вспоминать о времени своего редакторства.

Въ общемъ, уголокъ французской журналистики, который раскрывается въ воспоминаніяхъ Тальмейра, даетъ цѣльную картину тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается французская пресса. Знакомясь съ положеніемъ вещей по отдѣльнымъ фактамъ, приходится въ самомъ дѣлѣ задаться вопросомъ, входитъ ли дѣятельность газетъ—по крайней мѣрѣ во Франціи—въ область литературы, преслѣдующей высокія

цѣли, или же печатное слово служитъ въ этомъ случаѣ орудіемъ личныхъ цѣлей, не имѣющихъ отношенія къ духовной культурѣ.

II.

Francisque Sarcey. Quarante ans du Théâtre. Paris, 1900. Стр. 403.

Францискъ Сарсэ умеръ въ мартѣ 1899 года, и смерть его вызвала множество статей, въ которыхъ чувствуется неподдѣльное уваженіе къ критику, вызывавшему при жизни много недружелюбія и даже озлобленія. Въ теченіе многихъ лѣтъ Францискъ Сарсэ былъ оплотомъ буржуазнаго духа въ литературѣ, и потому все передовое во Франціи считало его своимъ непримиримымъ врагомъ. Самыя ѣдкія насмѣшки сыпались безъ конца на въ сущности очень добродушнаго старика, который раздражалъ литературную молодежь и отсталостью идей, и самоувѣренностью тона, и своей популярностью. Всякій парижанинъ зналъ въ лицо „дядюшку Сарсэ", толстяка съ расплывшимся лицомъ, подслѣповатыми глазами, съ громкимъ, грубоватымъ смѣхомъ. Довольство, которымъ дышала вся его фигура, показывало, что онъ не чужой для толпы, среди которой любилъ появляться. Та интеллигенція, которая наполняетъ собой залы театровъ въ дни первыхъ представленій, была его родной стихіей. Онъ не чувствовалъ себя въ ней изгнанникомъ. Напротивъ того, онъ сознавалъ свою съ ней общность идей и вкусовъ и зналъ, что, отдавая отчетъ о своихъ впечатлѣніяхъ, онъ скажетъ какъ разъ то, что всѣ другіе чувствовали, но не могли выразить. Эта гармонія съ толпой и придавала Сарсэ видъ добродушія и самодовольства, возмущавшій всѣхъ, кто исповѣдывалъ въ искусствѣ горацієвскій принципъ: „odi profanum vulgus", и Бодлеровскій аристократизмъ, сказавшійся въ извѣстной фразѣ: „le beau, c'est le rare". Сарсэ, пророкъ толпы, осмѣивался во всѣхъ такъ называемыхъ артистическихъ кабачкахъ, во всѣхъ „обозрѣніяхъ". Миніатюрный театръ „Chat Noir", гдѣ новое искусство представлено было пантомимами и китайскими тѣнями, особенно усердствовалъ въ осмѣяніи почтеннаго критика, представляя его въ каррикатурномъ, иногда даже непристойномъ видѣ. А органъ этого театра, маленькій журнальчикъ „Chat Noir", завелъ себѣ своего собственнаго „дядюшку Сарсэ", за подписью котораго появлялись иногда очень удачныя пародіи. Ко всему этому критикъ относился довольно добродушно; но иногда озлобленіе молодой литературы принимало болѣе рѣзкія формы, какъ, напр., въ томъ случаѣ, когда Анри Бэкъ, авторъ „Парижанки", затѣялъ процессъ противъ Сарсэ за несправедливое осужденіе своей

комедіи. Процессъ былъ выигранъ Сарсэ, но ему пришлось наслушаться не мало весьма ядовитыхъ словъ.

Теперь, у гроба умершаго критика, личная ненависть къ нему улеглась, и въ посвященныхъ его памяти некрологахъ и статьяхъ писатели самыхъ различныхъ направленій спѣшили выразить свое признаніе умственныхъ и душевныхъ качествъ Сарсэ; лишь очень немного непримиримыхъ поборниковъ новыхъ идей изъ числа сотрудниковъ такъ называемыхъ „молодыхъ журналовъ“, не скрывая, говорили о томъ, что радуются избавленію литературы отъ вреднаго вліянія умершаго критика. Общее признаніе заслугъ Сарсэ даже со стороны людей, не согласныхъ съ его взглядами, очень знаменательно; какова бы ни была внутренняя цѣнность того, что Сарсэ проповѣдывалъ въ теченіе своей сорокалѣтней дѣятельности, онъ съумѣлъ внести въ нее качества, обезпечивающія ему почетное мѣсто среди критиковъ XIX вѣка. Главное и наиболѣе драгоцѣнное качество Сарсэ—его цѣльность. Среди общей расшатанности французской литературы, среди невсегда искренняго слѣдованія модѣ, Франсискъ Сарсэ представляетъ рѣдкій примѣръ стойкости. Какъ много писателей измѣняли своимъ природнымъ склонностямъ подъ вліяніемъ измѣнившагося вкуса публики: Зола, чувствуя что натурализмъ отживаетъ свое время, написалъ псевдо-мистическій „Rêve“; Буржэ, Маргеритъ и многіе другіе стали поддѣлываться, когда вошелъ въ моду русскій романъ, подъ такъ называемое „евангеліе русскаго милосердія“; Ростанъ, чистый романтикъ по природѣ, сталъ писать фальшивыя символическія драмы. А среди критиковъ Брюнетьеръ, сжигая то, чему поклонялся, сдѣлался проповѣдникомъ католицизма; Жюль Леметръ, импрессіонистъ и эстетъ, неожиданно ударился въ политику и сдѣлался шовинистомъ въ духѣ Дерулэда. Во всѣхъ этихъ литературныхъ отступничествахъ нѣтъ прежде всего искренности. Новыя направленія въ литературѣ создаются только людьми, внутренно убѣжденными въ своей правотѣ; таковые, конечно, есть и во Франціи, и, благодаря имъ, литература естественно движется впередъ, создавая новыя формы для всего, что волнуетъ умъ и душу человѣческую. Но тѣ, кто идутъ за новаторами, повинующимися только своимъ внутреннимъ побужденіямъ, часто дѣлаютъ это только ради успѣха и слѣдуя модѣ. Таковы писатели, которыхъ мы поименовали, и другіе подобные имъ. Франсискъ Сарсэ—не изъ ихъ числа. Онъ оставался всегда вѣрнымъ своему міросозерцанію и обнаружилъ большую смѣлость, защищая свои взгляды среди общихъ нападокъ на ихъ устарѣлость, банальность и близорукость. Онъ опирался на требованія здраваго смысла, на логическія привычки французскаго ума, на незыблемыя свойства національнаго французскаго духа. Менѣе всего онъ былъ правъ теоретически въ большин-

ствѣ случаевъ, но психологическая подкладка его разсужденій внушаетъ невольное уваженіе къ нему, какъ къ убѣжденному писателю, умѣющему къ тому же отстаивать свои взгляды чрезвычайно умно и логично. Если поэтому и нельзя говорить о плодотворности идей Сарсэ, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ видѣть въ немъ рѣдкій образецъ того, чѣмъ долженъ быть писатель, вѣрующій въ свое дѣло. А это—психологическая заслуга не изъ малыхъ. Сарсэ былъ человѣкомъ университетской науки. Онъ кончилъ Ecole Normale, былъ профессоромъ и вступилъ въ литературу съ большими знаніями классической литературы, а также съ привычками университетскаго преподаванія. Ему ставили въ упрекъ, что онъ относится къ читателямъ какъ къ ученикамъ, которымъ нужно разжевывать самыя простыя истины. Въ самомъ дѣлѣ, Сарсэ сохранилъ на всю жизнь учительскія замашки, преклоненіе передъ авторитетомъ классиковъ и господствующій во французскихъ университетахъ критическій методъ: онъ состоитъ не столько въ изученіи писателей со стороны ихъ философскаго, идейнаго и психологическаго содержанія, сколько въ экзаменѣ, такъ сказать, ихъ способности къ логикѣ. Если писатель развиваетъ свою мысль вполнѣ правильно, если драматургъ дѣлаетъ всѣ выводы, которые логически могутъ быть сдѣланы изъ взятыхъ имъ положеній, изъ выводимыхъ имъ характеровъ, если чувства и страсти развиваются правдоподобно и соотвѣтствуютъ требованіямъ нормальнаго пониманія и вкуса средняго человѣка, то къ такому писателю Сарсэ всегда относился сочувственно, хотя бы мысль, проводимая имъ, была и неинтересна, и ничего оригинальнаго и новаго не содержала. Напротивъ того, писатели съ слишкомъ опредѣленной индивидуальностью, съ идеями, противорѣчащими вкусу большинства, возбуждали въ Сарсэ глубокое негодованіе. Онъ всегда ловилъ ихъ на какой-нибудь погрѣшности противъ логики, и ставилъ имъ въ вину то, что въ искусствѣ чаще всего бываетъ достоинствомъ—ихъ разладъ съ требованіями и пониманіемъ „средняго человѣка“. Отъ этой системы критики Сарсэ никогда не отступалъ, оставаясь всю жизнь типичнымъ школьнымъ учителемъ, или „normalien“, какъ его злобно ругали его литературные враги. Съ такими привычками ума и твердо сложившимися вкусами, Сарсэ началъ въ 1859 году писать свои фельетоны о театрѣ. Онъ уже тогда былъ далеко не юношей, такъ какъ родился въ 1828 году. Съ 1859 года и до самой смерти (послѣдній фельетонъ Сарсэ появился за недѣлю до его смерти) Сарсэ въ теченіе сорока лѣтъ изо дня въ день бывалъ въ театрѣ, иногда по два раза, если случалось интересное утреннее представленіе. Каждую недѣлю онъ давалъ отчетъ о скопившихся за этотъ промежутокъ впечатлѣніяхъ, и всегда съ величайшей радостью и бодростью относился къ своему дѣлу. Въ этомъ—второе драгоцѣн-

ное качество Франциска Сарсэ. Онъ любилъ театръ всей душой, и умѣлъ внушать эту любовь своимъ читателямъ. Никто такъ не содѣйствовалъ развитію театральнаго дѣла во Франціи, какъ Сарсэ своими фельетонами. Они были всѣмъ понятны, всѣмъ по душѣ, и пьесу, которую расхвалилъ Сарсэ, непремѣнно ходили смотрѣть и парижане, и провинціалы, когда она переходила со столичныхъ сценъ на провинціальныя. Сарсэ при этомъ укрѣплялъ въ средней читающей публикѣ много уже отжившихъ и узкихъ идей, и тормозилъ поступательное движеніе въ литературѣ своими постоянными, иногда досадными и назойливыми ссылками на всякаго рода священные устои, на прославляемый имъ esprit français, который въ его устахъ былъ часто синонимомъ умственнаго застоя. Но все-же, несмотря на вредъ такого рода проповѣди, польза Сарсэ несомнѣнна, потому что, преисполненный живого интереса къ театру, онъ внесъ въ сознаніе средней интеллигентной массы серьезное отношеніе къ театру, умѣнье разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ и предъявлять къ драматическимъ произведеніямъ опредѣленныя требованія. Пусть его собственные критеріи и невѣрны—подготовленная его разсужденіями публика сама создастъ новые, вкусы измѣнятся подъ новыми вліяніями,—но какъ воспитатель театральной залы, Сарсэ не имѣетъ себѣ равныхъ среди французскихъ критиковъ, именно потому, что взгляды его не были слишкомъ возвышенны и субъективны, а шли на встрѣчу „среднему человѣку“, его развитію и его вкусу.

Признавъ за Сарсэ историческое воспитательное значеніе, остается выяснить другой, весьма существенный вопросъ: имѣютъ ли писанія Сарсэ самостоятельное литературное значеніе, обогатилъ ли онъ критическую литературу новыми идеями или даже методами, выказалъ ли критическое чутье, объяснилъ ли въ литературѣ что-нибудь непонятое до него. Самъ Сарсэ былъ какъ будто бы не увѣренъ въ этомъ. Онъ поэтому не рѣшался никогда издавать отдѣльныя книги, никогда не собиралъ своихъ фельетоновъ. Теперь, послѣ его смерти, его друзья, желая выяснить тотъ вкладъ, который сдѣлалъ Сарсэ въ литературу своими идеями, затѣяли изданіе его произведеній. Мысль объ этомъ принадлежитъ его зятю, извѣстному журналисту Бриссону. Предполагается пять томовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Quarante ans du théâtre“. Издатели систематизировали отдѣльныя статьи. Въ первый томъ вошли статьи болѣе теоретическаго характера, а послѣдующіе будутъ заключать разборъ классическихъ комедій, трагедій, затѣмъ современнаго театра и, наконецъ, молодой школы, т.-е. репертуара „Théâtre Libre“, драмъ Ибсена и его школы. Въ сущности, главный интересъ будутъ представлять два послѣднихъ тома, посвященныхъ современному театру. Они выяснятъ, насколько Сарсэ вы-

казалъ критическаго пониманія писателей, еще не подвергавшихся суду прежнихъ поколѣній. Что касается французскихъ и древнихъ классиковъ, то въ сужденіяхъ о нихъ Сарсэ держался суда исторіи и не имѣлъ случая высказать никакой самобытности.

Первый томъ состоитъ изъ фельетоновъ, посвященныхъ теоретическимъ вопросамъ. Конечно, теоретическіе взгляды — самое существенное въ писателѣ, который въ теченіе сорока лѣтъ судилъ, каралъ и миловалъ драматурговъ самыхъ различныхъ направленій. Но все-же намъ кажется, что друзья, озабоченные посмертной славой Сарсэ, должны были бы отложить этотъ томъ на самый конецъ изданія. Въ фельетонахъ, посвященныхъ новымъ драмамъ, Сарсэ имѣлъ случай высказать лучшія стороны своего дарованія — остроуміе, логичность, живой темпераментъ. Въ теоретическихъ же статьяхъ онъ не высказываетъ ничего оригинальнаго, а чрезвычайно пространно и настойчиво излагаетъ мысли, большею частью общеизвѣстныя. Свое знаніе театра, — которое у Сарсэ было огромно, — онъ гораздо болѣе проявляетъ въ обсужденіи отдѣльныхъ пьесъ. Эстетика же его сводится къ нѣсколькимъ положеніямъ крайне догматичнаго и узко-спеціальнаго характера. Сарсэ прежде всего выдѣляетъ драматическое творчество изъ обще-литературнаго. Театральныя пьесы пишутся для публики, и потому основной критерій для сужденія — успѣхъ у средней массы зрителей, „les gens qui paient". Сарсэ настаиваетъ на такъ называемой „оптикѣ сцены", на условности драматическаго творчества. „Драматическое искусство,—говоритъ онъ,— сводится къ цѣлому ряду общихъ и частныхъ, вѣчныхъ и временныхъ условностей, при помощи которыхъ человѣческая жизнь, представленная на сценѣ, давала бы публикѣ иллюзію истины". Казалось бы, что изъ этого положенія никакихъ существенныхъ законовъ театра вывести нельзя. Такого рода условность сама собой разумѣется. Драматургъ руководствуется ею такъ же, какъ живописецъ, представляя на плоской поверхности, при помощи красокъ и освѣщенія, все разнообразіе живой дѣйствительности. Это не мѣшаетъ ни драматургу, ни живописцу вносить въ свои произведенія полную правду и, главное, проявлять свою индивидуальность, свое пониманіе отвлеченныхъ истинъ, не заботясь о воздѣйствіи на зрителей, повинуясь только внутреннимъ законамъ творчества. Для Сарсэ же внѣшняя условность, связанная съ перенесеніемъ жизни на сцену, затмѣваетъ внутреннее содержаніе. Такъ какъ театръ существуетъ для публики, то единственнымъ критеріемъ для сужденія о достоинствахъ драматическихъ произведеній является у него удовлетвореніе, довольство зрительной залы, тѣхъ „gens qui paient", которымъ онъ поклоняется. Онъ съ какимъ-то упоеніемъ отдается этому культу, и постоянно говоритъ о томъ, что „критикъ долженъ идти на встрѣчу толпѣ".

Всѣ остальныя разсужденія Сарсэ о драматическомъ искусствѣ обусловлены тѣмъ же стремленіемъ удовлетворять вкусамъ зрительнаго зала. Все, что онъ говоритъ о необходимости строго соблюдать раздѣленіе комическаго и драматическаго, основано на психологіи толпы. Авторъ драматическаго произведенія долженъ дать время зрителямъ сосредоточиться на одномъ какомъ-нибудь впечатлѣніи, грустномъ или веселомъ, не разбивать его противоположнымъ. Чѣмъ-то узкимъ и отсталымъ вѣетъ отъ этихъ разсужденій, предписывающихъ условныя правила свободному творчеству. Сарсэ съ ограниченностью школьнаго учителя называетъ свои правила законами, не чувствуя, что онѣ разбиваются о каждое болѣе или менѣе самобытное художественное произведеніе. Всѣ его теоретическія статьи—въ томъ же родѣ, и, еслибы приходилось судить о немъ, какъ о критикѣ, только по его „эстетикѣ", заключенной въ первомъ томѣ,—результатъ получился бы очень печальный. Но, какъ мы говорили выше, значеніе Сарсэ заключается въ его воспитательномъ вліяніи на читателей, въ томъ, что, любя театръ, онъ съумѣлъ привить эту любовь средней французской интеллигенціи.

Въ фельетонахъ, посвященныхъ разбору отдѣльныхъ драмъ, яснѣе сказываются свойства его критическаго таланта, и только по нимъ можно уяснить себѣ, какимъ образомъ Сарсэ достигъ того вліянія, которымъ онъ несомнѣнно пользовался при жизни. По нимъ можно будетъ также судить, было ли это вліяніе временнымъ, или въ его писаніяхъ есть нѣчто, обезпечивающее ему прочное мѣсто въ литературѣ.

III.

Otto Reuter. Ludwig Jacobowski, Werk, Entwickelung und Verhältniss zur Moderne. Berl. 1900. Стр. 63.

Людвигъ Якобовскій—одинъ изъ извѣстныхъ новѣйшихъ нѣмецкихъ поэтовъ, авторъ многочисленныхъ лирическихъ сборниковъ, стихотворныхъ драмъ и нѣсколькихъ романовъ; объ одномъ изъ послѣднихъ—„Локки, исторія одного бога", мы имѣли случай говорить въ свое время. Отто Рейтеръ даетъ въ своей небольшой книжкѣ обстоятельную характеристику поэта и выясняетъ его положеніе въ современной нѣмецкой литературѣ. Авторъ—большой поклонникъ Якобовскаго, и считаетъ его по таланту чуть ли не первымъ изъ современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ. Его восторженное отношеніе кажется намъ преувеличеннымъ. Стихи Якобовскаго хороши; въ нихъ чувствуется вліяніе лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ прошлаго, отъ Гёте до Гейне

включительно, чувствуется также близость къ народной пѣснѣ. Якобовскій очень мелодиченъ, особенно въ послѣднемъ своемъ сборникѣ, „Leuchtende Tage“, гдѣ больше пѣсенъ, чѣмъ стихотвореній, т.-е. больше лиризма, нежели разсудочной и прозаичной поэзіи въ духѣ эпигоновъ Гёте. Но, при всемъ этомъ, Якобовскій недостаточно индивидуаленъ, въ стихахъ его нѣтъ силы, которая оправдывала бы восторги его критика. Тѣмъ не менѣе, онъ въ литературномъ отношеніи представляетъ несомнѣнный интересъ, какъ типичный представитель господствующихъ въ современной нѣмецкой поэзіи настроеній и идеаловъ. Будучи еще сравнительно молодымъ—ему въ настоящее время немногимъ болѣе тридцати лѣтъ,—Якобовскій написалъ очень много. Первый сборникъ его стихотвореній составленъ имъ въ возрастѣ 16-ти — 19-ти лѣтъ, и съ тѣхъ поръ появилось много другихъ, въ которыхъ молодой поэтъ совершилъ послѣдовательный и ясно выраженный въ его произведеніяхъ ходъ развитія. На примѣрѣ этого несомнѣнно талантливаго поэта можно видѣть, какимъ путемъ шла современная нѣмецкая поэзія,—такъ какъ, не будучи созидателемъ новыхъ путей, Якобовскій очень чутко отражалъ мѣняющіяся настроенія своего времени.

Нѣмецкая поэзія пережила въ восьмидесятыхъ и девяностыхъ годахъ очень знаменательную „эволюцію“. Долгое время господствовалъ въ ней пессимистическій духъ отрицанія, разъѣдающій скептицизмъ, направленный на всѣ устои жизни. Все это было еще переживаніемъ поэзіи Гейне. Поэты были разрушителями, обличали пороки общества, вступались за угнетенныя жертвы эгоистическаго строя жизни, сомнѣвались въ себѣ, въ своихъ чувствахъ, и съ грустью и болью говорили объ отсутствіи всякой вѣры въ людяхъ. Исходомъ изъ этого пессимизма явилось самоуглубленіе, исканіе опоры въ глубинѣ человѣческаго „я“, въ жаждѣ красоты и блага, наполняющей душу человѣка. Явилось желаніе не отрицать, а оправдывать жизнь, явилось ощущеніе силы,—индивидуализмъ вступилъ въ свои права, и вѣра въ плодотворность усилій человѣческаго духа примирила съ природой и съ жизнью. Это положило начало новому настроенію въ лирикѣ; поэты не судили уже природу, не предъявляли къ ней своихъ требованій, а старались понять ее и слиться съ ней, идти къ ней, а не звать ее къ себѣ. Современная нѣмецкая поэзія всецѣло проникнута этого рода пантеизмомъ, любовью къ жизни, основанной на пониманіи ея. Для поэзіи эта примиренность, конечно, гораздо плодотворнѣе разсудочнаго скептицизма. Она возсоздаетъ наивность, которая и есть душа поэзіи, дѣлаетъ поэта пѣвцомъ чувствъ и настроеній, всего, что открывается его душѣ инстинктивно, не проходя черезъ путь сознанія. Въ настоящее время въ нѣмецкой литературѣ замѣ-

чается подъемъ лиризма, объясняемый именно „радостью жизни“. Ее нельзя назвать оптимизмомъ, потому что оптимизмъ связанъ съ любовью къ тому, что создано людьми, а не природой. Оптимизмъ ведетъ къ буржуазности, потому что его корни лежатъ въ объективномъ отношеніи къ окружающему. Радость жизни современныхъ нѣмецкихъ поэтовъ—иная, болѣе стихійная, болѣе субъективная и потому болѣе близкая къ пониманію вѣчнаго въ жизни и природѣ. Она связана съ расцвѣтомъ индивидуализма, выразившагося наиболѣе дерзновенно въ идеѣ „сверхъ-человѣка“—Ницше. Въ извращенномъ пониманіи полуинтеллигентной массы „сверхъ-человѣкъ“ сталъ синонимомъ узкаго эгоизма, стремящагося силой покорить болѣе слабыхъ, ради себялюбивыхъ узкихъ жизненныхъ выгодъ. Но истинное значеніе гордой проповѣди Ницше совершенно иное. Онъ поклоняется не грубой силѣ человѣка, а тѣмъ возможностямъ высшаго совершенствованія, которыя заложены въ человѣкѣ, и для служенія которымъ онъ долженъ приносить въ жертву все, что въ жизни доставляетъ ему радости и пользу. Для поэзіи вѣра въ то, что человѣкъ въ самомъ себѣ носитъ божество, и въ самомъ себѣ можетъ черпать все, чему онъ поклоняется, послужила источникомъ радости и примиренія, и положила конецъ разочарованіямъ и нападкамъ на бренность всего существующаго. Бодрость и сила возрожденной любви къ жизни звучатъ очень громко въ новѣйшей нѣмецкой лирикѣ—и Якобовскій является теперь однимъ изъ типичныхъ представителей этого настроенія, также какъ раньше онъ отражалъ пессимизмъ разочарованныхъ хулителей жизни.

Отто Рейтеръ останавливается съ большимъ вниманіемъ на раннихъ произведеніяхъ Якобовскаго, въ которыхъ онъ былъ характернымъ эпигономъ, писалъ поэмы метафизическаго содержанія, и воспѣвалъ потомковъ Прометея. Въ поэмѣ „Das Geschlecht der Promethiden“ представленъ Прометей въ образѣ мечтателя и поэта съ пламеннымъ сердцемъ; онъ блуждаетъ среди ужасовъ и мрака столичной жизни. Въ немъ воплощенъ духъ вѣчнаго исканія и разочарованія, духъ любви къ человѣчеству. Отвращеніе къ людямъ, къ ихъ порокамъ и пошлости, жалость къ несчастнымъ, голодающимъ и больнымъ, приводитъ его въ отчаяніе; но ему является въ свѣтломъ видѣніи „духъ времени“ и возвѣщаетъ о томъ, что старый міръ распадется въ прахъ, и изъ развалинъ его поднимется новый міръ и новое поколѣніе. Уже въ концѣ этой поэмы, написанной въ условномъ старомъ стилѣ, чувствуется переходъ ко второму индивидуалистическому періоду въ поэзіи Якобовскаго, отражающаго въ этомъ случаѣ не только самого себя, но и общій духъ современности. Исходъ изъ пессимизма Якобовскій находитъ въ проснувшейся вѣрѣ въ человѣка, въ силы

души, которыя ставятъ отдѣльную личность выше среды и обстоятельствъ и, принося страданія, приносятъ также вѣру въ себя и ведутъ къ просвѣтленію. Въ этомъ духѣ написанъ романъ Якобовскаго: „Werther der Jude", гдѣ борьба человѣка съ обществомъ представлена на почвѣ національной вражды. Еще сильнѣе проявляется его вѣра въ силу человѣческой воли и въ спасительность духа въ двухъ произведеніяхъ, гдѣ дѣйствіе разыгрывается на фонѣ восточной жизни. Страсти стихійныхъ, не-культурныхъ людей кажутся поэту болѣе выразительными для его цѣли. Герой повѣсти „Der kluge Scheikh" нѣсколько романтиченъ въ своихъ чувствахъ любви и ненависти, но сила индивидуальности представлена въ немъ очень ярко. Побѣда въ чрезвычайно сложныхъ столкновеніяхъ и въ борьбѣ за обладаніе любимой женщиной принадлежитъ тому, кто умѣетъ силой ума и воли покорять себѣ людей и обстоятельства. Въ стихотворной драмѣ „Dijab der Narr" тоже представлено торжество индивидуализма. Побѣда здѣсь тоже на сторонѣ ума, но еще выше ума ставится чистота и возвышенность души. Герой драмы Діабъ—сынъ шейха. Его преслѣдуютъ потому, что мать его была бѣлой женщиной; отецъ предпочитаетъ ему своихъ другихъ сыновей, и Діабъ становится предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ своей семьи и всего народа. Чтобы спастись отъ преслѣдованій, Діабъ представляется дурачкомъ, ведетъ уединенную жизнь въ лѣсахъ—и въ тишинѣ его чуткая душа крѣпнетъ и проникается сознаніемъ своей собственной силы. Онъ научается презирать людей, повиноваться только внутреннему голосу, искренно любить —и, сталкиваясь съ людьми, побѣждаетъ ихъ своей силой и твердостью духа. Всѣ начинаютъ бояться насмѣшекъ загнаннаго дурачка; женщина, которую онъ любитъ, вѣритъ въ него, несмотря на то, что онъ поставленъ въ унизительное положеніе. Когда приходитъ случай выказать на дѣлѣ храбрость и смѣлость, Діабъ дѣлаетъ то, на что неспособны его надменные братья. Когда туареги захватываютъ стада его отца, Діабъ отстаиваетъ честь своего племени и побѣждаетъ враговъ. Народъ изъ благодарности выбираетъ его шейхомъ. Благородство души Діаба поэтично выражено въ грусти нѣжнаго юноши, у котораго отъ столкновеній съ грубостью людей осталось въ душѣ много слезъ. Даже тогда, когда пришелъ моментъ торжества, онъ понимаетъ, что никогда не сможетъ забыть своего грустнаго прошлаго: „Кто можетъ забыть свою печаль? и даже если теперь всѣ придутъ и будутъ цѣловать мои руки... развѣ могутъ изгладиться изъ памяти тѣ годы, когда въ дѣтствѣ въ меня бросали камнями? развѣ можно стереть воспоминаніе о тысячахъ ночей, которыя я одиноко провелъ въ пустынѣ и ни одинъ человѣкъ не пришелъ подложить мнѣ цыновку подъ голову? Могу ли я все это забыть? Въ этомъ—все дѣло: смѣхъ развѣ-

вается вѣтромъ и отлетаетъ отъ устъ, чтобы сѣсть на другія уста,—слезы же остаются и глубоко врѣзываются въ душу, какъ въ темную бронзу". Такъ воспѣваетъ страданія чистый юноша, но въ его тоскѣ нѣтъ ничего безъисходнаго. Онъ мститъ судьбѣ тѣмъ, что совершенствуетъ и закаляетъ душу—и въ этомъ залогъ его побѣды.

Въ новѣйшихъ лирическихъ сборникахъ Якобовскаго нѣтъ уже и признака борьбы. Черезъ индивидуализмъ онъ пришелъ къ гармоніи со всѣмъ существующимъ; онъ сознаетъ только полноту бытія, которая волнуетъ всѣ его чувства. Онъ какъ бы самъ радуется полнотѣ своихъ ощущеній, ищетъ вездѣ проявленія силы и красоты и воспѣваетъ свою радость въ гимнахъ природѣ и жизни. Въ стихотвореніи, озаглавленномъ „Lebenslust", это настроеніе очень ярко выражено: „Танцуя между жизнью и смертью, мелькаютъ дни въ безумномъ хороводѣ. И если листья сегодня темнѣютъ, завтра они снова будутъ зелеными. Сколько плачетъ несбывшихся надеждъ, какъ много грёзъ рано умершихъ! И все-же сила жизни бушуетъ безудержно и безконечно". Въ послѣднихъ лирическихъ сборникахъ Якобовскаго, „Aus Tag und Traum" и „Leuchtende Tage", проявляется чуткое пониманіе природы, сліяніе души съ настроеніями внѣшняго міра. Поэтъ чувствуетъ въ природѣ тоже присутствіе духа Божія, какъ и въ самомъ себѣ; ему кажется, что душа его—часть всего бытія. Въ этомъ пантеизмѣ—вся суть новой лирики, болѣе мистической, нежели философской, и проникнутой глубокой и искренней поэзіей. Якобовскому все кажется одинаково отраднымъ въ бытіи, и въ вводномъ стихотвореніи къ сборнику „Aus Tag und Traum" онъ указываетъ на то, что составляетъ содержаніе его пѣсенъ: „я цѣпь кую, пишу за пѣснью пѣснь—о юныхъ дѣвушкахъ, нѣжно краснѣющихъ, объ узкихъ могилахъ, около которыхъ цвѣтетъ сирень, о грёзахъ, развѣваемыхъ вѣтромъ, о дождливыхъ ночахъ, проведенныхъ мною безъ сна, объ ароматахъ, приносимыхъ дыханіемъ вѣтра, о снахъ, о пѣніи соловьевъ и о безуміяхъ невыразимой тоски"...

Якобовскій—романтикъ. Музыкальность его стиховъ, часто повторяющіеся у него мотивы народной пѣсни, чуткость ко всѣмъ звукамъ въ природѣ, роднятъ его скорѣе съ Новалисомъ и Тикомъ, чѣмъ съ классическими поэтами, которые стремились къ звучнымъ риѳмамъ и къ торжественности стиха. Но романтизмъ Якобовскаго болѣе современный. Въ немъ нѣтъ разорванности настроеній, которыми отчасти рисовались романтики начала вѣка. Въ его настроеніяхъ, которыя онъ черпаетъ изъ природы, царствуетъ гармонія, сліяніе радости и грусти,—и благодаря этому онъ является типичнымъ представителемъ современнаго нѣмецкаго неоромантизма.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 (14) августа 1900.

Отмѣна ссылки въ Сибирь на поселеніе и житье, и особое ея значеніе въ будущемъ, въ виду послѣднихъ народныхъ волненій въ Китаѣ.—Современное положеніе дѣла начальнаго образованія въ столицѣ.—Существенная реформа въ порядкѣ экзаменовъ.—Результаты экзаменовъ на льготу по воинской повинности и повѣрки обученія.—Открытіе перваго „городского 4-класснаго училища" на счетъ города, и первые результаты обученія въ немъ.—Осужденіе дѣятельности города въ области школьнаго дѣла со стороны оффиціальнаго педагога.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" былъ опубликованъ Именной Высочайшій Указъ, 12 іюня с. г., данный Правительствующему Сенату,—слѣдующаго содержанія:

„Въ непрестанномъ помышленіи о благѣ всѣхъ частей Державы Нашей обратили Мы вниманіе на неблагопріятное положеніе ссылки въ Сибирь и другія отдаленныя мѣстности, опредѣляемой какъ по суду, такъ и въ послѣдствіе приговоровъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ относительно порочныхъ своихъ членовъ.

„Ссылка въ Сибирь въ особенности препятствуетъ преуспѣянію этой окраины, коей Царственными заботами незабвенной памяти Родителя Нашего Императора Александра III и Нашими попеченіями дарованы пути къ достиженію гражданскаго и экономическаго благосостоянія.

„Почитая настоятельнымъ устранить неудобства, отъ ссылки проистекающія, Мы въ маѣ прошлаго 1899 года, по обсужденіи сего предмета въ особомъ совѣщаніи подъ личнымъ предсѣдательствомъ Нашимъ, повелѣли министру юстиціи подвергнуть подробной разработкѣ соотвѣтственныя мѣропріятія на предуказанныхъ Нами основаніяхъ.

„Предначертанный, во исполненіе таковой Нашей воли, проектъ узаконенія объ отмѣнѣ и ограниченіи ссылки внесенъ былъ министромъ юстиціи на уваженіе Государственнаго Совѣта и имъ всесторонне соображенъ.

„Послѣдовавшія въ Совѣтѣ заключенія объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ Мы нашли отвѣчающими желанію Нашему, задачами настоящаго времени укрѣпляемому, снять съ Сибири тяжелое бремя мѣстности, въ теченіе вѣковъ наполняемой людьми порочными.

„Вслѣдствіе сего повелѣваемъ:

„I. Ссылку на поселеніе въ Сибирь и въ Закавказье, равно какъ

ссылку на житье въ Сибирь и другія, кромѣ сибирскихъ, отдаленныя губерніи, — отмѣнить, съ сохраненіемъ ссылки на поселеніе въ предназначенныя къ тому мѣстности лишь за преступленія, особо въ законѣ указанныя.

„II. Право мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ постановлять приговоры о принятіи или непринятіи своихъ членовъ, отбывшихъ наказаніе по судебнымъ приговорамъ, коими они присуждены къ отдачѣ въ исправительное арестантское отдѣленіе или къ заключенію въ тюрьмѣ съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ,—отмѣнить. Равнымъ образомъ отмѣнить право мѣщанскихъ обществъ представлять въ распоряженіе правительства своихъ членовъ въ случаѣ порочнаго ихъ поведенія.

„III. Дѣйствіе постановленій, изложенныхъ въ отдѣлѣ II, распространить на всѣхъ не отправленныхъ въ Сибирь лицъ, о коихъ до обнародованія сего указа Нашего состоялись непріемные приговоры мѣщанскихъ или крестьянскихъ обществъ или же приговоры мѣщанскихъ обществъ о представленіи этихъ лицъ въ распоряженіе правительства.

„IV. Въ отношеніи: 1) замѣны ссылки на поселеніе и на житье другими наказаніями, 2) ограниченія права крестьянскихъ обществъ представлять въ распоряженіе правительства порочныхъ своихъ членовъ, и 3) денежныхъ расходовъ, вызываемыхъ отмѣною и ограниченіемъ ссылки,—принять мѣры, преподанныя въ утвержденномъ Нами мнѣніи Государственнаго Совѣта по указаннымъ предметамъ“.

Отмѣна ссылки, на поселеніе и житье, въ Сибирь, хотя и является пока только началомъ чрезвычайно важной и обширной реформы въ системѣ наказаній, такъ какъ ссылка на каторжныя работы остается еще въ прежней силѣ,—но въ этой отмѣнѣ особенно важно то, что ею ставится уже теперь громадная часть имперіи, можно сказать, цѣлая страна, въ совершенно новыя условія гражданской и общественной жизни. Эта реформа совпала притомъ съ послѣдними, весьма важными политическими событіями въ сосѣднемъ съ Сибирью Китаѣ вслѣдствіе чего дальнѣйшіе успѣхи развитія общественныхъ силъ на мѣстѣ въ этой окраинѣ имперіи сдѣлались теперь особенно желательны, къ чему бы ни привело смутное время, переживаемое Китаемъ, и его борьба не только съ цѣлою почти Европой, но, сверхъ того, и съ Сѣверо-американскими Штатами. Колоссальное и для Китая безпримѣрное потрясеніе его тысячелѣтнихъ устоевъ государственнаго существованія,—самое успокоеніе этого всколыхнувшагося моря человѣческихъ жизней окажется, вѣроятно, не болѣе, какъ только временнымъ: ни западная Европа,

повидимому, не была въ настоящую минуту достаточно освѣдомлена о томъ, что въ послѣднее время, послѣ замиренія Японіи съ Китаемъ, въ тиши подготовлялось въ немъ, ни самое его центральное правительство не разсчитывало на такой быстрый и для него не вполнѣ своевременный подъемъ народныхъ массъ, за которымъ пришлось послѣдовать, какъ это нерѣдко случается, и самому богдоханскому правительству. Если и усматривать въ настоящихъ событіяхъ на дальнемъ Востокѣ начало паденія древняго Китая, то, въ виду того мѣста, какое уже успѣла занять тамъ Японія, въ будущемъ, болѣе или менѣе близкомъ, слѣдуетъ ожидать или дѣйствительнаго преобразованія Китая, или—соперничества европейскихъ державъ на его развалинахъ. И въ томъ, и въ другомъ предположеніи, такая обширная часть нашей имперіи, какъ Сибирь, непосредственно примыкавшая къ древнему Китаю, не должна являться только узкою желѣзно-дорожною полосою, служащею къ соединенію европейской Россіи съ берегами Тихаго океана; надобно желать Сибири быстраго и широкаго развитія мѣстныхъ общественныхъ силъ, что, въ свою очередь, будетъ имѣть послѣдствіемъ привлеченіе въ нее изъ метрополіи всего, что въ ней самой есть лучшаго и предпріимчиваго — въ противность тому, чѣмъ европейская Россія награждала Сибирь до настоящаго времени, и чему теперь, весьма и весьма своевременно, положенъ конецъ. Какъ бы дорого ни обошлась предстоящая замѣна ссылки въ Сибирь новыми мѣрами, но во всякомъ случаѣ всѣ такіе расходы слѣдуетъ считать ничтожными, если сравнить ихъ съ тѣмъ, во что ссылка обходилась государству до настоящаго времени, когда цѣною ея являлось ненормальное положеніе громаднѣйшей и вмѣстѣ богатой окраины государства, гдѣ общественная жизнь отравлялась постоянно самыми дурными отбросами изъ европейской Россіи.

Въ августѣ оканчивается обычный у насъ трехмѣсячный перерывъ въ дѣятельности начальныхъ народныхъ училищъ г. С.-Петербурга—ихъ лѣтнія вакаціи; съ 1-го сентября, эти училища открываются на девять мѣсяцевъ новаго учебнаго года, двадцать-четвертаго, со времени принятія въ 1877 году городомъ въ свое вѣдѣніе дѣла народнаго образованія въ столицѣ. Изъ отчета городской Коммиссіи по народному образованію за гражданскій 1899 г. видно, что въ началѣ этого года, въ январѣ, въ г. С.-Петербургѣ было 396 классовъ начальнаго народнаго училища, каждое на 50, въ среднемъ, учащихся, т.-е. почти на 20.000 дѣтей обоего пола. Эти 396 классовъ въ послѣднее пятилѣтіе размѣщались или, по прежнему, каждый классъ въ особой квартирѣ, или, при возможности получить достаточно обширную квартиру, со-

единялись по три, четыре и болѣе классовъ въ одной квартирѣ, а потому въ это послѣднее пятилѣтіе число училищныхъ квартиръ не увеличивалось, какъ прежде, въ соотвѣтствіи съ числомъ вновь открываемыхъ училищъ, но оставалось почти то же,— росло одно число классовъ. Дѣйствительно, изъ 396 классовъ, въ началѣ 1899 года, въ январѣ мѣсяцѣ, только 320 классовъ имѣли, по прежнему, каждое для себя отдѣльное помѣщеніе, а остальные 76 классовъ были уже соединены, по три, четыре и болѣе, въ одной квартирѣ; такихъ квартиръ, съ нѣсколькими соединенными классами, оказалось 21 квартира, а всѣхъ училищныхъ квартиръ, какъ съ одиночными классами, такъ и съ соединенными, было—341 училищная квартира, съ 396 классами въ нихъ, причемъ каждый классъ имѣлъ своего учащаго, а потому учащихъ было столько же, сколько и классовъ.

Въ половинѣ 1899 года, къ началу новаго тогда учебнаго 1899—900 года, городская Дума постановила открыть 30 новыхъ классовъ, на 1.500 учащихся. При этомъ опять повторилось то же самое, а именно, Коммиссія открыла всего только два класса въ особой для каждаго квартирѣ; остальные же 28 классовъ были или присоединены къ старымъ училищамъ съ однимъ классомъ, причемъ расширялась ихъ прежняя квартира, или нанимались новыя, болѣе обширныя квартиры, и въ нихъ Коммиссія соединяла по нѣскольку классовъ; такимъ образомъ, въ результатѣ оказалось слѣдующее, а именно, число училищныхъ помѣщеній, отъ открытія 30 новыхъ классовъ, увеличилось весьма мало: къ началу новаго гражданскаго 1900 года оказалось на лицо 344 училищныхъ квартиры; число же классовъ возросло, согласно постановленному Думою, на 30: въ началѣ 1899 г. было, какъ выше сказано, 396 классовъ (въ 341 училищномъ помѣщеніи), а въ началѣ 1900 года—426 классовъ, размѣщенныхъ въ 344 отдѣльныхъ училищныхъ квартирахъ.

Благодаря значительному увеличенію числа классовъ въ прошедшемъ учебномъ году, возросло соотвѣтственно и число учащихся въ нихъ—до 21.100 дѣтей обоего пола, причемъ число дѣвочекъ почти достигло половины общаго числа учащихся: 10.800 мальчиковъ и дѣвочекъ до 10.200. Въ первый годъ завѣдыванія городомъ начальными училищами, въ 1877—78 г., всѣхъ учащихся было 899, но и настоящее число учащихся нельзя признать вполнѣ удовлетворительнымъ, сравнительно съ населеніемъ столицы.

Изъ общаго числа учащихся, въ 1899—900 г., окончило, въ маѣ мѣсяцѣ, ученіе съ успѣхомъ около 4.400, почти 20%; изъ нихъ мальчиковъ—2.400, и дѣвочекъ—2.000. При этомъ, спб. городской училищный Совѣтъ въ первый разъ нынѣ произвелъ весьма существенную и важную реформу въ порядкѣ такъ-называемыхъ выпускныхъ

экзаменовъ дѣтей, обучавшихся въ начальныхъ училищахъ. Еще въ прошедшемъ, 1899 г., училищный Совѣтъ обратилъ свое вниманіе на весьма важное обстоятельство для характера начальнаго обученія дѣтей въ самомъ первомъ ихъ возрастѣ, отъ 8 до 12 лѣтъ, и при этомъ вполнѣ справедливо замѣтилъ, что формальные экзамены, въ подобномъ возрастѣ, „не могутъ служить основаніемъ для правильности заключеній о познаніяхъ, пріобрѣтенныхъ дѣтьми въ школахъ. Только лица, непосредственно связанныя со школою, какъ законоучители, учители и учительницы, могутъ безошибочно (безъ всякихъ формальныхъ экзаменовъ, являющихся чистою потерею времени) опредѣлить степень познаній каждаго ученика своей школы, а для этого не требуется ни особыхъ испытаній, ни той затраты времени и силъ учащихъ и учащихся, которые вызываются экзаменами".

Съ такимъ вполнѣ справедливымъ взглядомъ училищнаго Совѣта согласилась и городская Коммиссія по народному образованію, а потому въ нынѣшнемъ учебномъ году послѣдовала въ первый разъ та существенная перемѣна, что экзамены сохранены были не въ смыслѣ какихъ-нибудь выпускныхъ экзаменовъ, а какъ экзамены для желающихъ, по прохожденіи ими трехлѣтняго обученія, получить теперь же свидѣтельство для льготы по воинской повинности, когда они со временемъ достигнутъ 20-лѣтняго возраста. Вслѣдствіе того, къ экзамену на льготу были допущены, конечно, только мальчики; притомъ, согласно требованію закона, и изъ мальчиковъ — только тѣ, которые достигли или достигнутъ, къ 1 сентября с. г., предписаннаго закономъ 11-лѣтняго возраста. Что же касается до дѣвочекъ и мальчиковъ, не достигшихъ упомянутаго возраста,—то экзаменаціонная коммиссія, въ отношеніи ихъ, ограничивалась одною повѣркою ихъ познаній, при помощи данныхъ имъ письменныхъ работъ, и на основаніи ихъ, а также и годовыхъ отмѣтокъ, дѣти получали „удостовѣреніе" объ успѣшномъ прохожденіи ими трехлѣтняго обученія въ начальной школѣ — безъ обязательнаго производства, для всѣхъ безъ различія, формальныхъ экзаменовъ.

Весьма интересно, при этомъ, указаніе „Отчета" городской Коммиссіи по народному образованію на то, сколько времени потребовалось для успѣшнаго прохожденія дѣтьми начальнаго обученія, и на что, по существующимъ узаконеніямъ, дается три года.

Изъ 2.400 мальчиковъ, получившихъ въ нынѣшнемъ году свидѣтельство на льготу по воинской повинности, или, за недостаткомъ установленнаго для того возраста, удостовѣреніе объ успѣшномъ окончаніи ученія, было: 1.240 м., пробывшихъ въ классѣ три года (52%); 465 м. — четыре года (19%); 55 м. — пять лѣтъ (2%); но, съ другой

стороны, 440 м. пробыли въ училищѣ два года (18%), и 200 м.—одинъ годъ (8%).

Изъ 2.000 дѣвочекъ, получившихъ удостовѣреніе объ успѣшномъ прохожденіи ими обученія по программѣ начальныхъ училищъ, было: 1.100 дѣв., пробывшихъ три года (55%); 400 д.—четыре года (20%; 25—пять лѣтъ (1½%); но, съ другой стороны, 350 д. обучались только два года (17%), и 115 д. (5½%)—одинъ годъ.

Послѣдніе разряды, гдѣ нѣкоторыя дѣти успѣвали, какъ будто, пройти съ успѣхомъ курсъ трехлѣтней программы въ два и даже въ одинъ годъ, говорятъ вовсе не о какой-нибудь исключительной ихъ способности: это—дѣти, или подготовленныя дома и поступившія въ школу полуграмотными, или, что случается еще чаще—пробывшія уже годъ или два въ какомъ-нибудь другомъ начальномъ училищѣ, и за переѣздомъ ихъ родителей изъ одной части города въ другую, поступившія въ новое для нихъ, такое же начальное училище, гдѣ они и могли окончить ученіе въ два или даже въ одинъ годъ. Какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, такихъ дѣтей обоего пола, не остававшихся въ школѣ даже и трехъ лѣтъ, было 1.100. Засимъ, изъ остальныхъ 3.300 дѣтей, 2.340 окончили съ успѣхомъ ученіе нормально, въ три года; 865—оставались на четвертый годъ, и 80—на пятый. При сравненіи съ другими учебными заведеніями, общій результатъ обученія въ начальныхъ народныхъ училищахъ г. С.-Петербурга является весьма благопріятнымъ: при трехлѣтнемъ курсѣ обученія, въ нихъ оканчиваютъ ученіе съ успѣхомъ около 20%, между тѣмъ какъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ 8-лѣтнимъ курсомъ, получаютъ аттестатъ немного болѣе 5%.

Такимъ образомъ, столичное городское управленіе не можетъ сожалѣть о тѣхъ расходахъ, которые оно сдѣлало на одно начальное образованіе: въ отчетномъ 1899 г., изъ общей суммы въ 1.100.000 руб., израсходованной на распространеніе образованія, какъ научнаго, такъ и профессіональнаго, въ массахъ городского населенія, доходящаго до 1.200.000 жителей, — расходъ на начальное образованіе достигъ *900.000* рублей. Сверхъ того, израсходовано было на уплату стипендій въ частныя профессіональныя школы за окончившихъ курсъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ и притомъ бѣднѣйшихъ изъ нихъ—около 30.000 рублей; всѣхъ такихъ стипендіатовъ и стипендіатокъ было свыше 700; на содержаніе воскресныхъ школъ для вышедшихъ изъ школьнаго возраста и не успѣвшихъ въ свое время обучиться даже грамотѣ—около 8.000 руб.,—такихъ лицъ оказалось свыше 1.400; на безплатныя читальни для желающихъ поддержать свою умственную дѣятельность, начатки которой были положены въ начальной школѣ—25.000 руб.; на устройство дѣтскихъ лечебныхъ и лѣтнихъ колоній,

сверхъ постоянной врачебной помощи учащимся въ теченіе года,—на что расходовалось, для вознагражденія труда 28-ми дѣтскихъ врачей, до 30.000 руб. — было отпущено особо 16.000 руб., съ цѣлью леченія хроническихъ больныхъ или слабыхъ здоровьемъ. Въ этомъ же отчетномъ году, на постройку новаго, второго, по числу, училищнаго дома „на-Прудкахъ", съ 19-ю соединенными классами (почти на 1.000 учащихся), особо было ассигновано: 80.000 рублей, изъ общей суммы, предположенной на эту постройку—свыше 220.000 рублей.

Послѣдній отчетный гражданскій 1899-ый годъ, въ дѣятельности столичнаго городского общественнаго управленія на поприщѣ народнаго образованія, ознаменовался новымъ фактомъ, а именно, открытіемъ перваго „Городского четырехкласснаго училища", по „Положенію о народныхъ училищахъ 1872 года". Около 25 лѣтъ тому назадъ, въ половинѣ 70-хъ годовъ, министерство народнаго просвѣщенія передало въ вѣдѣніе города только одни начальныя народныя училища, по „Положенію 1874 года", въ числѣ 14-ти, а „Городскія четырехклассныя училища", въ числѣ 6-ти, предназначаемыя для четырехлѣтняго продолженія обученія дѣтей, окончившихъ трехлѣтній курсъ начальныхъ училищъ, министерство удержало за собою. Съ того времени отношеніе числа „начальныхъ" училищъ къ „городскимъ" измѣнилось весьма существенно, а между тѣмъ послѣднія должны служить продолженіемъ и вмѣстѣ окончаніемъ полнаго народнаго образованія для первыхъ—начальныхъ училищъ: въ то время какъ число „начальныхъ" училищъ, переданныхъ въ вѣдѣніе города, возросло съ 14 до 426,—число „городскихъ" четырехклассныхъ едва удвоилось, т.-е. съ 6-ти поднялось до 12-ти.

Въ прошедшемъ отчетномъ, 1899 году, городская Дума, получивъ разрѣшеніе отъ министерства народнаго просвѣщенія, въ сентябрѣ мѣсяцѣ открыла въ Александро-Невской части города первое „Городское четырехклассное мужское училище", въ память императрицы Екатерины II—на 200 учениковъ изъ окончившихъ съ успѣхомъ трехлѣтнее ученіе въ начальныхъ училищахъ, содержимыхъ городскимъ общественнымъ управленіемъ. Отличіе „городскихъ" училищъ, содержимыхъ городомъ, на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній, отъ такихъ же министерскихъ—нисколько не существенно, такъ какъ программа курса, и въ тѣхъ, и въ другихъ, одна и та же. Потребность же въ такомъ, такъ сказать, высшемъ народномъ училищѣ, была такъ велика, что, по словамъ „Отчета" Коммиссіи по народному образованію, несмотря на то, что новое училище принадлежало одному небольшому району города, а именно, Александро-Невской части, уже

въ теченіе первой половины сентября училище было наполнено почти до самаго комплекта—200 учениковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ, по истеченіи перваго учебнаго года, пока опытнаго, свыше 100 учащихся, какъ указывается въ томъ же „Отчетѣ“, обнаружили весьма удовлетворительные успѣхи, особенно возрастные между ними (13—14-ти лѣтъ), а потому могли быть переведены въ слѣдующій классъ.

Бюджетъ такого высшаго народнаго училища, съ 200 учащихся, можно сказать, равенъ бюджету четырехъ начальныхъ училищъ, вмѣщающихъ въ себѣ также до 200 учащихся,—а именно, 8.200 рублей, отпускаемыхъ городомъ, причемъ городская касса возвращаетъ 2.700 рублей,—сумму, образующуюся изъ собираемой платы за ученіе, 20 рублей въ годъ, съ достаточныхъ учащихся, такъ что училище обойдется городу собственно въ 5.500 рублей.

„Итакъ,—говоритъ, въ заключеніи своего краткаго „Отчета“ за послѣдній 1899—1900 учебный годъ, городская Коммиссія по народному образованію,—успѣхи въ дѣятельности города на поприщѣ народнаго образованія, въ недавнемъ прошедшемъ, повидимому, весьма велики; но, при всемъ томъ, слѣдуетъ помнить, не гордясь прошедшимъ, что они оставляютъ не мало еще мѣста для новыхъ и необходимыхъ успѣховъ въ ближайшемъ будущемъ. Наступающій учебный 1900—1901 годъ стоитъ какъ разъ на рубежѣ двухъ столѣтій, XIX-го и XX-го вѣковъ, и историкъ городского общественнаго управленія нашего времени, въ концѣ первой четверти имѣющаго вскорѣ наступить новаго вѣка, быть можетъ, отнесется и къ намъ такъ же, какъ и мы относимся теперь къ тому, что было за четверть вѣка передъ нами, и скажетъ, что въ концѣ XIX-го вѣка, переживаемаго нынѣ нами, дѣло народнаго образованія, положеніемъ котораго мы сами, повидимому, довольны, находилось не совсѣмъ въ нормальномъ положеніи, такъ какъ городское общественное управленіе имѣло, въ концѣ XIX-го вѣка, всего только *одно* „городское четырехклассное мужское училище“ болѣе чѣмъ на *двѣсти* начальныхъ одноклассныхъ мужскихъ училищъ, и въ первомъ обучалось какихъ-нибудь *двѣсти* учениковъ, при *10.000* мальчиковъ въ послѣднихъ. Четверть вѣка тому назадъ—быть можетъ, скажутъ еще о нашемъ времени—городъ С.-Петербургъ имѣлъ тогда всего *одинъ* училищный домъ, съ 12-ю соединенными классами, а другой—только-что отстраивался. Наше время —такъ кончаетъ „Отчетъ“ Коммиссіи по народному образованію,—въ нѣкоторое оправданіе себѣ, можетъ сослаться только на аксіому, часто повторявшуюся въ старинныхъ школьныхъ прописяхъ: „Всякое начало трудно“,—и пожелать первой четверти приближающагося новаго вѣка съ успѣхомъ довести начатое въ наше время дѣло—если не до самаго конца, то хотя бы до начала конца“!...

Не всѣ, однако, педагоги присоединяются къ такому пожеланію городской Коммиссіи по народному образованію—довести начатое дѣло замѣны одиночныхъ начальныхъ училищъ съ 50-ю учащимися—училищами многоклассными, гдѣ въ одномъ помѣщеніи соединено нѣсколько классовъ, но, какъ мы видѣли, съ тѣмъ, чтобы каждый классъ, по прежнему, состоялъ также изъ 50-ти учащихся, имѣющихъ своего постояннаго учащаго, съ которымъ дѣти остаются неразлучно въ теченіе всего трехлѣтняго обученія. Но эти же самые педагоги, оставаясь послѣдовательными, должны возставать также и противъ постройки городомъ собственныхъ домовъ, гдѣ могли бы быть соединены не только три или шесть классовъ (что̀ еще возможно бываетъ —въ частныхъ домахъ), но и гораздо болѣе: одинъ такой училищный домъ существуетъ уже три года на Васильевскомъ-Острову, съ 12-ю соединенными классами, а открытіе другого, на-Прудкахъ, съ 20-ю соединенными классами, ожидается къ началу осени текущаго года.

„Въ настоящее время,—говоритъ одинъ такой педагогъ,—возникъ споръ (?): лучше ли обширныя школы на большое число дѣтей, дающія возможность обучать каждое отдѣленіе начальной школы особо, дать хорошія помѣщенія и обходящіяся все-таки дешевле;—или лучше маленькія школы, съ однимъ, двумя (?) учащими, принужденными, поэтому, обучать два или три отдѣленія одновременно? Противъ *денежной* (курсивъ подлинника) выгодности большихъ школъ не возражаю. Несомнѣнно, постройка 12-ти домовъ на маленькія школы обошлась бы много дороже одного большого дома, и содержаніе 12 школъ въ одномъ домѣ обходится дешевле. Но для педагога (?) видна и другая сторона дѣла, наиболѣе важнаго во всякой школѣ, особенно же въ начальной, именно воспитательная. Воспитательное вліяніе въ маленькихъ школахъ, по моему мнѣнію, уже неоднократно высказанному, всегда сильнѣе, чѣмъ въ большихъ, при тѣхъ же учащихъ; точно такъ же и учебная часть, если учащіеся малолѣтніе. Для жизни государства достиженіе воспитательно-образовательной цѣли всего важнѣе“ [1]).

Всѣ эти разсужденія можно было бы оставить безъ вниманія уже по одному тому, что они являются нѣсколько запоздалыми: одно изъ самыхъ крупныхъ помѣщеній въ спеціально отстроенномъ самимъ городомъ домѣ на 12 классовъ, съ 600 учащимися и 12-ю учащими,

---

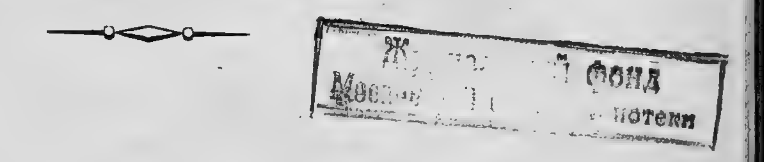
[1]) Такъ высказывается все это въ статьѣ, подписанной г. В. Латышевымъ и озаглавленной: „О числѣ училищъ Спб. Дирекціи и состояніи ихъ въ 1898 г.“. Судя по заглавію, статья носитъ полу-оффиціальный характеръ, такъ какъ авторъ ея есть вмѣстѣ и директоръ народныхъ училищъ спб. губерніи. Статья появилась въ № 8—9 журнала „Русскій Начальный Учитель“, 1899 г., издаваемаго В. Латышевымъ.

въ нынѣшнемъ году закончило свой первый полный курсъ трехлѣтняго обученія и дало результаты болѣе, чѣмъ удовлетворительные,—это первое Василеостровское училище, какъ видно изъ „Отчета“ городской Коммиссіи по народному образованію, выпустило, изъ 600 общаго числа учащихся, до 200, по прохожденіи ими, въ стѣнахъ именно этого училища, трехлѣтняго обученія. Но авторъ той статьи—оффиціальное лицо, а журналъ, издаваемый имъ же самимъ, какъ сообщается на обложкѣ, „одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ начальныхъ и городскихъ училищъ, а также учительскихъ семинарій и институтовъ“. Вотъ почему мы считаемъ не совсѣмъ излишнимъ остановиться на статьѣ г. Латышева, автора упомянутой статьи, такъ какъ она можетъ кого-нибудь ввести въ заблужденіе. Прежде всего, въ этой статьѣ обращаетъ на себя вниманіе увѣренность автора, будто бы и училища съ соединенными классами, и постройка для такихъ училищъ обширныхъ собственныхъ помѣщеній, есть, какъ онъ выражается, результатъ „взглядовъ на постановку училищнаго дѣла коммиссіи по народному образованію“. Дѣйствительно, изъ этой статьи не видно, чтобы авторъ былъ, хотя по слухамъ, знакомъ съ постановкою училищнаго дѣла въ классической странѣ народнаго образованія, какою является Германія, гдѣ всѣ народныя школы соединяютъ въ себѣ многочисленные классы, расположенные въ одномъ обширномъ помѣщеніи; въ большихъ городахъ, какъ въ Берлинѣ, такія соединенія доходятъ до 1.500 и болѣе учащихся. Г. Латышевъ, какъ мы видѣли, не возражаетъ противъ „денежной“ выгодности большихъ школъ, хотя и ею не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ въ школьномъ дѣлѣ „денежная“ выгодность преслѣдуется не въ видахъ экономіи, т.-е. уменьшенія расходовъ на школы, а совершенно съ другою цѣлью—чтобы на тѣ же суммы сдѣлать дѣла и больше, и лучше; „но,—прибавляетъ г. Латышевъ,—для педагога видна и другая сторона дѣла, наиболѣе важная во всякой школѣ, особенно же въ начальной, именно *воспитательная*“... Оказывается, что педагогамъ Германіи не видна эта другая сторона школьнаго дѣла, и въ народныхъ училищахъ Германіи совсѣмъ не преслѣдуютъ воспитательныхъ цѣлей. А между тѣмъ, нѣмецкіе педагоги всѣми признаются именно воспитателями по преимуществу—и мы ничего не потеряемъ, если когда-нибудь и у насъ народная школа станетъ на ту же высоту, на какой она стоитъ въ Германіи.

Въ доказательство преимущества „маленькихъ школъ“, т.-е. школъ стараго типа, гдѣ каждая школа помѣщается въ отдѣльной частной квартирѣ (построить же отдѣльный домъ для каждой школы въ 50 учащихся—нѣтъ никакой возможности: это понимаетъ и самъ г. Латы-

шевъ),—предъ „большими“, т.-е. съ многими соединенными классами въ одномъ помѣщеніи, гдѣ, однако, каждый классъ имѣетъ своего учащаго и существуетъ совершенно независимо отъ другихъ классовъ, — г. Латышевъ приводитъ самого себя, т.-е. свои личныя наблюденія—и гласъ народа! „Чтобы еще разъ провѣрить свои мнѣнія на практикѣ,—говоритъ авторъ,—въ прошломъ учебномъ году я сдѣлалъ рядъ сравненій положенія школъ многоклассныхъ, которыхъ теперь въ Петербургѣ 21 съ 76 классами, съ состояніемъ школъ прежняго строя, имѣющихъ 2 или 3 отдѣленія, при одномъ преподавателѣ. Я знакомился съ какой-либо школой одного типа и потомъ на другой же день, или по крайней мѣрѣ на той же недѣлѣ—съ школой другого типа, посѣщая тѣ же отдѣленія. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ одного, оказалось, что дѣти въ многоклассныхъ успѣли пройти или меньше, чѣмъ въ одноклассной, или почти столько же, только въ одномъ случаѣ прочли больше“... Училища не названы, а потому читатель приглашается вѣрить какимъ-то безмѣстнымъ и безъименнымъ указаніямъ автора—однимъ словомъ, вѣрить ему на слово. „Одинъ разъ,—разсказываетъ авторъ далѣе,—я былъ въ школѣ съ *тремя* отдѣленіями (т.-е., въ школѣ стараго типа, гдѣ всѣ три возраста: младшій, средній и старшій, обучаются вмѣстѣ у одного учащаго), и на другой день въ школѣ съ *двѣнадцатью* классами (т.-е. новаго типа, гдѣ каждый классъ состоитъ изъ дѣтей одного возраста, и слѣдов. имѣетъ всего одно отдѣленіе, младшее, среднее, или старшее), въ которой оказалась та же самая книжка для чтенія, но дѣти прошли въ ней (въ школѣ новаго типа) на двѣ (!) статьи меньше, чѣмъ въ соотвѣтствующемъ возрастѣ въ школѣ съ тремя отдѣленіями у одной учительницы. Для человѣка незнакомаго съ начальными школами это кажется страннымъ: обыкновенно думаютъ, что гораздо удобнѣе заниматься съ однимъ отдѣленіемъ, въ которомъ всѣ дѣти проходятъ одинъ и тотъ же курсъ, нежели съ двумя или тремя отдѣленіями, въ которыхъ учащіеся различаются по своимъ познаніямъ и не могутъ заниматься однимъ и тѣмъ же“... Но для человѣка, даже и вовсе незнакомаго съ начальными школами, гораздо болѣе странно, что автору оказалось возможнымъ изъ такого узкаго факта, совершенно случайнаго (на двѣ статьи прочтено меньше!), сдѣлать такой широкій выводъ о преимуществахъ того или другого типа начальныхъ школъ. Вотъ какимъ образомъ г. Латышевъ провѣрилъ свои мнѣнія „на практикѣ“!!.. Желая придать особенную силу своимъ мнѣніямъ, онъ привелъ еще мнѣніе народа, добытое имъ никому неизвѣстнымъ способомъ, о начальныхъ школахъ новаго типа, съ соединенными классами: „Замѣтно (?!), что населеніе къ многокласснымъ училищамъ особеннаго сочувствія не проявляетъ“... Надобно, однако,

думать, что населеніе не такъ глупо, чтобы не понимать, по крайней мѣрѣ, того, что въ многоклассныхъ училищахъ его дѣти помѣщаются въ весьма выгодной для ихъ здоровья обстановкѣ, особенно въ школьныхъ домахъ, отстроенныхъ самимъ городомъ; въ то время, когда, напримѣръ, въ одноклассныхъ училищахъ школьный врачъ можетъ посѣщать школу не болѣе одного раза въ недѣлю,—въ такомъ училищѣ, какъ Василеостровское, врачъ посѣщаетъ школу ежедневно; тамъ имѣется и зубной врачъ; есть преимущества и въ самой программѣ обученія: въ многоклассныхъ училищахъ введено преподаваніе рисованія и черченія, приглашается особый учитель для пѣнія, и т. д. Вотъ на что уходитъ „экономія", получаемая отъ многоклассныхъ училищъ: она остается въ школѣ, какъ новое средство для улучшенія ея внѣшней обстановки и внутренняго быта, а не возвращается въ городскую кассу, какъ то̀, съ нѣкотораго укоризною, заявляетъ г. Латышевъ, не представляя къ тому никакихъ основаній. Можно подумать, что авторъ, вѣроятно, еще не успѣлъ близко познакомиться съ начальными школами новаго типа, и если знакомъ съ ними, то весьма поверхностно и второпяхъ. Такъ, онъ замѣчаетъ, въ концѣ статьи, что „классныя помѣщенія въ новомъ городскомъ домѣ въ Спб. на 12 классовъ производятъ очень хорошее впечатлѣніе, но во время перемѣнъ мѣста для дѣтей не хватаетъ, они не могутъ свободно бѣгать и играть, а могутъ только *ходить* по широкому корридору вдоль стѣнъ: въ серединѣ ходятъ учащіе для поддержанія порядка. Гдѣ же тутъ отдыхъ, и развѣ возможно установить личныя отношенія съ учащимися?"—Этотъ, пока единственный школьный домъ очень хорошо знакомъ многимъ, а потому многіе увидятъ, что г. Латышевъ даже не далъ себѣ труда подняться въ верхній этажъ, гдѣ помѣщается огромное рекреаціонное зало, а потому и остался при убѣжденіи, что въ этомъ училищѣ дѣти для отдыха не имѣютъ ничего кромѣ широкихъ корридоровъ. Авторъ, какъ мы видѣли выше, одинъ разъ уже „провѣрялъ свои мнѣнія на практикѣ",—ему необходимо провѣрить ихъ вновь...

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Комитета Литературнаго Фонда.

1. При Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ учреждается капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго, въ каковой капиталъ зачисляются какъ уже поступившія, такъ и имѣющія поступить суммы, предназначенныя для той же цѣли.

2. Означенныя въ предыдущемъ параграфѣ суммы обращаются въ процентныя бумаги и хранятся Комитетомъ Общества до той поры, пока капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго не достигнетъ суммы въ 5 тысячъ руб. Затѣмъ 5 тысячъ рублей передаются тому учрежденію, которое, по соглашенію съ Н. Н. Златовратскимъ, будетъ избрано для руководства устройствомъ или для завѣдыванія народной библіотекой-читальней имени Н. Н. Златовратскаго на его родинѣ. Затѣмъ дальнѣйшія поступленія въ капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго также обращаются въ процентныя бумаги и хранятся Комитетомъ Общества до той поры, пока капиталъ этотъ не достигнетъ суммы въ 20 тысячъ рублей. Послѣ сего 20 тысячъ рублей передаются тому учрежденію, которое, по соглашенію съ Н. Н. Златовратскимъ или его наслѣдниками, будетъ избрано для руководства устройствомъ тамъ же (на родинѣ Н. Н. Златовратскаго) народной школы имени Н. Н. Златовратскаго. Дальнѣйшія поступленія въ капиталъ Н. Н. Златовратскаго остаются собственностью Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ и составляютъ неприкосновенный капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго.

Примѣчаніе. Если же земское, городское или какое-либо иное общественное учрежденіе или частное лицо пожелаютъ взять на себя устройство и постоянное содержаніе народной библіотеки-читальни или школы имени Н. Н. Златовратскаго на его родинѣ, то такому учрежденію или лицу можетъ быть передана наличность этого капитала, при условіи согласія на это Н. Н. Златовратскаго или его наслѣдниковъ даже и въ томъ случаѣ, если къ тому времени капиталъ не доростетъ еще до вышеозначенныхъ размѣровъ.

3. Изъ процентовъ на капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго выдаются пособія наиболѣе нуждающимся авторамъ беллетристическихъ произведеній изъ народнаго быта.

Къ 1-му іюня 1900 г. капиталъ имени Н. Н. Златовратскаго достигъ 791 р. 85 к.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА

Іюль. — Августъ. 1900.

Книга седьмая. — Іюль.

Книга восьмая. — Августъ.

46

